

АБРАХАМ
МЕРРИТ

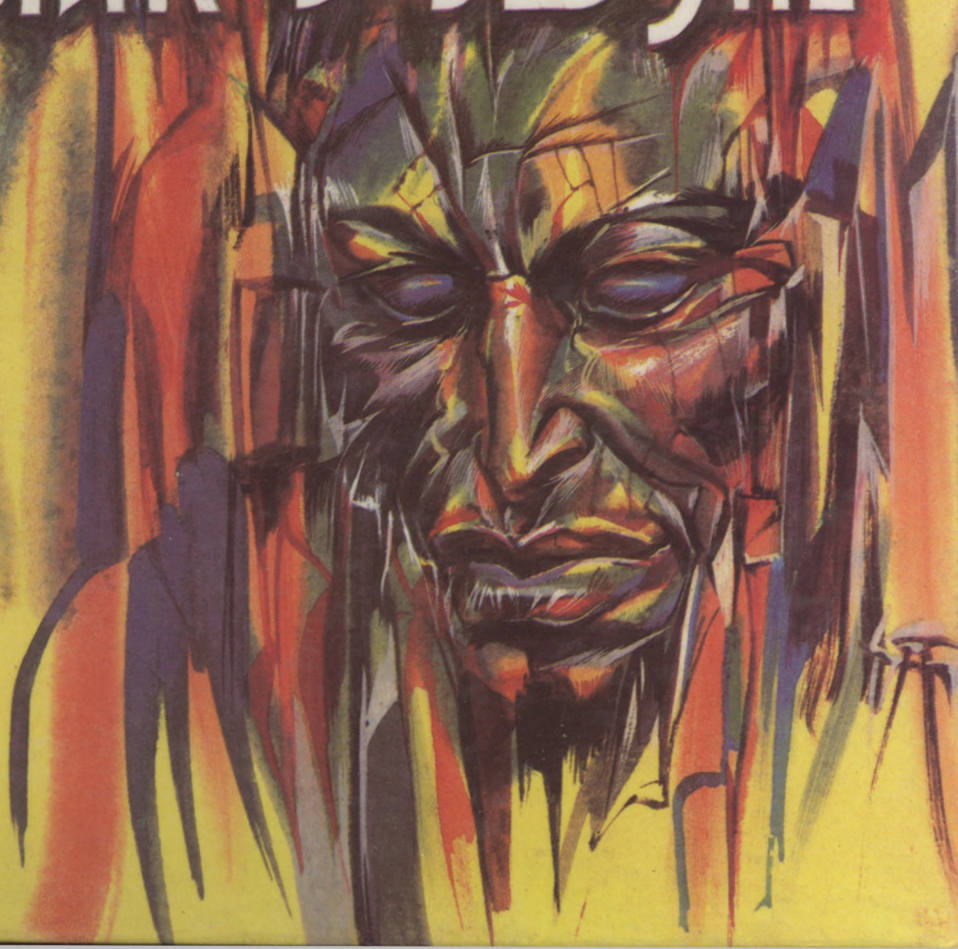
фантастические романы

АБРАХАМ МЕРРИТ ЛИК В БЕЗДНЕ

12

ЛИК В БЕЗДНЕ

АБРАХАМ МЕРРИТ

ЛИК В БЕЗДНЕ

фантастические романы

С.-Петербург ЦЕНТРОПОЛИГРАФ Москва

1993

ББК 84.7 (США)

М52

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 12

Художник *А.В. Вальдман*

Меррит Абрахам

М52 Лик в бездне: Фантастические романы. - Пер. с англ.- "Осирис". Вып. 12 - М.: Центрполиграф, 1993. - 480 с.

Чуть-чуть старомодные, но, Боже мой, какие же увлекательные романы замечательного писателя, одного из основоположников современной фантастики. Колдовство и затерянные расы, маниакальные убийцы и наездники на динозаврах, волшебное оружие и таинственные сокровища, и, конечно же, любовь — такая, какой нынче, пожалуй, и не бывает!

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0017-7

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
"Центрполиграф", 1993

ЛИК В БЕЗДНЕ

РОМАН

Г л а в а 1

СУАРРА

Николас Грейдон встретился со Старретом в Кито. Возможно, Старрет специально искал его. Грейдону часто приходилось слышать об этом крупном авантюристе с Восточного побережья, но их пути никогда не пересекались. Испытывая сильное любопытство, Грейдон открыл дверь своему посетителю.

Старрет немедленно перешел к делу. Слышал ли Грейдон легенду о караване с сокровищами, отправленном инками в лагерь Ниссаро в качестве выкупа за их вождя Атагуальпу? И что те, кто вели его, узнав об убийстве их монарха палачами великого конкистадора, изменили курс и спрятали сокровища где-то в ущельях Анд?

Грейдон слышал об этом сотни раз. И даже когда-то обдумывал возможность поиска этих сокровищ. Он так и сказал. Старрет кивнул:

— Я знаю, где они находятся, — проговорил он.

Грейдон расхохотался.

В конце концов Старрет убедил его. По крайней мере убедил его в том, что он, Старрет, обнаружил нечто ценное.

Пожалуй, Грейдону понравился этот высокий мужчина. В его глазах и очертаниях рта явно прослеживался намек на жестокость. С ним еще двое, сказал Старрет, оба его старые компаньоны. Грейдон спросил, почему они обратились именно к нему. Старрет прямо сказал: потому что они знают, что он в состоянии оплатить расходы на экспедицию.

Сокровища разделят поровну. Если они даже не найдут сокровищ, то Грейдон — первоклассный горный инженер, а район, куда они направляются, богат полезными ископаемыми. Он почти уверен, что им удастся открыть что-то ценное, на чем они смогут разбогатеть.

Грейдон размышлял. Он одинок. Как раз недавно он отметил свой тридцатый четвертый день рождения, и с тех пор как он окончил Гарвардскую школу горного дела (одиннадцать лет назад), у него ни разу не было настоящего отпуска. Он с легкостью мог позволить себе оплатить их расходы. Путешествие обещало развлечения, даже если не будет ничего иного.

После того как он познакомился с товарищами Старрета — Соумсом, долговязым, мрачным, крепко сколоченным янки, и

Данкре, циничным, до смешного крохотным французом, — было составлено соглашение, и Грейдон подписал его.

На поезде они добрались до Серраде-Паско, где приобрели необходимое им снаряжение. Этот город был расположен ближе всего к пункту, откуда должно было начаться их путешествие в джунгли.

Неделей позже во главе каравана осликов и шести аррайрос (носильщиков) они оказались среди лабиринтов скал, через которые, как показывала карта Старрета, лежал их путь.

Это была карта, вид которой убедил Грейдона. Она была нарисована не на пергаменте, а на тонкой и очень гибкой золотой пластине. Старрет вынул ее из маленькой золотой трубки. Трубка искусной работы имела древний вид. Старрет развернул пластину. Грейдон осмотрел ее и не смог разглядеть карты. Старрет повернул пластину под нужным углом — и сделанные на ней отметки стали ясно видимыми.

Это было прекрасное произведение картографического искусства. На самом деле это была не столько карта, сколько картина. Там и здесь виднелись символы, о которых Старрет сказал, что они показывают путь среди скал.

Был ли это ключ к тайне выкупа за Атагуальпу или нечто иное, Грейдон не знал, Старрет утверждал, что это так. Но Грейдон не верил рассказу о том, как золотая пластина попала в его руки. Однако, как бы то ни было, у изготовителей карты была какая-то цель. Странная цель, учитывавая искусство, с которым были скрыты пометки. В конце пути находилось что-то интригующее.

Они обнаружили вырезанные на скалах символы — точно такие же, как на золотой пластине. Веселые, воодушевленные предвкушением удачи, Старрет, Соумс, Данкре заранее высчитывали свою долю добычи. Они шли вслед за символами, шли в не обозначенную на карте область джунглей.

Наконец аррайрос начали ворчать. Собравшись, они заявили, что это место проклято, что это Кордильера-де-Карабайя, где обитает одна нечистая сила. Обещание денег, угрозы, просьбы заставили их продвинуться еще немного. Одним прекрасным утром, проснувшись, они обнаружили, что аррайрос исчезли, а с ними — половина ослов и большая часть продовольствия.

Они продолжили путь. А затем знаки пропали. Либо они потеряли тропу, либо карта, которая так долго правильно вела их, в конце концов начала лгать.

Местность, в которую они углубились, была странно безлюдной. Более чем две недели назад они остановились в деревне киче, и с тех пор им не встречалось никаких признаков индей-

цев. В той деревне Старрет напился до умопомрачения спирта, перегнанного по методу киче, да еще солидный запас захватил с собой. В этой местности трудно было отыскать пищу, так как здесь было мало зверей и еще меньше птиц.

Хуже всего оказались изменения, происшедшие со спутниками Грейдона. Насколько они были воодушевлены при уверенности в успехе, настолько глубоко ими теперь овладело уныние. Старрет поддерживал себя в состоянии постоянного опьянения и был попеременно то скандальным и шумным, то погруженным в злобные и угрюмые размышления.

Данкре сделался молчаливым и раздражительным. А Соумс, казалось, пришел к заключению, что Старрет, Грейдон и Данкре объединились против него, что они либо намеренно потеряли тропу, либо уничтожили знаки. Лишь иногда эта парочка присоединялась к Старрету, чтобы вместе распить напиток киче, и тогда они расслаблялись. В такие минуты Грейдон с беспокойством ощущал, что в неудаче они обвиняют его и что его жизнь висит на волоске.

В этот день и началось по-настоящему великое приключение Грейдона. Он возвращался в лагерь с охоты, а Данкре и Соумс ушли вместе в очередной отчаянной попытке обнаружить утерянные символы.

Как подтверждение всем его опасениям до него донесся обрывающийся на полуноте женский крик. Крик был как материализация той опасности, которую он ощущал с неясным страхом, с тех пор как несколько часов назад оставил Старрета одного в лагере. Он сознавал, что близится кульминация преследующих их неудач, и вот это произошло! Он кинулся к роще серо-зеленой альгоррабы, где находилась их палатка.

Ломая густой подлесок, он выбрался на чистое место.

“Почему девушка не кричит снова?” — подумал он. До него донеслось хрюханье жирного сатира.

Полусогнувшись, Старрет коленом удерживал распростертую девушку. Толстая рука крепко сжимала ее шею, пальцы жестоко зажимали ей рот, заглушая крики. Правой рукой он держал ее за запястья. Ее колени были зажаты, как в тиски, его согнутой правой ногой.

Грейдон схватил его за волосы, а предплечье другой руки замкнул у него на шее.

— Оставь ее! — приказал он.

Наполовину парализованный, Старрет обмяк. Его начало корчить от боли.

— Какого дьявола ты вмешиваешься? — прохрипел он.

Рука сатира стремительно скользнула за пистолетом. Грейдон мгновенно ударил его кулаком по челюсти. Старрет

повалился на бок. Наполовину вынудое оружие упало на землю.

Девушка вскочила, отпрыгнула в сторону и скрылась.

Грейдон не следил за ней. Несомненно, она исчезла, чтобы привести своих соплеменников. Какой-то род древних аймара, которых даже древние инки никогда не могли покорить полностью. И они отомстят за нее тем способом, который Грейдону не хотелось даже представить.

Он наклонился над Старретом. Оглушенный ударом и пьяный, тот, вероятно, еще какое-то время будет без сознания. Грейдон поднял пистолет. Ему хотелось надеяться, что Данкре и Соумс вскоре вернутся в лагерь. В любом случае втроем они смогут выдержать хорошую схватку... Может, даже будет шанс удрать... но для этого нужно, чтобы они скорее вернулись обратно... Скоро вернется, ведя мстителей, девушка. Вероятно, как раз сейчас она рассказывает им о своих врагах... Грейдон обернулся.

Она стояла, наблюдая за ним. Опьяненный ее красотой, Грейдон забыл о человеке, лежавшем у его ног. Он забыл обо всем.

Ее кожа, белее слоновой кости, слабо светилась сквозь ткань янтарного цвета, окутывающую девушку. Глаза ее были овальные, чуть сощуренные, египетские, а в зрачках плавала глубокая полночь. Нос был прямой и маленький. Волосы струились туманным облаком. Лоб схватывал золотой обруч, на котором рельефно выделялся узор — переплетенные соболю и перо караквенны, птицы, оперение которой могли носить только принцессы инков.

Над ее локтями были золотые браслеты, доходившие почти до узких плеч. Ее маленькие ноги были обуты в высокие замшевые сапоги. Она была гибкая и стройная, как ива.

Она не была индианкой, не была дочерью инков, не была испанкой... Она не принадлежала ни к одной известной Грейдону расе.

На ее щеках виднелись синяки — следы пальцев Старрета. Она прикоснулась к ним своими тонкими руками, потом заговорила на языке аймара:

— Он мертв?

— Нет, — ответил Грейдон.

В глубине ее глаз зажглось маленькое жаркое пламя. Грейдон мог бы поклясться, что это была радость.

— Это хорошо. Я не хотела бы, чтобы он умер. — В ее голосе появилось раздумье. — Во всяком случае, не таким образом.

Старрет застонал. Девушка коснулась синяков на своей щеке.

— Он очень сильный, — прошептала она.

Грейдону показалось, что в этом шепоте слышалось восхищение. Ему захотелось понять, не является ли ее красота только маской, под которой скрывается первобытная женщина, поклоняющаяся грубой силе.

— Кто ты? — спросил он.

Она смотрела на него очень долго.

— Я — Суарра, — ответила она.

— Но откуда ты взялась? Кто ты? — спросил он снова. Но она не захотела отвечать.

— Он твой враг?

— Нет, — сказал он. — Мы путешествуем вместе.

— Тогда почему... — Она показала на распростертое тело. — Почему ты это с ним сделал? Почему ты не позволил ему поступить со мной так, как он хотел?

К лицу Грейдона прилила краска. Этот вопрос, со всем тем, что под ним подразумевалось, сразил его.

— Как ты думаешь, кто я? — горячо спросил он. — Во всяком случае, не тот, кто позволяет делать такие вещи, какие хотел он.

Она с любопытством посмотрела на него. Ее лицо потеряло напряженное выражение. Снова коснувшись синяков на своей щеке, она сделала шаг к нему.

— Тебя не удивляет, — спросила она, — что я не зову мой народ, чтобы воздать ему то, что он заслужил?

— Удивляет. — Недоумение Грейдона было искренним. — Я действительно удивлен. Почему ты не позвала их, если они достаточно близко, чтобы услышать тебя?

— И что бы ты сделал, если бы они пришли?

— Я бы не дал им захватить его живым, — ответил он. — И себя тоже.

— Может быть... — медленно ответила она, — может быть, именно поэтому я и не позвала их.

Суарра внезапно улыбнулась ему. Он быстро шагнул к ней. Предостерегающим жестом она выбросила вперед руку.

— Я — Суарра, — повторила она. — И я — Смерть.

Озноб охватил Грейдона. Он снова осознал, насколько чужда ее красота. Может быть, есть правда в этих легендах, ходящих по Кордильерам? Они ни разу не усомнились, что за ужасом, охватившим индейцев, за побегом аррайрос крылось что-то реальное. Не была ли она одним из духов, одним из демонов? Но к нему вернулся рассудок. Эта девушка — демон? Он рассмелся.

— Не смейся, — сказала она. — Говоря о Смерти, я имею в виду другое, чем то, что знаете вы, живущие вне пределов нашей тайной страны. Твое тело может продолжать жить — и все же

это Смерть. Более чем Смерть, поскольку оно изменится. Странно изменится! И тот, кто займет твоё тело, кто будет говорить вместо тебя, — это уже не ты... Мне бы не хотелось, чтобы тебя настигла такая Смерть.

Как ни странны были эти слова, Грейдон едва ли их слышал. И, пораженный её красотой, он наверняка просто не понял их значения.

— Не знаю, как вам удалось пройти мимо Посланников. Не могу понять, как вы смогли незамеченными миновать их. И не могу понять, как вы смогли так далеко продвинуться в глубь запретной страны. Объясни мне, почему вы вообще пришли сюда?

— Мы пришли издалека, — сказал он ей, — в поисках великой сокровищницы золота и драгоценных камней. Сокровищницы инки Атагуальпы. Существовали особые приметы, по которым мы шли. Но мы потеряли их. И выяснилось, что мы заблудились.

— Я ничего не знаю об Атагуальпе или инках, — сказала девушка. — Кто бы они ни были, они не смогли бы прийти сюда. И их сокровище — неважно, как оно велико, — ничего не значит для нас — нас, жителей Ю-Атланчи, где сокровищ — как камней на дне потока. Твое сокровище — песчинка по сравнению... — Она сделала паузу, потом продолжала с недоумением: — Но вот почему вас не заметили Посланники, этого я не могу понять... Это должна знать Мать... Нужно как можно быстрее пойти к Матери...

— Мать? — спросил Грейдон.

— Мать Змей!

Её пристальный взгляд обратился на него. Она коснулась браслета на своём правом запястье. Подошедший поближе Грейдон увидел, что на браслете имеется диск, на котором рельефно вырезана змея с женской головой и женскими руками и грудью. Она лежала, свернувшись, на том, что казалось большим шаром, покоящимся на высоко поднятых лапах четырех зверей.

Грейдон не сразу понял, что представляют собой эти создания, настолько его внимание было поглощено свернувшейся кольцами фигурой. Он всмотрелся внимательнее. И осознал, что поднятая над кольцами голова на самом деле не была головой женщины. Нет, это была голова рептилии.

Она была змееподобной, змеиной — и все же художник сделал её настолько похожей на женскую, так велико было впечатление женственности, сквозившей в каждой её линии, что в ней все время виднелась женщина, заставляя забывать все то, что было в ней от змеи.

Глаза были сделаны из ярко блестящих камней фиолетового цвета. Грейдон ощутил, что эти глаза — живые. Что далеко, очень далеко отсюда кто-то живой рассматривает его сквозь эти глаза, что на самом деле они есть продолжение кого-то... кого-то, кто смотрит на него.

Девушка прикоснулась к одному из зверей, держащих над собой шар.

— Это — Ксинли, — сказала она.

Изумление Грейдона возросло. Он знал, что это за звери. Но зная это, он также знал, что видит перед собой невозможное.

Это были динозавры. Чудовища, которые владычествовали на Земле миллионы и миллионы лет назад, и если бы они не вымерли (так его учили), человек никогда бы не смел появиться.

Кто в этих адских джунглях мог знать или от кого мог узнать о динозаврах? Кто смог вырезать этих чудовищ с таким множеством живых деталей?

Ведь только недавно наука узнала, что на самом деле представляют их огромные кости, погребенные в земле так давно, что вокруг них сформировались несокрушимые скалы. И с трудом, используя каждую вновь появившуюся возможность, с трудом и не сразу наука составила эти кости вместе, как недоумевающий ребенок решает головоломку. И так продолжалось до тех пор, пока наука не поверила, что воссозданное — давно исчезнувшие химеры ужасающей юности Земли.

И тем не менее здесь, вдалеке от всякой науки (безусловно!), кто-то изображает этих чудовищ на женском браслете. Ведь это уже означает, что тот, кто это сделал (кто бы он ни был), прежде наблюдал их в жизни. Или, если это не так, в его распоряжении были записи об этих чудовищах, записи, созданные древними, видевшими их.

И та и другая возможность были в равной степени невероятными.

Что это за народ, к которому принадлежит эта девушка? Было упомянуто одно название — Ю-Атланчи.

— Суарра, — спросил он, — где находится Ю-Атланчи? Это здесь?

— Здесь? — Она рассмеялась. — Нет! Ю-Атланчи — это древняя страна. Тайная страна, где некогда правили шесть Властелинов и Властелин над Властелинами. И где теперь правит только Мать Змей... и другие... Здесь Ю-Атланчи? — Она рассмеялась снова. — Уже давно я ищу... — Она заколебалась, со странным выражением посмотрела на него. — Получилось так, что тот, кто лежит там, схватил меня. Он причинил мне боль. Я ускользнула от моих провожатых, поскольку мне иногда нравится охотиться в одиночку. Я вышла оттуда,

из-за деревьев, и увидела ваше тетуало, ваше жилище. И столкнулась лицом к лицу с ним. Я была удивлена так, что даже не подумала ударить его одним из них, — они указала на расположенный в нескольких шагах от них низкий холмик. — И прежде чем я смогла побороть свое изумление, он схватил меня. А затем появился ты.

Грейдон посмотрел, куда указывала девушка. На земле лежали три тонких сверкающих копья. Узкие древки копий были золотыми. Стреловидные наконечники двух копий были сделаны из великолепного опала. Третий наконечник представлял собой необычайной красоты изумруд, полупрозрачный камень без единого изъяна, шести дюймов в длину и трех в расширении, с острым концом и режущим краем.

Он лежал на земле — бесценный, сделанный из драгоценного камня наконечник золотого копья, и ужас мгновенно охватил Грейдона. Он забыл о Соумсе и Данкре. Если они вернутся, пока она еще здесь... Девушка — с ее украшениями из золота, ее копьями с наконечниками из драгоценных камней... и с ее красотой!

— Суарра, — сказал он, — ты должна уйти. Быстро уйти! Этот человек и я — это еще не все. Есть еще двое, и уже сейчас, может быть, они близко. Бери свои копья и быстро уходи. Иначе я не смогу защитить тебя.

— Полагаю, что я...

— Говорю тебе — уходи! — прервал он ее. — Кто бы и что бы ты ни была, уходи немедленно и держись подальше от этого места. Завтра я попытаюсь увести их отсюда. Если у тебя есть соплеменники, готовые сражаться за тебя, — что ж, пусть они придут и сражаются, если ты того пожелаешь. Но теперь — бери свои копья и уходи.

Она подошла к холмику, подобрала копья. Одно из них она протянула ему — то, которое было увенчано изумрудом.

— Это, — сказала она, — чтобы ты помнил Суарру.

— Нет. — Он отстранил копье. — Уходи!

Если остальные увидят этот драгоценный камень, если они смогут обнаружить его, то никогда уже Грейдон не сможет уговорить их пуститься в обратный путь. Старрет, разумеется, видел камень, но, может быть, Грейдону удастся убедить их, что рассказ Старрета — всего лишь пьяный бред.

Девушка изучала его. В глазах ее вспыхнул огонек интереса. Она стянула с рук браслеты и протянула ему их вместе с копьями.

— Что, если ты возьмешь все это и оставишь своих товарищей? — спросила она. — Это и есть сокровище, это то, что вы искали. Возьми, возьми и уходи, оставив этого человека

здесь. Согласись — и я укажу тебе путь из этой Запретной Страны.

Грейдон заколебался. Один изумруд стоил целое состояние. Какая может быть верность этим троиц после всего того, что было? И Старрет сам навлек на себя беду. Но все же — они были его товарищами. Он сознательно ввязался в эту авантюру — вместе с ними. Он увидел себя, крадущегося прочь, с богатой добычей уползающего в безопасность, в то время как их троиц ожидает — что? И ему не понравилась эта картина.

— Нет, — сказал он. — Эти люди принадлежат к моей расе, и они мои товарищи. Что бы нас ни ожидало — я встречу это вместе с ними. И помогу им сражаться с этим.

— Но ведь ты бы мог сразиться с ними ради меня? — сказала она. — И ты на самом деле сражался. Почему же в таком случае ты цепляешься за них, в то время как мог бы спастись и свободно уйти, унося сокровища. И почему, если ты этого не желаешь, ты позволяешь уйти мне, зная, что, если ты оставишь меня вашей пленницей или убьешь меня, я не смогу призвать против вас моих соплеменников?

Грейдон рассмеялся.

— Разумеется, потому, — сказал он, — что я не могу позволить им причинить тебе вред. Я боюсь оставить тебя в плену, потому что не смогу защитить тебя. И удирать я не желаю. Так что хватит разговаривать... уходи! Иди!

Она воткнула светящиеся копыя в землю, снова надела на руки браслеты. Ее белые руки простерлись к нему.

— А тогда, — прошептала она, — тогда, клянусь мудростью Матери, я спасу тебя... если сумею.

Далеко отсюда — как казалось, в небе — раздался звук горна. Ему ответили другие горны, поближе. Звуки были густые, звуки звали. В их ритме было что-то жуткое, сверхъестественное, чужое.

— Идут, — сказала девушка, — мои сопровождающие. Сегодня вечером зажгите костер, ничего не бойтесь, спите. Но не заходите за эти деревья.

— Суарра, — начал он.

— А теперь, — тихо предостерегла она, — тихо, пока я не уйду.

Сочный звук горнов прозвучал ближе. Девушка отскочила от него и стрелой метнулась за деревья. Он услышал, как с гребня горы над лагерем донесся ее голос, перешедший в пронзительный крик. Звук горнов — сверхъестественный, сулящий беду, наполнил пространство. Затем — тишина.

Грейдон застыл. Слушал. Солнце коснулось снегов, покрывающих горные вершины. Он смотрел. Коснулось и покрыло их

потоками расплавленного золота. Аметистовые тени, окутывающие склоны гор, погустели, заколыхались, быстро побежали вперед.

Он все слушал, едва дыша.

В далеком далеке опять прозвучали горны. Слабое эхо тех звуков, что унесли девушку... Слабый-слабый и сказочно прекрасный звук.

Солнце закатилось за вершины. Золото потускнело, превратилось в янтарь, а затем его залил румянец ярко-красной розы. Алмазы снега обернулись жемчугом, поблекли. Скользя сверху вниз по зарослям, на Анды быстро надвигались сумерки.

И лишь теперь Грейдон затрясся, охваченный внезапным, неожиданным страхом. Он осознал, что после того, как отзвучали горны и пронзительный крик девушки, он не услышал больше ни единого звука. Ни шума, производимого человеком либо зверем, ни шороха травы или кустарника, ни бегущих шагов.

Ничего, кроме слитного хора горнов.

Г л а в а 2

НЕВИДИМЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ

Старрет все еще находился в оцепенении, вызванном ударом и алкоголем. Грейдон оттащил его в палатку, сунул под голову рюкзак, а сверху набросил одеяло. Затем он выбрался наружу и развел костер. Раздался топот шагов по траве и кустарнику, и из-за деревьев вышли Соумс и Данкре.

— Обнаружили какие-нибудь приметы? — спросил Грейдон.

— Приметы? Нет, черт возьми! — прорычал уроженец Новой Англии. — Скажите, Грейдон, вы не слышали чего-то, похожего на звук множества труб? К тому же дьявольски странных труб. Кажется, это было где-то рядом.

Грейдон кивнул. Он понимал, что обязан рассказать им о том, что случилось, чтобы они смогли подготовиться к обороне. Но как много им следует рассказать?

Поведать им о красоте Суарры, о ее золотых украшениях и золотых копьях с наконечниками из драгоценных камней? Передать им то, что она сказала о сокровищах Атагуальпы?

Если он это сделает, никакие доводы разума на них уже не подействуют. Они обезумеют от жадности. И все же он обязан сказать им что-то, чтобы они смогли подготовиться к атаке, которая наверняка начнется с рассветом.

А кроме того, они достаточно скоро узнают о девушке от Старрета.

Он услышал, как вскрикнул забравшийся в палатку Данкре. Услышал, как Данкре вылез из палатки. Он встал, глядя прямо в лицо маленькому жилистому французу.

— Что случилось со Старретом, а? — прошипел Данкре. — Сперва я думал, что он пьян. Потом я увидел, что он испарапан как диким котом. Я увидел синяк на его челюсти. Что вы сделали со Старретом, э?

Грейдон принял решение. Он был готов к ответу.

— Данкре, — сказал он, — Соумс! Мы попали в переделку. Я вернулся с охоты менее часа назад и увидел Старрета, борющегося с девушкой. Это скверный способ ухаживания, а здесь — наихудший, и вы оба это знаете. Чтобы вырвать у Старрета девушку, мне пришлось ударить его. Утром, по-видимому, ее соплеменники явятся за нашими головами. Пытаться спастись бегством бесполезно. Мы не знаем этой местности. Мы можем наткнуться на них в любом другом месте. Лучший вариант: подготовиться за ночь к бою — если нам придется драться.

— А девушка, а? — сказал Данкре. — Как она выглядела? Откуда она пришла? Как она убежала?

Грейдон предпочел ответить лишь на последний вопрос:

— Я дал ей уйти, — сказал он.

— Вы дали ей уйти? — закричал Соумс. — Какого дьявола вы сделали это? Почему вы не связали ее? Мы могли бы держать ее как заложницу, Грейдон, чтобы иметь что-то, чтобы торговаться, когда явится ее проклятая банда индейцев.

— Она не индианка, Соумс, — сказал, поколебавшись, Грейдон.

— Вы имеете в виду, что она белая — испанка? — вмешался Данкре. В его голосе слышалось недоверие.

— Нет, и не испанка. Она белая, да, белая, как любой из нас. Я не знаю, кто она.

Данкре и Соумс уставились на него, затем переглянулись.

— Во всем этом есть что-то странное, — проворчал наконец Соумс. — Но что я хочу знать, почему вы позволили ей уйти?

— Потому что я решил, что у нас будут лучшие шансы, если я отпущу ее, чем если бы я этого не сделал. — Грейдон ощутил приступ гнева. — Говорю вам: мы столкнулись с чем-то, о чем никто из нас не имеет понятия. И у нас всего один шанс из ста выбраться невредимыми из этой заварухи. Если бы я задержал ее, у нас не было бы даже этого шанса.

Данкре наклонился и поднял что-то с земли. Что-то, блестящее желтым в свете костра.

— Верно сказать, что есть странное, Соумс, — сказал он. — Посмотреть на это!

Он поднял кверху блестящий предмет. Это был золотой браслет, и когда Соумс взял его, на браслете зеленым блеском засветились изумруды. Несомненно, браслет был сорван с руки Суарры во время ее борьбы со Старретом.

— Что эта девушка дала тебе, чтобы ты позволил ей уйти? — прошипел Данкре. — Что она говорила тебе, а?

Рука Соумса легла на автоматический пистолет.

— Она ничего не дала мне, — ответил Грейдон. — Я ничего не взял.

— Я думаю, ты проклятый лжец, — злобно сказал Данкре. — Ты должен разбудить его. — Он обернулся к Соумсу: — Я думаю, он сказать об этом побольше. Девушка, что носит штуки, как эта... и он отпустить ее! Позволить ей уйти, когда он знает, что, откуда она пришла, их должно быть больше, а, Соумс? Верно сказать, что есть странное, а? Пойдем мы посмотреть, что Старрет рассказать нам.

Грейдон наблюдал, как они забрались в палатку. Вскоре Соумс вышел, направился к ключу, журчащему у подножия деревьев, и вернулся, неся воду.

Что ж, позволим им привести в чувство Старрета. Позволим ему рассказать им все, что пожелает. Грейдон был уверен, что этой ночью они его не убьют. Они верят, что он многое знает.

А вот утром...

Что таит утро для них для всех?

Грейдон был убежден, что уже сейчас они фактически в плену. Предупреждение Суарры не покидать лагерь не вызывало в этом сомнений. Звук волшебных рогов, мгновенное исчезновение Суарры и последовавшая затем тишина убеждали его, что, как она и сказала, экспедиция, заблудившись, оказалась во власти силы столь же таинственной, сколь и страшной.

Тишина? Внезапно он понял, что ночь наполнена тишиной. Ни звука птиц или насекомых, ни движения живности — тишина окружила их лагерь!

Грейдон пошел, пробиваясь сквозь заросли альгобарры, туда, где виднелась редкая группа деревьев. Это были деревья, росшие отдельно друг от друга, разделенные странно правильными промежутками — будто они выросли не случайно, будто их действительно кто-то заботливо насадил.

Грейдон дошел до ближайшего дерева и прикоснулся к стволу. Кора походила на скопище крошечных насекомых. Он всмотрелся. Лежащий перед ним склон был залит лунным светом. Желтые цветы кусков чикла, в изобилии растущих у подножия деревьев, светились слабым серебряным светом. Ни движения, ни слабого признака жизни.

И все же...

Казалось, пространство наполнено наблюдателями. Грейдон ощущал на себе их пристальные взгляды. Он знал, что невидимые ему толпы кольцом окружили лагерь. Он внимательно обследовал каждый куст, каждую тень. И ничего не обнаружил. Уверенность в существовании многочисленных тайных и невидимых наблюдателей крепла. Грейдона охватила волна нервного возбуждения. Кто бы они ни были, он заставит их показаться.

Он дерзко вышел прямо на лунный свет.

И мгновенно тишина усилилась. Казалось, она туго натянулась, она выросла, превратилась в целые октавы тишины. Она сделалась настороженной, ждущей — как если бы изготовилась для прыжка, сделай он еще один шаг вперед.

Холод охватил его, он содрогнулся. Грейдон быстро отступил под тень деревьев. Он стоял там, его сердце бешено колотилось. Тишина утратила свою остроту, опустилась на корточки — следила.

Чего он испугался? Что было в этой туго скрученной тишине, что коснулось его пальцами полуночного ужаса?

Он ощупью отступал назад шаг за шагом, боясь отвернуть лицо от тишины. Сзади горел костер. Страх оставил Грейдона. Как реакция на панику, им овладело хмельное пренебрежение опасностью. Он швырнул в костер ветку и рассмеялся, когда затрещали вспыхнувшие листья. Соумс, снова вышедший за водой из палатки, остановился, заслышав этот смех, и злобно посмотрел на Грейдона.

— Смейся, — сказал он. — Смейся, пока можешь. Возможно, когда встанет Старрет и расскажет нам то, что знает, ты засмеешься иначе.

— Во всяком случае, я обеспечил себе глубокий сон, — веселился Грейдон.

— Бывает покой еще глубже сна, не забывай этого! — донесся из палатки угрожающий голос Данкре.

Грейдон повернулся спиной к палатке и спокойно посмотрел в тишину, от которой он только что спасался бегством. Он сел. Через какое-то время он задремал.

Проснулся он, как от удара. От палатки с безумным видом, рыча, мчался Старрет.

Грейдон вскочил на ноги, но, прежде чем он успел изготовиться к защите, великан был уже рядом. В следующее мгновение Грейдон оказался на земле, придавленный весом Старрета. Коленом великан придавил ему руку так, что захрустела кость, и вцепился в горло.

— Ты дал ей уйти, дал уйти! — ревел он. — Нокаутировал меня, а потом дал ей уйти! Так вот тебе, будь ты проклят!

Грейдон пытался оторвать пальцы Старрета от своего горла. Он задышался. Оглушительный рев стоял в его ушах. Старрет душил его. Мутнеющим взглядом Грейдон увидел, как от костра прыгнули две тени и схватили его руки.

Пальцы разжались. Грейдон, шатаясь, приподнялся. В дюжине шагов от него стоял Старрет. На нем, обхватив руками его колени, маленьким терьером висел Данкре. Рядом стоял Соумс, ствол его автоматического пистолета был прижат к животу Старрета.

— Почему вы не даете мне убить его? — бушевал Старрет. — Разве я не сказал вам, что на девушке было достаточно зеленых стекляшек, чтобы обеспечить нас на всю жизнь? А там, откуда она пришла, их еще больше. И он дал ей уйти!..

Снова потоком полились ругательства.

— А теперь послушай меня, Старрет, — неторопливо сказал Соумс. — Либо ты утихнешь, либо я заставлю тебя сделать это. Мы не собираемся позволять тебе разыгрывать с ним фокусы, обманывая меня и Данкре. Мы не позволим тебе убить его, чтобы все испоганить. Мы придумали кое-что другое. Прекрасно, мы вступаем в игру! Сейчас мы тихо-мирно сядем рядом, и мистер Грейдон расскажет нам, какой навар он получил с этой девушки и все такое прочее. Если он не захочет это сделать миром, значит, мистер Грейдон хочет, чтобы к нему применили кое-что, что заставит его не кочевряжиться. Все! Данкре, отпусти его ноги. Старрет, если ты еще раз попробуешь помешать мне, когда я толкаю речь, я пристрелю тебя. С этой минуты я босс этой команды, а Данкре — мой помощник. Ты понял меня, Старрет?

В голове Грейдона окончательно прояснилось. Рука его осторожно скользнула вниз, к кобуре, но она была пуста. Соумс язвительно усмехнулся.

— Мы взяли твой пистолет, Грейдон, — сказал он. — И твой тоже, Старрет. Хватит пальбы. Все, садитесь!

Он сел на коротких возле огня, все еще держа Старрета под прицелом. Мгновением позже тот, заворчав, последовал его примеру. Рядом с ним опустился Данкре.

— Иди сюда, Грейдон, — сказал Соумс. — Иди сюда и начинай кашлять. Что ты держишь на нас? Ты назначил с ней время встречи, после того как избавишься от нас. Где это? Мы пойдем туда вместе.

— Где ты спрятал те золотые копыя? — закричал Старрет. — Ты бы никогда не позволил ей уйти вместе с ними, это уж точно!

— Заткнись, Старрет! — приказал Соумс. — Это следствие провожу я. Однако... здесь что-то есть. Так, Грейдон? За то, что ты дал ей уйти, ты получил копыя, или она отдала украшения?

— Я уже говорил вам, — ответил Грейдон, — я ничего не просил и ничего не взял. Из-за пьяной глупости Старрета мы все оказались в опасности. Позволить девушке свободно уйти было первое необходимое условие нашей собственной безопасности. Я полагал, что это было лучшее, что можно было сделать. И продолжаю считать так.

— Т-а-а-к? — усмехнулся долговязый выходец из Новой Англии. — Вот как? Ну так вот что я тебе скажу, Грейдон. Будь она индианка, может, я бы и согласился с тобой. Но не в том случае, если она что-то вроде леди, как говорит Старрет. Нет, сэр, это неестественно. Ты чертовски хорошо знаешь — не надо врать, — что тебе нужно было держать ее здесь, пока не вернемся мы с Данкре. А тогда мы могли бы собраться все вместе и обмозговать, что лучше сделать. Держать ли ее, пока не явятся ее соплеменники и не заплатят за то, что мы позволим ей уйти невредимой, или устроить ей третью степень, пока она не расколется, откуда все это золото и все прочее, что было на ней. Вот что тебе было нужно делать, если бы ты не был грязной, лживой, двоедушной собакой.

Грейдона охватил гнев.

— Прекрасно, Соумс, — сказал он, — я скажу вам. То, что я говорил о ее освобождении ради нашей собственной безопасности, — правда. Но кроме того... как бы я не доверил ребенка стае гиен, точно так же я не мог доверить эту девушку вам троим. Черт возьми, я дал ей уйти в гораздо большей степени ради ее безопасности, чем ради нашей! Это вас устраивает?

— Ага! — глумясь, завизжал Данкре. — Теперь понимаю! Здесь эта странная леди с ее так много красота и богатство. Она слишком несчастная и хорошая, чтобы доверять нам. Он говорит ей это и приказывает улепетывать. “Мой герой, — говорит она, — возьми все, что у меня есть, и откажись от эта дурная компания”. — “Нет-нет, — говорит он ей, а сам думает все время, что если правильно передернет карты, то получит гораздо больше, а нас убрать с дороги, чтобы не нужно было делиться. — Нет-нет, — говорит он. — Но пока эти плохие люди здесь, ты не будешь в безопасности”. — “Мой герой, — сказать она, — я пойду и приведу мою семью, и они избавят от вашей дурной компания. Но тебя они вознаградят, мой герой, уи!” Ага, так было, так!

Краска прилила к лицу Грейдона. Злобная пародия маленького француза ударила неуютно близко. В конце концов, добровольное обещание Суарры спасти его может быть расценено как именно то, что высказывал Данкре. Предположим, он скажет им, что предупредил Суарру, что, что бы ни готовила им

судьба, он обязан разделить эту долю с ними и должен оставаться с ними до самого конца. Поверят ли они ему? Вряд ли...

Соумс внимательно наблюдал за ним.

— Во имя господ, Данкре, — сказал он. — Полагаю, ты попал в яблочко. Он продал нас.

Он поднял свой пистолет, наставил его на Грейдона... затем опустил его.

— Нет, — неторопливо сказал он. — Это слишком важно, чтобы ошибиться, поспешив нажать спусковой крючок. Если ты прав, Данкре, — а я полагаю, что ты прав, — леди была ему весьма благодарна. Прекрасно! У нас нет ее, но у нас есть он. Насколько я понимаю, будучи благородной, она не захочет, чтобы его убили. Она вернется. Что ж, мы продадим его за то, что у них есть и чего хотим мы. Свяжите его!

Он наставил пистолет на Грейдона. Не сопротивляясь, Грейдон позволил Старрету и Данкре связать его запястья. Толкая в спину, они отвели его к дереву, усадили на землю, прислонив спиной к стволу. Ноги его тоже были связаны.

— Теперь, — сказал Соумс, — если сегодня явится сюда ее банда, мы дадим им посмотреть на тебя и посмотрим, сколько ты стоишь. Они не станут атаковать нас. Они ограничатся болтовней. И если они не смогут поладить с нами... ну, Грейдон, первая пуля из этого пистолета — в твое брюхо. До того как ты умрешь, у тебя будет время посмотреть, что мы с ней делаем.

Грейдон не ответил. Он знал, что ничего не сможет сказать, чтобы отвлечь их от принятого намерения.

Устроившись с максимально возможным в данных условиях комфортом, он закрыл глаза. Пару раз он открывал их и смотрел, чем занимаются эти трое. Они сидели возле костра, голова к голове, переговариваясь шепотом. Лица были напряжены, в глазах лихорадочная жажда сокровищ.

Спустя некоторое время голова Грейдона склонилась вниз. Он спал.

Г л а в а 3

БЕЛАЯ ЛАМА

Ночью, пока он спал, кто-то накинул на него шерстяное одеяло. Тем не менее он продрог и замерз. Пытаясь разогнать застоявшуюся кровь, он начал энергичные махи вверх-вниз. Грейдон слышал, как остальные искатели сокровищ возились в палатке. Ему было любопытно, кто из них подумал об одеяле и что толкнуло его на это доброе дело.

Старрет поднял полу палатки и без слов прошел мимо Грейдона, направляясь к источнику. Вернувшись, он занялся чем-то возле костра. Время от времени он поглядывал на пленника, но, казалось, без обиды и гнева. В конце концов он прокрался к палатке, прислушался, затем мягкими шагами подошел к Грейдону.

— Извините, — пробормотал он, — но я ничего не мог поделать с Соумсом и Данкре. Их долго пришлось уговаривать, даже чтобы позволить дать вам одеяло. Выпейте.

Он приложил к губам Грейдона фляжку. Грейдон сделал добрый глоток. Жидкость согрела его.

— Ш-ш... — предупредил Старрет. — Не обижайтесь. Вчера вечером я был пьян. Я помогу вам, если...

Внезапно он замолчал и занялся подкладыванием дров в костер. Из палатки вышел Соумс.

— Я дам тебе последний шанс, — начал он без предисловий. — Расскажи о своей сделке с девушкой, и мы примем тебя обратно, будем работать вместе и все разделим поровну. Вчера ты съехал от нас по кривой. Но выходит, что трое против одного. И чистая правда, что удрать с тем, что у тебя есть, ты не сможешь. Так почему бы не быть благоразумным?

— Какая польза начинать все заново, Соумс? — устало спросил Грейдон. — Я рассказал вам все... Будь у вас ум, вы бы освободили меня, вернули мне мое оружие, и когда придет беда, я бы сражался вместе с вами. Потому что беда идет, парень. Большая беда.

— Так! — закричал Соумс. — Пытаешься запугать нас, не так ли? Прекрасно... Есть прелестный маленький фокус: загнать клинья под ногти и оставить их там. После этого большинство вскоре делаются разговорчивыми. А если это не подействует, то есть доброе старое средство — огонь. Двигать тебя ногами в костер... Ближе и ближе. Да любой заговорит, когда его пятки начнут трещать на огне и поджариваться.

Он вдруг наклонился и обнюхал губы Грейдона.

— Так вот в чем дело! — Он смерил Старрета напряженным взглядом. Не вынимая из кармана пистолет, нацелил его на великана. — Напоил его спиртным, не так ли? Разговаривал с ним? И после того, как вчера вечером мы решили, что все переговоры веду я? Прекрасно! Это решает твои дела, Старрет... Данкре! Данк! — заревел он. — Сюда, быстро!

Француз выскочил из палатки.

— Свяжи его! — Соумс кивнул на Старрета. — Еще один проклятый предатель в нашем лагере. Дал ему спиртное, сговорился с ним, пока мы были в палатке. Свяжи его!

— Но Соумс... — француз колебался. — Если нам придется сражаться... Нехорошо, что половина нас будет беспомощна. Может быть, Старрет ничего...

— Если нам придется сражаться, два человека сделают это так же хорошо, как три, — сказал Соумс. — Данк, я не упущу это дельце сквозь пальцы. Не думаю, что будет какая-то битва. Если они явятся, будет, думаю, торговля. Старрет тоже делается предателем, я говорю...

— Ну, мне это не нравится... — начал Данкре.

Соумс нетерпеливо взмахнул своим автоматическим пистолетом.

Француз пошел к палатке и вернулся с мотком веревки.

— Вытяни руки! — приказал Соумс.

Старрет протянул их. Но в середине движения его руки вцепились в Данкре, подняв того, словно куклу. Между Старретом и тощим уроженцем Новой Англии повис Данкре.

— А теперь стреляй, будь ты проклят! — крикнул Старрет и пошел на Соумса, встречая каждое движение руки с пистолетом извивающимся телом Данкре. Свою же правую руку Старрет быстро протянул к поясу Данкре, вытянул из кобуры пистолет и нацелил его на Соумса.

— Брось оружие, янки! — с торжеством оскалился Старрет. — Или стреляй, если хочешь. Но прежде чем твоя пуля пройдет сквозь Данкре, я продырявлю тебя вчистую!

Наступившая на мгновение тишина была прервана звоном крошечных колокольчиков.

Звон пробился сквозь мрак убийства, павший на лагерь, осветил его, рассеял, словно солнечный свет — облако тумана.

Из-за дерева, не далее как в ста ярдах от них, выходила Суарра.

Зеленый плащ окутывал девушку от шеи и почти до узких ступней. В волосах ее переливалась нитка жемчуга. На запястьях и лодыжках — золотые обручи, украшенные изумрудами.

Позади нее степенно выступала снежно-белая лама. На шее ламы был широкий золотой ошейник, с которого свисала бахромы маленьких золотых колокольчиков. На серебряных боках животного висели корзины, сплетенные из какого-то сияющего желтым светом камыша.

И никакой сонм воинов не окружал девушку. Она не вела за собой ни мстителей, ни палачей. Рядом с ламой шел единственный провожатый, закутанный в широкую мантию желтого и красного цвета. Лицо его прикрывал капюшон. Его единственным оружием был ярко-красный посох.

Он был сутул и при ходьбе подпрыгивал и пританцовывал, делая маленькие шажки вперед и назад. И впечатление от этих движений было такое, что под мантией скрывается не столько человеческое существо, сколько какая-то громадная птица.

Они подошли ближе, и Грейдон увидел, что рука, сжимающая посох, — тонкая, белая, с бледной прозрачной кожей, рука очень глубокого старика.

Он напрягся, пытаясь разорвать свои путы. В сердце его бились боль и ужас. Почему она вернулась таким образом? Без сильных мужчин, охраняющих ее, не имея никого, за исключением этого старика? И украшенная золотом и драгоценностями? Он предупреждал ее, она не могла пренебречь угрозами, о которых он рассказал ей. Все выглядело так, будто она пошла на это намеренно — чтобы разжечь вожделения, которых она должна была больше всего бояться.

— Дьябль! — прошептал Данкре. — Изумруды!

— Боже, какая девушка! — пробормотал Старрет. Толстые ноздри раздулись, в глазах появился красный блеск.

Соумс не сказал ничего. Удивление, с которым он наблюдал за ее приближением, сменилось замешательством и недоверием. Промолчал он и тогда, когда девушка и ее провожатый остановились прямо перед ним. В его глазах росло сомнение, он внимательно изучал дорогу, которой они шли. Но там не было ни признака движения, ни звука.

— Суарра! — закричал Грейдон в отчаянии. — Суарра, почему ты вернулась?

Она подошла к нему, вытащила из-под своего плаща кинжал и разрезала ремни. Затем просунула лезвие под веревки, стягивающие его запястья и лодыжки, освободив его. Он встал, шатаясь.

— Что плохого для тебя в том, что я пришла? — спросила она мягко.

Соумс широко шагнул до того, как Грейдон успел ответить. И Грейдон увидел, что он принял какое-то решение, решился на какой-то образ действий. Он отвесил девушке низкий и неуклюжий насмешливый поклон, затем возвратился к Грейдону.

— Прекрасно, — сказал он, — можешь оставаться на свободе до тех пор, пока будешь делать то, чего хочу я. Девушка вернулась, и это главное. Она, похоже, очень расположена к тебе, Грейдон. Я считаю, что это даст нам способ уговорить ее ответить на наши вопросы. Да, сэр, и вы весьма расположены к ней. И это тоже полезно, ты не захочешь связанным наблюдать то, что произойдет с ней, если... — Он злобно возрился на Грейдона. — Кроме того, есть кое-что, что ты должен выполнить, если

хочешь, чтобы дела и дальше шли мирно. Не разговаривай с ней, когда меня нет поблизости. Запомни, я знаю язык аймара так же хорошо, как и ты. И я желаю все время быть рядом и слышать, о чем разговор. Понял? Пока все!

Он обернулся к Суарре:

— Ваш визит — большое счастье для нас, девушка, — сказал он на аймара. — Он не будет коротким, если мы поступим так, как хотим... А я думаю, мы поступим так, как хотим. — В этой фразе была скрытая угроза.

Но даже если Суарра и заметила эту угрозу, она не обратила на нее никакого внимания.

— Вы кажетесь нам странными так же, как наверняка и мы вам. Нам следует многое узнать друг о друге, — продолжал Соумс.

— Это верно, — спокойно сказала она. — Хотя я думаю, что ваше желание узнать обо мне гораздо больше моего желания узнать о вас, поскольку, как ты наверняка знаешь, у меня уже был один не слишком приятный урок знакомства с вами, — она взглянула на Старрета.

— Уроки, — сказал Соумс, — будут приятными и неприятными — как ты выберешь.

На этот раз невозможно было не заметить угрозу, звучащую в его словах. И Суарра не захотела позволить ей снова остаться незамеченной. В ее глазах вспыхнул внезапный гнев.

— Лучше не угрожать! — предупредила она. — Я, Суарра, не исползую угрозы. Я также советую вам приберечь их для себя. Они пригодятся вам в будущем!

— Да-а? Вот как? — Соумс шагнул к ней. Его лицо сделалось зловещим и безобразным. Из-под колпака закутанной в желтое и красное фигуры донеслось хихиканье. Суарра вздрогнула. Ее гнев исчез, она вновь стала дружелюбной.

— Я вспылила, — сказала она Соумсу. — Но в любом случае неумно угрожать, если вы не знаете силы того, кому угрожаете. И помните — обо мне вы ничего не знаете. Я же знаю все, о чем вы стремитесь узнать. Вы хотите знать, откуда у меня это... и это... и это... — она коснулась своего венца, браслетов на руках и ногах. — Вы хотите знать, откуда они взялись и есть ли там еще такие же. И если да, то как вы можете овладеть этим, взяв столько, сколько вы в состоянии унести с собой. Хорошо, вы узнаете все. Я для того и пришла, чтобы рассказать об этом вам.

При этом сообщении, таком искреннем и открытом, все подозрения и сомнения опять нахлынули на Соумса. Его глаза снова сузились, и он еще раз изучил тропу, по которой пришла Суарра.

— Соумс! — Данкре схватил его за руку, его голос и руки дрожали. — Корзина этой ламы... Она не из камыша — она из золота, чистого золота, гнutoго, как солома! Дьябль! Соумс, с чем мы столкнуться!

Глаза Соумса блеснули.

— Лучше пойти и посмотреть, откуда они взялись, Данк, — ответил он. — Я не совсем это понял. Черт возьми, это, кажется, слишком легко, чтобы было правдой. Возьми свою винтовку и следи за теми деревьями, пока я пытаюсь понять, что тут к чему.

— Вам нечего бояться, — сказала девушка, будто поняла эти слова. — От меня вам не будет никакого вреда. Если вас ждет какое-то несчастье, его накликаете на себя вы сами... Не мы. Я пришла, чтобы указать вам дорогу к сокровищам. Только это. Пойдемте со мной, и вы увидите, что драгоценности, подобные этим, — она коснулась камней на браслетах — растут, словно цветы в саду. Вы увидите струящееся потоком золото, вытекающее... — Она заколебалась, будто декламировала наизусть выученный урок. — Струящееся потоком, словно вода. Вы сможете купаться в этом потоке, пить из него, если захочется, унести с собой столько, сколько сумеете поднять. А если вам будет слишком жалко расставаться с этим золотом, вы сможете остаться с ним навсегда. Более того, даже стать его частью, сделаться золотыми людьми.

Она отвернулась от них и направилась к ламе.

Они посмотрели ей вслед, потом друг на друга. Три лица выражали жадность и подозрения. На лице Грейдона было изумление.

— Это долгое путешествие, — обратилась она к ним. Ее рука была на голове ламы. — В известном смысле вы мои гости. Поэтому я кое-что принесла для вас.

Она начала расстегивать застёжки на корзинах. Грейдон подумал, что ее провожатый — странный слуга. Он не сделал ни движения, чтобы помочь ей, стоя молча и неподвижно.

Грейдон шагнул вперед, чтобы помочь девушке. Она застенчиво улыбнулась ему. Нечто большее, чем дружелюбие, загорелось в глубине ее глаз. Руки Грейдона потянулись сами, чтобы коснуться Суарры.

Мгновенно между ними встал Соумс.

— Лучше вспомни, что я говорил тебе! — прошипел он.

— Помоги мне, — сказала Суарра.

Грейдон снял корзину и поставил ее на землю рядом с Суаррой. Она отстегнула застёжку, отогнула мягкие металлические прутья и вытащила мерцающий сверток. Встряхнула его, и на утреннем ветерке заплескалась скатерть из серебра.

Скатерть легла на землю, словно тонкая ткань паутины, сплетенная серебряными пауками.

Затем Суарра достала из корзины золотые чашки, золотые тарелки в форме лодки, два высоких кувшина, ручки которых были выполнены в виде крылатых змей. Чешуя змей была сделана, казалось, из литых рубинов. Под конец появились маленькие, сплетенные из золота корзины. Там были незнакомые ароматные фрукты, хлеб и странной окраски пирожки. Все это Суарра тоже выложила на скатерть. Она опустилась на колени, взяла один из кувшинов и, откупорив его, налила в чашки прозрачное янтарное вино.

Затем она взглянула на них, сделала любезный приглашающий жест своей белой рукой.

— Садитесь, — сказала она. — Ешьте и пейте.

Она кивнула Грейдону, показывая ему место рядом с собой. Молча, пристально рассматривая блестящую утварь, Старрет, Соумс и Данкре присели на корточки перед другими тарелками. Соумс протянул руку, взял тарелку и, высыпав содержимое на скатерть, взвесил ее на ладони.

— Золото, — выдавил он.

Старрет расхохотался, как сумасшедший, и поднес ко рту наполненный вином кубок.

— Подожди! — Данкре схватил его за запястье. — “Ешьте и пейте”, — сказала она. Э? Ешьте и пейте и будьте веселыми, поскольку завтра умрем, э? Не так ли?

Соумс вздрогнул, лицо его снова омрачилось подозрением.

— Думаешь, здесь отравы? — прорычал он.

— Может быть, нет, может быть, да. — Маленький француз пожал плечами. — Во всяком случае, я думаю, лучше сказать: “После вас”.

Девушка вопросительно посмотрела на них, потом на Грейдона.

— Они боятся... они думают, что в пище... что ты... — Грейдон запнулся.

— Что я положила в пищу сон? Или смерть? А ты как думаешь? — спросила она.

Вместо ответа Грейдон поднял свою чашу и отпил.

— Даже это естественно. — Она повернулась к Соумсу: — Да, естественно, что вы трое боитесь. Поскольку вы бы это сделали, будь вы на моем месте, а я на вашем. Так ведь? Но вы ошибаетесь. Снова говорю вам, единственное, чего вам следует бояться, — это самих себя.

Она налила вино в свою чашу и выпила его. Отломив кусок от лежащего перед ней ломтя хлеба, съела, взяла с тарелки Данкре и съела тоже. Вонзила белые зубы в один из плодов.

— Удовлетворены ли вы? — спросила она их. — О, будьте полностью уверены, что, если бы я хотела убить вас, смерть выглядела бы иначе.

Мгновение Соумс свирепо глядел на нее. Затем вскочил на ноги, широко шагнул к закутанной фигуре и сорвал с нее капюшон. Открылось лицо, цветом напоминающее старую слоновую кость. Лицо, изборожденное многочисленными тонкими складками. Это было лицо, отмеченное печатью невероятной древности. Но насколько было древним лицо, настолько же блестящими и молодыми были сидящие на нем глаза.

Глаза с непостижимым выражением глядели на Соумса. Сердце отстучало дюжину ударов, прежде чем уроженец Новой Англии отвел свой взгляд. Затем он медленно опустил капюшон. Соумс вернулся к серебряной скатерти, и Грейдон увидел, что лицо его бело как мел. Он осел на землю и залпом выпил вино. Рука его, державшая кубок, дрожала.

Выпив кубок, он начал пить снова — прямо из кувшина. И вскоре под действием вина ужас, охвативший Соумса, испарился.

Первый, а за ним и второй кувшины, извлеченные Суаррой из висящих на ламе корзин, опустели. Троица осушала их. А затем, качаясь, встал Соумс.

— Ты в порядке, сестричка, — сказал он. — Продолжай угощать нас так же, и под конец мы с тобой подружимся.

— Что он говорит? — спросила Суарра у Грейдона.

— Он хвалит твое угощение, — сухо ответил Грейдон.

— Хорошо. — Суарра тоже встала. — Теперь нам пора идти.

— Мы пойдем без всякого страха, сестричка, — сказал сквозь зубы Соумс. — Данк, ты останешься здесь и посмотришь, что и как. Пошли, Билл... — Он хлопнул Старрета по спине. — Все просто великолепно! Пошли, Грейдон, кто старое вспомнёт, тому глаз вон.

Кое-как встал Старрет, сцепив руку с рукой уроженца Новой Англии. Оба они, пошатываясь, направились к палатке. Данкре, на которого вино, казалось, возымело слабое действие, уселся рядом с костром на валун и начал нести свою вахту с винтовкой наготове.

Грейдон помедлил. По крайней мере на некоторое время Соумс забыл о нем. Грейдон размышлял, как лучше использовать это время для странной девушки, красота которой поразила его. Он подошел к ней так близко, что его качнуло от аромата ее облачных волос. Так близко, что его коснулось и обожгло плечо девушки.

— Суарра... — начал он. Она обернулась и, прижав тонкий палец к его губам, заставила его замолчать.

— Не сейчас... — прошептала она. — Не сейчас... Не говори мне ничего о том, что происходит в твоей душе... Не сейчас... И, может быть, никогда! Я обещала, что спасу тебя — если смогу. Это обещание влечет за собой другое... — Ее взгляд многозначительно указал на молчаливую фигуру. — Ничего не говори мне, — торопливо продолжала она. — Или, если не можешь не говорить, говори пустяки.

Она упаковывала золотые тарелки и чаши, а он помогал ей. Она принимала его помощь, не говоря ни слова. На него она не глядела.

Когда последняя чаша оказалась в корзине, он повернулся и зашагал к палатке, чтобы уложить свое снаряжение и погрузить его на осла. До него донеслись голоса Старрета и Соумса.

— Но она не индианка, Соумс, — говорил Старрет, — она белее нас с тобой. Кто она? А девушка — о, Христос!

— Кто она, мы узнаем, бояться нечего. Черт с ней, если хочешь — бери ее. Но я отправлюсь хоть к черту на рога, чтобы узнать, откуда они берут эти штучки. Парень... Ведь на то, что мы вывезем на ослах и ламах, с чем мы вернемся... парень, на это мы сможем купить весь мир!

— Да, если нас не ждет где-то ловушка, — сказал Старрет с сомнением.

— Все козыри у нас на руках. — Вино выветрилось из Соумса. — Кто противостоит нам? Старое чучело и девушка. Ладно, я скажу тебе, что думаю. Я не знаю, кто или что она есть, но кем бы или чем бы она ни была, можешь быть уверен, что их немного. Если бы их было много, они бы навалились на нас изо всех сил. Но нет — они чертовски озабочены тем, чтобы мы убрались. Они хотят избавиться от нас — так быстро и дешево, как только можно. Да, вот чего они хотят, потому что знают, что мы трое способны уничтожить их всех.

— Трое? — повторил Старрет. — Четверо, ты имеешь в виду. Есть еще Грейдон.

— Грейдон не в счет — вошь! Он намеревался продать нас, не так ли? Прекрасно, когда придет время, мы наведем мистеру Грейдону марафет. Просто сейчас, в рассуждении девушки, он нам полезен. Она в него втюрилась. Но когда придет время делиться — нас только трое. А если ты сделаешь что-то вроде того, что творил утром, — нас будет только двое.

— Оставь, Соумс, — проворчал Старрет. — Говорил тебе уже, что это — выпивка. С этим покончено, тем более что мы видели эти вещички. Я с тобой до конца. С Грейдоном делай что хочешь, но я хочу девушку. Я готов заключить с тобой сделку... Отказываюсь от моей части добычи.

— Ох, дьявол! — протяжно сказал Соумс. — Мы с тобой вместе уже много лет, Билл. Для нас троих там вполне достаточно. Ты можешь получить девушку задарма.

Маленькие красные искры запрыгали в глазах Грейдона. Рука его потянулась, чтобы сорвать входной клапан палатки... Но он сдержал себя.

Это не способ помочь Суарре. Безоружный, что он может? Ему необходимо вернуть себе оружие. И опасность не грозит сию минуту — они ничего не предпримут, пока не достигнут того места, куда Суарра обещала привести их. Места, где хранятся сокровища.

Он прокрался на дюжину шагов назад, выждал секунду-две, а затем, нарочито шумно, направился к палатке.

— Слишком долго шел! — зарычал Соумс. — Беседовали после того, что я сказал тебе?

— Ни слова, — бодро соврал Грейдон и занялся сбором своих вещей. — Кстати, вы не думаете, Соумс, что пора прекратить недоразумение и вернуть мне оружие?

Соумс не ответил.

— О, тогда все в порядке, — сказал Грейдон. — Я просто подумал, что, когда придет нужда, оно пригодится. Но если вы хотите, чтобы я только смотрел, пока вы деретесь, — ну, я не возражаю.

— Лучше бы ты возражал, — сказал Соумс. — Когда придет нужда — у нас не должно быть шансов получить пулю в спину. Вот почему ты не получишь оружия. Если придет нужда — на тебя, во всяком случае, мы рассчитывать не будем. Ты понимаешь меня?

Грейдон пожал плечами. В наступившей тишине укладка была закончена, палатка сложена, ослы нагружены.

Суарра стояла рядом с белой ламой и ждала их. Соумс подошел к ней, вытащил из кобуры автоматический пистолет и покачал его на вытянутой руке.

— Знаешь, что это такое? — спросил он ее.

— Да, — ответила она. — Это оружие смерти вашего народа.

— Верно, — сказал Соумс. — И оно убивает быстро, быстрее, чем копья и стрелы... — Он возвысил голос, чтобы не осталось и тени сомнения, что ее молчаливый провожатый тоже слышит его: — Итак, я и те двое обладают таким оружием. И другим — еще более смертоносным. Этого человека мы обезоружили. Возможно, то, что ты говоришь нам, — чистейшая правда. Надеюсь, что это так — ради тебя, этого человека и того, кто пришел вместе с тобой. Ты понимаешь меня? — спросил он и оскалился, словно голодный волк.

— Понимаю. — Глаза и лицо Суарры были спокойны. — Вам не надо бояться.

— Мы не боимся, — сказал Соумс. — А вот тебе следовало бы бояться. Нас.

Мгновение он с угрожающим видом смотрел на нее. Затем сунул пистолет обратно в кобуру.

— Ты пойдешь первой, — приказал он. — За тобой — человек, пришедший с тобой, за ним — он, — Соумс указал на Грейдона. — Мы трое замыкаем шествие. С нашим смертоносным оружием наготове.

В этом порядке они и прошли сквозь заросли гигантской альгобарры. И вышли в находящуюся за ними местность, похожую на парк.

Г л а в а 4

КОНЕЦ БЕГЛЕЦА

Они шли по саванне около часа, после чего Суарра свернула влево, войдя в чащу, что покрывала склоны большой горы. Группу окружили деревья.

Грейдон не смог разглядеть тропы, но Суарра продолжала идти, не останавливаясь. Миновал еще час, и начался подъем. Тени становились все гуще, и девушка тоже уже превратилась в летучую тень.

Пару раз Грейдон оглядывался на трех мужчин, следовавших за ними. Темнота беспокоила их все больше и больше. Они шли, держась близко друг к другу, напрягая глаза и уши, чтобы по первому же слабому движению обнаружить ожидаемую засаду. А когда зеленый мрак стал еще плотнее, Соумс приказал Грейдону занять место рядом со Старретом и Данкре. Грейдон было заколебался, но в глазах уроженца Новой Англии он почти увидел смерть. Он понял бессмысленность сопротивления и отошел назад.

Вперед, держась поближе к закутанной в мантию фигуре, выдвинулся Соумс. Скаля зубы, Данкре поставил Грейдона между Старретом и собой.

— Соумс изменил план, — шепнул он. — Если там опасно, он быстро пристрелит старого дьявола. Девушке он сохранит жизнь — чтобы заключить сделку с ее народом. Тебе он сохранит жизнь — чтобы заключить сделку с девушкой. Как тебе это нравится, а?

Грейдон не ответил. Когда француз оказался совсем рядом, он нащупал автоматический пистолет, лежащий в его боковом кармане. Если начнется атака, Грейдон сможет прыгнуть на Данкре, вырвать пистолет и получить возможность сражаться.

И он пристрелит Соумса так же безжалостно, как — он это знал — Соумс пристрелил бы его.

В лесу делалось темнее, и люди впереди превратились в движущиеся расплывчатые пятна. Затем мрак начал редеть. Невидимые стены ложины, ущелья, по которому они шли, начали отходить в стороны. Еще через несколько минут обрисовался громадный проход. А сзади прохода лился потоком солнечный свет. С предостерегающим жестом Суарра остановилась на скалистом пороге. Затем прошла дальше и позвала их.

Моргая, Грейдон прошел сквозь проход. Он увидел покрытую травой равнину. Деревьев не было. Равнина имела форму блюда. Прямо против них, в трех с небольшим милях, снова начиналась чаща, покрывавшая основание другой горы. Склон горы, отвесный и гладкий, описывал дугу огромной окружности, — круглый, как священный конус Фудзиямы, но во много раз больше.

Они стояли на широком выступе, обрамляющем эту громадную чашу. Выступ на добрую сотню футов выдвигался к чаще, словно край блюдца. И снова вызывая впечатление огромного блюда, словно обод, выступ выдвигался наружу. Грейдону почудилось, что под ногами его вогнутость. И что если бы кто-нибудь упал с края, вскарабкаться ему наверх было бы фактически невозможно, ибо край навис над ним. Поверхность была примерно в двенадцать футов шириной и более походила на заботливо выровненную человеком дорогу, чем на творение природы. Изогнутая чаша долины, усеянная странными глыбами, и круглый откос таинственной горы находились по одну сторону, по другую — неприступные, покрытые лесом утесы.

Они двигались по похожей на обод дороге. Приближался полдень, и в очередном ущелье, встретившемся им, они достали из седельных сумок провизию и устроили поспешный ленч. На разгрузку ослов времени тратить не стали. В ущелье пел свою песню маленький ручей, и они наполнили свои фляги. Суарра держалась от них в отдалении.

Ровно в полдень они приблизились к северному концу чаши. Весь день перед ними разворачивалась огромная дуга ущелья, обрамляющего круглую гору на противоположной стороне равнины. Поднялся ветер, дующий из далекого леса, и под ним, далеко внизу, согнулись высокие верхушки травы.

Внезапно в этом ветре Грейдон услышал далекий слабый звук, пронзительное шипение, как бы издаваемое целой армией змей.

Девушка резко остановилась, обратив лицо к этому звуку. Звук послышался снова, громче. Лицо Суарры побледнело, но, когда она заговорила, голос ее звучал ровно.

— Там опасность, — сказала она. — Смертельная опасность для вас. Она, возможно, не затронет вас, а возможно, затронет. Пока мы не знаем, чего ожидать, вам следует спрятаться. Возьмите своих животных и привяжите их там, в кустарнике... — она указала на склон горы. Склон был достаточно изрезан, чтобы там можно было спрятаться. — Вы четверо спрячетесь за деревьями. Завяжите пасти животных, чтобы они не производили шума.

— Так! — зарычал Соумс. — Так, значит, здесь ловушка! Прекрасно, сестренка, ты помнишь, что я говорил тебе? Мы пойдем за деревья, но ты пойдешь вместе с нами. Будешь у нас в руках.

— Я пойду с вами, — спокойно ответила она.

Соумс свирепо посмотрел на нее, затем внезапно отвернулся.

— Данк! — приказал он. — Старрет! Ведите ослов. Ты, Грейдон, останешься с ослами и приглядишь, чтобы они не шумели. Мы будем рядом с винтовками. И с нами будет девушка, не забывай этого!

Снова ветер донес пронзительное шипение.

— Поторопитесь! — скомандовала девушка.

Когда они спрятались среди деревьев и кустарника, в голове согнувшегося за ослами Грейдона молнией мелькнуло, что он не видел, чтобы закутанный спутник Суарры присоединился к ним при отступлении и попытался укрыться в лесу. Грейдон раздвинул ветви и осторожно выглянул из-за них.

Между деревьями пронесся внезапный порыв ветра. Ветер принес шипение — более резкое и более близкое. И то, что слышалось в этом шипении, вызывало у Грейдона незнакомый ему прежде ужас.

Не более чем в полумиле от него из-за деревьев выскочило существо ярко-алого цвета. Оно помчалось по равнине, достигнув основания одной из глыб, и влезло по боковой стороне на ее вершину. Там оно задержалось, по-видимому всматриваясь в лес, из которого появилось. Грейдону показалось, что это огромное несекомое. Но это впечатление смешивалось с другим, чудовищным и невероятным: человек!

Алое существо скользнуло вниз с валуна и сквозь траву помчалось по направлению к Грейдону. Из леса вырвалось то, что на первый взгляд казалось сворой охотничьих собак. Но затем стало ясно, что, чем бы эти звери ни являлись, собаками они наверняка не были. Они двигались прыжками, как кенгуру. Во время прыжков их кожа блестела в солнечном свете голубым и зеленым — как будто они были защищены сапфирной и изумрудной кольчугой. Они испускали адское шипение.

Алое существо неистовой стрелой метнулось вправо, влево. Затем съежилось у основания следующего валуна и замерло.

Из-за дерева появилось новое чудовище. Как и загадочные создания, оно блестело, но так, будто его тело было заключено в футляр из отшлифованного агата. Формой тело походило на туловище гигантской ломовой лошади. Шея была гладкой, змеиной, у основания шеи верхом сидел человек.

Грейдон осторожно поднял полевой бинокль, сфокусировав его на севере. Одно из созданий оказалось прямо на линии зрения. Оно неподвижно застыло боком к Грейдону, вытянувшись, словно охотничья собака.

Это был динозавр!

Ростом не более датского дога, и все же ошибиться было невозможно. Грейдон видел его прямой, лопатообразный мощный хвост и похожие на колонны задние лапы. Хвост и ноги образовали треножник, на который опирался динозавр. Его туловище было почти прямым. Покрытые мышцами передние лапы выглядели не столь мощно, как задние, но все же впечатляли. Динозавр держал их полусогнутыми возле груди, будто готовился кого-то схватить. Лапы оканчивались блестящими, как золото, четырьмя когтями. Один коготь был отогнут в сторону, словно большой палец.

А то, что Грейдон принял за сапфировую и изумрудную кольчугу, была чешуя. Солнце отражалось на ее гладкой поверхности отблеском драгоценных камней.

Тварь повернула голову, сидящую на короткой бычьей шее. Казалось, динозавр смотрел прямо на Грейдона. Грейдон увидел огненно-красные глаза, глубоко сидящие в костяной дуге широкого лба. Морда динозавра была как у крокодила, но меньше и более тупая. Челюсти были усеяны острыми желтыми клыками.

Рядом с динозавром остановился всадник. Создание, на котором он ехал, было, как и другие, настоящим динозавром. Оно было покрыто черной чешуей и обладало более длинным хвостом. Его змеиная шея была толще, чем центральная часть туловища гигантского питона.

Всадник был мужчина той же расы, что и Суарра. Та же самая, напоминающая белизной слоновую кожу, классически правильные черты лица. Но его лицо было отмечено печатью высокомерия и равнодушной жестокости. Он был одет в облегающую тело одежду, обтягивающую его, словно перчатка. Его волосы сияли золотом. Он восседал на светящемся седле, закрепленном у основания шеи его "коня".

Бинокль выпал из затрясшейся руки Грейдона. Что представляет собой человек, охотившийся с динозаврами вместо собак и динозавром вместо лошади?

Он посмотрел на подножие валуна, под которым скорчилось алое существо. Его там уже не было. Грейдон увидел алый отблеск в высокой траве. Существо мчалось по направлению к ободу.

Раздался пронзительный звук, будто зашипели сразу тысяча змей. Уловив запах, свора прыжками неслась вперед.

Алое существо выпрыгнуло из травы. Оно раскачивалось на четырех длинных, похожих на ходули ногах. Высоко над ходулями ног помещалось тело, почти круглое, не больше, чем у мальчика-подростка. По бокам тела торчали две мускулистые руки, вытянутые вдвое против их нормальной длины. Тело, руки и ноги были покрыты тонкой алой шерстью. Лица Грейдон не видел.

Вслед алому существу мчалась свора. А оно молнией неслось к ободу.

Грейдон услышал под собой звуки яростной схватки, возню. Над краем дороги появились серые ладони. словно тупые костяные иглы, пальцы длиной в фут вцепились в камень. Они цеплялись, тянулись вперед. А за ними появились дрожащие, покрытые алыми волосами руки.

Над краем показалось такое же серое, как и ладони, лицо. А на лице — два огромных и круглых, два немигающих глаза.

Человеческое лицо... И нечеловеческое!

Лицо, какого он никогда не видел ни у одного земного создания. И тем не менее человеческое, это не ошибка... словно маска, на этом невероятном лице лежали человеческие черты.

Ему показалось, что он увидел, как в воздухе мелькнула крылатая палка и прикоснулась к лицу — красный посох пестро одетого спутника. Видел он это или нет, но цепляющиеся пальцы-когти разжались и соскользнули вниз. Серое лицо исчезло.

Из-за откоса вырвался плачущий вой, пронзительный крик агонии, и раздалось торжествующее шипение. Затем в поле зрения появился черный динозавр. Золотоволосый всадник кричал. Позади прыжками неслась свора. Они пронеслись через равнину, словно грозовая туча, сверкающая изумрудными и сапфировыми молниями. Ворвались в лес и исчезли.

Суарра шагнула в сторону от трех теней, трех побледневших и трясущихся, теснящихся к ней авантюристов. Она стояла, глядя туда, где исчезли динозавры, и лицо ее было неподвижным, а глаза наполнились ненавистью.

— Суарра! — задохнулся Грейдон. — Это существо... существо, которое убегало... что оно такое? Боже... у него лицо человека!

Она покачала головой.

— Это не человек. Это был... Ткач. Вероятно, он пытался убежать. Или, может быть, Ластру выпустил его, так как у него появилось искушение убежать. Или Ластру — наслаждение охотиться с Ксинли... — Ее голос задрожал от ненависти: — И если ничего нет лучшего, то годится и Ткач!

— Ткач? У него лицо человека! — Соумс вторил Грейдону.

— Нет, — повторила она, — это был... не человек. Во всяком случае, не такой человек, как вы. Давным-давно его предки были людьми, как вы, — это правда. Но теперь он всего лишь — Ткач. — Она обернулась к Грейдону. — Ю-Атланча искусственно изменила его и его род. Вспомни о нем, Грейдон, когда наше путешествие подойдет к концу!

Она сделала шаг к дороге. Там уже стоял закутанный в мантию человек, идущий с таким спокойствием, будто ничего не случилось. Суарра позвала белую ламу и снова заняла свое место во главе маленького каравана. Соумс подтолкнул Грейдона, пробуждая его от тягостных дум, в которые его погрузило загадочное предупреждение Суарры.

— Займи свое место, Грейдон! — пробормотал Соумс. — Мы пойдем рядом... Позднее я хотел бы поговорить с вами, — продолжал он, переходя на “вы”. — Возможно, вы сможете получить обратно свое оружие, если будете послушным...

— Поторопитесь, — сказала Суарра. — Солнце садится, и нам следует идти быстро. До того как настанет завтрашний полдень, вы уже увидите ваш сад драгоценностей и живое золото, текущее к вам потоком, чтобы вы делали с ним все, что пожелаете... Или золото сделает с вами все, что пожелает.

Она быстро взглянула на троих авантюристов, и в глазах ее мелькнула насмешка. Губы Соумса сжались.

— Ты делаешь успехи, малышка, — сказал он иронически. — Все, что от тебя требуется, — это проводить нас. И тогда твоя работа будет выполнена. Заботу об остальном мы возьмем на себя.

Суарра небрежно пожала плечами. Они двинулись дальше.

Равнина была безмолвной и пустынной. Из дальнего леса не доносилось ни звука. Грейдон пытался осознать увиденное. Суарра назвала алое существо Ткачом. И сказала, что когда-то его предки были людьми — такими же, как и они сами. Он вспомнил, что при их первой встрече она сказала ему о могуществе этой таинственной Ю-Атланчи. Имела ли она в виду, что ее народ настолько овладел секретами эволюции, что научился поворачивать этот процесс вспять? Возможно ли управляемое... вырождение?

Ну а почему бы и нет? В долгом восхождении от первичного желе, зародившегося на отмелях первичных морей, человек существовал в громадном множестве форм. И как бы высоко он ни продвинулся, переходя от формы к форме, став позвоночным животным, отвергнув холодную кровь ради теплой, он по-прежнему в родстве с рыбами, которых сегодня ловит. С пушными зверями, чьи шкуры надевают его женщины. С обезьянами, которых он ловит в джунглях, чтобы изучать их, чтобы они забавляли его. Даже паук, который прядет свою паутину в садах человека, скорпион, поспешно удирающий, услышав поступь его шагов, — его бесконечно далекие кровные братья.

Когда святой Франциск Ассизский говорил о Брате Мухе, Брате Волке, Брате Змее — с научной точки зрения он говорил чистую правду.

Вся существующая на Земле жизнь имеет общее происхождение. Сейчас ветви жизни разошлись, и, словно Протей, жизнь приняла различные обличья. Однако человек и зверь, рыба и змея, ящерица и птица, муравей, пчела, паук — все они произошли некогда из одних и тех же комочков желе, миллионы лет назад попавших по воле волн на прибрежные отмели первичных морей. Это было первое живое вещество, из которого развились все формы жизни.

И разве не принимает все эти формы зародыш человека в своем медленном развитии, разве не дремлют они в нем?

Великий французский ученый Раукс, воздействуя на икру лягушки, получал лягушек гигантских и маленьких, лягушек с двумя головами на одном теле, лягушек с одной головой и восьмью лапками, трехголовых лягушек с ногами, многочисленными, как у сороконожки. И из этой икры он получал также создания, вообще не похожие на лягушку.

Ворников, русский, и Шварц, немец, экспериментируя с еще более высокими формами жизни, получили химер, кошмарные создания которых они были вынуждены убить. И убить быстро.

Если Раукс и другие делали все это (а Грейдон знал, что они это делали), тогда что невозможного для более великих ученых пробудить эти дремлющие в человеческом зародыше формы и создать, действуя схожим образом, такие создания, как алое существо? Человек-паук!

Природа сама намекает на это. Время от времени природа производит таких из ряда выходящих созданий, людей-чудовищ, внешне либо внутренне отмеченных печатью животного, рыбы, даже ракообразного. Детей с жаберными щелями в глотке. Детей с хвостами, детей покрытых мехом. Человеческий эмбрион проходит через все эти стадии — многовековая драма эволюции, спрессованная в срок менее года.

Возможно это плохо, что в Ю-Атланчи живут те, для кого нет тайн в тигле рождения, кто может вмешаться в работу этого тигля и сформировать из его содержимого все, что пожелает.

Ткацкий станок есть совершенная машина, работающая с помощью более или менее неуклюжих пальцев. Паук есть как машина, так и мастер, прядущий и ткущий более безошибочно, чем это может любой управляемый человеком бездушный механизм. Какая сделанная человеком машина могла произвести ткань, хотя бы близкую по красоте и изяществу сотканной пауком паутине?

Внезапно перед Грейдоном предстал целый мир ужасных гротесков. Пауки-мужчины и пауки-женщины, бегающие по огромной паутине и иглами-пальцами ткущие чудесную материю. Роющие норы кроты-мужчины и кроты-женщины, создающие лабиринт подземных коридоров канализации для тех, кто сделал их такими. Людей-амфибий, занятых водными работами...

Фантазмагорическое человечество, чудовищное изменение современных машин природы, таких пластичных, пока они еще находятся в лоне матери!

Содрогнувшись, он отогнал прочь это кошмарное видение.

Г л а в а 5

ВОЛШЕБНЫЕ ТРУБЫ

Солнце уже прошло половину своего пути на запад, когда они достигли конца овальной долины. В этом месте у горы был отрог, почти соприкасающийся с ущельем справа. В полутьме ущелья они шли гуськом по двое по гладкой скалистой поверхности узкой расселины. Теперь дорога все время шла вверх, хотя и под небольшим углом. Начались сумерки.

Они стояли на краю небольшой поляны. Слева по дуге вдоль круглой горы продолжалась дорога. Под ногами был чистый белый песок. Песок был усеян холмами-насыпями с плоской верхушкой, такими, будто их постоянно приглаживала метла ветра. Склоны насыпей поросли высокой травой. Маленькая пустошь занимала около пяти акров. Вокруг нее густо рос лес. Грейдон расслышал бульканье ручья.

Суарра вела их по песку, пока группа не достигла холма, лежащего почти в центре поляны.

— Свой лагерь вы разобьете здесь, — сказала она. — Вода рядом. Можете разжечь костер и спать без страха. С рассветом мы должны идти дальше.

Она оставила их, направившись к одному из близлежащих холмов. За ней шла белая лама. Грейдон ждал, что Соумс остановит ее, но тот этого не сделал. Вместо этого он переглянулся со Старретом и Данкре. Грейдону показалось, что они довольны тем, что девушка не осталась с ними в лагере, их радовало, что она отделилась от них.

Изменилось их отношение и к Грейдону. Они снова обращались с ним как с товарищем.

— Вы не против отвести напоить ослов? — спросил Соумс.
— А мы разведем костер и приготовим ужин.

Грейдон кивнул и повел животных к ручью. Ведя их обратно, после того как они напились, он посмотрел на холм, к которому ушла Суарра. У подножия холма стояла маленькая квадратная палатка. В сумерках палатка блестела, словно сделанная из шелка. Поблизости от палатки была привязана белая лама, безмятежно жевавшая траву вместе с песком. Корзины, сплетенные из золотых прутьев, по-прежнему висели на боках ламы. Ни Суарры, ни закутанного в мантию человека не было видно. "Они в палатке", — подумал Грейдон.

А возле холма, у которого был разбит их лагерь, потрескивал костер и варился ужин. Когда Грейдон подошел ближе, Старрет ткнул пальцем в маленькую палатку.

— Вытащила из седельного вьюка, — сказал он. — Выглядела как складной зонтик и раскрылась как зонтик. Кто бы мог подумать, что в такой глуши можно найти что-то подобное!

— Я думаю, что в этих седельных вьюках есть многое, чего мы, наверное, еще не видели, — прошуршал Данкре.

— Готов заложиться, — сказал Соумс. — А того, что мы уже видели, достаточно, чтобы обеспечить нас всех на всю жизнь. А, Грейдон?

— Она обещала нам намного больше, — ответил Грейдон, встревоженный скрытым намеком, прозвучавшим в словах уроженца Новой Англии.

— Да-а, — сказал Соумс. — Да-а, я верю этому. Но... Ладно, давайте есть.

Вчетвером они сидели вокруг горящих поленьев, так же как они сидели многие дни до того, как произошла драка Грейдона со Старретом. И, к изумлению Грейдона, никто не упоминал о происшедшей на равнине ссоре. Избегая вспоминать о ней, авантюристы быстро меняли тему, когда он пару раз для пробы заговорил об этом.

Они все время беседовали об уже близком сокровище и о том, на что оно может быть употреблено, когда они вернутся в свой мир. Они подробно обсудили нагруженные на белую ламу запасы золота, подискутировали о драгоценных камнях Суарры и их

стоимости, как если бы старались заразить его, Грейдона, своей алчностью.

— Дьявол! Ну только с ее изумрудами мы все сможем ни о чем больше не беспокоиться! — все снова и снова, меняя лишь интонацию, повторял Старрет.

Грейдон слушал с нарастающим беспокойством. Что-то крылось за этим преднамеренным нежеланием упоминать об убийстве динозаврами алого существа, за этим постоянным повторением об огромном богатстве, плывущем им в руки, и за этим беспрестанным подчеркиванием, какую легкую и роскошную жизнь оно обеспечит им всем.

Внезапно он понял, что они напуганы, что ужас перед неизвестным борется в них с вожделением к сокровищам. И поэтому они опасны вдвойне. Что-то они затаили, эти трое. И всем ясно, что этот разговор — только преамбула.

Наконец Соумс посмотрел на часы.

— Почти восемь, — ровно сказал он. — Рассвет около пяти. Пора потолковать напрямую. Давайте-ка поближе, Грейдон.

Они вчетвером сгрудились в тени холма. Отсюда, где они лежали на земле, палатки Суарры не было видно. Точно так же, как и они невидимы для наблюдателя, следящего из этого маленького серебряного шатра, похожего сейчас на огромного серебряного мотылька, отдыхающего в лунном свете.

— Грейдон, — начал уроженец Новой Англии, — мы обмозговали все это. Мы решили все переиначить. Давайте поладим, по принципу: кто прошлое помянет, тому глаз вон. Мы здесь — четверо белых среди бог знает кого. Белым людям следовало бы держаться вместе. Так ведь?

Грейдон кивнул, выжидая.

— Тогда прекрасно, — сказал Соумс. — Дела сейчас обстоят так. Я не отрицаю, что то, что мы сегодня видели, нас всех чертовски встряхнуло. У нас просто нет оружия, чтобы выступить против чего-то вроде той своры шипящих дьяволов. Но — и тут-то вся соль — мы можем смыться и вернуться сюда уже снаряженными. Вам ясно?

Грейдон снова кивнул. Он насторожился, понимая, что близится то, что он предчувствовал.

— На этой лапе и девчонке достаточно, чтобы нам всем зажить припеваючи, — продолжал Соумс. — Но также достаточно, чтобы оплатить самую большую экспедицию, когда-либо собравшуюся за сокровищами. И вот что мы задумали. Заберем все эти корзины со всем, что в них есть. Заберем все побрякушки с девчонки. Смоемся, а потом вернемся. Мы соберем компашку из прошедших огонь и воду парней. Мы, четверо, возьмем половину того, что найдем. Остальные возьмут другую половину.

Прихватим сюда пару самолетов и чертовски быстро обнаружим, откуда взялась эта девчонка. Уверен, что эти шипящие дьяволы недолго продержатся под автоматическими и падающими на них бомбами. А когда муть осядет, хватаем добычу, вернемся и усядемся на вершине мира. Что скажете?

Грейдон потянул с ответом.

— Как вы заберете эти побрякушки? — спросил он. — А если заберете, как уйдете с ними?

— Запросто. — Соумс поближе нагнул свою голову. — Мы все прикинули. В той палатке только девчонка и тот старый дьявол. Они не ждут беды, очень уж они в нас верят. Прекрасно! Если вы с нами, мы тут же двинем туда. О старике позаботятся Старрет и Данкре. Без пальбы. Просто сунут ему нож в ребра. Я и вы займемся девчонкой. Вредить ей не будем. Просто свяжем, а в рот — кляп. Затем нагружаем пару ослов и сматываемся.

— Сматываемся — куда? — спросил Грейдон. Он пододвинулся поближе к Данкре, готовясь быстрым движением выхватить из его кармана пистолет.

— Отсюда сматываемся, будь проклято это место! — Зарычал Соумс. — Я и Старрет видели пик на западе, и оба узнали его. Теперь мы знаем, где мы находимся. Если будем идти пока светло и всю ночь, завтра в это время наверняка будем там.

Грейдон осторожно передвинул руку и коснулся кармана Данкре. Пистолет был все еще там. Но прежде чем он сделает этот отчаянный бросок, он должен воззвать к ним в последний раз — воззвать к их страху.

— Вы забыли одну вещь, Соумс, — сказал он. — Будет погоня. Что мы можем сделать с теми адскими бестиями, преследующими нас? С такой добычей мы удрать не сможем.

Внезапно он понял слабость этого аргумента.

— Ерунда! — Соумс злобно оскалился. — В том-то и дело. Об этой девушке никто не побеспокоится. Никто не знает, где она, и она никого не хочет оповещать. Она чертовски заботилась, чтобы нас не заметили тогда в полдень. Нет, Грейдон, я так понимаю, что она удрала от своих соплеменников, чтобы помочь вам смыться. Снимаю перед вами шляпу — вы быстро обтяпали это дело и наверняка подцепили ее на крючок. Затруднения могут быть из-за старого дьявола. А он получит нож прежде, чем поймет это. И тогда останется только девушка. Она будет рада показать нам дорогу отсюда, если вдруг мы ее потеряем. Но я и Старрет узнали этот пик, говорю я вам. Мы прихватим девчонку с собой, так что она не сможет никого пустить по нашему следу. А когда мы окажемся в знакомой местности, то вернем ей свободу, и она отправится домой. И никому плохо не будет, а, ребята?

Старрет и Данкре закивали.

Грейдон сделал вид, что размышляет. Он точно знал, что задумал Соумс: использовать его в спланированном тройцей хладнокровном убийстве, а когда они ускользнут от погони, убить также и его, Грейдона. И они никогда не позволят Суарре вернуться, чтобы рассказать о том, что они сделали. Она будет убита — после того как они отдадут ее Старрету.

— Живей, Грейдон! — нетерпеливо прошипел Соумс. — Это хороший план, мы можем его выполнить. Вы с нами? Если нет...

В его руке блеснул нож. Одновременно Старрет и Данкре придвинулись ближе. Их движение дало Грейдону преимущество, в котором он нуждался.

Он рывком сунул руку в карман француза, выхватил оружие и одновременно нанес Старрету боковой удар в пах. Великан, застонав, опрокинулся. Грейдон вскочил на него. Но прежде чем он успел взять на прицел Соумса, руки Данкре обвили вокруг его лодыжек, и Грейдон полетел на землю.

— Суарра! — Падая, Грейдон закричал изо всех сил. Во всяком случае, его крик мог разбудить и предупредить ее. Второй его крик был задушен на полуслове. Костлявые руки Соумса сомкнулись на его шее.

Он приподнялся, попытался разорвать душившую его хватку. Это дало мало, но достаточно, чтобы схватить глоток воздуха. Он тотчас перестал цепляться за запястье Соумса, сунул согнутые пальцы в его рот и развел руки изо всех сил. Соумс исходил слюной и проклятиями, его руки разжались. Грейдон попытался вскочить, но рука великана скользнула по его затылку и зажала в тиски — согнутый локоть на плече — его шею.

— Прирежь его, Данк! — прорычал Соумс.

Грейдон внезапно повернулся, и Данкре оказался на нем. Он едва успел увернуться — Данкре ударил, лезвие едва не задело Соумса. Соумс замком зажал свои ноги вокруг Грейдона, пытаясь подтолкнуть его к французу. Грейдон погрузил зубы в навалившееся на него плечо. Соумс взревел от боли, пытаясь стряхнуть с себя мертвую хватку челюстей Грейдона.

И тут раздался рев Старрета:

— Лама! Она удирает! Лама!

Непроизвольно Грейдон расслабил челюсти. Соумс вскочил. Грейдон последовал его примеру, подняв плечо, чтобы встретить удар, который он ожидал получить от Данкре.

— Смотри, смотри, Соумс! — показывал маленький француз. — Она удирать! Она освободиться! Христос! Она убежать с золотом... с драгоценностями...

Луна светила изо всех сил, и под ее лучами белые пески превратились в серебряное озеро. С золотыми корзинами,

сверкающими на ее боках, белая лама летела через это озеро серебра. Она была в ста шагах от них, держа курс на ущелье, через которое они прошли.

— Остановите ее! Мы ее поймаем! — орал Соумс. — За ней, Старрет! Туда, Данк! Я прегражу ей дорогу!

Они бежали по сверкающей пустоши. Лама перешла на шаг, не торопясь подошла к одному из холмов и вскочила на его вершину.

— Окружай ее! Мы ее поймаем! — орал Соумс.

Троица подбежала к холму, на котором стояло и спокойно озидало окрестности белое животное. С трех сторон троица полезла на холм.

Как только их ноги коснулись травы, раздался густой звук, звук одной из тех волшебных труб, что слышал Грейдон, когда они так весело и слитно трубили возле Суарры в тот первый день. Ей ответили другие, они были рядом, всюду. Снова одинокий звук. А затем отвечающий хор вихрем понесся к холму, на котором стояла лама, окружил его.

Соумс и Старрет зашатались, как под ударами, затем замали кулаками, будто отражая невидимое нападение. Великан простоял так мгновение, руки его бешено молотили воздух, словно цепи. Потом он бросился на землю и покатился по песку. Звуки волшебных труб остановили его, сконцентрировавшись на Соумсе. Бросившись ничком на откос, Соумс упрямо полз к вершине, рукой защищая свое лицо.

Защищая лицо — от кого?

Все, что Грейдон мог видеть, — это холм. А на нем — ламу, купающуюся в лунном свете. И Старрета у подножия холма, и Соумса, почти достигнувшего вершины. Данкре он не видел.

Трубы зазвучали громче, множество труб, словно охотничьи рога из сказки. То, что производило эти звуки, было невидимо.

Соумс достиг края плоской вершины насыпи. Лама наклонила голову, рассматривая его. Вскрабкавшись на край, Соумс выбросил руку, чтобы схватить ее за повод. Лягнув его, лама отскочила на противоположную сторону и спрыгнула в песок.

Окружившие Соумса звуки волшебных труб не утихали. Грейдон видел, как он содрогнулся, засучил руками и ногами. Соумс защищал глаза, будто оказавшись под градом ударов. И чем бы ни было то невидимое, Соумса оно не испугало. Он прыгнул через весь холм и съехал по склону, очутившись почти рядом с ламой. Когда он достиг подножия холма, поднялся, качаясь как пьяный, Старрет.

Звуки труб вдруг оборвались, словно свечи, задутые порывом ветра. Показался бегущий по откосу Данкре. Все трое остано-

вились, споря и жестикулируя. Их одежда была разорвана в клочья, а лицо Соумса было в крови.

Лама шла через пески. Шла так медленно, будто пыталась побудить их к продолжению погони. Очертания ее тела сделались почти призрачными. Она появилась снова и выглядела так, будто лунные лучи сгустились, переплелись и соткали из себя ламу. Лама исчезла — и появилась снова, словно сотканная из лучей на волшебном ткацком станке.

Рука Старрета метнулась к поясу. Но прежде чем белое животное оказалось на прицеле его пистолета, Соумс схватил Старрета за запястье. Он заговорил — нервно, безапелляционно. Грейдон понял, что он настаивает на соблюдении тишины, предупреждает об опасности.

Троица рассыпалась. Данкре и Старрет встали справа и слева от ламы. Соумс подходил к ней — осторожно, чтобы она, испугавшись, не обратилась в бегство. Но когда он приблизился, животное сделало легкий прыжок и направилось к соседнему холму.

На мгновение Грейдону показалось, что на вершине этого холма он увидел фигуру в разномастном одеянии. Он всмотрелся и решил, что глаза обманывают его: вершина была пуста. Лама легко вспрыгнула на насыпь. Как и прежде, Соумс и двое других окружили ее и полезли к вершине.

Многочисленные волшебные трубы зазвучали снова. Угрожающе. Подъем прекратился, троица колебалась. Затем Старрет скользнул вниз, отбежал на несколько шагов, поднял пистолет и выстрелил. Белая лама упала.

— Дурак! Проклятый дурак! — простонал Грейдон.

Тишина, что последовала за выстрелом, оборвалась бурей звуков, выпускаемых волшебными трубами. Буря обрушилась на троицу. Данкре пронзительно вскрикнул и побежал к лагерю, молотя кулаками воздух. На поддороге он упал и затих. Соумс и Старрет тоже били по воздуху, ныряя и увертываясь. Яростно кричали волшебные трубы, и в их звуках была смерть.

Старрет упал на колени, потом, шатаясь, поднялся. Неподалеку от Данкре он упал и затих. Упал и Соумс, сражаясь до последнего. Все трое без движения лежали на месте.

Грейдон заставил себя действовать и прыгнул вперед. Он ощутил прикосновение к своему плечу. Мурашки — оцепенение охватило его тело. С трудом он повернул голову. Позади него стоял человек в пестром. Его красный посох и было то, что лишало Грейдона способности двигаться. Тот же посох, который парализовал человека-паука и отправил его в пасть к динозаврам.

Красный посох протянулся к телам троицы. Мгновенно, как по команде, звуки труб поднялись от тел, скрылись в вышине и — пропали. На вершине холма с трудом поднялась на ноги белая лама. Отмечая место, куда угодила пуля Старрета, по серебряному боку протянулась темно-красная лента. Хромая, лама спустилась с холма.

Проходя мимо Соумса, она обнюхала его. Голова уроженца Новой Англии приподнялась. Он попытался подняться, но упал. Лама ткнула его носом снова. Корчась, Соумс встал на четвереньки. Глаза его уставились на золотые корзины, и он пополз вслед за животным.

Белая лама шла медленно, неуклюже. Она подошла к телу Старрета и, как и Соумса, коснулась его. Старрет поднял массивную голову и попытался встать, но, как и Соумс, не смог. И, как и Соумс, пополз вслед за животным.

Белая лама остановилась возле Данкре. Он зашевелился. Потом пополз за ней, качаясь, на руках и коленях.

По залитому лунным светом песку тащились они к лагерю вслед за прихрамывающим животным с кровью, капающей из простреленного бока. Глаза всей троицы уставились на сплетенные из золотых прутьев корзины, рты разинуты, словно у рыб, вытащенных на берег.

Лама дошла до лагерного костра и миновала его. Люди также доползли до костра и последовали за ламой. Человек в пестром опустил свой посох. Все трое остановились. Они свалились возле тлеющих углей — так, будто жизнь внезапно покинула их.

Странный паралич оставил Грейдона так же быстро, как и начался. Мышцы расслабились, вернулась способность к движению. Мимо него к ламе подбежала Суарра. Она ласкала ламу, пытаясь остановить кровь.

Он нагнулся над троицей. Они дышали с хрипом, глаза полуоткрыты и закачены вверх так, что видны только белки. Рубашки разорваны в клочья. На лицах, груди и спинах — дюжина маленьких проколов. Некоторые из них кровоточили, но большинство уже подсохло.

Он, озадаченный, осмотрел их. Раны — это достаточно скверно, разумеется, но ему показалось, что с их помощью нельзя объяснить то состояние, в каком находилась троица. Наверняка без сознания они не потому, что потеряли много крови, — ни артерии, ни крупные вены затронуты не были.

Взяв ведро, Грейдон набрал из ручья воды. Возвращаясь, он увидел, что Суарра снова поставила ламу на ноги и ведет ее к палатке. Он остановился, снял золотые корзинки и осмотрел рану. Пуля пропахала почти весь левый бок, но кость не была затронута. Он извлек свинец, промыл и прополоскал рану и

полосками шелка, которые подала ему Суарра, осушил ее. Все это он делал молча, и она не сказала ни слова.

Он снова набрал воды из ручья и вернулся в лагерь. Там он увидел, что сутулый человек присоединился к девушке. Когда он проходил мимо, то почувствовал, что скрытые капюшоном глаза следят за ним.

Грейдон расстелил одеяла и оттащил на них Соумса, Старрета и Данкре. Они вышли из своего оцепенения и, казалось, спали обычным сном. Он смыл кровь с их тел и ран, смазал йодом наиболее глубокие проколы. И ни малейшего признака пробуждения, пока он ухаживал за ними.

Грейдон прикрыл их одеялами, отошел в сторону от костра и бросился на песок. Предчувствие неудачи тяжело навалилось на него. Ощущение гибели. Он сидел, борясь с унынием, искушившим его отвагу.

Он услышал легкие шаги, и рядом с ним на песок опустилась Суарра. Его рука опустилась на ее руку, схватив ее. Она потянулась к Грейдону, ее плечо коснулось его, ее волосы ласкали его щеку.

— Это последняя ночь, Грейдон, — дрожащим голосом прошептала она. — Последняя ночь! И... я могу недолго поговорить с тобой.

Он ничего не ответил, только смотрел на нее и улыбался. Она правильно поняла эту улыбку.

— Ах, кроме этого, Грейдон, — сказала она, — я обещала. Я сказала, что если смогу, то спасу тебя. Я обратилась к Матери и просила ее помочь тебе. Она засмеялась... сначала. Но смягчилась, увидев, как это важно для тебя. И в конце концов она обещала мне, как женщина женщине — потому что Мать тоже женщина, — она обещала мне, что, если ты сможешь отозваться на ее зов, она поможет тебе, когда ты предстанешь перед Ликом и...

— Перед ликом, Суарра? — прервал он.

— Перед Ликом в Бездне! — сказала она и задрожала. — Больше о нем говорить не смею. Ты... должен будешь предстать перед ним. Ты — и те трое тоже... О, Грейдон... ты не должен покориться ему... Ты не должен...

Ее рука выскользнула из его руки, затем крепко сжала ее. Грейдон обнял Суарру. На мгновение она застыла на его груди.

— Мать обещала, — сказала она. — И поэтому у меня есть надежда. Но она поставила условие, Грейдон... Если с ее помощью ты спасешься от Лика, ты сразу должен покинуть Запретную Страну и никому за ее пределами о ней не рассказывать. Никому, даже самому близкому и дорогому тебе человеку.

Я дала это обещание за тебя, Грейдон. И... — она запнулась. — Итак, это последняя ночь.

Его сердце упрямо отказывалось верить ее словам. Но он ничего не говорил, и после короткой тишины она сказала:

— В твоей стране... есть девушка, которая любит тебя... или которую любишь ты, Грейдон?

— Никого, Суарра, — ответил он. — И мне хотелось бы уйти с тобой.

— Мне тоже хотелось бы уйти с тобой, — просто сказала она. — Я верю тебе. Но я не могу. Мать любит меня и заботится обо мне. И я люблю ее очень... Я не могу оставить ее даже из-за...

Внезапно она вырвала руку из его руки и, сжав ее в кулак, ударила себя в грудь.

— Я устала от Ю-Атланчи! Да, устала от ее древней мудрости и ее бессмертного народа! Я бы хотела уйти в новый мир, где есть дети, много детей и смех детей, и жизнь струится не бездонным быстрым потоком... хотя в конце концов в открытые ворота Смерти. Ибо в Ю-Атланчи закрыты не только ворота Смерти, но и ворота Жизни. В этой стране мало детей, а смеха детей — нет.

Он схватил ее за эту бившую в грудь руку и попытался утешить ее.

— Суарра, — сказал он, — я брожу в темноте, и твои слова дают мало света. Скажи мне — кто твой народ?

— Древний народ, — сказала она ему. — Самый древний. Сотни столетий назад они прибыли сюда с юга, где также жили в течение столетий. Однажды земля задрожала и покачнулась. Потом на землю пал великий холод, темнота и ледяные бури. И многие из моего народа погибли. Затем те, кто выжил, поплыли на кораблях на север. С ними были остатки Змеиного народа, который обучил их, передал большую часть своей мудрости. Мать — последняя из этого народа. Наконец они пришли сюда. В те времена море было ближе, а горы еще не родились. Оказалось, что эту страну населяют полчища Ксинли. Ксинли были большими, намного больше, чем сейчас. Люди моего народа уничтожили большую часть Ксинли. А тех, кого пощадили, — приручили, чтобы использовать их. И здесь мой народ живет с давних времен, как жил когда-то на юге, где теперь его города погребены ледяными горами. Затем были землетрясения, начали расти горы. Мудрость моего народа была недостаточной, чтобы помешать рождению гор. Но мой народ смог управлять их ростом вокруг города. Неуклонно, медленно, целую вечность поднимались горы. И в конце концов огромной стеной опоясали Ю-Атланчи. Стеной, преодолеть которую невозможно. Но это

не заботило мой народ. Наоборот, это его радовало. Потому что Властелин и Мать закрыли Ворота Смерти. И мой народ не желал больше выходить во внешний мир. И он живет здесь в течение многих столетий.

Она снова затихла, размышляя над чем-то. Грейдон смотрел на нее, прилагая все усилия, чтобы скрыть недоверие. Народ, победивший Смерть! Народ такой старый, что его древние города скрыты льдами Антарктиды! Последнее — нет, это возможно. Наверняка континент Южного полюса когда-то обогревался горячими лучами солнца. Доказательство тому — ископаемые остатки палм и других растений, которые могут жить лишь при тропических температурах. И наверняка полюсы когда-то находились не там, где в настоящее время. Наука только не выяснила, было ли это постепенное или внезапное изменение наклона земной оси. Но как бы это ни происходило, оно случилось по меньшей мере миллионы лет назад. Если Суарра рассказала правду, если только эта история не миф, значит, происхождение человека отодвигается в невообразимую древность.

И еще... это возможно... многие таинственные истории... легенды об утерянных странах и утраченных цивилизациях — они должны иметь какое-то фактическое обоснование... Страна Му, Атлантида. Неизвестная раса, которая из Гоби, когда эта иссушенная пустыня была еще зеленым раем, управляла всей Землей. Да, это возможно. Но то, что они победили Смерть? Нет! Этому он не верит.

Из сомнений родилось раздражение.

— Коли твой народ настолько мудр, почему же он не завоевал весь мир? Почему он не правит всем миром?

— Почему он должен был это сделать? — в ответ спросила она. — Он мог бы завоевать мир. Но превратить всю землю в подобие этого Ю-Атланчи, как он превращен в подобие старого Ю-Атланчи? Людей моего народа слишком мало. Разве я не сказала, что когда закрылись Ворота Смерти, точно так же закрылись и Ворота Жизни? Да, всегда находились такие, кто хотел распахнуть эти Ворота... Мои отец и мать были из них, Грейдон. Но их мало — так мало! Нет. Нет причин, по которым мой народ вышел бы за ограждение. И есть еще одна причина. Они побеждены сном. Во сне создают свои собственные миры. Делают с ними, что захотят. Живут по своему выбору жизнь за жизнью. Во сне они творят мир за миром. И для многих — текут годы, пока их жизнь проходит во сне. Почему им должно хотеться выйти, зачем им выходить в этот единственный мир, когда они могут создавать мириады миров по собственному желанию?

— Суарра, — внезапно сказал Грейдон, — почему ты хочешь спасти меня?

— Потому... — медленно прошептала она, — потому что ты заставил меня почувствовать то, чего я никогда не чувствовала прежде. Потому что ты сделал меня счастливой... и потому что ты сделал меня несчастной! Я хочу быть с тобой. Когда ты уйдешь, мир окутает тьма...

— Суарра! — вскрикнул он и привлек ее к себе. Она не сопротивлялась. Его губы искали ее губы. И губы Суарры лънули к губам Грейдона.

— Я вернусь, — шептал он. — Я вернусь обратно, Суарра!

— Возвращайся! — Ее нежные руки крепко обвили его шею. — Возвращайся ко мне, Грейдон! — Она оттолкнула его и вскочила на ноги. — Нет, нет! — рыдала она. — Нет, Грейдон! Я плохая. Нет... Это была бы для тебя смерть!

— Верь мне, Суарра, — сказал Грейдон, — я вернусь к тебе. Она задрожала, потянувшись к нему, снова прижала губы к его губам. Потом выскользнула из его рук и побежала к шелковой палатке. Остановившись возле нее на мгновение, она с тоской протянула к нему руки и скрылась за пологом. И, казалось, оттуда донесся ее голос — голос, который он мог слышать лишь своим сердцем:

— Возвращайся, возвращайся ко мне!

Г л а в а 6

ЛИК В БЕЗДНЕ

При первых лучах рассвета белый песок казался серым. С высот дул холодный ветер. Грейдон подошел к троице и откинул одеяло. Они дышали нормально. Они, казалось, глубоко спали, и их странные колотые раны зажили. И еще — они походили на мертвецов, синеватые и серые, словно бледные пески под лучами начинающегося рассвета. Он снова вздрогнул, но на этот раз не от прикосновения холодного ветра.

Он вытащил свой автоматический пистолет из-за пояса Соумса, удостоверился, что пистолет должным образом заряжен, и сунул его в свой карман. Затем разрядил все оружие, имевшееся у троицы. Он был убежден, что, с какой бы опасностью они ни встретились, это будет опасность, против которой огнестрельное оружие бессильно. И ему не хотелось вновь оказаться в их власти.

Грейдон вернулся к костру, сварил кофе и наспех приготовил завтрак. Затем подошел к спящим.

Он стоял и смотрел на них. Соумс застонал и сел. Он слепо уставился на Грейдона. Затем — с видимым трудом — встал. Его взгляд безостановочно блуждал. Он увидел возле палатки Суарры золотые корзины. Тусклые глаза Соумса вспыхнули, и что-то вроде смешанного с хитростью ликования скользнуло по его лицу.

— Идите, Соумс, выпейте горячего кофе, — коснулся его руки Грейдон.

Соумс обернулся с рычанием, ладонь его упала на рукоятку пистолета. Грейдон отступил на шаг, его пальцы коснулись находящегося в кармане оружия. Но Соумс не сделал больше ни одного движения. Он снова смотрел на корзины, сверкающие в лучах восходящего солнца. Ногой он толкнул Старрета, и великан встал, бормоча и шатаясь. Его движения разбудили Данкре.

Соумс указал на золотые корзины, затем (в руке — бесполезный пистолет) шагнул к шелковой палатке.

Вслед за ним двинулись Данкре и Старрет. Грейдон хотел последовать за ними, но ощутил легкое прикосновение к своему плечу. Рядом с ним стояла Суарра.

— Пусть идут, куда хотят, Грейдон, — сказала она. — Теперь они никому повредить не могут. И никто не может помочь им.

Они молча наблюдали, как Соумс сорвал полог шелковой палатки и залез в нее. Мгновением позже он вылез, и вся троица принялась за работу, вытаскивая золотые колышки. Соумс скатал палатку вместе с колышками и засунул ее в одну из корзин. Затем они побрели к лагерю. Старрет и Данкре волоком тащили за собой корзины.

Когда они проходили мимо Грейдона, он почувствовал удивление, смешанное со смутным ужасом. От них исходило нечто нечеловеческое, какие-то нелюди заняли их место. Они шагали, более похожие на автоматы, нежели на людей. Ни на Грейдона, ни на девушку они не обратили никакого внимания. И когда они не поворачивали голову, чтобы посмотреть на свою золотую ношу, глаза их оставались пустыми. Подойдя к ослам, они навьючили корзины на двух из них.

— Время выступать, Грейдон, — потребовала Суарра. — Нетерпение Властелина Глупости возрастает.

Он уставился на нее, затем, думая, что она шутит, рассмеялся. Она скользнула взглядом по человеку в пестром.

— Почему ты смеешься? — спросила она. — Властелин Тиддо, Повелитель Глупости, единственный из всех Властелинов, который не покинул Ю-Атланчи. Мать не позволила бы мне путешествовать с вами без него.

Он посмотрел на нее более внимательно. Это наверняка шутка. Но ее глаза смотрели в его глаза серьезно и прямо.

— Я склоняюсь перед мудростью Матери, — мрачно сказал он. — Она не могла бы выбрать менее подходящего сопровождающего для нас.

Суарра залилась румянцем и коснулась его руки.

— Ты сердисься, Грейдон. Почему?

Он не ответил. Она вздохнула и медленно пошла прочь.

Он подошел к тем троем. Они стояли рядом с тлеющими углями костра, не произнося ни слова и неподвижные. Он вздрогнул — они так походили на мертвецов, повинующихся какому-то страшному приказу. Он почувствовал к ним жалость.

Наполнив чашку кофе, он вложил ее в руку Соумса. То же самое он сделал для Старрета и Данкре. Нерешительно, толчками они поднесли оловянные чашки к своим губам, крупными глотками выпив горячую жидкость. Он дал им пищу, и они с жадностью съели ее. Но лица их все время оставались обращенными к ослам с их золотой ношей. Грейдон не мог больше этого вынести.

— Выступаем! — обратился он к Суарре. — Бога ради, выступаем!

Он подобрал винтовки, вложил их им в руки. Они взяли винтовки. Взяли тем же механическим движением, как брали кофе и пищу.

— Пойдем, Соумс, — говорил он. — Пойдем, Старрет. Время идти, Данкре.

Они покорно (глаза уставились в желтые корзины) тронулись в путь. Маршировали бок о бок — тощий человек слева, гигант посередине, маленький человек справа. Маршировали, будто марионетки. Вслед за ними тащился Грейдон.

Они пересекли белые пески и вступили на тропу, вьющуюся среди тесно растущих, чудовищно больших деревьев. И шли по этой тропе в течение часа.

Внезапно тропа кончилась. Они оказались на голой скалистой площадке. Впереди — стена расколотой трещиной горы. Ее откосы тянулись вверх на тысячу футов. Между откосами — узкая, расширяющаяся трещина. Преддверием трещины и являлась площадка.

Тот, которого Суарра назвала Повелителем Глупости, пересек преддверие. За ним — Суарра. За ней одеревенело промаршировала троица. Замыкал шествие Грейдон.

Дорога вела вниз. Он не видел ни деревьев, ни вообще никакой растительности, если не считать растением древний серый высушенный лишайник, что покрывал тропу и шуршал под ногами. Но он давал точку опоры, и потому спуск делался легче.

Край ущелья уходил вверх на сотни футов, и свет едва проникал в ущелье. Но серый лишайник, казалось, и рассеивал этот свет. Было не темнее, чем бывает при ранних сумерках на севере. Каждый предмет был отчетливо виден. Они шли вниз, все время — вниз. Полчаса. Час. Почти прямая, тянулась перед ними дорога, нигде не меняясь по ширине. И почему-то темнее не становилось.

Дорога повернула. Перегораживая расщелину, вперед неожиданно выдалась скала, протягиваясь поперек, будто барьер. Новая тропа оказалась темнее предыдущей. Грейдон с беспокойством почувствовал, что где-то высоко вверху скалы смыкаются. Они входили в туннель.

Грейдон шел в полутьме и едва различал шагавшие впереди тени. Он был полностью уверен, что скалы наверху сомкнулись, погребли группу. Вместе с пониманием пришла и подавленность, и ощущение удушья. Но Грейдон старался справиться с этим.

И еще. В конце концов, было не так уж темно. “Странно, — подумал он, — странно, что в этом туннеле вообще есть свет. И очень странным был этот свет. Свет, казалось, был в самом воздухе... исходил из воздуха! Ни стены, ни потолок света не испускали. Он, казалось, просачивался, вползал в туннель из какого-то находящегося впереди источника. Такой свет... как если бы он исходил от медленно плывущих мимо светящихся атомов”.

Глаз не различал этих атомов — только испускаемое ими свечение. Они плыли все гуще. Все светлее делалась дорога.

Снова, и так же внезапно, как и раньше, дорога повернула.

Они оказались в пещере. Она походила на громадный прямоугольный зрительный зал, расположенный перед гигантской эстрадой. Вероятно, такое впечатление у Грейдона создалось потому, что в ста ярдах впереди виднелась гигантская каменная стена. Она походила на занавес, поднятый на дюйм над полом. Из щели выплывали светящиеся атомы. Здесь они струились быстрее и выходили на бесчисленный рой светлячков, каждый из которых нес крошечный фонарик сверкающего света.

Грейдон осмотрелся в поисках входа, и в это время каменный занавес дрогнул. Он беззвучно скользнул в сторону — на ярд, может быть, несколько больше. Грейдон оглянулся. Рядом, с пустыми, нелюбопытствующими глазами, стояли трое — тощий человек, маленький человек, гигант...

Ему показалось, что над их головами мелькнул красный посох Повелителя Глупости... Как это может быть?.. Молчаливая фигура в пестром с посохом в руке стояла вдали от входа в пещеру.

Он услышал гнусавое ругательство Соумса, басом выругался Старрет, пискляво — Данкре. Он повернулся к ним. Исчезла полностью так поразившая его неестественная мертвечина, исчезла неопределенность намерений и поступков. Лица сделались живыми, настороженными. Люди снова стали сами собой.

— Что это за место, черт возьми? Как я попал сюда? — железной хваткой схватил его запястье Соумс.

Вместо Грейдона ответила Суарра:

— Это — та сокровищница, куда я обещала привести вас.

— Да? — свирепое рычание заглушило ее слова. — Я говорю с тобой, Грейдон. Как я попал сюда? Ты понимаешь, Данк? Ты, Билл?

Их изумленные лица дали ему ответ. Он наставил винтовку на Грейдона.

— Выкладывай!

Ему снова спокойно ответила Суарра:

— Какая разница, как вы сюда попали, раз вы уже здесь... все четверо. Там, откуда выходит свет, есть пещера, в которой драгоценные камни растут из стен, словно плоды, и золото течет потоком, словно вода. Если вы их возьмете — они ваши. Идите и возьмите.

Соумс опустил винтовку и злобно воззрился на Суарру:

— А еще что там есть, сестричка?

— Больше там ничего нет, — сказала она. — Если не считать вырезанного на камне большого лица.

Медленно текли секунды, пока он обдумывал ее слова.

— Только большое лицо, вырезанное на камне? А? — сказал он наконец. — Ну, ладно. Мы пойдем туда, посмотрим на него все вместе. Зови своего провожатого.

— Нет! — сказала она твердо. — Мы с вами дальше не пойдем. Вы должны идти одни. Я говорила вам и повторяю снова: вам нечего бояться, за исключением того, что таится в вас самих. Вы глупцы! — Она топнула ногой во внезапном приступе гнева. — Если бы мы захотели убить вас, разве мы не могли бы отдать вас Ксинли? Или ты забыл прошлую ночь, когда вы гнались за ламой? Я выполнила данное вам обещание. Не требуй большего. И остерегайся и дальше сердить меня!

Грейдон видел, как побледнело лицо Соумса, когда она сказала о ламе. Увидел он и взгляд, украдкой брошенный Соумсом на также побледневших Старрета и Данкре. Минуту уроженец Новой Англии раздумывал. А когда он заговорил, то говорил он тихо, и слова его предназначались не для Суарры:

— Прекрасно! Раз мы забрались так далеко, не хотелось бы уходить, не взглянув на это место. Данк, возьми свою пушку и прогуляйся ко входу! Прикрой старое чучело и будь наготове.

Билл и я приглядим за девчонкой. А ты, мистер Грейдон, ты сходи и взгляни, что там за трещина. Потом расскажешь нам, что увидел. Можешь взять свой пистолет. Если мы услышим выстрелы, будем знать, что там есть еще что-то, кроме золота, драгоценностей и — как его — каменного лица. Марш, мистер Грейдон, топай!

Он толкнул Грейдона к выпускавшему свет отверстию. А затем он и Старрет встали по обе стороны девушки. Грейдон заметил, что они старались к ней не прикасаться. Он мельком увидел Данкре у входа в пещеру. Суарра подняла глаза к Грейдону. В них были скорбь, страдания и — любовь!

— Помни! — сказал он. — Я вернусь к тебе!

Соумс не мог понять скрытого значения этих слов. До него дошел лишь их очевидный смысл.

— Если ты не вернешься, — усмехнулся он, — ей придется чертовски туго. Это я тебе обещаю, парень!

Грейдон не ответил. Вытаскивая на ходу пистолет, он подошел к краю занавеса. Миновал край и окунулся в поток света. Открывшийся проход немного превышал десять футов в длину. Грейдон достиг его конца и застыл неподвижно. Пистолет выпал из его безжизненной руки и загремел по камням.

Перед ним была огромная пещера, заполненная сверкающими атомами. Она походила на огромный полый шар, который разрезали пополам и одну половину выбросили. Свет струился с изогнутых стен пещеры, и были эти стены угольно-черными и отполированными, словно зеркала. Лучи, казалось, исходили из неизмеримой глубины стен.

Из этих изогнутых стен, вися на них, словно изваянный виноград, виноград рая Эль-Шираза, словно цветы сада короля джиннов, гроздьями росли драгоценные камни.

Громадные кристаллы, естественные и ограненные, круглые и состоящие из многоугольников, живые под этим ликующим светом, они представляли собой одушевление огня! Рубины, пылающие всеми оттенками красного — от того чисто-алого, какой получается, если посмотреть на солнечный свет через нежные девичьи пальчики, до того глубочайше красного, мрачного, каким кровоточит сердце.

Сапфиры, сияющие голубым, того редкого цвета, как под крыльями птиц с синим оперением, и сапфиры голубые, как глубины под пенистыми гребнями волн Гольфстрима. Огромные пылающие опалы. Камни, светящиеся аметистовым пламенем. Невиданные камни, чья незнакомая красота заставила замереть в восхищении сердце.

Гроздьями висели драгоценные камни в этом зале света. Но не они заставили ослабить державшие пистолет пальцы Грейдона, не они обратили его в камень.

Лик!

Оттуда, где он стоял, вниз, в середину пещеры, вели циклопические ступени. Слева от них — полушарие мерцающей драгоценностями скалы. Справа — пустота, пропасть, сразу от лестницы отвесно падающая в бездонную глубину. Противоположный край пропасти был не виден.

С дальнего конца пещеры на Грейдона смотрело лицо. Без тела, с опертым на пол подбородком. Колоссальное. Глаза из бледно-голубых кристаллов были направлены прямо на Грейдона. Оно было вырезано из того же черного камня, из которого состояли стены. Но — ни малейшей искры пробивающегося наружу свечения.

Это было одновременно лицо человека и лицо павшего ангела. Лицо Люцифера. Безжалостное и прекрасное. От него исходила сила. Сила, которая, будь она благодетельной, была бы равной божественной, но вместо этого избравшая для себя жребий сатаны.

Кем бы ни был искусный скульптор, он выразил в Лике крайнее олицетворение вековечного и безжалостного стремления человека к власти. В Лике это стремление сконцентрировалось воедино, обрело плоть и форму. Заговорило.

И Грейдон почувствовал, как, отвечая Лику, в нем самом шевельнулось, пробудилось это стремление, быстро окрепло, поднялось тугой волной, плеща и угрожая затопить барьеры, что обычно удерживали его.

Что-то в его душе боролось с этим поднимающимся приливом ада. Боролось, не давая ответить на призыв Лика. Боролось, отводя его глаза от мертвенно-бледных голубых глаз.

И Грейдон увидел, что все лучи, все пылающие атомы фокусируются на этом Лике и что поперек его лба тянется широкий золотой обруч.словно золотой пот, из-под обруча стекают шарики золота. И медленно ползут по щекам. Из глаз, будто слезы, тоже ползут золотые капли. Пот, слезы, слюна ползли и сливались в золотой ручей, текущий к краю пропасти и оттуда — в бездну.

— Посмотри мне в глаза! Посмотри мне в глаза!

Казалось, что это говорил Лик, — и Грейдон не мог не подчиниться. Он, круша все преграды, взглянул в глаза Лика.

Землю, все владения Земли — вот что обещали ему глядящие с Лика глаза! И лился из них пламенный иступленный восторг, вопль безрассудства, ликующее осознание полного освобождения от любых запретов.

Он удержался от того, чтобы прыгнуть на ступени и бежать к этой высеченной из черного камня личине, гигантской личине, источающей пот, слюну и слезы. Он обязан вернуться, чего бы это ни стоило...

Чья-то рука стиснула плечо Грейдона. Уши его услышали чей-то голос... голос Соумса:

— Нужно дьявольски долго ждать, пока ты...

А затем — визгливый, истерический крик:

— Билл, Данк, сюда! Посмотрите!.. Боже...

Грейдон рухнул на камень. Покатился. Быстро мелькающие ноги топтали его, били, выколачивали из груди дыхание. Задышавшись, он приподнялся на четвереньки. Он применил все усилия, чтобы подняться...

Внезапно крик и бормотание троицы стихли. А... он знает, что это значит... Они посмотрели в глаза Лика... и они обещали им то же, что обещали ему...

Он сделал усилие, от которого замерло сердце. И встал! Качаясь, борясь с тошнотой, осмотрелся. Мчась по ступенькам, уже на полдороге были тощий Соумс, громадный Старрет, маленький Данкре...

— Ей-богу, они не могут получить это! Земля и все владения Земли...

Он мог сам заполучить все это... Лик обещал это ему раньше их...

Он ринулся вслед за троицей.

Что-то вроде крыла огромной птицы ударило ему в грудь. Удар отбросил Грейдона назад, и он снова упал на четвереньки. Всклипнув, он поднялся на ноги. Его качало. Шатаясь, он пошел к ступеням... глаза Лика... глаза... они придадут ему силу... они...

Вытянувшись из светящегося воздуха, наполовину свернув свое тело в кольца, между ним и Ликом лег призрак того самого существа, полуженщины и полузмеи, чье изображение было на браслете Суарры. Существа, которое Суарра называла Матерью Змей...

Реальная и нереальная одновременно, Мать Змей плавала в воздухе. Вокруг нее кружились в водовороте светящиеся атомы. И проходили сквозь ее тело. Грейдон видел ее. И отчетливо видел сквозь нее Лик. Фиолетовые глаза Матери Змей смотрели на Грейдона.

Мать Змей... Как женщина, она обещала Суарре, что поможет ему... если он сможет отозваться на ее зов... если он сможет воспользоваться ее помощью.

Суарра!

Он вспомнил. И яд, что вливали в него глаза Лика, и охватившая его ярость исчезли. Их сменил стыд, раскаяние и острое

чувство благодарности. Без страха он поглядел в глаза Лика. Это были только бледно-голубые кристаллы. И сам Лик был всего лишь вырезанной из камня личиной. Его чары развеялись!

Сверху вниз он посмотрел на лестницу. Соумс, Старрет, Данкре уже достигли ее конца. Они все еще бежали. Бежали прямо к Лику. В ярком свете кристаллов они выглядели как движущиеся фигуры, вырезанные из черного картона. Они сделались плоскими — три контура, три силуэта, вырезанные из черной бумаги. Они бежали бок о бок — тощий, худой силуэт, гигантский силуэт и маленький силуэт. Они уже были возле огромного подбородка. Грейдон видел, как они остановились на мгновение, как они дрались, стараясь оттолкнуть друг друга. Затем, как один, как бы отзываясь на непреодолимый призыв, они начали забираться на утес-подбородок. Карбакались к холодным голубым глазам, к тому, что обещали эти глаза.

Они оказались точно в фокусе сходящихся лучей, в центре бури светящихся атомов. Три фигурки.

Они посерели, линии их тел размазались. Они прекратили подъем. Корчились...

Они уменьшались!

Там, где только что были люди, парили три клочка цветного тумана. Клочки таяли.

Вместо них покатались три большие капли золота.

Три шарика лениво покатались вниз по лику. Они слились. Образовавшаяся капля медленно поползла к золотому потоку. Сливаясь с ним, докатилась до края пропасти...

И сорвалась в бездну.

В высоте над бездной зазвучали волшебные трубы, зашумели невидимые крылья. Теперь в странном свете пещеры Грейдон увидел крылатые тела змей. На белых крыльях они парили перед Ликом, словно призрачные птицы рая.

Большие и маленькие, они кружились, свиваясь и развиваясь в пронизанном искрами воздухе, триумфально трубили, звали друг друга голосами, похожими на волшебные трубы.

Крылатые змей, в райских перьях, с острыми рапирами-клювами, трубили сказочными трубами, а поток, частью которого сделались Соумс-Старрет-Данкре, каплями, медленными каплями, стекал в пропасть.

Грейдон опустил на ступеньку, он изнемог каждым нервом, каждой частицей своего тела. Он полз. Прополз мимо края каменного занавеса. Полз от алмазного сверкающего света, от вида Лика, от трубных звуков, издаваемых летучими змеями.

Он увидел Суарру, бегущую к нему.

И потерял сознание.

Глава 7

ОХРАНЯЕМАЯ ГРАНИЦА

Туманный зеленый сумрак прогалины окутывал Грейдона, когда он открыл глаза. Он лежал на одеяле. Рядом безмятежно пощипывал траву его осел.

Кто-то шевельнулся в тени, подошел к Грейдону. Это был индеец, но Грейдон никогда не видел таких индейцев. Он был чисто выбрит, черты его лица были нежными, кожа не столько коричневого, сколько оливкового оттенка. На нем были латы и юбка из простеганного голубого шелка. Вокруг его лба шел тонкий золотой обруч. За спиной — большой лук и колчан со стрелами, в руке — копье из черного металла. Он держал завернутый в шелковую ткань сверток.

Грейдон развернул сверток. Внутри лежал браслет Суарры с изображением Матери Змей и перо “караивенкос”. Стержень пера был искусно инкрустирован золотом.

— Где та, что послала мне это? — спросил Грейдон.

Индеец улыбнулся, покачал головой и приложил два пальца к губам. Грейдон понял — посланцу приказали молчать. Он положил перо обратно в сверток и сунул все в нагрудный карман. Браслет же (с некоторым трудом) он надел на запястье.

Индеец указал на небо, потом на деревья слева. Грейдон понял: это означает, что им пора в путь. Он кивнул и взял осла за поводья.

В течение часа они пробивались сквозь чащу. Тропинок нигде не было. Выйдя из леса, они оказались в узкой долине. Солнце было на полпути к закату. Уже в сумерках они вышли на ровное скалистое пространство. Маленький ручей пробил в скале свое извилистое русло. Здесь, знаками показал индеец, они проведут ночь.

Грейдон стреножил осла там, где тот мог пастись, разжег костер и из остатков припасов приготовил нехитрый ужин. Индеец исчез. Вскоре он вернулся, неся пару форелей. Грейдон пожарил их.

Пришла ночь, а вместе с ней — холод Анд. Грейдон завернулся в одеяло, закрыл глаза и принял восстанавливать каждый шаг совершенного днем путешествия. Запечатлевал в памяти долины, которые он отмечал, когда они вышли из леса. Вскоре эти отметки перемешались. Началась фантазмагория: пещеры драгоценностей, громадные, высеченные из камня лица, танцующие старики в пестром... Затем среди этих фантазов, изгоняя их, проплыла Суарра. А потом и она исчезла.

На следующий день они прошли еще один лес. Индеец остановился на краю плато. Он раздвинул кусты и указал вниз. Следуя взглядом за его пальцем, Грейдон увидел внизу слабый след — звериную тропу, понял он. Следов человека на тропе видно не было. Он посмотрел на индейца. Тот кивнул, показывая на след и на Грейдона. Затем указал вниз, на тропу, и на восток. Потом ткнул пальцем в себя и назад.

— Достаточно ясно, — сказал Грейдон. — Граница Ю-Атланчи. Меня выдворяют.

Индеец нарушил свое молчание. Понять, что сказал Грейдон, он не мог, но узнал название — Ю-Атланчи.

— Ю-Атланчи, — повторил он важно и широким жестом указал себе за спину. — Ю-Атланчи! Смерть! Смерть!

Он отступил в сторону, ожидая, пока пройдет Грейдон со своим ослом. Когда же человек и животное спустились вниз, он помахал им на прощание рукой и скользнул обратно в чашу.

Вероятно, с милую тащился Грейдон на восток, как ему и было указано. Затем залег в кустарнике и выжидал в течение часа. А потом повернул обратно по собственным следам. Сперва он ехал на осле, потом, когда начался подъем, — пешком. Одна мысль, одно желание владело Грейдоном — вернуться к Суарре. Неважно, какие опасности ждут его, — он вернется к ней.

Грейдон перевалил через край плато и застыл, прислушиваясь. Но он ничего не услышал. Тогда он отпустил осла и пошел вперед.

Внезапно где-то почти над его головой рассерженно и угрожающе зазвучали трубы, зашуршали огромные крылья.

Инстинктивно Грейдон выбросил вверх руку. Руку, на запястье которой был надет браслет Суарры. Фиолетовые капли вспыхнули в лучах солнца. Раздался свистящий порыв ветра рядом, как если бы какое-то невидимое существо изо всех сил попыталось затормозить свой полет.

Что-то скользящее ударило по браслету. Что-то похожее на острие рапиры ударило в плечо у основания шеи. Он ощутил, как потоком хлынула кровь. Что-то ударило его в грудь. Он перелетел через край и покатился к тропе.

Когда Грейдон пришел в себя, он лежал под откосом. Рядом стоял осел. Он, должно быть, пролежал так немало времени, потому что его рука и плечо затекли. Он потерял много крови. Над виском, где он ударился, падая, была глубокая рана.

Он застонал и встал. Рана на плече была там, где Грейдон не мог увидеть ее. Что бы ни ранило его, удар прошел сквозь мышцы плеча и шеи.

Что ранило его? Ну, он знает, кто это сделал. Одна из тех парящих змей, которых он видел летающими над пропастью

в пещере. Один из тех Посланников, как их назвала Суарра, которые так непонятно пропустили их четверку через границу Запретной Страны.

Змея могла убить его... Она намеревалась убить... Что помешало ей нанести смертельный удар? Отклонило его?.. Господи, как болит голова! Что остановило змею?.. Ну браслет, разумеется... блеск фиолетовых камней.

Но это означает, что Посланник не должен нападать на того, кто носит браслет, что браслет — это пропуск в Запретную Страну. Так вот почему Суарра послала ему браслет! Чтобы он мог вернуться!

Что ж, сейчас он этого определить не может... Сперва он должен залечить раны... Нужно найти помощь... Где угодно... Прежде чем он сможет вернуться к Суарре...

Грейдон плелся вслед за ослом по тропе. Ночью осел терпеливо стоял рядом, пока Грейдон стонал и ворочался возле пепла потухшего костра.

По жилам Грейдона медленно ползла горячка. На следующий день осел терпеливо шел за Грейдоном. Грейдон спотыкался, падал, вставал и снова падал, рыдал, жестикулировал, проклинал и смеялся. Его сжимала опаляющая хватка лихорадки.

А потом осел терпеливо шагал за охотниками-индейцами, попавшимися навстречу Грейдону, когда смерть была уже рядом.

Индейцы были не киче, а аймары. Они доставили Грейдона в уединенную деревушку Чапока — ближайшее место, где были люди с его цветом кожи, которые могли бы присматривать за ним.

В пути индейцы лечили Грейдона своими лекарствами, не признанными наукой, но тем не менее облегчавшими страдания.

Прошло два недели, прежде чем Грейдон, залечив раны и восстановив силы, смог покинуть Чапоку. Он не знал, в какой степени обязан своим выздоровлением заботе старого “падре” и его домашних и в какой — лекарствам индейцев. И не знал также, о чем он проговорился в бреду. Но сознавал, что бредил он, вероятно, по-английски, а никто в Чапоке не знал этого языка. Но правда и то, что старый “падре” со странной настойчивостью противился его уходу и долго толковал о демонах и их злых умыслах.

Во время выздоровления у Грейдона было достаточно времени, чтобы проанализировать увиденное, осмыслить его.

Действительно ли те трое превратились в золотые шарики? Существовало другое, гораздо более вероятное объяснение.

Пещера Лика могла быть природной лабораторией, тиглем, в котором под воздействием неизвестного излучения происходило превращение одних элементов в другие. В скалах пещеры могло содержаться какое-то вещество, превращающееся в золото под действием этого излучения. Осуществление старой мечты древних алхимиков, которую современная наука сделала реальностью.

Разве англичанин Резерфорд не добился успеха, превратив совершенно другой элемент в чистейшую медь? Отняв у атомов этого элемента то ли один, то ли два электрона? Разве конечный продукт урана, родителя радия, не искристый тусклый свинец?

Концентрация лучей на Лике была огромной. Тела троицы могли быстро распасться под действием тех светящихся частиц. Бомбардировка частицами, обладающими высокой энергией... Три капли золота вытекали, наверное, из скалы позади троицы... А они трое — исчезли... Он, Грейдон, видел капли... и подумал, что в них превратилась троица... Обман зрения.

А на самом деле Лик вовсе не источал золотой пот, слюну и слезы. Просто так на него действовало излучение. Гений, вырезавший его из камня, предусмотрел эту подмену... Конечно!

Исходящие от Лика соблазны? Власть Лика? Все дело — в психологии. Тот же самый гений так точно изобразил в камне присущую человеку жажду власти, что у того, кто видел Лико, неизбежно возникала ответная реакция. Чем сильнее человек жаждал власти, тем резче была реакция. Та же самая история, что и с любовным напитком. Сильный тянется за слабым. Дело просто в психологии.

Крылатые змеи — Посланники? На деле и это имеет под собой научное объяснение. Амброз в своем произведении “Проклятая тварь” пришел к выводу, что такие существа возможны. Англичанин Уэллс обыграл эту идею в “Человеке-невидимке”. Ги де Мопассана, как раз перед тем как он сошел с ума, преследовала мысль о существе по имени Орля. Наука знает, что такие существа возможны. И ученые всего мира пытаются раскрыть этот секрет, чтобы использовать его в грядущей войне.

Да, невидимость Посланников легко объяснима. Нужно лишь представить нечто, не поглощающее и не отражающее свет. В таком случае луч света проходит сквозь это нечто, как воды ручья текут над погруженными в воду камнями. Камень невидим... Не бывает существа, сквозь которое проходил бы луч света. Световые лучи, скорее, огибают его, и наблюдатель видит то, что находится позади него. Находящийся в середине

объект невидим, поскольку он и не поглощен, и не отражает свет.

Путешественник в пустыне внезапно видит зеленые пальмы. На самом деле там их нет. Они далеко от горы, у подножия которых они, как кажется, растут.

Световые лучи, несущие их отображение, ушли вверх, отразились от горы, ушли вниз и снова отразились в более плотном горячем воздухе. Это мираж. Этот пример — не прямая аналогия, но основополагающий принцип тот же самый.

Да, подумал Грейдон, не так трудно понять, что представляют собой крылатые Посланники. А что касается их формы, так разве птица есть что иное, нежели крылатая змея или пернатая ящерица?

Перья райских птиц появились в результате развития змеиной чешуи, так утверждает наука. Птица — это змея с перьями. У первой птицы, археоптериса, еще были челюсти, зубы и хвост, унаследованные от предков-рептилий.

Но эти создания понимали приказы человека и повиновались им. Ну а почему бы и нет? Собаку можно выдрессировать так, что она будет делать то же самое. В этом нет ничего загадочного. Собака умна. Нет никаких причин, по которым летающие змеи были бы не так умны, как собака. И поэтому, когда невидимые создания напали на него, они узнали браслет Суарры. Это хорошее объяснение.

Мать Змей? Но сперва он должен ее увидеть, а потом поверит в то, что есть полужмея, полуженщина. Именно так.

Получив, к собственному удовлетворению, объяснение всех загадок (за исключением женщины-змеи), Грейдон прекратил размышления. И в результате его состояние начало быстро улучшаться.

Полностью выздоровев, он попытался оплатить долг перед теми, кому был обязан жизнью. В Сьерра-де-Паско были посланы деньги и разные припасы. “Падре” может приобрести новые украшения для алтаря, о чем он давно мечтал. А то, что от Грейдона получили индейцы, заставило их думать, что спасли они Грейдона благодаря милости святых покровителей или своих тайных богов.

Грейдон тоже был счастлив. Во время своих блужданий он потерял винтовку. Его посланцы сумели подобрать ему в Сьерра-де-Паско великолепное мощное ружье.

И теперь, имея большое количество боеприпасов, четыре автоматических пистолета и прочее необходимое ему снаряжение, Грейдон был готов к тому, о чем постоянно думал. Он был готов выступить в путь с тем же самым терпеливым ослом — спутником по приключениям в Запретной Стране.

Покинув Чапоку, он напрямик отправился в Кордильеры. В течение последних нескольких дней он не видел никаких следов индейцев. Что-то подсказывало ему быть поосторожнее.

Поосторожнее? Он улыбнулся этой мысли. Осторожность — едва ли подходящее слово для этого путешествия. Одиноким человек намеренно отдается во власть силы, которую Суарра назвала Ю-Атланчи! Осторожность! Грейдон рассмеялся от всей души. Он понимает все же, что можно, вероятно, проявить осторожность, даже двигаясь в ад. А страна Суарры, если судить по тем чудесам, которые он видел, кажется весьма похожей на это проклятое место. Если не намного хуже. Он начал подсчитывать, какими преимуществами он располагает.

Первоклассная винтовка и много боеприпасов. Четыре хороших автоматических пистолета: два в багаже, один за поясом и один в кобуре под мышкой. Вполне достаточно. Но у Ю-Атланчи может быть — и весьма вероятно, что есть, — оружие, по сравнению с которым его оружие — что-то вроде лука и стрел бушменов. И чем могут помочь его винтовка и пистолет против чешуйчатой брони динозавров?

Что еще есть у него? Ответ ему дал мерцающий фиолетовый блеск на его запястье — блеск драгоценных камней на браслете Суарры. Возможно, браслет имеет большую ценность, чем сотня ружей и пистолетов, — если это действительно пропуск в Запретную Страну.

На четырнадцатый день путешествия сумерки застали Грейдона в маленькой ложине, расположенной между редко поросшими лесами. Поблизости дружелюбно булькал и посмеивался ручей. Возле ручья и разбил Грейдон свой лагерь.

Он стреножил осла, привязал его и оставил пастись. Потом разжег костер, вскипятил чай и приготовил ужин. На глаз он определил расстояние до южной горной цепи. До сих пор ему везло: он двигался долинами, встречая не много подъемов, и ни один из них не был трудным. А теперь прямо по его курсу лежат горы. Грейдон прикинул их высоту: около двух тысяч футов. Подняться на них тоже будет нетрудно. До самой ближней горы росли деревья, поодиночке и кучками. И возникало любопытное впечатление, что все они заботливо посажены.

Он лежал, размышляя. Правая рука — поверх одеяла. В свете затухающего костра вспыхивали и тускнели фиолетовые камни браслета. Чем дальше, тем больше, казалось, становились эти камни. Все больше и больше. Сон окутал Грейдона.

Он спал и знал, что спит. И даже во сне видел, как сверкают фиолетовые камни. Он видел сон, и сон этот направлялся этими камнями. Он быстро шел по залитой лунным светом пустоши.

Впереди мрачно высился черный барьер. Барьер окутал Грейдона и исчез.

Грейдон увидел огромную круглую долину. Он увидел отблеск озера, серебряный блеск низвергающегося с утеса потока.

Навстречу Грейдону близился город. Город с рубиновыми крышами и опаловыми башенками. Фантастичный, будто сотканный из материй снов.

Он оказался в огромной — вся в колоннах — комнате. С высокого потолка падали лучи туманного лазурного света. В вышине вокруг колонн развевались лепестки золота, усеянные опалами, бирюзой и изумрудами.

Он видел Мать Змей!

Она лежала, свернувшись кольцами, в гнезде из подушек в широком возвышении алькова, подвешенного на столбах. Пространство между Грейдоном и Матерью Змей было залито лазурными лучами, занавесом отгораживающими огромную нишу. Туманный свет полускрывал, полуобнажал Мать Змей.

Лицо ее не имело возраста — ни молодое, ни старое. Неподвластное времени, неподвластное разъедающему действию возраста. Оно могло родиться вчера — и миллион лет назад.

Ее широко расставленные глаза были круглыми и светлыми. Глаза — живые драгоценные камни, заполненные фиолетовым пламенем. Лоб — широкий и низкий. Изящный, удлиненный нос с несколько расширенными ноздрями. Маленький острокопечный подбородок. И маленький, в форме сердечка рот. Яркие алые губы.

На узкие, детские плечи стекали вьющиеся, отливающие серебром волосы. Волосы челкой в форме стрелы ниспадали на лоб. Это придавало лицу ту же форму, что у губ, — форму сердца. Сердца, нижней точкой которого был заостренный подбородок.

Маленькие, заостренные, глядящие вверх груди.

Лицо, шея, плечи, грудь были жемчужного, со слабым отливом розового, цвета.

И сразу под высокой грудью — змеиные кольца.

Кольца, наполовину скрытые шелковыми подушками. Множество толстых колец. Кольцо на кольце, покрытые блестящими, в форме сердечек чешуйками. Каждая чешуйка — как изысканной работы драгоценность, вышедшая из рук волшебника-ювелира. Опаловая, перламутровая.

Острой точкой подбородок притаился в маленьких, будто детских руках. Словно детские, были тонкие руки, локти с ямочками, опирающиеся на самое верхнее кольцо.

На ее лице, одновременно и женском, и змеином, и еще каком-то, и не женским и не змеином, соседствовали внушающая благоговейный страх мудрость и превосходящая всякое понимание скука...

Женщина-Змея. Возможно, память о ней (или о ее сестрах) и послужила источником легенд о принцессах Нага, чья мудрость воздвигала исчезнувшие города кхмеров в джунглях Камбоджи. И — может быть — источником тех постоянно повторяющихся рассказов о Женщинах-Змеях, что имеются в фольклоре любой страны.

Может быть, даже есть крупница правды в легенде о Лилит, первой жене Адама, вытесненной Евой.

Итак, Грейдон видел ее. Он полагал, что видел. Снова и снова он задавал себе вопрос, мучивший его, была ли она на самом деле такой, как показалось ему, или он видел ее такой, какой она хочет, что он ее видел.

Его поразила красота этого маленького лица в форме сердца, ее сверкающие серебряным сиянием волосы, ее детская прелесть.

Он не обращал внимания ни на ее змеиные кольца, ни на то, что она — монстр. Будто она принесла ему в душу и затронула некую тайную струну, не звучавшую с момента рождения.

И в этом сне (если это был сон) Грейдон знал, что она осведомлена обо всем этом и что это ей очень приятно. Глаза ее стали мягче, и она с грустной задумчивостью посмотрела на него. Она кивнула Грейдону. Подняла и прижала ко лбу маленькие руки. Затем странным плавным жестом опустила их, склонила ладони, будто выливая что-то из них.

Позади нее стоял трон, вырезанный, казалось, из сердцевины гигантского сапфира. Трон был овальный, десяти или более футов высоты и с углублением наподобие раки. Он стоял на колоннаде молочно-белого кристаллического камня. Вернее, находился внутри раскрывающегося чашечкой верхнего конца этой колоннады. Трон был пуст, но вокруг него распространялось слабое сияние.

У его подножия находилось шесть тронов поменьше. Один был красный, еще один черный, словно вырезанный из агата. Между этими двумя — четыре золотисто-желтого цвета.

Коралловые губы Матери Змей раскрылись. Быстро высунулся и лизнул губы алый язык. Говорила она или нет, но Грейдон ее слышал.

— Я помогу этому человеку. Суарра любит его. И он нравится мне. За исключением Суарры, меня не интересуют те, кто живет в Ю-Атланчи. Дитя мечтает о нем... Пусть будет так! Я все больше устаю от Ластру и его банды. Поскольку был уже случай, когда Ластру приблизил Тень Намира, которого они называют Повелителем Тьмы, ближе, чем мне хотелось. Кроме того, он хочет заполучить Суарру. Он ее не получит.

— Согласно древнему договору, — сказал Повелитель Глупости, — согласно этому договору ты не можешь использовать свою мудрость, Адена, против кого-нибудь из Старой Расы. В этом поклялись твои предки. Клятва была дана задолго до того, как льды погнали нас с родины на север. Она никогда не нарушалась. Даже ты, Адена, не можешь нарушить эту клятву.

— С-с-с! — гневно и раздраженно мелькнул алый язык Матери Змей. — Вот что ты утверждаешь! Этот договор имел и другую сторону. Разве Старая Раса не поклялась никогда не злоумышлять против нас, Змеиного народа? Однако Ластру и его сторонники вступили в заговор с Тенью. Они вздумали освободить Намира, избавить от цепей, которыми мы сковали его давным-давно. Освободившись, он попытается уничтожить нас... почему бы нет... и, вероятно, сможет! Обрати внимание, Тиддо! Я сказала: вероятно, сможет! Ластру вступил в союз с Нимиром, нашим врагом. Следовательно, он замыслил зло против меня — последней из Змеиного народа. Древний договор нарушен. Не мной — Ластру!

Раскачиваясь, она наклонилась вперед.

— Предположим, мы оставим Ю-Атланчи. Уйдем из него, как это сделали мои предки и равные тебе Властелины. Предоставим его гниению?

Повелитель Глупости не ответил.

— А, хорошо. Там, где осталось хоть немного места для глупости, там, разумеется, есть место для тебя. — Она кивнула ему своей детской головкой. — Но как быть мне? Клянусь всей мудростью моего народа! Здесь жила раса безволосых обезьян, которых мы спустили с их деревьев. Спустили, обули, превратили в людей. И чем они стали? Обитатели сна, любовники и любовницы фантомов, рабы иллюзий. Другие — навсегда избрали для себя тьму, стали приверженцами жестокости. Внешне сохранившие красоту — под этой маской, отвратительны. Я сыта ими по горло. Ю-Атланчи гниет... Более того, сгнил. Так пусть он погибает!

— Суарра, — мягко сказал Повелитель Глупости. — Есть и другие, кто еще морально здоров. Их ты тоже покидаешь?

Лицо Женщины-Змеи смягчилось.

— Суарра, — прошептала она. — И другие. Но их так мало! Во имя моих предков, так мало!

— Если бы это была только их вина! — сказал Повелитель Глупости. — Но это не так, Адена. Для них было бы лучше, если бы мы разрушили до основания защищающий их барьер. Для них было бы лучше, если бы мы дали им самостоятельно выйти в пустыню, встретиться с врагами. Для них было бы лучше, если бы мы никогда не закрывали Ворота Смерти.

— Помиримся! — печально сказала Женщина-Змея. — Это говорила во мне женщина. Более того, есть более глубокая причина, по которой мы не можем оставить их: Тень Нимира ищет тепло. Я не знаю, что сейчас представляет собой Тень, насколько сейчас может быть силен Нимир, что он забыл из своего древнего искусства и чему он научился за эти столетия. Но я знаю, если Тень найдет тело, это освободит Нимира из неволи. Мы должны готовиться к битве, старый союзник. Если Нимир освободится и победит — нам придется уйти! Это будет не уход — беспорядочное бегство, и мы можем погибнуть. Со временем он распространит свою власть над всем миром, как он замыслил это сделать в древние времена. Это не должно случиться!

Повелитель Глупости беспокойно зашевелился на своем красном троне. Его одежды заколыхались.

— Что ж, — деловито сказала Женщина-Змея. — Я рада, что не могу читать в будущем. Если будет война, я не желаю утратить силы, зная, что проиграю. Нужно готовиться к войне с таким старанием, как она того требует.

Грейдон, казалось слышавший и видевший эту невероятную и странную сцену, при последних словах хихикнул — настолько они были по-женски серьезны. Будто услышав, Женщина-Змея мельком взглянула на Грейдона. В ее пылающих глазах не угадла ненависть.

— Что касается этого человека, который ищет Суарру, — сказала она, — то пусть он пойдет и встретится со мной. В том, что ты сказал о нашей ошибке, сделавшей жизнь в Ю-Атланти слишком легкой, Тиддо, много правды. Не будем повторять эту ошибку. Когда этот человек, используя свой ум и смелость, разыщет дорогу ко мне и телесно предстанет передо мной, как сейчас он присутствует мысленно, я наделю его мощью. Если мы победим, наградой ему будет Суарра. А тем временем я пошлю к нему своих крылатых Посланников, чтобы они могли узнать его, а также в знак того, чтобы он узнал, что ему не нужно их бояться.

Видение дворца поблекло и исчезло. Грейдону показалось, что всюду в небе бурей звучат волшебные трубы. Он представил, что открывает глаза, отбрасывает одеяло, встает...

Сверкая тусклым серебряным огнем, повсюду были украшенные серебряным оперением змеи! Они кружились, описывая бесчисленные спирали поодиночке и стаями, большие и маленькие, весело фехтуя длинными рапирами-клювами, издавая трубные звуки...

И пропали.

С рассветом Грейдон наспех приготовил завтрак, навьючил на осла поклажу и, посвистывая, начал свой путь в гору. Подъем оказался нетрудным. Уже через час он достиг вершины.

От его ступней начинался спуск вниз. Спуск вел к плоской равнине, усеянной огромными, вертикально стоящими камнями. Не далее чем в трех милях над равниной возвышался склон громадной горы. Обрыв горы образовывал дугу огромной округлости, занимающей все поле зрения...

Крепостной вал Ю-Атланчи!

Г л а в а 8

ЛЮДИ-ЯЩЕРЫ

В этом не могло быть сомнения. За барьером, на который он смотрел, лежал Ю-Атланчи. И там — Суарра! Усеянная песчаными холмами равнина была та самая, по которой спасался бегством человек-паук. Прямо внизу находилась дорога, по которой Грейдон прошел к Лику.

Он услышал, как высоко над головой сочно пропела труба. Звук прозвучал три раза. А затем еще трижды: с подножия склона, по которому он взбирался к вершине, издалека, откуда-то с равнины, и наконец вблизи от горной стены.

Грейдон начал спуск.

Когда он добрался до горы, день лишь начинался. Камень походил на базальт, черный и очень твердый... Склоны горы были неприступны. По крайней мере те, перед которыми он стоял. Куда ему идти?

Как бы отвечая на этот вопрос, снова раздался трубный звук. Труба звучала высоко в небе и — к югу.

— На юг! — радостно сказал Грейдон, возобновляя движение.

Его глаза заметили что-то зеленое. Подойдя ближе, Грейдон увидел, что в этом месте камень растрескался. Рядом с утесом лежали валуны, вокруг — куча огромных булыжников. Кустарник, маленькие деревца нашли здесь опору и вскарабкались по круче горы до самой вершины.

Грейдон осмотрелся, определяя причину. И увидел в стене над насыпью узкую расщелину. Любопытство заставило его обследовать ее. Осел смотрел на него, а когда Грейдон был уже на полпути, осел с протестующим криком начал карабкаться следом.

Грейдон протиснулся через последний из кустов и увидел, что вход в расщелину достигает четырех футов. Внутри было темно. Это ему не понравилось, и он посветил фонариком. Грейдон вылез наружу и начал собирать хворост для костра.

Сбросив последнюю охапку хвороста вниз, он двинулся вперед по расщелине. Через сотню шагов свет фонарика уперся в стену. “Конец расщелины”, — подумал Грейдон. Но, дойдя до стены, обнаружил, что расщелина делает внезапный поворот. Он услышал, как слева капает вода. Она вытекала из бассейна тонкой струйкой. Грейдон направил огонь фонаря вверх. Не видно было ни свода расщелины, ни неба.

Что ж, следующим утром он проведет некоторые исследования. Грейдон отыскал навес, загнал под него осла и привязал к уступу скалы. После этого поел, завернулся в одеяло и уснул.

Проснулся он рано. Его жгло желание посмотреть, куда ведет расщелина. Не утруждая себя приготовлением завтрака, Грейдон спустился в расщелину. Когда он отошел от крошечного ручья примерно шагов на триста, проход круто повернул, вновь выйдя в первоначальном направлении.

Где-то недалеко впереди висела серая, слабо светящаяся завеса. Грейдон включил фонарь и на цыпочках пошел вперед...

Это был дневной свет.

Грейдон смотрел вниз. Гору рассекала трещина. Ста футов шириной, с гладкими обрывистыми стенами. Трещина шла прямо вниз. Она была обращена в сторону восходящего солнца. Понять, сколько просачивается света в узкий каньон, было невозможно. Дно его было ровным и гладким. Вдоль одной его стены бежала струйка ручья. Растения здесь не росли — не было даже выносливого лишайника.

Грейдон вернулся, нашел осла и привязал его среди кустов.

— Ешь досыта, Санчо Панса, — сказал он. — Один бог знает, когда ты в следующий раз поешь.

Он разжег костер и быстро уничтожил свой завтрак. Подождал, пока осел полностью насытился. Навьючил на него тюки. И наконец подвел маленькое животное ко входу в каньон. По каньону осел пошел довольно охотно.

С милу каньон был таким прямым, словно его выравняли по рейке землемера. Затем начались изгибы и повороты. Во все возрастающем количестве появлялись на его дне обломки скал и булыжники. Струйка, вбирая в себя другие струйки, стекавшие с утесов, превратилась в небольшой ручей. Возле текущей воды появилась редкая поросль чахлах, бледных растений.

Время от времени Грейдон замечал высоко на утесах справа округлые отверстия. Казалось, они служили входом в какие-то туннели или пещеры. Обострившееся за время скитаний по пустыням и джунглям чутье подсказывало Грейдону, что в них таится нечто смертельно опасное. Он наблюдал за ними, двигался осторожно, держа винтовку наготове. В воздухе почув-

стновались слабые следы какого-то смутно знакомого запаха, резкого, мускусного. Он был похож... на что был он похож? Запах походил на издаваемую аллигаторами вонь.

По мере продвижения число ведущих в пещеры отверстий увеличилось. Находившийся в воздухе запах сделался гуще. Осел начал нервничать, останавливался и фыркал.

Каньон снова неожиданно повернул. Что там за поворотом — не было видно. Но оттуда донеслись до Грейдона ужасающее ворчание и шипение. И одновременно, вызывая тошноту, в ноздри его ударило мускусное зловонье. Он неподвижно застыл.

Он услышал людские крики. Прыгнул вперед, обогнул угол. Прямо перед ним стояли три индейца, похожие на того, который вывел его к границе Запретной Страны. Но одеты они были в голубое, а не в желтое. Индейцев окружила, разрывая их клыками и когтями, стая созданий, которых Грейдон принял сперва за гигантских ящериц. Но тут же понял, что они если и не люди, то по меньшей мере полулюди.

Твари достигали в высоту чуть больше четырех футов. Их жесткая шкура была грязно-желтого цвета. Они передвигались на задних лапах, коротких, похожих на птичьи, плоских и когтистых. Руки короткие и мускулистые, тоже с длинными когтями.

Лица их были такие, что в жилах Грейдона застыла кровь. Он не ошибся: в них было нечто человеческое. Необъяснимо и запутанно в этих тварях смешались человек и ящер. Как были смешаны человек и паук в алом существе, которого Суарра назвала Ткачом.

Узкие, выступающие лбы. А надо лбом — алая, торчком стоящая чешуя. Круглые, красные, немигающие глаза. Плоский нос, но под носом челюсти, вытянутые широким шестидюймовым рылом, вооруженным желтыми клыками, острыми, ужасными, как у крокодила. Подбородка нет и только зачатки ушей.

Наибольшую тошноту у Грейдона вызвало то, что бедра тварей были обмотаны грязными полосками тканей. Одежда.

Три индейца стояли треугольником спина к спине, отбиваясь от людей-ящеров похожими на молоты дубинками из какого-то сверкающего металла. Они показали себя с лучшей стороны, и полдюжины тварей с раздробленными головами служили тому доказательством. Но теперь дела круто изменились, и сперва один индеец, а за ним другой оказались лежащими на земле, погребенными под отвратительными телами.

Грейдон сорвал с себя оцепенение и закричал последнему оставшемуся на ногах индейцу.

Он поднял винтовку, быстро прицелился и выстрелил. Под ударом пули человек-ящер зашатался и упал. В ответ стая, все, как один, повернулись к Грейдону. От каменных стен выстрелы отразились, словно раскаты грома в миниатюре. Тела согнулись. Твари свирепо смотрели на Грейдона.

Индеец нагнулся, поднял тело одного из своих товарищей и отскочил. Отбросив охвативший его страх, Грейдон опустил винтовку и быстро перезарядил магазин. Твари, когда они снова начали падать под выстрелами, очнулись от оцепенения, прыгнули к стенам и кишащей толпой, словно настоящие ящерицы, вскарабкались на отвесные скалы.

С пронзительными криками, шипя, они метнулись к черным входам в пещеры и исчезли в их темной глубине.

Индеец стоял, держа на руках раненого товарища. На его коричневом лице были изумление и страх.

Грейдон перебросил ремень винтовки через плечо и общепринятым жестом мира вытянул вперед руки. Индеец осторожно положил своего товарища на землю и низко поклонился.

Грейдон подошел к индейцу. На мгновение он остановился, чтобы поблизи рассмотреть создания, сраженные его пулями. Полностью мертвыми казались только те, чьи черепа были расколоты дубинками.

И снова Грейдона потрясло то извращенно-человеческое, что присутствовало в этих созданиях.

Одно из них лежало лицом вниз. Перепачканная набедренная повязка свалилась. От основания спинного столба отходил прямой чешуйчатый хвост.

Он осознал, что рядом стоит индеец. Индеец снова поклонился Грейдону и принялся своей дубинкой методически крушить черепа сраженных Грейдоном созданий.

— Это, — сказал он на языке айрама, — для того, чтобы они не могли ожить снова. Это единственный способ.

Грейдон подошел ко второму индейцу. Тот был без сознания и жестоко искалечен. Из седельной сумки Грейдон вытащил индивидуальный пакет, залил лекарствами и перевязал самые тяжелые раны. Подняв взгляд, он увидел, что индеец стоит рядом и смотрит. Страх в его глазах усиливался.

— Если мы сможем переправить его куда-нибудь, где эти скоты не смогут помешать нам, я смогу сделать для него больше, — тоже на языке айрама сказал, поднявшись, Грейдон.

— Немного пройди, — ответил индеец, — и мы окажемся в безопасности от них, могущественный Повелитель.

— Тогда пойдем, — сказал Грейдон по-английски и усмехнулся: у него уже был титул.

Он нагнулся и взял раненого за плечо. Индеец поднял своего товарища на ноги. С ослом во главе они двинулись вдоль каньона.

Отверстия пещер следили за ними. Внутри них не было заметно никакого движения, но Грейдон ощущал на себе пристальный взгляд налитых злобой глаз. Дьявольский взгляд людей-ящеров, прячущихся в густом сумраке пещер.

Г л а в а 9

В УБЕЖИЩЕ ХАОНА

Усеявшие утесы норы людей-ящеров встречались все реже и реже. Наконец они исчезли вовсе. Индеец не обращал на них внимания, убежденный, по-видимому, в способности Грейдона справиться с любым новым нападением чудовищ.

Человек, которого они несли, застонал, открыл глаза и заговорил. Его товарищ остановился и опустил ноги раненого на землю. Раненый встал, глядя на Грейдона с тем же изумлением, что и его товарищ. А затем, когда увидел браслет с изображением Матери Змей, — с тем же самым благоговейным страхом. Первый индеец быстро заговорил. Слишком быстро, чтобы Грейдон мог понять. Когда он закончил, второй взял руку Грейдона, приложил ее сперва к груди, потом на лоб.

— Повелитель, — сказал он, — моя жизнь — ваша.

— Куда вы направляетесь? — спросил Грейдон.

Они обменялись встревоженными взглядами.

— Повелитель, мы направляемся в принадлежащее нам место, — сказал уклончиво один из них...

— Полагаю, что это так, — сказал Грейдон. — Это место — Ю-Атланчи.

Снова колебания, прежде чем он получил ответ.

— Мы идем не в город, — наконец сказал первый индеец.

Грейдон оценил их уклончивость, их нежелание дать ему прямой ответ. И ему захотелось знать, насколько далеко он может доверять их благодарности. Они не спрашивали его, откуда он пришел, зачем и кто он. Но эта сдержанность, должно быть, объяснялась вежливостью или имела какую-то другую важную причину. Во всяком случае, за ней не крылось отсутствие любопытства, поскольку было ясно, что оно сжигает индейцев.

Грейдон почувствовал, что ему не следует ожидать подобного уважения от тех, других, кого он может встретить. Ибо он проник в Запретную Страну. Он не мог рассчитывать — по крайней мере сейчас — на помощь Матери Змей. Он был убежден, что

видение дворца не было иллюзией. Доказательством тому служили указавшие ему путь трубные звуки летучих змей и его для них неприкосновенность. А она сказала, что, до того как она поможет ему, он должен добраться к ней, используя собственный ум и отвагу.

Он не сможет добраться до нее, словно беспечный дурак, вслепую войдя в Ю-Атланчи. Но где ему спрятаться до тех пор, пока он сможет произвести разведку, выработать какой-нибудь план?

— Вы, — он повернулся к раненому, он был готов к чему угодно, — сказали, что ваша жизнь принадлежит мне?

Индеец снова взял его руку, коснулся его груди и лба.

— Мне нужно проникнуть в Ю-Атланчи, — сказал Грейдон. — Но пока что я не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел. Можете вы предоставить мне какое-нибудь убежище, но так, чтобы никто не знал, что я там нахожусь? До тех пор, пока я не решу снова отправиться в путь.

— Ты смеешься над нами, могущественный Повелитель? — спросил первый индеец. — Какое зло можно причинить тому, кто носит на себе изображение Матери и владеет вот этим? — он показал на винтовку. — Нужно ли нам провожать его? Разве ты не... ее посланец? Разве те, кто служит ей, не пропустили тебя? Почему ты смеешься над нами, Повелитель?

— Я не смеюсь, — сказал Грейдон и, внимательно наблюдая за ними, добавил: — Знаете ли вы Властелина Ластру?

Лица индейцев окаменели, глаза сделались подозрительными. Грейдон понял, что эти двое ненавидят хозяина своры динозавров. Хорошо, он может сказать им еще кое-что.

— Я ищу Мать, — сказал он, — и если я не ее посланец, то, во всяком случае, служу ей. Между мной и ею стоит Ластру. Вот почему я должен справиться с ним без ее помощи. Поэтому мне нужно время, чтобы выработать план, и он ничего не должен знать обо мне, пока я не разработаю свой план.

На лицах появилось облегчение и странный восторг. Индейцы пошептались.

— Повелитель, — сказал первый, — можешь ли ты поклясться именем Матери, — они снова поклонились браслету, — поднести его к губам и поклясться ее именем, что то, что ты сказал, — правда? Что ты не друг... не шпион... Ластру?

Грейдон поднял браслет.

— Клянусь им, — сказал он. — Пусть Мать полностью уничтожит меня, мой дух и тело, если то, что я сказал вам, — неправда.

И он поцеловал крошечную, свернувшуюся кольцами фигуру.

Индийцы снова пошептались.

— Пойдем с нами, Повелитель, — сказал тот, кто обещал свою жизнь Грейдону. — Мы отведем тебя к Повелителю Хаону. Пока мы не придем к нему, не задавай нам больше вопросов. Ты просил найти убежище от Ластру? Оно у тебя будет — если того захочет Хаон. Если он не захочет — мы уйдем вместе с тобой либо умрем вместе с тобой.

— Клянусь богом, — прикоснувшись к сердцу, сказал Грейдон, — ни вы, ни я, никто другой не смог бы сделать большего. Но я не думаю, что ваш Хаон, кто бы он ни был, рассердится на вас за то, что вы приведете меня к нему.

Он быстро вновь осмотрел раненого. Рваные и резаные раны были достаточно серьезны, но артерии и жизненно важные органы остались незатронутыми.

— Ты потерял много крови, — сказал ему Грейдон. — Думаю, лучше, если мы понесем тебя.

Однако индеец отказался.

— Путь недалек, — сказал он. — А кроме того, в клыках и когтях уродов, людей-ящеров, содержится яд. Огненная вода, которую ты налил на мои раны, сожгла большую часть этого яда, но не сожгла его полностью. Я чувствую яд, и лучше, чтобы я шел сам. Сон переходит в смерть. Огненная вода могущественного Повелителя победила этот сон и заставила меня проснуться.

— Могущественный Повелитель, — сказал первый индеец, — мой товарищ боится, что все может повториться.

Грейдон улыбнулся при этом описании йода, которым он залил раны индейца. Тем не менее приведенный довод звучал достаточно бодро. Если яд человеко-ящеров имел наркотическое воздействие, тогда (поскольку никакого нейтрализующего его действие средства у них нет) вызываемое ходьбой физическое напряжение может преодолеть отравление.

Грейдон снял повязки с наиболее глубоких ран и снова залил их йодом. По сокращению мышц он понял, что лекарство обожгло индейца.

— Хорошо, — сказал индеец, — огненная вода жжет.

— Она сжигает яд, — бодро сказал Грейдон. — Если никаких других лекарств у нас нет, будем использовать это.

— Такое лекарство есть там, куда мы идем, — сказал первый индеец. — Но если бы не твое лекарство, он бы сейчас спал глубоким сном, переходящим в смерть. А теперь давайте пойдем так быстро, как только можем.

Они снова шли по каньону. Прошли, вероятно, с милю, когда скалистые стены внезапно сблизились. Между ними осталась расщелина шириной около десяти футов, такая ровная, будто

была выбита в скалах резцом. Расщелина была черна, как беззвездная ночь.

— Подождите здесь, — сказал первый индеец и подошел ко входу в расщелину.

Он вынул из сумки что-то похожее на шар. Шар был величиной с теннисный мяч, его тыльная сторона была заключена в металлический конус. Индеец поднял шар над головой. Из шара в туннель хлынул свет. Это был не луч. Свет походил на быстро движущееся светящееся облако. Индеец опустил шар и позвал остальных.

Они вошли в расщелину. В ней уже не было темно. Бледное свечение заполнило расщелину — словно вырвавшееся из шара облако рассеялось фосфоресцирующим туманом. Они прошли еще примерно тысячу футов. Индеец больше не использовал свой шар, тем не менее свечение не ослабевало.

Индеец остановился. Грейдон увидел, что расщелина закончилась. Снаружи была чернота. Снизу доносился звук бегущей воды. Индеец поднял конус. Снова вырвалось светящееся облако.

Грейдон смотрел во все глаза. Светящийся шар неся над пропастью. Вдруг — на расстоянии ста ярдов — появилась из мрака поверхность скалы. Облако света столкнулось с ней. Мгновенно часть скалы огромным занавесом поднялась вверх. Из открывшегося входа выскочил плоский металлический язык. Он облизнул пропасть, пронесся над местом, где прошел свет. И остановился у их ног.

Индейцы успокаивающе улыбнулись Грейдону.

— Следуй за мной, Повелитель, — сказал один из них. — Там нет опасности.

Ведя в поводу осла, Грейдон вступил на мост. До него донесся рев бегущего в сотнях футов внизу потока.

Они дошли до конца этого моста. Индейцы держались рядом. Прошли еще пятьдесят шагов. Оглянувшись, Грейдон увидел, что вход в туннель походил на огромные ворота, через которые льется сумрачный свет. Затем он услышал мягкий звук вздоха, и прямоугольник сумрачного света исчез. Каменный занавес опустился.

Теперь все вокруг Грейдона было залито неярким светом, таким, будто свет источал сам воздух. Грейдон находился в помещении, представляющем собой полый куб.

Основание куба равнялось, вероятно, ста футам. Стены и потолок были из черного полированного камня. И в этом камне двигались светящиеся части. Частицы служили источником света.

Помещение было пусто. Ни следа прохода. Ни следа тех, кто открыл проход в скалах, либо оборудования, с помощью которого открылся этот проход.

Но Грейдон слышал заполнившее помещение бормотание множества человеческих голосов. А затем — короткая фраза, пронесшаяся слишком быстро, чтобы Грейдон мог ее понять.

Индеец поклонился, сделал несколько шагов вперед и ответил в той же манере. Но теперь Грейдон без труда понял, о чем говорил индеец. Он рассказывал о битве человека с человеко-ящерами. Индеец закончил. Короткая тишина, а затем последовала новая быстрая команда невидимого собеседника. Индеец кивнул.

— Повелитель, подними повыше браслет, — сказал он.

Теперь, разумеется, Грейдон понял, что невидимый собеседник на самом деле находится не в каменной стене помещения, а за ней. Несомненно, его голос передавался с помощью какого-то приспособления, вероятно, смотрового отверстия. И все же Грейдон не видел и признака подобного. Казалось, блестящая поверхность не имела отверстия, она была гладкой, словно стекло. Он поднял запястье, на котором было изображение Матери Змей. Громкий взрыв шепчущих голосов, восклицаний. Новая команда.

— Положи свое оружие, Повелитель, — сказал индеец, — и подойди к стене. — А затем, поскольку Грейдон заколебался: — Не бойся, мы будем рядом...

Голос того, невидимого, сурово прервал его. Индеец покачал головой и встал рядом с Грейдоном. Его товарищ встал по другую сторону. Грейдон понял, что им приказано остаться сзади. Он положил винтовку на пол и шепнул индейцам, чтобы они повиновались. Вытащив пистолет из подмышечной кобуры, он пошел вперед к стене. И когда остановился, свет погас.

Темнота длилась только мгновение. Когда снова зажегся свет, одна стена исчезла. Там, где она была, протянулся коридор, широкий, хорошо освещенный. По обеим его сторонам стояла цепочка индейцев. Еще одна цепочка встала между Грейдоном и его любимым ослом.

Черные прямые волосы индейцев поддерживались узкими золотыми лентами. Люди были обнажены, если не считать коротких юбочек из простеганного желтого шелка. Все это Грейдон зафиксировал одним быстрым взглядом. А затем его взгляд остановился на стоящем рядом мужчине.

Это был человек гигантского роста. Его лицо было лицом чистокровного представителя той расы, к которой принадлежали Суарра и Ластру. Или было таковым до катастрофы или сражения, изуродовавших его.

Человек на добрых восемь дюймов возвышался над шестидюймовым Грейдоном. Его серебристо-белые волосы были острижены на затылке до самой шеи. Волосы стягивались лентой цвета янтарного лака. От правого виска к подбородку шли четыре синевато-багровые полосы. Шрамы. С плеч спадала кольчуга черного металла, вроде той, что носили крестоносцы. Бедрa и ноги до колен были прикрыты коваными кольчужными штанами. Ниже, от колен до лодыжек, ноги были защищены поножами. На ногах были сандалии.

Правая рука по локоть была отрублена, и к этому локтю было прикреплено золотой лентой смертоносное трехфутовое металлическое острие. За поясом — короткий двойной топор, точное подобие того, что служил символом власти на древнем Крите.

Человек выглядел достаточно грозно, но Грейдон, заглянув ему в глаза, вновь обрел уверенность. Морщинки от смеха в углах глаз, и юмор, и терпимость, которые не смогли полностью изгладиться даже сейчас, когда в глазах стояли подозрение и замешательство. И, несмотря на его серебряные волосы, человек не был стар. Лет сорок, самое большее, расценил Грейдон.

Человек заговорил на аймара порывистым, хриплым, раскатистым басом:

— Итак, ты хочешь видеть Хаона. Хорошо, ты его увидишь. И не нужно обвинять нас в отсутствии признательности за то, что я заставил тебя так долго ждать и отобрал у тебя оружие. Но Темный хитер, а также Ластру, чтоб его разорвали на клочки его же собственные Ксинли! Это не первый случай, когда он пытается всучить нам шпионов под видом тех, кто мог бы помочь нам. Мое имя Ригер. Моя чернота не такая, что у Темного, но я тоже хитрый. Но может быть, ты ничего не знаешь о Темном, а, пришелец?

Он сделал паузу, глаза его смотрели остро и пронизательно.

— Немного я о нем слышал, — осторожно сказал Грейдон.

— А, так немного ты о нем слышал! Хорошо, и что ты, услышав это немного, о нем думаешь?

— Ничего! — ответил Грейдон, цитируя поговорку аймара. — Ничего, из-за чего мне бы захотелось сесть с ним щека к щеке и есть на завтрак его пищу.

— Хо-хо! — зарохотал гигант, и его острие закачалось опасно близко. — Но это хорошо! Я должен буду сказать Хаону, что...

— А кроме того, — сказал Грейдон, — разве он не враг... не ее враг? — и поднял браслет.

Ригер оборвал свой смех, приказывая что-то своей охране.

— Иди со мной, — сказал он Грейдону.

Грейдон повиновался. Но перед тем оглянулся и увидел, что два индейца в высшей степени осторожно подняли его винтовку, а затем встали по бокам его осла. Пытаясь поспеть за широким шагом Ригера, он подумал с беспокойством, поставил ли он винтовку на предохранитель, прежде чем положить ее. Потом решил, что поставил.

Он начал испытывать серьезное сомнение. Грейдон построил все надежды, основываясь на мысли, что Хаон, кем бы он ни был, являясь злейшим врагом Ластру, будет рад принять его и сам поэтому поможет Грейдону вернуться к Суарре. И Грейдон решил, что расскажет Хаону всю историю знакомства с Суаррой и что за этим последовало.

Но теперь все это начинало казаться слишком наивным. Ситуация складывалась не так уж просто. Помимо прочего, что он знает об этих людях и их зловещем искусстве? Все эти человеко-пауки, человеко-ящеры, и один бог знает, какие еще чудовища... И, в конце концов, что он на самом деле знает об этом до крайности жутком, невозможном создании — Матери Змей?

На мгновение Грейдон почувствовал отчаяние. И твердо решил не поддаваться ему. Ему нужно придумать что-то новое, и все. Но у него мало времени, чтобы сделать это. Лучше не строить вообще никаких планов до тех пор, пока он не встретится с Хаоном и не получит возможность понять его.

Резкий окрик вновь встревожил Грейдона. Коридор впереди был перегорожен огромными, черного металла дверями. Охраняла двери двойная цепь одетых в желтые юбочки воинов. Первый ряд оцетинился копьями. Во втором — лучники. Воинами предводительствовал коренастый, карликового роста индеец, который чуть не выронил свой двойной топор, когда увидел Грейдона.

Ригер прошептал ему что-то. Предводитель кивнул и топнул ногой по полу. Створки двери отошли друг от друга. Показались складки тонкой как паутина занавеси.

— Пойду расскажу Хаону о вас, — громыхнул Ригер. — Жди и будь терпелив. — Он растворился среди паутины занавеси.

Грейдон ждал. Молча взирали на него охранники. Тянулись долгие минуты.

Прозвонил колокол. Огромная дверь распахнулась. Грейдон услышал доносившийся из-за паутины приглушенный шум голосов. Предводитель кивнул двум спутникам Грейдона.

Ведя за собой осла, они прошли в скрытое занавесом помещение. Снова долгое ожидание, а затем — снова колокол и открывшаяся дверь. Предводитель подал знак, и Грейдон шагнул вперед и прошел сквозь паутину.

Глаза его ослепило то, что казалось солнечным светом, льющимся через янтарное стекло. Потом детали сделались резче. У него создалось смутное представление о стенах, покрытых драпировочной тканью. Грейдон сощурился и увидел, что потолок помещения из того же полированного камня, что и в коридорах. Но янтарного, а не черного. Яркий свет исходил от множества спиралей, образованных сверкающими, вращающимися атомами.

Засмеялась женщина. Он посмотрел на смеющуюся — и рванулся вперед, на губах его было имя Суарры. Кто-то схватил его за руку и оттащил...

И внезапно он понял, что смеющаяся женщина — не Суарра.

Она лежала, растянувшись на низком ложе, приподнятая голова опиралась на длинную белую руку. Она была старше, но ее прелестное лицо было двойником лица Суарры. И, как у Суарры, у нее были клубящиеся, черные как ночь волосы. На этом сходство кончалось. На милом лице прекрасной девушки была чужая, издевательская насмешка. Безупречные губы тронуты налетом жестокости, и что-то бесчеловечное было в ее темных глазах.

В них не было ничего от нежности глаз Суарры. Что-то было в ее лице, пожалуй, от того, что Грейдон видел в лице Ластру, когда свора динозавров охотилась за алым Ткачом. Изящная белая нога соскользнула с ложа, небрежно коснулась пальцами шелковой сандалии.

— Наш незваный гость, кажется, слишком порывист, Дорина, — раздался на аймара мужской голос. — Если это просто дань твоей красоте, я рад этому. Однако мне кажется, что здесь что-то другое.

Говоривший поднялся с кресла, стоявшего в изголовье ложа. Его лицо было отмечено той необычной красотой, которая, казалось, была достоянием всей этой странной расы. Его глаза были голубого цвета. В таких глазах обычно светилось дружелюбие, но сейчас ничего подобного в них не было. Как и у Ригера, в его рыжеватых волосах была янтарная лента. Под белой, похожей на тогу, широкой одеждой Грейдон угадал тело атлета.

— Ты знаешь, что я не создательница снов, — растягивая слова, сказала женщина. — Я живу наяву. А где, кроме как во снах, я могла встретиться с ним? Однако, хотя я не создательница снов... возможно... я узнала...

Ее голос был томным, но во взгляде, которым она одарила Грейдона, сквозила злобная насмешка. Кровь прилила к лицу Хаона, глаза его сделались мрачными. Он резко проговорил одно короткое слово. Немедленно грудь Грейдона оказалась зажатой, как тисками, затрещали ребра.

Он задыхался. Руки его рванулись вверх, чтобы разорвать эту хватку. И столкнулся с тонкой, как струна, рукой, на которой, казалось, было меньше плоти, чем кожи. Он завертел головой. В двух футах над ним висело не имеющее подбородка получеловеческое лицо. Длинные, красные, нечеловеческие волосы пучками свисали на круто уходящий назад лоб. Налитые меланхолией круглые золотые глаза. Глаза, полные разума.

Человек-паук!

Как аркан, покрытая красными волосами нитевидная рука обвилась вокруг его горла. Другая подхватила его под колени и подняла в воздух.

Он услышал протестующий рев Ригера. Почти ничего не видя, он ударил в это оказавшееся близко лицо. И когда он ударил, крошечными огненными полосками вспыхнули камни золотого браслета. Грейдон услышал ворчание человека-паука, резкий крик Хаона.

Он почувствовал, что падает. Падает все быстрее — сквозь тьму. И больше уже ничего не чувствовал и не слышал.

Глава 10

ИЗГОИ Ю-АТЛАНЧИ

Сознание Грейдона с трудом возвращалось. Гневно кричал прерывистый голос:

— На нем древний символ Матери! Он прошел ее охранников! Он обратил в бегство вонючих уродов — тех, кто служит Темному, будь проклято его имя! Снова говорю тебе, Хаон, это был человек, которого нужно было встретить вежливо. Человек, у которого было что сказать об очень важном деле... И не только вам, но и всему Братству! И вы, не выслушав его, швырнули его Кону! Что скажет Адена, когда узнает об этом? Клянусь каждой драгоценной чешуйкой ее колец, мы, так настойчиво стремящиеся добиться ее помощи, никогда не преодолеем ее безразличия! Этот человек мог заполучить ее для нас!

— Достаточно, Ригер, достаточно! — это был голос Хаона, подавленный голос.

— Достаточно? — бушевал гигант. — Может, вам приказал это сделать Темный? Клянусь Повелителем всех Повелителей, вас должно судить Братство!

— Ты, разумеется, прав, Ригер. Если ты думаешь, что так будет лучше, твой долг — созвать Братство. Я виноват, даже стыдно подумать. Когда чужестранец очнется от обморока, а я действительно убежден, что ничего плохого с ним не произошло,

я извинюсь перед ним. И не я, а Братство решит, как поступить с ним.

— Все это, кажется, не льстит мне, — это сказала Дорина, сказала мягко и сладко. Слишком сладко. — Ты намекаешь, Ригер, что я — агент Темного? Поскольку это я, несомненно, вызвала ярость Хаона.

— Я ни на что не намекаю... — начал гигант, но его прервал Хаон:

— Дорина, отвечу я. И говорю тебе, что я сомневаюсь в тебе. Позаботься теперь о том, чтобы это сомнение не превратилось в уверенность. Поскольку тогда я убью тебя, Дорина, и ни в Ю-Атланчи, ни над ним, ни под ним нет силы, которая смогла бы спасти тебя.

Это было сказано достаточно спокойно, но с холодной немощностью.

— Ты посмел это сказать, Хаон...

Грейдон знал, что в уши, которые считают закрытыми, часто попадает больше правды, чем в те, о которых знают, что они открыты. Поэтому он так и лежал, слушал. И собирался с силами. Ссора этих троих не принесет ему пользы. Он застонал, открыл глаза и увидел над собой глаза Хаона. Его лицо не выражало ничего, кроме глубочайшего сочувствия. Увидел Дорину. Ее черные глаза метали молнии, белые руки были стиснуты у груди в усилии сдержать ярость.

Взглянув Грейдона упал на стоящую позади этих двоих алую фигуру. Это был Кон, человек-паук, и, глядя на него, Грейдон забыл, как тот опасен, и забыл обо всем остальном.

Кон — это нечто, что могло выйти из дюреровских кошмарных фантазий на тему шабаша ведьм. Украденное из картины и омытое адом, потом перенесенное в реальность. И, однако, в нем не было ничего демонического, ничего от Черного зла. На самом деле в нем был какой-то гротескный шарм, будто в создавшем его мастере был так силен дух красоты, что, даже творя чудовище, мастер не мог полностью утратить его.

Голова человека-паука раскачивалась в трех футах над головой Хаона. Тело его было шарообразное, величиной немного больше торса подростка. Оно опиралось на четыре тонкие, похожие на ходули ноги. Из середины тела протянулись две конечности, наполовину длиннее остальных, заканчивающиеся то ли руками, то ли лапами. Пальцы были тонкие и изящные.

Шеи у человека-паука не было. Там, где голова соединялась с телом, торчала пара маленьких рук, заканчивающихся маленькими ладошками. И над этими ручками — лицо, без ушей и без подбородка, обрамленное переплетением красных волос. Рот — человеческий, нос — узкий клюв. Не считая лица, рук и

ног, которые были сланцево-серого цвета, человек-паук был покрыт алым пухом.

Но фосфоресцирующие золотом глаза, без век и без ресниц, были полностью человеческими. Выразительные, печальные, желающие понять. Извиняющиеся глаза — будто то, что чувствовал сейчас Хаон, отражалось в них. Такой был Хаон, высочайший среди своего народа Ю-Атланчи, которого Грейдону предстояло узнать более близко.

Грейдон встал, шатаясь. Рука Ригера поддержала его. Он посмотрел прямо на женщину.

— Я думал, — пробормотал он, — я думал... ты... Суарра!

Ярость схлынула с лица Дорины. Оно заострилось, будто от страха. Хаон стремительно выпрямился. Ригер заворчал.

— Суарра! — выдохнула женщина и уронила сплетенные руки.

Если имя Суарры испугало ее (и Грейдон ощутил мимолетное удивление, поняв это), то совсем другое впечатление оно произвело на Ригера.

— Я говорил тебе, Хаон, что это — не обычное дело! — ликуя, закричал он. — И вот вам еще одно доказательство. Суарра, которую любит Мать, и он — друг Суарры. О!.. Здесь перед нами начинает открываться путь...

— Ты идешь по нему слишком быстро! — прервал Хаон. Но его голос звучал пылко, в нем явно слышалось подавленное волнение. Хаон заговорил с Грейдоном.

— Я сожалею о том, что случилось. Даже если ты враг, все равно сожалею. Мы никогда не встречали чужеземцев слишком сердечно, но этого не должно было случиться. Больше мне нечего сказать.

— И не нужно, — несколько мрачно ответил Грейдон. — Наша встреча была если не слишком сердечной, то, по меньшей мере, достаточно теплой. Все забыто.

— Хорошо! — в глазах Хаона вспыхнуло одобрение. — Кем бы ты ни был, — продолжал он, — знай, что мы преследуемые. Те, кто хочет уничтожить нас, сильны и хитры, и мы всегда должны быть настороже, опасаясь их ловушек. Если ты пришел от них, то вреда не будет, поскольку ты все равно уже все знаешь. Но если ты ищешь Мать Змей и... Суарру... и наша встреча произошла случайно, то тебе нужно знать, что мы — изгой Ю-Атланчи, хотя и не враги Матери и Суарре. Убеди нас в своей честности, и ты уйдешь от нас без всякого ущерба, следуя избранной тобой дороге. Или, если ты попросишь нашей помощи (помня, что мы — изгой), мы окажем тебе эту помощь по мере возможности. Но если ты окажешься не в состоянии убедить нас, ты умрешь, как умерли все, кто был подослан, чтобы заманить

нас в ловушку. Это будет нелегкая смерть. Мы не получаем удовольствия от мучений, но здравый смысл требует отбить охоту у других следовать твоему примеру.

— Хватит пугать меня, — сказал Грейдон.

— Ты не принадлежишь к нашей расе, — сказал Хаон. — Возможно, ты пленник, посланный, чтобы предать нас. В вознаграждение тебе обещаны жизнь и свобода. Возможно, браслет, что ты носишь, тебе дали, чтобы обмануть нас. Мы не знаем, на самом ли деле ты прошел мимо Посланников. Возможно, тебя провели через логовище уродов и оставили там, где ты встретил людей, которые привели тебя сюда. То, что ты убил нескольких уродов, ничего не доказывает. Их много. И для Ластру и Темного, чьими руками они делаются, их жизнь значит меньше чем ничего. Я говорю тебе все это, чтобы ты знал, что в случае сомнения тебе придется расстаться с жизнью.

— Хватит пугать меня, — снова сказал Грейдон.

Хаон повернулся к женщине. Она с того мгновения, как Грейдон назвал имя Суарры, изучала его со всепоглощающим, настойчивым и изумленным волнением.

— Ты останешься с нами и поможешь нам судить? — спросил Хаон.

— Как будто, — протяжно сказала Дорина и вытянулась на ложе, — как будто, Хаон, у меня есть хоть малейшее намерение заняться чем-то другим!

Хаон переговорил с человеком-пауком. Красная рука вытянулась и поставила табурет возле ног Грейдона. Ригер опустился на другой табурет. Хаон сел в кресло. Взгляды этой странной четверки скрестились на Грейдоне. Грейдон начал свой рассказ.

Он немного рассказал о мире, из которого пришел, и о том месте, которое он там занимает. Так коротко, как только мог, рассказал о путешествии в Запретную Страну вместе с тремя авантюристами. О своей встрече с Суаррой.

Он услышал, как Ригер неодобрительно заворчал, когда он вкратце рассказал о драке со Старретом. Рассказал о возвращении Суарры на следующее утро. А когда он рассказывал о Повелителе Глупости, то увидел, что на их лицах начала появляться убежденность в том, что он говорит правду, и о том, как он увидел Ластру и его шипящую свору.

Но он был изумлен, увидев, как их доверие перешло в ужас, когда он довел свой рассказ до пещеры. Пещеры, где находился громадный каменный Лик.

Когда он описал этот Лик, рассказал о кажущемся превращении трех мужчин в золотые капли, Дорина закрыла лицо трясущимися руками, кровь отхлынула от лица Хаона, а Ригер

что-то невнятно забормotal. Только Кон, человек-паук, стоял неподвижно, рассматривая Грейдона печальными, сияющими золотом глазами.

И это могло означать только то, что ни один из них никогда не видел Ли́ка. И, следовательно, в Ю-Атланчи были тайны, скрытые даже от его обитателей.

Какой-то неясный импульс подсказал Грейдону быть осторожным. Так, он ничего не сказал о своем видении Дворца. Но рассказал о своем пробуждении, об индейце, которого обнаружил рядом с собой и который вел его, указывая путь... Он показал шрам, оставшийся на месте раны, полученной им в наказание.

— Что касается того, что призвало меня вернуться, — сказал Грейдон, — о нем я рассказать не могу... по крайней мере сейчас. Это был призыв, которому я не мог противиться.

"И это правда", — подумал он. Перед ним стояло лицо Суарры, и ее зов отдавался в его сердце.

— Это все, что я могу сказать, — повторил он. — И все, что я рассказал, — правда. Как призыв дошел до меня, я не знаю, но из-за него я здесь. Подождите... есть еще кое-что...

Он вынул из кармана сверток, в котором лежало данное Суаррой перо "караивенкос", развернул сверток и протянул перо своим судьям.

— Суарра! — вздохнула Дорина, а Хаон кивнул.

В том, что они поверили, никакого сомнения не было. Возможно, будет неплохо подстегнуть их эгоизм.

— И еще одно, — сказал Грейдон медленно. — Ригер говорил о некой цели. Возможно, об этой цели я знаю так же мало, как и о вас. Но вот что произошло...

Он рассказал им о волшебных трубах, которые вели его через равнину и привели наконец к ущелью.

Хаон глубоко вздохнул и встал, выпрямляясь. На лице его горела надежда. Ригер вскочил на ноги. Хаон сжал плечи Грейдона.

— Я верю! — сказал он дрогнувшим голосом. Потом повернулся к Дорине: — А ты?

— Разумеется, это правда, Хаон, — ответила она. Но щеки ее сузились, а лицо затуманилось. Она что-то быстро рассчитывала. И Грейдон понял, что какое-то мгновение она смотрела на него с угрозой.

— Ты — наш гость, — сказал Хаон. — Утром ты встретишься с Братством и повторишь им все то, что рассказал нам. А затем решишь, требуется ли тебе наша помощь или ты продолжишь свой путь в одиночку. Все, что ты ни попросишь у нас, — твое. И, Грейдон... — он заколебался, а затем с внезапной тоской

горячо произнес: — Клянусь Матерью, я надеюсь, что ты свяжешь свою судьбу с нашей! Возьми свое оружие, Грейдон. — Он нагнулся и поднял винтовку. — Завтра ты покажешь нам, что это такое. Я отведу тебя в твоё жилище. Подожди меня, Дорина.

Он взял Грейдона за руку и повел к стене, противоположной той, где была дверь, через которую Грейдон вошел в помещение.

— Пойдем, — сказал он, отодвигая паутину.

Идя вслед за ним, Грейдон обернулся. Дорина стояла и смотрела ему вслед. На ее лице вырисовывались раздумье и угроза.

Следуя за широкой спиной Хаона, Грейдон отодвинул паутину и вышел в коридор.

Г л а в а 11

БЕССМЕРТНЫЙ НАРОД

— Вставай, умывайся и быстро завтракай. Скоро соберется Братство, и я здесь, чтобы отвести тебя к ним.

Грейдон непонимающе замигал на того, кто его разбудил. В изголовье его ложа стоял Ригер. На лице — широкая улыбка, такая, что шрамы превратились в оскал благосклонного чудовища.

Он снял свою кольчужную броню и сменил ее на плотно облегающую одежду. Похоже, что такой фасон в моде у мужчин Ю-Атлантис. И тем не менее он по-прежнему оставался Черным Ригером.

Грейдон оглядел помещение, куда привел его Хаон. Толстые ковры, словно сотканые из шелкового серебра. Стены, покрытые прозрачно-серебристым полотном, по которому бежали странные узоры более глубокого серебристого оттенка. В одном конце комнаты было широкое углубление, в котором искрился бассейн.

Грейдон вспомнил, как накануне два молчаливых коричневых человека мыли и массировали Грейдона, сгоняя прочь усталость. А затем Хаон сидел рядом, пока Грейдон ел незнакомые кушанья, поставленные перед ним двумя девушками-индианками. Хаон сам разливал вино и много спрашивал о людях, живущих за пределами Запретной Страны. Казалось, его не слишком интересовали искусство, наука, способы правления. Но он жадно выпрашивал о том, как к этим людям приходит смерть и что делают со стариками, о брачных обычаях, много ли там детей и об их воспитании. Снова и снова возвращался он к смерти и к формам, в которых она наступает, будто в этом предмете содержалось какое-то непреодолимое для него очарование.

Наконец он сел, молчаливый и задумчивый. Затем, вздохнув, сказал:

— Так было в старые времена... И какой путь лучше?

Он внезапно встал и вышел из комнаты. Свет померк, и Грейдон бросился на ложе, погрузившись в глубокий сон.

Почему Хаон так настойчиво останавливался на смерти? В этом было что-то, что смутно тревожило Грейдона.

Внезапно он вспомнил, как Суарра говорила ему, будто ее народ закрыл Ворота Смерти. Он сознавал, что не нужно это понимать буквально. Но может быть, это правда?

Он очнулся от своих дум, нетерпеливо встряхнулся и, поднявшись, пошел к бассейну, поплескался там, потом насухо вытерся. Вернувшись в комнату, он обнаружил стол, уставленный фруктами. Там же было молоко и то, что выглядело, как пшеничный торт. Грейдон быстро оделся и сел за стол.

Лишь тогда заговорил Ригер.

— Юноша, — сказал он, — я говорил тебе, что я — хитрый. Сейчас моя хитрость подсказывает мне, что ты тоже хитрый и что прошлой ночью ты очень хитро утаил многое из своей истории. Особенно — полученное тобой указание Матери.

— Добрый Повелитель, — использовав эквивалент аймара, воскликнул Грейдон, — ты не открыл никакой хитрости! Я предупредил тебя, что не могу рассказать, как...

Он остановился, боясь, что обидел гиганта. Но Ригер широко улыбался.

— А я и не спрашиваю об этом, — сказал он. — То, о чем ты так заботливо не упомянул, была награда, которую Мать обещала тебе, если ты повинешься ее приказу... И ухитришься до нее добраться.

Грейдон в изумлении подскочил, давясь куском торта.

— Хо-хо-хо! — захохотал Ригер и звучно ударил его по спине. — Разве я не хитрый, а? Сейчас Дорины здесь нет, — поглядывая на потолок, лукаво продолжал он. — И я не обязан рассказывать Хаону все, что услышу.

Грейдон повернулся на своем табурете и посмотрел на Ригера. Тот ответил насмешливым взглядом, но в глазах его было такое неподдельное дружелюбие, что Грейдон почувствовал, что его решимость поколебалась. В Хаоне было что-то, как и в Ластру, что заставляло Грейдона чувствовать себя одиноким. Что-то чужое, нечеловеческое. Грейдон не знал, была ли это их красота, так далеко превосходившая любую мечту скульпторов классической античной древности, или причина лежала глубже. Но Грейдон чувствовал, что все это не относится к Ригеру. Тот казался человеком его собственного мира. И конечно, он наглядно доказал свою доброту.

— Ты можешь доверять мне, — Ригер как бы отвечал его мыслям. — Ты умно поступил прошлой ночью, но что было умным тогда, может не быть им сейчас. Не поможет ли тебе решиться то, что я знаю Суарру и люблю ее, как собственного ребенка?

Сказанное сдвинуло чашу весов в мозгу Грейдона.

— Сделка, Ригер, — сказал он. — Вопрос на вопрос. Ответь на мой, и я отвечу на твой.

— Идет! — проворчал Ригер. — А если мы заставляем Братство ждать, то пусть они грызут ногти.

Грейдон прямо перешел к тревожившему его вопросу:

— Простой ночью Хаон задал мне много вопросов. И большинство из них было о смерти. Какие формы она принимает в моей стране, как она к нам приходит. И как долго живут у нас люди. Можно подумать, что он ничего не знает о смерти, если не считать того, что ее можно вызвать убийством. Почему Хаона так интересует... смерть?

— Потому, — спокойно сказал Ригер, — что Хаон — бессмертен.

— Бессмертен? — недоверчиво отозвался Грейдон.

— Бессмертен, — повторил Ригер, — если, разумеется, еще его не убьют. Или если он не выберет определенную... альтернативу, которая есть у нас всех.

— Которая есть у вас всех? — снова эхом отозвался Грейдон. — И ты — тоже, Ригер?

— Даже я, — отвечивая изысканный поклон, ответил гигант.

— Но индейцы... наверняка нет?! — закричал Грейдон.

— Они — нет, — терпеливо ответил Ригер.

— Значит, они умирают. — Грейдон отчаянно старался найти какую-то брешь в том, что казалось ему чудовищным. — Они умирают. Как и люди моего народа. Тогда почему Хаон не узнает у них все о смерти? Почему спрашивает меня?

— На это есть два ответа, — совершенно лекторским тоном сказал Ригер. — Первый. Вы — и, следовательно, вся ваша раса — гораздо ближе к нам, чем эмеры, или, как вы их называете, аймара. Поэтому Хаон убежден, что он сможет узнать от тебя, что, вероятно, выйдет к нам из Ворот Смерти, если будет решено открыть их в Ю-Атланчи. Во всем Ю-Атланчи. Это, кстати, одна из причин, почему мы — изгои. А второй ответ — всеобъемлющ. Он состоит в том, что, за исключением редчайших случаев, эмеры не живут достаточно долго, чтобы можно было обнаружить, каким образом они, вероятно, умирают... Не считая ужасного, всегда одного и того же способа, которым умирают эмеры... Я имею в виду, что их убивают до того, как им пред-

ставится случай умереть как либо иначе! Это вторая причина, по которой мы — вне закона.

Грейдон в ужасе содрогнулся.

Суарра тоже бессмертна? А если так, то, во имя господ, сколько же ей лет? Эта мысль была определенно неприятна. Они не люди, этот скрывающийся от всех народ. Не нормальные люди! Но наверняка Суарра, прекрасная, не из их числа... этих чудовищ. Он не посмел спросить напрямую. Попытался подобрать с помощью косвенного вопроса.

— Я полагаю, Дорина — тоже? — спросил он.

— Естественно, — безмятежно ответил Ригер.

— Она очень похожа на Суарру, — осмелился Грейдон. — Она могла бы быть ее сестрой.

— О нет, — сказал Ригер. — Она была, я полагаю, сестрой бабушки Суарры... Да. Или прабабушки. Что-то в этом роде, во всяком случае.

Грейдон уставился на него с недоверием. В конце концов, уж не подшучивает ли над ним Ригер?

— Что-то вроде тетки, — заметил он саркастически.

— Можно сказать и так, — согласился Ригер.

— Дьявол! — в полном озлоблении закричал Грейдон и с грохотом опустил свой кулак на стол. Ригер испуганно посмотрел на него, затем рассмеялся.

— В чем дело? — спросил он. — Какой-нибудь из ваших младенцев, если бы у него хватило мозгов думать, вероятно, решил бы, что ты — старик. Точно так же, как ты думаешь обо мне. Все это относительно. И если возраст вызывает у тебя отвращение, — добавил он елейным тоном, — то будь благодарен, что это Дорина — сестра прабабушки Суарры, а не наоборот.

Грейдон рассмеялся. В конце концов, здравый смысл — штука удобная. И все же Суарра — ей, вероятно, сотни лет! Не молоденькая девушка, как он о ней думал! Хорошо, вопить об этом — бесполезно. Это так, либо это не так. А если это так — она все же Суарра. Грейдон пока что оставил в стороне эту проблему.

— Еще один вопрос, и я буду готов ответить на твои. Никто из вас до конца мне не верил, пока я не рассказал о Лике. И то, что я рассказал, испугало вас. Почему?

— Из-за Тени, — с заметным усилием ответил Ригер. — Из-за злой Тени, которую вы обратили в реальность. И из-за древней истории, которую вы обратили в правду. Дальше... Мне сказать больше нечего.

Тень... Женщина-Змея говорила о тени... связав ее с врагом, которого они называли Темным... Называлось имя... Тень... кого? Ах да, он вспомнил.

— Ты говоришь загадками, — сказал Грейдон. — Будто я ребенок. Вас страшит имя этой Тени? Ну а меня — нет. Это Тень Нимира.

Челюсть Ригера отвалилась. Закрылась со щелканьем. С угрожающим видом он шагнул к Грейдону. Лицо его отвердело, глаза сделались холодными и подозрительными.

— Я полагаю, ты знаешь слишком много! И, зная это, боишься слишком мало...

— Не будь дураком! — резко сказал Грейдон. — Стал бы я спрашивать, если бы знал, почему вы боитесь? Мне известно имя — это все... Не считая того, что он враг Матери. Как я узнал это, я расскажу позже... После того как ты ответишь на мой вопрос. И не надо больше загадок.

Целую минуту гигант свирепо смотрел на Грейдона, затем пожал плечами и сел перед ним.

— Ты потряс меня, — сказал он уже спокойно. — Из всего Братства я один (думаю, что один) знаю имя Нимира. Оно забыто. Всем известно другое имя — Повелитель Зла. Это не имя, которое он носил раньше...

Он наклонился к Грейдону и положил ему руку на плечо. Жестокого рисунка губы Ригера дрогнули:

— Во имя Силы, существующей над всеми нами, я хочу верить тебе! Я не хотел бы, чтобы эта надежда умерла.

Грейдон поднялся, сжал лежащую на нем руку.

— Во имя Силы, существующей над всеми нами, ты можешь мне верить, Ригер!

Ригер кивнул, лицо его снова стало спокойным.

— Тогда слушай, — начал он. — Это древняя история. Когда-то страной Ю-Атланчи правили семь Повелителей и Адена, Мать Змей. Они были не как остальные люди, эти Повелители, хозяева страны, властители страшных тайн, повелители странных сил. Они победили как жизнь, так и смерть, отодвигая по собственной воле приход смерти и делая с жизнью то, что им хотелось. Столетие столетий назад они пришли в эту страну вместе с Матерью и ее народом. С помощью своей мудрости они перестали быть просто людьми. Или, по меньшей мере, мы бы не могли считать их просто людьми. Хотя когда-то они должны были быть людьми, подобными нам. Настало время, когда один из них тайно задумал заговор против остальных, задумал лишить их власти. Он захотел стать верховным правителем. И не только Ю-Атланчи, но и всей Земли. Хотел воцариться, стать всемогущим. Богом на Земле. Постепенно и неуклонно он овладел странными силами, неизвестными остальным Повелителям. Когда он почувствовал, что его мощь созрела, то ударил и почти победил. Победил бы —

если бы не мудрость и не хитрость Матери. Его имя было Нимир.

Они победили его... Но не смогли уничтожить. Своим искусством они наложили на него узы. И вот что они сделали, как утверждает древняя история. Они подготовили некое место и с помощью своего искусства заточили его в скале. На этой скале они вырезали громадное Лицо, во всем подобное лицу Нимира. Это была не насмешка... но что была это за цель, никто не знает. И своим искусством они пробудили в этом месте к действию силы, которые должны были надежно удерживать его там, пока существует Земля или пока длится жизнь Нимира. О гроздьях из драгоценных камней или о текущем золоте, как ты описал, предание ничего не рассказывает. Когда все было сделано, Мать Змей и шесть Повелителей вернулись в Ю-Атланчи. И надолго воцарился старый мир.

Прошло время. Одни за другим устали те, чей взгляд победил Повелителя Зла. И открывали Ворота Смерти. Или открывали Ворота Жизни, пронося сквозь них в наш мир детей, а затем сами уходили через темный портал, ибо такова цена за детей в Ю-Атланчи! И настал день, когда во всей Запретной Стране не осталось никого, кто бы знал всю правду... Если не считать горстки Созидателей снов. А кто верит Созидателям снов?

Эта война, ставкой в которой был весь мир, превратилась в легенду, в притчу.

Затем, не так давно (по меркам, принятым в Ю-Атланчи), прошел слух, что Повелитель Зла появился снова. Вернее, его Тень. Шепчущая Тьма. Бестелесный, но ищущий тело. Обещавший любые блага тем, кто повинуется ему. Шепчущий, нащептывающий, что он — Властелин Земли. И урды, люди-ящеры, сделались его рабами.

Сперва, когда мы слышали этот слух о Тени и ее шепоте, мы смеялись. Проснулся Созидатель снов, говорили мы, и кто-то поверил ему. Но когда число последователей у Тени увеличилось, мы уже не смеялись так громко. Ибо жестокость и зло быстро росли, и мы понимали: был ли это Повелитель Зла или кто-то иной, но это яд корней древнего дерева — Ю-Атланчи.

Из всех шести Повелителей остался только один (и Мать), а он давным-давно удалился от нее. Мы пытались встретиться с Матерью, но она оставалась безразличной.

Затем власть захватил Ластру, и жизнь в древнем городе сделалась для многих из нас невыносимой. Следуя за Хаоном, мы нашли убежище в этих пещерах. И год за годом все мрачнее нависала Тень над Ю-Атланчи. Но мы все еще говорили: — "Она — не тот древний Повелитель Зла!" А затем пришел ты.

И ты сказал нам: "Я видел то тайное место! Я глядел в глаза Лика!"

Ригер поднялся и зашагал по комнате. На лбу его были маленькие капельки испарины.

— И теперь мы з н а е м, что Тень — не ложь и что она и Повелитель Зла — одно и то же. Что он нашел средство для частичного освобождения. И что он пытается добиться полного освобождения, обрести полную свободу. И снова попытается осуществить то, что когда-то ему не дали сделать, — воцариться здесь, а со временем — и над всей Землей.

Снова начал Ригер безостановочное хождение. И снова остановился, глядя в лицо Грейдону.

— Мы боимся, но боимся не смерти, — сказал он, и это было как повторение слов Суарры. — Это нечто неизмеримо худшее, чем когда-либо могла бы сделать любая Смерть. Мы боимся жить в том виде, как это могли задумать Повелитель Зла и Ластру. А что они для нас это задумали — в этом будь уверен.

Он прикрыл лицо полой плаща, а когда открыл его, то снова держал себя в руках.

— Но не будем терять мужества! — прогремывал он. — Ни Ластру, ни Хозяин Тьмы нас еще не заполучили! Теперь твоя очередь. Что обещала тебе Мать?

И с неясным ужасом, колотящимся в сердце, Грейдон полностью рассказал Ригеру, что он видел и слышал в своем видении. Ригер молчаливо слушал, и в глазах его росла надежда. А когда Грейдон повторил угрозу Женщины-Змеи, обращенную к Ластру, Ригер вскочил на ноги с радостным криком.

— Ты должен добраться до нее, и ты доберешься! — вскричал он. — Я не говорил, что это будет легко. Но есть способы... Да, способы есть. И ты доставишь ей послание от нас. Мы готовы присоединиться к ней и сражаться, как только сумеем, рядом с ней. И что мы ценим спасение Ю-Атланчи, возможно, более, чем она думает. Скажи ей, что, по крайней мере, мы все вместе и каждый в отдельности — если требуется — будем счастливы сложить наши головы ради ее победы.

Откуда-то издалека донесся густой золотой звук колокола.

— Братство собралось, — сказал Ригер. — Это — сигнал. Когда ты предстанешь перед ними, не рассказывай ничего из того, что только что рассказал мне. Просто повтори историю, рассказанную прошлой ночью. Там будет Дорина. И я тебе ничего не рассказывал. Ты понимаешь меня?

— Хорошо, — ответил Грейдон.

— А если ты окажешься хорошим учеником, — сказал Ригер, останавливаясь у завешенной двери и ткнув своим острием чуть

не в ребра Грейдона, — если ты по-настоящему все сделаешь как надо, я расскажу тебе еще кое-что.

— Вот как? И что же? — напряженно спросил Грейдон.

— Я расскажу тебе, сколько на самом деле лет Суарре, — ответил Ригер и, рассмеявшись, шагнул в дверной проем.

Г л а в а 12

ДРЕВНИЙ ГОРОД ТАЙН

Грейдон решил, что ему придется пересмотреть оценку, данную им Черному Ригеру. Он смеялся про себя, когда Ригер хвастал своей хитростью, и решил, что он прозрачен, как воздух. Теперь Грейдон знал, что он ошибался. Лукавое напоминание о возрасте Суарры продемонстрировало, как точно Ригер читал в его душе. Это, однако, только один повод для размышлений. Более значимо, что Ригер понял, что Грейдон утаил наиболее важную часть своей истории.

А кроме того — независимость мыслей, явно проявляющаяся и в словах, и в делах. Возможно, он человек Хаона, но руководствуется собственными суждениями. Доказательство этому — проявленное им недоверие к Дорине. И уж наверняка способ, которым он передал Хаону свои злобные сомнения в ней, был достаточно хитрым. А также — чувство юмора (Грейдон почему-то был уверен, что Хаон его лишен начисто).

Коридор, которым они шли, оказался недлинным. Он заканчивался огромными дверями из черного металла.

— Помни! — предупредил Ригер.

Створка двери скользнула в сторону, открывая паутину занавеса. Ригер отодвинул его, вслед за ним прошел и Грейдон.

Он стоял на пороге огромного зала. С высокого потолка лился свет. Грейдон увидел напротив расположенные полукруглыми сиденья, вырезанные, казалось, из розового коралла.

Сиденья занимали около сотни contemporaries Хаона, мужчины — в желтом, женщины — в платьях яркой расцветки. Брошенный на них быстрый взгляд сказал Грейдону, что все они отличаются той волнующей красотой, которая является наследием этой неизвестной расы. Рассмотрев их, Грейдон снова содрогнулся, поняв, насколько он одинок и чужд им.

Прямо перед полукруглыми находилось невысокое возвышение. На нем — широкая скамья из розового коралла, а перед ней — тумба, похожая на ораторскую трибуну.

На скамье сидела Дорина, рядом с ней высился Хаон. Хаон быстро спустился вниз, в высшей степени вежливо приветствовал Грейдона и, взяв его под руку, провел на возвышение.

Там Дорина ответила на поклон Грейдона. Ригер опустился рядом с ней.

Затем Хаон развернул Грейдона лицом к остальным и поднял его запястье с одетым браслетом. Увидев браслет, присутствующие приглушенно зашептались, руки их поднялись в приветствии.

— Это, — начал Хаон, — Братство, изгой Ю-Атланчи, ненавидимые и преследуемые Ластру и Хозяином Тьмы. Верные дети Матери, готовые служить ей, если она нам это позволит. Я уже рассказал им кое-что из твоей истории. Я сказал, что мы трое поверили тебе. Однако, хотя они и признали меня своим вождем, я — только один из них. Вынести решение — это их право. Говори, они слушают.

Грейдон подобрал нужные слова, затем начал свой рассказ. По ходу его изгой слушали все напряженнее. И он понял, что, поскользнувшись на решении уже вынесено, это слушание — только формальность. Что, еще до того как он вошел, они со слов Хаона уже убедились в его искренности.

Когда он почувствовал их растущую симпатию и одобрение, ему сделалось спокойнее и говорить ему стало легче.

Все сомнения в этом исчезли, когда он дошел до пещеры Лика. Слушатели подались вперед в напряженном внимании; бледные, с побелевшими губами, и в их глазах был ужас. Ужас — да, но ни следа паники, отчаяния, душевной слабости не появилось на прекрасных лицах. Когда он закончил, раздался долгий вздох, а затем — тишина.

— Вы выслушали его, — нарушил тишину Хаон. — А теперь пусть тот, кто сомневается в этом человеке, встанет и расспросит его.

Невнятный говор прошел по рядам Братства, один повернулся к другому. Образовались маленькие шепчущие группы. Затем раздался чей-то голос:

— Хаон, мы верим. Он должен без промедления добраться к Матери. Теперь остается решить, как это сделать.

— Грейдон, — повернулся к Грейдону Хаон, — прошлой ночью я обещал, что, если мы тебе поверим, тебе будет позволено идти своей дорогой, так, как подсказывает твой разум... Или ты сможешь связать свою судьбу с нашей. Теперь ты должен решать. Подожди, — сказал он, когда Грейдон попытался заговорить. — Мы никого не морочим благими обещаниями, о которых знаем, что их трудно выполнить. Сомнительными обещаниями. И очень может быть, что наша помощь принесет тебе больше вреда, чем что-либо иное. До того как решишь, посмотри на сцену, где будет разыгрываться пьеса.

Сделав большой шаг, он сошел с возвышения и направился к дальнему концу зала. Отдернув плотную штору, он открыл гладкую стену. За стеной стоял черный блестящий камень. Хаон положил на него руку, и в камне медленно открылось круглое отверстие. Оттуда вырвался порывом танцующий клуб душистого воздуха.

Грейдон увидел скрытый от всего мира облик Ю-Атланчи.

Далеко внизу искрилась голубая вода длинного озера. Возле его узкого конца находилось убежище Хаона. Озеро окаймляли пляжи золотого песка и заросшие цветами болота. За болотами начинался густой лес.

Грейдон посмотрел вниз, на озеро. В южном направлении оно расширялось. Местность окутывал легкий туман, но вдали Грейдон увидел неровное, ярко окрашенное пятно. А напротив пятна выступали, сходясь в воде, утесы, и озеро снова сужалось. В этих утесах виднелся ряд огромных черных овалов. Возле каждого овала стояла гигантская фигура.

Разумеется! Это пятно, эта куча рассыпанных драгоценностей и была тайным древним городом. Овальные тени — пещеры, которые он видел мельком, когда откликнулся на зов Женщины-Змеи. Охранявшие их фигуры колоссов... а слева — сверкающая серебряная полоса. Это был большой водопад.

Хаон протянул выточенную из кристалла маску. Грейдон надел ее на лицо. Цветное пятно прыгнуло вперед, рассыпалось перед ним, распалось, превратилось в украшенный башнями и башенками город. Город, построенный джиннами из глыб и пластин сияющего красным золотом и мерцающего серебра. С крышами, черепица которых — бирюза и сапфир, тлеющие огнем рубины и пылающие бриллианты. Он увидел пену огромного водопада, увидел, что нет двух одинаковых колоссов, что у некоторых фигуры женщин, а некоторые — словно боги Древнего Египта. Его глаза задержались на одной статуе. Обнаженное женское тело, очень пропорциональное, даже прелестное. Но лицо было лицом оскалившейся лягушки.

За городом находился длинный низкий холм. Его венчало здание, которое затмевало даже колонное величие древнего Карнака. Выстроенное из белого мрамора, оно нависало над городом драгоценных камней. Оно было — как одетая в белое весталка. Фасад был украшен без орнамента. И, подобно колоссам, здание, казалось, наблюдало за происходящим.

Улиц Грейдон не видел. Усеянные листьями тропинки с редким движением. Запад, юг, восток... всюду взгляд Грейдона останавливался на достигающей неба горной цепи. Скрытая от всего мира страна представляла собой огромную круглую чашу шестидесяти миль в диаметре, как определил Грейдон.

— Там, — Хаон указал на дворец, — твоя цель. Там живут Мать... и Суарра.

Отверстие закрылось. Хаон опустил занавес и повел Грейдона обратно к возвышению.

— Ты все видел, — сказал он. — То, чего ты не видел, — это препятствия, лежащие между Дворцом, дорога к которому кажется такой близкой и безопасной, и нами. Город хорошо охраняется, и все, кто его охраняют, — люди Ластру. Мы не сможем добраться до Дворца, не будучи схваченными множество раз. Поэтому оставь всякую надежду, что тебе втихомолку, без чьей-либо помощи, удастся достичь Матери. Тебя до этого неизбежно заполучит Ластру. По древнему закону тебе придется заплатить за это жизнью.

Но может случиться так, что, если ты смело войдешь в город, показывая в качестве пропуска браслет и его именем требуя свидания с Матерью... может быть, тебе без затруднений удастся достичь цели. Может случиться так, что Ластру, приведенный в замешательство тем, что тебе удалось пройти мимо Посланных, не понимающий, какая здесь тайна и как тебе удалось достичь Ю-Атланчи, не посмеет убить тебя, но и не допустит к Матери.

— Скорее всего, он сделает вот что, — проворчал Ригер, — поскольку, кем бы Ластру ни был, он не дурак. Он тебя очень тепло приветствует, выведает у тебя все и будет откладывать встречу под тем предлогом, что Мать следует подготовиться к твоему визиту... Вероятно, усыпит тебя каким-нибудь наркотиком, подмешанным в питье, и, пока ты спишь, посоветуется с Повелителем Тьмы, что с тобой делать дальше. Не думаю, что таким путем ты когда-нибудь доберешься до Матери.

Ропот согласия прошел по Братству. И в знак согласия кивнул Хаон.

— Однако ему придется оценить меру риска, — сказал он. — Если вы отвергаете этот план, встает вопрос о нашей помощи. Честно говоря, Грейдон, она может быть не слишком большой. Тех, кто еще жив из Старой Расы, осталось немного. По всей вероятности, нас — две тысячи. Здесь насчитывается едва ли сотня. Но тех, кто за нас в городе, — около трехсот, может, немного больше... Там они принесут нам больше пользы, чем если бы находились здесь. Из оставшихся — полтысячи Созидателей снов. Ничто земное их не касается. Остальные — с Ластру, едины с ним в делах и в развлечениях. Последователи, в той или иной степени, Повелителя Тьмы.

Мы не в том положении, чтобы в открытую схватиться с Ластру. Он повелевает Ксинли, как охотничьими сворами, так и теми, которые предназначены для езды... А последние так же

ужасны, как и Ксинли-охотники. Через Повелителя Тьмы он повелевает урдами, человеко-ящерами.

Наше оружие против них — мечи и пики, луки и стрелы, боевые палицы. Некогда у нас было оружие иного рода — громовое, пламенное, испускающее молнии и убивающее всех, на кого оно было направлено. Летучие тени, особый вид огня, пожирающий все живое. И другие необычные смертоносные приспособления. Но, как рассказывают легенды, после одной войны это оружие было взято и спрятано в одной из пещер, чтобы мы никогда не могли его использовать. Либо оно было уничтожено. В любом случае у нас его нет.

Я говорю это, Грейдон, — с небольшой ноткой горечи добавил Хаон, — чтобы объяснить тебе, почему мы не берем тебя за руку и не идем церемониальным маршем к Белому Дворцу. Если бы у нас был хоть один из видов того старого оружия...

— Если бы оно у нас было, мы бы именно так с тобою и маршировали! — захохотал Ригер. — Если оно все еще существует, Мать знает, где оно находится. Поэтому ты обязан добраться к ней и убедить ее позволить нам получить это оружие. Клянусь адом, если Повелитель Тьмы — это Властелин Зла, тогда Адене следует больше позаботиться о собственной безопасности! Он, может быть, тоже знает, где оно спрятано!

— Вот что мы можем сделать, Грейдон, — продолжал Хаон. — Мы можем договориться с нашими друзьями в городе, где тебя спрятать, если нам удастся тайно доставить тебя туда. После этого нам придется придумать, как попасть во Дворец. Если Ластру попытается схватить тебя, это будет означать открытую войну между ним и Матерью, что, честно говоря, в наших интересах. Опасность в том, что тебя обнаружат до того, как ты доберешься к Матери. Тем не менее, уверяю тебя, что у тебя больше шансов добраться к ней с нашей помощью, чем без нас!

— Верно, — ответил Грейдон. — Но так это или нет, Хаон, что-то говорит мне, что наши судьбы переплелись. Что если я выиграю — это для вас надежда. И для всех тех, кто хотел бы увидеть, как жизнь в Ю-Атланчи меняется. В любом случае, если вы меня примете, я свяжу свою судьбу с вашей.

Лицо Хаона просветлело. Он пожал руку Грейдону. А Ригер в это время что-то бормотал и колотил Грейдона по плечу. И над Братством поднялся гул голосов одобрения. Внезапно сквозь этот шум пробился голос Дорины, томный и нежный:

— Но мне кажется, что вы упустили простейшее решение всей этой проблемы. Несомненно, Грейдон оказался здесь из-за Суарры в не меньшей степени, чем из-за Матери. И несомненно, Суарра заинтересована в нем. А Суарра — любимица Матери. Ну и... надо тайно сообщить Суарре, что Грейдон вернулся,

и пусть она скажет, где она с ним встретится. Затем, встретившись, пусть скажет, как лучше всего он сможет добраться к Адене.

Грейдон заметил, что Ригер смотрит на нее с подозрением. Но Хаон радостно воспринял предложение, и Братство, после небольшого обсуждения, совет одобрило.

И было решено немедленно послать к Суарре вестника, чтобы он сказал ей, что Грейдон — здесь. В доказательство этого Грейдон по совету Ригера написал письмо. Одну строчку: "Клянусь твоим пером "караивенкос", лежащим у моего сердца, это — правда". Это, и ничего больше. Местом встречи, также по предложению Ригера, была назначена первая пещера в ряду колоссов, та, что ближе всего находилась к большому водопаду.

— Никто не остановит ее или не спросит, куда она направляется, — убеждал Ригер. — Она может сказать, что послана с какой-то целью Матерью. Никто не осмелится помешать — и зачем бы? Она и прежде посещала пещеры. Хорошо бы, чтобы встреча состоялась после наступления сумерок, скажем, в пять часов. Я и еще полдюжины будет достаточно, чтобы охранять Грейдона. Я знаю дорогу, где опасность, что нас обнаружат, невелика.

Так и решили. Подготовили послание Суарре, и гонец, один из индейцев, отбыл. Грейдон полностью так и не понял, как послание достигнет Суарры. Он пришел к смутному выводу, что оно передано другим индейцам, о которых не знают, что они враждебны властям, и так далее, пока оно не попадет к эмирам — служителям и телохранителям Дворца, не обязанным никому хранить верность, за исключением Матери и Повелителя Глупости. Они проследят, чтобы Суарра получила послание.

Этот день Грейдон провел с Хаоном и его Братством. И нашел, что они веселы и умны, что они воспитательные товарищи и женщины обеспокоены опасным очарованием. Странно, Дорина уделяла ему заметное внимание, однако ревность Хаона пропала. Как и Хаона, ее интересовало все, связанное со смертью! И эту часть вечера, проведенную с ней рядом, Грейдон нашел не такой уж веселой. Наконец она затихла надолго, а потом сказала:

— Хаон угрожает, что если выиграет эту войну и придет к власти в Ю-Атланчи, то откроет для всех Ворота Смерти. Почему бы нам не иметь право выбора?

Не дав ему времени для ответа, она пристально взглянула на него сузившимися глазами и с крайней непреклонностью сказала:

— Ну, я ради него умирать не собираюсь! Можешь так и сказать Матери, если когда-нибудь до нее доберешься!

И, внезапно отвернувшись, оставила Грейдона.

Позже, когда он ложился спать, пришел Ригер, уселся и вот что он сказал Грейдону:

— Друг мой, — произнес он, — у меня плохое предчувствие. Я и сам хотел предложить эту встречу с Суаррой, тем не менее мне не нравится, что этот совет исходит от Дорины. Так что Суарра встретится с тобой не в пять часов, а в три. Местом встречи к тому же будет не первая пещера, а пещера Женщины-Лягушки.

— Но послание уже ушло, — сказал Грейдон. — Как об этом узнает Суарра?

— Не беспокойся, — парировал гигант. — По своему хитрому обыкновению, помимо того послания я отправил другое, мое собственное. Даже посланец, который несет его, не знает, что в нем. Если мы получим обратно от Суарры перо "караивенкос", это будет означать, что она все поняла. Если не получим, то... Что ж, тогда нам придется идти в первую пещеру.

Он мрачно кивнул.

— Повторяю, мне не нравится, что идея исходит от Дорины. Ну, ладно...

Он мрачно пожелал спокойной ночи и удалился.

Г л а в а 13

ЖЕНЩИНА-ЛЯГУШКА

На третий день утром Грейдон услышал от Ригера, что Суарра получила его послание и их встреча состоится этой ночью. Она послала перо птицы "караивенкос", чтобы показать, что она все поняла и будет в пещере Женщины-Лягушки.

— Даже Хаон не знает, куда мы идем, — сказал Ригер. — Если бы он знал, Дорина бы выпытала у него это. И даже два ночных сна не уменьшили моего недоверия. Делая это предложение, она имела в уме что-то большее, чем просто облегчить твою дорогу к Адене или удовлетворить твое желание увидеться с девушкой, чьей теткой, скажем так, — закончил он, ухмыляясь, — она является.

Грейдон и сам много думал и теперь повторил Ригеру свой странный разговор с Дориной.

— Возможно, — сказал он, — она задумала ловушку, чтобы предать меня Ластру. Она может полагать, что, если я доберусь до Матери, наше предложение будет немедленно принято. Далее, если Ластру будет побежден и Хаон придет к власти,

произойдет то, чего она так боится: Хаон откроет Ворота Смерти, чтобы это ни означало. В то время как если меня устранить по дороге, дела, вероятно, будут идти по-прежнему, что даст ей время, чтобы отговорить Хаона от его намерения. Это — единственная основа, какую я мог придумать для твоих подозрений... если у них вообще есть какая-нибудь основа.

Ригер задумчиво слушал.

— Не секрет, что в этом вопросе Дорина противостоит Хаону. Это всегда вызывало конфликт между ними. Его желание иметь детей так же сильно, как и ее остаться бессмертной. До того как мы пришли сюда, он убеждал ее вместе с ним открыть две Двери. Она отказалась. Существуют другие женщины, которые согласились бы. Но Хаон однолюб. Он бы убил Дорину, если бы обнаружил, что она — предательница, но он не хочет стать отцом детей никакой иной женщины.

Ворча, он зашагал по комнате.

— Сказанное тобой делает мои мысли достаточно правдоподобными. — Он прекратил ходьбу. — Однако в этом вопросе существует и другая сторона, и я не думаю, что Дорина ее не заметила.

Если ты попадешь в ловушку, то, по всей вероятности, в ловушку попадет и Суарра. Встречаясь с тобой, она идет на большой риск. Этого достаточно, чтобы гарантировать приговор Совета, который контролирует Ластру... что означает в лучшем случае объявление ее вне закона.

Совет вправе поступить с ней так. Но если я хоть немного знаю женщин (не забывай, что Мать Змей — женщина), она не позволит, чтобы ее приемная дочь страдала. А тогда, в конечном итоге, пожалуй, уничтожение Ластру либо смерть самой Матери. А это, если ты прав, именно то, чего хочет Дорина.

— Господи боже, Ригер! — пораженный ужасом, воскликнул Грейдон. — Если эта ведьма даст знать об этом Ластру, Суарра наверняка окажется в его власти!

— Нет, — ответил гигант, — это не так. Понимаешь, друг мой, тогда вместе с ней был Повелитель Тиддо. Она лишь выполняла его приказ.

— Может быть, он придет вместе с ней сегодня вечером? — с надеждой сказал Грейдон.

— Нет. — Ригер покачал головой. — Я в то, что он придет, не верю. Здесь есть разница. Вы четверо шли к своему наказанию. И если бы не Мать, ты вместе с остальными скатился бы в пропасть каплей золотого пота. Тогда вмешалась Мать. И думаю, она снова сделает это — ради Суарры. Но не ради тебя. Кроме того, как ты говорил мне, она сказала, что ты должен добраться к ней с помощью собственного ума и смелости.

Таким образом, я твердо полагаю, что ни на какую защиту сегодня вечером мы рассчитывать не можем. Разве что придумаем что-нибудь сами.

Он снова что-то невнятно проворчал.

— Более того, — он наставил свое острие на Грейдона, словно палец, — Адена — женщина, и, следовательно, непостоянна. Она может решить, что ты, в конце концов, не обязательное условие благополучия Суарры. Или она может на мгновение устать от всего этого дела, и это короткое безразличие может прийти на наиболее неблагоприятный для тебя момент...

— Дьявольщина! — воскликнул Грейдон. — Ты наверняка очень веселый спутник, Ригер!

— Ну, — посмеивался Ригер, — и если тебе нужна веселая мысль, то вот она. То, что Мать — женщина, это правда. Но, конечно, не человеческая женщина. Поэтому никто из нас не может наверняка знать, что она выкинет!

И, представив Грейдону возможность бороться с наводящей уныние уверенностью, что он абсолютно прав, Ригер удалился.

Остаток дня Грейдон провел с Хаоном и несколькими членами Братства. Как и за день до этого, все они старались больше узнать о том мире, что существовал за пределами Запретной Страны.

Дорина не появлялась. Их заинтересовала его винтовка и пистолеты, но показалась сомнительной эффективность этого оружия против динозавров. Словно детей, вспышка их интересовала больше, чем то, что делает пуля. Они объяснили, что Ксинли уязвимы только в одном незащищенном месте — на шее под челюстью и что единственный способ убить их — ударить сразу вверх пикой в это место.

В охотничьих сворах около двух сотен динозавров. Не больше и количество чудовищ, используемых для верховой езды. Размножаются они редко, и их число медленно уменьшается.

Твари большого размера легко поддаются использованию в качестве лошадей. Своры состоят из рыскающих в поисках добычи и все пожирающих дьяволов. Полный контроль над ними имеет только Ластру.

Существует амфитеатр, где регулярно проходят гонки больших динозавров. Это — также арена, где устраиваются сражения между специально отобранными динозаврами из охотничьих свор и маленькими группками человеко-ящеров, на которых периодически делаются облавы, чтобы уменьшить их количество.

И теперь Грейдон узнал, почему ни один из индейцев не умирает таким образом, чтобы просветить Хаона в его попытках

познать различные виды смерти. Когда индейцы начинают стариться, их скармливают сворам.

Кроме того, оказалось, что Ластру страстно увлечен кровавой игрой — охотой на человека. Совершающих проступок перед законом, а также совершивших проступок против него (открыто в первом случае и тайно — во втором) нередко выводят за границы Страны, отпускают и травят.

Грейдон также узнал, каким образом Ригер получил свои шрамы и потерял руку. Посмевающий выступить против одной из жестоких забав Ластру, он попался в ловушку, затем его отпустили и устроили травлю. Он ухитрился ускользнуть от преследователей, от всех, кроме одного охотничьего динозавра. Ригер бился с ним и убил его. Каким-то чудом он добрался до убежища Хаона и там возвратился к жизни. За его поимку Ластру назначил цену, лишь немного меньшую, чем за поимку Хаона.

Понимание Грейдоном этого потерянного народа делалось все яснее. Это были скудные остатки того, что было расой, добившейся больших успехов, чем какая-либо другая за всю историю Земли. Расы, к пику научных достижений которой человек позднее не смог никогда и приблизиться. Этот народ — все, что осталось от могучей доисторической цивилизации, — сохранил только красоту своих тел.

Но инициатива, стремление к дальнейшему продвижению, побуждение к возвращению утраченных знаний своих предков атрофировались. Или — в лучшем случае — остановились на точке затухания. Не считая этой красоты и долговечности, они казались обычными очаровательными вежливыми людьми.

Между ними был явно резкий раскол. Хаон и его Братство — атавизм. Они стремятся вернуться к прошлому, к более человеческому периоду в жизни своей расы.

Ластру и его последователи идут в противоположном направлении — к жестокости, к равнодушию, к страданию, к удовольствию при причинении страданий. Они неуклонно опускаются к черному дну зла, что делает их орудием Темного.

Те, кого называют Созидателями снов, застыли, удалились от всего человечества. И Грейдон подумал, что он понимает, почему Хаон стремится открыть эти таинственные Ворота, годами старается избавить свой народ от бессмертия, которое сделалось проклятием этой расы. Смутное убеждение, что, сделав это, он вернет источник юности своего народа, будит в нем его былую силу.

Теперь Грейдон принимал бессмертие как факт. Поразмыв о Коне, он уже не мог сомневаться, что наука, создавшая эту чудовищную помесь паука и человека, наверняка могла совершить меньшее чудо неопределенно долгого продления жизни.

Другим доказательством того же служили люди-ящеры. И, помимо всего прочего, существовала Женщина-Змея, Адена, Мать Змей, и несомненная реальность ее существования свидетельствовала: "Когда могут быть такие, как я (и там, где есть такие, как я), возможно все!"

День был на исходе. На окруженную горами чашу Запретной Страны начали спускаться сумерки. Незадолго до начала времени выступления Ригер принес Грейдону кольчугу из черного металла и вместе с Хаоном натянул ее на Грейдона. Кольчуга оказалась необычайно легкой и гибкой.

Наголенники и дубленые, высотой до лодыжек сапоги Грейдон отверг, предпочитая свои собственные прочные ботинки. Грейдон заткнул за ремень один из автоматических пистолетов и несколько патронных обойм. Второй пистолет Грейдон оставил в кобуре под левой подмышкой. Зачем он это сделал, он и сам не знал. Вероятно, ощущение пистолета придавало ему больше уверенности. Он позволил прикрепить к поясу ножны, в которых находился острый короткий меч, и взял у Ригера необычной формы булаву.

— Если случится битва, — сказал Ригер, — то это будет рюкпашная.

И Грейдон понял, что гигант знает, что говорит, и что странное оружие может оказаться полезным. Но себе он сказал, что в первую очередь будет полагаться на свой автоматический пистолет.

Проблему представляла винтовка. Грейдону не хотелось оставлять ее, поскольку была вероятность, что у Суарры может быть какой-то план, как ему добраться к Матери Змей, не возвращаясь в убежище.

В случае рукопашной схватки винтовка была бы менее полезной, чем пистолет, палица или меч, а то стала бы и помехой. Грейдон нашел компромисс: попросил, чтобы ее нес один из воинов-индейцев, причем держался к нему так близко, как только возможно. На том и порешили. Затем Хаон надел ему на голову подбитый мягким кольчужный шлем.

И когда все было сделано, Хаон сжал руками плечи Грейдона.

— Грейдон, — сказал он, — что-то говорит мне, что с твоим появлением весы судьбы Ю-Атланчи, так долго пребывавшие в неподвижности, пришли в движение. Ты — та новая гиря, которая нарушила их покой, и кто знает, послужит ли это добру или злу? И кто знает, Ластру ли перевесит тех, кто противостоит ему, или случится обратное, когда весы снова придут в равновесие? Но я предчувствую, что жизнь в Ю-Атланчи скоро изменится — так или иначе, но старый порядок близится к концу.

И что ты и я, Грейдон, никогда здесь больше не встретимся... вернее, встретимся еще раз, ненадолго... И расстанемся под темно-красными небесами... из которых падают тени... убивающие холодом тени, сталкивающиеся со сгустком пламени... А затем... никогда больше не встретимся... До той поры, всего тебе наилучшего, Грейдон!

Он резко повернулся и большими шагами вышел из комнаты.

— Хотел бы я знать... — пробормотал Грейдон и вздрогнул, будто ледяные руки обхватили на мгновение его плечи, на которых только что лежали руки Хаона.

— И я хотел бы знать, — отрывисто сказал Ригер. — Но похоже, что вы двое, по крайней мере, встретитесь снова. Поэтому сегодня вечером ты со смертью не встретишься.

Они вышли из комнаты в помещение охраны, где их ждала дюжина одетых в юбки аймара. Это были крепкие мужчины, вооруженные палицами и копьями. За их пояса были заткнуты короткие острые мечи. Ригер передал винтовку одному из индейцев и объяснил, что он должен делать. Индеец смотрел на нее с сомнением, пока Грейдон, улыбаясь, не щелкнул туда и обратно предохранителем, демонстрируя, что поставленный на предохранитель спусковой крючок двигаться не мог. Успокоенный аймара перекинул ремень через голову и занял свое место.

Дорогу показывал Ригер. Сперва отряд шел по широкому, хорошо освещенному туннелю, от которого разбегались меньшего размера проходы. Отряд все шел, и Грейдон видел, что ограждающая Страну стена вся, как норами, пронизана этими пещерами и коридорами. Ему стало любопытно, созданы ли они природой или вырублены древними обитателями Ю-Атланчи и с какой целью. Он много размышлял о свечении стен, но понять, в чем их секрет, не мог. Теплоты свет не испускал, но очень походил на мягкое свечение светлячков. И теней не отбрасывал.

Они прошли немного больше мили, когда туннель расширился. Пещера, и в конце ее — сплошная стена.

— Здесь, — сказал Ригер, заговорив впервые за это время, — начинаются опасности.

Он стоял рядом со стеной, вслушиваясь. Затем вынул из-за пояса какой-то предмет, имеющий форму конуса. Ригер прижал его к вырезанному на стене символу. Шестифутовый кусок стены начал медленно, словно занавес, подниматься. Когда он отошел от пола на несколько дюймов, два индейца легли на живот и заглянули в образовавшуюся щель. Каменный занавес поднялся еще на фут. Извиваясь, индейцы пролезли под ним и исчезли. Ригер опустил руку, и движение камня прекратилось.

Прошло, вероятно, минут пять, когда индейцы, извиваясь, пролезли обратно и кивнули гиганту.

Он снова прижал к символу свой конус. Камень быстро поднялся, открыв низкий проход, в который, пригнувшись, стремительно прошли эмеры. За ними Ригер и Грейдон.

Несколько ярдов им пришлось двигаться вперед согнувшись, а затем Грейдон смог выпрямиться. Перед ним была огромная пещера, залитая слабым красноватым светом. Таким слабым, что он едва отличался от темноты. Он обернулся к Ригеру и увидел, что тот затыкает свой конус за пояс. Стена, через которую они прошли, вновь стала цельной, никаких следов прохода в ней не осталось.

Индейцы сомкнулись кольцом вокруг Ригера и Грейдона. Быстро и бесшумно двинулись они вперед. Грейдон хотел заговорить, но Ригер сделал предостерегающий жест. Их обнимала красноватая тьма. Сквозь сумрак и странный гнетущий свет отряд быстро шел вперед.

Как индейцы ориентировались, Грейдон сказать бы не мог, но движения их были уверенными и шаг ни разу не замедлился.

Внезапно индейцы приблизились к нему так, что уже касались его, и в тот самый миг отряд перешел из темноты в уже абсолютный мрак. Скорость движения не уменьшалась. Словно вздохнув, проворчал что-то Ригер, и прозвучала отданная шепотом команда. Индейцы остановились. Вспыхнул туманно светящийся шар и двинулся впереди группы. За ним оставалась бледная полоса света, будто шар заставлял частицы воздуха туманно фосфоресцировать. Полоса расходилась. По круто уходящему вниз переходу, открывшемуся при этом свете, группа прошла тысячу футов. Затем еще две тысячи футов. И свечение начало тускнеть.

Пять раз выстреливал Ригер светящиеся шары, и те освещали непрерывающийся туннель, по которому шел отряд. Пять миль, а то и больше, должно быть, проделали они, выйдя из убежища, и ходьба начала сказываться на Грейдоне.

Снова померкло слабое свечение, но далеко впереди показалось овальное отверстие, из которого, казалось, лились лучи лунного света. Выйдя из туннеля, отряд прошел сквозь это отверстие. И здесь, пригвожденный к месту изумлением и страхом, Грейдон остановился.

Это была тоже пещера. Огромная. Но стен и потолка Грейдон разглядеть не мог. Она была заполнена серебряным светом, похожим на переливающиеся лучи, какие бывают весной в полнолуние. И в этих лучах света на низких ложах и подушках лежали бесчисленные мужские и женские тела. Мужчины и женщины будто спали, их лица были отмечены печатью той

совершенной красоты, которая была присуща жителям Ю-Атланчи. Они лежали по всей пещере так далеко, насколько мог проникнуть взор Грейдона. Сперва он подумал, что они спят. Затем он заметил, что грудь их не поднимается от дыхания.

Он глядел на их шелковые волосы, золотые, черные и цвета красноватой бронзы, на красные губы, на их цветущие тела. И думал, что это — великолепно, искусно раскрашенные статуи.

Он коснулся волос и щеки одного из лежащих поблизости. И понял, что это угасшая жизнь. Превращенные какой-то алхимией этой таинственной страны в камень или в некое вечное вещество, сохраняющее как цвет тел, когда в них кипела юная жизнь, так и их строение.

— Мертвые ю-атланчианцы, — сказал Ригер. — Те, кто в древности прошел сквозь Ворота Смерти до того, как они были закрыты. И те, кто после этого открыли эти Ворота по собственной воле, чтобы среди нас могла появиться новая жизнь. Мертвые!

Индейцы проявили беспокойство, нетерпение, стремясь поскорее уйти. Отряд быстро покинул это тихое место смерти. И казалось, даже Ригер почувствовал облегчение, когда они вышли.

— Еще несколько шагов, друг мой, — прогрохотал Ригер, — и мы — на месте! Здесь дорога становится менее опасной. Мы прошли пять больших пещер, место смерти было шестым. Обогнем вход в три другие, и мы — возле пещеры Женщины-Лягушки. И клянусь каждой чешуйкой Матери, я буду счастлив снова выйти наружу.

Вскоре они, ступая с предосторожностью, вышли из этого прохода, и Грейдон ощутил на своем лице дуновение свежего воздуха и увидел небо, в котором скрывался в бегущих облаках и вновь выплывал полумесяц.

По узкой тропе отряд спустился вниз. Здесь индейцы перестроились. Часть пошла впереди Ригера и Грейдона, остальные — сзади. Слева, скрывая озеро, поднималась ввысь зеленая листва.

Посмотрев вверх, вниз и назад, Грейдон увидел колоссальную женскую фигуру, высеченную из чисто белого камня. Статуя поднимала вверх руки к небу — хранительница пещеры, из которой они только что вышли. Затем вокруг Грейдона сомкнулись деревья.

Идти по тропе было легко. Даже когда облака закрывали луну, темно не было. Все громче делался грохот водопада. Сквозь просветы между кустами и деревьями Грейдон видел чудовищную фигуру Женщины-Лягушки, стоящую на страже возле черного овала.

Овал — это вход в пещеру.

Тропа начала подниматься. Она обогнула высокий выступ и превратилась в крутую лестницу с узкими ступенями. Грейдон вскарабкался по ним. Он стоял в тени неподалеку от входа в пещеру Женщины-Лягушки. Он посмотрел вверх на эту колоссальную статую.

Обнаженная, сидящая на корточках женщина, вырезанная из какого-то зеленого камня, который сверкал, будто лучи луны веером отражались от него. Над точеными плечами и грудью гротескное лицо Женщины-Лягушки скалилось прямо на Грейдона. Рядом с ней, чернильно-черный, зиял вход в пещеру.

Грейдон стоял у внутреннего края огромной, из гладкого камня, платформы. Прямо напротив, в полумиле по ту сторону озера, лежал тайный город.

Более чем когда-либо, здесь, под луной, ему показалось, что город построен джиннами. Город был больше, много больше, чем он представлял его. Его дворцы вздымались вверх фантастические купола и башенки. Яркая окраска дворцов — глазурь и драгоценные камни. Краски менялись, превращая город, раскинутый на многие мили, в огромный ковер, радужные узоры которого обрамлены темно-зелеными, черными, белыми арабесками — листва и цветы деревьев, окружавших жилища. От минаретов, башен, куполов отходили крошечные светящиеся лучи, тонкие полумесяцы, и соединяли их, словно мосты. В воздухе, пронизывая зеленое и черное, вспыхивали, исчезали и снова вспыхивали крошечные танцующие огоньки.

Грейдон подумал, что это светлячки, играющие среди деревьев. Справа, сверху вниз глядя на город, стоял величественный, безмятежный, девственно-белый Дворец.

И где-то во Дворце, возможно, Суарра! Может быть, в конце концов, она не смогла прийти сюда, чтобы встретиться с ним. Половиной своего сознания Грейдон надеялся, что она не смогла прийти, потому что прощальные слова Хаона еще отзывались в его сердце, и он боялся за нее. А другая половина неистово желала, чтобы она пришла — невзирая на любые опасности.

Совсем рядом с ним раздался шелест. Маленькая рука коснулась Грейдона. Он утонул в темных нежных глазах, локоны облачных волос поцеловали его щеку и окружили его своим ароматом.

— Суарра! — прошептал он и повторил, не веря себе, снова: — Суарра!

— Грейдон! — она приглушила свой мелодичный голос. — Ты вернулся ко мне... любимый...

Ее рука обвилась вокруг его шеи. Ее губы оказались возле его губ. И приблизились — медленно, медленно. Губы встретились, сомкнулись — и на какое-то время во всем мире исчезли опасность и страдание, горе и смерть.

Г л а в а 14

ТЕНЬ МАСКИ ЯЩЕРА

Резко очерченная лунным светом тень Женщины-Лягушки легла своими фантастическими формами от края до края гигантской платформы. Позади них чернела пещера. Между ними и городом сверкало, как огромное серебряное зеркало, озеро.

Под платформой замер караул индейцев. Голова Женщины-Лягушки, казалось, склонилась ниже, слушая их шепот.

— Грейдон! — Суарра плакала. — Ты не должен был возвращаться. О, как это плохо, что я просила тебя вернуться!

— Чепуха! — громыхал Ригер. — Вы любите друг друга, не так ли? Ну так что еще ему оставалось делать? Кроме того, он приобрел сильных друзей — Хаона и Черного Ригера. И еще одного друга, могущественнее нас всех — в противном случае, клянусь одеянием Пожирателя Молний, его бы здесь не было! Я имею в виду саму Мать!

Затем он с хитрой миной сказал:

— Дитя, она объяснила тебе, как провести его к ней?

— Ах, Ригер, — Суарра вздохнула. — Вовсе нет. И это лежит грузом на моем сердце, ибо, когда получила ваше послание, я прямо сказала ей о нем и попросила ее помощи. Кроме того, я сказала ей, что с помощью или без помощи, но я должна идти. Она только кивнула и сказала: “Конечно, потому что ты — женщина”.

Затем, после недолгого молчания, она добавила: “Иди, Суарра, вреда от этого тебе не будет”. — “Мать, я прошу защиты для него”, — сказала я, а она не ответила. И я спросила: “Мать Адена, разве ты не вызвала его из-за меня и, следовательно, никто не посмеет причинить ему вреда?”

Мать покачала головой: “Если он любит тебя, он сам отыщет дорогу ко мне”.

— Никто не видел тебя? Никто не следил за тобой? — спросил Ригер.

— Нет, — сказала Суарра. — Я совершенно уверена, что за мной не следили. Мы пошли через зал Ткачей, а затем — тайным путем, который идет под водопадом, а оттуда — по секретной тропе, идущей вдоль берега.

— Вы шли тихо? Когда вы проходили первую пещеру, ты ничего не слышала? Ничего не видела?

— Очень тихо, — ответила она. — А что касается пещеры, тропа пролегает глубоко под ней, так что ни ее нельзя увидеть, ни быть из нее увиденной. И я ничего не слышала, кроме шума потока.

— Где был Ластру?

Ригер, казалось, еще не был удовлетворен.

— Сегодня вечером он кормит Ксинли, — сказала она.

— Значит, — сказал удовлетворенно Ригер, — мы знаем, где он находится.

— Ну, — сказал Грейдон, — результат дела, кажется, во многом зависит от того, смогу ли я лично отвесить свой почтительный поклон Матери. И она поставила строгое условие, чтобы я достиг...

— Грейдон, — мягко прервала его Суарра. — Для нас есть другая дорога. Если ты хочешь, я уйду с тобой к Хаону. Я люблю Мать, но если ты хочешь, я не вернусь к ней. Я уйду с тобой к Братству. Вот что я сделаю для тебя, любимый! Я не хочу, чтобы тебя повстречала какая-нибудь из смертей Ю-Атланчи, но думаю, что они густо толпятся на твоей дороге к Адене. У Хаона мы сможем жить и быть счастливы, по крайней мере, какое-то время.

Грейдон услышал, как задохнулся в изумлении Ригер, и хотя ничего на это не сказал, но с беспокойством ждал, что он ответит на слова Суарры. Сказанное Суаррой было соблазнительно. В конце концов, из убежища Хаона они смогут уйти, и когда окажутся за пределами страны, вероятно, Мать Змей удержит свою руку, не выпустит на них крылатых Посланников — из-за Суарры, а если ему удастся безопасно увести Суарру, то какая ему забота о Ю-Атланчи и о тех, кто в нем обитает?

Быстро мелькнула и другая мысль. Мать помогла ему — и не раз, а дважды. Она спасла его от Лика. Она приказала своим Посланникам защищать его и показать ему дорогу. Она воззвала к его смелости и верности и показала, что доверяет ему.

И затем — этот Темный, эта Тень Нимира, Повелитель Зла, угрожающий ему, Хаон и Братство, которые ему тоже поверили, и Ригер. Разрушить все надежды, что встреча с Женщиной-Змеей избавит страну от зла и освободит их от изгнания?

Нет, он не может бежать прочь даже ради Суарры!

Он так и сказал ей и объяснил почему.

Он почувствовал, что Ригер расслабился. У него было странное ощущение, что каким-то образом это сверхъестественно прекрасное, нечеловеческое создание, которое называют Аденой, следовало за его мыслями и одобряло его намерение,

а в результате сама пришла к какому-то решению, которое до сих пор висело на волоске.

Суарра, казалось, не была слишком удивлена, вернее, она удивилась так мало, что Грейдону стало любопытно, не было ли это предложение придумано ею ради проверки.

— Хорошо, — сказала она тихо, — тогда мы должны выработать какой-то иной план. Я об этом думала. Слушайте внимательно.

Через семь ночей — полнолуние, и эта ночь — Ладнофакси, праздник Созидателей снов. Все будут в амфитеатре, в городе останется мало охраны. Пусть Грейдон вернется к Хаону. На пятую ночь, считая от этой, выскользните из убежища и идите в обход головной части озера через болота. Пусть Грейдон будет одет как эмер. Выкрасите ему лицо и тело, сделайте ему черный парик, как прическа у эмеров. Его серые глаза мы изменить не можем, придется идти на риск. Вы знаете дворец Кадока. Он — тайный враг Ластру и друг Хаона и вам, но об этом мне говорить вам не нужно. Отведите туда Грейдона. Кадок спрячет его, пока не наступит ночь Ладнофакси. Я пришлю проводника, которому можно доверять. Этот проводник отведет его к Дворцу. Таким образом, он отыщет путь к Матери. Это произойдет благодаря ему и его смелости, поскольку это потребует мужества. И разве он не проявил свой ум, когда отверг мое предложение? Так что поставленные Матерью условия будут выполнены.

— Это хороший план! — загромыхал Ригер. — Клянусь Матерью, это такой хороший план, будто исходит от нее самой! Пусть будет так. А теперь, Суарра, готовься уйти. Ты пробыла здесь долго. И с каждым мгновением я боюсь все больше, а я немного привычен к страху.

— Это хороший план, — сказал Грейдон — и, сердце мое, уходи теперь, как просит Ригер, потому что я тоже боюсь за тебя.

Ее нежные руки обвились вокруг его шеи, и ее губы прижались к его губам, и он почувствовал, что ее щеки мокры от слез.

— Любимый! — прошептала она.

Суарра ушла.

Ригер испустил долгий вздох облегчения.

— Ну, путь делается яснее. Теперь нам ничего не остается делать, как вернуться и ждать пятую ночь и заняться твоей маскировкой.

Он радостно закудаhtал.

— Подожди, Ригер!

Грейдон вслушивался в доносившиеся звуки каждой клеточкой своего тела.

— Возможно, там опасность. Она могла попасть в засаду. Слушай...

Несколько минут они тихо стояли и слушали, но не услышали ни звука.

— Она в безопасности, — проворчал наконец Ригер. — Ты слышал, что она сказала о том, что ей обещала Мать. Но мыто — нет, друг мой. Наша дорога обратно так же опасна, как и сюда. Пойдем!

Он свистнул охране, несущей караул.

Индейцы скользнули на платформу. Глубоко погруженный в думы, Грейдон отсутствующим взглядом обводил фантастический профиль тени, отброшенный Женщиной-Лягушкой.

Луна в небе поднялась выше и отбрасывала резкую тень колоссальной головы на гладкую поверхность скалы, от которой начиналась и шла дальше источенная пещерами стена. Зачарованный гротескностью тени, пробужденный от своих размышлений, Грейдон пристально уставился на нее.

Глядя на нее, он увидел, что рядом с ней появилась другая тень, медленно ползущая по ней, — гигантская тень головы ящера. Грейдон повернулся, следя за ней.

Из-за утеса, на уровне плеча Женщины-Лягушки, высунулась голова человека-ящера, огромная голова, по меньшей мере в два раза больше виденных до сих пор Грейдоном. Ее красные глаза свирепо посмотрели на Грейдона, огромные челюсти раскрылись.

— Ригер! — крикнул он, потянувшись за пистолетом. — Смотри!

Его окутала тошнотворная мускусная вонь. Когтистая лапа вцепилась в его лодыжку и потащила к скале. Он упал, и в это время существо, голова которого отбрасывала тень, скользнуло по камню вниз. Грейдон увидел, что его тело — тело человека. Значит, это был человек, а его голова — маска!

Он сцепился с существом, свалившим его на землю, и услышал крик Ригера.

Его пальцы сцепились на жесткой, как ремень, коже и скользнули. Челюсти существа оказались так близко, что Грейдона замутило от зловонного дыхания. Он боролся и одновременно недоумевал, почему оно не рвет его своими клыками. Его рука коснулась рукоятки короткого меча за поясом. Грейдон выхватил его и ткнул наудачу острием вверх. Человек-ящер завопил и откатился.

Прилагая все усилия, он поднялся на ноги и увидел, что оказался в нескольких ярдах от пещеры. На платформе стоял Ригер. Его смертоносное острие разило вверх, вниз, в стороны. Рядом с Ригером остались только двое из индейцев Хаона, сражавшихся так же отчаянно, как и он.

На краю платформы стоял человек в маске ящера. Вокруг него, охраняя, стояло кольцо индейцев, одетых в зеленые юбки.

Человек смеялся, и звук человеческого смеха, исходивший из клыкастой пасти, был отвратителен.

— Попался! — кричал человек в маске ящера. — В ловушке, старый лис! Убивая, сам ты убит не будешь! Не здесь, Ригер! Не здесь!

— Грейдон, ко мне! — зарычал Ригер.

— Иду! — прокричал Грейдон.

Он прыгнул вперед.

На него посыпался дождь тел, покрытых жесткой кожей. Когтистые руки вцепились в него. Он отчаянно боролся, чтобы устоять на ногах.

Теперь только один индеец остался возле Ригера, тот, который нес винтовку.

Борясь, Грейдон увидел, что копье вырвано из рук этого воина, увидел, как тот сорвал через голову ремень винтовки и поднял ее, словно дубину. Когда он поднял винтовку, из ее ствола вырвалось пламя и звук выстрела, который, словно гром, отразился во входе в пещеру.

И следом снова — гром.

Теперь Грейдон лежал ничком и больше уже ничего не мог видеть. Он задыхался под телами человеко-ящеров.

Ремни обвили все его тело, руки были прижаты к бокам, ноги связаны вместе.

Его быстро несли в плотную тьму. Он успел увидеть преддверие в пещеру и больше уже ничего не видел.

Пустота. Ригер и индейцы, человек в маске ящера и его воины, люди-ящеры — все исчезло!

Человеко-ящеры тащили Грейдона достаточно осторожно. Их была целая толпа. Он слышал, как они шипели и вопили вокруг него, и мускусное зловоние ископаемых ящеров было почти невыносимым.

Насколько он мог судить, никаких ран он не получил. Частично это можно было отнести за счет кольчуги, но не полностью, поскольку она не защищала лица и рук, а кольчужный шлем Грейдон потерял во время схватки. Он вспомнил, что твари не пытались использовать против него свои когти и клыки, что они взяли над ним верх лишь тем, что задавили его своим весом, навалившись толпой, будто им было приказано взять его в плен, но не причинять вреда.

Приказано? Но это означает, что тот, от кого исходил приказ, кем бы он ни был, знал, что этой ночью Грейдон окажется в пещере Женщины-Лягушки, а это, в свою очередь, означает, что, несмотря на все предосторожности Ригера, они преданы.

Дорина! Ее имя, казалось, полыхнуло из темноты языком пламени.

Еще одна мелочь пришла ему в голову и потрясла его. Если то, что он придет сюда, заранее было известно врагам Хаона, значит, то, из-за чего он придет, тоже было известно. Господи боже, значит, Суарра схвачена!

Его намеренно пытались отрезать от Ригера, это наверняка. Началось с того, что при первом нападении его оттеснили к пещере. Тогда они открыто своего замысла еще не показывали. Во второй фазе напавшие из засады на Грейдона человеко-ящеры и те, кто волной захлестывали Ригера, совместно образовали между ними кровавый заслон.

Снова и снова, пока шипящая толпа несла его сквозь тьму, он мысленно возвращался к Дорине, которая не хотела совместно с Хаоном открыть Ворота Жизни, не хотела, чтобы Грейдон встретился с Матерью до того, как она убедит Хаона оставить закрытыми Ворота Смерти, Дорина, которая не хотела умирать!

Ему захотелось узнать, как долго они прошли в этой тьме, в которой люди-ящеры двигались словно при ярком свете. Он бы не мог сказать, как быстр был их шаг. Однако ему казалось, что они уже прошли, должно быть, несколько миль.

Находились ли они еще в пещере Женщины-Лягушки? Если да, то что охранял колосс — страж огромной темной пещеры?

Он вынырнул из тьмы неожиданно-негаданно, так, как будто его пронесли сквозь неосоздаваемый занавес.

Красный свет ударил в его глаза, более яркий, чем тот, тусклый, красноватый, туманный, сквозь который он шагал осторожно вместе с Ригером, когда они вышли из убежища. Это была уже знакомая, вызывающая раздражение разновидность тьмы, пронизанная темно-красным ржавым светом.

Вокруг толпились человеко-ящеры, сотня, может быть, даже больше. Восемь тварей несли Грейдона, подняв его над головами на предплечьях и ладонях. В жутком этом свете их жесткая кожа тускло отливала оранжевым. Чешуйчатые алые гребни, пересекающие их черепа рептилий, выглядели в этом свете как ядовито-багровые. Пронзительно шипя друг другу, человеко-ящеры мягко шагали по желтому песку.

Грейдон лежал на спине, и усилие, которого требовал поворот головы, причиняло боль. Он посмотрел вверх.

Потолка он не увидел, ничего не увидел, кроме мрака ржавого цвета. Постепенно свет делался менее тусклым. Внезапно шипение человеко-ящеров сделалось громче, продолжительнее.

Откуда-то издалека впереди донеслось ответное шипение.

Скорость человеко-ящеров резко возросла.

Красный свет вдруг стал гораздо менее смутным. Те, кто несли его, остановились, опустили его и поставили на ноги.

Изогнутые когти просунулись под связывающие его ремни и сорвали их. Грейдон размял сведенные судорогой руки и ноги и осмотрелся.

Шагах в ста впереди виднелся огромный щит черного камня. Он был полукруглый и по форме походил на раковину, из тех, которые встречаются на мелководье. Вся поверхность его была пробуравлена и изрезана, образуя тонкий узор, по которому бежали странные рисунки и неизвестные символы.

Близко к центру щита стоял агатовый, странно знакомый трон. У Грейдона даже закололо в голове. Он вдруг осознал, что это точный двойник сапфирового трона Повелителя над Повелителями во Дворце. Щит и трон находились на возвышении в несколько футов над полом.

К возвышению вел широкий скат. Между тронем и тем местом, где находился скат, стояла огромная чаша. Ее основание было врезано в камень. Грейдон подумал, что она похожа на сверхъестественных размеров купель, созданную для детей-гигантов. От боковин изогнутого щита отходило что-то, что на таком расстоянии казалось низкой каменной скамьей.

Черный трон был пуст, и пусто было возвышение. Были ли они пустыми?

Он обшарил их глазами. Разумеется, они были пусты. Затем Грейдон почувствовал, что из каждого дюйма возвышения, из щита что-то... кто-то смотрит на него, измеряет его и взвешивает, что-то злое, что-то невообразимо злое, похожее на силу, которая устремилась на него от Лика в бездне.

Сделав сознательное усилие, он повернулся спиной к возвышению и посмотрел на толпу человеко-ящеров. Их были сотни, выстроившихся правильными рядами.

Они стояли молча, красные глаза направлены на Грейдона. Они стояли так близко друг к другу, что, казалось, их злые гребни создавали фантастический ковер. Среди них были женщины-ящеры и дети. Он уставился на них. Маленькие существа, похожие на детей-демонов. Маленькие глазки поблескивали, словно фонарики домовых.

Он поглядел направо, налево. Насколько можно было различить, пещера представляла собой круг, вероятно, полмили в диаметре. Яркий свет, в котором стоял Грейдон, там обрывался, гранича с ржаво-красным мраком. По правую сторону к границе мрака протянулись гладкие желтые пески.

Слева был сад. Сад зла!

По полу пещеры запуганно-изогнутыми петлями бежал узкий поток. Он был темно-красный. По берегам росли большие

красные лилии, на которых были пятна налета ядовитой зелени.

Цветы орхидеи угрюмого багрового цвета были испещрены отвратительными злыми прожилками, уродливые розы, грязные заросли чего-то еще.

На ветвях изогнутых деревьев висели белые, как пораженные проказой, фрукты сердцевидной формы. Лужайки заросли растениями с мясистыми листьями. По краям их медленно стекали блестящие капли какого-то отвратительного сока.

Легкий ветерок закружился водоворотами вокруг Грейдона. Он донес смешанные запахи этого странного сада, запахи зла. Грейдон покачнулся от навеванных ими богохульных образов, от засасывающей злой тоски.

Ветерок замер на мгновение, казалось, рассмеялся, а затем, оставив дрожащего Грейдона, убрался обратно в сад.

Грейдон боялся этого сада.

Страх перед ним был так силен, как боязнь черного трона. Почему он его так сильно боится? Неизвестное, невообразимое зло — вот что представлял собой сад!

Вот что он был — живое зло, полное жизни зло! В каждом цветке, в каждом растении и дереве пульсировало, пронизывало и затопляло зло, энергия зла. Растения высасывали зло из этого кровавого потока. Но как силен тот, кто питает их, выращивает и поддерживает в них жизнь...

Как только эта темная мысль вползла в мозг Грейдона, что-то глубоко запрятанное в нем, казалось, пробудилось и с холодной презрительной мощью дало ей отпор, сурово взяло контроль над его мозгом. Уверенность и вся его бывшая смелость вернулись к Грейдону. Он без страха смотрел прямо на черный трон.

Он почувствовал, как то невидимое, что вторглось в него, было вышвырнуто, заметалось, выискивая какую-нибудь цель в его защите, как бы озадаченное, ретировалось, злобно набросилось на него, будто пытаясь сломить, и снова отхлынуло. Немедленно, словно повинувшись команде, человеко-ящеры ринулись вперед, отнесня Грейдона к скату. У подножия ската Грейдон попытался остановиться, но из рядов вышли с полдюжины тварей, тесно сомкнулись вокруг и толкнули его вверх.

Они толкнули Грейдона к каменной стене по правую сторону щита и усадили его на скамью. Он попытался вырваться от тех, кто держал его руки, и почувствовал, как другие человеко-ящеры вцепились в его ноги. Какие-то кольца легли на его лодыжки. Раздались два резких щелчка.

Человеко-ящеры отхлынули от него.

Грейдон поднялся со скамьи, глядя на свои ноги. На каждой лодыжке было металлическое кольцо. Кольца были прикрепле-

ны к цепям. Ему захотелось узнать, как длинны цепи. Он сделал шаг, еще один, и, однако, цепи не останавливали его. Он нагнулся и принялся вытягивать одну из них до тех пор, пока она туго не натянулась. Измерив ее, Грейдон пришел к выводу, что она как раз той длины, чтобы он мог взобраться на черный трон. Неприятное подозрение подтвердилось, и Грейдон поспешно вернулся на каменную скамью.

Он услышал приглушенное шипение, тяжелое шарканье множества ног. Люди-ящеры уходили. Тесными рядами они хлынули прочь. Никто не оглянулся на Грейдона. Человеко-ящеры дошли до стоявшего вокруг мрака и исчезли в нем.

Грейдон остался один в тишине, один на один с садом зла и агатовым тронном.

Падавший на возвышение красный свет начал медленно тускнеть и сгущаться, будто начало отсеиваться вкрапленное в него черное.

Темный свет над агатовым тронном делался все плотнее. На тронном обрисовалась глубокая тень. Сперва колебавшаяся, бесформенная, она медленно конденсировалась. Колебания прекратились, тень обрела четкие очертания.

На тронном сидела тень человека, безликая, непрозрачно-туманные руки обхватили ручки тронном. Ржавого цвета тусклый сумрак, а в нем — волны черных частиц. Человеческая тень!

Безликая голова наклонилась вперед.

Она не имела глаз, но Грейдон почувствовал на себе его взгляд. Она не имела губ, но из губ тени начал доноситься шепот.

Грейдон услышал голос Темного, шепот тени Нимира, Повелителя Зла!

Г л а в а 15

”ОДОЛЖИ МНЕ ТВОЕ ТЕЛО, ГРЕЙДОН!”

Голос Тени был мелодичен, прозрачен, словно лесная флейта в сумерках.

Голос рассеивал страх, ослаблял защиту.

— Я знаю тебя, Грейдон, — тек шепот. — Знаю, зачем ты пришел в Ю-Атланчи, знаю, насколько безнадежен твой приход без меня. Я привел тебя сюда, Грейдон, приказав, чтобы тебе не причинили вреда. В противном случае все вы были бы убиты возле той пещеры. Не бойся меня. Ты не боишься меня, Грейдон?

Слушая этот медленный шепот, Грейдон ощутил странную приятную вялость.

— Нет, Нимир, — полусонно сказал он, — я тебя не боюсь.
— А!

Тень поднялась на троне, частично из ее голоса исчезла успокаивающая страхи мелодичность, частично вместо этого появилось в его голосе что-то угрожающее:

— Так ты знаешь, кто я?

Опутавшие Грейдона чары начали слабеть, его разум рывком обрел настороженность. Тень поняла это, и все сладостные, утешающие, навевающие слабость звуки вновь заструились в ее шепоте.

— Но это очень хорошо, Грейдон. Несомненно, там рассказывали обо мне много лживого. Ты уже видел людей Ю-Атланчи. Они находятся в состоянии упадка. Они гниют.

Но если бы в былые дни они последовали моему совету, сейчас они были бы великим народом, сильным, жизнеспособным, властителями всей Земли. Но не погибла вся древняя мудрость. Она создаст новый, лучший мир. Ты видел этих людей, Грейдон, и, думаю, оценил их. Неужели ты веришь, что у них есть основание благодарить тех, кто изгнал меня и, следовательно, обрек их на подобный конец? Я бы не покинул их, как это сделали те, остальные Повелители, оставив их шарлатану и змее женского пола, которая, не будучи человеком, не может поэтому понять человеческие нужды. А я бы повел их вперед и дальше, к достижению большей силы и большей мудрости. С моей помощью они бы достигли самых больших высот, только звезды были бы выше их. Я не оставил бы их в этом болоте, не дал бы им сделаться добычей косности и упадка. Ты веришь мне, Грейдон?

Грейдон задумался. Думать было трудно, мешало охватившее его лениво-приятное настроение, а также странное ощущение радостной приподнятости. Но да — все сказанное было правдой.

В словах была ясная, холодная логика.

Кстати, Грейдон и сам думал то же самое.

Наверняка со стороны Властелинов, кем были они ни были, это была подлость — спокойно уйти, как будто они не несли никакой ответственности за свой народ.

А кто шарлатан? Ну Повелитель глупости, разумеется. А кто Мать? Полузмея! Чертовски подходящая характеристика. Он совершенно согласен.

— Правильно, Нимир. Ты прав! — сказал Грейдон.

Он торжественно кивнул.

Призрачный аромат сада незаметно проникал в ноздри Грейдона. Грейдон с жадностью пил его. Странно, что он считал этот сад злом. Сад — не зло. Грейдон чертовски хорошо себя

чувствовал, а запах сада позволяет ему чувствовать себя еще лучше.

Во всяком случае, что есть зло? Все зависит от точки зрения.

Он неплохой парень, эта Тень, чрезвычайно логичен, разумен.

— Ты сильный человек, Грейдон. — Шепот Тени сделался еще мелодичнее. — Ты сильнее любого человека Ю-Атланчи, силен телом и духом. Ты похож на людей Старой Расы, которых, если бы не обман, я вознес бы до самых небес. Не сила победила меня, а лишь хитрые проделки Змеи-Женщины, которую не заботит ничто человеческое. Запомни это, Грейдон: змею не заботит ничто человеческое!

Когда я недавно боролся с тобой, то не для того, чтобы причинить тебе вред, а желая испытать твою силу. Ты достаточно силен, чтобы сопротивляться мне. Я рад этому, Грейдон, поскольку знаю, что наконец нашел человека, который мне нужен!

Так он человек, который нужен Нимиру?

Ну, раньше он был благонадежным человеком, чертовски благонадежным и сделался таковым без всякой помощи кого бы то ни было. Не так ли? Нет, подождите немного — кто-то помогал ему.

Кто? Неважно. Он был человеком, но кто-то помогал ему.

Кто-то...

Шепот Тени вкрадчиво вторгся в ползущие ощущенью мысли:

— Ты нужен мне, Грейдон! Еще не слишком поздно переделать этот мир, чтобы он стал таким, каким должен быть. Еще не слишком поздно исправить причиненное в древности человеку зло, совершенное, когда меня предали. Но для этого я должен иметь тело, Грейдон, сильное, способное вместить меня тело. Одолжи мне твоё тело, Грейдон! Только на время. Это время ты будешь владеть им совместно со мной. Ты будешь видеть, когда я вижу, будешь наслаждаться, когда я наслаждаюсь, разделишь со мной власть и будешь пить вино моих побед. Когда я достигну моей былой силы, Грейдон, тогда я оставлю его тебе в полное владение. Я сделаю его бессмертным, да, бессмертным, пока существует солнце! Разрешите мне совместно с тобой владеть твоим телом, о сильный Грейдон!

Шепот смолк. По жилам Грейдона крепким вином струился, подымая волны, яркий, хмельной, безрассудный поток жизни.

Он слышал громовые звуки победных труб. Он был Чингиз-хан, сметающий королевства метлой татарской конницы.

Он был Атилла, поднятый на щитах ревушими гуннами, Александр Македонский, топчущий лежащий под ногами мир, Сеннахариб, держащий в руке, словно кубок, всю Азию. Он до отказа напился властью, он опьянел от власти!

Пьян? Кто посмел сказать, что он, Николас Грейдон, Повелитель Мира, может быть пьян? Ну, все правильно, он пьян.

Еще одна странная идея: кто захочет стать повелителем мира, если все, что от этого имеешь, — быть пьяным? Каждый может быть пьян, поэтому каждый, кто пьян, — повелитель мира. Странная идея, логичная. Нужно рассказать этой логичной Тени об этой странной идее...

Он понял, что уже очнулся, и расхохотался. Он осмотрелся вокруг, и смеяться ему уже не хотелось, поскольку сейчас он был на полпути к агатовому трону, а Тень согнулась над ним и манила Грейдона, убеждала его, шептала.

С Грейдона спали опутавшие его чары, соблазны, которые тянули его, как выводят на уде рыбу, в добычу Тени. В гневе и горечи, ненавидящий этот туманный призрак на черном троне, ненавидящий самого себя, шатаясь, он поспешно вернулся к каменной скамье и упал на нее, спрятав лицо во вздрагивающих ладонях.

Что спасло его? Не сознание — в этом он отдавал себе отчет, а что-то глубоко лежавшее в его подсознании, какая-то неподдающаяся изменению здоровая часть души, которая юмором, иронией смогла нейтрализовать яд, впитываемый его ушами.

Теперь Грейдон испугался, так испугался, что в остром приступе отчаяния принудил себя поднять голову и посмотреть прямо на Тень.

Тень в упор смотрела на Грейдона.

Призрачная рука подпирала безликую голову. Грейдон почувствовал, что Тень в замешательстве, как и в самом начале, когда она, невидимая, пыталась пробить его защиту. Он почувствовал также ее безудержную адскую ярость. Внезапно ощущения замешательства и ярости оборвались, как обрезанные. Вместо них плыл поток спокойствия и глубокого умиротворения. Грейдон, понимая, что это ловушка, изо всех сил сопротивлялся ему, но не смог преодолеть его. Поток плескал вокруг маленькие волны, лаская, успокаивал.

— Грейдон, — донесся шепот, — я доволен тобой, но ты ошибаешься, отвергая меня. Ты сильнее, чем я думал, вот почему я доволен тобой. Тело, которое я буду делить с тобой вместе, должно быть очень сильным. Раздели со мной твоё тело, Грейдон!

— Нет, клянусь богом, нет, — простонал Грейдон.

Он ненавидел себя за желание кинуться к этому призрачному существу и позволить ему слиться с собой.

— Ты не прав. Я не причиню тебе вреда, Грейдон. Я не хочу, чтобы это сильное тело, которое должно стать моим домом, сделалось слабым. На что ты надеешься? На помощь Хаона? Его

дни сочтены. Дорина предаст его Ластру, как уже предала мне тебя. Его убежище будет взято до праздника Созерцателей снов, и все, кто останется в живых, послужат пищей для Ксинли. Или моей... они будут умолять об этом!

Шепот умолк, будто Тень сделала паузу, чтобы посмотреть, какой эффект возымело ее сообщение. Если это был тест на глубину оцепенения, охватившего Грейдона, Тень могла быть довольна.

Грейдон не шевелился, не мог отвернуть лицо от ее пристального, зачаровывающего взгляда.

— Одолжи мне свое тело, Грейдон! Змея не сможет помочь тебе, одолжишь ты его мне или нет, но скоро я добьюсь своего воплощения. Я завладею твоим телом раньше, чем оно ослабеет. Только раздели его со мной... и лишь ненадолго. За это — власть, бессмертие, мудрость кого бы то ни было! Все это будет твоим. Одолжи мне твоё тело, Грейдон! Ты томишься по некой женщине? Что одна женщина по сравнению с теми, которыми ты сможешь обладать? Смотри, Грейдон!

Изумленный взгляд Грейдона последовал за призрачной указывающей рукой.

Он увидел, как цветы сада зла кланяются и кивают друг другу, словно живые, и услышал колдовскую песнь. Лютня, колокольца, систрумы вплелись в поющий весело и ритмично хор. Голос сада. Над садом пронёсся порыв ветра и обнял Грейдона.

Грейдон вдохнул его аромат, и в крови его зажегся дикий огонь. Исчезли кивающие цветы, исчез кроваво-красный поток.

Ржаво-черный свет сделался прозрачным и ярким. Возле ног Грейдона бежал журчащий, смеющийся ручей. За ручьем была буковая и березовая рощица. Из рощицы потоком выбегали женщины удивительной красоты, белые и коричневые нимфы, полногрудые вакханки, стройные и изящные девственницы-арнады. Они простирали к Грейдону жаждающие руки, их глаза обещали ему невообразимое наслаждение.

Женщины приблизились к берегу ручья, манили его, звали к себе голосами, от которых в его крови запылал экстаз желания.

Боже, какие женщины! Эта — в короне белых локонов — могла бы быть Верховной Жрицей Танит, жрицей тайного храма Танит древнего Карфагена, а та, у которой потоком лились золотые волосы, могла бы быть самой непорочной Афродитой! Да по сравнению с любой из них прекраснейшая из гурий Магометова рая выглядела бы не более чем кухонной служанкой! Жарче разгорелся огонь в жилах Грейдона. Он рванулся вперед.

Стой! Та девушка, которая держалась в стороне от других, — кто она? У нее черные, как ночь, волосы, они закрывают ей

лицо. Она плачет! Почему она плачет, когда все ее сестры поют и смеются? Когда-то Грейдон знал девушку, у которой было такое же облако черных, как ночь, волос.

Кто же она была? Неважно. Кто бы она ни была, никто, похожий на нее, не должен плакать, и сама она никогда не должна плакать. Ее звали...

— Су а р р а!

Волна сострадания захлестнула его, потушила колдовской огонь в его крови.

— Суарра! — закричал он. — Ты не должна плакать!

Закричав, он содрогнулся. Исчезла череда манивших его женщин, исчезла девушка с облаком волос, исчезли смеющийся ручей и березовая и буковая роща.

Перед Грейдоном раскачивался сад зла. Грейдон стоял неподалеку от агатового трона. Сидевшая на троне Тень наклонилась далеко вперед, дрожала от нетерпения и шептала:

— Отдай мне твоё тело, Грейдон! Все они будут рады, если ты удовлетворишь мое тело!

— Христос! — Грейдон застонал, а затем крикнул: — Нет, ты дьявол! Нет!

Тень выпрямилась. Исходившее от нее биение ярости ударило Грейдона, словно нечто материальное. Он зашатался под ударом, спотыкаясь, поплелся обратно к своей скамье, к безопасности. Тень заговорила, и вся мелодичность исчезла из ее голоса. В ее шепоте была злоба, холодная воля.

— Ты дурак! — сказала Тень. — А теперь слушай меня. Я получу твоё тело, Грейдон! Отказывай мне, если тебе угодно, но я получу его. Спи, а я, тот, кто не спит, войду в твоё тело. Борись со сном, но когда усталость истощит силы, я войду в него. Какое-то время ты будешь жить в нем вместе со мной, как осужденный к смерти раб. Понимание этого будет для тебя такой пыткой, что ты снова и снова будешь умолять меня уничтожить тебя. И потому, что мне так нравится твоё тело, я проявлю благодарность и разрешу тебе надеяться. Когда ты мне надоешь, я уничтожу тебя! А сейчас спрашиваю тебя в последний раз: подчинишься ли ты мне?

Одожди мне твоё тело не как раб, а как хозяин всего того, что я обещал тебе, дай мне владеть им вместе с тобой.

— Нет! — твердо сказал Грейдон.

На агатовом троне взметнулся крутящийся вихрь. Трон был пуст. Тень исчезла, но сеялись все еще сквозь свет на возвышении черные атомы, и хотя трон казался пустым, Грейдон знал, что это не так и что темная сила все еще находится там и наблюдает за ним, выжидая подходящего момента, чтобы ударить.

Грейдон, неподвижный, как статуя, сидел на своей скамье. Он не знал, сколько часов уже прошло с той поры, как исчезла шепчущая Тень. Тело его онемело, но разум бодрствовал и был светел. Тела своего Грейдон вообще не чувствовал, а разум был, как не знавший страж устали на объятной сном башне, как негасимый свет в охваченном темнотой замке. Грейдон полностью находился в безмятежной концентрации на собственном сознании. Он не ощущал ни жажды, ни голода. Он даже не думал.

То, чем он был, полностью ушло в глубь себя, терпело, не сдавалось, оказавшись в мире, где нет времени.

Сперва все было не так. Он погружался в сон и боролся со сном. Он дремал и чувствовал, как Тень вытягивается вперед, касается его и испытывает его способность к сопротивлению. Из последних, казалось, сил он отбрасывал ее обратно.

Грейдон старался закрыть свой ум от всего окружающего, представляя вместо этого сохранившиеся в памяти картины нормальной жизни. Снова подкрадывался к нему сон. Он просыпался и обнаруживал, что скамья находится позади, а он ползет по направлению к черному трону. В панике Грейдон бежал обратно, падал, хватался за край скамьи, словно потерпевший крушение моряк — за обломок мачты.

Грейдон понял, что для Тени существуют ограничения, что она не может овладеть им, пока не принудит его подняться на трон или он не поднимется туда по доброй воле. Пока он остается на скамье, он в безопасности. Поняв это, Грейдон уже не осмеливался закрывать глаза.

Ему хотелось знать, не может ли он, мысленно сосредоточившись на Матери Змей, войти с ней в связь. Он бы установил связь, если бы смог вытащить одетый на руку браслет и сконцентрировать взгляд на фиолетовых камнях. Рукав кольчуги прилегал к руке слишком плотно. Грейдон не мог достать браслет.

Предположим, Мать позовет его, как она это делала раньше. Разве не сможет Тень тут же забраться в оставшееся без охраны тело? Холодный пот стекал со лба Грейдона. Он с бешеной силой закрывал свой разум для Женщины-Змеи.

Он помнил, что у него под мышкой в кобуре есть пистолет. Если бы только Грейдон мог добраться до пистолета, это дало бы ему определенный шанс. Во всяком случае, он смог бы помешать Тени заполучить его тело и использовать его. Нимиру не слишком понравится тело с разрушенным мозгом!

Но в кольчуге не было отверстия, через которое Грейдон смог бы вытащить пистолет. Он гадал, не сможет ли он придумать какой-нибудь план, чтобы убедить человеко-ящеров раздеть его, если они вернутся. У него хватило бы времени пустить в ход

оружие до того, как они смогут отнять его.

Затем сознание Грейдона медленно отступило в свою неприступную крепость.

Он больше не боялся уснуть, сон остался где-то в другом мире. Когда этот страж, который был его сущностью, покинет свой пост, его тело умрет, оно потеряет свою ценность для Темного в качестве пристанища. Грейдон знал это точно и был этим доволен.

Ржавый свет над тронем начал сгущаться, как это было в первый раз, когда Тень явилась Грейдону. Вначале бесформенная, колеблющаяся, она обрела свою форму, конденсировалась, становилась резко очерченным контуром. Грейдон смотрел с отвлеченным интересом случайного наблюдателя.

Тень не обращала на него никакого внимания, даже не обернула в его сторону свою безликую голову. Она восседала на троне, неподвижная, как и Грейдон, и пристально смотрела на дальнюю стену мрака, сквозь которую ушли люди-ящеры.

Будто в призыве, Тень подняла руку.

Где-то далеко послышался глухой стук множества мягко шагавших ног, слабый хор шипящих голосов, быстро делавшихся громче. Грейдон не повернул головы, чтобы посмотреть, не смог бы, даже если бы хотел. Мягкие шаги приблизились и остановились. Шипение прекратилось.

Грейдона обволокло мускусное зловоние человеко-ящеров.

На скат большими шагами взошел человек в маске ящера.

Отвратительная голова покоилась на широких плечах, тело мощное, облаченное в плотно облегающий зеленый костюм. В руке у него был тяжелый ременный кнут.

На Грейдона человек не обращал внимания. Он подошел к подножию агатового трона и низко поклонился Тени.

— Привет тебе, Властитель Тьмы!

Голос, исходивший из клыкастой пасти, был мелодичным и слегка насмешливым. За насмешкой явно сквозило высокомерие.

— Я доставил тебе еще один сосуд. Возможно, тебе захочется перелить в него вино своей души!

Грейдону показалось, что Тень смотрит на человека в маске ящера со злобой, с более чем ужасающей злобой.

Но если и так, это осталось незамеченным человеком в маске. Когда Тень ответила, шепот ее был просто пропитан лаской:

— Благодарю тебя, Ластру!

Ластру! Спокойствие Грейдона поколебалось. Оно тотчас вернулось, но недостаточно быстро, поскольку Тень тут же обернула лицо к нему, словно рыболов, дергающий леску, когда

чувствовал, что рыба клюет.

— Благодарю тебя, Ластру, — повторила Тень, — но, полагаю, мне удалось найти лучший сосуд. Сейчас он на гончарном круге, надо кое-что в нем вылепить по-другому, потому что сосуд думает про себя, что он предназначен для других целей.

Ластру повернул красные глаза своей маски к Грейдону и подошел к нему.

— Ах да, — сказал он. — Полный надежд дурак, который пришел извне, чтобы избавить Ю-Атланчи от меня и от тебя, Повелитель, который, чтобы потрясти нашу власть, вступил в заговор с неженкой Хаоном, который крался сквозь ночь, чтобы встретиться со своей любимой. Его любимая! Собака... Осмелился взглянуть на ту, которая отмечена мною! И Суарра... Отдать свои губы такому, как ты! Тьфу! Она выйдет замуж за урда! Да, сперва будет принадлежать мне, а потом — замуж за урда!

Вот теперь сооруженная Грейдоном крепость действительно зашаталась.

Он снова ощутил свое тело и напрягся, чтобы рвануться к глотке Ластру. С почти слышным лязганьем сомкнулись открытые ворота его мозга. Стоявшее где-то в стороне сознание вновь уверенно взяло власть в свои руки. Отразить нападение!

И опять это произошло недостаточно быстро, потому что, как раз когда ворота закрывались, Грейдон почувствовал, как Тень ударила в них. Будто читая фразу, написанную огненными буквами, Грейдон понял: что бы он ни услышал и ни увидел, он не должен обращать на это внимания, иначе Тень скрутит его.

Ластру поднял кнут и примерился, чтобы с плеча опустить его на лицо Грейдона.

— Что? — Он усмехнулся. — Даже это не пробуждает тебя? Ну а это пробудит!

Кнут свистнул.

— Стой!

Шедший от трона шепот был пропитан угрозой. Рука Ластру отлетела назад, будто кто-то сжал тисками его запястье, кнут выпал на камень.

— Не трогай этого человека! Я, Тень Нимира, говорю тебе это!

В шепоте ясно слышалась угроза.

— Ты осмеливаешься ударить мое тело, смеешь обезобразить его? Иногда ты раздражаешь меня, Ластру. Остерегись, чтобы это происходило не слишком часто!

Ластру нагнулся, подбирая кнут.

Рука его дрожала, но Грейдон не мог бы сказать — от страха или от ярости.

Он поднял голову и заговорил. Давно ставшее привычным

высокомерие слышалось в его голосе.

— У каждого свой вкус, Повелитель Тьмы! — отчетливо сказал Ластру. — Поскольку это тело вызывает у тебя одобрение, полагаю, что это в какой-то мере оправдывает Суарру. Но — не то, которое выбрал бы я, если перебрать весь Ю-Атланчи, чтобы найти достаточно крепкое.

— Есть в тебе и кое-что большее, чем его внешняя форма, Ластру, — язвительно прошептала Тень. — Точно так же, как есть в голове нечто большее, нежели ее череп. Вот почему он только что одержал над тобой победу, хотя ты свободен, а он в цепях. Полагаю, ты и сам это понимаешь.

Ластру затрепетал от ярости, рука его снова крепко сжала кнут, но он владел собой.

— Что ж, — сказал он, — он увидит плоды своей глупости. Сосуд, который я доставил тебе, Повелитель Тьмы, — это тот, кто должен был предоставить убежище предпочитаемому тобой сосуду.

Ластру свистнул. Вверх по скату поднялся, спотыкаясь, человек расы Ю-Атланчи, такой же высокий, как и Ластру. За руки его держали два человеко-ящера. От красоты человека не осталось и следа: лицо исказил страх. С желтых волос каплями стекал пот. С ужасом в глазах он уставился на туманную фигуру на троне.

Человек смотрел, и крошечные пузырьки пены надувались и лопались на его губах.

— Иди, Кадок, — глумился Ластру. — Ты не ценишь честь, оказанную тебе. Что ж, через мгновение ты уже не будешь Кадоком. Ты станешь Темным! Это обожествление, Кадок, единственное возможное обожествление в Ю-Атланчи! Улыбайся, дружок, улыбайся!

Грейдон снова подумал, что при этой зловещей насмешке невидимый пристальный взгляд Тени с мрачной злобой уставился на человека в маске ящера, но, как и прежде, когда Тень заговорила, никакой угрозы в ее голосе не было.

— Я уверен, что этот сосуд слишком слаб, чтобы вместить меня.

Тень протянулась вперед, безразлично изучая дрожащего пленника.

— Да и не будь я уверен, все равно я не влил бы себя в него, Ластру, поскольку там, на скамье, тело, которого я жажду, и войду в него. Думаю, я немного устал, и это, по крайней мере, освежит меня.

Ластру жестоко рассмеялся. Он подал знак человеко-ящерам. Те содрали с Кадока одежду, оставив его нагим.

Тень наклонилась и поманила его.

Ластру сильным ударом толкнул Кадока вперед.

— Ступай, получи свою высокую награду, Кадок!

Внезапно с лица Кадока исчезло выражение беспредельного ужаса. Лицо сделалось наивным, как у ребенка, оно сморщилось, и крупные слезы покатались по его щекам. Глаза уставились на подзывающую его Тень. Кадок приблизился к агатовому трону и взойшел на него.

Его окутала Тень.

Мгновение Грейдон ничего не мог разглядеть, кроме Кадока, корчившегося в страшном тумане. Туман окутал Кадока плотнее, начал проникать в его тело. По широкой груди человека бежала дрожь, мускулы дергались в агонии.

Все тело Кадока, казалось, распухло так, будто само стремительно расширялось, стремясь поглотить ту часть липнувшего к нему тумана, которая еще не впиталась. Очертания голого тела расплылись, сделались мутными, будто плоть и туман перемешались, образовав что-то менее материальное, чем плоть, но более материальное, чем мрачный туман. Лицо Кадока, казалось, плавилось, его черты перепутались, затем вновь вернулись на место.

Над напрягшимся в муке телом появился Лик из Бездны!

Уже не каменный — оживший!

Мечущие искры бледно-голубые глаза оглядывали пещеру и простершихся ничком пресмыкающихся, спрятавших свои головы человеко-ящеров. И с сатанинским весельем — Ластру. И — в глазах торжество — Грейдона.

Внезапно тело Кадока затряслось и обрушилось. Оно корчилось, скатилось с трона на возвышение и лежало там, держа, странным образом уменьшившись наполовину в размере.

На троне осталась только Тень.

Но теперь Тень была менее разреженной, более плотной, будто она поглотила то, что ушло из тела Кадока, после чего оно так уменьшилось. Тень, казалось, дышала. Еще виднелось в ней лицо Люцифера, еще сверкали бледно-голубые глаза.

Ластру снова рассмеялся и свистнул.

Находившиеся на возвышении два урда вскочили на ноги, подняли ссохнувшееся тело и, отнеся его в сад, швырнули в поток.

Подняв руку, Ластру небрежно отсалютовал агатовому трону, не взглянув на Грейдона, повернулся и вышел, поигрывая своим кнутом. Вслед за ним вышла свора урдов.

— Ты-то нет, а он — дурак, Грейдон, — прошептала Тень. — Сейчас он служит моим целям, но когда я... Лучше одолжи мне твоё тело, Грейдон, не заставляй отбирать его силой.

Я буду обращаться с тобой не так, как с Кадоком. Я не буду тебя мучить, Грейдон! Я не уничтожу тебя, как угрожал. Мы будем жить вместе бок о бок. Я обучу тебя, и скоро ты, оглянувшись на того человека, которым ты сейчас являешься, удивишься, почему у тебя когда-то появилась мысль сопротивляться мне, потому что ты будешь жить, как никогда не жил, Грейдон! Как никогда еще не жил на земле ни один человек! Одолжи мне твое тело, Грейдон!

Грейдон молчал.

Тень испустила шепот-смех, заколебалась и исчезла.

Грейдон ждал, словно заяц, услышавший, что лиса уходит от того места, где он прячется, но выжидающий для пущей уверенности. Спустя некоторое время Грейдон определенно знал, что Тень ушла, от нее ничего не осталось, никакой припавшей к земле, невидимой, затаившейся в засаде силы, выжидающей возможности нанести удар.

Грейдон расслабился. Он стоял на онемелых, подгибавшихся ногах и боролся с сильной тошнотой.

Он стоял и вдруг ощутил прикосновение к своей лодыжке. Он поглядел вниз и увидел, что из-за края щита протянулась длинная, мускулистая, покрытая алым пухом рука.

Похожие на иглы заостренные пальцы осторожно легли на металлическое звено цепи, сковавшей Грейдона. Грейдон стоял, тупо, с недоверием глядя, как пальцы переломили звено, переплзли к другой цепи и тоже ее расцепили.

Из-за края щита высунулось лицо без подбородка. На скошенный лоб падали спутанные пряди алых волос. На Грейдона пристально смотрели налитые меланхолией золотые глаза.

Это было лицо Кона, человека-паука.

Глава 16

ЗАЛ С КАРТИНАМИ

Лицо Кона было искажено гримасой, которая, несомненно, должна была изображать успокаивающую улыбку. Грейдон обмяк — реакция на испытанное им — и рухнул на четвереньки. Кон скользнул по краю помоста, легко, как куклу, поднял Грейдона. Несмотря на его гротескный облик, Кон показался Грейдону более прекрасным, чем любая из тех женщин-призраков, которые чуть не завлекли его в ловушку Тени. Грейдон обхватил руками покрытые волосами плечи и крепко припал к ним. Издавая странные успокаивающие щелкающие звуки, человек-паук похлопал Грейдона по спине маленькими верхними руками.

От сада донеслось пронзительное жужжание роя в тысячу пчел. Как под порывом сильного ветра, согнулись, скрутились цветы и деревья. Огромные глаза Кона с внимательным недоверием изучали сад. Затем он скользнул за край щита. Жужжание сада поднялось октавой выше. Оно угрожало и призывало.

Обогнув край, Грейдон увидел, что щит не составляет единого целого со стеной, как он прежде думал. На самом деле за ним было углубление. От него под углом отходила черная и гладкая поверхность стены пещеры.

Возле подножия утеса пригнулись два человека-паука. Из-за алых волос их едва можно было различить в красноватом тумане. Они поднялись, когда Кон скользнул к ним. Они посмотрели на Грейдона золотыми, полными печали глазами, и его охватило жуткое ощущение, будто Кон пришел за ним не в единственном числе, а умножившись.

В их четырех средних руках (или ногах?) были зажаты длинные металлические стержни, вроде того, какой был у Ригера, но в отличие от того острия, у этих были рукоятки, а на конце — усеченный набалдашник с шипами. Два стержня человеко-пауки передали Кону. Далекое вначале шипение приближалось. Такой звук издают урды.

Грейдон заерзал в руках Кона, пытаясь встать на ноги. Человек-паук покачал головой. Он что-то прощелкал своим товарищам, перехватил оба стержня в противоположную руку и, пав на свои четыре похожие на ходули ноги, круто повернул за угол каменной стены. Он поспешно мчался к находившейся на расстоянии полмили стене мрака. По обе стороны от него следовали его товарищи.

Они бежали, согнувшись почти вдвое, и со скоростью рысака ворвались туда, где стоял ржавый мрак. Жужжание и шипение стали менее слышны, превратились в слабый гул, и этот гул поглотила тишина.

Впереди лежала сложенная из красных камней стена. Она выпрыгнула из редевшего сверху тумана. У ее основания лежали большие, упавшие с утеса глыбы, а среди них — сотни меньших по размеру камней. Камни лежали в подозрительно правильном порядке. Люди-пауки замедлили свой бег, внимательно осматривая препятствие. Внезапно Грейдон учуял зловонье человеко-ящеров и понял, что представляют собой эти странные одинаковые камни.

— Кон! — кричал он, указывая на них. — Урды!

Камни задвигались, подпрыгнули и двинулись навстречу — свора человеко-ящеров. Из их клыкастых пастей капала слюна, глаза светились красным светом.

Свора окружила беглецов, прежде чем они успели повернуть. Кон припал на трех ходулеобразных конечностях и размахивал двумя, вращая стержнями. Его товарищи приподнялись на задних ногах, в каждой из оставшихся свободных четырех рук было зажато по стержню. Опрокинув врага, они пробились сквозь первый ряд окружившей их своры. В центре треугольника с увещающим шелканьем Кон поместил Грейдона. Снова взмахи стержней, крушащие заостренные черепа урдов.

Урды, с их короткими лапами, не могли нанести ответных ударов, не могли проломить это смертоносное кольцо.

Грейдон не мог больше видеть эту битву, он просто старался не наступать на устлавшие дорогу корчащиеся тела. Он услышал резкое шелканье Кона и почувствовал, как рука Кона обняла его и подняла в воздух. Они пробились сквозь атакующие волны урдов. Упав на свои ходули, торжествующе шелкая, люди-пауки стремительно мчались прочь, все наращивая скорость. Шипение своры, мягкое топанье ног преследователей стихли.

Скорость уменьшилась, они двигались теперь все более медленно. Кон внимательно осматривал крутой откос.

Он остановился, ссадил Грейдона наземь и указал на утес. Высоко над полом пещеры в красной поверхности скалы виднелся овальный черный камень. Человек-паук поспешно кинулся к нему, подняв длинные руки, начал осторожно ощупывать, издав удовлетворительное шелканье, и, задержав свои ноги на одном месте сбоку от камня, подозвал Грейдона.

Кон взял руку Грейдона и, широко расставив ему пальцы, приложил руку к скале. Он сильно надавил, прижимая ладонь Грейдона к камню. Он проделал это трижды, а затем, подняв Грейдона, поместил его пальцы точно туда, где находились его ногти. Грейдон понял — Кон показал ему, где находится какой-то обнаруженный им механизм, который заостренные пальцы человеко-паука не могли привести в движение. Грейдон надавил пальцами и ладонью.

Открывая темный туннель, камень медленно, словно занавес, поднялся вверх.

Кон пощелкал своим товарищам.

Те осторожно, со стержнями наготове, проникли в отверстие. Скоро они появились снова. Люди-пауки посоветовались. Человек-паук похлопал Грейдона по спине и, показав на туннель, пролез туда вслед за ним. Здесь Кон нашел то, что искал. Он снова прижал руку Грейдона к месту, казавшемуся точно таким же, как окружающая поверхность. Таким же был и внешний запов.

Каменный занавес упал. Грейдон оказался в абсолютной темноте.

Очевидно, тьма значила для людей-пауков не больше, чем для человеко-ящеров, ибо Грейдон услышал, что они двигались вперед. На мгновение его охватила паника: возможно, они не могут понять его ограниченных возможностей, и он останется позади. Но прежде чем он успел закричать, рука Кона обняла его, подняла вверх и понесла.

Они шли все дальше сквозь тьму. Грейдон почувствовал, что вокруг него вздымается мелкая, неосязаемая пыль, такая мелкая, что лишь жернова неисчислимых столетий могли бы измельчить почву до такой степени. Это подсказало ему, что проход не использовался ни человеко-ящерами, ни кем-либо иным. Очевидно, то же самое пришло в голову и человеко-паукам, поскольку дальше они продвигались более уверенно, увеличив скорость.

Темнота начала сереть. Теперь Грейдон мог разглядеть стены туннеля. Группа вышла из туннеля в огромное помещение, вырубленное прямо в скале. Помещение было освещено таким тусклым светом, какой только можно представить. Но Грейдону после ржавой мглы пещеры Тени и темноты туннеля этот свет показался ослепительным светом дня.

Свет проходил сквозь щели в дальней стороне зала. На полу лежал толстый слой тончайшей пыли.

В центре помещения находился овальный бассейн, в котором мерцала вода.

Люди-пауки собрались вместе, суетливо перешелкивались друг с другом и оглядывались.

Грейдон подошел к бассейну и дотронулся до одной из фигурок. Он более внимательно всмотрелся в эти фигурки — вырезанные из камня изображения безволосых и бесхвостых обезьян-полулюдей серого цвета. Длинная верхняя губа спадала на рот. Мускулистые кисти длинных рук, вцепившись в камень, на котором сидели обезьяно-люди, отступающие назад получеловеческие лбы. Во впадины глаз были вставлены драгоценные камни, напоминающие дымчатые топазы. Обезьяно-люди пристально уставились в бассейн этими глазами-топазами, в которых было что-то от загадочной меланхолии Кона и его товарищей.

Обойдя вокруг них, Грейдон заметил, что среди обезьяно-людей были как самцы, так и самки и что на каждом из них был венец. Венцы представляли собой скульптурные изображения полулюдей-полузмей.

Их кольца обвивались вокруг голов серых обезьяно-людей, словно солнечные змеи на коронах египетских фараонов.

Вниз, в безмолвный бассейн, круто спускались ступени желтого мрамора и исчезали в его глубине.

Любопытствуя, Грейдон направился к одной из трещин. Когда он подошел ближе, то увидел, что вся стена зала разрушена.

Здесь похозяйничала какая-то природная сила, из-за которой образовались трещины, вероятно, землетрясение или опускание почвы. Грейдон выглянул наружу. Он увидел равнину камней-исполинов.

Зал находился на самом краю подпиравшей небо горной цепи.

Солнце стояло низко. Восход? Если да, то он провел у Тени всего только ночь.

Он думал, что это длилось много дольше. Чуть погода Грейдон выглянул снова: солнце садилось. Суровое испытание, которому он подвергся, длилось сутки.

Он повернул назад к Кону. Внезапно он осознал, что испытывает голод и жажду.

Под прямыми лучами света ясно вырисовывалась стена, в которой проходил выведший их в зал туннель.

Во всю свою тысячефутовую длину стена была покрыта картинами, созданными давно забытыми мастерами. Картинами, столь же богатыми деталями, как “Страшный суд” Микеланджело. Пейзажи, отличающиеся той же таинственной красотой, как картины Эль Греко или Давида. Портретная живопись, столь же правдивая, как у Гольбейна и Сарджена. Картины яркие и красочные, как у Боттичелли. Фантастические картины — но только потому, понял Грейдон, что они изображали неизвестный мир. В них не было ничего вымышленного, придуманного, нереального. Грейдон кинулся осмотреть их.

Город розово-коричневых куполов, его улицы окаймлены красными чешуйчатыми и зелеными деревьями. Листва деревьев — как огромные листья папоротника. На улицах — змее-люди, их несут в воздетых над головами носилках серые обезьяно-люди.

Ночной ландшафт. Созвездия безмятежно смотрят вниз на гладкие полы, покрытые кольцами, светящимися бледно-зеленым светом. Среди колец в каком-то странном обряде двигаются человеко-змеи.

В этих созвездиях было что-то необычное. Грейдон принялся рассматривать их.

Разумеется, Большая Медведица имеет теперь иные очертания. На картине четыре звезды ее ковша более походили на правильный четырехугольник. И Скорпион — звезды его ног не изогнуты по дуге, а образуют прямую линию.

Что ж, если картина изображает созвездия правильно, значит, на ней показаны небеса, какими они должны были быть сотни тысяч лет назад. Сколько эпох минуло с той поры, пока эти далекие светила переместились на то место, какое они занимают сегодня? От этой мысли у Грейдона голова пошла кругом.

Было нечто странное в изображении змее-людей. В них не было заметно того специфически человеческого, которое так заметно и так сверхъестественно проявлялось у Матери. Их головы были более длинными, более плоскими и более змеиными. Они развились из тела рептилий. Грейдон мог допустить реальность их существования, поскольку эволюция, идущая в условиях изменения окружающей среды, дает возможность появления разумных существ почти в любой разновидности животного мира. Грейдон понял, что именно казалось непостижимым в Женщине-Змее: внезапный переход от змеи к женщине.

Это было невозможно.

Он снова ощутил часто посещавшее его сомнение — была ли она на самом деле такой, какой он видел ее, или она силой своей воли неизвестно как создавала в мозгу тех, кто смотрел на нее, иллюзию детского тела и схожего по форме с сердцем изысканной красоты лица?

Грейдон вернулся к бассейну и более внимательно изучил венцы на головах серых обезьяно-людей. Они были как изображенные на стене змее-люди. Он сравнил их с браслетом на своем запястье. Что ж, кто бы ни вырезал эту фигурку, он видел Женщину-Змею такой же, какой ее видел Грейдон.

Удивленный, он вернулся к изучению расписанной картинами стены. Он долго смотрел на картину, где в огромном болоте барахтались чудовищные тела. Они высовывали из тины и грязи свои отвратительные головы, а над болотами хлопали большими и кожистыми, похожими на крылья летучих мышей, крыльями летучие ящеры.

Следующую картину Грейдон рассматривал еще дольше. Это было то же самое болото. На переднем плане — группа змее-людей. Они лежали, свернувшись кольцами, позади того, что выглядело как огромный кристаллический диск. Диск, казалось, быстро вращался.

Над всей трясиной, сражаясь с чудовищами, были крылатые огненные призраки.

Крылатые призраки, казалось, возникали из воздуха, стрелой мчались к чудовищам и окутывали их своими ослепительными, сверкающими крыльями.

И еще один город, изображенный в миниатюре по ту сторону озера, если смотреть на него из пещеры Женщины-Лягушки, — но вокруг него не было гор. Грейдона осенило, что это Ю-Атланчи незапамятного прошлого, из этого города спасались бегством змее-люди и те, кого они учили и воспитывали. Они бежали от медленного наступления льдов, остановить которое не могло все их мастерство и искусство.

Грейдон увидел флот странных судов. Одно из них отражало атаку гигантских морских ящеров.

Головы ящеров возвышались над мачтами кораблей.

В этой пещере, в этих картинах описывалась история навсегда утраченного мира. Картины пещеры — это запись о забытой эпохе земной истории.

Грейдон понял, что когда-то картинами были покрыты все четыре стены. На двух стенах картины были почти уничтожены, совершенно уничтожены там, где были трещины. Только на той стене, куда открывался выход их туннеля, картины полностью сохранились.

Что представлял собой этот зал?

Почему он оставлен?

Грейдон снова осознал, что испытывает жажду. Он вернулся к бассейну и услышал предостерегающие щелчки Кона.

Грейдон показал на бассейн и на свое горло. Чтобы не упустить ничего, он потерял свой живот и изобразил жевательные движения. Человек-паук кивнул, пронесся к желтым ступеням, спустился по ним, окунул руку в воду, понюхал ее, осторожно попробовал, кивнул одобрительно и, наклонившись, начал сосать воду большими глотками. Грейдон стоял на коленях, черпал ее ладонями. Вода была свежая и холодная.

Кон пощелкал своим товарищам. Те рассказывали, исследуя щели. Они тотчас вернулись и принесли большие коричневые куски то ли гриба, то ли древесной плесени. Кон взял кусок, обмакнул его в воду и откусил с угла, остальное протянул Грейдону. Тот принял его с сомнением, но, попробовав, обнаружил, что на вкус это что-то вроде хлеба с приятным кисловатым привкусом. Гриб впитывал воду, словно губка.

Рядом с ним примостились на корточках три Ткача. Все торжественно макали куски гриба в воду бассейна и жевали.

Внезапно Грейдон расхохотался.

Наверняка ни у кого никогда не было такого обеда! Обеда на краю таинственного бассейна вместе с тремя присевшими на корточки алыми порождениями гротеска. Кто бы еще мог макать гриб в воду под взглядами глаз-топазов серых безволосых обезьяно-людей, разглядывая для увеселения картины истории давно забытой эпохи. Он хохотал почти истерично.

Кон посмотрел на него и вопросительно пощелкал. Грейдон не мог прекратить свой смех.

Кон протянул свои длинные руки, поднял Грейдона и начал его укачивать взад-вперед, словно ребенка.

Грейдон приник к Кону. Истерика кончилась, и вместе с ней исчезла вся оставшаяся зараза от шепота Тени, все ненавистные соблазны сада зла. Тонкая пленка зла, облепившая его разум, исчезла, словно тина на воде под сильным очищающим ветром.

Ему хотелось спать. Ему еще никогда так не хотелось спать! Теперь он может уснуть, не боясь, что в него вползет Тень. Кон не позволит, чтобы такое случилось. Свет быстро тускнел. Солнце, должно быть, уже почти село. Он должен поспать несколько минут.

Руки человека-паука баюкали Грейдона.

Он провалился в глубочайший, без сновидений, сон.

Г л а в а 17

ШТУРМ УБЕЖИЩА ХАОНА

В пещеру картин просочился рассвет. Грейдон сел и непонимающе оглянулся.

Он сидел на ложе из мха. Рядом с ним на корточках прилежал один из человеко-пауков и изучал его печальными, загадочными глазами. Ни следа остальных человеко-пауков.

— Где Кон? — спросил Грейдон.

Ткач понял его тревогу и ее причины.

Он боком подошел к Грейдону, похлопал его маленькими верхними ручками, покивал и мягко пощелкал. Грейдон сделал вывод — ему говорят, что беспокоиться нечего. Он улыбнулся и похлопал Ткача по плечу. Тот, казалось, был очень доволен. Он умчался к щелям и вернулся с похожими на хлеб грибами. Вдвоем они спустились к бассейну и позавтракали.

Между глотками Ткач поддерживал чередой щелчков любезный разговор, и Грейдон общительно отвечал. Он чувствовал себя отдохнувшим и готовым справиться с кем угодно.

Послышалось чье-то движение в одной из щелей. Сквозь нее протиснулось алое тело Кона, и следом за ним — второй Ткач. Все трое оживленно защелкали.

Кон дождался, пока Грейдон закончил свой завтрак, позвал его и отвел к трещине, через которую вошел в пещеру. Остальные люди-пауки проползли в щель и исчезли. За ними последовал Кон и тоже исчез.

Рука Кона обхватила Грейдона и потащила его наружу. Голова Грейдона закружилась: под ним был отвесный, в полмили

обрыв. Человек-паук висел на поверхности скалы, его гибкие пальцы хватались за любой выступ, любую щель. Кон плотно обхватил рукой Грейдона и пополз вдоль пропасти.

Именно в этот момент Грейдон снова взглянул вниз и решил, что он будет чувствовать себя лучше, если будет смотреть на скалу. Качаясь, они проползли около трех тысяч футов. Показалась новая расщелина. Кон пропихнул в нее Грейдона и сам вскарабкался следом.

Они находились в широком проходе, который, вероятно, когда-то вел в пещеру картин. Здесь поработала та же самая разрушительная сила. Дальний конец прохода был перекрыт обломками упавшей скалы, стены источены бесчисленными щелями и дырами. Кон с сомнением посмотрел на Грейдона и вытянул свою руку. Грейдон яростно затряс головой. Ему надоело, что его всюду носят, как ребенка. Они двигались по проходу, но Грейдон двигался медленно, так медленно, что вскоре Кон примирительным щелканьем посадил его на себя. Три Ткача шли быстрым шагом вперед по обломкам породы.

Грейдон покорился. В конце концов, езда на человеке-пауке — то же самое, что на слоне или на верблюде.

В проходе все больше темнело, и наконец он, повернув, закончился пещерой, наполненной тусклым сумраком. Свет — тот же самый, какой испускали стены убежища Хаона, но здесь он казался тусклым.

Умирающий свет, как если бы породивший его источник энергии почти истощился. Эта пещера являлась огромным складом. Грейдон отметил мельком загадочные механизмы — кристаллы и черный металл. Среди них были огромные серебряные шары.

Раз он увидел что-то, казавшееся корпусом корабля, а еще раз прошел мимо того, что, несомненно, было одним из кристаллических дисков, которые были на картине. Всюду виднелись окутанные тайной машины и механизмы. Люди-пауки не обращали на них никакого внимания.

Группа вышла в следующий темный туннель. Они прошли по нему с милю, может быть, больше, когда Кон предостерегающе щелкнул. Он ссадил Грейдона вниз, и все четверо застыли, прислушиваясь. Грейдон расслышал, что неподалеку медленно и осторожно идут люди.

Внезапно стена туннеля осветилась тусклым светом, будто в ней отразился маленький, туманно светящийся шар. Свет исходил из поперечного прохода всего в нескольких ярдах впереди. Люди-пауки схватились за свои стержни и мягкими шагами начали красться вперед.

До того как они достигли входа в этот проход, оттуда высунулась человеческая голова. В серебристо-белых волосах головы виднелась перепачканная повязка, на щеке — оставленные когтистой лапой шрамы.

— Ригер! — закричал Грейдон.

Вместе с людьми-пауками он кинулся к Ригеру.

Выскочив в туннель, гигант обнял Грейдона, мыча в радостном изумлении.

Вперед, шелкая словно кастаньетами, вышли люди-пауки. Из прохода появились пять членов Братства. Одежда их была изорвана, в руках мечи, палицы и маленькие круглые щиты. Все говорило о том, что они выдержали тяжелую битву. За ними группой шли с дюжину вооруженных эмеров. Юбки их были разорваны в клочья, ни одного, оставшегося без ранения.

Один индеец улыбнулся разбитым лицом Грейдону и выставил вперед винтовку.

— Какой дьявол подсказал вам, где меня искать? — спросил Грейдон, когда Ригер начал обретать наконец дар слова.

— Друг мой, я не искал тебя, — ответил Ригер. — Я искал дорогу во Дворец, чтобы сказать Суарре, что ты взят в плен. Я надеялся, что по этому поводу она поднимет такую бурю, что Мать не сможет отказать тебе в помощи, если ты еще жив. По здравому размышлению, я не уверен, что доволен тем, что нашел тебя. Это была наша единственная надежда, и теперь у меня нет повода обратиться с просьбой к Адене.

Ригер усмехнулся.

— Защиту? — воскликнул Грейдон. — Я не понимаю тебя, Ригер. Тебе следовало вернуться туда, где ты был в безопасности, — в убежище.

— Убежище разгромлено и разграблено, — сказал Ригер, — вскрыто и выпотрошено. Хаон в плену у Ластру. Те, кто остался из Братства, разбежались и скитаются, как мы, в этих норах.

— Господи! — Грейдон был ошеломлен. — Что случилось?

— Дорина, — сказал гигант, приглушая ненавидящий ропот его спутников. — Что-то говорило мне, что надо убить ее, когда я ухитрился вернуться в убежище после твоего исчезновения. Но я не был уверен, что это она предала нас.

Прошлой ночью, пока мы спали, она открыла тайный проход Ластру и несколькими его товарищам. Они проскользнули тайком и тихо и быстро перебили охрану главного входа. Дорина подняла дверь ипустила остальных сторонников Ластру и свору урдов. У нас не было времени понять, что происходит. Многие были зарезаны в своих постелях. После этого последовало массовое избиение по всему убежищу. Я видел, как, связав,

волокли Хаона. Некоторые из наших эмеров ухитрились спастись бегством. Сколько спаслось членов Братства, я не знаю. Боюсь, что немного. Нам посчастливилось. К моим знакам отличия добавилось еще несколько шрамов. — Он коснулся повязки. — Но они заплатят за это.

— Дорина! — прошептал Грейдон. — Значит, Тень не лгала! Ригер вздрогнул и остро посмотрел на него.

— Друг мой, ты видел Тень? Повелителя Тьмы?

— Я расскажу все, что было, — мрачно сказал Грейдон.

Он сказал это сперва на своем родном языке, а потом повторил на аймара.

— Я гостил у него в течение суток. Он старался заполнить мое тело.

Всматриваясь в него, Ригер сделал шаг назад. Он щелкнул Кону, и человек-паук ответил ему тем же.

Когда он закончил, Ригер поставил индейцев в караул возле прохода в туннель, из которого они вышли, а сам уселся на глыбу упавшего камня.

— Теперь расскажи мне все и ничего не скрывай.

Грейдон рассказал, начиная с первой яростной атаки человеко-ящеров. Ригер и остальные пять уроженцев Ю-Атланчи молча, зачарованно слушали. Когда Грейдон рассказал об уделе Кадока, лицо Ригера исказилось, он застонал и сжатым кулаком ударил себя в грудь.

— Какой был человек! — забормотал он прерывисто, когда Грейдон кончил.

Потом какое-то время он сидел, погрузившись в думы.

— Эта пещера, где, как ты полагаешь, ты видел корабль, — прервал он молчание. — Если ты прав, это был корабль, один из тех, на которых наши предки вместе со Змеиным народом прибыли в Запретную Страну. Его законсервировали там вместе со многими бесценными для нас предметами. Эту пещеру закрыли и оставили так давно и не входили в нее так долго, что думали, что она — лишь одна из легенд. Никто, кроме Матери Змей и Повелителя Глупости, не помнит туда дорогу, если не считать Нимира. Если он знает эту дорогу, ясно, что он не выдал этой тайны Ластру. Пещера Утерянной Мудрости!

В голосе Ригера слышалось благоговение.

— Она существует, клянусь Матерью! Вот о чем мы забыли. Как много мы утратили из древнего могущества! Когда-то, как рассказывает предание, Грейдон, в эту пещеру вел широкий проход, открывавшийся в сторону озера. После войны, закончившейся пленением Нимира, проход был завален большими камнями, а сами камни — расплавлены с помощью какого-то известного древним устройства. Это было сделано так хитро, что

теперь никто не может отличить вход в запечатанную пещеру от окружающего камня.

Еще я слышал, что была оставлена ведущая туда из Дворца дорога, по которой время от времени проходили Повелители и Мать Змей, когда у них возникало желание вновь полюбоваться древними сокровищами. Попад туда, мы сможем, я думаю, отыскать закрывающую этот проход дверь, а если мы найдем ее, то у меня есть кое-что, что ее откроет.

Он отвел Грейдона в сторону.

— Ты думал, я бросил тебя, друг мой? — хрипло прошептал он. — Меня окружило слишком много урдов, чтобы я мог пробиться сквозь них. Хотя я и сражался, как никогда раньше. Это счастливый случай, что эмер, который нес твое шумное оружие, привел его в действие.

Но тебя нигде не было ни слышно, ни видно. Я понял, что тебя утащили. Прежде чем Ластру успел снова собрать свою шайку, мы с эмером удрали. Когда я добрался до убежища, мы устроили совет. Это была идея Хаона — послать за тобой Кона. Хаон выглядел так же странно, как когда он прощался с тобой. “Существует пещера сумрачного красного света, — сказал он. — Там и должны искать Кон и его Ткачи”. Он сказал, что они должны начать путь с того прохода, по которому мы вышли из убежища. Мы всегда знали, что в этом месте существует опасность встретиться с урдами, но не думали, что это дорога, ведущая к трону Темного.

“Двигайтесь в обратном направлении, идите далеко”, — сказал Хаон Кону. Затем его лицо сделалось белым и исказилось, когда он говорил о падающих с красного неба убивающих тенях, он сказал о черной пропасти, в конце которой — черная усыпальница возле сада. Я открыл дверь в тот проход и выпустил их. Я видел, как их тут же поглотил мрак, и понял, как мудро поступил Хаон, выбрав именно их. Кон говорит, что, идя обратно по этой дороге, они не встретили ни одного урда. Путь был долог, хотя они шли быстро, пока наконец перед ними не выросла черная скала. С какой стороны обходить ее, он не знал. Выбор был случаен — они решили идти влево. Они все шли и шли, пока не услышали звук шипения множества урдов и еще человеческий голос, о котором Кон говорит: “В нем не было ничего человеческого”. Они выжидали до той поры, пока не ушли урды и пока не смолк бестелесный голос. И там, в черной усыпальнице возле сада, был ты! Странно, что Хаон...

Ригер сделал паузу и покачал в замешательстве головой.

— Боюсь, что твое маленькое животное убито, — сказал он. — Но как раз перед налетом я забрал кое-что из твоего вооружения.

Он подозревал индейца, который держал ружье. Грейдон взял винтовку. Его охватила радость, когда он коснулся своего оружия. Эмер протянул ему сумку. В ней было около ста патронов и несколько обойм к автоматическому пистолету.

Грейдон осмотрел винтовку. Никаких повреждений на ней не было. Он зарядил ее.

— Просунь руку в разрез этой проклятой кольчуги, Ригер, — сказал он, — залезь ко мне под мышку и передай мне то, что ты там обнаружишь.

Ригер повиновался и вытащил из-под кольчуги пистолет. Грейдон засунул его за пояс. Теперь он чувствовал себя намного лучше. Палицы и мечи зарекомендовали себя превосходно, но каждый человек знает, что его собственное оружие — самое лучшее.

— Пойдемте, — сказал он.

Ригер свистнул своей охране и коснулся рукой Кона. Бок о бок с ним человек-паук повел отряд в глубь черного туннеля, возвращаясь по пройденному Грейдоном пути. Два Ткача заняли место за ними. Дальше следовали Грейдон и члены Братства. Шествие замыкали индейцы. Ригер решил не зависеть от остроты глаз Кона. Снова и снова выбрасывал он перед собой выпускавший туман света шар.

Они дошли до того места, которое Ригер называл Пещерой Утерянной Мудрости. Перешагнув ее порог, он опустил на колени и поцеловал пол пещеры.

Прочие жители Ю-Атланчи перешептывались, но ни один из них не последовал его примеру.

Отряд пробирался сквозь сумрак, сквозь тусклый, умирающий свет. Они шли мимо смутно, неясно видимых механизмов, мимо огромных таинственных ящиков из красного и серого металла.

Грейдону хотелось узнать, какие реликты затерянного мира таятся там. Они прошли мимо громадных серебряных шаров.

Грейдон заметил, что на них золотой и голубой, блестящей, словно лак, краской нанесены какие-то загадочные символы.

Отряд подошел к смутно вырисовывающемуся корпусу огромного корабля. Здесь Ригер снова преклонил колени. Они шли все дальше сквозь сумрак, оставляя за спиной сокровища науки и искусства Змеиного народа и могущественных предков народа Ю-Атланчи. Отряд шел, нагромождение машин, механизмов и предметов кончилось.

Впереди лежало пустое пространство, дальнего конца пещеры не было видно.

— Нам нужно пересечь пещеру, — сказал Ригер. — Идти до тех пор, пока не придем к скале, запечатавшей древний проход.

Тот, кто рассказал мне о нем, говорил, что коридор Повелителей начинается возле этого прохода. Далее он идет в направлении водопада, оставляя его справа. Пройдя под озером, туннель огибает амфитеатр. Там нам придется идти, соблюдая тишину, поскольку я не знаю, не выходят ли в этот проход другие туннели. Но если и так, то мне кажется, что они должны быть закрыты, поскольку древние намеревались затворить эту пещеру навечно. Но рисковать мы не будем. Где-то поблизости вход в туннель, которым из зала Ткачей прошла Суарра в ту ночь, когда встретила с тобой.

Отряд вновь отправился в путь, пересекая пустое пространство пещеры.

Наконец они приблизились к каменной стене, состоявшей, как казалось, из валунов, расплавленных вулканическим жаром. Ригер самодовольно хмыкнул.

Отряд свернул направо. Они шли вдоль стены до тех пор, пока Ригер не увидел выступающий из стены черный овальный камень, похожий на тот, который искал Кон в красной пещере.

Ригер щелкнул человеку-пауку. Кон тщательно ощупал поверхность скалы вокруг камня так же, как он делал прежде, повернулся и покачал головой. Ригер вытащил из-за пояса конус, с помощью которого он открыл дверь убежища, и передал его Кону. Из конуса вырвался свет, когда Ткач методично начал прижимать его к стене. Словно створки двери, в скале начало медленно открываться отверстие.

Отряд вышел в коридор, шедший вниз под небольшим уклоном. Свет здесь был гораздо более ярким. После того как все прошли, Кон прижал конус к внутренней стороне стены туннеля. Вход в скалу был закрыт.

Грейдон всматривался так внимательно, как только мог, но все равно не смог увидеть и следа этого входа. Ни единой линии на главной поверхности скалы не осталось.

Отряд прошел по этому туннелю около мили. Вначале прямой, туннель вскоре начал скручиваться и виться.

— Мы идем под дном озера. Ничего другого, кроме этого, я не знаю, — прошептал Ригер.

Внезапно коридор закончился небольшим склепом. На двух стенах виднелись черные овалы. Ригер взглянул на них и почесал в затылке.

— Клянусь Волосатым Дурдаком, — проворчал он, — было так много поворотов, что я не знаю, какой путь ведет ко Дворцу, а какой — в противоположном направлении.

Никто из его спутников ничем помочь не мог.

— Хорошо, — сказал Ригер, — мы идем направо.

Кон проделал свои манипуляции с конусом. Почти сразу же камень скользнул вверх. Отряд оказался в еще более ярко освещенном угловом туннеле.

— Раз здесь поворот под прямым углом, значит, мы снова идем в правильном направлении, — сказал Ригер.

Отряд осторожно двинулся вдоль туннеля и внезапно оказался в охраняемом полдюжиной воинов-эмеров помещении. Эмеры были в зеленых, а не в желтых юбочках, а с ними офицер, тоже одетый в зеленый цвет.

Воины уставились на пестро одетых, словно дикари, пришельцев. Прежде чем они успели справиться со своим изумлением, Ригер подал знак Кону.

Мгновенно три человека-паука сомкнули руки на глотке офицера. Все произошло так быстро, что Грейдон не успел сделать ни одного движения.

Ригер ослабил хватку на горле врага и занес свое острие. Кон перебрался за спину офицера и связал ему руки.

— Итак, выбор правого пути был ошибочен, — пробормотал Ригер. — Говори тихо, Ранена, отвечай коротко. Что это за место?

Ранена взглянул на тела своих стражников, лежавшие под ногами Ткачей, и на его лбу выступили маленькие капельки пота.

— Не нужно так обращаться со мной, Ригер, — хрипло сказал он. — Я никогда не был твоим врагом.

— Не был? — кротко спросил Ригер. — А мне все же думается, что я видел тебя прошлой ночью в убежище. Возможно, я ошибся. Однако отвечай быстро, Ранена!

— Здесь — охрана дороги к амфитеатру, — угрюмо ответил он.

Как бы подтверждая его слова, издали донеслось гromыхание грома — звук аплодисментов.

— Скачки на Ксинли, — добавил Ранена.

— Ластру, разумеется, там? — спросил Ригер.

Тень злобы скользнула по прекрасному лицу Ранены.

— И Дорина, — сказал он.

— Что они сделали с Хаоном?

— Послушай, Ригер. — Ясные глаза Ранены потемнели и сделались хитрыми. — Если я скажу тебе, где Хаон и как до него добраться, ты обещаешь не убивать меня? Прежде чем пойти к нему, вы свяжите меня и заткните рот клыком.

— Что они сделали с Хаоном? — повторил Ригер.

Он щелкнул человеку-пауку. Одна рука Кона зажала рот Ранены, другие начали медленно выворачивать и выкручивать ему руки. Он корчился, лицо его исказилось от муки. Он кивнул.

Кон убрал свою руку и отпустил запястье Ранены. По щеке офицера, там, где похожие на иглы пальцы Кона продырявили кожу, стекали маленькие капли крови.

— После следующей гонки он сражается с Ксинли, — простонал Ранена.

— Так, — тихо сказал Ригер. — Теперь я вижу, что, хотя выбор правой дороги был неправильным, неправильное сделалось правильным.

Он подал знак Кону. Человек-паук отогнул назад голову и с сухим треском переломил ему шею.

Ригер глянул в остекленевшие глаза Ранены и повернулся к своим индейцам.

— Ты, ты... — он указал по очереди на шестерых. — Переоденьтесь в их одежду.

Затем он обратился к одному из ю-атланчианцев:

— Ноталу, сдери одежду с Ранены и перемени свой желтый на его зеленый. Будешь нести караул. Вероятно, сюда никто не придет, но если придет — быстро убейте, не давая возможности крикнуть. Я оставлю тебе двух Ткачей, ты знаешь, как управлять ими. Кон идет со мной. Но сперва нам нужно избавиться от этой падали.

Он пощелкал Кону. Человек-паук поднял мертвое тело и отнес его в коридор, который, как сказал Ранена, вел к амфитеатру.

— Теперь давайте посмотрим, что можно сделать для Хаона, — сказал Ригер.

Они крадучись двинулись по коридору мимо Ранены, смотревшего на них мертвыми глазами. Вспышка дневного света ослепила Грейдона, в глазах заплескали черные пятна. Он услышал громовую поступь чудовищ.

Поле зрения очистилось. Грейдон стоял перед дверью, представлявшей собой решетку из тяжелых металлических прутьев. Грейдон увидел сквозь нее арену динозавров.

Г л а в а 18

АРЕНА ДИНОЗАВРОВ

Дно арены представляло собой огромный овал, покрытый слоем желтого песка, около пятисот футов в поперечнике и полмили в длину. Здесь и там виднелись забранные решетками отверстия, по размеру несколько больше, чем то, через которое смотрел Грейдон. За стеной ярус за ярусом шли каменные сиденья — вплоть до внешнего края амфитеатра, достигавшего ста пятидесяти футов в высоту.

На нем развевались знамена.

Внутри большого овала был меньший, окруженный толстой, в четыре фута, стеной. Обе стены образовывали колею шириной примерно пятьдесят футов.

Почти прямо напротив Грейдона располагался широкий сектор, на котором толпились ю-атланчианцы. Над сектором, поддерживая шелковые завесы, вздымались тонкие, окрашенные зеленым лаком колонны.

Все это походило на гигантский сад, в котором цветами веселых и ярких расцветок расцветали одеяния женщин. Преобладал зеленый цвет.

Окаймляя огороженное место, где находились почетные гости, двойной шеренгой выстроились одетые в зеленое эмеры. Они были вооружены луками и копьями. Затем шла широкая область незанятых сидений, еще одна двойная шеренга воинов, а за ними — тысячи индейцев тянулись ярус за ярусом.

Удивительно прозрачный воздух сокращал расстояния. Прямо перед собой Грейдон видел окруженного группой смеющихся приближенных Ластру. Кто эта женщина рядом с ним?

Дорина!

Он услышал ругательство Ригера и понял, что тот тоже увидел ее.

Дорина не смеялась, как остальные. Она сидела, с подбородком в сцепленных ладонях, уставив мрачный взгляд через свою арену, и пристально смотрела прямо туда, где спрятались Грейдон и Ригер. Она смотрела так, будто видела их.

Грейдон поспешно отпрянул назад.

— Может ли твоё оружие достать ее?

Лицо Ригера было черным от ненависти.

— Без труда. Но я бы предпочел испытать его на Ластру, — ответил Грейдон.

— Нет, ни на ком из них. Не сейчас.

Ригер покачал головой, восстанавливая контроль над собой.

— Это не приблизило бы нас к Хаону. Но эта гниль, эта дочь пожирателя падали, эта шлюха... Прийти сюда понаблюдать, как он умирает!

— Ну, кажется, она не слишком от этого счастлива, — заметил Грейдон.

Ригер застонал и принялся исследовать дверь сбоку решетки.

— Мы должны открыть ее, — ворчал он. — Когда Хаона выпустят, мы заполучим его к нам. Где же этот проклятый замок? Затем удерем по этому туннелю через ту дверь. Лучше бы послать Кона, чтобы тот притащил его. Нет, Кон может бежать быстрее, чем любой из нас, но не быстрее стрел. Он будет

нашпигован ими уже на полдороге. Нет, нам нужно выждать. Клянусь семью... А, вот и он!

Послышался звук скользящего в сторону засова.

Ригер осторожно толкнул дверь. Она была отперта. Дважды они запирали и отпирали ее и уверились, что, когда придет время действовать, не будет потрачено зря ни мгновения. Концом патрона Грейдон отметил место, куда следовало нажимать.

Затрубили фанфары. Решетка под сектором Ластру откинулась. Оттуда выскочили шесть верховых Ксинли, динозавров, громовых ящеров, похожих на того ящера из охотничьей своры, но не таких больших.

Черные тела сверкали. Толстые хвосты, вдвое более длинные, чем их тело, суживались к концу. Маленькие головки рептилий поворачивались на длинных, тонких змеиных шеях. Наклонившись вперед, ящеры стояли на сильных, цилиндрических, слоновых ногах. Маленькие передние лапы были прижаты к груди, как у кенгуру.

Там, где тонкая шея переходила в покатые плечи, сидел всадник. Каждый всадник, словно жокей, носил одежду своего цвета. Несмотря на свой высокий рост, они казались маленькими, словно обезьяны, по сравнению с грузными телами их "коней".

Всадники сидели пригнувшись в маленьких седлах, ноги в стременах, руки держали поводья, тянущиеся к массивным удилам. Динозавры чавкали, шипели и ворчали, толкая друг друга. Они походили на скаковых лошадей на старте, раздраженных и возбужденных, которым не терпелось пуститься в бег.

Снова протрубили фанфары, и сразу же загремели, ударяя по земле, огромные ноги. Ксинли не прыгали, они бежали так, как бежит человек, ноги поршнями насоса ходили вверх-вниз.

Ящеры неслись по овальной дороге, напряженно вытягивая перед собой шею.

Тесной группой со скоростью экспресса они промчались мимо Грейдона. Поднятый ими ветер вихрем ударил в решетку. Грейдон содрогнулся, зримо представив, что произойдет, если цепочка людей попытается противостоять этим метательным снарядам, состоящим из костей и мускулов.

Словно бешено мчащееся черное облако, динозавры пронесли мимо огороженного места, где находились зрители.

Среди ю-атланчианцев и индейцев поднялась буря одобрительных выкриков. Когда ящеры снова оказались рядом с ним, Грейдон увидел, что идет вторая фаза гонки динозавров. Они больше не шли группой. Лидировали двое — всадник в зеленом и всадник в красном.

Зеленый всадник пытался оттеснить красного к внутренней стене дорожки.

Четыре гроыхавшие друг за другом ноги, казалось, сплелись в рукопашной, каждый из всадников старался оттеснить другого к низким контрфорсам. Шеи Ксинли дергались и извивались, маленькие головы устремлялись одна к другой, словно сражающиеся змеи.

Всадник в зеленом внезапно направил своего "скакуна" на красного. Красный всадник попытался в отчаянной попытке поднять своего чудовищного "коня" над преградой. Ящер споткнулся и с грохотом обрушился на островок. Всадник, словно пущенный ракетой красный мяч, вылетел из седла. Он катился, катился и, наконец, замер неподвижно. Следующий всадник, в фиолетовом, грохоча, пошел на зеленого, стараясь, чтобы остальные оставались между ними и низкой преградой.

Взрыв одобрительных голосов заглушил грохот летящих ног Ксинли.

Снова они промчались мимо Грейдона. Зеленый всадник шел на два корпуса впереди фиолетового, три остальных всадника растянулись в линию сразу же позади лидера. Они рванулись вперед возле трибуны, где толпились почетные гости, и, скользя в облаке желтого песка, остановились. Дикий взрыв одобрительных выкриков. Грейдон увидел, что зеленому всаднику был брошен сверху блестящий обруч.

Динозавров гуськом увели в проход. И Грейдон их больше не видел. Когда они скрылись из виду, на арену спустились воины, подобрали безжизненное тело красного всадника и унесли его.

Один из них взял поводья динозавра, на котором скакал красный. С момента падения динозавр оцепенело застыл, опустив голову, на месте. Индеец провел его, словно лошадь, в ворота.

Решетки лязгнули.

Снова громко зазвучали фанфары.

На арену пала тишина. Открылась новая, расположенная близко к другим, решетка.

Оттуда вышел Хаон. В руках он держал копье и короткий меч, на левой руке висел маленький круглый щит.

Его глаза остановились на Дорине. Она вздрогнула и спрятала лицо в ладонях, затем подняла голову и с вызовом встретила пристальный взгляд Хаона.

Он начал медленно поднимать копье.

Что бы ни творилось в его голове, осуществить задуманное у него не было возможности. Решетка — не далее как в ста футах от него — мягко скользнула вверх.

Оттуда на желтый песок выпрыгнул один из карликовых ящеров охотничьей своры. Пока он стоял там неподвижный, озирающийся, Грейдон понял, как много может пронестись в мозгу за время, нужное на то, чтобы сделать один-единственный вздох. Он увидел, как Ластру наклонился вперед, иронически приветствуя человека, которого предала Дорина. Он увидел боевого Ксинли во всех деталях: горящая голубыми сапфирами и зелеными изумрудами чешуя, которая покрывала ящера, перевитые мощными мускулами короткие передние лапы, когти, похожие на длинные изогнутые долота, торчащие из плоских лап ящера, злобно молотивший по песку хвост, ощеренная белыми клыками пасть, ноги, как у птицы, увенчанная гребнем голова.

Винтовка уперлась в плечо Грейдона.

На прицеле был Ластру. Грейдон колебался: следует ли ему положить Ластру или испробовать винтовку на динозавре?

Только в одном месте ящер уязвим для пули. Нужно попасть в маленький красный глаз. Волнуясь, он перевел прицел, тотчас прицеливаясь в бусинку глаза. Нет, лучше не рисковать, цель слишком крохотная.

Он снова перевел взгляд на Ластру, но тот наклонился, полуприкрытый Дориной, разговаривавшей с кем-то рядом с ней. Спокойно, выжди, пока он не повернется обратно. Черт! Ригер двинул решетку и испортил прицел.

Мысли, чуть не обгоняя одна другую, неслись в мозгу Грейдона. Динозавр кинулся на Хаона. Ригер тряс Грейдона за руку, умоляя стрелять, показывая на атакующее чудовище. Черт! Выстрел наудачу — бесполезно. Пуля срикошетила от этих чешуй, похожих на броневые пластины. Лучше попытаться в Ластру. А что это сейчас даст?

Лучше дождаться возможности выстрелить наверняка в эту дьявольскую скотину.

Хаон прыгнул назад и уклонился от мчавшегося на него динозавра. Ящер развернулся и кинулся за ним, поднимая для удара когтистую лапу. Он прыгнул.

Хаон упал на одно колено и ткнул снизу вверх копьем в незащищенное место на шее. Копье вонзилось. С треском надломилось древко. Динозавр зашипел, завертелся, высоко подпрыгнул и приземлился в нескольких ярдах в стороне. Он дотронулся до горла жестом, странно напоминающим человеческий, и осторожно начал заходить в бок Хаону, напрягая мышцы, по-боксерски сгибая передние лапы. Хаон соразмерял с ним свои движения. В левой руке, державшей возле груди щит, раскачивалось сломанное копье, в другой руке находился меч.

— Хаон! Я иду! Держись!

Крикнув, Ригер метнулся мимо Грейдона и выпрыгнул на песок. Его крик вдребезги разбил тишину, повисшую над ареной, нарушаемую лишь шипением раненого динозавра. За криком последовала еще более глубокая, быстрая тишина.

Эхо выстрела пронеслось над ареной. Динозавр взвился высоко в воздух, перекувырнулся, запрыгал, шатаясь, по песку, царапая когтями голову. Над запруженными ярусами пронесся долгий вздох — словно первый ропот бури, волнами задвигались людские тела.

Мимо Грейдона вслед Ригеру с яростным шелканьем промчался Кон. Грейдон поднял винтовку, выискивая Ластру, и увидел, как тот, будто получив неслышное предупреждение, упал за прикрывавшей его стеной.

Неподвижно глядя сверху вниз на Хаона, сидела Дорина. Она выглядела как человек, который знает, что его настиг рок.

Ригер пересек уже половину арены, рядом с ним стремительно мчался Кон.

Хаон более ни разу не оглянулся, его взгляд остановился на сделавшей шаг к стене женщине.

Хаон резко швырнул свое сломанное копье. Обломок мелькнул, словно молния, которая потухла в груди Дорины.

Снова на долгое время наступила тишина, а затем весь амфитеатр взревел.

Ливень стрел обрушился на изгоев. Кон пролетел мимо Ригера, рукой подхватил Хаона и помчался обратно.

Грейдон опустошил магазин своей винтовки по шеренге лучников.

Внезапно град стрел прекратился.

Повелительно зазвучали трубы. Сквозь распахнувшиеся решетки дверей и вниз по стене хлынули одетые в зеленое эмеры.

Ближе всех к беглецам были те, кто выскочил с обеих сторон из близлежащих проходов. Кон был уже близко, за ним мчался Ригер. Грейдон, пылко мечтая о пулемете, опустошил винтовку по тем, кто угрожал беглецам с флангов. Индейцы остановились.

Взбешенный динозавр поднял голову и большими прыжками пошел в атаку на воинов, преследовавших Ригера. Те рассыпались, убираясь с дороги. Гигант одним взмахом захлопнул за собой дверь и запер ее. Динозавр бросился на индейцев, рвал их когтями-саблями. Желтоватая кровь каплями стекала оттуда, где череп был почти разнесен пулей Грейдона.

— Тебя чертовски трудно убить! — пробормотал Грейдон.

Он поднял винтовку для еще одного, с близкого расстояния, выстрела наверняка. Он прицелился в оставшийся неповрежденным глаз.

— Нет! — Ригер схватил его за руку. — Он не допустит их к этой двери!

Человек-паук поставил Хаона на ноги.

Тот стоял, словно робот, с понуренной головой. Внезапно глубокие рыдания потрясли тело Хаона.

— Теперь все хорошо, друг мой! — утешал его гигант.

Стрела, миновав динозавров, пролетела в решетку, едва не задев Грейдона, за ней еще и еще. Грейдон услышал рассерженный, призывный звук множества труб.

— Лучше бы пошевелиться! — проворчал Ригер.

Обняв рукой Хаона, он побежал по коридору, а за ним, наступая ему на пятки, бежал Грейдон.

Он бежал, а маленькие ручки Кона любовно и ободряюще похлопывали его по спине. Остальные толпой бежали вслед за ними. Они добежали до караульного помещения, открыли потайную дверь, через которую они проникли туда, и закрыли ее за собой, когда грохот шагов преследователей был уже почти рядом. В маленьком склепе, пошарив снизу под овальным камнем, Кон нашел способ открыть проход.

Закрыв за собой эту дверь, они в молчании отправились в путь по открывшемуся перед ними коридору.

Они шли, чтобы найти прибежище во Дворце.

Г л а в а 19

МАТЬ ЗМЕЙ

Они шли в молчании. Рука Ригера обнимала Хаона за плечи. Вслед за своим главой впереди Ткачей шли с обнаженными мечами пять членов Братства. За Грейдоном шли индейцы. Когда бы он ни обернулся, он обнаруживал, что их глаза устремлены на него, как если бы теперь они считали его своим вождем.

Тот, который нес винтовку, явно сделался важной персоной. Почти наступая Грейдону на пятки, он гордо вышагивал впереди своих товарищей. Отряд дошел до конца прохода и без труда открыл дверь.

Они оказались в украшенном колоннами зале из грез Грейдона.

Словно копыя, били вниз и переплетались лучи тусклого лазурного света из парившего высоко над головами сводчатого потолка. Туманно светившиеся, они занавесом скрывали высокий альков, высоко возносившийся над устланым опаловой мозаикой полом. За вуалью лучей Грейдон разглядел на основании из молочно-белого кристалла сапфировый трон. Рядом

находились меньшие по размерам троны красного, золотого и черного цветов, кресла семи Повелителей.

Возле верхнего конца широкой, спускавшейся от алькова лестницы стояла девушка с тесно прижатыми к груди белыми руками, с приоткрытым в изумлении алым ртом, с нежными, недоверчиво глядевшими на Грейдона черными глазами.

— Грейдон! — крикнула она и быстро шагнула к нему.

— Суарра! — раздался голос.

В голосе звучало предупреждение. Голос был детским, чистым до звона в ушах, и в нем слышались птичьи трели. За спиной девушки разом вознеслась мерцающая перламутром колонна. Над плечом Суарры показалось лицо, имеющее форму сердца, над лицом — шапка вьющихся, отливающих серебром волос, фиолетовые глаза.

Мать Змей!

— Давай посмотрим, кто эти гости, пришедшие так бесцеремонно в свите твоего мужа, — детским голосом сказала она, — и путем, о котором, как я с уверенностью полагала, никто в Ю-Атланчи не знает.

Она подняла маленькую руку. В зажатом в руке сistrуме петлял и танцевал, словно ртуть, сверкающий шарик.

Ригер задохнулся в крике и упал на колени. Остальные, за исключением молча наблюдавших человеко-пауков, поторопились последовать его примеру. Грейдон поколебался, потом тоже преклонил колени.

— А, так вы еще помните наши обычаи!

В звеневшем колокольчиками голосе слабо слышалась насмешка.

— Подойдите поближе. Клянусь моими предками, это Ригер и Хаон! С каких это пор ты носишь зеленый цвет Ластру, Ноталу? Прошло много времени с тех пор, как ты преклонял передо мной колени, Ригер.

— Это не моя вина, Мать, — негодуя начал Ригер. — Теперь это не просто...

Трель смеха заставила его замолчать.

— У тебя, как всегда, горячий нрав, Ригер. Ну, по крайней мере, какое-то время ты сможешь часто преклонять колени передо мной. И ты, Хаон, и остальные — тоже.

Грейдон услышал стон облегчения гиганта и увидел, как осветилось его покрытое шрамами лицо. Мычание Ригера превало слова Матери:

— Почтите Адену! Теперь мы ее люди!

Он поклонился так, что его перевязанная голова коснулась пола.

— Да, — тихо сказала Мать. — Но сколько это продлится? Ах, этого даже я не могу сказать.

Она уронила руку, державшую трепетавший шарик, и дальше наклонилась над плечом Суарры, подзывая Грейдона.

— Подойди ко мне! А ты, Ригер, захлопни за собой ту дверь.

Грейдон подошел к алькову и поднялся по ступенькам. Его глаза зачарованно смотрели в фиолетовые глаза Матери, внимательно разглядывавшие его.

Когда он подошел ближе, Женщина-Змея выдвинулась из-за спины Суарры — между ним и девушкой выросла мерцающая, переходящая в девичье тело колонна.

Он снова ощутил странный, глубоко спрятанный в нем трепет любви к этому необычайному созданию, словно в его душе зазвучала струна, которую никто, кроме нее, не мог бы затронуть. Он снова встал на колени и поцеловал протянутую ему маленькую руку. Он всмотрелся в ее лицо. Оно было юным, вся многовековая скука ушла с него. Ее глаза были нежными. Он даже не вспомнил о тех сомнениях, которые возникли у него в Пещере Картин, настолько сильны были ее чары. Если это были чары.

— Ты хорошо воспитан, дитя мое! — прожурчала она.

Она озорно взглянула на Суарру.

— Нет, дочь моя, не беспокойся. Эта почтительность — лишь дань моему возрасту.

— Мать Адена... — с пылающим лицом начала Суарра.

— О, подойдите туда и поговорите, дети!

Алые, в форме сердца губы улыбались.

— Вам нужно многое сказать друг другу. Если хотите, сядите на золотые троны. О чем ты думал тогда, муж Суарры? Что эти золотые троны означают конец твоих странствий? Наверняка ты так думал. Я не знаю, почему ты так думал, но это была твоя мысль. Ну так садитесь!

Грейдон, начинавший было подниматься, снова опустился на колени. Когда она сказала о золотых тронах, в его мозгу всплыли строки старого негритянского спиричуэла:

Когда закончится трудный путь,

Когда закончится он,

Я сяду, чтобы передохнуть,

На золотой я сяду трон.

Мать Змей рассмеялась, подозвала Суарру, взяла руку девушки и вложила ее в руку Грейдона. Она легко подтолкнула их в спины.

— Ригер, — позвала она, — подойди ко мне. Расскажи, что произошло.

Маршируя с самодовольным видом, покачивая своим острием, Ригер приблизился к Матери. Суарра увлекла Грейдона в уютный, образованный занавесями закоулочек в дальнем конце алькова.

Грейдон увидел, как Ригер поднялся по ступеням и остановился рядом с Женщиной-Змеей. Он увидел, как она склонила голову, приготовившись слушать.

Затем он совершенно забыл о них, поглощенный Суаррой, которую переполняли забота о нем и любопытство.

— Что случилось, Грейдон?

Ее рука нежно обвилась вокруг его шеи.

— Я шла быстро и была уже возле водопада. Он очень шумел, но мне показалось, что я расслышала твое оружие. Я заколебалась и думала вернуться, но больше не было никакого звука, и я пошла дальше. А Ригер и другие — откуда у них эти раны?

— Убежище разграблено Ластру. Дорина предала Хаона. Ластру захватил Хаона и выпустил помериться силами с одним из своих проклятых Ксинли. Мы спасли его. Хаон убил Дорину, — отрывисто рассказывал ей Грейдон.

Ее глаза расширились.

— Дорина предала его? Он убил ее?

— Она была твоей тетей, что-то в этом роде, не так ли? — спросил он.

— Я полагаю, что в каком-то смысле да, давным-давно.

Внезапно он решил задать мучивший его вопрос.

Он узнает то, что мучило его: является ли она одной из этих бессмертных, или она обычная девушка, какой ему кажется.

Если она такая же, как и все они, значит, ему придется примириться с тем, что он любит девушку, по возрасту, вероятно, годящуюся ему в прабабушки. Если нет, тогда все остальные головоломки для него не страшны.

— Послушай, Суарра, сколько тебе лет? — спросил он.

— Ну, Грейдон, мне двадцать, — ответила она удивленно.

— Я знаю, — сказал он, — но имеешь ли ты в виду, что тебе сейчас двадцать или что тебе было двадцать, когда — одна Мать знает, сколько лет назад! — ты закрыла перед собой эти чертовы Ворота, чем бы они там ни были?

— Но, любимый, почему ты так волнуешься? — спросила Суарра. — Я никогда не входила в Зал Ворот. Мне на самом деле двадцать. Я не имею в виду, что мне осталось двадцать, потому что с каждым годом я становлюсь старше.

— Благодарение богу! — горячо воскликнул с облегчением Грейдон.

Груз свалился с его души.

— А теперь после хорошей новости — плохая. В этот самый момент Ластру и, насколько я понимаю, большинство народа Ю-Атланчи охотятся за нами.

— О, это не имеет никакого значения, — сказала Суарра, — потому что сейчас к нам благосклонно относится Мать.

У Грейдона были сомнения насчет того, насколько все это верно, но он не стал тревожить ими Суарру. Он начал рассказ о своих приключениях. В середине первой же произнесенной им фразы он услышал, как вскрикнула Женщина-Змея и как прогрохотал Ригер:

— Это правда! Его видел там Кон.

Грейдон взглянул на них. Глаза Матери Змей были направлены на него.

Она позвала его. Когда он встал возле нее, она поднялась. Она тянулась, рассказываясь, вперед, пока ее лицо почти не коснулось его лица.

— Тень, Грейдон. Расскажи мне о ней. С того момента, как ты увидел ее появление на черном троне. Нет, подожди, я хочу видеть, пока ты рассказываешь это. — Она приложила ладонь к его лбу. — Теперь говори.

Он повиновался. Шаг за шагом он рассказал о перенесенном им. Картины пережитого были так ярки, будто его мозг — серебряный экран, на котором демонстрировался фильм о его тяжких испытаниях.

Описывая Кадока, он почувствовал, что рука на его лбу дрогнула. Он рассказал о Конне, и ее рука упала вниз.

— Достаточно.

Она подалась назад и задумчиво рассматривала его. В ее пристальном взгляде было удивление и желание понять.

Грейдона поразила одна мысль, что во взгляде этом было что-то от душевных переживаний математика, который в наборе хорошо изученных им формул вдруг случайно натывается на совершенно новое уравнение.

— Ты сильнее, чем я думала, Грейдон, — откликнулась она на это странное представление. — Хотела бы я знать... Те серые обезьяно-люди, которых ты встретил... Однако все, что я знаю о людях, живших здесь... Что еще ты не выяснил, ты, который вырос по ту сторону барьера? Хотела бы я знать...

Снова молчание. Она изучала его. Затем она произнесла:

— Ты думал, что Тень реальна. Я полагаю, что не тень, не призрак, не нематериальная...

— Достаточно материальная, достаточно вещественная, чтобы влиться в Кадока, — прервал ее Грейдон. — Достаточно, чтобы уничтожить его. Она высосала из него жизнь в течение

десяти секунд. Мать, Тень была не Тенью. Если ты действительно читаешь в моем мозгу, ты знаешь, чье у нее было лицо.

— Читаю. — Она кивнула. — Но я все еще не могу поверить, когда не знаю...

Она остановилась. Казалось, она прислушивалась. Она поднялась над своими кольцами. Голова ее на добрый фут возвышалась над высоким Ригером.

Взгляд ее сделался пристальным, будто она видела что-то, происходившее за стенами этого огромного зала. Она откинулась, ее отливавшее перламутром тело медленно опускалось на кольца.

— Ко мне, Хаон! — позвала она. — Вместе с твоими людьми. Кон...

Указав на противоположную сторону алькова, она прощелкала какую-то команду.

Затем она снова прислушалась. Потом указала на девушку.

— Суарра, уйди в свою комнату.

Затем, пока Суарра колебалась, она сказала:

— Нет, останься возле меня, дочь моя. Если он посмеет, тебе лучше быть рядом со мной!

Снова Женщина-Змея замерла в молчании, не отводя пристального взгляда.

Хаон со своими людьми поднялся на ступеньки. Они выстроились там, где она приказала. Суарра подошла к Грейдону.

— Она очень рассержена, — прошептала Суарра.

Они прошли за кольца Женщины-Змеи.

Теперь Грейдон сам слышал слабый, далекий шум, крики и лязганье металла по металлу. Шум приблизился.

В дальнем конце украшенного колоннами зала находился широкий вход, на который ниспадали похожие на паутину занавеси.

Внезапно занавеси оказались сорванными, и в открывшуюся дверь толпами ввалились одетые в голубое воины-эмеры.

Над их головами Грейдон увидел голову Ластру, а вокруг него и за ним сотню — а может быть, и больше — его приближенных.

Они ворвались в дверь. Эмеры сражались отчаянно, но под натиском длинных копий в руках атаковавших отступали шаг за шагом. Никто из индейцев не упал, и Грейдон понял, что нападавшие намеренно воздерживались от убийств, стараясь только пробить себе дорогу.

— Остановитесь!

В крике Матери Змей было что-то от волшебных труб летающих оперенных змей, ее крылатых Посланников. Крик остановил сражавшихся.

— Льюра!

Перед ней встал, отдавая честь, командир носящих голубое эмеров.

— Пусть войдут! Проводи их ко мне!

Охранники отодвинулись в стороны и выстроились двумя шеренгами. Между шеренгами к подножию лестницы прошли Ластру и его сподвижники. Ластру улыбнулся, заведя Грейдона. В его глазах блеснули огоньки, когда он перевел взгляд на Ригера, Хаона и его товарищей.

— Все здесь, Бураль! — сказал он державшемуся рядом с ним воину.

Лицо того было таким же красивым и жестоким, как и лицо Ластру.

— Я и не надеялся на такую удачу!

Он с иронией поклонился Женщине-Змее.

— Привет Матери!

Приветствие было невероятно наглым.

— Мы просим прощения за наше грубое вторжение, но твоя охрана, очевидно, забыла о правиле Старой расы свидетельствовать тебе свое уважение. Зная, что ты их накажешь за их забывчивость, мы им не причинили никакого вреда. Кажется, мы едва успели вовремя, чтобы спасти тебя, Мать, поскольку видим, что ты окружена опасными людьми, изгоями, которых мы ищем. Здесь также чужестранец, который должен поплатиться жизнью за то, что он проник в Ю-Атланчи. Они злодеи, Мать, но мы отведем от тебя их угрозу.

Он что-то шепнул Буралу и с чванливым видом шагнул к лестнице. Подняв копьё, готовясь к броску, за ним шагнули воины. Грейдон вскинул к плечу винтовку, палец зудел на спусковом крючке. Под влиянием стресса он непроизвольно вернулся к родному английскому:

— Стой! Или я выбью из тебя твою гнилую душу! И прикажи им положить копьё!

— Т и х о!

Мать сistrумом коснулась его руки. Рука мгновенно онемела, ружье вывалилось к ногам Грейдона.

— Он сказал, что вам было бы безопаснее остаться там, где вы стоите, Ластру! Еще безопаснее, если вы опустите копьё. Он прав, Ластру! Я, Адена, говорю вам то же самое! — детским голоском сказала Мать Змей.

Она высоко подняла сistrум. Ластру уставился на дрожащий шарик, на лице его появилась тень сомнения. Он остановился, что-то тихо сказал Буралу, и копьё опустились.

На поднимавшейся из колец колонне легко и ритмично, туда и обратно покачивалась Женщина-Змея.

— По какому праву ты требуешь этих людей, Ластру?

— По какому праву?

Он злобно посмотрел на нее и притворился, что не может поверить услышанному.

— Мать Адена, ты состарилась или стала такой же забывчивой, как и твоя охрана? Мы требуем их потому, что они нарушили закон Ю-Атланчи, ~~потому что~~ они — изгои, потому что они — негодяи, которых следует ~~вылавливать~~ вылавливать, где только возможно по праву старого закона. Еще действует договор, заключенный между твоими и моими предками, и ты его не можешь нарушить.

Или, если ты его нарушила, мы обязаны тебя же спасти, спасти твою честь и, невзирая ни на что, захватить их. Бураль, если чужеземец нагнется, чтобы поднять свое оружие, проткни его! Если кто-нибудь из изгоев сделает хоть малейшее движение в его направлении, забросайте их копьями! У тебя есть что ответить, Мать?

— Ты не получишь их, — безмятежно сказала Женщина-Змея.

Колонна ее раскачивающегося тела начала медленно изгибаться по широкой дуге, начала изгибаться шея, голова толчком подалась вперед. Так изготавливается для удара змея.

Из-за нее выскочила Суарра и схватила за руку Грейдона. Лицо Ластру потемнело.

— Так! — сказал он тихо. — Суарра вместе со своим любимым! Твой народ стонет из-за тебя, ты, потаскуха урдов! Хорошо, скоро урды получат тебя!

Красный свет вспыхнул перед глазами Грейдона, в ушах зазвенело. Горячая ненависть, нарастающая в нем с той поры, как Ластру издевался над ним в пещере Тени, охватила его. Прежде чем Женщина-Змея успела остановить его, он сбежал по ступенькам и изо всех сил ударил кулаком прямо в ухмыляющееся лицо.

Он ощутил, как хрустнул под ударом нос.

Шатаясь, Ластру отступил назад, но с кошачьей быстротой восстановил равновесие. Согнув готовые вцепиться в противника руки, он кинулся на Грейдона.

Грейдон нырнул под стремившиеся схватить его руки и нанес снизу вверх два удара в лицо Ластру, второй удар пришелся прямо в усмехающийся рот.

Он снова ощутил, как треснула под кулаком кость. Ластру отлетел в руки Буралья.

— Грейдон, подойди ко мне! — повелительно крикнула Мать Змей.

Ослушаться было невозможно.

Повернув голову в сторону наблюдавших за ним воинов, Грейдон медленно поднялся по ступеням обратно. Воины не сделали ни одного движения, чтобы остановить его. На полдороге он увидел, что Ластру открыл глаза, вырвался из объятий Бурала и непонимающе огляделся.

Грейдон остановился. Свирепая, бурная радость переполняла его. Снова, не сознавая этого, он заговорил на родном языке: — Это несколько испортит твою красоту!

Ластру отсутствующим взглядом уставился на него, вытер рукой рот и с глупым видом воззрился на красную лужу.

— Он говорит, что после этого твои женщины обнаружат, что им трудно любоваться тобой, — прошептала Женщина-Змея. — Он снова прав!

Грейдон посмотрел на нее. Маленькая рука стиснула систрум так крепко, что побелели суставы. Мелькал, облизывая губы, красный раздвоенный язык. Глаза сделались очень яркими. Он подумал, что, возможно, Мать рассердилась на него, но ей, похоже, доставило большое удовольствие зрелище разбитого лица Ластру. Поглаживая покрывавшиеся синяками суставы, он поднялся по лестнице и встал рядом с Матерью.

Ластру снова попытался вырваться из рук державших его людей. Пожалуй, в это мгновение Грейдон чуть ли не любовался им. Безусловно, у этой скотины была смелость.

— Ластру! — Мать Змей поднялась. Ее голова раскачивалась высоко вверх. Глаза были как холодные драгоценности. Лицо стало словно каменное. — Ластру, посмотри на меня!

Она подняла систрум. Шарик перестал дрожать и метаться, словно капля ртути.

Из него вылетел серебряный луч и вспыхнул на лбу Ластру. Тот мгновенно прекратил свою борьбу и застыл, подняв лицо, обращенное к Матери.

— Ластру! Падаль Нимира! Слушай меня! Ты осквернил Дворец. Лишь один из всей Старой Расы когда-то осмелился на это. Вы насильно вломились ко мне, Адене, существу более старой расы, напитавшей ваших предков плодами своей мудрости, превратившей вас в людей. Ты насмеялся надо мной! Ты посмел поднять на меня оружие!

Сейчас я объявляю, что древний договор, заключенный между моим и вашим народами, разорван тобой, Ластру. Я, Адена, объявляю тебя изгоем, объявляю изгоями всех, кто пришел с тобой, и изгоями будут все те, кто после этого свяжет свою судьбу с вашей. Я вышвыриваю вас! Идите к своей шепчущей Тени, расскажите ей, что произошло с вами!

Ступай к своему Повелителю Тьмы, Ластру, и попроси его, чтобы он вылечил тебя и вернул твою красоту. Он не сможет.

Он, чье искусство сделалось таким слабым, что он даже не может отыскать себе тело! Пусть это служит тебе утешением. Он теперь не будет прятаться за вашими спинами, искушая, как только может. Скажи ему, что я, которая победила его много веков назад, которая заключила его в камне, бодрствую и стою на страже. Когда пробьет час, я снова встречу с ним и снова уничтожу его! Я полностью уничтожу его! Ступай, животное, более низкое, чем урды! Ступай!

Она указала сistrumом на изорванные занавеси. Ластру, голова которого раскачивалась, жутким образом копируя ее раскачивания, деревянно повернулся и пошел к двери. За ним, раскачивая головами, шагали его спутники. Подгоняемые оде-
тыми в голубое воинами, они исчезли из виду.

Женщина-Змея прекратила раскачивания, вытянутое колонной тело упало и свернулось кольцами. Она оперлась твердым подбородком о плечо Суарры. Ее фиолетовые глаза, уже не холодные, не сверкающие, насмешливо рассматривали Грейдона.

— Словно драка зверей! — вслух размышляла она. — Полагая, что во мне, должно быть, есть, в конце концов, что-то человеческое — получить такое наслаждение от того удара и от вида лица Ластру! Грейдон, впервые за многие столетия ты рассеял мою скуку.

Она сделал паузу и улыбнулась ему.

— Я могла бы убить его, — сказала она. — Это избавило бы от многих затруднений и, вероятно, спасло бы много жизней, но тогда бы у него не хватило времени ни погоревать над своей исчезнувшей красотой, ни посокрушаться, тщетно пытаясь восстановить ее. О нет, даже ценой многих жизней я не могла бы отказаться от этого. А-ах! — Она зевнула. — Впервые за много столетий я хочу спать.

Суарра наклонилась над краем алькова. Зазвенел золотой колокольчик.

Дверь открылась, и в нее вошли четыре миловидные индианки, несущие усталые подушками носилки. Они поставили носилки рядом с Женщиной-Змеей и застыли в ожидании. Руки их были скрещены на груди, головы склонены.

Женщина-Змея качнулась к ним и остановилась.

— Суарра, — сказала она, — проследи, чтобы Хаону, Ригеру и остальным были показаны их покои. Проследи, чтобы о них хорошо позаботились. Грейдон, останься здесь, со мной!

Хаон и его товарищи снова преклонили перед нею колени, затем, сопровождаемые Суаррой, вышли в открывшиеся двери.

Грейдон остался с Матерью. Она молчала, глубоко погруженная в размышления.

Наконец она взглянула на него.

— То, что я велела передать Нимиру, хвастовство, — сказала она. — Я не так уж уверена в результате, как кажется, мой Грейдон. Ты натолкнул меня на некоторые новые мысли. Однако у этого крадущегося Зла тоже появятся основания кое о чем поразмыслить, помимо его козней. Вероятно.

Она замолчала, и молчала до тех пор, пока не вернулась Суарра. Тогда она выскользнула из своего гнезда, резким толчком переместила на подушки свое тело, а потом медленно втянула на них мерцающие кольца. Мгновение она лежала там неподвижно, подперев подбородок крошечными руками и глядя на Суарру и Грейдона.

— Пожелай ему спокойной ночи и поцелуй его, дочь, — сказала она. — Он в безопасности и сможет хорошо отдохнуть. Суарра запрокинула голову, подставив Грейдону свои губы. — Подойди сюда, Грейдон.

Женщина-Змея рассмеялась и, когда он приблизился, взяла в ладони его щеки и тоже поцеловала его.

— Какая пропасть между нами! — Она покачала головой. — А мост через нее — три удара, нанесенные человеку, которого я ненавижу. Да, дочь, в конце концов — я женщина!

Женщины подняли носилки и направились к выходу в сопровождении Суарры. Из двери вышли два одетых в голубые юбки эмера. С низким поклоном они пригласили Грейдона следовать за ними.

Грейдон поднялся. Мать помахала ему рукой. Суарра послала ему воздушный поцелуй, и они скрылись.

Грейдон пошел вслед за индейцами.

Проходя мимо красного трона, он заметил на нем человека. Скорчившаяся фигура человека была укутана в украшенную кистями красно-желтую мантию.

Повелитель Глупости! Грейдон не видел, как он вошел. Сколько же он сидел там?

Грейдон остановился. Повелитель Глупости смотрел на него веселыми молодыми глазами. Он вытянул длинную белую руку и коснулся ею лба Грейдона. При этом прикосновении Грейдон почувствовал, что замешательство оставило его. Вместо замешательства появилось беззаботное и уютное ощущение, что, несмотря на то что в этом мире все обстоит, казалось бы, абсолютно неправильно, все полностью правильно и превосходно. Он расхохотался в эти веселые и озорные глаза.

— Добро пожаловать, сын!

Повелитель Глупости засмеялся.

Один из индейцев коснулся руки Грейдона. Когда он снова взглянул на красный трон, тот был пуст.

Сопровождаемый индейцами, Грейдон вышел в дверь. Они провели его в тускло освещенную комнату. Стены комнаты были в паутиновых занавесях, в центре находилось широкое ложе. На маленьком, слоновой кости столе были хлеб, фрукты и светлое вино.

После того как он поел, индейцы сняли с него кольчугу и раздели донага. Потом они принесли выточенный из кристалла таз и вымыли Грейдона. Они ~~массажировали~~ его и растирали каким-то маслом, потом завернули в шелковую мантию и уложили в кровать.

— Добро пожаловать, сын! — пробормотал Грейдон, засыпая. — Сын? Что он хотел этим сказать?

По-прежнему не понимая, он захрапел.

Г л а в а 20

МУДРОСТЬ МАТЕРИ ЗМЕЙ

Было уже позднее утро следующего дня, когда к Грейдону пришли эмеры и сообщили, что его ждет Мать Змей.

Проснувшись, он обнаружил, что от дверей за ним наблюдают Хаон и Ригер.

Ригер по-прежнему был все еще в своей черной одежде, но Хаон переменял желтый цвет Братства на голубой цвет Женщины-Змеи. Поднявшись, Грейдон обнаружил на скамье возле ложа такое же одеяние. Он одел длинную широкую блузу, плотно облегавшие ноги штаны и доходящие до бедер сапоги из мягкой кожи без каблуков.

Одежда показалась ему до такой степени впору, что сделалось любопытно — кто же приходил к нему ночью, чтобы снять с него мерку?

На скамье лежал золотой обруч, но Грейдон не взял его. После следующего колебания он засунул свой автоматический пистолет за складку широкого пояса.

Дополняла наряд застегнутая на плечах золотыми петлями шелковая голубая мантия. Грейдону почудилось, что он, пожалуй, собирается на маскарад, а маскарад он всегда ненавидел. Но больше одеть было нечего: кольчуга исчезла, а его собственная одежда осталась в разгромленном убежище.

Завтракая вместе с Хаоном и Ригером, он заметил, что Хаон ел неохотно, его красивое лицо выглядело изможденным, глаза грустными. Жизнерадостности Ригера тоже поубавилось — то ли из сочувствия Хаону, то ли по какой-то другой причине. Никто из них и словом не упомянул о его драке с Ластру. Это вызвало у него удивление и досаду. Один раз он сам подвел

разговор к этой теме. Хаон глянул на него с раздражением и отвращением, а Ригер увещающе пнул его под столом.

Еда показалась Грейдону невкусной, кроме того, на него действовало поведение Хаона. Ригер и Хаон собрались уходить. Грейдон хотел было составить им компанию, но гигант грубовато сказал, что ему лучше оставаться там, где он находится, что Мать наверняка пошлет за ним, что она подчинила всех своих воинов под команду его и Хаона и что, обучая их, они будут очень заняты. Через несколько минут он вернулся уже один.

— Все хорошо, друг мой, — проворчал он и хлопнул Грейдона по плечу. — Не думай о Хаоне. Видишь ли, мы не сражаемся друг с другом так, как это сделал ты. Так дерутся урды. Я говорил Хаону, что ты, вероятно, не знаешь наших обычаев, но... Но ему это не понравилось. Кроме того, он горюет о Братстве и о Дорине.

— Можешь сказать Хаону, чтобы он шел к черту со своими обычаями. — Грейдон рассвирепел от обиды. — Когда придется встречаться с такой скотиной, как Ластру, я дерусь и зубами, и когтями и не придерживаюсь никаких ограничений. Но я понимаю, почему Ластру бил его. Он занимался делом, в то время как Хаон, вероятно, размышлял, как бы повежливее сказать ему, что он собирается драться.

Значительная часть этой речи была произнесена на его родном языке.

Ригер усмехнулся.

— Смысл я понял. Возможно, ты и прав, но Хаон есть Хаон. Не тревожься. Когда ты снова с ним встретишься, у него уже все пройдет.

— Меня, черт возьми, не... — яростно начал Грейдон.

Ригер отвесил ему еще один дружеский шлепок и вышел.

Все еще разгоряченный и негодующий, Грейдон упал на скамью и приготовился ждать вызова. Он встал и начал обход комнаты, прощупывая стены. В одном месте рука не встретила сопротивления.

Грейдон раздвинул занавеси и вышел в следующую комнату, залитую ярким дневным светом. Свет лился из окна, а за окном был балкон. Грейдон вышел на него.

Внизу лежал Ю-Атланчи.

Дворец был расположен высоко над городом. От него отходил вниз пологий откос. Откос между Дворцом и озером походил на луг.

Грейдон видел пену водопада, ветер рвал ее в клочья. Пещеры колоссов — словно огромные глаза на коричневом лице пропасти. Отчетливо была видна фигура Женщины-Лягушки.

Зеленый камень, из которого она была вырезана, четко выделялся на коричнево-желтом фоне скалы.

Еще один колосс — вырезанный, казалось, из розового кварца. Фигура человека, завернутого в саван до самых пят, спрятавшего лицо в поднятых ладонях. И еще — циклопическая статуя одного из серых и безволосых обезьяно-людей. Одни статуи были видны ясно, отчетливо, другие трудно было различить, они сливались по цвету с окружающими утесами.

Слева луг переходил в плоскую равнину. Она поросла редкими деревьями и тянулась миля за милей. Дальше шла первая волна леса.

Справа был древний город. Сейчас, видимый с близкого расстояния, он походил не столько на город, сколько на парк.

Там, где город обрывался на краю примыкавшего к Дворцу заросшего цветами луга, на полдороге к озеру высилось необычайное сооружение. Оно походило на громадную вертикально стоящую раковину. Основание раковины уходило в землю.

Ее изящной формы створки сближались двумя широкими, сходящимися вместе дугами, а затем расширялись, образуя вход в сооружение.

Сооружение было обращено фасадом к Дворцу, и оттуда, где он стоял, Грейдон мог видеть практически весь его интерьер.

Похожее на раковину здание было сооружено из какого-то камня, напоминающего опал. Внутри здания повсюду пылали радужными огнями светящиеся точки.

Лучи отражались от стен и перекрещивались в центре сооружения.

Они образовывали нечто вроде туманного занавеса. Как и у раковины, поверхность здания была вся в желобах. Желобки были нарезаны поперек и начинались в двух третях от вершины здания.

Это были идущие ряд за рядом каменные сиденья. В высоту здание достигало добрых трехсот футов, а в длину, вероятно, вдвое больше. Грейдону захотелось узнать, для чего служит это здание.

Он снова посмотрел на город. Если Ластру и готовился к нападению — никаких свидетельств этого не было. По широким, огибающим озеро улицам спокойно двигались люди, шли по своим делам индейцы.

Блестели драгоценными камнями носилки, которые несли на своих плечах носильщики. Не маршировали солдаты, не было признаков возбуждения.

Грейдон увидел шедших размеренным шагом по улицам груженных лам, увидел пасущихся, похожих на маленьких оленей животных. За деревьями в цвету и кустарниками

скрывались цокольные этажи вытянутых в ниточку вдоль улиц дворов.

Затем пришел вызов от Женщины-Змеи.

Грейдон пошел вслед за посланцем. Они остановились перед занавешенной нишей. Грейдон стоял на пороге просторного зала. Через большие овальные окна лился солнечный свет. Стены были покрыты гобеленами, на которых были вытканы сцены из жизни Змеиногo народа.

На низком возвышении, свернувшись кольцами в уютном гнездышке из подушек, лежала Мать Змей.

За ней, расчесывая ей волосы, стояла Суарра. Вокруг головы Матери был образованный солнцем серебряный ореол. Рядом в своей желто-красной мантии примостился на корточках Повелитель Глупости. Когда Грейдон вошел, глаза Суарры заблестели, с нежностью остановились на нем. Грейдон почтительно поклонился Адене и отвесил низкий поклон одетому в пестрое Повелителю.

— Тебе идет голубой цвет, Грейдон, — детским голосом сказала Женщина-Змея. — Конечно, у тебя нет той красоты, которая была у людей Старой Расы, но Суарра в твоей красоте не сомневается.

Она лукаво взглянула на девушку.

— Я думаю, он очень красив, — сказала Суарра, несколько не стыдась.

— Ну, я и сама нахожу его привлекательным, — прошептала Адена. — После всех этих столетий люди Ю-Атланчи сделались немного скучными. Подойди, садись рядом, дитя мое!

Она показала на стоявший возле нее длинный невысокий ящик.

— Возьми подушку, хочешь — две, усаживайся поудобнее, а теперь расскажи мне о твоём мире. О твоих воинах и о богах — не надо. Расскажи мне, как вы живете, как развлекаетесь, на что похожи ваши города, как вы путешествуете, что poznали.

У Грейдона было ощущение, что приказ, пожалуй, касается слишком обширной области, но он сделал все, что было в его силах. Закончил он почти через час, чувствуя, что безобразно перемешал небоскребы и кино, железные дороги и речные суда, больницы и телевидение и т.д. и т.п.

Он попал в ловушку на электронной теории и безнадежно увяз в болоте теории относительности. Он жадно глотал воздух и вытирал мокрый лоб. Кроме того, для описания многих вещей он не мог найти слова на языке аймара и вынужден был пользоваться английской терминологией.

Адена, казалось, легко понимала его, прерывала редко и только чрезмерно точно поставленными вопросами.

Грейдон был уверен, что Суарра безнадежно отстала в понимании его повествования.

Точно так же он был уверен, что Повелитель Глупости не отстал в понимании ни на шаг. Некоторое удивление у Женщины-Змеи, казалось, вызывали самолеты и телевидение и очень заинтересовали небоскребы, телефон, мощная взрывчатка и электрическое освещение.

— Очень отчетливая картина, — сказала она. — Я поистине удивлена прогрессом за... Я полагаю, ты сказал — за сто лет, Грейдон. Скоро, я бы предположила, вы разделаетесь с некоторыми вещами, в которых вы отстали, научитесь получать свет из камня, как это делаем мы, извлекать свет из воздуха. Я действительно очень заинтересовалась вашими летающими машинами.

Если Нимир победит, они смогут прилететь, подняться ввысь над Ю-Атланчи и — добро пожаловать! Если он не победит, тогда мне придется придумать средства, которые отобьют охоту к таким посещениям. Да, я не настолько очарована вашей цивилизацией, как ты ее описал, чтобы желать, чтобы она распространилась и здесь.

Прежде всего, мне думается, что у вас слишком быстрый прогресс во внешней области и слишком медленный — во внутренней. Мысль, дитя мое, так же могущественна, как любая из названных тобой физических сил, но лучше поддается контролю, поскольку вы порождаете ее внутри себя.

Похоже, вы никогда не задумывались над ее объективностью. Когда-нибудь вы обнаружите, что настолько глубоко погребены под вашими машинами, что не способны найти дорогу наружу, или обнаружите, что управляют они, а вы — беспомощны. Но зато, я полагаю, вы верите, что внутри вас есть нечто бессмертное, которое, когда придет время, может перейти в совершенно иной мир. Так?

— Многие верят, — ответил Грейдон. — Я не верил, но обнаруживаю, что мое неверие поколеблено, поскольку я видел кое-что в пещере, или некий сон, который я видел, пока спал возле ручья, позднее оказался не сном. Эта шепчущая Тень. Если в человеке нет ничего, кроме тела, тогда что это было?

— Ты думал, что то, что ты видел в пещере, была та самая бессмертная часть меня? Ты на самом деле так думал? — Улыбаясь, она вытянулась вперед. — Но это же слишком по-детски, Грейдон. Наверняка моя эфирная сущность, если она у меня есть, не просто мое призрачное подобие.

Это было бы по меньшей мере столь же удивительно, сколько и прекрасно. А отличие — о, наверняка было бы отличие!

Я — женщина, Грейдон, и мне бы очень хотелось попытаться сделать свою внешность более очаровательной.

Позднее, еще до того как он ушел, Грейдон вспоминал, как внимательно всматривалась в него Женщина-Змея, говоря это. Если она подозревала, что у него были какие-то сомнения, какие-то оговорки, то ее удовлетворило то, что она обнаружила в его мозгу. Или не обнаружила.

Она рассмеялась, а потом сделалась серьезной.

— Ничего из твоего тела на мой призыв не выскакивало. Возле ручья нас связала моя мысль. Она сократила расстояние между нами точно так же, как вы с помощью познанных вами физических сил проникаете через любое препятствие и видите то, что находится далеко от вас.

Я тебя видела, но мне захотелось дать тебе возможность увидеть и меня. Точно так же я мысленно увидела вторжение Ластру во Дворец. Когда-то мы, существа более Старой Расы, могли послать нашу видящую мысль хоть на край света, даже туда, куда не могут проникнуть ваши машины. Но я использовала мое могущество так мало и с той поры прошло так много времени, что теперь я могу послать мысль не далее рубежей Ю-Атланчи. А что касается Нимира... — Она заколебалась. — Ну, он овладел странным умением. В некоторой степени — первопроходец. Что представляет собой Тень, я не знаю, но я не верю, что она какая-то бессмертная, как ты назвал ее, Грейдон. Ах, да, душа. Это — не душа Нимира! И все же все должно иметь свое начало. Возможно, Нимир — первый, кто создал душу, кто знает. Но если это так, почему она так слаба?

По сравнению с тем, что представлял собой Нимир в телесном воплощении, Тень слаба. Нет, она — какой-то результат мыслительной деятельности, эманация того, что когда-то было Нимиром, которого мы заточили в Лике. Могу допустить, что она — лишенный тела разум, способный управлять атомами, из которых состояло тело Нимира. Но бессмертная душа? Нет.

Она замолчала, погрузившись в задумчивость, а затем сказала:

— Но что касается видящей мысли — это я умею. Я покажу тебе, Грейдон, я пошлю мой взгляд туда, где ты видел корабль, и твой взгляд будет сопровождать мой.

Она приложила ладонь к его лбу, задержала ее там и надавила. У Грейдона было чувство, что он летит, вращаясь, через озеро, сквозь утесы, то же странное ощущение, которое он испытывал, когда думал, что бестелесный стоит во Дворце.

Сейчас ему казалось, что он в тускло освещенной пещере стоит возле корпуса корабля.

Грейдон видел его загадочное очертание. Корабль был покрыт пылью. И так же быстро он вернулся в зал, где находилась Адена.

— Вот видишь, — сказала она. — Ничего из тебя не вышло. Просто ты стал видеть дальше, вот и все.

Она взяла серебряное зеркало и посмотрела в него с благодушным видом.

— Прекрасно, дочь, — сказала она. — Теперь завей меня.

Она прихорошилась перед зеркалом и отложила его.

— Грейдон, об этом размышляли издавна. Часто я спрашиваю себя: “Что есть я, Адена?” И никогда не нахожу ответа.

Никто из моих предков ни разу не вернулся, чтобы поговорить со мной, и никто из Старой Расы. Разве не странно, что если за этой жизнью следует другая жизнь, то ни любовь, ни горе, ни сила разума, ни сострадание не могут перекинуть мост через разделяющую их пропасть? Подумай о бесчисленных миллионах умерших с тех пор, как человек стал человеком. Среди них были исследователи дальних рубежей, бросавшие вызов неизвестным опасностям, чтобы вернуться с известием о дальних странах.

Были великие авантюристы в искусстве; хитрецы и мудрецы, которые искали истину не для самих себя, а чтобы распространить ее среди своего народа; мужчины и женщины, любящие так сильно, что им наверняка казалось, что они могут переломить любую преграду, вернуться и сказать: “Смотри, я существу! Не горюй больше”; пылкие священники — огонь их веры сиял, словно маяк для их паствы. Если бы они могли вернуться и сказать: “Смотрите, то, что я говорил вам, была правда. Более не сомневайтесь!” Сострадательные люди, чье призвание — облегчать ношу, утешать страдание.

Почему они не вернулись, восклицая: “Смерти не существует!” Ото всех них не доносилось ни слова. Почему они молчали и молчат? Однако это ничего не доказывает. Если бы доказывало, бы были бы избавлены тогда от мучительных дум. Но мы вращаемся вокруг нашего Солнца, а оно — одно из множества звезд, многие из которых должны обладать собственными вращающимися вокруг них мирами, а за этой Вселенной — другие скопления солнц, мчащиеся, как и наше, сквозь космическое пространство. Не может быть, чтобы Земля была единственной во всех вселенных планетой, на которой существует жизнь. Если рассмотреть во времени, планеты, обладающие жизнью, должны существовать как в неопределенно далеком прошлом, так и в неопределенно далеком будущем.

Да, но за все прошедшие неисчислимые тысячелетия ни один пришедший из другого мира корабль не бросил якорь на нашем,

ни один аргонавт не проплыл между звездами, возвещая, что жизнь — везде. Разве у нас больше доказательств, что в этих видимых нами галактиках существует жизнь, что она продолжает существовать в каком-то таинственном невидимом мире, а смерть — лишь вводящая туда дверь?

Но ваши мудрецы, отрицающие загробную жизнь, поскольку никто оттуда не вернулся, не стали бы отрицать жизнь на других планетах из-за того, что никто с далеких звездных берегов не пришел к нам. Они говорят, что о загробной жизни ничего не известно, ну так ничего не известно и о других планетах! И все же, если есть то, что вы называете душой, то откуда она появляется и как попадает в ваше тело?

Были ли обезьяноподобные создания теми, с кого началось возникновение души, или первыми были те ваши предки, которые на четвереньках выползали из-под океана, где они жили раньше? Когда впервые появилась душа? Есть ли она только у человека? Есть ли она в женской яйцеклетке или в семени мужчин или в незавершенном виде в обоих? Если нет — когда она попадает в матку матери? Или ее вызывает крик новорожденного младенца? Вызывает — откуда?

— Время безмятежно и неторопливо стремится свой поток, словно могучая река, — сказал Повелитель Глупости. — Поток пересекает трещины, откуда поднимаются пузыри. Это и есть жизнь. Некоторые пузыри плывут по поверхности чуть дольше других. Некоторые пузыри большие, а некоторые — маленькие. Пузыри всплывают и лопаются. Высвобождают ли они, взрываясь, некую бессмертную сущность? Кто знает?

Женщина-Змея снова посмотрела в серебряное зеркало.

— Что касается меня, то я не знаю, — деловито сказала она. — Суарра, дитя моя, ты великолепно причесала меня. И хватит рассуждений. Я — существо практичное. То, о чем нам следует беспокоиться в первую очередь, — это не дать Нимиру и Ластру взорвать те пузыри, которые есть мы сами.

Есть одно, чего я опасаясь, — что Нимир устремит свои помыслы на те орудия власти и могущества, хранящиеся там, где оставлен корабль, найдет способ овладеть ими. Поэтому вам, Суарра и Грейдон, придется сегодня вечером пойти туда. Возьмите с собой пятьдесят эмеров, чтобы принести мне то, что я хочу забрать из этой пещеры. Далее, есть еще кое-что, что вы должны будете сделать в этой пещере, а затем быстро вернуться обратно. Грейдон, встань с этого ящика.

Грейдон повиновался. Мать Змей открыла ящик и вынула оттуда толстый, в ярд длиной, выточенный из кристалла стержень. Стержень был, по-видимому, полый. Внутри него пульсировала узкая полоса фиолетового пламени.

— Это, Грейдон, я дам тебе, когда вы отправитесь в путь, — сказала она. — Обращайся с ним осторожно, поскольку от него могут зависеть жизни всех нас. После того как эмеры возьмут груз и выйдут из пещеры, ты сделаешь с ним то, что я вскоре покажу тебе. Суарра, на корабле есть маленький ящик. Я покажу, где он находится. Ты должна будешь принести его мне. До того как вы поместите стержень на место, возьмите из древних сокровищ все, что вам понравится, но не мешкайте.

Она нахмурилась, глядя на бьющееся пламя.

— Мне поистине жаль! Но пусть сейчас будет большая утрата, чтобы позднее не понести утрату во много крат большую. Суарра, дитя мое, следуй моему взгляду!

Девушка вышла вперед и встала в ожидании рядом с Матерью. Она была спокойна, что показывало, что она не в первый раз предпринимает подобное путешествие. Женщина-Змея так же, как раньше Грейдону, приложила ладонь к ее лбу. Она на долгие минуты задержала там ладонь, потом убрала руку. Суарра улыбнулась ей и кивнула.

— Ты видела! Ты точно знаешь, что я хочу! Ты будешь помнить!

Это были не вопросы. Это были команды.

— Я видела. Я знаю. Я буду помнить, — ответила Суарра.

— Теперь, Грейдон, ты. Чтобы не произошло ошибки и чтобы ты смог сделать свое дело слаженно и быстро.

Мать коснулась его лба. Со скоростью мысли Грейдон снова оказался в пещере.

Один за другим вспыхивали в сумраке предметы, которые хотела получить Мать.

Грейдон точно знал, где находится каждый из них и как добраться к нему, запомнил так, что забыть было невозможно.

Сейчас он находился на корабле, в богато обставленной каюте и видел маленький ящик, который должна будет взять Суарра. А теперь он стоял рядом со странным приспособлением — какой-то серебристый металл и кристаллы. Формой аппарат походил на огромную чашу с толстым дном.

Вокруг обода чаши были шары, похожие на тот, что был на сistrуме, но в десять раз большие. Шары не трепетали, словно капли ртути. Это были неподвижные шары. Приглядевшись более внимательно, Грейдон увидел, что чаша накрыта крышкой из какого-то прозрачного, словно воздух, материала и что под этой крышкой находится, как в плену, озерцо пламени. Точно в центре чаши, исчезая в пламени, был установлен полный металлический цилиндр. Перед глазами Грейдона выступили туманные очертания жезла. Он увидел, как жезл резко тянулся в цилиндр, и услышал голос Женщины-Змеи. Голос шептал:

— Ты обязан это сделать!

Грейдону подумалось, что даже при легчайшем прикосновении шары задрожат, фиолетовое пламя начнет пульсировать.

Жезл исчез.

Начался обратный полет Грейдона во Дворец. Он летел, вращаясь, и был остановлен на полдороге. Он ощутил знакомый ужас, как тогда, когда был прикован к скамье возле агатового трона.

Красный свет ударил в глаза.

Вокруг плавали ржаво-черные частицы. Он снова находился в пещере Тени, а на троне, обратив к нему безликое лицо, сидела Тень.

Страшный пристальный взгляд исследовал душу и разум Грейдона. Тиски разжались. Грейдон услышал шепчущий смех...

Он вновь оказался в комнате Матери Змей. Он дрожал и задыхался, словно человек после вымотавшего до предела бега.

Рядом с ним была Суарра. Его руки сжимали ее руки. Она смотрела на него с ужасом в глазах. Женщина-Змея стояла выпрямившись. Впервые на ее лице Грейдон увидел изумление. Повелитель Глупости был уже на ногах, протягивая свой красный посох к Грейдону.

— Боже!

Грейдон всхлипнул и, чтобы не упасть, схватился за Суарру.

— Тень! Она поймала меня!

Внезапно он понял, что произошло. В то короткое мгновение, когда Тень схватила его, она прочла его разум, словно открытую книгу, точно узнала, что он высматривал в Пещере Утерянной Мудрости, что хотела забрать оттуда Мать, узнала, что задумала Мать.

Сейчас она спешно готовилась нанести ей полное поражение. Грейдон сказал об этом Женщине-Змее.

Она выслушала. Глаза ее сверкнули, голова раскачивалась в горизонтальной плоскости, словно змеиная. Она шипела!

— Если Нимир действительно, как он полагает, прочел его разум, значит, он также прочел, что Грейдон должен был отправиться туда вечером, — спокойно сказал Повелитель Глупости. — А потому им следует выйти в путь сейчас, Адена.

— Ты прав. Сам туда Нимир войти не сможет, по крайней мере в теперешнем своем виде. Что он будет делать, я не знаю, но он что-то замыслил. Ты говоришь, он смеялся, Грейдон? Ну, что бы он ни придумал, осуществление плана займет у него время. Он должен кого-то призвать себе на помощь. У нас хорошие шансы обогнать его. Суарра, Грейдон, вы выходите немедленно. Ты с ними, Тиддо!

Повелитель Глупости кивнул. Его глаза искрились.

— Мне бы хотелось еще раз испытать силу Нимира, Аде-на, — сказал он.

— И Кон. С вами должен пойти Кон. Суарра, дитя мое, позови Ригера. Пусть он соберет воинов.

Когда Суарра вышла, чтобы позвать Ригера, Мать Змей передала кристаллический стержень Повелителю Глупости.

— Нимир сильнее, чем я полагала, — серьезно сказала она. — Эта шепчущая Тень оставила на тебе свою мету, Грейдон. Ты слишком впечатлителен, чтобы доверить тебе этот ключ. Это рискованно. Ключ использует Тиддо. Вытащи из-за рукава мой браслет и одень его снаружи. Если ты почувствуешь, что оказался в пределах досягаемости Тени, быстро всмотришься в фиолетовые камни и подумай обо мне. Дай-ка его мне.

Она взяла у него браслет,дохнула на драгоценные камни, прижала их к своему лбу и вернула браслет Грейдону.

Через полчаса они вышли в путь. С ними просился пойти Ригер, он доказывал, бушевал и чуть ли не плакал, но Женщина-Змея запретила ему. Отряд повел Повелитель Глупости. Он нес как кристаллический стержень, так и свой красный посох. За ним следовал Грейдон, по одну сторону его — Кон, по другую — Суарра, позади — полсотни эмеров из дворцовой охраны. Отряд шел к Пещере Утерянной Мудрости.

Г л а в а 21

ПЕЩЕРА УТЕРЯННОЙ МУДРОСТИ

Они двигались другим переходом, не тем, которым они шли во Дворец. Этот был выше и шире. На этот раз Повелитель Глупости не порхал, как птица. Он шагал с целеустремленным видом, будто нетерпеливо стремился на назначенное свидание. От прикосновения красного посоха Тиддо дверь открылась. Они вступили в Пещеру Утерянной Мудрости.

Этот коридор выходил в пустую часть пещеры, ту, которую когда-то пересек Грейдон. Запечатанные семью печатями сокровища Змеиного народа и древнего народа Ю-Атланчи лежали перед ними.

Ни следа Повелителя Тьмы, ни следа его последователей — людей или человеко-ящеров. В пещере, похоже, никого не было. Тускло мерцали кристаллы.

Неверным блеском светились металлы и сверкали драгоценные камни. Загадочные механизмы, предназначенные для неизвестных целей, отбрасывали тени в тусклом свете.

Сперва они взяли два кристаллических диска. С близкого расстояния Грейдон разглядел на них детали, неразличимые на картине, изображавшей первое первобытное болото.

Диски были величиной в двенадцать футов и имели форму линзы.

Толщина линзы в центре равнялась ярду.

Линзы были полые. Внутри линзы посередине располагался диск: четыре фута ширины, цвета — как свернувшееся молоко, как лунный свет. С краев свешивались бесчисленные нити, тонкие, как волосы Женщины-Змеи, и такие же серебряные. Нити перепутывались друг с другом, что делало их похожими на огромную мелкаячеистую паутину.

По ободу большого диска с правильной регулярностью располагалось с дюжину маленьких линз, сделанных из какого-то материала лунного цвета. Исходившие из центра волокна собирались этими линзами в миниатюрные пучки. Диски покоились на основаниях из серого металла. Эти основания походили на полозья, как у салазок. Нижний край полозьев был погружен в глубокие выемки. Полозья поддерживали линзы в вертикальном положении.

Индейцы достали длинные ремни и под руководством Повелителя Глупости привязали их к полозьям. Потом они потащили их и выволокли в проход. Когда диски благополучно оказались там, Тиддо, как показалось Грейдону, испустил вздох облегчения. Потом он пощелкал Кону, и человек-паук отправился вслед за эмерами.

— С этими дисками лучше быть уверенными наверняка, — сказал Тиддо. — Они — наше наиболее сильное оружие. Я приказал Кону проследить, чтобы они были доставлены прямо к Адене. Теперь вы вдвоем соберите остальное, что она хочет получить. Я пойду расставляю охрану.

Он скрылся во мраке пещеры.

Разделив оставшихся индейцев между собой, Суарра и Грейдон быстро занялись своим делом. Главным объектом их внимания были ящики, некоторые такие маленькие, что их мог нести один человек, вес же других заставлял напрягаться четверых. Семь украшенных символами серебряных шаров были тоже в перечне Женщины-Змеи. Грейдон изумился, обнаружив, что они легкие, как пузыри, и катятся по полу от одного взмаха руки. Наконец работа подошла к концу, с ними остался лишь один индеец, и осталось забрать только ящик с корабля.

Корабль покоился на металлической опоре. С его борта свисала веревочная лестница, по которой вскарабкался Грейдон, а вслед за ним и Суарра. Грейдон удивился, как ухитрились древние доставить этот ковчег из своей страны к этому месту, да еще

протащили его через горную цепь. Потом он вспомнил, что Суарра говорила ему, что тогда гор еще не было и что в те давно прошедшие дни океан был ближе.

Однако внести этот корабль в пещеру — а он был длиной в добрых триста футов — подразумевало использование удивительной точности механизмов. И каким образом корабль сохранился в течение столетий, предшествующих возникновению горного барьера? Судно было сделано из твердого дерева, твердого, почти как металл. Оснастка у него была, как у шхуны.

Мачты были короткие и толстые и — что было очень странно — лишены рей.

Грейдон уловил на корме слабый голубой проблеск и увидел там один из больших дисков, но не прозрачный, как другие, а глубокого лазурно-голубого цвета.

Грейдона заинтересовало, не от этого ли диска исходит приводящая корабль в движение сила, а если так, то зачем тогда мачты?

Палуба, если не считать диска и приземистых мачт, была пуста. Теперь Грейдон вспомнил, что корабли, изображенные на стене в Пещере картин, имели высокие мачты. Он не видел там судна, подобного этому. Что ж, возможно, такие корабли были на картинах, находившихся на разгруженных стенах.

Он внимательно осмотрел пещеру. Повелитель Глупости желто-красным пятном стоял возле этого странного приспособления — чаши, содержащей озеро фиолетового пламени. Он стоял неподвижно и прислушивался, держа кристаллический стержень над полым цилиндром.

— Грейдон, — позвала из открытого люка Суарра, — поторопись!

Вглубь, в темноту, уходила соединенная на шпунтах аппарель, и Суарра без колебаний, словно молодая газель, вприпрыжку сбежала по ней. За ней последовал Грейдон. Из светового корпуса в ее руке струей вырывались светившиеся облака. Под ногами был шелковый ковер, толстый и пышный, словно луг в июне.

Впереди был ряд плотно закрытых низких овальных дверей. Суарра отсчитала нужную, подбежала к ней и распахнула.

Это была обширная, увешенная гобеленами каюта, явно предназначавшаяся для женщины. Какая из принцесс Древнего Ю-Атланчи, неисчислимые столетия назад бежавшая по измученным морям от нашествия льдов, прихорашивалась перед этим зеркалом? Он взглянул на устроенное из шелковых подушек уютное гнездо и понял.

Рядом стояла Суарра, ее маленькая грудь вздымалась.

Грейдон увидел поблизости ящик и открыл его. Внутри была длинная нитка бус из драгоценных камней, похожих на великолепные сапфиры. Незнакомые камни сверкали собственным светом. Грейдон вытащил нитку и обмотал ее вокруг черных, как ночь волос Суарры. Камни сверкали в волосах, словно плененные звезды. Еще в ящике была книга с тонкими и гибкими, как папирус, металлическими страницами. Она походила на древний церковный служебник. В ней было множество картинок, на полях — неизвестные символы, записи Змеиногo народа.

Грейдон сунул книгу в тунику и плотнее перетянул пояс, удерживающий находку.

Его взгляд остановился на фиолетовых камнях браслета. Они пылали, они предупреждали его! Суарра, любовавшаяся собой в серебряном зеркале, тоже увидела это.

— Быстрее! — воскликнула она. — На палубу, Грейдон!

Они вбежали по аппарели как раз вовремя, чтобы увидеть, как Повелитель Глупости ткнул кристаллический жезл в озеро фиолетового пламени.

Мгновенно из чаши вылетел достигший потолка столб аметистового пламени. Пламя было гладкое, округло-ровное, как будто вырезанное резцом скульптора. Когда оно взметнулось, раздался продолжительный, похожий на вздох звук, словно первое дыхание приближающейся бури. Столб залил пещеру светом более ярким, чем солнечный свет. Свет уничтожил перспективу, каждый предмет, казалось, прыгнул вперед, выступил, будто сбросил узы пространства, в собственных, присущих ему размерах. Уменьшающие размеры эффекты расстояния исчезли.

Суарра и Грейдон знали, что Повелитель Глупости далеко от них, но в этом странном свете он, казалось, стоял так близко, что его можно было коснуться.

Шарики ртути, окаймлявшие обод огромной чаши, возле которой стоял Тиддо, начали дрожать. Так подпрыгивал шарик в сеструме Женщины-Змеи.

Повелитель Глупости посмотрел на них, поднял свой посох и указал на проход. Они не могли сдвинуться с места и зачарованно глядели на испускавшую свет колонну.

Столб содрогнулся. От него оторвалось пульсирующее раскаленное фиолетовое кольцо, словно первый круг, появившийся в пруду, если в него бросить камень. Кольцо миновало Повелителя Глупости, окутав его смутным бледно-лиловым туманом. Оно расширилось, прошло еще несколько футов и исчезло.

Все, с чем оно соприкоснулось, за исключением фигуры Тиддо, тоже исчезло, ничего не осталось. Исчезло и пестрое

одеяние Повелителя Глупости. Он стоял — высокий голый старик.

Вокруг столба образовался имеющий радиус в двадцать футов круг пустоты.

Звучащий столб вздрогнул снова.

От него отделилось, медленно расширяясь, кольцо большего размера.

Перед кольцом подпрыгивал Повелитель Глупости, тряс своим посохом и жестикулировал, крича Суарре и Грейдону, чтобы они уходили. Они кинулись к лестнице.

Заглушая вздохи столба, раздалось отвратительное шипение. С дальнего конца пещеры хлынули человеко-ящеры.

Они извергались потоком и прыжками неслись к спокойно стоявшему, иссохшему от старости человеку. Снова сверкающее фиолетовым второе кольцо коснулось Повелителя Глупости, как и предыдущее, миновало его и пошло, расширяясь, дальше.

Снова пол пещеры в радиусе двадцати футов был пуст.

В этот круг пустоты, выталкиваемые вперед теми, кто находился сзади, опять хлынули люди-ящеры. Повелитель Глупости отступил на шаг, прямо в третье отделившееся от огненного столба трепетавшее кольцо.

Кольцо плавно расширялось. Как и раньше, за ним оставалась пустота.

— Суарра, спускайся по лестнице к проходу!

Грейдон задохнулся.

— Кольца идут все быстрее. Они достигнут нас. Тиддо знает, что делает. Господи, если это адское отродье увидит тебя...

Он замолчал. Он не мог ни говорить, ни двигаться. Глухая орда человеко-ящеров, громче огненного столба раздался пронзительный визг.

Так могла бы визжать взбесившаяся лошадь. Человеко-ящеры кинулись в поспешное бегство. Сквозь них протолкался и остановился на краю оставленной последним огненным кольцом пустоты... Нимир!

Как ни ужасен он был в образе Тени, когда Тень переливала в себя Кадока, все это были милые пустяки по сравнению с тем, каким он был сейчас.

Повелитель Тьмы добыл себе тело. Это было тело ю-атланчианца, несомненно одного из врагов Ластру, наскоро предоставленное по необходимости. По телу шла зыбь. Его контуры колебались, будто оно удерживало покрывающую его плоть. Голова тела безжизненно мотнулась вперед, и внезапно из-за нее резким толчком появилось лицо Повелителя Зла. Его бледные глаза пылали.

Сердце Грейдона прыгнуло к сухому, будто посыпанному пылью горлу и затрепетало, когда он увидел это раздутое колебавшееся тело, увидел лицо трупа, а над ним — живой Лик Зла.

Поплыло, расширилось еще одно кольцо пламени. Неуязвимость Повелителя Глупости против этой огненной петли явно не распространялась на всех прочих, поскольку Нимир отступал от нее, спотыкаясь мертвыми ногами.

Он ковылял, а Повелитель Глупости ткнул в его направлении своим посохом и расхохотался.

— Стыдно, Нимир, — глумился он, — после всех этих лет прийти на встречу со мной в таком плохо пригнанном одеянии! Плотнее напяливай на себя эти лохмотья! Иди в пламя голый, как я! Но я забыл, Повелитель Всего Мира, ты ведь не можешь.

Разум Грейдона вынырнул из волн захлестнувшего его ужаса, и ему показалось, что Повелитель Глупости намеренно издевается над Нимиром, для того чтобы потянуть время или, может быть, с какой-то иной целью. Но Темный всерьез принял насмешку и кинулся на Тиддо. Тот едва успел вовремя заметить ловушку, едва успел, спотыкаясь, уклониться от все пожирающего кольца. Уничтожив все, что было на его пути, кольцо исчезло.

На непослушных ногах Темный отступил в остановившуюся толпу. Тут же среди человеко-ящеров началось движение. Скользящий по лестнице вслед за Суаррой Грейдон увидел, что люди-ящеры, суетясь, начали здесь и там тянуть, тащить, вытаскивать, а Тень, плотнее натягивая на себя чужое тело, подгоняла их. Беготня вне пределов расширяющегося круга усиливалась.

Все громче звучала огненная колонна, все быстрее делалась ее пульсация. Все быстрее отрывались от нее кольца, пылавшие фиолетовым пламенем, и становился шире круг пустоты.

Схватив за руку Суарру, Грейдон побежал. Голова его была повернута к столбу, он не мог отвести глаза от этого невероятного зрелища. Круг пустоты дотянулся до корабля. Корабль исчез! Еще кольцо...

Оно докатилось до шеренги нагруженных ящиками человеко-ящеров, и они исчезли!

Грейдон услышал, как завыл Нимир. Суарра тащила Грейдона, Повелитель Глупости подталкивал его в спину. Грейдон оказался в проходе. Вход закрылся. Грейдон шел с ними, ничего не видя, не слыша, бессильный перестать видеть то, от чего ему только что удалось оторвать взгляд.

Комната Матери Змей была так загромождена спасенными сокровищами, что между ними было трудно протиснуться.

Мать открывала ящики и рылась в них.

В ее волосах искрилась нитка драгоценных камней, вокруг талии и между ее маленьких грудей тоже спадали камни.

Мать полюбовалась собой в зеркало.

— Сейчас я, пожалуй, более красива, чем когда-либо прежде, — радостно сказала она. — По крайней мере я могу быть удовлетворена этим, ибо н и к о г д а ничего более прекрасного у меня не было. Суарра, дитя мое, я так рада, что ты нашла эти драгоценности! Я всегда намеревалась подарить их тебе.

Затем она в насмешливом изумлении воздела руки:

— Тиддо, где твоя одежда? Прийти в таком виде — и это в твоём возрасте!

— Клянусь твоими предками, Адена, я об этом совершенно забыл! — Повелитель Глупости торопливо схватил шелковый лоскут и обмотал его вокруг своего иссохшего тела.

— Дело сделано? — Женщина-Змея уже не смеялась, лицо ее было печальным.

— Дело сделано, Адена, — ответил Повелитель Глупости. — И нельзя сказать, чтобы слишком рано!

Она слушала, как он рассказывал о том, что произошло в пещере, и печаль не сходила с ее лица.

— Так много утеряно! — прошептала она. — Так много, что никогда не может быть восстановлено — хотя бы мир существовал вечно. О, мой народ! А корабль...

Лицо ее просветлело.

— Зато большая часть оставшегося — у нас, а не у Нимира! Но снова повторяю, что он сильнее, чем я думала. Мне бы очень хотелось знать, что ему удалось спасти. Надеюсь, он обнаружил что-нибудь, что сможет использовать в качестве постоянного одеяния! Хотелось бы мне знать, чье тело он сейчас носит. А теперь идите, дети мои. Нам с Тиддо нужно заняться делами.

Взмахом руки она отпустила их. Когда Грейдон, уходя, обернулся, он увидел, что лицо ее снова печально, а глаза наполнены слезами.

Г л а в а 22

ПРАЗДНИК СОЗИДАТЕЛЕЙ СНОВ

В течение следующих двух дней Грейдон вообще не видел Мать Змей.

Он накоротке познакомился с Ригером и Хаоном.

В основном свое время он проводил с Суаррой и был очень доволен, что их обоих оставили одних. Когда ему хотелось, он вместе с Суаррой бродил по огромному зданию, наблюдая за странными и нередко вызывавшими тревогу существами.

Он ознакомился с экспериментами Змеиногo народа и жителей Древнего Ю-Атланчи по созданию новых форм жизни, в результате которых появились люди-пауки и человеко-ящеры, гротескные и вселяющие ужас формы жизни, чудовища-гермафродиты, необыкновенные гибриды. Некоторые из них отличались причудливой красотой.

Он обнаружил огромную библиотеку, заполненную книгами со страницами из металла и рисунками. Теперь знаки-символы были понятны лишь Адене и Повелителю Глупости.

Вместе с Суаррой он заглянул в Зал Ткачей и надолго задержался там, зачарованный зрелищем алых человеко-пауков, шелкавших у своих огромных ткацких станков, бегавших вдоль них, ткущих ткани, которые теперь, через века, они создавали столь же инстинктивно, как пауки, ткущие узоры своей паутины. Человеко-пауков осталось не больше сотни, и в огромной зале большинство станков, качаясь, ткали пустоту.

Суарра сказала Грейдону, что под Дворцом имелись и другие помещения и склепы. Она и сама не знает, что в них находится. Там располагалась и таинственная комната, в которой были две двери — Жизни и Смерти, открывавшиеся для тех, кто пожелал иметь детей и согласен был заплатить за это отказом от бессмертия.

Ни Нимир, ни Ластру пока что в открытую не выступали. С высоты Дворца город казался Грейдону спокойным и не встревоженным, но Ригер сказал, что его шпионы донесли о волнениях и беспокойстве. Повсюду передавалась история унижения Ластру. Это поколебало уверенность многих его сторонников.

Лазутчики Ригера действовали и среди индейцев. Можно было рассчитывать, как он полагал, на примерно половину эмеров. Грейдон спросил, сколько это, и Ригер сказал, что если считать тех, кто имеет подготовку, то приблизительно четыре тысячи. Он полагал, что из оставшихся многие хотели уйти в леса и подождать там исхода конфликта.

Ригер не верил, что те, кто остался с Ластру, представляют собой грозную силу, поскольку их удерживает с ним главным образом лишь одно — страх. К тому же они ненавидят человеко-ящеров, и вряд ли им придется по вкусу сражаться вместе с ними. Гораздо более, чем полчища урдов, Грейдона страшила свора динозавров и возможность атаки оседлавших этих чудовищ всадников.

Он предчувствовал, что против них все четыре тысячи эмеров — слабая защита, ибо, встретившись с динозаврами, эмеры погибнут. Ригер, казалось, так не думал, намекая на другие возможности.

Этой ночью должен был состояться Ладнофакси, праздник Созидателей снов, поэтому в городе осталось мало воинов.

Эмеры из праздника были безоговорочно исключены. Им даже запрещалось смотреть из удобных для наблюдения мест на похожее на раковину сооружение, которое, как узнал Грейдон, было посвящено этому ежегодному празднику. Свой собственный лунный праздник они справляли далеко отсюда, на обочине леса, поэтому из всех ночей это была лучшая, чтобы тайком провести во Дворец оставшихся в живых людей убежища: город был покинут, а его охрана была незначительной. Хаон и Ригер пошли во главе небольшого отряда, чтобы встретить их в условленном месте возле озера и отвести в святилище.

Грейдон страстно желал узнать, что это за праздник Созидателей снов. Его как огнем жгло — быть свидетелем праздника.

Он решил, что так или иначе, а своего добьется. О своем решении он сказать Суарре никак не мог — боялся, что либо она своей маленькой ножкой непреклонно растопчет его мечту, либо будет настаивать, чтобы они пошли вместе, несомненно, мало думая об угрозах Ластру и об объявлении Матерью Змей войны. Он задумался, не может ли он лестью склонить Адену к тому, чтобы она придумала какой-нибудь способ провести его на праздник, но быстро пришел к заключению, что Адена даже еще быстрее придумает способ посадить его под замок, а ключ спрячет подальше.

Повелитель Глупости? Обратиться с подобной просьбой к Тиддо — идея безрассудно храбрая, но со времени их совместного дела в Пещере Утерянной Мудрости Грейдон понял, что на какого бы рода глупость ни был способен Тиддо, но только не на такого рода. Несмотря на то что Грейдон все же не собирался пропустить Ладнофакси.

Он снова начал обдумывать проблему, и в это время Мать послала за ним. Он нашел ее оставшейся в одиночестве в завершенной гобеленами комнате. Большие диски куда-то исчезли, как и большинство других принесенных ими вещей.

Ее глаза ярко блестели, шея волнисто изгибалась, слабо светящиеся кольца безостановочно двигались.

— Ты так отличаешься от всех, с кем я так долго встречалась, что выбил мои мысли из их обычного русла и освежил их, — сказала она. — Я знаю, насколько невыразимо странным должен казаться тебе Ю-Атланчи, а я, вероятно, в нем то, что наиболее

странно. Но кажущееся тебе таким странным, мне-то слишком хорошо знакомо, а то, что для тебя повседневность, для этих людей — совершенная фантастика. Да, а многое — даже для меня. Я отказываюсь от своего уединения, которое одновременно и сила, и слабость. Взгляни на дело своими глазами, Грейдон. Подумай так, как мыслите вы, чужестранцы, как ты расцениваешь ситуацию, в которую мы попали? Говори свободно, не думая о том, что можешь обидеть меня, дитя мое.

Как она и приказала, он заговорил свободно о застое и жестокости Старой Расы, о ее сползании к жестокости и к бесчеловечному безразличию, и в чем, как он думает, причина этого, и что, как ему известно, создание таких тварей, как человекоящеры, — порождение чудовищной злобы, а циничное извращение научных открытий привело к созданию человеко-пауков. И что хотя, по крайней мере, урды должны быть истреблены, однако сами по себе они не виноваты. Не виноват даже Ластру и его народ. Вина лежит на тех, кто стоял у истоков безжалостной эволюции, приведшей к появлению монстров.

И наконец, он рассказал о том, как боится схватки с динозаврами, как видит все уничтожающий вал верховых Ксинли, а следом рвущие клыками и когтями волны урдов.

— Но ты ничего не сказал о Нимири. Почему? — спросила Мать, когда Грейдон закончил.

— Мать, я ничего не сказал и о вас, — ответил он. — Я говорил только о том, что я знаю, а я ничего не знаю о том, каким оружием, какой мощью обладаете вы двое, но думаю, что извечный исход будет определен — урды и Ксинли, Ластру и Ригер, Хаон и я сам — пешки, которые можно не принимать во внимание. Результат зависит от вас двоих.

— Это правда.

Женщина-Змея кивнула.

— Мне хочется знать, что удалось Нимиру забрать из пещеры. Там была одна вещь, которую, я надеюсь, он обнаружил.

Ее глаза злобно сверкнули.

— Еще больше я надеюсь, что, обнаружив, он ее использует. Это даст ему тело, которого он так жаждет, Грейдон. Однако результат ему, может быть, не понравится. Что касается остального — не слишком бойся Ксинли и урдов. С ними справятся мои крылатые Посланники. А вы все — не так уж незначительны, как полагаете, Грейдон. В конце концов, я могу отметить твой меткий глаз и твердую руку. Но в основном ты прав. Исход зависит от меня и Нимира.

Она погрузилась в молчание, рассматривая его, а затем сказала:

— Что касается остального, разве сама Природа не экспериментирует постоянно с жизнью? Сколько образцов более чудовищных, чем все, что ты здесь видел, создала она, а затем цинично — как ты обвиняешь нас — уничтожила их! И каких отвратительных, рыскающих в поисках добычи чудовищ еще не создала Природа в своей лаборатории?

Почему же нам, являющимся частью Природы, не последовать данному ею для нас примеру? Что касается Старой Расы и во что превратились люди этой расы... Коли вы спасли другому человеку жизнь, излечили его от болезней, то несете ли вы ответственность за то, что он впоследствии сделает? Если он кого-то убивает, пытается, значит, вы тоже убийца и пыточных дел мастер? В определенных условиях, под давлением необходимости, мои предки избавили этот народ от Смерти. Во всяком случае, если бы мы этого не сделали, то люди плодились бы так, что на заполненной их толпами Земле скоро не осталось бы места, чтобы поставить ногу. Мы избавили их не только от Смерти, но и от болезней. Мы отдали в их руки наше великое знание. Наша ли вина, что, как оказалось, они не заслужили этого?

— И выстроили вокруг них барьер, чтобы они не смогли использовать полученные знания! — сказал Грейдон. — Человек развивается, преодолевая препятствия, а не в теплице!

— А значит, барьер не был препятствием? — резко спросила Мать. — Если они того достойны, почему же они не преодолели барьер?

Грейдон ничего не ответил.

— Но один вопрос благодаря тебе прояснился, — сказала она. — Если я одержу победу над Нимиром, то уничтожу урдов и оставлю в живых лишь немногих из Старой Расы. Эти ошибки должны быть исправлены и уничтожены — как Природа все время исправляет и уничтожает свои ошибки. Болото будет очищено.

Она взяла зеркало, пригладила волосы, потом отложила его прочь.

— Кризис близок. Возможно, он произойдет сегодня вечером. Несколько часов назад в городе появился Ластру. Он важничает, необычно самоуверен, более заносчив и хвастлив, чем когда бы то ни было. Бравата ли это? Я так не думаю. Он что-то знает о завариваемой Нимиром каше. Хорошо, пусть его! Но я хочу знать, что забрал Нимир. Я пыталась это увидеть, но не смогла. Он заблокировал мой взгляд. Он что-то нашел. Хочется мне знать: если я рискну...

Она положила руку на лоб Грейдона, наклонившись вперед. Он ощутил мгновенное головокружение. Вращаясь, он летел

над озером. Он оказался в красной пещере Тени. Но что случилось? Ржавый свет сделался плотным, непроницаемым. Он хлынул к Грейдону и окутал его, словно туман. Грейдон ничего не мог видеть.

Он снова оказался рядом с Матерью Змей и покачал головой.

— Я знаю, — сказала она. — Я послала твой взгляд вместе со своим в надежде, что твоя чувствительность к Тени позволит твоему взору проникнуть туда, куда не может проникнуть мой. Но ты увидел не больше, чем я. Хорошо...

Она улыбнулась. У нее, как это нередко бывало, внезапно изменилось настроение.

— Мне жаль, дитя мое, что ты не сможешь пойти на праздник Созидателей снов. Я могу послать туда твой взгляд вместе с моим, но ненадолго. Тебе не следует все видеть. Это потребовало бы от тебя слишком большого напряжения. Немного — это не причинит вреда. Но на все время — нет.

Вскоре после этого она отпустила его.

Он ушел от нее с нечистой совестью. Но своего решения не изменил.

Мысль осенила Грейдона, когда он уже вернулся в свои покои.

К о н!

Возможно, это — решение. Со времени драки с Ластру человек-паук, по-видимому, привязался к нему так же крепко, как крепко держал его в руках, когда они карабкались над пропастью. Ни разу не прошел он мимо него без нежного пощелкивания или без того, чтобы не похлопать его по спине своими маленькими ручками.

Удастся ли ему уговорить Кона взобраться вместе с ним на стены большой раковины и найти там место, откуда он будет видеть все, сам оставаясь невидимым?

Как, дьявол его побери, он сможет выклянчить это у Кона, коль скоро не знает, как с ним разговаривать?

Грейдон вертел проблему и так, и эдак снова и снова, потом рассмеялся. Ну, эта идея может сработать! Ему осталось только попытаться.

Через три часа после захода солнца над барьером — над горной цепью — взошла луна. Было полнолуние. Заход солнца означал лишь заход для Ю-Атланчи: из-за горной цепи здесь уже делалось темно, когда снаружи наступали только сумерки.

Праздник Созидателей снов не мог начаться до тех пор, пока полная луна не засияет над амфитеатром. Это было самое большее, что Грейдон смог узнать у Суарры. И даже сейчас сумерки продолжали сгущаться над чашей Запретной Страны. Ему следовало действовать быстро.

Обедал Грейдон вместе с Суаррой и всеми остальными. Суарра сказала ему, что Мать хочет, чтобы она была с ним сегодняшней ночью. Грейдон сделал вывод, что Женщина-Змея намерена ничего не упустить из того, что произойдет на празднике, и что при этом обязательно должна присутствовать Суарра. С облегчением он понял, что никто не просит его составить компанию Матери. Он сказал Суарре, что устал, собирается взять к себе в комнату рисунчатые книги, немного почитает и ляжет спать.

Ее озабоченность заставила его почувствовать себя виноватым, но не поколебала его решения. Как бы случайно, он спросил, где Кон. Тот сидел, предпочитая это место всякому другому, на троне Повелителя Глупости. Грейдон воспринял это как доброе предзнаменование и широко улыбнулся.

Он сел рядом с Коном и достал обломок красного карандаша и лоскут белого шелка. Кон заинтересованно защелкал. Грейдон набросал на шелке контур амфитеатра.

Кон кивнул. Грейдон показал на вход и на себя. Человек-паук энергично затряс головой. Грейдон нарисовал картину: задняя сторона раковины, как он представлял ее себе, и схематично самого себя, взбирающегося по ней наверх. Кон с презрением смотрел на картинку, отобрал у Грейдона карандаш и сам нарисовал картинку, явно более соответствующую действительности. Рисунок был выполнен превосходно. Задняя стена раковины у Кона изгибалась наружу, а не плоско, как изобразил ее Грейдон, и была покрыта завитками.

Затем, необычным образом искривив лицо, что должно было означать улыбку, Кон набросал схематичное изображение самого себя, несущего на руках Грейдона. Он похлопал Грейдона по спине и разразился взрывом жутких звуков, явно подразумевающих под собой смех.

Кон высказался так ясно, будто объясняя словами: "Единственная возможность для тебя попасть туда — это если я понесу тебя, а я чертовски хорошо знаю, что ты этого не захочешь".

Он не захочет? Это именно то, чего он хотел!

Грейдон одобрительно похлопал человека-паука по плечу, показал на рисунок и кивнул. Кон казался удивленным, приведенным в замешательство. Он предостерегающе, даже раздраженно защелкал. Грейдон понял, что Кон, несомненно, послал его к черту. Все же Грейдон не убрал палец с рисунка и упрямо кивал. Кона, казалось, осенила идея. Он схватил карандаш и нарисовал изображение, в котором можно было узнать Ластру. Узнать можно главным образом по тому, что рисунок демонстрировал лицо с приросшим к нему кулаком. Затем он снова

нарисовал Грейдона, целившегося из винтовки в это лицо. Грейдон покачал головой.

Человек-паук выглядел озадаченным.

Следующий рисунок изображал Кона, ползущего по стене Дворца и державшего, по-видимому, Грейдона за ноги.

Он свешивался из рук Кона вниз головой.

Грейдон радостно закивал. Если с помощью щелчков можно ругаться, то Кон ругался. Он нарисовал еще одну картинку: он перепрыгивает через ветви деревьев, а сзади, схваченный за ногу, болтается Грейдон. Полностью соглашаясь, Грейдон кивнул и похлопал его по плечу. Кон выругался снова, постоял мгновение в задумчивости, затем быстро набросал себя, мечущего сверху вниз четыре стержня в голову Ластру. С безразличным видом Грейдон пожал плечами. Кон испустил щелчок отчаяния и сдался.

Сделав Грейдону жест следовать за ним, он вышел из тронного зала, привел его к расположенному в конце коридора балкону и умчался. Грейдон выглянул наружу. Чаша Ю-Атланчи была заполнена темнотой, солнце уже скрылось за барьером.

Он увидел огни, словно цепочки светлячков, идущих от амфитеатра к равнине.

Кто-то коснулся его руки. Рядом, держа два похожих на пальцы стержня, стоял Кон. Без единого щелчка человек-паук обхватил Грейдона рукой, перелетел через край балкона и по отвесной стене Дворца скатился вниз.

Грейдон отметил, что Кон нес его вверх тормашками, как угрожал сделать.

Это Грейдона позабавило.

Они стояли на краю огромной лестницы.

Ее ступеньки вели вниз, к лугу. Они осторожно миновали лестницу и достигли опушки деревьев. Здесь Кон снова поднял Грейдона, но не для того, чтобы тот болтался сзади, пока он скачет по ветвям.

По-прежнему таясь, человек-паук перелетал от ствола к стволу. Слышался приглушенный рокот голосов, быстро делавшийся все громче. Светлячки превратились в факелы — бледные недвижимые огни, словно замороженные лунные лучи. В их слабом свете Грейдон увидел жителей Ю-Атланчи. Мужчины и женщины потоком стремились сквозь узкий вход в громадную раковину. Здесь и там виднелись украшенные драгоценными камнями носилки. Бледный, призрачный огонь факелов не давал света, а лишь подчеркивал окружавшую их темноту.

Сделав крюк, Кон беззвучно промчался между деревьями к задней стене амфитеатра. Передав два стержня Грейдону, он крепко обхватил его и начал взбираться вверх по стене, исполь-

зую те резные украшения, которые он изобразил на рисунке, но которых Грейдон в темноте видеть не мог. Они достигли вершины.

Здесь был широкий парапет. Кон сел на него верхом, со стуком поставил Грейдона на ноги и исчез. Вскоре он вернулся, поднял Грейдона и скользнул вместе с ним в темную пустоту внизу.

Грейдон задохнулся. Потом их полет закончился так внезапно, что у него лязгнули зубы. Вокруг было почти темно. От возвышавшейся за спиной опаловой стены отражался свет звезд. По одной из вертикально шедших вдоль стены планок Кон скользнул вниз. Грейдону захотелось знать, как, черт возьми, человек-паук собирается скользнуть обратно вверх, держа к тому же в руке его, Грейдона.

Он огляделся. Они находились на самом верхнем ярусе каменных сидений.

Перед сиденьями был огораживающий их трехфутовый парапет.

Невдалеке внизу Грейдон расслышал шелест, шепот и приглушенный смех.

Кон взял его за плечо, оттащил от сиденья и пригнул вниз за парапетом.

Согнувшись там, он сел рядом с Грейдоном и бросил украдкой взгляд поверх парапета.

Над западными горами появилось слабое серебряное сияние. Оно делалось ярче.

Шепот внизу смолк. Между двумя возвышавшимися над башнями пиками внезапно показалась мерцающая серебряная точка.

Точка превратилась в ручеек серебряного пламени.

Мужской голос, вибрировавший баритоном, начал песнопение, ему ответил, подхватив следующие строфы, невидимый хор.

По мере того как поднималась луна, песнопение делалось все громче.

За спиной Грейдона сперва бегущими искрами, потом в неуклонно усиливающемся темпе разгорелось опаловое свечение, громадная раковина начала сиять все ярче и ярче по мере того, как луна выскальзывала из каменных пальцев горных пиков.

Праздник Созидателей снов начался.

Песнопение кончилось. Свет поднявшейся луны падал на амфитеатр, заполнял пространство между его стенами. Ритм свечения стен убыстрился, раковина превратилась в светя-

щийся опал, а в опале — вкрапления голубых и многоцветных, лучистых, как звезды, точек. Точка испускала потоки лучей.

Лучи встретились, пересеклись в центре амфитеатра. Из них соткалась протянувшаяся от края до края амфитеатра паутина. Эта сотканная из лучей паутина неуклонно делалась все плотнее. На ней начали вырисовываться силуэты голов собравшихся, силуэты множества расположенных внизу ярусов.

Началось новое песнопение. На противоположной стороне, невысоко над раковиноподобными створками, образующими вход в здание, появилась серебряная светящаяся точка. Точка увеличилась, превратилась в маленькую луну, точную копию плывущего по небу светила. Рядом с ней засияли еще три. Лучи их поползли, коснулись светящейся паутины и легли на нее.

Паутина сделалась теперь чем-то вроде занавеса, прозрачного, но материального.

Внезапно, светя сквозь занавес, высоко на противоположной стороне раковины, там, где не вся стена была залита лунным светом, в полутьме вспыхнула новая, больше настоящей луна. На сверкавшем диске виднелась голова женщины. Она принадлежала Старой Расе. Голову женщины окружал серебряный ореол. Ее лицо было поистине неземной красоты. Глаза ее были закрыты, казалось, она спала.

Созидательница снов!

Она находилась, как понял Грейдон, в широком алькове в нише, но сидела она или стояла, он бы сказать не мог. Тело ее различить было невозможно. Окружавший ее прекрасную голову ореол запульсировал и вырос, растворился в его сиянии, превратившись в туман на его фоне. Песнопение взлетело почти до крика и оборвалось на высокой ноте.

Что-то понеслось в сторону от светила, что-то, не имевшее ни формы, ни очертания, воспринимаемое каким-то иным чувством, не зрением. Оно ударило в паутину. Занавес под ударом задрожал и внезапно преобразился — это была уже не паутина, но сотканный из лучей занавес! Грейдон видел космическое пространство, заглянул в пустоту, находящуюся за пределами нашей Вселенной.

Он видел нечто бесформенное, несущееся сквозь пустоту со скоростью, в тысячи раз превышавшей скорость света, и знал это, поскольку это знала Созидательница снов, знал, что это — ее мысль. Следя за ней, он почувствовал, как что-то похожее на окоченевший палец, холодный как холод космического пространства, зондирует его мозг. Оно проникало все дальше, в непостижимую бесконечность.

Оно остановилось и превратилось в громадную Галактику, спиральную, как звездный водоворот туманности Андромеды.

С той же неимоверной скоростью Галактика понеслась куда-то. Проявилось космическое кружение проходивших на волюсок друг от друга вселенных, угрожавших аннигиляцией.

Галактика распалась на отдельные звезды, огромные, вращающиеся, раскаленные шары всех цветов. Одно солнце, вращаясь, отделилось от других звезд, огромное светило, словно раскаленный сапфир. Рядом со звездой показалась планета. По величине это было достойное дитя этого солнца.

Солнце ушло в сторону, планета подлетела ближе.

Это был шар пламени. Грейдон видел огненные джунгли и пробиравшихся сквозь них огненных чудовищ. Над состоявшими из пламени лесами летали создания с перьями из изумрудного, рубинового, бриллиантового пламени. Океаны и моря из расплавленных драгоценностей.

По их переливчатым просторам плавали огненные левиафаны.

Крутящийся огненный мир и сапфировое солнце отлетали назад, затерялись среди других звезд.

Большими шагами шли сквозь пустоту гигантского роста люди, богоподобные, смеющиеся. Нагибаясь, они срывали звезды, как цветы, бросали их друг другу, швыряли их в окружающую пустоту, и звезды лились потоком, походя на кометы.

Широко шагая, смеющиеся боги ушли, оставив вырванный ими с корнем сад солнц. Мгновенно была видна только пустота, в которой не было ничего.

Разинутый рот Грейдона снова смотрел на сотканный из лучей занавес.

Была ли это иллюзия? Была ли это реальность? То, что он видел, не казалось двухмерным изображением, показанным на этом странном экране. Нет, изображение было трехмерным и столь же реальным, как мысль, что он когда-либо видел. Возможно, мысль Созидательницы снов снова создала эту уничтоженную Вселенную? Играющие боги — они тоже порождение ее мыслей? Иначе они принадлежат к другой реальности, случайно попали в эту Галактику, остановились, чтобы уничтожить ее, а потом без забот двинулись дальше?

Послышался приглушенный гул голосов зрителей, слабые аплодисменты. Светило, на фоне которого виднелась голова Созидательницы снов, потускнело.

Когда оно начало пульсировать снова, на нем появилась голова мужчины. Глаза его, как и у женщины, были закрыты.

Снова понеслась мысль Созидателя снов.

Задрожал под ударами сотканный из лучей занавес. Грейдон увидел пустыню.

Ее пески начали светиться, шевелиться, вздыматься. Из пустоты сам себя воздвиг город, но не такой город, который когда-либо был порожден Землей. Огромные строения, чуждая, непонятная человеку архитектура. Город, населенный химерами.

Они были так отвратительны, что глаза Грейдона ощутили нечто вроде удара. Он зажмурился. Когда он открыл глаза, город исчез. Вместо него появился широкий ландшафт, освещенный двумя — шафрановым и зеленым — солнцами. Солнца с большой скоростью вращались друг возле друга.

При их смешанном свете были видны деревья. Их мясистые, напоминающие корчащихся змей ветви были облеплены огромными бесформенными цветами, обладавшими какой-то отвратительной красотой. Цветы раскрывались, из них выскакивали какие-то аморфные существа. Существа тут же выросли и превратились в ужасных, непристойного вида демонов. Они сражались друг с другом, мучили друг друга, спаривались.

Подавляя тошноту, Грейдон зажмурился.

Всплеск аплодисментов подсказал ему, что Созидатель снов закончил. Грейдон почувствовал глубокую ненависть к этим людям, находившим восхитительными те ужасы, которые он видел.

Теперь Созидатели снов следовали один за другими, и грезы за грезой разворачивались на сплетенной из лучей паутине.

Некоторые зачаровали Грейдона, он смотрел, не в силах оторвать глаз.

От других он содрогался до глубины души и искал убежища в объятиях Кона.

Некоторые — их было немного — отличались превосходившей все на свете красотой: миры джиннов, вышедших прямо из “Тысячи и одной ночи”. Среди них — мир чистых красок, ненаселенный мир.

Краски сами из себя создавали гигантские симфонии, громадные гармонические последовательности, тот мир не вызывал большого одобрения мужчин и женщин, чье песнопение создавало интерлюдия в промежутках между грезами.

А были грезы — резня и жестокость, чертовщина, разврат и осквернение, чудовищные оргии, шабаш. Зрителей возбуждали лишь отвратительные фантазии, по сравнению с которыми самый черный ад Данте казался раем.

Грейдон услышал приглушенный шепот, его покрыл голос Ластру, высокомерный голос, вибрировавший от ликующего предвкушения.

На фоне серебряного светила появилась голова женщины. В красоте ее лица было что-то неприятное, какая-то еле

уловимая порча, будто в жилах женщины струилась сладостная гниль. Когда ее голова растворилась в туманных очертаниях диска, Грейдон понял, что видел, как закрытые ее глаза открылись на мгновение. Фиолетовые, источавшие зло глаза, пославшие быстро какой-то сигнал туда, где похвалялся Ластру.

Послав этот сигнал, они закрылись.

Впервые за все время на амфитеатр пала абсолютная тишина, тишина ожидания, тишина тревоги и упования.

Под ударом мчавшейся с огромной скоростью мысли женщины занавес дрогнул, но паутина не исчезла, как прежде.

Вместо этого по ней расплзлась тонкая пленка. Пленка ползла, на ней менялись оттенки. Так расплзается масло по прозрачной поверхности пруда. Пленка быстро уплотнялась, быстрее делалась на ней игра красок.

Сквозь пленку быстро поползли темные тени. Они наполнили друг на друга, стремясь к одной точке и останавливаясь там, на краю сплетенной из лучей паутины. Они все быстрее ползли одна за другой со всех концов занавеса, собирались вместе, делались все плотнее и обретали форму.

Они не только обретали форму, они становились материальными!

На паутине образовалась человеческая фигура, темный гигант ростом в добрых десять футов. Его фигуру обрамляли медленно текущие краски. Уже не тень, нет, нечто материальное.

Над краем амфитеатра вырос широкий и яркий красочный луч. Он шел по направлению от пещер. Луч ударил в темную фигуру и размазался по ней, придав ей ржаво-красную окраску.

Красный луч укреплял, подпитывал фигуру человека. Из луча посыпался град черных частиц. Фигура всасывала их, вбирала в себя их вещество. Она уже не была просто призраком.

Это было тело, не имевшее черт лица, но — тело. Оно висело в паутине, удерживаемое там силой красного луча.

Вслед за черными частичками луч принес Тень!

Она двигалась медленно, осторожно плыла вдоль луча, как будто не была слишком уверена в своем успехе. Она ползла, вытянув вперед безликую голову. Невидимые глаза, не отрываясь, смотрели на свою цель. Последние несколько ярдов, отделявшие ее от висевшей в паутине фигуры, Тень покрывала одним молниеносным прыжком.

Там, где висело черное тело, за клубился туман. Облаченную мешанину простреливали стремительно несущиеся темно-красные частицы.

Что-то похожее на ослепительную, раскаленную добела искру коснулось клубившейся мешанины тумана и было поглощено им. Грейдону показалось, что искра прилетела извне, со стороны, противоположной источнику красного луча, из Дворца.

Туман сконцентрировался и исчез. Тело провисело еще мгновение, а затем скатилось сквозь паутину на землю.

Это уже не было человеческое тело.

Это было припавшее к земле бесформенное, деформированное существо, чем-то похожее на гигантскую жабу.

На ее плечах была голова Нимира!

Грейдону почудилось, что он слышит смех Женщины-Змеи.

Бледно-голубые глаза Нимира светились радостью. Властное лицо Люцифера излучало торжество. Он закричал с триумфом, разорвав замороженную тишину, сковавшую тех, кто смотрел на него.

Он подпрыгивал на гротескных, расплзающихся в разные стороны ногах и кричал на забытом языке, ревел с торжеством и вызовом.

Красный луч мигнул и погас. Из-за озера выстрелило в небеса яркое и неровное темно-красное пламя.

Отвратительное подпрыгивающее существо замерло. Его лицо павшего ангела уставилось в направлении вспышки.

Взгляд существа передвинулся и упал на его тело. Грейдон, каждый нерв которого был напряжен до отказа, увидел, как неправдоподобно изменилось лицо Нимира.

На нем бушевала поистине демоническая ярость.

Глаза сверкали адским голубым пламенем, широко и квадратно открылся рот, из которого капала слюна. Лицо корчилось, сделалось маской Медузы-Горгоны.

Нимир медленно обратил свой взгляд на ту, таившую зло Созидательницу снов, которая была орудием его и Ластру.

Полностью пробужденная, она стояла в нише на фоне серебряного светила.

Нимир широко раскинул чудовищные руки и прыгнул. Женщина завизжала, качнулась и вывалилась из ниши. Далеко внизу, под тем местом, где она стояла, на полу амфитеатра какое-то мгновение шевелилась слабо белая масса. И затихла.

Нимир медленно отвел от нее взгляд.

Взгляд скользил, искал что-то вдоль пустых ярусов, все ближе к нему, к Грейдону!

Глава 23

ПЛЕНЕНИЕ СУАРРЫ

Грейдон упал плашмя за парашютом и, пряча лицо, укрылся там. Его охватил такой страх, какого он никогда прежде не знал, не знал даже в красной пещере. Душа его умирала, он ждал звука мягко шлепающих шагов, идущих схватить его.

Он поднял руку и уставил взгляд на фиолетовые камни браслета Женщины-Змеи.

Блеск камней придал ему сил.

Отчаянным усилием он выбросил из своего разума все, кроме образа Матери.

Он вцепился в этот образ, как падающий альпинист цепляется за корень, который остановит его падение в пропасть. Он заполнил свой разум этим образом до отказа и закрыл свои уши, закрыл свой мозг для всего, кроме этого образа.

Как долго лежал он так, скорчившись, Грейдон не знал. Пробудило его мягкое похлопывание маленьких рук Кона. Грейдон поднял голову и огляделся. Его окружила полутьма. Луна миновала свой зенит. Лучи ее уже не сияли на стене раковины за спиной Грейдона. Блеск опала потускнел, сплетенная из лучей паутина исчезла.

Амфитеатр был пуст.

Вскоре Грейдон поборол свою слабость, и они с человеком-пауком, держась в тени, спустились по широкому, соединяющему ярусы проходу на мостовую. Никем не замеченные, они проскользнули сквозь створки входа и оказались под прикрытием деревьев.

Они добрались до Дворца. С помощью Кона Грейдон поднялся на тот самый балкон, откуда отправился на праздник.

Грейдон пристально смотрел вниз на город.

Весь город пылал огнями, город кишел людьми, город ревел!

Грейдон колебался, не зная, что делать. В это время раздвинулись в сторону занавески. Во главе вооруженного луками и копьями отряда в комнату вошел Ригер. Лицо его осунулось. Не сказав ни слова Грейдону, он поставил индейцев в караул возле двери.

Он зашелкал, обращаясь к Кону, и минуту-две Кон и Ригер вели быстрый разговор.

Ригер отдал какое-то приказание. Человек-паук посмотрел на Грейдона. В его глазах светилось нечто большее, чем обычная меланхолия. Он бочком выбрался из комнаты.

— Пойдем! — Ригер коснулся плеча Грейдона. — Мать хочет видеть тебя.

Мрачное предчувствие ознобом проникло в тело Грейдона. Не тревожь его так нечистая совесть, он бы немедленно разразился градом вопросов. Но он без слов последовал за Ригером. Наружный коридор был заполнен индейцами и воинами. Некоторых Грейдон узнал. Это были члены Братства, остатки спасшихся людей Хаона.

Они приветствовали его, Грейдон понял, что в их глазах — жалость.

— Ригер, — сказал он, — случилось что-то плохое. Что?

Ригер пробормотал что-то неразборчивое, затряс головой и заторопился вперед. Грейдон, борясь с нараставшим страхом, еле поспевал следом. Не заходя в комнату, куда он до сих пор всегда появлялся по вызову Матери, они поднялись к крыше Дворца.

Повсюду были отряды эмеров, между которыми сновали люди Ю-Атланчи. Некоторые из последних были одеты в зеленый цвет Ластру. Дезертирство из рядов повелителя динозавров оказалось более значительным, чем полагал Ригер. Среди них было много женщин, тоже вооруженных.

Здесь было вполне достаточно народа для обороны, и все они, казалось, точно знали, что должны делать.

Он осознал, что на самом деле его не заботит, знают ли они, что делать, или нет, что он намеренно тянет время, отчаянно пытается думать о постороннем, чтобы остановить страх, который он не может высказать. Он должен знать.

— Ригер, — сказал он, — это — Суарра?

Рука великана обняла его плечи.

— Они схватили ее. Она у Ластру.

Грейдон резко остановился. Кровь отхлынула от его сердца.

— Схватили ее? Но она была с Матерью! Как они могли схватить ее?

— Это произошло, когда закончился Ладнофакси.

Ригер поторопил Грейдона.

— Хаон и я вернулись за час до этого. Во Дворец проникало все больше индейцев. Дел было много. Пришли и потребовали, ссылаясь на древнее право, и те, на кого мы не рассчитывали, — более ста людей Старой Расы. Они поклялись в верности Матери. Говорят, что Суарра искала тебя и, не найдя, попыталась разыскать Кона. Пока она вас искала, ей доставили сообщение... от тебя!

Грейдон внезапно остановился.

— От меня? Боже мой, нет! — закричал он. — Как я мог послать ей сообщение? Я был на этом проклятом празднике. Я заставил Кона взять меня с собой. Я вернулся как раз перед тем, как ты появился.

Ригер беспомощно пожал широкими плечами.

— Но сейчас уже прошел час после полуночи. Праздник закончился за час до полуночи. А два часа разницы?

Грейдон почувствовал, что у него кружится голова. Может ли быть, чтобы он лежал, скорчившись за парапетом, в течение двух часов? Невозможно! Но даже если так...

Он выбросил руку и ударил гиганта в грудь так, что тот зашатался.

— Буть ты проклят, Ригер! — бешено закричал он. — Ты намекаешь, что в этом замешан я?

— Не говори глупостей, друг мой!

Гигант не высказал обиды.

— Разумеется, я знаю, что ты не посылал никакого сообщения. Но определенная правда в этом есть: будь ты здесь, Суарра бы не попала в такую ловушку. Представляется вполне определенным, что те, кто заманил ее в ловушку, должны были знать, что тебя здесь нет.

Как они узнали это? Почему они не попытались захватить тебя, когда вы возвращались? Возможно, Мать сейчас уже все знает. Она была в ярости. Та, кого она любила больше всех, украдена прямо у нее из-под носа!

Коридор оканчивался круглой дверью в стене. Ригер остановился, прикоснулся к стене, и дверь распахнулась, открыв маленькую круглую комнату. Ведя за собой Грейдона, Ригер вошел внутрь. Дверь закрылась, и у Грейдона появилось ощущение быстрого полета вверх. Пол остановился. Над его головой сияла звезда, он стоял на крыше Дворца.

Он увидел мерцание колец Женщины-Змеи и услышал ее голос. Голос дрожал от беспокойства, но ни укора, ни гнева в нем не было.

— Подойди ко мне, Грейдон. Ты, Ригер, вернись и принеси ему одежду одного из тех, кто покинул Ластру, — зеленый плащ и головную повязку с изумрудами. Не медли!

— Ты не будешь сурова с этим человеком, Мать? — пробормотал Ригер.

— Чепуха! Если здесь есть чья-то вина, то только моя! Иди и быстрее возвращайся, — ответила Мать.

Когда Ригер ушел, она подозвала к себе Грейдона, обхватила его лицо своими маленькими руками и поцеловала.

— Если бы даже в глубине души я хотела выбрать тебя, дитя мое, я бы не смогла этого сделать. Поскольку твое сердцеотягощено, ты обвиняешь себя и страдаешь. Виновата я! Если бы я не поддавалась побуждению, если бы я дала Нимиру обрести сплетенное на паутине тело, вместо того чтобы изуродовать его, он бы не нанес ответный удар, похитив Суарру. Я хотела

поколебать его волю, ослабить его с самого начала. Ох, зачем я оправдываюсь? Это мое женское тщеславие: мне хотелось показать ему мою силу. Я вызвала его на месть, и она не заставила себя долго ждать. Бина моя, и хватит об этом.

Мысль билась в голове Грейдона, мысль такая ужасная, что он боролся, чтобы не дать ей оформиться. И вот она нашла свое выражение в словах:

— Мать, — сказал он, — ты знаешь, что, послушавшись тебя, я ускользнул на праздник Созидателей снов. Когда Нимир изменился и после того как злая Созидательница снов упала и погибла, взгляд Нимира стал обыскивать ярусы, будто он искал кого-то. Я думаю, он подозревал, что я там. И направил свои мысли к тебе и спрятался в них от него!

Но Ригер говорит мне, что два часа прошли для меня незамеченными. За это время — хотя со мной был Кон, и он знает, что я даже не шевелился, — мог ли Нимир украсть мои мысли, использовать мой мозг с помощью адского искусства, чтобы выманить Суарру из Дворца? Мать, неделю назад я бы почитал такую мысль абсолютным безумием, но теперь, после того что я видел на празднике, она больше не кажется мне безумной.

— Н е т.

Она покачала головой, но ее сузившиеся глаза изучали его.

— Я не верю, что он знал, что вы были там. Я ис... Но мне никогда не приходило в голову проследить за вами...

— Он знал, что я там!

Уверенность пришла к Грейдону. И вместе с ней полное понимание ужасной мысли.

— Он снова поймал меня в ловушку, оставил меня там, словно птицу на ветке, намазанной птичьим клеем, пока не осуществит свою цель. Когда я возвращался, он не досаждал мне. А было это, когда Суарра уже попала в плен. Я думаю, вот что задумал Нимир. Обменять Суарру на меня. Он хочет получить мое тело. Он знает, что я не поддамся ему, чтобы избежать мучений или смерти, но чтобы спасти Суарру — ах, он знает, что я соглашусь. Итак, он обезвреживает меня. Я беспомощен, он захватывает Суарру. Он сделает предложение вернуть ее в обмен на то, что он хочет получить от меня.

— А если он сделает это предложение, ты согласишься?

Женщина-Змея наклонилась вперед, ее фиолетовые глаза глубоко заглянули в глаза Грейдона.

— Да, — ответил он.

Хотя его затрясло от бывшего ужаса перед Тенью, он знал, что сказал правду.

— Но почему он позволил тебе вернуться? — спросила она. — Почему, если ты прав, он не захватил вас после того,

как Суарра попала в ловушку, когда вы возвращались во Дворец?

— Ответ прост. — Грейдон улыбнулся. — Он знает, что я стал бы сопротивляться, боится, что это тело, которого он так жаждет, может быть повреждено, попорчено, возможно, даже уничтожено. Я слышал, как он сам очень ясно подчеркивал это. Зачем ему идти на риск, если он может заставить меня прийти к нему по собственной воле и совершенно неповрежденным?

Детская рука Матери обняла его и притянула его голову к своей груди.

— Как далеко вы продвинулись, вы, дети серых обезьянолюдей, — прошептала она. — Если то, что ты сказал, правда, я могу предложить тебе мало утешительного. Но правда также и то, что Нимиру придется долго думать, прежде чем отказаться от тела, которым он сейчас обладает.

Механизм, пославший питательный луч, разрушен. Я послала по этому лучу энергетический импульс, разрушивший механизм, так что Нимир не сможет снова по тому же способу соткать для себя одеяние, даже если сумеет сбросить то, которое он сейчас носит. Возможно, он сможет снова стать бестелесной, обладающей разумом Тенью и войти в тебя, если ты широко откроешь перед ним двери, но посмеет ли он рисковать в такой момент? Сейчас, когда я готова к удару, он не посмеет. Если бы он был уверен наверняка, что сможет войти в тебя, — да. Но он не может быть уверен.

Если он действительно задумал такую сделку, ему — пока не определятся результаты нашей битвы — следовало бы держать тебя возле себя, а затем, если он выиграет, надеть на себя твое чистое сильное тело. Если он сможет...

— Если он действительно это задумал, то в его рассуждениях есть большая брешь, — мрачно сказал Грейдон. — Если он уничтожит тебя, Мать, то вряд ли Суарра выживет, а тогда я очень быстро приведу мое тело в такое состояние, что он не сможет занять его — как прежде, когда я был его пленником, я намеревался сделать.

— Но, дитя мое, я не хочу, чтобы меня уничтожили. И Суарру, и тебя тоже, — деловито ответила Мать. — Я не намерена допустить нашего уничтожения. Однако прав ты или ошибаешься, судя по намерениям Нимира, все приходит к одному и тому же. Ты — единственный, кто может спасти Суарру, если ее еще можно спасти. Возможно, мое решение играет прямо на руку Нимиру. Хотя я не вижу, что может быть хуже, если мы будем просто ждать нападения. Если ты не сможешь этого сделать, то только приблизишь на несколько часов то, чего боишься.

Она высоко поднялась над своими кольцами. Птичий щебет полностью исчез из ее голоса.

— В одиночку и как можно скорее ты должен пойти в дом Ластру, встретиться с этим отродьем зла и его Повелителем Тьмы и отбить у них Суарру. Если ты не сможешь этого сделать, тогда я обещаю тебе вот что: ты не станешь жилищем для Нимира, потому что я, Адена, сотру с лица Земли Ю-Атланчи и все живое в нем, хотя, сделав это, я тоже должна буду погибнуть вместе с ними.

Она опустилаась. Мелькал красный язык.

— Ты бы согласился на это, Грейдон?

— Согласен, Мать, — твердо ответил он. — Если это уничтожение наверняка будет включать в себя и Нимира.

— На этот счет не затрудняй себя сомнениями, — сухо ответила она.

— Тогда чем скорее я выйду, тем лучше, — сказал он. — Господи, что же копается Ригер!

— Он идет, — ответила она. — Оглянись, где ты находишься, Грейдон.

В первый раз он сознательно за все время обратил внимание на это место.

Он стоял на круглой площадке, высоко поднятой над крышей Дворца. Над головой сияли звезды, на западе — заходящая луна. Справа и далеко внизу лежал город, мелькая огнями, словно паника обуяла стаю светлячков. До Грейдона слабо доносился гул города. По ту сторону озера на залитых светом утесах виднелись черные рты пещер колоссов.

Теперь Грейдон увидел, что площадка представляла собой круг шириной примерно в двести футов, окаймленный по краю высоким ободом янтарного металла.

Металлические основания, в которых стояли диски, были открыты. Внутри них находились продолговатые, выточенные из кристалла ящики, заполненные словно ртутью из систрама Матери. Из этих ящиков выдавались наружу кристаллические трубки, наполненные фиолетовым пламенем уничтожения в Пещере Утерянной Мудрости.

Поблизости от того места, где лежала Женщина-Змея, находилось странное приспособление, несколько похожее на чашу, из которой вздымался столб фиолетового света, но много меньшего размера и заканчивавшийся как бы прожектором, который мог поворачиваться и вверх, и вниз, и во всех направлениях. Приспособление также ошетинилось кристаллическими трубками.

Тут были и другие предметы, назначения которых Грейдон угадать не мог, но предположил, что они составляли содержимое

таинственных ящиков, спасенных для Матери. И здесь, и там по кругу площадки были расставлены семь огромных серебряных шаров.

— Адена в своем арсенале! — Она улыбнулась в первый раз за все время. — Если бы ты только знал, мой Грейдон, какое все это оружие! Я хотела сделать так, чтобы мы могли уничтожить в пещере все до того, как туда придет Нимир, и особенно этот подпитывающий луч, с помощью которого мои предки в древние времена создавали многие необычные вещи для пользы и для развлечения. Но всегда уничтожали их после использования. Айе.

Многие из них мне бы хотелось иметь сейчас, мне, которой совсем недавно так искренне хотелось надеяться, что Нимир найдет устройство, создающее этот луч. А, ладно... Подойди к ободу и просунь над ним руку.

Удивленный, он повиновался, вытянул руку над янтарным ободом и не почувствовал ничего, кроме воздуха.

Она наклонилась вперед и коснулась стержня на стоящей возле нее чаше. Над ободом вспыхнуло кольцо крошечных, как атом, искорок фиолетового света. Свет взметнулся вверх, в воздух на сто футов, сжался там в шар фиолетового огня и исчез.

— Теперь протяни руку, — сказала Мать.

Грейдон протянул. Его пальцы соприкоснулись с каким-то веществом.

Грейдон надавил ладонью. Вещество казалось слегка теплым, походило на стекло и создавало неуловимое ощущение непроницаемости. Шум города стих, Грейдона окружала абсолютная тишина. Он надавил на препятствие и ударил по нему сжатым кулаком. Грейдон ничего не видел, но там была стена. Женщина-Змея снова коснулась рычага. Рука Грейдона вошла в воздух так внезапно, что он едва не упал.

— Даже сильнейшие виды вашего оружия не могут проломить этого, Грейдон, — сказала она. — И у Нимира нет ничего, чтобы его пронзить. Если бы я могла растянуть эту стену вокруг Дворца, как могу окружить ею себя, не нужна была бы охрана. Однако в этом нет никакого колдовства. Ваши мудрецы полагают, что то, что вы называете Материей, есть не что иное, как сила, энергия, принявшая иную форму. Они правы. Все это — энергия, часть которой внезапно сделалась Материей, дитя мое, самой твердой. Ригер, ты не спешишь?

Отверстие, через которое они поднялись на площадку, извергло гиганта. В руке он держал маленький сверток с одеждой.

— Не самая легкая вещь — найти что-нибудь, чтобы ему было впору, — прогрохотал он.

— Сними свою одежду, — Мать кивнула Грейдону. — Одень эту. Нет, дитя мое, не смущайся. Вспомни, что я очень старая женщина.

Ее глаза проследили невольный жест смущения Грейдона.

— Пока одеваешься, слушай меня.

Грейдон принялся раздеваться.

— Дела обстоят сейчас так, — сказала Мать. — Я могу разрушить весь город или могу разрушить только дворец Ластру. Но такое оружие, когда я пускаю его в ход, не делает различия между врагами и друзьями. Суарра была бы убита вместе с другими. Поэтому это исключено.

Она посмотрела на Грейдона. В глазах ее читалось то, о чем она ему уже говорила.

— По крайней мере сейчас. Мы не можем послать вооруженный отряд, чтобы спасти ее, поскольку это означало бы открытое сражение, а прежде чем отряд смог бы добраться до нее, ее спрячут там, где мы не сможем ее найти. Это нужно сделать украдкой и ловко. Нужна смелость и постоянная находчивость, и сделать это должен один человек. Один человек сможет незамеченным пройти там, где много людей не смогут. Этим человеком не можешь быть ты, Ригер, потому что ты носишь слишком много приметных знаков отличия для успешной маскировки.

Им не может быть и Хаон, поскольку его сила не в храбрости и не в находчивости. Я вообще не могу предложить эту роль ни одному из жителей Ю-Атланчи. Это должен быть ты, Грейдон, и тебе придется идти одному. Ты — это последнее, что наши враги могли бы ожидать. По крайней мере, мы надеемся, что это так. Возьми с собой свое оружие.

Наполовину одетый, Грейдон одобрительно кивнул.

— Она в доме Ластру. Там ли находится Нимир или нет, я не знаю. Он затуманивает мой взгляд так же, как когда я пыталась отыскать в его берлоге, где находится Суарра. Мне все время препятствует непроницаемый мрак. Я говорила тебе, что Нимир более хитер, чем я думала. Но я могу послать твой взгляд туда, где расположен этот дом, Грейдон, так что ты узнаешь, как до него добраться. И еще в одном я могу помочь тебе. Но об этом позднее. Наклонись ко мне.

Она прижала ладонь ко лбу Грейдона, как тогда, когда посылала его взгляд в пещеру — тогда еще Нимир поймал его. Грейдону показалось, что он летит со скоростью бегущего человека и удаляется от Дворца. Он летел вдоль того переулка и этого, останавливался здесь и там, чтобы заметить приметы местности, и так — пока не долетел до построенного из опалов и бирюзы дворца. Вокруг дворца были насажены деревья,

с которых свисали длинные метелки красных и серебряных цветов.

В стенах и башенках дворца были огромные, забранные переплетами и решетками окна. За окнами был свет и движение множества людей. Свет и движение, пожалуй, Грейдон не увидел, а ощутил, поскольку, когда он попытался заглянуть внутрь, его взгляд наткнулся на что-то, что оказалось тонким темным туманом. Взгляд не мог проникнуть сквозь этот туман.

Обратно Грейдон вернулся с той же скоростью, снова оставившись над ориентирами, которые были его нитью в этом лабиринте переулков. Он стоял, чуть качаясь, рядом с Женщиной-Змеей.

— Ты знаешь дорогу! Ты ее запомнил!

Как и прежде, это были не столько вопросы, сколько команды. И, как прежде, он ответил:

— Я знаю, я запомнил.

Он понял, что каждый фут, отделявший Дворец от дворца Ластру, выгравирован в его памяти, как будто он прошел по этой дороге десять тысяч раз.

Мать Змей взяла украшенную изумрудами головную повязку, натянула ее на лоб Грейдона, набросила зеленый плащ на его плечи, поправила его так, чтобы складки плаща прикрыли рот и подбородок Грейдона, оттолкнула его и оглядела полным сомнением взглядом.

— В первый раз за все время, дитя мое, я сожалею, что в тебе нет той красоты, от которой я так устала. Ты выглядишь так — что-то среднее между эмером и человеком Старой Расы. Клянусь моими предками, почему бы тебе не родиться с голубыми глазами вместо серых? Почему у тебя от природы желтые волосы? Ну, этому нельзя помочь! Впрочем, тебя ждет удача: у них сейчас страшная неразбериха и нападения они не ожидают. Твоего нападения, без всякой посторонней помощи. А если ты проиграешь, я отомщу за тебя, как обещала.

Он склонился над ее рукой и повернулся, собираясь уйти.

— Подожди!

Она вытянула вверх свое тело, из губ ее прозвучал негромкий призыв, похожий на слабое эхо волшебных труб. Теперь Грейдон понял, что если те крылатые змеи, которых она называла своими Посланниками, были невидимы для него, то для нее — нет. Там, где перед Грейдоном лежала тень, раздались удары сильных крыльев. Воздух над Грейдоном закружился в водовороте, поднимаемом невидимыми крыльями. Мать вытянула руки. Каждой рукой, казалось, она взяла что-то из воздуха, поднесла ближе и всмотрелась. Ее глаза смотрели прямо в глаза тех, кого никто, кроме нее самой, не мог видеть. Мать начала тихо

и мелодично щебетать и посвистывать. На эти звуки из пустого воздуха возле ее губ слышался ответный щебет. Мать уронила руки.

Грейдон услышал шум крыльев вблизи над своей головой. Что-то коснулось его плеча и мягко обернулось вокруг верхней части руки. Вокруг талии обвилось кольцо.

Грейдон непроизвольно выгнул руку и схватил “это”. “Оно” имело тело змеи, но прикосновение к “нему” не вызывало ни ужаса, ни отвращения. “Оно” было прохладное, но не холодное. Для пробы Грейдон сомкнул вокруг “него” пальцы. Он подумал, что свившееся кольцом тело должно иметь в ширину дюймов восемь. Его озадачило, почему это создание весит так мало.

Потом он ощутил над головой быстрый пульсирующий вихрь, словно поднимаемый крыльями гигантского колибри. Грейдон понял, что ощущаемый им вес уменьшали крылья. И что создание своим объятием хотело придать ему уверенности.

Грейдон погладил создание, как погладил бы собаку. Кольца соскользнули.

Кружение крыльев продолжалось.

Прислушавшись, Грейдон подумал, что их здесь двое.

— Теперь иди, Грейдон, — сказала Мать, — иди немедленно. Эти двое будут сопровождать тебя. Ты не умеешь разговаривать с ними. Укажи на тех, кого ты хочешь убить, и они убьют их. Верь им. Они обладают разумом, Грейдон. Верь им. Иди!

Мать оттолкнула от себя Грейдона.

Вслед за ним повернул Ригер. Он довел Грейдона до края крыши Дворца. Там он нагнулся и вытащил толстую веревку, к концу которой был прикреплен похожий на кошку крюк. Он прикрепил крюк к карнизу и перебросил через край веревку.

— Вот твоя дорога, — хрипло сказал он. — Мать хочет, чтобы никто не видел, что ты покидаешь Дворец. Удачи тебе и возьми вот это!

Он засунул свой длинный кинжал за пояс Грейдону. Перекинув винтовку через плечо, Грейдон схватился за веревку и скользнул через парапет. Он скользил вниз, и его сопровождало кружение крыльев крылатых змей. Грейдон добрался до конца веревки и почувствовал прикосновение одного из Посланников. Тот торопил его.

Внезапно Грейдон мысленно увидел четкий, как прочерченный на карте, путь к дворцу Ластру. Он побежал по этой дороге, которую проследил его взгляд, когда Женщина-Змея коснулась его лба. Над ним, соразмеряя быстроту полета с его скоростью, били невидимые крылья.

НЕВЕСТА ЧЕЛОВЕКО-ЯЩЕРА

Ночь была ясная и светлая. Грейдон без труда находил путь, как будто его ноги давным-давно изучили каждый изгиб этой дороги. Вскоре он прекратил бег: во-первых, чтобы сохранить свои силы для того, что последует, во-вторых, чтобы меньше привлекать внимание со стороны тех, кто мог бы следить за ним.

Грейдон был уже поблизости от дворца Ластру, когда натолкнулся на первого встречного. Встреча доказала Грейдону беспощадный нрав живых рапир, определенных Матерью ему в услужение.

Из скрытого кустами переулка вынырнули два эмера, державшие копья и факелы, в которых вместо пламени светились золотым светом какие-то шары. За ними показались четыре индейца, несшие носилки.

В носилках сидел одетый в зеленое человек. Замыкали шестые еще двое охранников.

У Грейдона не было возможности ни отступить, ни спрятаться в тени. Сидевший в носилках помахал рукой, приветствуя Грейдона. Грейдон, придерживая свой плащ так, чтобы укрыть лицо, как только возможно, ответил коротким приветствием и попытался пройти мимо. Такое бесцеремонное поведение, очевидно, было не в обычае, поскольку встречный поднялся и что-то быстро сказал своим людям.

Затем он выпрыгнул из носилок и, вытащив меч, начал приближаться к Грейдону.

Оставалось сделать только одно, и Грейдон это сделал. Он указал на эмеров, а сам бросился на ю-атланчианца.

Он подпрыгнул под яростный выпад меча и в следующее мгновение одной рукой схватил запястье противника, а другой начал душить его. На тонкости времени не было. Метнувшись вверх, колено Грейдона ударило противника в пах. Боль, вызванная этим ударом, заставила того обмякнуть. Меч выпал.

Грейдон ткнул ему в сердце кинжалом Ригера.

Он не посмел пустить в ход свою винтовку. Поэтому, быстро нагнувшись, он поднял меч убитого и повернулся лицом к эмерам.

Они уже были мертвы.

Они лежали все восемь, проткнутые похожими на рапиры клювами, убитые прежде, чем смогли крикнуть или поднять хотя бы одно копьё, убитые за тот короткий момент, что понадобился ему, чтобы убить одного.

Грейдон посмотрел сверху вниз на их тела. Казалось невероятным, чтобы восемь жизней были оборваны за такое короткое время. Он услышал над головой жужжание крыльев этих созданий и посмотрел в направлении звука. Над ним, как бы прочерченные в воздухе невидимыми пальцами, виднелись две узкие темно-красные линии. Линии затряслись, с них полился крохотный дождь темно-красных капель.

Крылатые существа чистили свою клювы!

Грейдон продолжил путь. В сердце его была безжалостная радость. С него схлынуло все ощущение его одиночества. Он почувствовал себя так, будто за его спиной была целая армия. Преисполнившись уверенности, он ускорил шаг. Переулок заканчивался густой рощей цветущих деревьев.

Грейдон тихо прокрался сквозь рощу и встал там, где тень была наиболее глубокой. Не далее как в ста ярдах от него высился дворец Ластру.

Грейдон прикинул, что здание занимало несколько больше одного акра. Дворец был восьмиугольным, не очень высоким.

В центре поднимался мерцающий сапфирами и опалами купол. Формой купол походил на тот, который Тамерлан-завоеватель, восхитившись, доставил из Дамаска и украсил свой любимый Самарканд.

До самого выпуклого купола вздымались группами башенки. Они походили на маленькие беседки.

Восьмиугольные стены были окаймлены мерцавшей, будто лакированной, черепицей.

Драгоценные камни обрамляли прямоугольные овальные окна, их переплеты и извивы металлических, изящных, как кружево, решеток.

От основания окон отходила мозаичная мостовая из черного и белого полированного камня шириной тридцать футов. По краям выстроились тонкие золотые колонны.

Сквозь паутиновые занавески из каждого окна лился мягкий свет. Дверей с этой стороны здания не было.

По краю рощи Грейдон прокрался вперед. Между ним и мостовой открытым пространством протянулся ровный газон.

Ни одного наблюдателя Грейдон не видел, но повсюду из дворца доносился приводивший в замешательство приглушенный шум голосов. Грейдон крался по краю рощи, пока не добрался до зеленого выступа. Он осторожно прошел до его окончания и обнаружил, что теперь от колонн его отделяет не более пятидесяти футов.

Перед Грейдоном была другая сторона здания. На первом этаже было три овальных, почти соприкасавшихся окна, из которых лился яркий свет. Теперь голоса слышались более ясно.

Это были голоса мужчин и женщин. Голоса доносились из помещения, где сияли более яркие огни. Здесь рядом с колоннами стояла охрана: дюжина индейцев, вооруженных копьями и луками.

Грейдон стоял и колебался, не зная, что лучше предпринять. Он услышал доносившийся из помещения шум: крики и смех и звук труб, наигрывающих странную, похожую на джигу мелодию. Затем раздался насмешливый голос Ластру:

— Добро пожаловать, Суарра, добро пожаловать, невеста! Ну а теперь введите жениха!

Снова начался шум: аплодисменты, выкрики одобрения, смех.

Грейдон выскочил из-за прикрывавшей его тени деревьев и показал на охранников-эмеров. Он услышал свист рассекавших воздух крыльев и побежал к дворцу, сжимая винтовку.

Прежде чем он успел сделать второй шаг, он увидел, как упали два индейца, затем еще двое, а остальные заворуженно застыли, парализованные зрелищем того, как невидимая тень поражает их. Никогда Грейдон не видел таких быстрых клинков. Он не покрыл и половины протянувшейся перед ним пятидесятифутовой полосы, а все охранники уже лежали, вытянувшись на краю мостовой. Они были мертвы.

Точные, безошибочные, поражавшие со скоростью вылетающих из пистолета пуль клювы-рапиры отыскивали свои цели. Они били молча, и молча умирали эмеры.

Широко перешагнув через лежащее тело, Грейдон направился к занавешенным окнам. Была ли поблизости еще охрана, он не знал, да это его и не заботило.

Он действительно не думал об этом. На овальных окнах была решетка. Грейдон пошатнул решетку на первом окне, но она не сдвинулась с места. Решетка на втором окне под его рукой тихо качнулась. Грейдон щелкнул винтовочным предохранителем и, взяв оружие в левую руку, осторожно раздвинул правой паутину занавески и заглянул в помещение.

Его взгляд наткнулся на Суарру, и какое-то время Грейдон видел только ее и ничего больше.

Она стояла на возвышении в центре большой комнаты возле покрытого цветами ложа. Она была одета в зеленое платье, сквозь которое светилось ее белое тело.

На ее голове был венок из темно-красных цветов, ноги были босые.

Руки Суарры перекрещены на груди, и на запястьях Грейдон уловил блеск золотых наручников.

Ее рот был накрашен, щеки нарумянены, и эти пятна краски выступали на восковой бледности ее лица, словно на маске куклы.

Суарра и походила на восковую куклу: безжизненная, глаза закрыты, дыхание еле заметно. Как раз когда Грейдон смотрел на нее, она вздрогнула, покачнулась и упала на край ложа.

— Невеста, как подобает, взволнована приближением жениха! — пародируя специалиста по организации публичных зрелищ, подчеркнуто учтиво и звучно сказал Ластру. — Это — истерика, традиционное отношение. Ее девственность в тревоге. Небесные чувства обуревают ее! Но скоро, ах, скоро... Ха-ха-ха!

Ластру рассмеялся. Со всех концов комнаты ему ответил хор смеющихся голосов. Голова Суарры скатилась ниже.

Красные огни заплесали в глазах Грейдона. Ярость ударила в его сердце так сильно, что он едва не задохнулся.

Он овладел собой, поле зрения очистилось. Он увидел, что возвышение кольцом окружали низкие ложа, а на них сидело и возлежало множество ю-атланчанцев.

Они были так красивы, что могли бы быть ангелами, но сквозь эти личины совершенства проглядывали дьявольская жестокость и холодная похоть. Их направленные на Суарру глаза искрились, и в них не было жалости.

В дальнем конце комнаты, полусогнувшись, с одним коленом на ложе, с рукой, ласкавшей волосы лежавшей на ложе женщины, расположился Ластру. Грейдон с радостью, заглушившей на мгновение его яростный гнев, отметил, как примят безупречный когда-то нос и по-прежнему безобразен рот.

Это были следы, оставленные его кулаком. Он отвернул взгляд от Ластру, быстро проверяя, где расположены ведущие в комнату двери и есть ли охрана.

Здесь была только одна дверь, занавешенная, как и окна, и никакой охраны, по крайней мере в самой комнате, не было.

Что ж, это хорошо.

Ластру — легкая цель. Лучше всего войти в комнату, всадить пулю в его голову, выстрелить еще несколько раз. Схватить Суарру и бежать с ней, прежде чем остальные придут в себя от неожиданности.

Грейдону очень не хотелось позволить этому насмехавшемуся дьяволу умереть так легко. Он бы предпочел пустить в ход весь набор снаряжения средневековой камеры пыток. Однако нельзя было сделать ни того, ни другого. В конце концов, он входит в игру, рассчитывая на тот счастливый случай, что здесь нет Повелителя Тьмы. Да, это лучший вариант.

Черт! Он вообще забыл о своих лучших козырях. Два Посланника Матери! С ними да с винтовкой он может сорвать банк в этой дьявольской компании. Где они?

Как бы в ответ на его мысль, он ощутил, как коснулись его с каждой стороны их крылья. Он понял, что эти создания готовы к удару и ждут, когда через окно войдут вместе с ним в комнату.

Напрягаясь для прыжка, он бросил быстрый взгляд на Суарру и теперь увидел то, чего не заметил раньше: между ней и дверью образованный ложами круг замыкался, оставляя широкий, ведущий прямо к возвышению проход.

Как раз когда он смотрел туда, паутинные занавески раздвинулись, и в дверь вошли две обнаженные индианки, несущие большие, наполненные цветами корзины.

Идя по комнате, индианки полными горстями разбрасывали цветы по полу.

Держась близко к ним, сзади шли четыре вооруженных палицами эмеры.

— Взирайте! — нараспев сказал Ластру. — Жених!

В дверь неуклюжей походкой вошел человеко-ящер.

Он был одет, как и Суарра, в тонкое зеленое одеяние, сквозь которое поблескивала, будто он был натерт маслом, его жесткая желтая кожа. Его красные глаза, вызывающие и злобные, метнулись налево, направо. На его чешуйчатой голове был надет веноч из белых цветов, из которых торчал отвратительный красный гребень.

Откуда-то снова громко зазвучала та же быстрая, напоминающая джигу мелодия.

Красные глаза человеко-ящера упали на скорчившуюся на возвышении фигуру девушки. Губы поползли по рылу назад, обнажая желтые клыки. Человеко-ящер прыгнул вперед.

— Господи!

Грейдон застонал и выстрелил прямо в занавеску.

Прыжок человеко-ящера был прерван, будто он получил смертельный удар.

Он перекувыркнулся в воздухе и упал. Верхушка его головы была снесена.

Грейдон перепрыгнул через низкий подоконник окна. Вскинув винтовку, он выстрелил снова — в Ластру.

Когда прозвучал выстрел, повелитель динозавров упал позади ложа, но Грейдон знал, что он промахнулся. Прекрасно, он его достанет попозже. Теперь эмеры. Он поднял винтовку... Эмеры были мертвы!

Крылатые змеи! Он снова забыл о них. Сейчас они уже не ждали его приказаний. Охранники лежали убитые.

— Суарра! — позвал Грейдон. — Ко мне!

Она стояла и с недоверием пристально смотрела на него. Шатаясь, она шагнула к нему.

Без всяких угрызений совести Грейдон разомкнул круг, по-
слав пули в головы двух гостей, сидевших на ложах между ним
и Суаррой. Это послужит уроком остальным. Но сейчас лучше
никого не убивать. Лучше не напускать на них Посланников,
пока Суарра не окажется рядом, не допускать шума, а затем
отправить их всех в ад, которому они принадлежат.

Если бы он только знал, как объясняться с Посланниками!
Он бы наслад их на Ластру, но нельзя же просто сказать им:
“Возьми его, Топси!” — или что-нибудь в этом роде.

— Суарра! — позвал он снова.

Она соскользнула с края возвышения и уже бежала к нему.
Надо было смотреть за дверью. Те выстрелы должны были быть
услышаны. А что там с открытым окном за спиной? Ну нельзя
наблюдать в двух противоположных направлениях сразу...

Суарра была уже рядом с ним.

— О, мой любимый! — услышал он ее прерывистый шепот.

Он почувствовал, как прижались ее губы к его плечу.

— Скорее, дорогая! Нам нужно в безопасности выбраться
отсюда! — сказал он.

Он не отводил ни глаз, ни винтовки от круга молчащих
гостей и входной двери.

Ему хотелось понять, дадут ли они ему и Суарре выйти из
дома. Лучше бы эта мысль осенила его мгновением раньше!
Напустить на них крылатых змей и, пока Посланники убивают,
бежать через окно. Потом Посланники следуют за ними, дого-
няют их и прикрывают их отступление...

Слишком поздно.

В открытом дверном проеме, появившись внезапно, будто
сконденсировался из воздуха, стоял Нимир!

Слишком поздно. Бесполезно выпускать крылатых губи-
телей, бесполезно пытаться бежать. Грейдон ясно сознавал это.
Он попал в ловушку Нимира и должен принять условия сделки.
Грейдон опустил оружие и ближе привлек к себе Суарру.

Сомнение вдруг охватило Грейдона. Была ли это ловушка
Нимира? Повелитель Зла сделал шаг вперед, вошел в комнату
и с изумлением в бледно-голубых глазах уставился на Суарру и
Грейдона.

Рядом с ним встал, поднявшись с пола, Ластру, пожирая их
глазами, и насмешливо и злорадно указал на Суарру и Грей-
дона.

Грейдон вскинул винтовку и прицелился. Прежде чем он
успел нажать на спусковой крючок, длинная бесформенная рука
Нимира схватила Ластру и толкнула его под защиту своего тела.
Винтовка выплюнула огонь. Грейдону показалось, что пуля
прошла сквозь грудь Нимира.

Не обращая на это внимания, молча, Повелитель Зла перевел изумленный взгляд с мужчины и девушки на тело урда и на венки из белых цветов, пожелтевший от крови человеко-ящера. При виде зеленой свадебной одежды, разорванной в предсмертной агонии, взгляд его стал насмешливым.

Глаза Нимира перешли от сплетенного из цветов венка на мертвых эмеров, на усыпанное цветами ложе на возвышении и снова остановились на одетой в зеленое платье Суарре.

Грейдон увидел, что теперь Нимир понял все.

Припавшее к земле лягушачье тело, казалось, выросло, выпрямилось. Венчавшее его прекрасное лицо Люцифера сделалось бледным и твердым, как высеченное из камня, бледно-голубые глаза стали словно лед. Нимир обернулся и схватил Ластру, подняв над головой, как будто хотел разбить его об пол. Зажатый в тиски, повелитель динозавров крутился и тщетно сопротивлялся.

В течение мгновения Повелитель Зла продержал так Ластру, затем справился с охватившей его вспышкой гнева, опустил Ластру и толкнул его вниз. Тот распростерся ничком у ног Нимира.

— Ты дурак! — сказал Нимир. Голос его был пугающе невыразителен. — Свою похоть и свою ненависть ты противопоставил моей воле! Разве я не говорил тебе, что надо содержать ее в безопасности и неприкосновенности? Разве я не сказал тебе — почему? Как ты посмел сделать это? Отвечай, дурак!

— Я обещал ей, что выдам ее замуж за урда. Я выполняю свои обещания. Что изменило то, что я сделал? Чужестранец явился на твой вызов. Ничего нельзя знать заранее, пока не будет уже слишком поздно. Никакого вреда не причинено, поскольку ты получил его. И даже несколько раньше, чем ты планировал, Повелитель Тьмы!

В голосе Ластры не было страха, а в его обращении к Нимиру явно слышалась высокомерная насмешка. Нимир не ответил. Он смотрел на Ластру сверху вниз с непроницаемым выражением. “Упрямый парень, этот Ластру, — подумал Грейдон. — Насквозь прогнивший, но сломать его трудно”.

Грейдон внимательно смотрел на чудовищное тело, на лицо павшего ангела, на великолепную голову, видел величественную мощь и красоту этой головы. Он ощутил острый приступ жалости к Повелителю Зла.

В конце концов, почему бы не дать ему иметь тело, гармонирующее с этой головой? Грейдон видел, как получилось, что голова Нимира была насажена на это чудовищное тело. Это было отвратительно. Нимир так долго стремился получить настоящую оболочку. Женские фокусы. Это был нечестный прием.

Внезапно Грейдон осознал, что на него направлены глаза Нимира, что Нимир читает его мысли.

— В конце концов, мы не так уж далеки друг от друга, Грейдон! — сказал Нимир.

В голосе его была та же привлекательность и мелодичность, которой сопротивлялся Грейдон, когда боролся с Нимиром, восседавшим в виде Тени на агатовом троне.

Это потрясло Грейдона и привело его в чувство. В конце концов, не его дело жалеть Нимира. Его дело — избавить Суарру от опасности и, если получится, спастись самому.

Холодные глаза Повелителя Зла поглубели.

В них светилось дружелюбие — подлинное или напускное.

— Я должен поговорить с тобой, Грейдон.

— Я знаю это, — мрачно ответил Грейдон. — И лучше всего это сделать здесь, Нимир, и сейчас.

Повелитель Зла улыбнулся, и улыбка осветила темную мощь его лица, придала ему ту опасную привлекательность, которая таилась в мелодичной сладости его голоса.

Грейдон ощутил это очарование и собрался с силами, чтобы не поддаться ему.

— Кстати, Ластру! Не уходи отсюда, пока я не разрешу тебе. Проследи, чтобы нам ничто не помешало. Предупреждаю тебя в последний раз!

Ластру неторопливо поднялся, бросил на Суарру и Грейдона безразличный взгляд, дошел до своего ложа, упал рядом с лежащей там женщиной и обнял рукой ее шею.

Неуклюжей походкой Повелитель Зла направился к Грейдону. Грейдон ощутил, как, потеряв над собой контроль, задрожала Суарра. Когда Нимир был уже только в трех шагах, Грейдон схватил кинжал Ригера и приставил его острие к груди девушки, к ее сердцу.

— Остановись, Нимир, — сказал он. — Это достаточно близко. И сперва выслушай меня. Я знаю, чего ты хочешь, и согласен обсудить это. Если мы не сможем прийти к соглашению и если я буду убежден, что мы не сможем спастись, я убью Суарру. Она согласна. Разве это не правда, Суарра?

— Это правда, любимый, — спокойно ответила Суарра.

— Тогда, — продолжал Грейдон, — я предприму против вас все, что в моих силах.

Он коснулся винтовки.

— Если я обнаружу, что не смогу остановить тебя, то последнюю мою пулю я использую, чтобы разнести мой череп, а это, я думаю, тебе не понравится. Но я это сделаю, я намерен это сделать, Нимир.

Повелитель Зла снова улыбнулся.

— Я верю тебе. И это, как ты и предполагаешь, последнее, что мне бы хотелось видеть случившимся. Но если ты будешь благоразумным, это не придется делать.

— Я готов проявить это благоразумие, — сказал Грейдон, — но только на взаимной основе. Ты меня понимаешь.

Повелитель Зла поклонился, потом некоторое время рассматривал его, не произнося ни слова. В душу Грейдона вкралось ощущение нереальности происходящего, как если бы он участвовал в какой-то игре, где реально не рисковал и где он мог выбирать линию поведения по своему выбору и управлять ситуацией. Он полностью потерял чувство того, как безнадежно мрачна окружающая ситуация, отчего каждый нерв и каждая мышца напряглась, как тетива туго натянутого лука.

Странное дело, это ощущение нереальности происшедшего ободрило его. Более того, он преисполнился жизнерадостной и хмельной беспечности, но ему и в голову не пришло, что это ощущение может быть создано Повелителем Зла. Тогда не пришло.

— Ты не сможешь уйти, пока я не позволю тебе, — сказал Нимир. — Ни ты, ни она. Ты не сможешь причинить мне вреда. Я вижу летающих слуг Адены. Они тоже не смогут навредить мне. Это правда, Грейдон. Мое тело, созданное так, как оно было создано, не во всем подобно вашему. Оно материально, да, но до известной степени. Пусти в него свои металлические снаряды, погрузи в него свой кинжал — они не смогут повредить мне. Если ты не веришь, попробуйся, Грейдон.

Нимир распахнул плащ, открыв искривленную бочкообразную грудь. Он стоял, ожидая. Решив на мгновение принять вызов, Грейдон поднял винтовку и опустил ее: бесполезная трата патронов. Нимир говорил правду.

Повелитель Зла прикрыл свой чудовищный торс.

— Но тебя и Суарру я могу уничтожить, и очень легко. Однако здесь мы снова ничего не добьемся, поскольку я хочу запустить тебя, Грейдон, в неповрежденном, скажем, виде.

— Уже раньше ты внес в этот вопрос полную ясность, — резко сказал Грейдон. — В таком случае — что?

— Мне было бы легче заключить с тобой сделку, если бы этот своенравный дурак не испортил мой план, — ответил Нимир. — Из-за некой мысли обо мне и Змее-Женщине, промелькнувшей у тебя не так давно. Прошло так много времени с тех пор, как кто-либо с добром думал обо мне, — сказал Нимир.

Он рассмеялся:

— Странно, но я нахожу это приятным.

— Сделка? — нетерпеливо спросил Грейдон.

— Совершенно верно, — мягко сказал Повелитель Зла. — Я никогда не намеревался рассматривать это мое тело как постоянное. Даже если бы оно не было изуродовано, оно было бы только временное. Нет, Грейдон, гораздо больше я предпочитаю добрые человеческие плоть и кровь. Такое тело при правильном обхождении может жить вечно. Как я уже говорил тебе, я больше всего предпочитаю ваше. Поэтому я отошлю тебя и Суарру в целости и невредимости обратно во Дворец, и даже с почетной охраной, если...

— Я ждал этого “если”, — сказал Грейдон.

— Если ты обещаешь мне следующее. Если я выиграю предстоящую битву, ты приходишь ко мне добровольно и, после того как я отброшу используемую в настоящее время оболочку, позволишь мне войти в твое тело в качестве постоянного жильца. Я подразумеваю, разумеется, не единственного его жильца. Короче говоря, я снова предлагаю: твоим обиталищем мы с тобой владеем совместно — не в тесноте и не в обиде.

Повелитель Зла улыбнулся.

— Вполне справедливо, — сказал Грейдон. — Я согласен.

— Нет, любимый! — закричала Суарра.

Она вцепилась в него.

— Лучше смерть для нас обоих!

— Я не думаю, что он выиграет, дорогая, — сказал Грейдон. Хмельная беспечность, охватившая его, усилилась.

Эта сделка — мелочь, и выглядит она, черт возьми, намного лучше, чем я ожидал. Пожалуй, тут нужен спортивный подход. А даже если выиграет — что ж, он, Грейдон, всегда был сильным.

Он сможет вступить в борьбу с этим “напарником”, когда тот займет место в его мозгу рядом с ним, завладеть контролем над ним, чтобы ему стало тошно от этой сделки. В худшем случае, мягко выражаясь, жизнь делается интересной.

Черт, откуда берутся такие мысли?

Почему он стал думать подобным образом? Слабость. Неважно, он должен спасти Суарру. Это единственный способ.

— Я знаю, что я выиграю, — мягко сказал Нимир. — Ты это тоже знаешь, не спорь, Грейдон!

— Нет, — сказал Грейдон.

Он сбросил с себя незаметно охватившие его волшебные цепи беспомощной уступчивости. Он глубоко вздохнул всей грудью. Ушли безрассудство и ощущение нереальности происходящего. Их место заняли горький гнев и жестокая решимость.

— Нет, я не знаю этого, Нимир. И не окутывай меня больше своим колдовством, или я могу принять решение покончить со всем прямо здесь и сейчас. Пусть будет так! Я согласен! А теперь позволь нам уйти!

— Х о р о ш о.

Повелитель Зла смеялся. Медоточивость, пропитывавшая шепот Тени, еще сильнее слышалась в этом смехе.

— Сейчас ты еще больше укрепил мою решимость выиграть, Грейдон, хотя я и так знаю, что моя победа — неизбежна. Осталась еще только одна деталь. Я не стану требовать, чтобы ты оставался во Дворце во время моего маленького спора с Женщиной-Змеей. Действительно, я не думаю, чтобы ты был способен на это.

Он посмотрел на Грейдона. В бледных глазах искрой мелькнуло веселье.

— Но теперь, поскольку я так лично заинтересован в тебе, наверняка я имею право требовать, чтобы были приняты все меры предосторожности. Что ж, используем вежливую фразу: чтобы то, из-за чего заключили договор, сохранилось в пригодном для пользования состоянии! Поэтому тебе придется одеть это...

Он вытащил из-за пояса широкий ошейник из слабо светящегося металла. Держа ошейник в руке, он шагнул вперед.

— Что это? — подозрительно спросил Грейдон.

— Кое-что, что, наверное, не даст моим могучим слугам случайно убить тебя, — ответил Повелитель Зла. — На тот случай, если вас вышвырнут из Дворца. Я не сомневаюсь, что ты скажешь Адене об этом. Увидев это, она полностью поймет, каковы мои намерения. Право, это дает вам определенные преимущества. Я отказываюсь, однако, от более обильного вознаграждения. Подойди!

В голосе Нимира зазвучал вдруг неумолимый приказ.

— Это — необходимо. Если ты этого боишься, то знай: это не даст мне власти над тобой. Но пока ты этого не сделаешь, девушка уйти не сможет.

Грейдон наклонил голову и почувствовал, как коснулись уродливые пальцы его горла, и услышал щелчок, с которым они застегнули ошейник на его шее.

Он услышал всхлипывания Суарры.

— А теперь, — сказал Повелитель Зла, — пойдем к эскورتу, который проводит вас обратно к Адене, так настойчиво пытающейся увидеть, что произошло с вами, такой разозленной, потому что она не может этого сделать. Следуйте за мной.

Неуклюжей походкой он направился к двери. Суарра и Грейдон — рука к руке — последовали за ним. Они прошли сквозь разомкнутое кольцо молчавших и пристально разглядывавших их воинов, прошли мимо отвратительного тела человеко-ящера и эмеров, убитых крылатыми змеями.

Проходя мимо них, Грейдон услышал над головой шелест крыльев своих невидимых охранников. Он подавил побуждение натравить их на Ластру.

Повелитель Зла шел впереди. Они вышли из комнаты в огромный холл, заполненный воинами-эмерами, отступившими, когда мимо них проковылял Нимир.

Они отступили и дали им пройти, но губы их были сомкнуты, а лица ничего не выражали. Грейдон заметил, что они тайком посматривали на тускло светившийся, замкнутый на его шее ошейник, и увидел, что по их лицам быстро разлилась бледность.

Наконец они вышли к входным дверям дворца. Нимир подождал командира воинов и быстро дал ему несколько приказаний.

Были принесены двойные носилки. Их внесли восемь сильных, одетых в зеленые юбки носильщиков.

Нимир учтиво помахал Суарре и Грейдону рукой.

Носильщики подняли носилки. Множество воинов окружили их.

Двери распахнулись, и в них прошел почетный караул Грейдона и Суарры.

— До следующей встречи.

Повелитель Зла улыбнулся.

— Возможно, она никогда не состоится, — от всей души ответил Грейдон.

— Я предвижу, что мы вместе проведем много прекрасных столетий! — сказал Повелитель Зла.

Он рассмеялся.

Под этот смех, все еще звеневший в их ушах, Суарра и Грейдон вступили под тень деревьев.

Внезапно Суарра обхватила руками его шею и прижала голову к своей нежной груди.

— Грейдон, любимый, я боюсь. Я очень боюсь! Это была слишком большая цена, любимый! Было бы много лучше, если бы я убила себя до того, как пришел ты, до тех пор, пока не сделалось слишком поздно, и они заковали меня, и тогда я уже не могла убить себя.

Он тоже был до крайности испуган. Он успокоил ее, как только мог.

Наконец они добрались до Дворца.

Они подождали, пока офицер во главе отряда своих людей поднялся по широким ступенькам, на ходу сигнала факелом. Грейдон услышал окрик — грохочущий голос Ригера.

Затем по широкой лестнице прыжками сбежал гигант и подскочил сбоку к их носилкам. Подняв, он вытащил их оттуда и обнял, словно своих детей, вернувшихся с того света.

Одетая в зеленые юбочки, охрана, отдав честь, стояла, внимательно глядя на то, как они шли к массивным дверям.

Грейдон услышал шум крыльев крылатых змей, устремившихся вверх, туда, где их ждала Мать. Обернувшись, он увидел, что эскорт пустился в обратный путь.

Он ощутил огромную усталость и покачнулся. Его подхватила сильная рука Ригера и, поддерживая, повела вперед.

Двери Дворца, лязгнув, закрылись за Грейдоном.

Г л а в а 25

ОШЕЙНИК НИМИРА

Нежные руки Суарры ласкали Грейдона, она бормотала отрывочные слова, в которых смешивались жалость и нежность. Он поборол охватившую его слабость и вырвался из рук Ригера.

Огромный вестибюль был заполнен одетыми в голубой цвет Матери воинами-индейцами и немалым количеством ю-атланчианцев.

Эти последние тут же большими, нетерпеливыми шагами двинулись к Грейдону. Их обычная невозмутимость отступила перед съедавшим их любопытством, но Ригер взмахом руки отодвинул их в сторону.

— К Матери. И немедленно. Суарра, ты не пострадала?

Она покачала головой, и Ригер заторопил их двигаться дальше. Взгляд его упал на metallический ошейник на шее Грейдона, и он остановился, уставясь на него в замешательстве.

— Знак Нимира!

Грейдон безрадостно рассмеялся. Гигант быстро потянул руку, будто хотел сорвать с него этот ошейник.

— Нет! — Грейдон оттолкнул его. — Это не так легко, как все прочее, Ригер.

Гигант тревожно взглянул на ошейник и нахмурил брови.

— Этим займется Мать, — сказала Суарра. — Быстрее, ибо ночь на исходе.

Она взяла Грейдона за руку и поспешила с ним вперед, оставив Ригера двигаться следом. Они шли широкими коридорами, заполненными эмерами и маленькими группами людей Старой Расы, не останавливаясь даже для приветствия, пока не вышли к изогнутому контрфорсу, от которого отходила колонна, ведущая в святая святых Женщины-Змеи. Оттуда они вышли на крышу Дворца.

— Мать! — закричала Суарра.

Сверкнул метнувшийся к ней светящийся розовый жемчуг волнистых колец Адены.

Ее тело поднялось рядом с девушкой, детские руки обвили шею Суарры и притянули ее голову к маленькой груди. В первый раз за все время Грейдон услышал в голосе Женщины-Змеи что-то подозрительно смахивающее на человеческие рыдания.

— Дочь моя! Суарра!

Суарра прикинула к ней, плача, а напоминавший по форме сердце рот Матери целовал и ласкал облако ее волос.

Мать подняла голову и протянула руку по направлению к Грейдону. Ее взгляд упал на ошейник Нимира. Она выпрямилась негнушным телом, глаза ее расширились, шея резко качнулась вперед, выскочил и мелькнул заостренный красный язык раз, другой, как у змеи.

Она выскользнула из рук Суарры, отпустила ее и коснулась лба и груди Грейдона, затем обхватила своими крошечными ладонями его лицо и глубоко заглянула в глаза. Постепенно в фиолетовых озерах появилась жалость, соболезнование и понимание. Возможно, это Грейдону только показалось.

— Так! — прошептала она.

Она уронила руки.

— Вот что он задумал.

Ее взгляд обратился внутрь, будто она, уже не видя их, не сознавая, что они рядом, разговаривала сама с собой.

— Но ему не захочется пустить в ход это оружие вплоть до последнего момента. У меня есть чем ответить, да! Но я не хочу пускаться в ход эту силу. Не хочу, так же, как и он. Клянусь моими предками, будь у меня хотя бы один из моего народа, который встал бы рядом со мной, да и будь у меня еще хоть кто-нибудь из Повелителей, который встал бы рядом с Тиддо, я бы не боялась. Ладно, выбора нет.

Если мы, Нимир и я, высвободим эти силы, с которыми мы не можем совладать снова, не распространится ли разрушение, как мгновенный мор, на весь вращающийся шар? Неужели Земля сделается безжизненной пустыней? Но тогда Нимир и сам не сможет избежать уничтожения.

Ее взгляд снова обратился на Грейдона.

— Дитя, — сказала она мягко, — не отчаивайся. Так ты пожалел Нимира, не так ли, и заключил с ним сделку? А он тем временем с такой ловкостью отравлял твой разум? Ладно, я предполагаю, что так было предначертано. И это произошло. В случившемся нет твоей вины. Это я, хотя и ненамеренно, создавала эту ловушку, я, когда, поддавшись своему женскому тщеславию, изменила во время Ландофаксии его облик по своей прихоти. Случившееся — всего лишь следствие того, что я сделала. Тебе ничего другого не оставалось делать, а могло быть и хуже.

Оставим лежать игральные кости так, как они упали. О, не смотри на меня так! Здесь нет никакого волшебства. Я прочла твои мысли, вот и все. Но я хочу выслушать эту историю, высказанную словами. Суарра...

Она повернулась к девушке и увидела, по всей вероятности впервые, свадебное зеленое платье и накрашенные губы и щеки. Когда она увидела все это, в ее взгляде сфокусировались и весь ее гнев на Нимира, и все ее часы тревоги за Суарру. Последовал взрыв. Резко выбросив руки, она сорвала платье с девушки, оставив ей только прелесть ее белого тела.

— Пойди туда и вымой себе лицо! — прошипела Мать Змей.

Она была рассержена, как могла быть рассерженной воспитанная в старых традициях женщина, поймавшая дочь на том, что та тайком залезла в банку с помадой.

Девушка глотнула воздух, затем белой, как слоновая кость, тенью ускользнула в тьму, окружавшую подушечное гнездо Адены.

Грейдон, несмотря на всю его усталость и тревогу, засмеялся. Это была одна из человеческих по характеру вспышек, от которых пропадал путающий мысли страх перед этим абсолютно нечеловеческим созданием и пропадало ощущение ее ужасающей необычности.

Такие вспышки заставляли его сомневаться в своих сомнениях, которые, будучи достаточно сильными, тем не менее никогда не вспоминались ему, когда он оказывался рядом с ней.

Мать рассерженно посмотрела на него, подняла руку, будто наполовину решившись отшлепать его, потом скользнула вслед за Суаррой. Грейдон услышал, как она мягким, наполненным раскаянием голосом разговаривала с Суаррой. Затем она позвала его.

Рядом с ней тускло пульсировал осветительный шар. В его свете Грейдон увидел, что Суарра завернулась в наглухо закрывавший ее плащ и что лицо ее отмыто от краски. Она быстро посмотрела на него и опустила голову. Женщина-Змья рассмеялась и сблизилась щекой к щеке их лица.

— Не думай об этом, дитя мое, — сказала она. — Я уверена, что он знает, как выглядит женское тело. А Ригер достаточно стар, он мог быть по крайней мере твоим прадедушкой. Подойди сюда, Ригер. А теперь расскажи нам, дочь моя, что произошло. Выпей это.

Она склонилась к ящику, достала оттуда маленький фиал, наполнила выточенный из кристалла кубок водой и влила туда каплю жидкости из фиала. Суарра отпила маленький глоток и передала кубок Грейдону. Он отпил, трепет прошел по его телу, и усталость исчезла. Он расслабился, мозг сделался ясным.

Грейдон сел, откинувшись, рядом с Ригером и начал слушать Суарру.

В том, что она рассказала, для него было мало того, чего бы он уже не знал, если не считать истории, как она попала в ловушку. После того как она вышла от Матери, к ней подошел предводитель эмеров. Он выглядел как один из тех беглецов, которые пришли из разгромленного убежища Хаона. Он сказал ей, что принес послание Грейдона, находящегося сейчас на нижней террасе Дворца. Грейдон обнаружил что-то, и он хочет, чтобы она увидела это, прежде чем они вместе пойдут с новостью к Матери. Грейдон приказал посланцу отыскать ее и отвести туда, где он ее ждет.

Чрезвычайная простота и дерзость этой уловки заманили Суарру в ловушку.

Она знала, что террасы Дворца охраняются, и ей никак не пришлось в голову усомниться в подлинности зова. Она прошла на нижнюю террасу. По дороге она миновала несколько отрядов охраны и ответила на их окрики. Она как раз проходила мимо одного из этих отрядов, когда ей на голову накинута плащ, а затем подняли в воздух и понесли.

— Это были люди Ластру, — сказал Ригер. — Они убили наших охранников и заняли их место. Одежда на них была цвета Матери. Мы обнаружили их тела там, где их кинули на террасу.

Они вышли под сень деревьев, и Суарра продолжила. Ей связали запястья и лодыжки, положили ее на носилки и доставили прямо во дворец Ластру. Там женщины-индианки нарумянили ее и одели на голову венки. Прежде чем она успела заподозрить, что они намереваются сделать, они раздели ее, облачили в зеленое платье и сковали золотыми наручниками. Затем ее отвели в комнату, где ей пришлось услышать из усмехающихся губ Ластру, что именно он для нее приготовил. Так ее и нашел Грейдон.

Женщина-Змея слушала, голова ее с угрозой раскачивалась взад-вперед, глаза блестели. Она не задавала вопросов и не прерывала Суарру.

— Ригер, — сказала она спокойно, когда Суарра закончила, — пойди сейчас же и удостоверься, что больше не осталось дверей, через которые могла бы проползти какая-нибудь крыса Нимира. Потом поспи, сколько сможешь, поскольку с рассветом все во Дворце должны бодрствовать и быть на своих постах. А когда настанет следующий рассвет, либо я потерплю поражение, либо Нимир. Суарра и Грейдон, вы оба остаток ночи проспите возле меня.

Когда Ригер вышел, она взяла руку Грейдона обеими руками.

— Дитя, — сказала она мягко, — не бойся. Вы будете спать глубоким сном, и ни страх перед Нимиром, ни сны не потревожат вас. До рассвета остается еще четыре часа. Я разбужу вас, и тогда мы поговорим о том, что нужно сделать. Я имею в виду — насчет этого.

Она дотронулась до зловеще поблескивавшего ошейника.

— И насчет остального. А теперь выпей это. И ты тоже, Суарра.

Она снова нагнулась к своему ящику, вытащила из него еще один фиал и уронила из него в кубок бесцветную капельку.

Грейдон и Суарра отпили из кубка. Суарра зевнула, опустилась на подушки и, засыпая, улыбнулась Грейдону.

Ее глаза закрылись. Грейдон почувствовал, как восхитительное оцепенение, крадучись, охватывает его. Он позволил своей голове упасть на подушки и еще раз взглянул на Женщину-Змею.

Вытащив систрум, она подняла его вверх. Из систрума вырвался узкий пучок молочно-белого света. Женщина-Змея направила луч и начала очерчивать им все расширяющуюся спираль.

Она подавала сигнал. Он сонно удивился: кому? Или — чему? Он провалился в сон.

Его разбудило прикосновение Матери. Он посмотрел в ее склонившееся над ним лицо. Ее фиолетовые глаза сделались громадными и фосфоресцировали. Грейдон вскочил на ноги.

На краю площадки стоял Повелитель Глупости, всматривался куда-то в направлении севера. Возле него было алое тело Кона, человеко-паука, и черное туловище Ригера.

Суарра еще спала, прикутившись щекой в изгибе белой руки, вытянувшейся из-под шелкового покрывала.

Грейдон вздрогнул, ощутив внезапный озноб, ибо впервые, с тех пор как он вступил в пределы Запретной Страны, небо было затянато тучами. Облако висело низко, не более чем в трехстах футах над Дворцом.

Над головой и вокруг слышался непрекращающийся шелест и шорох, словно кружили бесчисленные огромные птицы, ритмично бьющие по воздуху невидимыми крыльями.

Крылатые змеи! Посланники Матери. Это их вызвала она.

Адена взяла Грейдона за руку, скользнула вместе с ним к краю площадки, протянула ему линзу, похожую на ту, которой он пользовался в убежище Хаона, и показала пальцем на ближний берег озера.

Грейдон посмотрел в линзу.

Берег был сплошь покрыт человеко-ящерами. Они перекатывались там волнами. Ему показалось, что их сотни, тысячи.

Шеренги человеко-ящеров медленно двигались вперед, и к ним все время присоединялись новые, переходя вброд воды озера. Теперь Грейдон увидел, что полчища урдов, потоком пересекавшие озеро, выходят из пещер и что вся поверхность озера от края до края исполосована плывущими стаями, и что перед теми, кто уже вышел на берег, гарцуют на черных динозаврах с полдюжины воинов Ластру.

Верховые подгоняли урдов и поддерживали порядок с помощью огромных плетей. Один из них наклонился и стал виден над боком своего чудовищного “коня” Грейдон заметил на его шее тусклый блеск красного металла. Он взгляделся более внимательно.

Это был ошейник, такой же, как тот, который Повелитель Зла зашелкнул на его собственной шее.

И еще на одном скачущем на динозавре всаднике был этот знак Нимира, и еще на одном. Грейдон уронил линзу и повернулся к Женщине-Змее. Она кивнула, отвечая на его невысказанный вопрос.

— Да, — сказала она, — Нимир приковал тебя к себе. Из того, что он говорил тебе, часть была правдой, но другая часть — ложь. Когда он говорил, что это может защитить тебя, то говорил правду, но когда он сказал, что это не даст ему власти над тобой, — это была ложь.

Она помолчала, пока он с жалким видом смотрел на нее.

— Вот почему ты не сможешь остаться здесь, чтобы помочь мне, как я надеялась. Поскольку Нимир — это коварство и отчаяние, а я надеюсь, что отчаяния скоро будет гораздо больше. Может случиться так, что ты окажешься незащищенным, и с твоей помощью он разрушит мои планы.

— С моей помощью? — Грейдон застонал. — Нет!

— Мы не можем допустить такой риск, — ответила Мать. — Я могу уже сейчас освободить тебя от его метки, но что-то подсказывает мне — пусть она останется, потому что, поступив так с тобой, Нимир сделал ошибку. Что-то подсказывает мне, что, будь он умнее, он бы оставил лежать карты так, как их сдала я, но он убедил себя, что только с твоей помощью победит меня. Его стремление к власти может так же обратиться против него, как мое тщеславие обратилось против меня. Я не знаю, как выявится это наше преимущество, но это преимущество у нас пока есть.

— Последний урд достиг берега, Адена, — пробормотал Ригер. — Нам нужно идти.

— Ты пойдешь с Ригером и Хаоном, — сказала Мать. — У них есть для тебя дело. И будь уверен — Нимир не получит тебя. Это я тебе обещаю. И я, Адена, говорю тебе, что так и будет.

Внезапно она наклонилась и прижала свои губы к его лбу...

— Разбуди Суарру, — сказала она, — попрощайся с ней и быстро уходи. Если мы никогда не встретимся снова — помни, я любила тебя, дитя мое!

Она снова поцеловала Грейдона, затем подтолкнула в спину. Он склонился над спящей девушкой. Она раскрыла сонные глаза, посмотрела на него и, обняв его шею рукой, притянула к себе и прижала его губы к своим губам.

— О, но я еще сплю, — полусонно пробормотала она. — Уже рассвело?

— Уже давно рассвело, сердце мое, — сказал он ей. — И я должен вместе с Ригером и Хаоном спуститься во Дворец.

— Во Дворец?

Она села, уже полностью пробудившись.

— Я думала, что ты должен быть здесь, со мной. Мать...

— Не бойся, дорогая!

Она засмеялась, и только Адена знала, чего ей стоит этот смех.

— У меня есть привычка возвращаться к тебе.

Ригер хлопнул его по плечу. Грейдон мягко высвободился из пленивших его рук, поцеловал Суарру еще раз и, широко шагая, пошел прочь. С одного его бока шагал гигант, с другого — Хаон.

Г л а в а 26

БИТВА ЗА Ю-АТЛАНЧИ

От ужаса тех страшных часов, последовавших за его расставанием с Суаррой, в памяти Грейдона сохранилось немного. Полную картину он составил только по рассказам других.

Они трое тогда шли быстро вперед, задержавшись лишь для того, чтобы взять его сумку с патронами. Они подошли к двери, ведущей в тронный зал. Здесь Ригер остановился.

— Мы уничтожили открывающие механизмы дверей всех туннелей, ведущих во Дворец, — начал он внезапно, — кроме одного. Эта дверь не может быть взята приступом. Мы это сделали по приказу Матери. Поэтому, если она не просчиталась, нас не смогут взять неожиданным нападением извне. Задача Нимира и Ластру — выманить нас из Дворца туда, где с помощью Ксинли и урдов они смогут сокрушить нас. Наша задача — воспрепятствовать этому.

За ночь мы, воздвигнув крепкие баррикады, перегородили большую лестницу. На всех трех террасах вокруг Дворца мы разместили отряды. Если атака окажется слишком яростной, враг сможет просочиться во Дворец: заберутся по приставным лестницам в окна или ворвутся, например, через главный вход. Возле каждого окна, возле каждой двери расставлены лучники, копейносы и булавоносцы.

Защитой баррикады командует Хаон. Ты, Грейдон, будешь сражаться рядом с ним. Если они атакуют верховыми Ксинли, попытайся с помощью своего оружия убить всадников. Было бы очень хорошо, если бы ты смог, стреляя, причинить Ксинли такую боль, чтобы они повернулись против тех, кто следует за ними. В худшем случае Ксинли, если ими не управляют, принесут Ластру немного пользы.

Мы должны отбить их атаку, и это все. Что Нимир припрятал за пазухой, мы не знаем. Нашими действиями в сражении будет управлять Мать. Она считает, что ее оружие столь же смертельно, как и то, которым владеет Повелитель Зла. Будь уверен в победе! Я не думаю, что это прощание, друг мой!

Голос гиганта сделался хриплым.

— Но если это — прощание...

Он обнял здоровой рукой Грейдона, прижал к себе изо всей силы, стиснул руку Хаона и большими шагами пошел прочь.

— Ты и я, Грейдон... — Голос Хаона был мрачен. — Ты помнишь, что я говорил тебе той ночью, когда ты отправился в пещеру Женщины-Лягушки? Ты и я будем вместе под красными небесами, из которых падают ледяные тени и сражаются с огненными призраками. Настал этот час. Я рад. Смотри.

Он указал на высокое окно, в которое выглядывало с полдюжины вооруженных луками воинов. В окно был виден маленький квадрат неба.

Пока Грейдон смотрел, зловещая красная окраска делалась постепенно все более глубокой.

— Пойдем! — сказал Хаон.

Они молча вышли в огромный вестибюль, в который открывались двери Дворца. Вестибюль был запружен эмерами, вооруженными луками и палицами, мечами и копьями.

Командовали ими примерно двенадцать людей Старой Расы, вооруженных только мечами и булавами.

Ждали Хаона, поскольку, как только он появился, массивные металлические створки закрылись. Позади них встали воины. Часть воинов вышла на широкую площадку, к которой сходились каменные ступени громадной лестницы.

За парапетами всех трех террас, словно на стенах осажденного города, выстроились воины. Двойная баррикада из глыб

перегораживала лестницу. Оба ряда баррикад были около шести футов высоты. Первый начинался на уровне самой нижней террасы, второй — примерно в пятидесяти футах позади. В основание каждого ряда были заложены глыбы, на которых могли стоять оборонявшиеся. Грейдон подумал, что этот пятидесятифутовый участок можно было превратить в превосходящую западню.

Ему искренне захотелось иметь всего-навсего с полдюжины пулеметов. Он бы установил их на вершине ближайшей баррикады. Какую бойню они могли бы устроить!

Он оборвал себя. Здесь не имело смысла думать о терминах ведения современной войны. В этой игре противостоящие генералы владели силами, о которых ни их офицеры, ни рядовые понятия не имели.

Грейдон дошел до дальней стены, снял винтовку, бросил перед собой маленькую патронную сумку и на ощупь определил ее содержание.

Он уныло подумал, что в ней не больше пары сотен патронов. Ладно, если стрелять аккуратно, винтовка нанесет немалый ущерб. Пока Хаон расставлял своих людей, Грейдон зарядил магазин.

Грейдон посмотрел вниз на берег озера. Этот проклятый, отвратительный свет, лившийся из повисших балдахином облаков, из-за него очень трудно увидеть хоть что-нибудь на таком расстоянии. Свет, разумеется, дело рук Нимира.

Где находится Нимир? Будет ли он сражаться в рядах своих сподвижников, или, как Женщина-Змея, остался в каком-то укромном месте, чтобы управлять оттуда подчиненными ему таинственными силами?

Нимир, кажется, был очень уверен в победе. Возможно, он лгал Грейдону о многом, но говоря об этом, он не лгал.

Он говорил об этом всерьез. Не лучше ли будет, в конце концов, прыгнуть с баррикады, добраться до Повелителя Зла и сдать его ему — принудить его немедленно провести этот адский эксперимент? Это сдержало бы Нимира и, пока Нимир находился бы в его теле, послужило причиной примирения или хотя бы перемирия. После этого Грейдон мог бы довести свой спор с Нимиром до конца. Во имя господ бога, почему бы и нет? Попытаться бы стоило!

Если он выиграет, он спасет Суарру, Мать, Ригера, прекрасного старину Ригера. Зачем вся эта резня, если он может остановить ее?

Мысль прозвучала словно шепот в его мозгу.

Ш е п о т!

Грейдон вскочил, задыхаясь. Шепот?

Такой же, как шепот Тени!

Женщина-Змея была права. Это был Нимир, шептавший в его мозгу, искушавший и соблазнявший его, лгавший ему, игравший с ним. Слава богу, что она не разрешила ему остаться там, на крыше.

Руки Грейдона рванулись к ошейнику и попытались сорвать его. Ему показалось, что он слышит смех Повелителя Зла!

Хаон схватил его за руку. Грейдон, содрогаясь, повернулся к нему. По его лицу стекал холодный пот.

— Хаон, — задохнувшись, сказал он, — если я сделаю попытку убежать к врагу, если я совершу хоть один-единственный поступок, который покажется тебе... совершенно не моим, ударь меня по голове своим мечом или проткни меня насквозь.

— Не бойся! — Хаон серьезно кивнул. — Я наблюдаю за тобой. Предателем ты не будешь.

От Дворца понеслись предупреждающие трубные звуки. Вдали на краю луга началось движение, блестела черная чешуя, и тускло отблескивала желтая кожа.

— Они идут! — закричал Хаон, обращаясь к своим людям.

Крик прошел эхом по террасам. Послышался свет натягиваемых для пробы тетив, а затем наступила тишина. Защитники Дворца следили за приближением врага.

Атаковавшие сперва шли медленно. В авангарде находились большие динозавры, отстоявшие примерно на пятьдесят футов друг от друга. Грейдон с досадой увидел, что всадники облачены в кольчуги, лица их прикрыты забралами. Он никогда не испытывал силу пули на этой броне. Может ли пуля пробить кольчугу? Утешаться можно было тем, что в худшем случае удар, вероятно, выбьет всадника из седла.

Вслед за динозаврами шагало полчище человеко-ящеров. Это было настоящее полчище: шесть футов в глубину и свыше тысячи футов по фронту.

Человеко-ящеры шагали плечом к плечу. Если у урдов были предводители, то они принадлежали к их собственной породе и не отличались от остальных. Они шли на приступ вслед за черными ископаемыми ящерами. Их красные глаза сверкали, головы были наклонены вперед, когти выпущены.

В ста ярдах за урдами шли в боевом порядке одетые в зеленые юбки индейцы. Ими командовали приближенные Ластру.

Грейдону подумалось, что он понял, в чем состоит план атаки. Никакой хитроумной стратегии, просто сокрушительный удар. Большие динозавры, неуязвимые для стрел, для мечей и копий, словно таран, сокрушают линию обороны. В брешь устремляются урды. Их трудно убить, а сражаются они ядовитыми клыками и когтями.

Идущие за ними эмеры приканчивают уцелевших и вместе с воинством Ластру проникают во Дворец. Но где же Ластру и его покрытая чешуей свора?

В наступавших шеренгах зазвучали трубы. С громом ударяя ногами в землю, черные ящеры перешли в бег. Покатилась вперед длинная желтая волна человеко-ящеров. Волна смывала все на своем пути.

Вспыхнул на крыше луч молочно-белого света, и мгновенно все вокруг заполнилось трубным кличем крылатых змей.

Мгновенно прервался бурный натиск динозавров и человеко-ящеров. Будто сдернутая арканом, вылетела из седла добрая треть скакавших на Ксинли всадников. Невидимые кольца крылатых змей обхватили их и поволокли по земле.

Часть человеко-ящеров закружилась в водовороте. С шипением и визгом они прыгали и подскакивали, били воздух своими долотообразными когтями. Их движения то там, то здесь явно показывали, что им удалось сбить наземь некоторых Посланников, и теперь урды рвали их клыками и когтистыми лапами.

Но и сами урды падали сотнями, пронзенные в сердце и мозг похожими на рапиры клювами.

Уже половина всадников была сбита со спин динозавров. Да и ехать на чудовищах сейчас было бы трудно. Грейдон видел, как неистово кружились на своих неуклюжих ногах динозавры. Они шипели в ярости, наносили удары, злобно дергались своими змееподобными шеями.

Один динозавр повернул, потом еще один, еще. Они бежали обратно, сокрушая человеко-ящеров. Индейцы остановились.

Ящеры проламывались сквозь ряды урдов, и индейцы дрогнули. Сломав боевое построение, эмеры бежали с дороги Ксинли. Наперерез динозаврам мчались люди Старой Расы, подпрыгивали, хватаясь за поводья, и старались привести чудовищ к повиновению. Многим из них это удалось.

Но еще большее число ю-атланчианцев оказались втоптан-ными в траву, не успев этого сделать.

От Дворца донеслись призывные звуки труб. Откуда-то слева им ответили другие трубы. На лугу появились одетые в голубое эмеры. Их вели облаченные в кольчуги воины, на плечах которых струились по ветру голубые плащи — отличительные знаки Матери. До сих пор они лежали, спрятавшись в засаде.

Кровь Грейдона закипела победно, когда он увидел их атаку. Передняя шеренга их опустилась на колени, и облако стрел, свистя, накрыло расстроенные ряды воинства Ластру. Поднявшись с колен, эмеры снова кинулись вперед, ударили и волной захлестнули одетых в зеленое индейцев.

Теперь на лугу происходило два сражения: крылатые змеи против Ксинли и урдов и схватившиеся насмерть шеренги эмеров и ю-атланчианцев.

От Дворца донесся дикий крик торжества.

Издалека, в направлении пещер, раздалось басовое жужжание. Жужжание перешло в пронзительный вой, от которого заболели уши. Затем, упав ниже порога слышимости, вой превратился в инфразвук, от которого помутились мысли, и каждым своим нервом человек оказался на грани безумия. Жужжание приближалось со скоростью пули, остановилось в вышине и замерло над Дворцом.

Это был сводивший с ума звук. Он мгновенно сделался выше, потом пошел вниз. И снова выше, ниже...

Внезапно все пространство между землей и пылавшим небом оказалось пронизано лучами тусклого красного света.

Они казались твердыми, эти лучи. Как раньше от жужжания рвался в клочья мозг, так теперь лучи разрывали глаза.

Но тогда Грейдон этого не знал. Он ничего не чувствовал. Сводящее с ума жужжание было для него только как бы доносившимся откуда-то из громадной выси гудением, ничем большим. Красные лучи тоже щадили его.

Не понимая, Грейдон смотрел, как выпал меч из рук Хаона, увидел, как он покатился, прижимая руки к глазам.

Он увидел, как появились в этом твердом, необъяснимом свете крылатые змеи, Посланники Матери, более не защищенные своим покровом невидимости.

У них были твердые тела, видимые в лучах твердого света. Они тоже были ослеплены и кувыркались, они сражались друг с другом и падали.

Большие и маленькие, распустив кольца плетью, крылатые змеи падали прямо в когти урдов, человеко-ящеров, не подверженных, как и Грейдон, действию этой невыносимой вибрации света и звука.

Во Дворце звук и свет — так, будто они там проявлялись сильнее, — создавали обстановку полного безумия. Это была такая мука, что людьми владела лишь одна мысль: вырваться наружу, бежать от гудящего, иссушающего луча.

Огромные двери распахнулись. Из них устремились эмеры и ю-атланчианцы. Мужчины и женщины кишели, выбрасывались из окон.

Людей вышвыривало из Дворца, как и обещал Повелитель Зла.

Сквозь жужжание прорезался какой-то отвратительный звук, какое-то адское шипение. Грейдон понял, что оно означает, еще до того, как увидел.

Это была охотничья свора динозавров.

В темно-красном свете заблестела изумрудная и сапфировая чешуя. Горели красные глаза. Из тени деревьев, протянувшихся между дворцовым лугом и городом, вынеслись динозавры. Впереди них верхом на Ксинли скакал Ластру. Он мчался, крича, к лестнице.

Грейдон стряхнул узы охватившего его паралича и поднял винтовку. Изрыгая ругательства, он посылал пулю за пулей в хозяина своры. Ни одна не задела Ластру.

Целый и невредимый, Ластру мчался вперед. По пятам за ним прыжками неслись Ксинли.

Из святая святых Женщины-Змеи с дворцовой крыши выбросило огромный серебряный шар. Вслед за ним быстро вылетели остальные шары и остановились.

Теперь шары парили высоко над равниной, образовав тысячефутовый круг.

Испуская светлый белый свет, они начали пульсировать. Пульсируя, они стали увеличиваться и превратились в маленькие раскаленные солнца. Корона каждого солнца испускала добела раскаленные лучи, пронизывающие угрюмо-красные лучи-полосы.

Внезапно жужжание прекратилось.

Прекратилась суматоха крылатых змей. Они снова исчезли, став невидимыми.

Кончилась попытка для мозга, нервов и глаз.

Теперь настала очередь Грейдона ощущать муку. Белое сияние иссушило его глаза и запустило сквозь них прямо в мозг причинившие страшную боль иглы. В этой муке Грейдон был не одинок: то же самое испытывали урды, ящеры и те люди Старой Расы, на которых был ошейник Нимира. От жужжания и красных лучей ошейник защищал Грейдона, но когда было пущено в ход оружие Женщины-Змеи, ошейник выдал его.

Страдание подчинило себе Грейдона.

Но до того как оно бросило его, корчившегося, с плотно прижатыми к глазам руками, лицом на землю, он увидел, как "конь" Ластру встал на дыбы, сбросил с головы поводья, от жесткой боли раскололо мундштук в челюстях и с пронзительным воплем, шатаясь, слепо помчался назад.

Грейдон увидел, как выбросило из седла Ластру. С присущей ему быстротой пантеры Ластру вскочил на ноги и побрел, шатаясь, спрятав лицо в ладонях. Еще Грейдон увидел, как здесь и там бежали человеко-ящеры и падали под ударами крылатых змей.

На Ксинли и урдов устремились защитники Дворца. Они насмерть били палицами человеко-ящеров, мечами подрезали

подколенные сухожилия динозаврам и били их копытами в уязвимое место на горле, истребляя обезумевшую свору Ластру.

Устремившись на врага, Хаон забыл о Грейдоне. Он прыжками взбирался на баррикаду. Он был уже на полпути к ее вершине, когда обернулся, чтобы взглянуть на Грейдона. Лишь мгновение колебался Хаон, раздираемый беспокойством о Грейдоне и ненавистью к Ластру. Спрыгнув обратно, он схватил Грейдона и, подняв, понес его во Дворец.

Ветер, в котором был холод космического пространства, дыхнул на них.

При первом же его дуновении мука Грейдона кончилась. Он вывернулся из объятий Хаона. Они застыли, глядя на сиявшие шары. Сверкание шаров потускнело.

Их обволакивала тонкая пленка тьмы.

Постепенно пленка делалась все плотнее.

Шары исчезли.

Вместе они вскарабкались на баррикаду. Невдалеке от нижней площадки, избавившийся, как и Грейдон, от пытки, стоял и пристально глядел на них Ластру. С его меча капала кровь. У его ног лежало тело одетого в голубое воина.

По всему лугу в смертельной схватке сплелись воины, эмеры и урды. От охотничьей своры ничего не осталось.

Исчезли и гигантские Ксинли.

Грейдон поднял винтовку и неторопливо прицелился. Но прежде чем он успел нажать на спуск, Хаон выбил винтовку из его рук.

— Я должен убить его! Не ты! — кричал он.

С мечом в руке он побежал вниз, туда, где его ждал повелитель динозавров. Губы Ластру оттянулись назад, обнажая зубы, окрашенный кровью меч был наготове.

Темно-красное небо запульсировало. Появилась одна пульсация, вторая, третья — как будто небо превратилось в громадное сердце. Из него падали чудовищными летучими мышами черные тени.

Все пронзительнее веяло холодом.

Мгновение Грейдон смотрел на этот ужасный град. Тени, казалось, возникали прямо под сводом окутанного туманом красного неба. Тени не имели ни формы, ни очертаний, но были густо-черными, будто вырванные из мантии глубочайшей ночи.

Над всей равниной были падающие тени, летящие на чело-веко-ящеров, эмеров, воинов.

Грейдон услышал лязг меча по мечу и увидел Хаона и Ластру, коловших и рубивших друг друга своими мечами.

Между ним и Хаоном и Ластру кружилась в схватке кучка индейцев и урдов. На них упала тень, окутала их, скрыв от глаз,

и снова, вращаясь, взвилась вверх. Грейдон посмотрел на маленькую группу людей и человеко-ящеров, только что скрытую тенью.

Они уже не сражались. Они неподвижно замерли, покачнулись и упали. Он сбежал по ступенькам и остановился возле них.

Трава была черной, будто ее сожгли.

Грейдон дотронулся до неподвижных тел. Они были твердыми и холодными, как лед. Он коснулся земли. От нее тоже веяло холодом.

Грейдон смотрел на Хаона. Широким размахом меч Хаона опустился на правое запястье Ластру. Меч ударил и наполовину отсек руку. Повелитель динозавров взвыл и, отпрыгнув назад, перехватил оружие, прежде чем оно упало, в левую руку. Не обращая внимания на рану, он ринулся на Хаона.

Хаон уклонился от нападения, отступил в сторону, а когда Ластру развернулся, ударил его мечом в живот и быстрым движением рванул лезвие вверх, расправив ему тело до самой груди.

Повелитель динозавров выронил меч.

С ненавистью глядя на своего убийцу, он прижал руки к животу чуть ниже солнечного сплетения. Кровь била струей сквозь пальцы. Ластру опустился на колени и упал ничком.

Вращаясь, вниз беззвучно неслась Тень. Она окутала и живых и мертвых.

Грейдон услышал чей-то крик. Голос был незнакомый. Он понял, что кричит он сам, и кинулся вперед.

Тень приподнялась, отпрянула, будто отталкиваемая Грейдоном, и, вращаясь, улетела на небо. Хаон неподвижно стоял, глядя сверху вниз на своего врага.

— Хаон! — закричал Грейдон.

Он коснулся его плеча. Оно было холодное, как лед.

Под прикосновением Грейдона Хаон повалился и лег, распростершись, на тело Ластру.

Грейдон вскочил, непонимающе оглядываясь.

Что это за огни? Крылатые призраки, зеленоватое пламя с раскаленной добела серединой, возникающие прямо с воздуха, и лежащий возле его ног Хаон под темно-красными небесами.

Как и представлял Хаон... Когда это было? Столетия столетий назад.

Разум Грейдона оцепенел. Его переполнило черное отчаяние, от которого замедлились удары сердца, так, что он не мог дышать. Откуда взялась эта черная волна, ведь он никогда не ощущал ничего подобного раньше... И ненависть, холодная и безжалостная, как те смертоносные тени. Кого он так ненавидит и почему? Если бы он мог стряхнуть со своего мозга подкравшееся к нему оцепенение...

Эти проклятые огненные призраки!

Они — повсюду. И видеть, как они бегут... эмеры, урды и это отродье Старой Расы! Мои люди!.. Бегущие, разбитые наголову. Мои люди? Что он имеет в виду под этим "мои люди"?

Какой адский свет! Какая адская ночь!

Адский свет... Победы нет...

Это хорошая рифма... Она, кажется, остановила распространение этого оцепенения, проклятого оцепенения. Попробуем еще...

Крупинка к крупинке, а пылинка к пылинке. Тень не убьет — так огненный призрак сожжет, как былинку. Нет...

Это никак не помогает. Что, черт возьми, делается с его головой? Бедный Хаон. Интересно, узнает ли Суарра, что он погиб здесь? Интересно, а где Нимир? Ах, да, теперь он знает, кого ненавидит: Женщину-Змею, проклятое чудовище.

— Да, Повелитель Тьмы, я иду!

Дьявольщина, что заставило его сказать это? Приободришь, Ник Грейдон...

Ник Грейдон, уроженец Филадельфии, окончил Гарвардскую школу горного дела, гражданин США... Приободришь!

— Да, Повелитель Тьмы! Я иду!

Чья-то рука обхватила его. Грейдон с рычанием двинулся назад. Но ведь это...

Это был Ригер.

Ригер! Какая-то пробравшаяся в мозг Грейдона мертвечина оставила его.

— Голова... Ригер! С ней что-то не в порядке!

— Да, друг мой. Все очень хорошо. Теперь пойдём... Пойдём с Ригером. Пойдём к Суарре...

Суарра? Да, наверняка он обязан вместе с Ригером пойти к Суарре. Но не к этой Змее-Женщине! Нет, не к ней! Повелитель Тьмы!

Как он снова оказался во Дворце?

Как он попал сюда? Что-то тащило его, не пускало. Ошейник...

Он не должен идти! Вот откуда исходит это оцепенение — из ошейника. Ах, да, но ведь он не должен идти! И не пойдет, но сперва расскажет обо всем Суарре. А, вот и она! Она ведь Женщина-Змея. Нет, Повелитель Тьмы, я не...

Хорошо, когда тебя обнимают руки Суарры, когда твоя голова на ее груди...

— Держи его крепче, Суарра, — спокойно сказала Мать. — Целуй его, говори с ним, делай что угодно, но пусть он осознает, что ты с ним. Кон!

Из тени выскочил человеко-паук и скорбно посмотрел сверху вниз на невнятно бормотавшего Грейдона.

— Внимательно следи за ним, Ригер. Кон, если понадобится, поможет удержать его. Когда он услышит призыв в полную силу, все его силы будут направлены на то, чтобы освободиться от всего, что его задерживает. Если нужно, свяжите его. Но я бы предпочла, чтобы обошлось без этого. У меня есть на то соображения. И все же Нимир не получит его. Ах, я боялась этого! Готовься, Тиддо!

Ослепительное зеленое сияние, яркое, как солнечный свет, залило всю Запретную Страну. Исчезли тени-убийцы, и не лился с облаков красный свет.

На полпути между Дворцом и озером вырос огромный столб ослепительного зеленого пламени. Он рос и ревел, пульсировал в медленном и правильном ритме.

Вокруг него, над ним и у его подножия вспыхивали молнии, трещал гром — так трещал бы поток разбитого вдребезги стекла.

При виде этого ужасающего зрелища те, кто вел сражение на лугу и на равнине, неподвижно замерли, потом с паническими воплями кинулись кто куда, ища укрытия.

Со всех четырех концов света к столбу мчались внезапно появившиеся огненные призраки. Они погружались в столб и пожирали его.

— Это его последняя ставка, Тиддо, — прошептала Женщина-Змея. — Однако это может принести ему победу.

Повелитель Глупости кивнул и занял свое место возле механизма, ошетилившегося кристаллическими стержнями. Два больших диска — лунное свечение и паутинные пряди — вращались. Женщина-Змея скользнула сперва к одному, потом к другому диску и передвинула рычаги у их основания.

Скорость вращения дисков медленно пошла на убыль.

— Предки мои, помогите мне! — пробормотала Мать Змей. Диски вращались все медленнее.

Все меньше делались пожиравшие столб огненные призраки. Их уже не было видно.

Пульсирующий столб задрожал и покачнулся. Затем в громовых раскатах подпрыгнул на сто футов над поверхностью земли и обрушился на амфитеатр Созидателей снов. Грохот. Столб подпрыгнул снова — оттуда, где раньше был амфитеатр Созидателей снов.

На этот раз он поднялся выше и спустился среди деревьев города.

Снова раздались громовые раскаты.

Диски остановились. Огненная колонна понеслась по направлению к Дворцу.

— Время! — крикнула Женщина-Змея Повелителю Глупости.

Из механизма, которым управлял Тиддо, вырвался гигантский веер фиолетового света — прямо на мчавшийся к Дворцу столб. Веер столкнулся со столбом, задержал его и проник в него. Столб согнулся и задержался. Столб боролся, словно живое существо, пытавшееся спастись бегством.

Послышался пронзительный, оглушительный визг, грохот обрушившихся гор.

Затем — ужасающая тишина.

— Это было хорошо сделано, — выдохнула Мать. — Спасибо моим предкам, благодаря которым удалось это сделать.

Грейдон поднял голову с груди Суарры.

Его лицо было белым и изможденным, глаза закатились под лоб так, что зрачки почти скрылись под веками.

Казалось, он прислушивался.

Женщина-Змея, склонившись, внимательно глядела на него. Губы Грейдона двигались.

— Да, Повелитель Тьмы! Я слушаю.

— Это произойдет сейчас. Держи его, Ригер! Нет, пусть его держит Кон!

Мать скользнула к ящику, достала оттуда сistrum с дрожащим ртутным шариком, а вслед за ним — еще один, большего размера сistrum, на котором были нанизаны четками бусинки того же самого светящегося вещества.

Она достала также из ящика прямую, выточенную из кристалла трубку, в которой пылало фиолетовое пламя. Заключенное в трубке пламя походило на то, которое горело в жезле Повелителя Глупости в Пещере Утерянной Мудрости. Мать протянула второй сistrum Тиддо.

Человек-паук поднял Грейдона. Тот вяло лежал в его руках, но, видимо, по-прежнему прислушивался. Извиваясь, Мать подползла к нему.

— Ригер! — прошептала она быстро. — Ты останешься здесь с Суаррой. Нет, дитя мое, бесполезно просить или плакать. Ты не можешь пойти со мной! Тихо! — сурово сказала она, когда девушка умоляюще простерла к ней руки. — Я иду, чтобы спасти твоего любимого и чтобы покончить с Нимиром. Ригер, Кона я беру с собой. Быстро...

Она защелкала, обращаясь к человеку-пауку. Держа в руках Грейдона, Кон вступил на движущуюся в сверкающей колонне платформу. Вслед за ним скользнула Адена и легла рядом. Свернувшись, она освободила место для Повелителя Глупости.

Платформа опустилась. Они вышли в отходивший от колонны коридор.

Тело Грейдона согнулось наподобие лука.

— Я слышу! Я иду, Повелитель Тьмы! — закричал он, вырываясь из рук человеко-паука.

— Да, — прошипела Женщина-Змея, — не моей дорогой и не дорогой Нимира. Отпусти его, Кон, пусть идет.

Грейдон, глаза которого по-прежнему были невидяще закатаны под лоб, завертел головой, словно собака, разыскивая нужный запах, и побежал по коридору прямо к входным дверям Дворца.

За ним, подняв сistrum в одной руке и трубку, в которой билось фиолетовое пламя, — в другой, стлалась Женщина-Змея, без труда соразмеряя свою скорость с его бегом, а за ней, также без труда, попевали Повелитель Глупости и Кон. Они вышли в коридор к тронному залу. Из сistrума вырвался крошечный луч. Луч коснулся головы Грейдона.

Грейдон свернул в сторону и повернулся.

Снова вспыхнул луч, прошел над его головой и уперся в стену, открыв проход. Откинулась вверх какая-то заслонка.

Снова луч коснулся Грейдона. Он вбежал в проход.

— Хорошо! — выдохнула Мать.

Еще дважды луч сistrума открывал проходы. С нарастающей скоростью Грейдон бежал вперед. Он ни разу не повернул головы, ни разу не обернулся. По-видимому, он не осознавал, что за ним следуют еще трое. Должно быть, это было весьма жуткое зрелище: бегущий мужчина, а за ним светящееся розовым жемчугом извивающееся тело Женщины-Змеи, над которым возвышался прелестный человеческий торс и виднелось изысканной красоты лицо, и алое, многорукое тело человеко-паука, и древнее, мудрое лицо Повелителя Глупости с искрившимися юными глазами.

Все дальше и дальше бежал Грейдон, как втягиваемая водоворотом соломинка, как притягиваемая магнитом крупинка железа.

— Адена, разве Нимир не знает, что за Грейдоном следуем мы? — легко дыша, спросил Повелитель Глупости.

— Нет, — также спокойно ответила Мать. — Когда Нимир скрыл себя от моей видящей мысли, точно так же он скрыл меня от себя. Сквозь завесу он видит меня не более, чем я его. Он притягивает этого человека к себе, но не знает, каким путем он идет. Он знает лишь то, что он приближается.

— Сейчас он бежит быстрее, — сказал Повелитель Глупости.

— Он сейчас ближе к Нимиру, — сказала Женщина-Змея. — Не я веду этого человека, Тиддо, а он ведет меня. Все, что я делаю, — это открываю кратчайшую дорогу к тому, кто зовет его... А, я так и думала!

Ничего не видя, Грейдон бежал прямо к глухой стене. Вырвавшийся из систраума луч коснулся ее, и камень скользнул вверх. Из отверстия струился ржаво-красный свет.

Все вместе они вступили в логово Тени.

Еще быстрее мчащейся во мраке тенью бежал теперь Грейдон. В полутьме неясно вырисовывались очертания высокого черного утеса. Грейдон бежал вдоль него.

Утес оборвался.

Грейдон повернул за край. Усеянный символами щит, возвышение, агатовый трон.

Растянувшись на полу пещеры, лежали ничком на животах сотни человеко-ящеров, самки и молодняк, и те, кто спасся в битве у Дворца и убежал в пещеру Красного света. Вонь их тел смешивалась с мерзкой вонью сада Тени.

На агатовом троне, припав к нему, лежал Нимир.

— Повелитель Тьмы, я здесь!

Голос Грейдона был безжизненным. Он остановился, как бы ожидая приказания.

Взгляд блеклых глаз Нимира оторвался от пресмыкавшихся перед ним уцелевших остатков его полчищ. Чудовищное тело раздулось. Он поднялся во весь рост на троне. Длинные, уродливые руки жаждающе вытянулись, лицо светилось торжеством.

— Подойди! — прошептал он.

Грейдон, так, как будто его мышцы превратились в туго натянутые стальные струны, вскочил на край возвышения.

— Нет! — пронзительно закричала Женщина-Змея.

Из систраума в ее руке вылетел тонкий луч и коснулся головы Грейдона. Грейдон закрутился и упал почти у самых ног Нимира.

Взгляд Повелителя Зла упал на Женщину-Змею. Внезапно в его взгляде появилось осознанное понимание увиденного, как будто прорвалась какая-то разделявшая их завеса, открыв Адену, — его глаза вспыхнули, перескочили на Повелителя Глупости и человека-паука, а затем в них зажглось пламя самого ада.

Его рука метнулась к поясу и выхватила оттуда что-то, что сверкало, как замороженное зеленое пламя. Но прежде чем он успел поднять этот предмет, Женщина-Змея уже нацелила зажатую в левой руке кристаллическую трубку. Из трубки вырвался ярчайший фиолетовый луч. Луч ударил в руку Нимира и в предмет, зажатый в этой руке. Сопровождаемый звоном взрыв наполнил помещение, закружилось облако искрящихся фиолетовых частиц, скрыв Повелителя Зла и его трон.

Женщина-Змея вырвала у Тиддо большой систраум. Бесчисленные крошечные шарики выбросили из себя лунное свечение.

Свечение сконденсировалось в ослепительно сверкавший, размером в три дюйма шар. Шар устремился в хрустящий фиолетовый туман и пронзил его на уровне головы Нимира. Шар ударил в покрытый символами щит и размазался по его поверхности. От края до края, сверху донизу щит покрылся расцелинами и трещинами и, распавшись, обрушился.

Там, где был щит, зияло черное отверстие туннеля.

Фиолетовый туман, соприкоснувшись с шаром, рассеялся. Низко нагнув голову, распластавшись на возвышении, стоял избежавший удара Матери Нимир.

Прежде чем она успела метнуть еще один снаряд, он схватил тело Грейдона, бросил себе на спину и, перекинув его руки себе через плечи, прыгнул во тьму туннеля.

Женщина-Змея яростно зашипела, высоко взметнулись поддерживавшие торс кольца.

Мерцающее тело Адены струей перемахнуло через край возвышения и устремилось в черное отверстие. Вслед за ней мчались Повелитель Глупости и Кон.

Им не нужен был свет, чтобы видеть дорогу. Для их глаз, как и для глаз Нимира, свет и тьма были одно и то же.

Внезапно там, где туннель кончался, силуэтом обрисовалось чудовищное тело Нимира. Контур сделался еще более черным и тут же исчез.

Проход входил в пещеру Ли́ка. Туннель кончался поблизости от вершины циклопической, ведущей к Ли́ку лестницы. Отчаявшись, затравленный Нимир вернулся к своей темнице.

Женщина-Змея остановилась. Нимир одолел уже половину круто спускавшейся вниз лестницы. Он плотно прижимал к себе Грейдона, используя его живую плоть в качестве щита. В завихрениях светящихся со стен пещеры атомов над Матерью Змей навис громадный Лик. По-прежнему из-под пересекавшего его лоб обруча стекал золотой пот. По-прежнему из глаз бежали золотые слезы, а из опущенных уголков рта капала золотая слюна.

Бледно-голубые камни глаз Ли́ка были безжизненны. Они блестели, но были пустыми. Сквозь них не смотрел пленник.

Полностью исчезли и повелительный призыв, и обещание могущества и власти.

Лик безразлично и невидяще смотрел поверх головы Нимира, который так долго обитал в нем.

Из горла Женщины-Змеи вырвался трубный звук. Издалека, оттуда, где пол пещеры обрывался, оканчиваясь неизмеримой глубиной пропасти, донесся ответный звук. Из пространства над пропастью стрелой вынеслась пара крылатых змей.

Одна змея упала на плечи Повелителя Зла и била его своими крыльями. Вторая окутала своими кольцами его ноги.

Повелитель Зла зашатался и, отбивая удары крыльев, уронил Грейдона.

Кольца вокруг ног Нимира заплелись сильнее. Повелитель Зла упал.

Он катился вниз по ступенькам. Неподвижное тело Грейдона осталось лежать там, где упало.

Женщина-Змея защелкала. Человек-паук, помчавшись вниз по ступенькам, подхватил Грейдона и вернулся обратно, положив его возле Матери.

Бившие по лицу крылья и цеплявшиеся за ноги кольца крылатых змей оставили наконец Нимира в покое.

Спотыкаясь, он вскочил на ноги и прыгнул к Лику.

Он добрался до подбородка и обернулся, глядя прямо в глаза Матери.

Теперь были видны сразу два лица Повелителя Зла: громадное каменное Лицо, безжизненное и безразличное, и его миниатюрное подобие, сотканное из какого-то призрачного вещества и ржаво-красных атомов.

Повелитель Зла прижался к каменному подбородку и вытянул руки, глядя на Женщину-Змею. В его полных жизни глазах, так непохожих на те, которые сверкали высоко над его головой, не было ни страха, ни мольбы о пощаде, только ненависть и безжалостность. И угроза. Нимир не произнес ни слова, и ни слова не сказала Мать.

Повелитель Зла повернулся. Словно гигантская жаба поползла вверх по камню.

Женщина-Змея подняла свой сistrum.

Оттуда вылетел светящийся шар, а за ним еще один и еще. Первый ударил прямо в лоб Лику, два других почти одновременно — в глаза и в рот.

Шары взорвались и рассыпались в пыль.

Выскочили, облизываясь, белые языки молний. Лик, казалось, гримасничал, кривился, его каменный рот корчился.

Из сistrума выскочил четвертый шар.

Он ударил в ползущее вверх тело Повелителя Зла. Ползущая вверх фигура и Лик скрылись за белыми языками молний.

Они исчезли, эти языки.

Но Лику в Бездне уже не было!

Только гладкая, дымящаяся поверхность черного камня.

И не было Повелителя Зла! Лишь пятно ржаво-красных частиц на обожженной поверхности скалы. Пятно подрагивало. Казалось, оно немощно пыталось уцепиться за скалу.

В пятно ударил еще один сверкающий шар. Белые языки облизали его и...

Скала была чиста!

Сверкающие шары вылетали теперь из систрума один за другим. Они били в стены пещеры, и бурное кружение светящихся частиц прекратилось. Состоявшие из драгоценных камней цветы и фрукты, росшие из стен, потускнели и опали.

Все темней делалось в пещере, принадлежащей прежде Лику в Бездне.

Пещеру заполнила глубочайшая тьма.

Высокой нотой вознесся голос Женщины-Змеи. В голосе слышалось лишь одно: долгий и дикий, пронзительный и громкий вопль торжества.

Адена подозвала человека-паука и показала на Грейдона. Она повернулась спиной к черной могиле Повелителя Зла и плавно скользнула в проход.

Вслед за ней шли Повелитель Глупости и Кон.

Человек-паук, как ребенка, держал у своей груди тело Грейдона.

Он прижимался к нему губами и тихо, проникновенно говорил что-то в неслышащие уши Грейдона.

Г л а в а 27

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ ЗМЕЙ

Минуло пять дней, прежде чем Грейдон, придя в сознание, открыл глаза.

Все это время он пролежал в комнате Матери Змей. Суарра, не отходя, ухаживала за ним.

Но Мать не собиралась снимать ошейник Нимира с его шеи.

— Я еще не уверена, — говорила она девушке и Ригеру, — ошейник не приносит ему вреда. А если появится угроза, я сниму его достаточно быстро, я вам обещаю. Но ошейник сильно связывал его с Нимиром, и, возможно, эта связь еще не прервалась. Я еще не уверена, что тот, кого мы знали как Нимира, полностью исчез там, куда я его послала. Я еще не знаю, что такое была эта Тень. Но если что-то от нее выжило, сохранилось, “оно” окажется связанным с этим ошейником. “Оно” попытается войти с его помощью в Грейдона. Тогда я увижу, какой силой обладает это “что-то”. Если ничего от Нимира не сохранилось, ошейник не может повредить Грейдону. Но пока я не узнала то, что мне надо, он будет носить ошейник.

Это решило вопрос. В первый день Грейдон беспокойно метался, бормотал о Повелителе Тьмы, прислушивался, как будто

кто-то говорил с ним, и сам все время говорил с кем-то невидимым. Только Женщина-Змея знала, разговаривал ли он с умолявшим его о чем-то обрывком Нимира или с фантомом, созданным его больным воображением. Беспокойное состояние усиливалось вплоть до наступления следующей ночи. Тревожнее делалось его бормотание.

Все время возле него находилась Мать и, свернувшись кольцами, поднимала ему веки и внимательно всматривалась в его глаза. В ту ночь, когда беспокойство Грейдона достигло своего пика, она велела Ригеру положить его безжизненное тело в свое подушечное гнездо. Взяв маленький сistrum, она держала его над головой Грейдона. Из сistrума начало струиться мягкое излучение. Мать двигала сistrумом вокруг головы Грейдона, омывая его излучением с головы до ног. На третий день Грейдон вел себя гораздо спокойнее. В эту ночь Адена осматривала его особенно внимательно.

Она кивнула, будто что-то удовлетворило ее, и направила на ошейник мощный луч сistrума. Грейдон слабо застонал и попытался поднять дрожащие руки, будто пытался защититть ошейник.

— Держи его руки, Ригер, — бесстрастно сказала Мать.

Из сistrума вылетел еще более мощный луч.

Ошейник Повелителя Зла утратил свой блеск и сделался безжизненно коричневым.

Мать взялась за ошейник и переломила его. В пальцах Матери ошейник осыпался щепоткой пыли.

Тело Грейдона тут же расслабилось. Он погрузился в обычный глубокий сон.

Утром пятого дня он проснулся. Рядом с ним были Суарра и Ригер.

Он попытался подняться, но слабость оказалась слишком велика. Он исчерпал все свои силы.

Разум Грейдона, однако, был кристально ясен.

— Я знаю все, что вы собираетесь высказать против этого, — сказал он, крепко держа за руку Суарру.

Он слабо улыбнулся.

— Не надо. Я чувствую себя так, будто меня пропустили через дюжину ветряных мельниц. Действительно, я чувствую себя точно в аду. Тем не менее я даже не собираюсь снова закрывать глаза, пока меня не просветят. Первое: что случилось с Нимиром?

Они рассказали о погоне за Повелителем Зла и о его гибели в пещере Лика, рассказали то, что им самим было рассказано Матерью.

— И тогда, — сказал Ригер, — она уничтожила туннель, по

которому бежал Нимир. Так что вход в пещеру закрыт навсегда. Она уничтожила возвышение и трон Нимира, уничтожила страшный сад. Сад пронзительно кричал и выл в агонии, когда его пронизывали белые языки молний.

— Этот сад было само зло, — сказала Суарра, — превосходящее всякое воображение зло, как сказала мне Мать, и уже только за его создание Нимир заслуживал уничтожения. Но что здесь было за колдовство, для чего использовал или собирался использовать этот сад Нимир, этого она мне не захотела сказать.

— Урды спаслись бегством из красной пещеры, — взял на себя рассказ Ригер. — Те, кто остался из них, бежали, чтобы забиться в самые глубокие норы.

На следующий день Мать подвела итоги — что осталось от древнего Ю-Атланчи. От людей Старой Расы сохранилась едва ли сотня человек. От тех, кто сражался на стороне Ластру, примерно тридцать прислали к Матери вестников, прося мира и пощады. Она приказала им предстать перед собой, дюжину казнила, а остальных простила.

Видимо, еще столько же, — продолжал Ригер, — зная, что им нечего рассчитывать на пощаду, ушли в леса и пещеры. Они стали изгоями, какими были мы до твоего прихода, Грейдон. Она встретилась с Созидателями снов, для которых битва прошла незамеченной. Их пробудили и доставили в тронный зал, вернее, большинство их, поскольку послушавшихся она приказала убить.

Она предоставила им выбор: либо отказаться от своих грез и открыть перед собой Ворота Жизни и Смерти, либо просто умереть. Около тридцати предпочли жизнь, остальные не смогли найти в ней ничего привлекательного для себя. Им позволили вернуться домой, уйти в их любимые призрачные миры, и вскоре после этого и они, и их миры прекратили свое существование.

От крылатых змей, Посланников Матери, сохранилось не более четверти. Эмеров осталось около тысячи, я имею в виду мужчин. Главным образом это те, кто не принимал участия в битве.

Наши воины и те, кто был на стороне Ластру, почти полностью уничтожены. Тени Нимира и Огни Матери не делали различия между врагом и другом. Два дня назад большая часть этих эмеров по приказу Адены были посланы в пещеры, чтобы истребить оставшихся урдов.

Ах да, спаслись бегством около полудюжины охотничьих Ксинли и столько же верховых Ксинли. Первые были выслежены и убиты, вторых мы сохранили. Вот, кажется, и все.

Мы начинаем новую жизнь в Ю-Атланчи. У нас около трехсот людей Старой Расы, большинство из которых — женщины.

Каждый из нас и все вместе мы волей-неволей отказались от нашего бессмертия. Мать сама проследила, чтобы обе Двери были распахнуты настезь. Однако то, что более половины из нас женщины, лучше, чем если бы более половины составляли мужчины, — добавил задумчиво Ригер.

Грейдон закрыл глаза и лежал, обдумывая услышанное.

Женщина-Змея, уж коль начала, наверняка действовала эффективно и безжалостно!

Он видел, как уничтожают ушедших в свои миры Созидателей и Созидательниц снов.

А эти миражи были так реальны!

Грейдон надеялся, что Созидатель снов, создавший на паутине грез удивительный мир красок, выбрал жизнь.

Сводящие с ума жужжание и свет — как Нимир создал их?

Грейдон предположил, что воздействие осуществлялось с помощью инфракрасных лучей.

Световые волны с низкой частотой спектра, взаимодействуя определенным образом, превращались в каком-то диапазоне в звуковые колебания.

Грейдон был уверен, что взаимодействие световых низкочастотных волн и звуковых колебаний и породило все эти необыкновенные явления.

А маленький солнечный венец Матери?

Использование других световых волн, которые свели на нет действие волн Нимира.

Почему ошейник предохранил его от воздействия одних волн и предал, когда пошли в ход другие? Вероятно, ошейник представлял собой что-то вроде радиоприемника, настроенного на излучение Нимира.

Но это его пониманию не доступно.

Грейдон погрузился в глубокий сон.

В течение нескольких дней он совершенно не виделся с Женщиной-Змеей. В носилках, несомых индианками, она вместе с Повелителем Глупости и Коном отправилась к пещерам.

Так сказала Суарра.

Силы Грейдона восстанавливались медленно. Один раз его вынесли на носилках Суарры наружу. Девушка сопровождала его.

Когда они вышли, то увидели, что некогда цветущая равнина, лежавшая между Дворцом и озером, почернела и была опустошена.

Толстым слоем мельчайшей пыли было отмечено место, где раньше стоял амфитеатр Созидателей снов.

Большинство росших на лугу деревьев либо погибли, либо погибали.

Там, где стоял столб, остался грубо очерченный круг шириной в две тысячи футов.

И жилища и растения там превратились в тот же самый тончайший пепел.

Он спросил у Суарры, что было сделано с погибшими.

Она сказала, что тела эмеров были собраны в большие кучи, а затем они также были обращены в прах. Их сожгли с помощью каких-то механизмов, установленных по приказу Матери.

Хаон лежал вместе со своими предками в пещере Смерти.

Затем они вернулись к себе. В мирной тишине тронного зала Грейдон приходил в себя и собирался с силами.

На следующий день вернулась Мать. После этого Грейдон проводил с ней много часов.

Он отвечал на ее бесчисленные вопросы, подробно рассказывал о жизни людей по ту сторону барьера, об их желаниях и привычках.

Он рассказал обо всей долгой истории этой расы с тех пор, как тридцать пять тысяч лет назад погасли в пещерах крома-ньонцев их костры.

Он говорил о целях и условиях существования белых и цветных народов, о чернокожих и обладающих коричневой кожей, и о скучном коммунистическом эксперименте в России, и о громадных волнениях в Азии среди китайцев и индусов.

По прошествии некоторого времени Адена прекратила свои расспросы и в свою очередь рассказала об этой забытой цивилизации, которой руководила ее собственная странная раса, и о том, как возникла эта цивилизация.

Она рассказала и о других забытых, исчезнувших без следа, погребенных под пылью веков расах и цивилизациях.

Она дала ему беглое представление о научных достижениях, настолько превышавших все, что он знал, насколько геометрия Эйнштейна превышает евклидову геометрию.

Она дала такие концепции разума, материи, энергии, которые просто ошеломили его.

— Ни в чем, — сказала Мать, — что ты видел, не было и следа волшебства или магии. Все, что пришлось тебе видеть, было не чем иным, как проявлением чисто природных сил, которым целенаправленно управляли. Тени-убийцы — это определенный вид энергии, с помощью чисто механических средств повинующихся воле Нимира. В принятых вами терминах, чтобы сделать это понятнее: электрические силовые поля, полученные от того всеобщего океана энергии, который окружает нас. В этом океане все берет свое начало: и энергия, и мышление, и то, для

обозначения чего вы используете термин “материя”. Огненные призраки, которых я призвала для борьбы с тенями, — это другая, использованная мною сила природы, с помощью которой тени были нейтрализованы... и более того. Огненная колонна? Последняя ставка Нимира и единственное, чего я на самом деле боялась.

Поскольку при быстром отключении поддерживающего ее поля — оно же вызвало и появление теней — Нимир не смог бы резко нарушить взаимодействие двух сил, где перевес был на моей стороне. Он надеялся, что, прежде чем я смогу получить контроль над положением, громадная высвободившаяся энергия, из которой, собственно, и состоял этот столб, затопит и сметет меня. И он чуть было не оказался прав.

Она помолчала некоторое время, затем, казалось, пришла к некоторому решению и резко поднялась.

— Иди к Суарре, дитя мое, — сказала она. — Развлекайтесь вместе. Быстрее поправляйся. В течение следующих дней ни ты, ни она мне не будете нужны.

Когда эти два дня прошли, Ригер доставил Грейдону приглашение Матери Змей.

Грейдон обнаружил Адену в ее комнате, где она свернулась кольцами на подушках, самодовольно взирая на себя в зеркало.

Суарра причесывала волосы Матери.

Комната казалась странно пустой.

Глаза Суарры затуманились от непролитых слез.

Возле Матери находился Повелитель Глупости.

Адена отложила зеркало и протянула Грейдону руку для поцелуя.

— Я собираюсь покинуть вас, дитя мое, — начала она без предисловий. — Я устала. Я собираюсь уснуть. О, очень надолго. Нет, не гляди на меня такими испуганными глазами. Я не намерена умирать. Мне неизвестен никакой другой мир, куда бы я могла уйти. Но я не намерена и стареть.

Ее глаза сверкнули, когда на физиономии Грейдона при этом примечательном, учитывая ее многотысячный возраст, утверждении непроизвольно появилось выражение удивления.

— Я имею в виду, что не намерена позволить себе выглядеть старой. Поэтому я буду спать, обновляя себя и свою внешность. Таков обычай моего народа.

Вот что я решила. Сейчас в Ю-Атланчи немного людей, но вскоре их будет больше. В этом вашей расе можно верить, если и не верить в остальном. Пусть будет так: ты и Ригер будете править здесь с помогающим вам Тиддо. Нимир ушел навсегда. Те из его сторонников, кто еще скрывается, — вне закона.

Уничтожьте их так быстро, как только сможете. Сотрите память о нем и о Ластру.

Если кто-нибудь из Созидателей снов снова примется за свое, убейте его. В снах таится опасность... Суарра, перестань плакать. Ты выдергиваешь мне волосы!

Глядя в зеркало, она на мгновение нахмурилась.

— Я говорила вам, — затем живо продолжала Мать, — что я не намерена умирать, и уж, конечно, я не намерена испытывать неудобства, пока сплю. Я не слишком высокого мнения о тех людях, о которых ты мне так много рассказал, Грейдон. О, я не сомневаюсь, что среди них насчитывается определенное количество лиц, столь же достойных уважения, как и ты. Но все вместе они, мягко выражаясь, меня раздражают. Я не намерена позволять им рыть свои ямы там, где сплю я, производить взрывы либо строить надо мной, как принято в вашем мире, небоскребы. Я не позволю им рыться в пещерах в поисках сокровищ либо совать всюду свой нос, пытаясь найти вещи, о которых им лучше бы всего никогда не знать. Да они бы и не знали, что с ними делать, если бы и нашли их.

Я не допущу вторжения в Запретную Страну. Поэтому в течение двух последних дней я как следует приглядела, чтобы всего этого не случилось. Большую часть того, что Нимир извлек из Пещеры Утерянной Мудрости, мы уничтожили, включая машину, создающую тени. И уничтожили оба моих диска, создававших огненных призраков. Они вам не понадобятся. Не нужны они больше и мне.

Грейдон, я послала за барьер охрану, моих Посланников, в особенности против этих ваших лодок, которые созданы как бы специально, чтобы на барьер можно было не обращать внимания. Посланники будут безжалостно сбивать их. Столь же безжалостно они уничтожат тех, кто, возможно, спасется при падении. Никто не должен увидеть Ю-Атланчи, чтобы вернуться потом сюда с сильными воинскими отрядами и нарушить мой сон.

Дитя мое, я говорю так вовсе не для того, чтобы задеть твои чувства. Это определено окончательно, и так будет, — сказала Женщина-Змея.

Грейдон совершенно не сомневался, что безжалостное обещание будет столь же безжалостно выполнено.

— А если, сделав какое-нибудь новое открытие, они одержат верх над моими Посланниками, Тиддо разбудит меня. А надо мной, Грейдон, они верх не одержат, это уж наверняка.

Она снова бросила взгляд на свою прическу.

— Суарра, это на самом деле прекрасно! Ах, как я устала! Она зевнула.

Ее маленький заостренный язычок мелькнул в алом сердце-видном рте.

— Все это приятно, но несколько утомительно. Я думаю...

Она снова посмотрелась в зеркало.

— Да, я уверена, что у меня появилось несколько морщинок. Ах, мне пора спать!

Ее глаза, полные любви, остановились на плакавшей де-вушке.

И эти глаза тоже были влажными.

Какая бы необходимость ни побудила к уходу Женщину-Змею, Грейдон быстро понял, что на сердце ее не было той легкости, какую она показывала наружно.

— Дети, пойдемте со мной!

Она обвила рукой шею Суарры.

— По дороге я должна запечатать помещение, где открываются Ворота Жизни и Смерти. Вы увидите его.

Она кивнула Суарре.

Девушка прикоснулась к стене, находившейся напротив входной двери, и стена раскрылась.

Из отверстия, раскачиваясь, выскочило алое тело Кона. За ним следовали четверо его соплеменников, которые несли носилки Матери.

Адена бросила в зеркало последний взгляд, затем втянула свои кольца на подушки носилок.

Кон впереди, Грейдон и Ригер по бокам, Суарра, лежавшая на носилках рядом с Матерью, с головой, спрятанной у нее на груди, Повелитель Глупости, замыкавший шествие, — они проследовали в громадный пустой зал, вышли из него через дверь в дальней стене и начали спускаться по широкой наклонной лестнице.

Все вниз и вниз уходил скат, далеко углубляясь под фундамент Дворца.

Они вышли к неглубокой нише, врезанной в стену коридора.

Здесь Мать подала знак носильщикам.

Они остановились рядом с нишей. Мать протянула им руку. В руке был маленький сistrум.

Тонкий лучик коснулся стены.

Появилось овальное отверстие, будто под лучом камень оплавился.

Мать подозвала Грейдона и приподняла девушку над своим телом, чтобы та могла заглянуть внутрь.

Они смотрели внутрь помещения, напоминавшего по форме половину гигантской жемчужины. Круглый пол в помещении составлял в диаметре около двадцати ярдов.

Оно было залито призрачным розовым светом, как будто на его изогнутых стенах сияло солнце.

Пол походил на черный обсидиан, и в нем было два овальных бассейна, каждый примерно двадцати футов в длину и половину этого в ширину.

Между ними стояло ложе из того же черного стекловидного вещества.

В нем было углубление в форме человеческого тела, как если бы действительно совершенное по красоте тело мужчины или женщины лежало там, пока вещество было еще мягким, и когда обсидиан затвердел, на нем остался отпечаток.

Вода в одном бассейне, если это была вода, походила на светлое розовое вино.

Она искрилась, в ней кружились маленькие водовороты более глубокого розового цвета.

Жидкость во втором бассейне была полупрозрачной и абсолютно бесцветной.

Однако в ее безмятежности было что-то пугающее.

Пока они смотрели, спокойствие было нарушено. Что-то всплыло из глубины бассейна.

Когда это "что-то" приблизилось к его поверхности, жидкость в розовом бассейне тоже начала волноваться.

Искорки и водовороты заплескали ликующе. В обоих бассейнах вздулись на поверхности пузыри. Пузыри медленно увеличивались и превратились в купола от края до края поверхности.

Розоватый и кристально прозрачный пузыри взорвались. Мгновенно туман, скрыв и бассейны и ложе, заполнил все помещение. Сквозь него простреливали крошечные лучики радужного света.

Туман пульсировал не дольше, чем успело бы трижды ударить сердце, и исчез.

Женщина-Змея подняла систрам и послала из него луч прямо в спокойный бассейн. Бассейн задрожал, будто он был сердцем живого существа. Его полупрозрачная жидкость затуманилась.

Сквозь нее рванулось вверх состоявшее из маленьких пузырьков облачко, будто пытавшееся бежать от луча. Со слабым печальным вздохом пузырьки взорвались.

Бассейн опять был спокойным, но его пугающая безмятежность исчезла.

Луч систрума погрузился в розовый бассейн. На мгновение в его глубинах возникло какое-то неистовое движение.

Появилось снова взорвавшееся со вздохом облачко пузырьков. И этот бассейн тоже сделался тихим и мертвым.

— Свершилось! — безжизненным голосом сказала Женщина-Змея.

Ее лицо осунулось, губы побелели, глаза сделались словно из камня.

Она провела лучом систраума над отверстием, скала вместо отверстия появилась так внезапно, что казалось, образовалась из воздуха.

Мать подала знак людям-паукам. В молчании они возобновили свое движение.

Наконец они вышли еще к одной неглубокой нише. Под лучом систраума стена открылась, показался низкий круглый вход. Они вошли внутрь. Комната была круглой, как помещение с двумя бассейнами, но по размеру вдвое меньше. От стен исходило слабое голубое свечение и концентрировалось на огромном, образованном из подушек гнезде. Возле стены стояло по кругу несколько ящиков. Не считая ящиков, комната была пустой.

Грейдон ощутил едкий, отдававший странной свежестью аромат.

Женщина-Змея скользнула с носилок и свернулась кольцами на подушках. Она глядела на них, не скрывая заполнивших ее фиолетовые глаза и скатывающихся по щекам слез. Она отдала систраум Повелителю Глупости и прижала Суарру к своей груди.

Она подозвала к себе Грейдона и мягким движением соединила губы девушки с его губами.

Внезапно она чуть отстранила их от себя, нагнулась и поцеловала их в губы.

Ее глаза сверкнули озорно и очень нежно, и она расхохоталась своим похожим на птичий щебет смехом.

— Разбудите меня взглянуть на вашего первенца, — сказала Мать Змей.

Она оттолкнула их от себя, опустила на подушки и зевнула. Глаза ее закрылись, голова качнулась вперед раз или два. Она сонно задвигалась, устраиваясь поудобнее.

Когда Грейдон повернулся, чтобы уйти, он понял, что лицо ее постепенно начало изменяться, что неземная красота лица Адены начала блекнуть, будто с него спадала вуаль.

Он решительно отвернулся и запретил себе смотреть: какой она хотела, чтобы он видел ее, такой она и останется в его памяти.

Они вышли через низкий проем. Суарра крепко прижималась к Грейдону и плакала.

Повелитель Глупости поднял систраум.

Вход снова перегородил вставший на свое место камень.

Тайная комната, где спала Мать Змей, закрылась.

ЖИВОЙ МЕТАЛЛ

РОМАН

СВОБОДНО
ВЪЗДУХЪ
И ВЪЗДУХЪ

Г л а в а I

Я решаю снова посетить Тибет

Долина, в которой я расположился лагерем, отличалась удивительной красотой; она была так прекрасна, что при первом взгляде на нее у меня перехватило горло и до боли сжалось сердце. Потом красота эта завладела мной и укачала меня своим покоем.

В бурный вечер в конце декабря, когда дождь вперемешку со снегом бился в мои окна в Нью-Йорке, а я перелистывал страницы своей, быть может, самой сенсационной книги — “Маки и примулы Малого Тибета”, меня охватило страстное желание снова посетить эту тихую, недоступную страну. Мне захотелось погрузиться в уединение ее высот, отрезать себя от суеты и шума западной цивилизации, как бы уйти в другой мир. Желание это возрастало не по дням, а по минутам. Оно стало неудержимым.

Но не было и причины бороться с этим желанием. Я был холостым человеком, и никто не предъявлял на меня никаких прав. К счастью, я был свободен ехать куда и когда я желал, не оставляя никого, кто бы стал обо мне беспокоиться, а также, к счастью, обладал средствами.

С начала марта я странствовал среди гор. Теперь была половина июля.

Со мною вместе отправился в путешествие сын моего покойного друга, инженер Ричард Кин Дрэк. Молодой человек очень тосковал после смерти своего отца, одного из самых блестящих палеонтологов Америки, и мое предложение уехать из родных мест, опустевших теперь для него, пришлось ему очень по душе.

В Тегеране я нашел себе самого необычайного слугу. Он был китаец, и звали его Чиу-Минг. Ему было лет 50, и двадцать из этих лет он провел в древнем монастыре Палк хор-Чойнд в Гиангтце, к западу от Лхассы. Почему он оттуда ушел, как попал в Тегеран, я так и не узнал никогда. Мне, во всяком случае, очень посчастливилось, что он ушел оттуда и что я заполучил его. Он отрекомендовался мне, как лучший повар на пространстве трех тысяч миль от Пекина. И он говорил правду.

Почти три месяца путешествовали мы вместе: Чиу-Минг, Ричард Дрэк, я и две лошади, которые везли мои пожитки. Мы проходили по горным дорогам, на которых когда-то раздавались шаги маршировавших полчищ Дария, множества его сатрапов.

Мы пробирались по заросшим иранским тропам, по дорогам, которыми проходили победные воины Александра Македонского. Вокруг нас поднималась пыль от костей македонцев, греков и римлян; духи пламенных честолюбив сасанидов стонали в ветре ущелий, когда мы проходили эти ущелья, мы пятеро — американский ботаник, молодой инженер, китаец и две тибетских лошадки. Мы пробирались через расселины, стены которых звучали ревом эпталитов, белых гуннов, подрывавших силы этих же сасанидов, пока, наконец, те и другие не пали перед турками.

По широким дорогам и тропам славы Персии, позора Персии, смерти Персии проходили мы. Целый месяц мы не встречали ни одной живой души, не видели никаких признаков человеческого жилья.

Долина волшебной красоты

В это утро мы вышли из извилистого ущелья в долину волшебной красоты. И тут, хотя и было еще так рано, я раскинул наши палатки и решил не двигаться дальше до завтрашнего дня. Эта долина была, как гигантская чаша, переполненная эссенцией покоя.

В восточной стороне высоко поднималась какая-то безымянная вершина. На голове ее была серебряная шапка, украшенная изумрудами — снеговые поля и ледники, венчавшие эту вершину. Далеко на западе другой серый и желтовато-коричневый гигант грузно высился, загораживая вход в долину. На севере и на юге горизонт был хаотической поднебесной страной зубчатых вершин, остроконечных, похожих то на минареты, то на башни и купола, каждая из них увенчана зеленой и серебряной диадемой вечного льда и снега.

А вся долина была устлана ковром из голубых маков. Широко раскинувшимися, ничем не прерывающимся полями, голубыми, как утренние небеса в середине июня, маки струились миля за милей вдоль тропы, по которой мы следовали, через еще непроложенную тропу, по которой лежал наш путь. Маки кивали, они склонялись друг к другу, они точно шептались, потом поднимались головки и смотрели наверх, точно томящиеся рои маленьких лазоревых фей, полудерзко, полудоверчиво заглядывающих в лица разукрашенных драгоценными камнями гигантов, сторожащих их. А когда легкий ветерок шел по макам,

они точно сгибались под чьими-то мягкими шагами, точно чьи-то развевающиеся одежды мели их.

Как огромный сапфировый и шелковый ковер, тянулись маки к серому подножью неведомых гор.

Закат солнца в Тибете

Все вокруг нас погрузилось в тишину. Солнце ушло за каменного гиганта, охранявшего западные ворота долины. Вся долина быстро темнела. В нее вливался поток кристально прозрачных теней. Это было прелюдией к тому чуду необычайной красоты, которого не увидишь больше нигде в мире — прелюдией к солнечному закату в Тибете.

Мы обратили ожидающий взгляд на запад. Легкий, прохладный ветерок мчался с гор, точно вестник, шепнул что-то клонящимся макам, вздохнул и скрылся. Маки стояли неподвижно. Высоко над головами просвистел коршун.

Точно это было сигналом. В бледной лазури западной части неба стали появляться ряды за рядами облачка, окруженные сиянием. Они будто ныряли головами в путь, которым проходило заходящее солнце, и из серебряных превращались в нежно-розовые и темнели потом до багрянца.

— Небесные драконы пьют кровь солнца, — сказал Чиу-Минг.

Точно огромный хрустальный шар опрокинулся на небеса, и их голубой цвет сразу перешел в прозрачный и яркий янтарь. Потом так же неожиданно янтарь превратился в светящийся лиловый цвет. Мягкий зеленый свет затрепетал в долине. Под этим светом скалистые стены гор точно стали расплываться. Они запылали и вдруг надвинулись вперед, похожие на гигантские куски самого бледного изумрудного нефрита, прозрачные, точно просвеченные маленькими солнцами, сверкающими позади них.

Свет померк, одеяния самого темного аметиста окутали могучие плечи гор. Потом с каждой увенчанной ледником вершины, с минаретов и зубцов, с высящихся башен брызнули лучи разноцветного пламени, целая сверкающая призматическая радуга. Большие и малые, перевивающиеся и расходящиеся в разные стороны, они охватывали долину кольцом необычайного великолепия.

Чудо небес

По темнеющему небу пробежала розовая полоска живого цвета, это совершенно чудесное, чистое сияние, луч, который тибетцы называют Тингпу. Мгновение этот розоватый палец

указывал на восток, потом выгнулся другой и разделился на шесть сверкающих розовых полос; полосы эти стали ползти к восточному горизонту, где навстречу им поднялось туманное, трепещущее великолепие света.

Шесть лучей начали раскачиваться. Они все быстрее и быстрее двигались, и размах их увеличивался, точно невидимое небесное тело, от которого они исходили, раскачивалось, как маятник, точно им водили из стороны в сторону, как огнем прожектора. Все быстрее и быстрее раскачивались пять лучей и распались на части. Оборванные концы бесцельно колыхались, согнулись, наклонились книзу и устремились к земле, в хаос толпящихся на севере вершин, и быстро скрылись.

— Видели вы это? — было ясно, что Дрэк не верит своим глазам.

— Видел, — я боролся с собственной растерянностью. — Конечно, видел! Но я до сих пор никогда не видел ничего подобного.

— Кажется, что это все было сделано нарочно, — сказал он. — Это было сделано намеренно. Точно что-то достало до лучей и разломало их. И потащило их вниз как ивовые веточки.

— Там дьяволы живут! — раздался дрожащий голос Чиу-Минга.

— Вернее всего, что это какое-то магнитное явление, — я был сердит на охвативший меня страх. — Свет может отклоняться при проходе через магнитное поле. Конечно, это именно так и было, несомненно так!

— Не знаю. Для этого потребовалось бы магнитное поле величиной с кита, профессор. Это непонятно. Это все происходило с такой проклятой преднамеренностью.

— Дьяволы... — бормотал китаец.

— Смотрите!

Дрэк указал на север. Пока мы разговаривали, там сгустился мрак. Из этого черного мрака вырвалось гигантское копьё туманного зеленого пламени и вонзилось своим трепещущим острием в самое сердце зенита. Вслед за ним в небо извергнулось целое полчище сверкающих стрел.

Потом зеленые стрелы исчезли. Мрак сгустился. Потом его снова прорвали лучистые волны, пронизанные точно пляшущими светляками. Все больше становились волны — фосфоресцирующие зеленые и радужно-фиолетовые, зловещего медно-красного оттенка, с отблеском пепла. Они заколебались, раскололись, образовали точно гигантские движущиеся занавеси ослепительного сверкания. На складках трепещущего занавеса вдруг показался круг света. Сначала туманные очерта-

ния его быстро сделались резко отчетливыми, и он стоял на фоне сверкающей красоты северного неба, как кольцо холодного белого пламени. И вокруг кольца утренняя заря стала собираться, вертеться, как в водовороте. К кольцу со всех сторон мчались сверкающие завесы утренней зари. Они соединялись, колыхались и волновались вокруг кольца, потом залили его и пролились через него.

Через отверстие кольца утренняя заря проливалась на землю в столбе пламени. Всю северную часть неба вдруг затянул туман, скрывая невероятное видение.

— Магнитное явление! — первый прервал молчание Дрэк. — Как бы не так!

— Дьяволы! — плаксиво бормотал Чиу-Минг.

— Это делается намеренно, — сказал Дрэк. — Говорю вам, профессор, за этим скрывается чей-то разум.

— Разум? — перебил я его. — Какой человеческий разум мог бы расщепить лучи заходящего солнца или поглотить утреннюю зарю?

Издали, с запада, до нас донесся какой-то звук. Сначала это был шепот, потом звук стал усиливаться, превратился в вой, в ужасающий треск. Завесу тумана прорвал яркий свет и снова потух. Снова слышались непонятные звуки.

Потом молчание и мрак вместе опустились на долину голубых маков.

Г л а в а II

Отпечаток на скале

Дрэк спал крепко. У меня не было его юношеской приспособляемости, и я долго лежал без сна. Я едва погрузился в беспокойную дремоту, когда рассвет меня разбудил.

Скоро мы уже шли по направлению к западному выходу из долины. Наш караван тянулся за нами. Милю за милей проходили мы среди голубых маков. Мы обсуждали тайну сумерек и ночи, но в свете дня ужас, которым эта тайна дышала, испарился. Смеющийся сапфировый ковер далеко раскинулся перед нами. Стаи розовых маленьких птичек с лепетом мчались над нашими головами.

Время близилось к полудню. Мы двигались легко, очарованные прелестями окружающей природы. Западные горы были совсем близко, вход в ущелье, выходящее из долины, прямо перед нами. Все же нельзя было надеяться, что мы дойдем до темноты, и мы легко примирились с мыслью провести еще одну ночь в мирной долине.

Я доказывал, почти к собственному удовлетворению, что если виденное нами и не было магнитным явлением, то это просто было оптической иллюзией, миражом, созданным необыкновенными атмосферными свойствами этой горной местности. Но Дрэка это вовсе не убедило.

— Конечно, я это все понимаю, — говорил он, — верхние слои более теплого воздуха могли преломить лучи. Я согласен, что это возможно, но, черт меня побери, если я этому верю. У меня было несомненно ощущение сознательной силы, чего-то такого, что знало, что делает, и имело причину делать именно так.

Я шел, весь погруженный в свои мысли, как вдруг услышал восклицание Дрэка. Он пристально смотрел на точку, находившуюся в нескольких сотнях ярдов справа от него. Я посмотрел туда, куда указывал его палец. Скалистые горы были едва в полумиле от нас. Когда-то, очень давно, тут обрушились большие скалы, затем эти обломки рассыпались и образовали пологий скат к долине. Ивняк и ольха, малорослая береза и тополь пустили тут корни и одели склоны, и только неровные края этих зарослей, точно сдерживаемых от напора вниз голубыми маками, показывали, где склоны переходили в долину. И в самом центре этого склона, начинаясь на середине его высоты и доходя до цветущих полей, был какой-то гигантский отпечаток, след — точно огромное существо наступило тут ногой.

След выделялся — серый и коричневатый на зеленом и голубом фоне склона и долины; прямоугольник, шириной футов в тридцать, длиной футов в двести, от верхнего конца которого точно когти тянулись четыре треугольника футов двадцать в длину. Это был точно след от ноги. Но кто же мог оставить такой гигантский след?

Я побежал вверх по склону, Дрэк далеко опередил меня. Не было сомнения, что след — свежий. В верхней его части были помятые кусты и свежесломанные деревья. А внизу следа поникли головки растоптанных маков, которые несомненно еще накануне высоко держали свои, лазоревые стяги. Я ступил на след, наклонился и не поверил собственным глазам. Глыбы скал и камни были раздавлены и сплюснены в одно гладкое, состоящее из микроскопических частичек, адамантно-твердое целое, и в эту породу были вдавлены, точно ископаемые, маки, все еще сохранявшие следы своей окраски.

Но что это была за сила, которая могла взять нежные лепестки цветов и вставить их, точно инкрустацию, в поверхность камня?

— Что могло это сделать? — спросил Дрэк.

— Нога Шин-Дже, — дрожащим голосом произнес Чиу-Минг. — Тут прошел Господин Ада.

— А разве у Господина Ада только одна нога? — вежливо осведомился Дрэк.

— Он шагает через горы, — сказал Чиу-Минг. — По ту сторону след его другой ноги. Это Шин-Дже бродил по горам и поставил тут свою ногу.

Дрэк взглянул на верхушку горы.

Чудовище с ногами длиной в две тысячи футов.

— Около двух тысяч высоты, — задумчиво произнес Дрэк. — Что ж, если Шин-Дже сложен в наших пропорциях, так это выходит так. Длина отпечатка соответствовала бы ноге в две тысячи футов длиной. Да, он как раз мог перешагнуть эту гору.

— Это похоже на штемпель, — сказал я. — Взгляните с какой абсолютной математической точностью оттиснуты эти края. Точно какая-то огромная сила поставила здесь печать...

— Смотрите, — сказал Дрэк, — нигде, кроме этого места, больше нет никаких следов. Как попало сюда то, что оставило этот след, и как оно ушло, не оставив больше никаких следов? Вот в чем тайна.

— Эти звуки ночью, — сказал я, — этот свет, прорвавшийся туман. Я думаю, что отпечаток этот был сделан именно тогда.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Дрэк, — я стою за то, чтобы войти в ущелье до ночи. Я готов встретиться лицом к лицу с каким угодно человеком, но у меня нет желания, чтобы меня вдавили в скалу, как цветок в девическую книжку со стихами.

Мы пошли скорым шагом и как раз в сумерки вошли в ущелье. Мы прошли целую милю, пока мрак не заставил нас расположиться лагерем. Ущелье было узкое. Но мы не были недовольны этим. Крепость стен, поднимавшихся так близко одна от другой, действовала на нас успокоительно.

Мы нашли глубокую пещеру и вошли в нее со всем караваном. Пообедав хлебом и чаем, мы улеглись на скалистом полу. Я спал хорошо, и только раза два меня разбудили стоны Чиу-Минга. Его сны, очевидно, были не из приятных.

АЕМ ХІІІННІ

Г л а в а III

Ужасы зеленой впадины

Вливавшийся в пещеру свет зари разбудил нас. Нам удалось убить трех куропаток из выводка, слишком смело приближавшегося к нам, и мы хорошо позавтракали. Немного позднее мы продолжали наш путь вдоль ущелья.

Оно постепенно, но неуклонно шло вниз, и поэтому я не удивился, когда нам стала попадаться полутропическая растительность. Гигантские рододендроны и высокий папоротник

сменялись росшим группами бамбуком. Мы шли весь день и, когда расположились на ночь, крепко заснули. Час спустя после рассвета мы уже снова были в пути.

Было около двух часов, когда мы впервые увидели развалины. Высокие, заросшие зеленью стены ущелья уже давно стали упорно приближаться одна к другой. Наконец, ущелье превратилось в туннель, с крышей из папоротников, со спускающимися сверху гирляндами крошечных орхидей. Потом из этого туннеля мы вышли на яркий солнечный свет.

Перед нами была широкая зеленая чаша, которую держали в руках столпившиеся скалы. Впадина эта диаметром была мили в три. У нее было три выхода: один — на северо-западном горном склоне был похож на трещину; другим был туннель, которым мы пришли, и затем была дорога, поднимавшаяся из впадины. Она ползла вверх по крутой горе, прямо на север, льнула к скале и наконец скрывалась за одной из вершин. Это была широкая и искусственно сооруженная дорога, говорящая яснее языка о людских руках, прорубивших ее на груди горы. Древняя дорога, невероятно усталая от топтавших ее тысячелетий.

Никогда, даже в самой глубине пустыни, не испытывал я подавленности, какой веяло от зеленой впадины. И влияние ее было также физическим, потому что я почувствовал невыносимую боль в груди и пульс мой стал прерывистым.

В глубине долины — развалины. Ряд циклопических ступеней вел на краях, и тут стояла рушащаяся крепость. Развалины напоминали огромную фурию, упавшую лицом книзу. Нижняя часть развалин была ногами, средняя грудой — телом, верхний ряд — вытянутой рукой. Ступени казались шеей, и над ними древняя крепость с двумя полуобвалившимися амбразурами в ее северном фасаде была похожа на выветренный череп, уставившийся туда, куда уползала и скрывалась из виду усталая дорога.

— Тут что-то неладно, — обернулся ко мне Дрэк. — Но я предпочитаю идти вперед, а не возвращаться. А вы как думаете?

Я кивнул. Мы переступили через край зеленой чащи. За нами шел китаец с лошаdkами. Спуск не был труден, так как мы шли по остаткам проложенной когда-то к туннелю дороги. Тут и там вдоль тропы поднимались огромные обломки скал. Мне казалось, что я различаю на них слабые следы резьбы: то намек на дракона с разинутой пастью, то очертания чешуйчатого тела, то нечто вроде крыльев летучей мыши.

Мы дошли до первой из каменных глыб, тянувшихся к центру долины, и тут, почти теряя сознание, я повалился на Дрэка, стараясь найти в нем поддержку.

Поток отчаяния налетел на нас, закрутился вокруг нас, хва-

тая за сердце. Казалось, что этот поток изливался из каждой, из всех этих рассыпанных глыб. Он высасывал жизнь. Необоримая усталость охватила меня, желание упасть на камни и умереть. Я чувствовал трепет тела Дрэка и знал, что он собирал все свои силы.

Китаец закричал и бросился бежать. Лошади отказались карабкаться. Чиу-Минг с рыданием упал на землю.

Дрэк остановился и поднял китайца. Мы взяли его с двух сторон под руки. Потом, точно пловцы, мы стали пробивать себе путь, наклонив головы, борясь с этим невидимым потоком.

По мере того как дорога поднималась, сила потока слабела. Стало исчезать ужасающее желание лечь и отдаться ему. Теперь мы достигли уже подножия ступеней. Вот уже прошли половину их. А когда мы выбрались на кряж, на котором стояла сторожащая долину крепость, поток стал быстро убывать. Мель стала безопасной, сухой землей, и течения кружились внизу под нами, совершенно безвредные для нас.

Мы выпрямились и ловили воздух, как пловцы, боровшиеся изо всех сил и едва-едва одержавшие победу.

Девушка

В стороне полуразвалившихся ворот послышался легкий шорох, потом из них выбежала девушка. Из рук ее выпало ружье. Она мчалась прямо на меня, и в то время, как она бежала, я узнал ее.

Руфь Вентнор! Сестренка Мартина Вентнора, геолога, бывшего моим спутником во многих моих опасных скитаниях! Что делала Руфь в этом забытом уголке земли?

Она подбежала ко мне и обняла меня за шею нежными руками. Она горько плакала на моем плече.

Глава IV

Из прошлого

— Луис! — рыдала она. — Какое счастье, какое счастье, что вы здесь!

Она освободилась от моих рук и нервно засмеялась.

Я окинул ее быстрым взглядом. Она была все такая же, как и три года назад. Большие голубые глаза то были серьезны, то полны задора; маленькая и нежная; прекраснейший цвет лица; пикантный носик с намеком на дерзость; блестящие густые локоны — вполне земная девушка. Яркая и прелестная.

Я представил ей Дрэка и заметил в его глазах восхищение.

— Я... я следила за вами, как вы боролись в этой ужасной яме. Я не могла разглядеть, кто вы, но сердце мое изнывало от жалости к вам. Луис, — шепнула она. — Что это такое там?

Я покачал головой.

— Мартин не мог вас видеть, — продолжала она. — Он сторожит дорогу. Но я побежала... чтобы помочь вам.

— Мартин сторожит? — спросил я. — Зачем же он сторожит?

— Я... — она замаялась, — я лучше скажу вам при нем.

Мы прошли в крепость через полуразрушенный вход. Пол помещения был усыпан обломками, упавшими с растрескавшегося сводчатого потолка. Сквозь трещины сверху лился свет. Мы пробрались среди обломков к рушащейся лестнице и стали карабкаться по ней. Мы очутились против похожего на глаз отверстия. На фоне его черным силуэтом вырисовывалась длинная, худошавая фигура Вентнора, сидевшего высоко на груди развалин с ружьем в руке. Он пристально смотрел на древнюю дорогу, верхние извилины которой были отлично видны через амбразуру. Он не слышал нашего приближения.

— Мартин, — тихо позвала Руфь.

Он быстро обернулся.

— Март! — крикнул я.

— Луис! — он почти свалился со своих камней и схватил меня за плечи. — Сорнтон! Как попали вы сюда?

— А вы? — воскликнул я. — Как случилось, что вы и Руфь тут?

— Каким путем вы пришли? — перебил он. Я указал на юг.

— Не через впадину же? — спросил он недоверчиво.

— Это стоило нам наших лошадей и почти всех наших запасов, — с горечью ответил я.

— Но почему вы здесь сидите? Почему не идете по дороге в гору? Что вы сторожите? — спрашивал Дрэк.

— Твой черед, Руфь, — обернулся к ней Вентнор с мрачной усмешкой. — Расскажи им. А я буду сторожить.

— Это было месяц назад, — начала Руфь, — мы заблудились. Караван наш измѣнически покинул нас и оставил нам только одну лошадь. Нам удалось найти дорогу, которая вела к югу. Мы решили идти по ней. Она была старая и заброшенная, но вела куда нам было нужно. Сначала она привела нас в местность с невысокими горами, потом к самому подножию большого хребта. Наконец, в горы — и потом оборвалась.

— Дорога преграждалась скалами, через которые мы не могли перебраться, — вставил Вентнор.

— Мы стали искать другую дорогу, — продолжала Руфь, — и к концу второй недели поняли, что снова заблудились. Мы были в самом сердце хребта. Вокруг нас лес огромных, покрытых

снегом вершин. Нигде не было и признаков человеческого жилья. Казалось, что ни один человек, кроме нас, никогда не бывал в этих местах. В пище мы не нуждались. Дичи было сколько угодно, и рано или поздно мы должны были найти дорогу, которая вывела бы нас отсюда. Поэтому мы и не тревожились. Пять ночей назад мы расположились лагерем в начале маленькой, прелестной долины. Там был пригорок, который возвышался над долиной, как сторожевая башня. На ней росли деревья, точно высокие часовые. На этом пригорке мы разложили костер, и, поужинав, Мартин заснул. Я сидела и любовалась красотой неба и тенистой долины. Я не слышала ничьих шагов, но что-то заставило меня вскочить и оглянуться.

Таинственный человек

В свете костра стоял человек и смотрел на меня.

— Туземец? — спросил я. Она покачала головой.

— Далеко не туземец, — ответил за нее Вентнор. — Вот в этом-то все и дело. Руфь закричала и разбудила меня. Я успел взглянуть на этого молодца, пока он не исчез. С плеч его спулся короткий пурпурный плащ. Грудь его была покрыта кольчугой. Ноги перевиты ремнями высоких котурн. В руках его был небольшой, круглый, обтянутый кожей щит и короткий меч с двумя лезвиями. Голова его была покрыта шлемом. Этот человек принадлежал к эпохе... о, по крайней мере, на двадцать веков назад.

Он засмеялся нашему недоумению.

— Продолжай, Руфь, — сказал он сестре.

— Но Мартин не видел его лица, — снова заговорила девушка. — А как бы я хотела забыть его лицо! Оно было такое же белое, как и мое, но жестокое, о какое жестокое! Глаза его горели и смотрели на меня так, что хотелось спрятаться. Я закричала и разбудила Мартина. Тогда человек вышел из полосы света и скрылся. Мы потушили костер и перешли дальше в тень деревьев. Но я не могла спать. Я сидела час за часом с револьвером в руке, ружье лежало рядом. Часы тянулись ужасно! Наконец, я задремала. Когда я проснулась, уже рассветало. На меня смотрели двое мужчин. Один был тот самый, который появился в свете костра. Лица их были страшны...

— Они говорили, — перебил Вентнор, — на архаическом персидском языке. Я довольно хорошо знаю современный персидский язык и отлично владею арабским. Современный персидский, как вы знаете, идет прямо от разговорного языка Ксеркса, Кира, Дария, которого победил Александр Македонский. Он изменился главным образом от того, что принял груз араб-

ских слов. Ну так в том языке, которым говорили эти люди, не было и следов арабского. Он звучал странно, конечно, но я легко понимал их, они говорили про Руфь, точнее, разбирали ее весьма откровенно...

— Мартин! — сердито воскликнула Руфь.

— Ну, хорошо, — продолжал Вентнор, — как бы то ни было, я видел, когда эта парочка подкралась. Ружье было у меня под рукой, я притаился и слушал. Вы поймете, что при виде этих людей моя научная любознательность была ужасно возбуждена. В разговоре они дошли до обсуждения, какое удовольствие доставит вид Руфи какому-то таинственному лицу. Но как раз в это время Руфь пришла в себя. Она вскочила, как маленькая фурия, и выстрелила в них из револьвера. Испуг их был неопишем. Они со всех ног убежали в лес. Это кажется невероятным, но они, по-видимому, понятия не имели об огнестрельном оружии. Я тоже выстрелил им вслед, но промахнулся. Руфь же, должно быть, попала в одного из них, потому что он оставил за собой кровавый след. Мы не пошли по этому следу, а направились в противоположную сторону. В эту ночь не произошло больше ничего. Утром, карабкаясь в гору, мы заметили какое-то подозрительное поблескивание впереди, в милях двух расстояния. Мы укрылись тогда в небольшой ложине, и некоторое время спустя в полумиле от нас по горе прошёл человек двести таких молодцов. И это поистине были воины Дария! Люди из той Персии, которая умерла уже много веков назад. Тут нельзя было ошибиться, глядя на их щиты, большие луки, дротики и латы. Подумайте только: двести воинов из далекого прошлого! Когда они прошли, мы ускорили шаги и в эту ночь не раскладывали костра. Но на следующее утро увидели другой отряд, а может быть, и тот же самый. Мы снова ускорили шаги, напали на другую древнюю дорогу, которая вела на юг. И вот она привела нас сюда. Как видите, это не слишком удобное место. Мы попытались пройти через впадину к расселине. Мы не видели входа, через который ~~пришли~~ ^{вы} ~~вы~~. Впадина не представляла ничего привлекательного, но она все же была тогда проходима. Мы прошли через нее. Но когда готовы уже были войти в расселину, из нее раздались самые необычайные звуки — рев, треск.

Я вздрогнул и взглянул на Дрейка.

— Звуки эти были такие странные и неприятные, что мы не решились идти дальше. К тому же атмосфера впадины тоже становилась очень неприятной. Мы поторопились вернуться к крепости. А когда на следующий день попытались снова пройти через впадину и найти из нее другой выход, мы уже не могли. Вы знаете, почему, — закончил он.

— Но люди в латах, люди времен Дария — это же невероятно! — воскликнул Дрэк.

— Не правда ли? — подтвердил Вентнор. — Однако я их сам видел. Конечно, я не утверждаю, что это остатки армии Дария. Но это было живое, дышащее повторение древней персидской армии. Я говорю тут о Дарии потому, что с ним могу связать одну из наиболее достоверных гипотез. Когда Александр Македонский уничтожил империю Дария, он сделал это очень основательно. В те дни не стеснялись с побежденными. И вполне возможно, что один или два города на пути Александра могли собрать войско и, не дожидаясь великого полководца, искать где-нибудь убежища. Они, конечно, ушли бы в почти неприступные горы. Нет ничего невозможного в том, что там они, наконец, нашли убежище. Очутившись в какой-нибудь защищенной горами долине, они могли осесть на время, затем построить город. Почему они там остались совсем? Да просто могли найти новую жизнь приятнее старой. Кроме того, их могли запереть в их долине какие-нибудь случайности. Могли обрушиться скалы и загроздить выход, могли произойти оползни.

— Но те, которые преследовали вас, не были заперты в долине, — перебил Дрэк.

— Нет, — Вентнор пожал плечами, — конечно, нет. Но, может быть, мы попали к ним путем, который им неизвестен. Может быть, они сами нашли выход. Я знаю только то, что видел их своими глазами.

— А странные звуки, Мартин, — спросил я, — вы продолжали их слышать?

— Да, — коротко ответил он.

— И вы думаете, что эти... эти воины все еще ищут вас?

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил он. — Они не похожи на людей, которые отказываются от такой лакомой дичи, какой должны им казаться мы или, во всяком случае, один из нас.

— Мартин, — сказал я решительно, — где ваша лошадь? Мы снова попробуем пройти через впадину. Сейчас же! С нами Руфь, а мы никогда не смогли бы побороть такого полчища.

Г л а в а V

Металл с разумом

— Вы чувствуете себя достаточно крепким, чтобы снова попытаться пройти через впадину? — радость в голосе Мартина выдавала напряжение и беспокойство, которые он до сих пор так хорошо скрывал.

— Конечно, — ответил я. — А вы, Дрэк?

— Я тоже, — сказал он. — Я буду охранять Руфь... то есть мисс Вентнор.

Радость в глазах Вентнора вдруг померкла. Лицо его стало мрачным.

— Подождите, — сказал он. — Я унес несколько... несколько образцов из расщелины, из которой неслись странные звуки.

— Образцов? — удивленно переспросил я.

— Я спрятал их, — продолжал он. — Мне пришла в голову мысль... смутная мысль... что они гораздо важнее этих вооруженных людей. Во всяком случае, мы должны взять их с собой. Пойдите, Руфь покажет вам их. И принесите их, чтобы погрузить на лошадь. Тогда мы двинемся в путь. Несколько лишних минут не имеют значения, — только торопитесь!

Он вернулся на свой сторожевой пост. Я оставил с ним Чиу-Минга и последовал за Руфью и Дрэком вниз по полуразрушенной лестнице. У подножия ее Руфь шепнула мне:

— Я боюсь, я страшно боюсь их. Мартину они тоже неприятны, эти предметы, которые вы сейчас увидите.

— Но что это такое? — спросил Дрэк. — И что там страшного?

— Увидите сами, — Руфь медленно и неохотно пошла в глубь крепости. — Они грудой лежали у входа в расщелину, откуда неслись звуки. Мартин поднял и бросил их в мешок прежде, чем мы убежали из впадины. Они такие странные, они почти себе на уме, и у меня такое чувство, точно они самые крошечные кончики когтей невероятно большой кошки, притаившейся за углом, страшной кошки, величиной с гору, — кончила Руфь, задыхаясь.

Мы пробрались через развалины в центральный, открытый двор. Тут в развалившемся и засыпанном бассейне журчал ручеек. У воды лошадь Вентноров мирно щипала сочную траву. Из стоявшей тут же корзины Руфь вынула небольшой мешок.

— Чтобы уложить... их, — пояснила она дрожащим голосом.

Мы прошли через отверстие, бывшее когда-то дверью, в другое помещение, гораздо большее, чем то, которое мы только что покинули. Оно было в лучшей сохранности, потолок не растрескался, и после яркого солнечного света нам показалось темно. Руфь довела нас до середины помещения и остановилась. В полу перед нами чернела трещина фута в три шириной. По ту сторону трещины был гладкий плитняк, почти чистый от всяких обломков.

— Вон, они там, — произнесла Руфь. Она протянула руки к тому, что казалось выпуклым, узорчатым кругом на пыльном полу. Этот круг блестел металлическим, синеватым светом, точно его только что наполировали.

— Мартин сложил их там, чтобы они не убежали, — сказала Руфь. — Они не могут перепрыгнуть через трещину.

Я в недоумении перешагнул трещину и наклонился над кругом. Дрэк последовал за мной. Круг был составлен из кубиков с острыми ребрами высотой в дюйм. Они с математической точностью были отделены один от другого расстоянием в дюйм. Я сосчитал их. Девятнадцать. Внутри этого круга было другое кольцо из предметов пирамидальной формы — четырехгранников, с острыми ребрами и с основаниями того же размера, то есть в один дюйм. Они лежали на боку, указывая вершинами на шесть сферических предметов, собранных в самом центре в пучок, точно цветок о пяти лепестках. Эти сферические предметы были дюйма в полтора в диаметре. Шар, который они заключали в себе, был больше почти на дюйм.

Все эти предметы были расположены в таком порядке, так напоминали геометрический рисунок, аккуратно выполненный каким-нибудь умным ребенком, что я в первую минуту не решился разрушить его. Потом я наклонился и взял в руки одну из пирамид. Она цепко льнула к камню, и я оторвал ее с трудом. Прикосновение к ней давало легкое ощущение тепла. Я взвесил ее на руке. Она была странно тяжелая, вес ее был, вероятно, вдвое больше веса платины. Не было сомнения, что пирамида эта металлическая, но металл этот был мне совершенно не знаком. Он состоял точно из спрессованных волокон, расходившихся лучами из крошечных точек, матово блестящих на полированной поверхности. И у меня вдруг появилось жуткое ощущение, что каждая из этих точек — глаз, пристально разглядывающий меня.

— Посмотрите! Посмотрите на кольцо! — прошептал Дрэк. Кольцо было в движении.

Кубы двигались; круг вращался; пирамиды встали на свои основания; шесть сферических предметов коснулись их и присоединились к вращательному движению. С такой же неожиданностью кольцо вдруг стянулось в одной точке. Отдельные части его срослись. Перед нами выросла и стояла, выпрямившись, смешная маленькая фигурка, какое-то пугало, все из углов. Казалось, что дитя построило из игрушечных кубиков какую-то фантастическую фигурку, вдруг затрепетавшую жизнью. Игрушечный гном.

Фигурка стояла всего одно мгновение, потом очертания ее стали меняться с поражающей быстротой, в то время, как менялись местами кубики, треугольники и круги. Эта перетасовка была похожа на превращения, которые видишь в калейдоскопе. В каждой исчезающей форме был какой-то намек на странную

гармонию, на какое-то тонкое, высокое геометрическое искусство, как будто каждая новая форма была символом, словом. Точно Евклидовой теореме была дана живая воля. Геометрия обрела сознание.

Мгновение маленькие предметы лежали неподвижно. Потом девять кубиков понеслись друг к другу. Они превратились в стройную колонну в девять дюймов высоты. Вверх по этой колонне скользнул самый большой шар и закачался на ее вершине. За ним последовали пять меньших сферических предметов и прильнули кольцом как раз под большим шаром. Оставшиеся кубики скользнули вверх по колонне и по двое примкнули к внешним сторонам сферических предметов. Вслед за ними помчались пирамиды, в свою очередь соединяясь с кубиками, как бы заканчивая их остриями. Остатки их примкнули к основанию пирамиды.

Все это произошло так быстро, что я едва мог уследить глазами.

Теперь кольцо, образовавшееся из пяти сферических предметов, кубиков и пирамид, начало кружиться. Все быстрее и быстрее. Оно превратилось в диск, на котором появлялись, исчезали и вновь появлялись еще в большем количестве крошечные сверкающие искры.

Диск мчался на меня.

— Бросьте ее! Скорей! — услышал я крик Руфи. Но прежде чем я успел бросить пирамиду, которую все еще держал в руках, диск коснулся меня. Точно парализующий ток пробежал через мое тело. Пальцы мои не могли разогнуться. Я стоял с напряженными мускулами, не в состоянии двинуться.

Фигурка остановилась. Диск ее склонился на бок, точно фигурка снизу взглядывала на меня, и у меня снова родилось ощущение бесчисленных глаз, глядящих на меня. Фигурка не казалась рассерженной, в ее позе был скорее вопрос, ожидание. Как будто она что-то попросила у меня и удивлялась, почему я ей этого не даю. Я снова попытался бросить пирамидку, но пальцы мои не хотели разжаться.

Вдруг я услышал выстрел, и от странного пигмея, у которого теперь уже был угрожающий вид, отскочила пуля. Дрэк поднял ногу и толкнул фигурки. Что-то сверкнуло, и Дрэк неподвижно лежал на земле. Руфь перепрыгнула трещину и опустилась перед ним на колени. С той стороны трещины раздался какой-то шепот, стонущие звуки. По полу пронеслись кубики, остановились у расщелины, со звоном соединились одни с другими и перекинулись, точно мост, через трещину. Странная фигурка у моих ног рассыпалась, и составные части ее помчались к этому мосту и скользнули по нему.

Я почувствовал резкий толчок от пирамидки в моей руке. Пальцы мои сразу разжались и освободили ее. Она упала, потом помчалась по мосту. А мост точно только и ждал пирамидку. Его ближайший к нам конец тотчас же оторвался от края трещины, потом встал, точно металлический труп, на противоположном конце. Потом упал. Снова свистящие звуки, синеватый блеск, и все странные предметы исчезли.

Я пришел в себя. Дрэк сидел на земле.

— Сон это, — воскликнул он, — или эти кубики действительно побороли меня? Но ведь это были всего только кусочки металла!

— Да, они действительно казались кусочками металла, — сказал я.

— Кусочки металла, — повторил он растерянно. — Но, черт возьми, профессор, они жили и соображали!

— Такие малютки! — воскликнула Руфь.

— Металлические малютки! — повторил Дрэк. — Но если они могли сделать то, что сделали...

— Вот именно, — закончил я его мысль. — Вы хотите сказать, что тогда могут сделать большие, если их малютки так сильны...

Я наклонился. На земле был след, крошечная копия того огромного следа, который мы видели на горе. Мне стало холодно. Точно открылась какая-то дверь в неведомый мир, и из нее подул ветром.

— Идемте, профессор! — Дрэк помог Руфи перешагнуть через трещину в полу, и они побежали к выходу. Я последовал за ними...

Я не стыжусь сказать, что мне было жутко. То, что мы видели в полумраке рушащейся крепости, было совершенно невероятно, шло дальше всякой научной фантазии.

Металлические предметы с разумом! Мыслящий металл!

Г л а в а VI

Разрушитель

Я вышел из крепости и окинул взглядом зеленую впадину. Я не верил своим глазам и протер их. Жаворонок вспорхнул с камня и поднялся к темнеющему небу. Посреди древней дороги сидел заяц и, прислушиваясь, поднял уши. Сама впадина спокойно лежала под золотистым светом.

Я осторожно стал спускаться по дороге, по которой всего около часа назад мы шли с таким трудом. Да, ужасные течения, едва не погубившие нас, совершенно исчезли. Зеленая чаша была теперь всего лишь тихой, очаровательной впадиной среди

гор. Я оглянулся назад. Даже развалины как будто потеряли свои жуткие очертания. Это были источенные временем рушащиеся камни, и ничего больше.

Руфь и Дрэк выбежали на краж и делали мне знаки. Я вскарабкался к ним.

— Все хорошо, — крикнул я. — Ведите Мартина и Чиу-Минга. Скорее... Пока путь свободен...

Из ворот крепости выбежал Чиу-Минг. Раздался выстрел, один, другой... Потом крик Вентнора:

— Руфь! Сорнтон! Дрэк! Сюда! Они идут!

Высоко на извилинах горной дороги засверкали копыта. Вниз катилась людская лавина. Поблескивали шлемы и латы. Передние воины были на крепких черных лошадях. Их поднятые короткие мечи сверкали молниями. За всадниками шли пешие солдаты, и над ними поднимались леса блестящих копий.

Снова раздался треск выстрела Вентнора. Один из передних всадников свалился, лошадь другого споткнулась об него. На мгновение натиск был задержан, пешие и всадники сбились на дороге.

— Дрэк, — закричал я, — бегите с Руфью ко входу в туннель. Мы можем задержать их там. Я уведу Мартина. Чиу-Минг, живо за лошадьми.

Я толкнул их вниз по лестнице и крикнул Вентнору:

— Ко мне, Мартин! Руфь и Дрэк побежали к туннелю, через который мы сюда пришли. Скорее!

Мгновение спустя Вентнор бежал ко мне со сверкающими глазами.

— Моя лошадь! Все наши запасы на ней.

— Чиу-Минг позаботится об этом, — ответил я.

Руфь и Дрэк уже далеко опередили нас. Я оглянулся на бегу. Кавалерия снова двинулась и была теперь совсем близко от крепости. Я заметил, что кроме копий у всадников были еще луки. Туча стрел оторвалась от них, но не долетела до нас.

— Беги скорее, — крикнул Вентнор, — сейчас будет сюрприз. Надеюсь, что я рассчитал правильно.

За нами раздался громовой удар, грохот. Я обернулся. Над разрушенной крепостью стояла туча дыма и пыли. Туча рассеялась, и я увидел, что половина крепости развалилась и засыпала дорогу. Среди камней лежали люди и лошади. По ту сторону засыпанной дороги наши преследователи были задержаны, как поток воды неожиданно упавшим деревом.

— Бежим скорее! — крикнул Вентнор. — Это задержит их ненадолго.

Мы мчались вперед, и Руфь и Дрэк были теперь уже совсем близко от входа в зеленый туннель. Вдруг Дрэк остановился,

поднял ружье и выстрелил. Потом он схватил Руфь за руку и побежал назад. В это время мы увидели, что туннель, на который мы так надеялись, занят вооруженными людьми. Мы были окружены.

— Расщелина! — крикнул Вентнор.

Дрэк услышал, потому что сейчас же бросился к отверстию в скалах, где, по словам Руфи, были найдены маленькие металлические предметы. Вслед на ними гнал лошадей Чиу-Минг. Из туннеля во впадину высыпали солдаты. Мы с Вентнором опустились на колени и стали стрелять в них. Они отступили, а мы бросились бежать. Но сзади раздались крики, похожие на волчий рев. Это воины, наступавшие по дороге, перебрались через баррикаду, созданную взрывом динамита.

Мы бежали так, как я никогда не думал, что можно бежать. Мы были уже совсем близко от расщелины. Но и враги наши были совсем близко от нас.

— Мы не добежим, — крикнул Вентнор. — Бросайтесь на землю и стреляйте.

Мы легли, повернувшись лицом к нашим врагам. Раздались торжествующие крики. И в момент странного обострения чувств, всегда идущего рука об руку с опасностью, точно сама природа призывает все наши резервы для встречи этой опасности, — мои глаза с фотографической точностью зафиксировали вооруженных людей: кольчуги, луки, дротики, короткие бронзовые мечи, щиты и под шлемами бородатые лица — с такой же белой кожей, как у нас. Свириные глаза...

Воины жестоких, победных ратей Ксеркса, сладострастные алчные волки Дария, рассеянные Александром, — в нашем мире двадцатого столетия!

Они приближались к нам, очевидно намереваясь взять нас живыми.

— У меня осталось всего только десять патронов, Мартин, — сказал я.

— Боюсь, дружище, что мы погибли, — ответил Вентнор.

Дикий рев, и людская лавина покатилась на нас. Мы вскочили и в отчаянии, растративая последние патроны, были уже готовы встретить натиск.

Но что случилось с воинами? Они остановились. В то же мгновение Руфь и Дрэк перестали стрелять. Мы обернулись, чтобы взглянуть на них, и так же застыли на месте, как и наши враги.

На темном фоне расщелины стояла женщина. Она была высокого роста, выше, чем наш Дрэк. Но ни этот рост, ни волосы ее, сиявшие как золотое пламя, не были причиной, заставившей меня выронить из рук ружье. Это были ее глаза — огромные,

голубые, лучистые. Они сияли на ее белом лице, точно были холодным, белым пламенем самих звезд — такие же спокойные, как звезды.

Шагах в пятидесяти от женщины стояли Руфь, Дрэк и Чиу-Минг и смотрели на нее, не сводя глаз. Она движением руки подозвала их к себе. Руфь побежала к ней, Дрэк продолжал прикрывать собой девушку, но Чиу-Минг не тронулся с места. Глаза женщины обратились ко мне и к Вентнору. Она и нас подозвала жестом.

— Скорее, — шепнул мне Вентнор.

Мы побежали. Наш бег точно нарушил какое-то очарование, и снова за нашими спинами поднялся гул и звон оружия.

Женщина высоко подняла голову. Металлическое облако ее волос сияло, пламенело. Из закинутого назад горла раздался вибрирующий крик, гармоничный, нежный, точно золотой. Прежде, чем крик этот замолк, из расщелины с невероятной быстротой полился поток металлических шаров, кубов, пирамид. Не таких маленьких, как те, которые мы видели в крепости, а фута в четыре высотой, с мириадами сверкающих точек на блестящей поверхности, точек, странно похожих на немигающие глаза. Расщелина без конца извергала эти непонятные металлические предметы, они стекались в одно место и образовали баррикаду между нами и вооруженными людьми. Их встретил дождь стрел. Снова раздался клич женщины — золотой, повелительный.

Шары, кубы и пирамиды соединились, и то, что я увидел, было похоже на тающую ртуть. Из этой массы вверх поднялась толстая прямоугольная колонна. С правой и с левой ее стороны выскочило по три руки, которые все время росли и росли. И вот перед нами стояла огромная колонна, геометрическое чудовище. Ее венчали два больших шара. Слева и справа, невероятные, узловатые руки футов по пятьдесят в длину размахивали и извивались, странно напоминая движения боксера. В конце каждой из этих шести рук были собраны в кучу шары, в которым примкнули пирамиды. Это было внушающей ужас пародией на многозубцы гладиаторов.

Потом металлическая колонна двинулась. Две руки сверкнули и врезались в передние ряды вооруженных людей. Третья рука оторвалась и змеиным движением примкнула к четвертой руке. Образовалась стофутовая цепь, пробуравившая смятенную толпу. Пятая рука ударила по кучке воинов и раздавила их.

Тогда вся рать, которая изгнала нас из крепости, побросала мечи и копья и с криками бросилась бежать. Конница прищипывала лошадей и давила пехоту. Люди казались крысами, в панике рассыпавшимися по дну большой зеленой чаши.

Несущая смерть колонна завертелась и приняла другую форму.

Там, где был столб и извивающиеся руки, теперь стоял треножник футов в тридцать высоты с ногами из шаров и кубов, а наверху его было широкое вращающееся кольцо из сверкающих кругов. Из середины этого кольца тянулись щупальца, извивающиеся, как стальной змей. На конце их соединились шар, куб и пирамида, составляя трезубец. Трезубец этот стал бить с удивительной меткостью по воинам, подхватывая бегущих и подбрасывая их высоко в воздух. Из туловища извивающейся змеи полил огненный дождь.

Я услышал, как вздохнула Руфь. Она упала без чувств на руки Дрэка. Слева от нас раздался топот множества бегущих ног, стон Чиу-Минга.

Обезумели ли они от страха, или в отчаянии решили убивать, пока их еще не убили, — не знаю. Но группа воинов из туннеля бежала на нас. Она молча надвигалась со сверкающими мечами и копьями.

Умерщвляющее НЕЧТО увидело их, — в это мгновение я окончательно понял, что сверкающие точки в металле были глазами. Гигантские металлические щупальца протянулись между нами и теми, кто угрожал нам...

В это время я услышал крик Чиу-Минга. Я увидел, как он закрыл руками глаза и побежал прямо на пики.

— Чиу-Минг! — закричал я пересохшим горлом и бросился за ним. Но не успел я сделать и пяти шагов, как копье пронзило грудь китайца.

Когда он упал, гигантская цепь ударила по солдатам. Она прошла по людям, как коса по созревшим колосьям. Она разбросала их далеко по равнине. То, что осталось, не было похоже на людей.

Вентнор и я опустились возле Чиу-Минга. На губах его была кровавая пена.

— Я думал, что Шин-Дже хочет нас убить, — прошептал он, — страх ослепил меня.

Голова его упала; тело затрепетало и затихло.

Мы поднялись. Возле расщелины стояла женщина и смотрела на Руфь, спрятавшую голову на груди Дрэка. Долина была усеяна горами убитых. Высоко в темнеющих небесах собирались коршуны, крылатые санитары гор.

Нечто умерщвляющее исчезло без следа.

Женщина подняла руку и снова подозвала нас жестом. Мы медленно подошли и встали перед ней. Огромные стальные глаза вопрошающе смотрели на нас.

Норхала

Сначала я видел только эти прекрасные, сияющие глаза, мягкие теперь, как умытые дождем апрельские небеса. Их серая радужная оболочка была усеяна золотистыми и сапфировыми точками, блестящими, как крошечные звездочки. Потом, с трепетом удивления, я увидел, что эти крошечные созвездия были не в одной только радужной оболочке. Они сверкали и в зрачке, как звезды в глубине бархатистого ночного неба. Но в этих глазах не было ничего угрожающего. Откуда же был этот холодный огонь, еще так недавно исходивший от них?

Над этими глазами были тонкие золотистые брови. Губы были — яркий коралл и нежнее мечты художника, но губы эти спали и не стремились проснуться. Прямой нос, высокий лоб и над ним масса волос — сияющий топаз, металлическое облатчко.

В этой женщине было нечто не от того мира, который знаем мы, — и все же от него, как ветры Космоса живут в летнем ветерке, океан — в волне, молнии — в светлячке. Она смотрела на нас, точно впервые видела себе подобных. Она заговорила, и голос ее звучал, как звон маленьких золотых колокольчиков. Говорила она по-персидски, на чистейшем древнеперсидском языке.

— Я Норхала, — прозвенел в тишине золотой голос. — Я — Норхала.

Она протянула стройную руку и коснулась ею головы Руфи. Отвела голову Руфи от груди Дрэка и заглянула девушке в глаза. Потом протянула палец, коснулась слезы, висевшей на длинной реснице Руфи, и с удивлением посмотрела на нее. Как будто какое-то воспоминание проснулось в ней.

— У тебя... горе? — спросила она, как будто подыскивая слова.

— Я плачу о нем, — Руфь указала на Чиу-Минга.

— О нем? — В тихом голосе было недоумение. — Но почему же?

Она посмотрела на Чиу-Минга, потом обратилась снова к нам:

— Пойдемте со мной.

Она повернулась и пошла к расщелине.

— Но мы не можем так бросить Чиу-Минга, — сказал Дрэк... — Закроем его по крайней мере от ястребов.

— Идемте! — Норхала дошла до входа в расщелину.

- Я боюсь! Я боюсь, Мартин, — шептала Руфь.
— Идемте! — повелительно повторила женщина.
Вентнор пожал плечами.
— Так идемте, — сказал он.

Мы в последний раз взглянули на китайца, над которым кружили коршуны, и направились к расщелине. Женщина молча ждала, пока мы пройдем мимо нее, потом скользнула за нами след.

Мы не прошли и десяти шагов, как я увидел, что мы находимся не в расщелине, а в туннеле, прорубленном человеческими руками. Крышей туннеля была гора. Женщина прошла вперед и повела нас. Далеко впереди сиял бледный свет. Он трепетал, как призрачная завеса. Мы подошли к этой завесе, прошли через нее и вышли из туннеля. Перед нами было узкое ущелье, точно удар мечом рассек величественного горного гиганта, под ногами которого прополз туннель. Высоко над нами была лента неба.

Кругом было темно, но я почувствовал, что здесь нет ни деревьев, ни зелени. Земля была усеяна обломками скал, почти неразличимыми в надвигавшемся мраке. Впереди в прорывах скал поблескивал свет.

— Стойте! — вдруг приказала Норхала. — Было бы хорошо закрыть этот путь, — заговорила она как бы сама с собой. — Он будет не нужен, когда...

Она вдруг тихо запела. Это был шепот, но с резко подчеркнутым ритмом. Это были тона, совершенно не знакомые мне, пробуждавшие странные картины летящих линий, кружащихся спиралей, сплетающихся арок света. Эта песня, — если ее можно было назвать песней, — казалась мне этими движениями, превращенными в звуки.

В глубине туннеля началось какое-то движение, стали вспыхивать яркие зеленые молнии. Скала оторвалась и обрушилась.

Когда я раскрыл ослепленные глаза, молнии прекратились. Выход из туннеля был завален гигантскими обломками скал. Вокруг нас был шум, как от огромных тел, мчащихся мимо. Потом наступила тишина.

— Идемте! — Норхала, точно скользя, шла впереди нас. Мы молча последовали за ней. Наконец, лента неба над нами исчезла. Норхала остановилась. Из мрака впереди нас раздался странный заглушенный треск, точно звуки пулемета.

Темноту прорезал бледно-голубой фосфорический столб света. Это соединенные друг с другом огромные кубы перекинутые, как мост, через зияющую перед нами пропасть. Далеко снизу доносилось слабое журчание воды. Ноги мои задрожали.

Передо мной были такие же кубы, что составляли тело металлического чудовища, которое так шутя расправилось с вооруженными людьми.

— Не бойтесь, — мягко, как детям, сказала Норхала, — переходите.

Я шагнул вперед. Мост тянулся ровный и гладкий, и только полоски на нем обозначали те места, где один куб примыкал к другому. Я шел смелее. Вот еще несколько шагов, вот мост перейден.

За мной перешел Вентнор и провел свою навьюченную лошадь. Он завязал ей глаза, чтобы она не увидела, по какому узкому пути идет. Дальше шел Дрэк, успокаивающе положив руку на круп лошадки. За ними скользила Норхала, обняв Руфь. Когда они подошли ко мне, Норхала выпустила Руфь и снова пошла впереди.

Скоро я увидел над нашими головами звезды. Мы вышли в долину, окруженную так же, как и та, из которой мы бежали, высокими горами. Рядом была небольшая возвышенность, и на нее-то и повела нас Норхала.

Окутывавшее ее легкое покрывало соскользнуло и обнажило шею и плечи. Пряжка матового золота придерживала складки ее золотистой одежды. Широкий пояс охватывал бедра. На ногах ее были сандалии.

Блестящий луч зеленоватого цвета вынырнул из-за горы, коснулся зенита и исчез. На небе затрепетало какое-то мерцание. Мы только на мгновение отвлеклись от женщины, но когда мы снова оглянулись, ее уже не было.

Воздушные рати стройных сверкающих копий зеленого света и развевающиеся стяги, призрачно голубые и красные, сгустились и стали ярче. Вентнор схватил меня за руку и потащил направо. Футах в тысяче от нас над долиной поднималась черная скала. На вершине ее стояла Норхала.

Она откинула свое покрывало. Ее обнаженные руки были подняты вверх. Свет наполнял ее, свет исходил от нее, она была хрустальной вазой в форме женщины. Норхала пела.

Вокруг нее сверкали мириады огней, точно драгоценные камни.

То вспыхивало пламя бледного изумруда, то горели рубины, переливались огни опала. Потом из огней этих стали вырываться молнии. Они ударялись о прекрасное тело женщины, разбивались об него и спадали, точно каскадами.

Молнии омывали ее, — она точно омывалась в молниях.

Небеса затянул легкий туман. Мрак, как завеса, упал между нами и черной скалой.

Очертания в тумане

Руфь закрыла лицо руками и вдруг упала на колени.

— Подбодришь, Руфь, — Вентнор наклонился к сестре и провел рукой по ее волосам. — Что бы нас ни ждало, это все же лучше, чем вооруженные люди.

— Лучше ли? — сквозь слезы проговорила Руфь. — Я не знаю, Мартин, лучше ли?

— Ну а я так уверен, что лучше. — Дрэк опустил ся рядом с ней. — Мы совершенно точно знаем, что случилось бы с нами, если бы эта вооруженная толпа одержала бы верх. Я не сомневаюсь, что для нас лучше быть с этой удивительной женщиной, чем с ними.

— Да, но что же дальше? — прошептала Руфь.

— Это мы увидим, — ответил Дрэк, поправляя папиросой. — Я было думал, что эти металлические предметы — автоматы, очень остроумные и сложные механизмы, движимые чем-то вроде радио. Может быть, по тому же принципу, что и торпедо Гаммонда.

— Ах! — воскликнула Руфь. — Вы думаете, что они совсем не живые и что она... Норхала... управляет ими?

— А кто же другой? — спросил Дрэк.

— Гм! — Руфь подняла кудрявую головку. — Но подождите... Норхала не была поблизости, когда эти... малютки умчались из крепости. А это ужасное чудовище, убивавшее солдат? Да ведь оно просто с наслаждением убивало. Норхала не радовалась бы тому, что убивает. Она просто была спокойной и невозмутимой. А это чудовище радовалось. Нет, это не Норхала...

Руфь помолчала, потом добавила:

— Может быть, эти странные предметы — и машины, как вы думаете. А может быть, они и живые. Но я больше не боюсь, и не будем об этом думать.

— Молодец! — Вентнор похлопал Руфь по плечу. — Узнаю свою сестренку. Конечно, эти странные предметы живут. Возьмите назад вашу мысль о торпедо Гаммонда, Дрэк. Разве торпедо могло бы рассыпаться на свои составные части — пропеллер, остов, машину — и затем опять соединиться в одно? А потом снова рассыпаться и возродиться в совершенно новых формах?

— Так что же? Немножко сильного взрывчатого вещества из французского орудия большого калибра подбросило бы этого убийцу выше, чем летает коршун, — сказал Дрэк.

— Оно могло бы рассыпать их, — ответил Вентнор, — но какой был бы в этом толк, если они тотчас же собрались бы снова и образовали бы какую-нибудь новую форму?

— А все же, — упрямо продолжал Дрэк, — Норхала своим голосом управляла этим чудовищем в долине. Может быть, это автомат, построенный так, чтобы отвечать на известные тона.

— Дорогой мой, — перебил я Дрэка, — по-моему, гораздо проще верить, что эти предметы живут, чем представить себе, что такие удивительные перемены и движения вызываются звуками голоса...

— Живут, — протянул Вентнор, — конечно, они живут. Каждый из этих предметов — мыслящее существо. Когда на их пути встречается какое-нибудь препятствие, их отдельные воли сливаются в одну. Они становятся вещью со множеством разумов, и все эти разумы действуют как один.

Долина затихла, точно из нее были вытянуты все звуки. Мы невольно умолкли и стали ждать Норхалу. Место, на котором мы находились, было выше уровня долины. Сгущавшийся туман медленно полз к нам снизу.

Таинственный посетитель

Среди этого тумана нарисовался слабо светящийся четырехугольник. Он медленно поднимался. Потом почти у наших ног остановился матово сверкающий шестифутовый куб. Он устоял перед нами, на нас мириадами глубоко сидящих поблескивающих точек.

По его следу плыли один за другим еще шесть кубов, похожие на блестящие спины каких-то морских чудовищ. Один за другим они прильнули к кубу, который появился первым. Они стояли теперь, точно уставившись в нас глазами.

Позади них мы увидели Норхалу. Она прошла по кубам, точно гений света, и встала перед нами. Потом оглянулась на кубы, не произнося ни слова. Но средний куб скользнул вперед и остановился перед ней. Она положила руку на край куба.

— Идем... со мной, — шепнула она Руфи.

— Норхала, — Вентнор сделал шаг вперед, — Норхала, мы должны ехать с ней. И эта, — он указал на лошадь, — тоже должна быть с нами.

— Я хотела, чтобы и вы ехали, — прозвенел голос Норхалы, — но я не думала про... эту.

Она повернулась к шести ожидавшим кубам. Снова, как по приказанию, четверо из кубов двинулись и помчались друг к другу. Они соединились, и перед нами стояла платформа в двенадцать футов в квадрате и шесть футов в высоту.

— Поднимайтесь туда, — указала нам на платформу Норхала.

Вентнор беспомощно смотрел на гладкую поверхность, возвышавшуюся перед ним.

— Поднимайтесь! — В приказании женщины звучало и удивление, и нетерпение. — Смотрите!

Она схватила Руфь за талию и с совершенно невероятной быстротой очутилась вместе с девушкой на верху одиноко стоявшего куба.

— Поднимайтесь! — произнесла она снова, глядя на нас вниз.

Вентнор стал завязывать лошади глаза. Я оперся рукой на край куба и прыгнул. Невидимые руки подхватили меня и поставили на площадку.

— Поднимите лошадь ко мне, — крикнул я Вентнору.

— Поднять? — недоуменно спросил Вентнор.

Дрэк засмеялся.

— Ловите, — крикнул он и просунул руку под живот лошадки, а второй рукой подхватил ее под шеей. Его плечи поднялись, и лошадка со всем грузом взвилась кверху и мягко опустилась рядом со мной на четыре широко расставленные ноги.

— Следуйте за ней, — крикнула Норхала.

Вентнор и Дрэк прыгнули. С быстротой взмаха птичьего крыла они уже стояли рядом со мной.

Куб, на котором стояли Руфь и Норхала, полетел. Я увидел, как они скрылись в тумане. Вслед за ними, точно бревно в безумно мчавшемся потоке, мы нырнули в туман.

Мы отправляемся в таинственное путешествие

Кубы двигались так легко и мягко, что если бы не ветер, хлеставший наши лица, и не стены из облаков, мчавшихся мимо нас, я подумал бы, что мы стоим на месте.

Я увидел, что Вентнор направился к переднему краю платформы. Он шел так странно, что ноги его вязли. Я попробовал пойти вслед за ним, но не мог поднять ног. Они только скользили по поверхности платформы, но оторвать я их не мог. У меня было такое ощущение, что до пояса я двигаюсь через густо сплетенную массу паутины. Мне пришло в голову, что если я соскользну с платформы, то смогу, как муха, ползать по вертикальным бокам ее, не падая.

Я добрался до Вентнора. Он пристально смотрел вперед.

— Вы не видите их, Сорнтон? — спросил он. — Как мог я отпустить Руфь одну!

— Эта женщина взяла и нас с собой, — сказал я, — и, конечно, не захочет нас разлучать. Я в этом уверен.

Дрэк выронил из рук ружье. Когда оно ударилось о платформу, раздался странно высокий, металлический звук, тотчас же заглохший, точно что-то всосало его в себя. Дрэк наклонился, чтобы поднять ружье, но напрасно провозился с ним. Ружье точно прилипло к полу.

Он толкнул ружье, и оно скользнуло от него в сторону. Я наклонился, чтобы помочь ему. Ружье точно стало частью поверхности, на которую оно упало.

Мы услышали крик Вентнора и подняли головы. Головы наши высунулись из тумана, как головы пловцов из воды. Туман раскинулся вокруг, точно море. Впереди мы увидели женщину, окутанную почти до самых плеч туманом. К плечу ее прижималась кудрявая головка Руфи. На крик брата девушка обернулась и сделала ему успокаивающий жест рукой. Мы мчались к выходу в гористой стене долины. Это было не расщелиной, а производило впечатление гигантских ворот.

— Смотрите! — закричал Дрэк.

Между нами и воротами туман стали разрезать какие-то сверкающие формы. Мелькали силуэты круглых тел, похожие на огромных дельфинов. Туман рассеялся. Мы быстро приближались к воротам. Теперь сверкающие формы окружали нас со всех сторон. Они собрались у ворот и влились в них — целое полчище металлических предметов, провожающих нас, охраняющих нас, играющих вокруг нас.

Жутким, невыразимо жутким было это зрелище. Широкая и молчаливая долина, окутанная туманами, точно покрывалом; прекрасная голова женщины, несущаяся среди этого тумана; матовый блеск таинственных металлических предметов, плывущих вокруг нас в каком-то непонятном порядке; титанические сверкающие ворота...

Мы были на пороге их. Мы перешли порог.

Г л а в а IX

То, что было дальше

У этого порога туманы пенились, как волны, но не проникали дальше.

Я не мог определить, попали ли мы в ущелье или в туннель. Я не видел ни неба, ни крыши. Впереди несся куб, на котором были Руфь и Норхала. Женщина все еще обнимала девушку. Перед ними летели полчища металлических предметов, блестящих, точно вырезанных из голубой полированной стали.

Оглянувшись, я увидел, что такие же странные предметы мчались и за нами через ворота.

Стены высились перпендикулярно. Они поблескивали зеленым металлическим светом. Они были каменные, но из камня, который как будто бы был выложен по особому плану и вытесан. И это совершенство гладких камней било меня по нервам и порождало смутное желание какой-либо дисгармонии, какого-либо беспорядка.

Мы теперь быстро приближались к кубу, на котором были Руфь и Норхала. Вентнор наклонился вперед и крикнул:

— Руфь! Руфь!

Девушка медленно обернулась, и сердце мое сжалось, а потом вдруг точно остановилось. На лице девушки был налет того самого неземного спокойствия, какое было на лице Норхалы. А в голосе ее бы отзвук золотого звона голоса Норхалы.

— Да, — сказала она, — да, Мартин, не бойся за меня.

Я незаметно взглянул на Вентнора и Дрэка. Вообразил ли я это, или и они видели и слышали то же самое, что и я? Лицо Вентнора было бледно, а Дрэк стиснул зубы.

— Руфь! — в восклицании Вентнора был страх.

Она не обернулась. Казалось, она не слышала его.

Расстояние между кубами все уменьшалось. Дрэк напряг все силы, чтобы оторвать ноги от сверкающей поверхности и сделать прыжок. Пот ручьем лился с его лица.

— Не могу, — крикнул он наконец, — не могу!

— Руфь! — снова позвал Вентнор.

Куб, теперь уже такой близкий, вдруг помчался вперед. Он летел все скорее и скорее. Наша платформа с такой же скоростью следовала за ним. Стены плыли с головокружительной быстротой.

Металлические предметы катились за нами. Это была волна высотой в пятнадцать футов, и даже в ту минуту ужаса я заметил, с какой математической точностью возглавляли колонну пирамиды и с каким жутким порядком были расположены кубы и шары.

Волна подступала все ближе и ближе. Теперь она была прямо за нашей спиной. Из нее на нас смотрели мириады невозмутимых глаз. Мы присели, ожидая, что волна обрушится и задавит нас.

В волне началось движение. Шары, кубы и пирамиды стали перетасовываться с поражающей быстротой. Волна стала понижаться и вдруг исчезла.

На месте волны появилась гигантская фигура, скользившая вслед за нами. Это был двойник фигуры, разбившей вооруженных людей, но значительно больший по размерам.

Трудно, невероятно трудно нарисовать словами мчавшееся за нами диво, хотя оно и состояло из знакомых нам форм — кубов, шаров и пирамид. Но именно в этой-то простоте составлявших ее форму и был ужас перед обыкновенным, превратившимся в непонятное.

Фигура поднималась до высоты пятидесяти взрослых мужчин и стояла на четырех, похожих на ходули, ногах. Ноги эти состояли из перемежавшихся шаров и кубов. Паучьи ноги поддерживали огромное цилиндрическое тело, сверху которого расходились в виде пятиконечной звезды соединившиеся вместе кубы. На каждом из пяти концов звезды появилось чудовищное тридцатифутовое колесо. Центром его были группы шаров, спицами — кубы, а ободами — большие сферические предметы.

Вся эта фигура образовалась в то время, когда она невозможно скользила за нами.

— Профессор, — сказал Дрэк, — как вы думаете, молодчик этот развлекает нас или просто сам забавляется?

— Тут не над чем смеяться, Дрэк, — сухо ответил я, раздраженный его задором.

Пять колес, венчающих фигуру, начали вертеться. Они вращались вокруг собственной оси и медленно вертелись вокруг... тел самой фигуры. В своем вращательном движении колеса накренились, свисали над нами, глядя на нас бесчисленными звездными точками.

Вдруг фигура легко подняла одну из своих четырех ходуль, вытянула ее над нами и затем спокойно и тупо поставила ее перед нашей платформой. В движении этом было нечто отвратительно паучье. Туловище стало опускаться все ниже, грозя нас раздавить.

Две ноги поднялись кверху, соединились концами, оторвались от туловища и превратились в огромное колесо. Это колесо стало так быстро вращаться, что казалось сплошной лентой из полированной стали. Пять колес были теперь просто пятном.

Ноги стали быстро сгибаться и разгибаться. Снова раздалось странное стонущие звуки. Пять колес слились в один огромный круг, и круг этот завертелся в зеленоватом тумане.

Г л а в а X

Перед дверью

Фигура казалась теперь безголовой. С вершины ее снова донеслись стонущие звуки.

В поле нашего зрения появилось гигантское колесо. Оно помчалось вниз, его втянуло, как лист в водоворот, и оно,

наконец, с металлическим звоном вернулось на свое место на чудовищном теле. Фигура затрепетала, растаяла и исчезла, рассыпаясь на полчище шаров, кубов и пирамид, снова волной покотившихся вслед за нами.

Мы промчались к правой стене расщелины и скользнули через широкую грядку. Эта гряда была шириной футов в сто. От нее уровень земли быстро спускался. Характер скал изменился. Кварцевые жилы сверкали, как хрусталь, как туманный опал; тут — мазок киновари; там — янтарный блик.

Земля полетела вниз. Возле нас открылась пропасть, уходящая неизмеримо глубоко.

Из сопровождавших нас металлических полчищ вырвались кубы. Они промелькнули мимо и промчались вперед. Мрак начал сгущаться, и мы летели в самой черной ночи. Мрак пронизывала стрела бледно-голубого фосфоресцирующего света.

Я прикрыл руками глаза от ураганного ветра и смотрел сквозь пальцы. Прямо на нашем пути возвышалась баррикада из кубов. Я закрыл глаза перед неизбежным столкновением.

Я услышал восклицание Вентнора. Платформа наша поднялась, и я открыл глаза.

Мы мчались прямо к вершине преграды, вставшей на нашем пути. Мы перелетели через нее и с незамедляющей скоростью прошли над фосфоресцирующей стрелой, оказавшейся другим мостом из кубов. Под этим мостом я чувствовал пустоту.

Мы снова врезались во мрак. Раздавался ужаснейший шум, треск и рев.

Вдали появилось слабое мерцание, как от восходящего в тумане солнца. Вокруг нас становилось все светлей. И все громче грохот кругом.

Горизонт теперь пламенел. И в это пламя из глубин вытянулся огромный прямоугольный язык, сверкающий, как серая сталь. На языке появился какой-то темный силуэт. Это было похоже на громадную, гигантскую жабу, грязную и рогатую. Минуту она выделялась силуэтом, потом исчезла в огненной пасти.

Таким же черным силуэтом, как жаба, появился и куб с Рубью и Норхалой. Он точно задержался, ждал чего-то.

— Это дверь! — кричал Дрэк.

Огненная пасть действительно была воротами. Через них лился свет. Оттенки пламени, бегущие тени были позади этих ворот. Пламенная пасть была иллюзией, рожденной мраком, в котором мы двигались.

Металлический мир

Норхала подняла высоко над головой руку. Из мрака вынырнул еще один силуэт — огромный краб. Все его тело было усеяно зеленоватыми языками пламени.

Краб исчез. На его месте был куб с Руфью и Норхалой. Потом и они исчезли, а мы очутились там, где мгновение назад были они.

Мы плыли высоко над океаном света. Море это раскинулось на пространстве бесчисленных миль. В этом море света стали появляться какие-то циклопические формы. Теперь грохот кругом был так оглушителен, точно десять тысяч Торов били молотками врагов Одина. Точно кузница, в которой ковали новый мир.

Новый мир? Металлический мир?

Вдруг шум замер, молнии потухли, а пламенное море стало легким, как туман.

Сквозь потухающий свет далеко-далеко впереди появилась флуоресцирующая полоса. От этой полосы каскадом спускались световые завесы, туманные и сверкающие. На фоне их выделялось нечто, показавшееся мне сначала горой. Мы приблизились, и я увидел, что это был город.

Город в милю высоты и увенчанный башнями, арками и куполами. Стены города сверкали множеством огней. С башен и арок падали широкие лучи электрического света.

Было ли это результатом усталости глаз, или игрой мрака и теней, или же все эти силуэты действительно двигались и меняли форму?

Это были вертящиеся купола и арки, башни точно таяли в каком-то брожении. Я оторвал взгляд от этой картины. Наша платформа остановилась на широком серебристом кряже, вблизи рамки ворот, и рядом с нами стояла Норхала, обнимающая Руфь.

Прежде, чем кто-либо из нас успел крикнуть, куб скользнул к краю кряжа и исчез из вида. То, на чем мы летели, дрогнуло и помчалось вслед.

У меня появилось тошнотворное ощущение падения вниз. Мы прижались друг к другу. В первый раз лошадь жалобно заржала. Мы летели прямо в бездну.

Далеко впереди мчались Норхала и Руфь. Их волосы развеивались по ветру, смешивались и казались шелковыми паутинками каштанового и золотистого цвета. Кругом, навстречу, внизу, снова началось громовое ворчание бесчисленных грозových литавр.

Г л а в а XI

Врата пламени

Казалось, что мы на метеоре мчимся через пространство. Разрываемый воздух гудел и визжал. Наша лошадь широко расставила ноги и опустила голову. Я видел, как Вентнор склонился все ниже, закрывая руками глаза от бурного ветра. Дрэк поддерживал его.

Я почувствовал, что сила циклона ослабевает. Похожие на странных лягушек, присели на самом краю платформы Вентнор и Дрэк. Я подполз к ним, совсем как гусеница, потому что там, где тело мое касалось поверхности кубов, притягательная сила держала его и позволяла только ползти, скользя поверхностью по поверхности.

Когда мои ладони коснулись кубов, я окончательно понял, что это металл, какой бы он жизнью ни жил.

В свидетельстве прикосновений нельзя было сомневаться. Это был металл, с намеком на хорошо отполированную платину. Кроме того, у кубов была температура, странно приятное тепло. Температура поверхности была градусов девяносто по Фаренгейту. Я всмотрелся в маленькие сверкающие точки. Они казались совсем близкими к поверхности кубов и в то же время бесконечно далекими от нее.

Они были похожи ...на что это они были похожи?

Мне пришло в голову, что они похожи на маленькие сапфировые звезды в ясных, серых глазах Норхалы.

Я подполз к Дрэку и толкнул его головой. Он оглянулся на меня.

— Не могу двигаться, — крикнул я. — Не могу поднять рук. Прилип, как муха.

Дрэк только усмехнулся, потом показал вперед. На нас точно мчалась металлическая скала, похожая на розовую тучу из стали. В ней были ворота, которые тоже мчались на нас, — раскрытая пасть холодного голубого пламени.

И мы влетели в эту пасть. Она пожрала нас. Невыносимо яркий, слепящий поток света озарил нас.

Г л а в а XII

Во власти диска

Не знаю, сколько времени мы находились в этом слепящем свете. Казалось, что это были бесконечные часы. На самом деле это, конечно, были всего только секунды.

Я наконец ощутил ласковый и целительный мрак. Я поднял голову. Мы двигались тихо, спокойно, через мягкую синеватую темноту. Глаза мои устремились на какой-то предмет в каком-нибудь футе расстояния. Шея моя напряглась, я смотрел во все глаза, не веря себе. То, на что я смотрел, было рукой скелета. Каждая серовато-черная кость этой руки резко вырисовывалась, и рука эта тянулась... но к чему это она тянулась?

Я закрыл глаза, чтобы не видеть ужасной руки. Но рука протянулась к самому моему лицу, коснулась меня. Невольный крик, вырвавшийся у меня, тотчас же умолк. Я понял: рука скелета была моей собственной рукой. Я знал, что я сейчас увижу, и действительно увидел. Два длинных скелета стояли рядом со скелетом лошади. Это были Дрэк и Вентнор. А впереди, на сверкающем кубе, неслись две женщины-скелеты, Руфь и Норхала.

Эффект этот создавал окружающий нас свет. Колебания отчасти только исследованной области ультрафиолетовых лучей и вне исследованной области над нею; родина рентгеновского луча и другие подобные световые феномены. И все же какое-то различие было. Вокруг костей не было туманного сияния, видимого при X-лучах, этого напоминания о теле, которое даже они не могут сделать совсем невидимым. Скелеты стояли резко очерченные, без всяких следов телесной оболочки.

— Не открывайте глаз, — сказал я своим спутникам. — Мы проходим через странный свет. У него есть качество X-лучей. Вы увидите меня скелетом.

— Что? — закричал Дрэк. Не слушая моих предупреждений, он выпрямился и во все глаза уставился на меня. И хотя я понимал причину происшедшего, я все же с ужасом смотрел на этот череп, вытянувшийся ко мне. Скелет, бывший Вентнором, не спускал глаз с летевшей впереди нас пары. Я увидел, как он сжал лишенные телесной оболочки челюсти.

Вдруг тело вернулось к скелетам Руфи и Норхалы. Снова стояли во всей своей красоте девушка и женщина. В следующее мгновение и мы стояли живыми людьми, с плотью и кровью.

Освещение изменилось. Лиловый цвет исчез из него. Появились желтые лучи, как лучи солнца. Мы летели по широкому коридору, тянувшемуся, казалось, без конца. Желтый свет стал ярче.

Коридор открывался в пространство, для обширности которого у меня нет слов. Впереди стал вырисовываться светящийся диск.

Он был овальный, футов двадцать в высоту и не больше двенадцати в ширину. Одна широкая полоса, прозрачная, как солнечно-золотистый хризолит, бежала по его окружности.

Внутри этой зоны, на равных расстояниях друг от друга, было девять овальных предметов живого света. Они сияли, как сапфиры. Первые были бледного, водянистого цвета, следующие все темнее, пока не доходили до прозрачного густо-синего цвета, прорезаемого оттенками пурпура. В каждом из них жило пламя, огненная эссенция жизненности.

Диск был выпуклый, похожий на щит, и сиял розовато-серым кристаллическим светом. От живущих овальных предметов тянулись светящиеся нити, сверкающие и радужные. Со спиральными извивами, образуя завитки, они сходились к ядру.

А что ядро? Что это было такое? Отчасти разум, как мы понимаем разум. Но гораздо больше этого по своей энергии и силам.

Это было похоже на розу, на невероятную розу с тысячью лепестков. Она цвела мириадами меняющихся оттенков. Мгновение за мгновением поток разноцветного пламени, вливающийся из сапфировых овалов в ее лепестки, слабел и гас. Сердце розы было звездой раскаленного рубина.

Диск изливал силу, — силу могучую и сознательную.

Плывущие в воздухе фигуры Норхалы и Руфи приблизились к самому диску и остановились перед ним. В минуту их остановки я почувствовал прилив сил, почувствовал прежнюю свободу движений.

Мы промчались дальше, остановились шагах в двенадцати от сверкающих форм и легко сошли на землю.

Норхала, точно поддерживаемая невидимыми руками, взлетела к пламенеющей розе диска. Она летела все выше, к правой части золотой зоны диска... От краев овалов протянулись щупальцы, тонкие опаловые нити. Они вытянулись вперед на целый ярд, касались Норхалы, ласкали ее. Она висела в воздухе, трепещущая, со скрытым от нас лицом. Потом ее точно мягко опустили на землю.

А мимо нее по воздуху проплыла Руфь. На лице ее был экстаз, она не отрываясь смотрела на пламенную розу, переливы которой стали еще живее. Мгновение Руфь висела в воздухе. Ее подняло еще выше и направо, как было с Норхалой.

Снова тонкие нити протянулись и стали касаться ее одежды, зазмеились вокруг шеи, проникли в ее волосы, прошли по всему ее лицу. Они поясом охватили ее.

Все это было жутко похоже на то, что кто-то разумный изучает, осматривает какое-то чуждое ему существо и поражен его сходством и несходством с другим, подобным ему. В это время раздался выстрел.

Вентнор стоял на коленях и с побелевшими губами старательно целился, чтобы вторично выстрелить в сердце диска.

- Не надо, Мартин, не надо стрелять, — крикнул я.
- Не стреляйте, Вентнор! — крик Дрэка слился с моим.

Норхала ласточкой полетела к Вентнору. Вытянутое тело Руфи скользнуло вниз по диску, мягко опустилось на землю и стояло, покачиваясь.

А в Вентнора полетела стрела зеленого пламени, молния, какие порождает гроза. Стрела ударила в... Норхалу и стекла по ней, как вода. Один язычок пламени вырвался из-за обнаженного плеча Норхалы. Он перекинулся на ружье в руках Вентнора. Ружье вырвалось из его рук и взорвалось высоко в воздухе. Вентнор сделал судорожное движение и упал.

К нам подбежала Руфь. Выражение экстаза исчезло с ее лица, оно было теперь трагической маской человеческого ужаса. Она заглядывала брату в лицо, прикладывала ухо к его сердцу. Потом встала на колени и умоляюще протянула руки к Норхале.

- Норхала, умоляю вас, пусть они его больше не трогают. Она горько заплакала.

Дрэк подошел к Норхале:

— Если вам дорога жизнь, уберите ваших дьяволов, — угрожающе сказал он. Норхала удивленно взглянула на него. Мне было ясно, что она не понимает смысла его слов, да и не понимает сути просьбы Руфи, горе.

— Скажите ей, Сорнтон, на ее языке. Я не шучу! — обратился ко мне Дрэк.

Я покачал головой. Я знал, что действовать так не имело никакого смысла. Я взглянул на диск. Все в нем было спокойно, неподвижно. Я не почувствовал ни враждебности, ни злобы.

— Норхала, — я повернулся к женщине, — она не хочет, чтобы брат страдал. Она любит его.

— Любит его! — все удивление женщины, как в фокусе, отразилось в этом слове. — Любит? — с любопытством спросила она.

- Она любит его, — повторил я.

Норхала задумчиво посмотрела на Руфь. Потом безнадежно покачала головой и подошла к диску.

Мы напряженно ждали. Между Норхалой и диском, по-видимому, происходил какой-то обмен мыслями. Не было сомнения, что женщина и совершенно нечеловеческая металлическая форма понимали друг друга.

Норхала обернулась и отступила в сторону. А тело Вентнора затрепетало, поднялось с земли и с закрытыми глазами и упавшей на одно плечо головой скользнуло к диску.

Руфь застонала и прикрыла глаза рукой. Дрэк подошел к девушке, обнял ее и крепко прижал к себе.

Скользящее тело Вентнора стояло теперь перед диском. Оно проплыло к верху диска. Щупальца высунулись, ощупали его и поползли за широкий ворот его рубашки. Тело Вентнора поднялось выше. Я увидел, как высунулись другие щупальца и коснулись его.

Потом тело стало опускаться, его точно чьи-то руки положили к нашим ногам.

— Он не... умер, — Норхала отвела голову Руфи от плеча Дрэка. — Он не умрет. Он, может быть, снова будет ходить. Они не могут помочь, — в голосе ее было как будто извинение. — Они не знали.

Она замолчала, точно не могла найти слов.

— Я возьму его к себе, — продолжала она. — Вы в безопасности. Он дал мне вас как игрушки.

— Кто дал вам, Норхала? — спросил я так спокойно, как только мог.

— Он, — указала она на диск и добавила: — Властитель Жизни и Смерти! Великий!

Она указала на Вентнора:

— Несите его!

И повела нас к нашим кубам.

Когда мы поднимали тело Вентнора, я пощупал под рубашкой его сердце. Оно билось слабо и тихо, но ровно. Я знал, что у Вентнора есть с собой лекарства. Значит, я смогу ухаживать за ним там, куда нас приведет женщина. Мы поднялись на нашу площадку, и я стал искать в нагруженных на лошадь мешках нужное мне лекарство.

Я видел, как Норхала повела Руфь к кубу. Но девушка вырвалась от нее, вспрыгнула к нам и, опустившись на колени перед братом, прижала к его груди голову. Когда я нашел шприц и стрихнин, то увидел, что среди нас стоит Норхала. Она последовала за Руфью. Площадка дрогнула и полетела.

Не обращая внимания на Норхалу и Руфь, Дрэк и я наклонились в Вентнору, пытаясь разжечь искорку жизни, готовую исчезнуть.

Г л а в а XIII

В доме Норхалы

Мы обнажили Вентнора по пояс и массировали ему голову, шею и грудь. Ожогов на теле не было никаких, даже на руках, которых коснулся язык пламени. Красноватый оттенок его кожи сменился страшной бледностью. Сама кожа была подозрительно холодна, давление крови слегка понижено. Я не мог добиться

нервной реакции. В мускулах тела совершенно не было гибкости, ноги, руки и голова Вентнора, точно у куклы, оставались в том положении, в которое мы их привели. Все же состояние Вентнора, по-видимому, улучшилось, и я успокоился и стал понемногу воспринимать внешние впечатления. В воздухе уменьшилось магнетическое напряжение. Я вдохнул благословенный запах деревьев и воды.

Свет вокруг был ясный и жемчужный, как во время полнолуния.

Дрэк удивленно свистнул. Мы медленно скользили к чему-то очень похожему на блестящий пузырь сапфировых и бирюзовых оттенков, поднимающийся над землей.

Башенки, круглые, цвета желтого топаза, с маленькими шестиугольными отверстиями, льнули к нему, точно малютки-пузырьки. Его осеняли большие деревья, необычайные деревья, среди глянцеви́тых листьев которых букетами цвели белые и розовые цветы, похожие на цвет яблони. С тонких ветвей деревьев свисали странные плоды, золотые и пунцовые, грушевидной формы.

Голубовато-синий полушар был футов пятьдесят в высоту. Широкая сверкающая дорога бежала к его большому овальному входу.

— Мой дом! — шепнула Норхала.

Притягивавшая нас к кубам сила ослабела, мы сошли на землю и осторожно сняли тело Вентнора.

— Входите! — сказала Норхала.

— Скажите ей, чтобы она подождала минуту! — крикнул Дрэк. Он развязал лошади глаза, снял с нее мешки и отвел лошадь на сочную траву у дороги. Там он стреножил ее и вернулся к нам.

Мы подняли Вентнора и медленно прошли в широкий вход.

Мы стояли в затемненном помещении. Свет, наполнявший его, был кристальным, и тени тоже были кристальными. А когда мои глаза привыкли, я увидел, что то, что принимал за тени, на самом деле не было тенями. Это были узкие полосы полупрозрачного лунного камня, выходящие из закруглявшихся стен и высокого купола и пересекавшие в разных местах комнату.

В них были овальные двери, над которыми спускались сверкающие металлические занавеси — шелк из золота и серебра.

В то время, как мы укладывали Вентнора на кусок такого шелка, лежавший на полу, Руфь испуганно вскрикнула.

В занавешенную дверь проскользнула фигура. Она была высокая и черная. Длинные, цепкие руки висели, как у обезьяны. Одно плечо было настолько ниже другого, что рука почти

касалась земли. Фигура двигалась походкой краба. Лицо было в бесчисленных морщинах, и ни в лице, ни в фигуре ничто не говорило — мужчина это или женщина.

С плеч спускалась короткая красная туника без рукавов. Существо это было невероятно старое. А судя по мускулистости, также невероятно сильное. Во мне оно возбудило отвращение, доходящее до тошноты. Но глаза на этом лице были не старческие. Черные и сверкающие, они горели среди морщин лица. Они с обожанием были устремлены на Норхалу. Существо упало к ее ногам, вытянув руки.

— Великая! — закричало оно высоким и удивительно неприятным фальцетом.

Норхала вытянула ногу в сандалии и коснулась его руки. Дрожь экстаза пробежала по сухощавому телу.

— Юрук... — начала она и умолкла, глядя на нас.

— Великая говорит, Юрук слушает! Великая говорит!

— Юрук, встань. Посмотри на чужеземцев.

Существо, которое она назвала Юруком, — я понял теперь, что это было за существо, — приподнялось на руках и взглянуло на нас.

По недоумению в его немигающем взгляде я понял, что евнух только сейчас нас заметил. Его недоумение быстро исчезло и сменилось злобой. Он вскочил на ноги и протянул руку к Руфи. Но Дрэк сейчас же ударил его по этой руке.

— Юрук! — в звенящем голосе был оттенок недовольства. — Они — мои. Ты не тронешь их. Юрук — берегись!

— Великая приказывает, Юрук подчиняется!

— Вот хороший маленький товарищ для ее игр в новые игрушки, — пробормотал Дрэк.

Норхала махнула рукой. Евнух шмыгнул в один из занавешенных овалов и почти тотчас же вернулся с огромным подносом, на котором были фрукты и какая-то густая белая жидкость в толстых фарфоровых чашах.

— Это вам, — сказала Норхала, и черные руки опустили поднос у наших ног.

— Вы голодны? — спросил Дрэк Руфь... Она покачала головой.

— Я принесу наши мешки, — сказал Дрэк, — мы будем есть собственную пищу — пока ее хватит. Я не рискну попробовать то, что нам принес этот молодчик Юрук, хотя и верю в добрые намерения Норхалы.

— Я устала, — вздохнула Норхала, — путь был такой длинный.

Она протянула евнуху стройную ногу. Он опустился на колени и снял с Норхалы сандалии. Она подняла руки к шее, и

окутывавшие ее покрывала стали спадать с нее медленно, точно нехотя. Они упали на пол, из чаши этого шелкового цветка поднялось сверкающее чудо ее тела.

Она была обнажена и все же одета какой-то необычайной чистотой, защищавшей ее от пламени желаний. Это была женщина, но женского очарования в ней было не больше, чем если бы она была прекрасной статуей из слоновой кости и жемчуга.

Она стояла, точно забыв о нашем присутствии. И это спокойное безразличие, это полное отсутствие того, что мы называем чувством пола, открыло мне, как велика была пропасть между нами и ею. Гораздо больше, может быть, чем пропасть между ею и ее металлическими слугами, ее металлическим... возлюбленным?

Вошел Дрэк со своим грузом мешков. Он от удивления уронил свою обувь, и в глазах его появилось выражение какого-то благоговейного восхищения.

Норхала переступила через свои упавшие одежды и прошла к дальней стене. Юрук последовал за ней, взял стоявший на полу серебряный кувшин и стал медленно лить его содержимое на ее плечи. Снова и снова наклонялся он и наполнял кувшин, зачерпывая воду из бассейна, где журчал маленький фонтан. Затем он ушел и вернулся с одеждами, в которые и закутал Норхалу.

Она снова подошла к нам своей плавной походкой и склонилась к Руфи, которая все еще прижимала к себе голову брата.

— Выкупайтесь, — она указала на бассейн, — и отдохните. Вам здесь ничто не грозит. А если вы, — ее рука легла на голову Руфи, — если вы пожелаете, я дам вам покой.

Она раздвинула занавеси, евнух последовал за ней, и оба скрылись.

Из-за этих занавесей раздался легкий шорох. Они заколыхались. Из-под них выкатилось множество металлических предметов, самых маленьких, “малюток”, как назвала их Руфь. Среди них не было шаров, только кубы и пирамиды. Они бегали вокруг нас и прыгали, как игривые дети, точно подмигивая мириадами поблескивающих глаз. Вдруг они промчались к выходу и образовали круг, который стал вращаться со все увеличивающейся скоростью.

Раздалось тихое стенание, жутко похожее на детское, очертания круга стали меняться так быстро, что за ними невозможно было уследить, появился синеватый свет, раздался треск. Фосфоресцирующая стрела мелькнула в дверях, и малютки исчезли.

Мы бросились к выходу и выглянули. К воротам в скалах мчалось нечто, похожее на крошечный метеор. Он пролетел через ворота и исчез, как падучая звезда.

— Посланец, — решил Дрэк. — Вероятно, его отправили сообщить хозяину, что она благополучно добралась домой... со своими новыми игрушками. Сорнтон, что это такое? — Дрэк схватил меня за руку.

Из туманной дали мчался другой метеор и мчался к нам. Он становился все больше и больше. Теперь это был бескрылый дракон, извергавший сапфировое пламя.

Забывая про опасность, мы выбежали из портала и смотрели вверх, следя за прохождением метеора. Почти над нашими головами линия его полета изменилась. Он сделал спиральное движение и потом вертикально помчался вниз. Сверкнула ослепительная вспышка, но я все же успел разглядеть, что летевший предмет не упал на землю, а сел на нее с поразительной, кошачьей мягкостью.

Вниз по его отвесной стороне скатился большой шар и заскользил к обителищу Норхалы.

Мои ослепленные яркой вспышкой глаза отдохнули. На месте вспышки стояла гигантская четырехугольная пирамида, черная, как лишенный колонны обелиск. Она качалась, наклоняясь вперед и назад. Потом у основания ее засиял яркий синий свет, и раздался такой шум, точно разбивались сотни оконных стекол. Весь метеор сверкнул синим светом и исчез в воротах между скал, как до него исчезли металлические малютки.

Я вспомнил о шаре, скатившемся с колонны.

— Скорей! К Руфи! — я бросился бежать к дому. Какое облегчение было увидеть Руфь все еще сидящей с большим братом.

— Руфь, — крикнул я, — сюда что-нибудь входило?

— Нет, — она подняла удивленные глаза. — Я ничего не видела. Был какой-то странный шум, и в дверях что-то блеснуло. Больше ничего не было.

Г л а в а XIV

Думающий кристалл

Ее прервал стон Вентнора. Его рот медленно-медленно открывался. На усилия его тяжело было смотреть. Потом раздался его голос, такой слабый, точно он доносился издалека. Тень голоса, шепчущая из умершего горла.

— Глупо было стрелять, — произнес Вентнор, — мог вам наделать еще больше хлопот. Но я с ума сошел от страха за Руфь.

Тонкая ниточка звука оборвалась.

— Вижу не видя... витаю во мраке... мрак этот — свет... черный свет... неопиcуемый. Соприкасаюсь с этими...

Голос снова оборвался. Он опять зазвучал со страшной ритмичностью, подобно налетающим одна за другой морским волнам. Голосовые обломки мыслей, торопливо собраны не в связную речь.

— Групповое сознание... гигантское... действующее в нашей сфере... действующее также в сферах колебаний, энергий, силы... выше и ниже той, на которую воздействует человечество... ощущения, повелевающие силы, неизвестные нам... но в большей степени — знающие, управляющие неведомыми энергиями... чувства, неизвестные нам... неизвестные... металлические, кристаллические, магнитические, электрические... сознание, в основе сходное с нашим... глубоко измененное различием в механизме, через который оно находит выражение... вижу яснее... яснее, — голос закричал в отчаянии: — нет... н-е-т, нет!

Потом отчетливо, уверенно:

— Владычество над всей Землей? Да... пока человек достаточно силен, чтобы управлять, не больше. Наука научила нас. Где был млекопитающий, когда царили гигантские пресмыкающиеся? Боязливый и прячущийся в темных убежищах. И все же человек произошел от этих боязливых млекопитающих. Как долго в истории Земли человек был ее властелином? На мгновение дыхания, на прохождение тучи. И останется властелином только до тех пор, пока кто-нибудь сильнее не вырвет владычество из его рук. Так же, как он отвоевал его у хищных... как они отняли владычество у пресмыкающихся... как пресмыкающихся у гигантских ящеричных... И так дальше, ко всем тем, которые брали верх в предрассветных сумерках земли. Жизнь! Жизнь! Жизнь! Везде борющаяся за себя жизнь. Жизнь, оттесняющая в сторону другую жизнь, воюющая за мгновение своего первенства, добивающаяся его, владеющая этим первенством на один взмах крыльев времени... а потом... падающая, затоптанная ногами другой жизни, час которой пробил! Жизнь, толпящаяся у каждого прегражденного порога миллионами кружившихся миров, миллионом мчащихся вселенных. А эти... эти, — голос вдруг упал, — за Порогом в Доме Человек. Эти. Металлические Предметы, разумы которых — думающий кристалл. Предметы, высасывающие свои силы из солнца, и чья кровь — молния! Солнце! Солнце! — закричал он. Голос его стал пронзительным.

— Вернитесь в город! Они тоже уязвимы! Нет! Солнце... прорывайтесь через солнце! Норхала! Норхала их слабость! Его слабость! Норхала! Вернитесь назад в их город...

Легкая дрожь потрясла его тело. Рот медленно закрылся.

— Мартин! Брат! — рыдала Руфь. Я ощупал его грудь. Сердце билось медленно, но ровно, упорно, настойчиво, точно все

жизненные силы собрались в этом сердце, как в осажденном городе... Но самого Вентнора, того сознания, которое было Вентнором, больше не было. Оно скрылось в той пустоте, в которой, по его словам, он витал — одинокий, молчаливый атом. Единственная нить, соединявшая его с нами, была порвана, и он был разлучен с нами так, точно находился вне пространства, как сам описывал это.

Мы с Дрэком, бледные, заглянули глубоко в глаза друг другу. Ни один из нас не решался первый прервать молчание, горестным фоном которого казались заглушенные рыдания Руфи.

Г л а в а XV

В мире ритма и гармонии

Удивительная способность человеческого разума — с такой готовностью искать в будничной жизни убежища от почти непереносимых кризисов — была для меня всегда одним из самых интересных психологических явлений. Она, конечно, инстинктивна. Приспособление, приобретенное по тем же самым причинам, которые дали животным их защитную окраску: например, полосы зебры и тигра, которые так искусно сливаются с тенями джунглей, или похожие на листья формы некоторых насекомых.

Как и животные диких стран, разум человека движется в джунглях — джунглях жизни, проходя по тропам, проложенным его бесчисленными предками в их прохождении от рождения к смерти. И эти тропы усажены кустами и деревьями по его собственному выбору — защитниками всего привычного и родного ему. На этих тропах предков человек движется безопасно, как звери в своих убежищах — или он так думает.

За этими тропами находятся дикие места и сады неизвестного, и человеческие тропинки, только кроличьи следы в бескрайнем лесу.

Вот почему он прячется от бурных волнений, от необычной для него борьбы в привычное для него окружение.

Я невольно отвлекся в сторону. Но причина этого та, что все эти мысли промелькнули у меня в голове, когда Дрэк, наконец, прервал молчание.

Он решительно подошел к плакавшей девушке, и в голосе его была резкость, которую я ему простил, когда понял его цель.

— Вставай, Руфь, — приказал Дрэк. — Ваш брат пришел в сознание раз, придет и снова. Оставьте его теперь в покое и покормите нас. Я голоден.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Есть! — воскликнула она возмущенно. — Вы можете быть голодным!

— Могу... и голоден! — весело ответил Дрэк. — Не нужно падать духом.

— Руфь, — мягко сказал я девушке, — надо нам заботиться о себе, если мы хотим быть полезными ему. Вы должны поесть и потом отдохнуть.

Руфь покорно встала и вместе с Дрэком приготовила из наших запасов трапезу. К моему удивлению, я почувствовал, что голоден, и с радостью смотрел, что Руфь тоже пила и ела, хотя и очень мало.

Но в поведении девушки меня поражала какая-то странность. Она точно отсутствовала, и когда я встретился с ней глазами, прочел в них и ужас, и смущение. Я решил, что, как это ни тяжело, но настало время для расспросов.

— Руфь, — сказал я, — вам не нужно напоминать, что мы в тяжелом положении. Каждый факт, малейшее, что мы можем узнать, все это в высшей степени важно для нас. Что сделала с вами Норхала? Что произошло с вами, когда вы витали в воздухе перед диском?

Руфь тяжело перевела дыхание.

— Конечно, вы правы, — неуверенно произнесла она. — Только я думала, что справлюсь с этим одна. Но вы должны знать... на мне... пятно.

— Пятно! — воскликнул я и перехватил во взгляде Дрэка то же опасение за ее разум.

— Да, — спокойно повторила она, — пятно. Нечто новое и чуждое в моем сердце, в моем мозгу. Что-то, что перешло ко мне сначала от Норхалы, когда мы с ней летели на кубе... и что-то, что легло на мне печатью, когда я была в его, — голос ее снизился до шепота, — объятиях. Это заставляет меня забыть вас обоих, и Мартина, и весь мир. Это нечто старается меня оторвать от вас, от всего и хочет, чтобы я без всяких тревожений витала бы в каком-то бескрайнем спокойствии, полном экстаза безмятежности. Но я так отчаянно хочу бороться с этим зовом!

Руфь продолжала, задыхаясь.

— Когда я летела с Норхалой, мне казалось, что я на пороге неизведанного никогда блаженства, и бывшая жизнь стала сном, а вы и Мартин с нами во сне.

— Гипноз, — пробормотал Дрэк.

— Нет, — Руфь покачала головой. — Нет, больше, чем гипноз. Я не помню ничего из того путешествия по воздуху, кроме момента, когда почувствовала, что Мартин в опасности, и прочла в глазах Норхалы смерть для него. Я спасла его и

снова забыла все. Потом, когда я увидела этот пламенный диск, я не испытала ни ужаса, ни страха. Была огромная радость, точно я наконец вышла из бесконечного, черного океана отчаяния к яркому солнцу.

— Руфь! — в голосе Дрэка было возмущенное удивление.

— Подождите, — девушка подняла трепещущую руку. — Вы спрашивали и должны теперь слушать.

Когда она снова заговорила, голос ее был низкий, странно ритмичный, в глазах был восторг.

— Я была свободна, свободна от всех людских цепей, страхов и печалей, от любви и ненависти. Свободна даже от надежд. Зачем была надежда, когда я владела всем, что можно было желать? И я была частью стихии, одно с вечным, и в то же время вполне сознавала, что я — Я. Из того, что держало меня, из его пламени лилась жизнь, поток жизни, в котором я купалась. И казалось, что эта жизнь приближает меня к стихии, превращает меня в эту стихию. Потом выстрелы... пробуждение было ужасно. Я увидела упавшего Мартина и сбросила с себя очарование. Я оторвала его от себя. О, как это было ужасно! Это было похоже на то, что из мира, где не было ни горестей, ни сомнений, из ритмичного и гармоничного мира я вернулась в мир черный и грязный, как кухня. А пятно все еще на мне, — голос Руфи стал громче, — и что-то хочет покорить мою волю. Ах, если бы я могла уснуть! Но я боюсь спать. Я думаю, что никогда больше не буду спать. Я боюсь, что во сне это одолеет меня.

Мы с Дрэком переглянулись. Я просунул руку в свой мешок с лекарствами и вытащил снотворное средство, безвкусное и бесцветное. Я опустил немного этого лекарства в чашку с водой и подал его Руфи. Она, как ребенок, доверчиво и покорно выпила.

— Но я не сдамся, — глаза Руфи были трагичны, — я одержу верх, правда!

— Ну, конечно, — ободрил ее Дрэк. — Девять десятых вашего страха — результат усталости и нервности.

— Да, это будет трудно, но я все же одержу верх... — глаза Руфи закрылись. Мы положили ее рядом с Вентнором. Потом Дрэк прошел к тому занавешенному овалу, через который ушла Норхала.

— Дрэк! — крикнул я. — Куда вы идете?

— Я иду к этой чертовке, — спокойно ответил он, — и во что бы то ни стало добьюсь от нее толку.

— Дрэк, — в ужасе закричал я, — не повторяйте ошибки Вентнора. Это не способ бороться с ними.

— Ошибаетесь, — упрямо возразил Дрэк, — я заставлю ее говорить.

Он протянул руку к занавесу. Но не успел он коснуться его, как занавес раздвинулся. Из-за него, крадучись, вышел евнух. Я встал между ним и Дрэком.

— Где ваша хозяйка, Юрук? — спросил я.

— Великая ушла, — злобно ответил он.

— Ушла? Но куда же?

— Кто может задавать вопросы Великой? — визгливо закричал евнух, — Она приходит и уходит, когда ей нравится.

Я перевел Дрэку.

— Я этого так все равно не оставлю, профессор, — упрямо ответил Дрэк. — Я буду с ней говорить.

— Юрук, — сказал я, — мы думаем, что вы лжете. Нам нужно поговорить с вашей хозяйкой. Проведите нас к ней.

— Я уже сказал вам, что Великой здесь нет, — ответил Юрук. — Мне нет дела до того, что вы не верите. Я не могу вас провести к ней, потому что не знаю, где она. Вы желаете, чтобы я провел вас по дому?

— Да, — сказал я.

— Великая приказала мне служить вам, — насмешливо произнес евнух. — Следуйте за мной.

Он провел нас в помещение, которое можно было бы назвать центральным залом. Оно было круглое, и пол его был усеян множеством небольших ковров, колорит которых алхимией времени был превращен в прекрасные оттенки всех цветов. Клинообразные письмена на этих коврах говорили об их древности. Стены зала были из того же вещества, похожего на лунный камень, как и в первой комнате. В стенах были четыре двери, сходные с той, в которую мы вошли. Мы заглянули в каждую из этих занавешенных дверей.

Все комнаты были совершенно одинаковы, расходились от центрального зала по радиусам. Все здание со стенами и крышей было — шар, и кривизны поверхности шара и составляли стены и потолок этих комнат.

В первой из комнат находилось всевозможное оружие, короткие обоюдоострые мечи и копья. Вторая была, очевидно, берлогой Юрука. В ней стояли медная жаровня, нечто вроде подставки для копий и гигантский лук с прислоненным к нему колчаном, полным стрел. Третья комната была вся заставлена сундуками, большими и маленькими, деревянными и бронзовыми. Все сундуки были плотно закрыты.

Четвертая комната была, несомненно, спальней Норхалы. На полу ее лежали толстые, старинные ковры. Недалеко от двери было низкое ложе из слоновой кости, инкрустированной золотом. На спинах четырех золоченых львов стояло высокое зеркало из полированного серебра. Возле зеркала забавно вы-

строились в ряд многочисленные сандалии. На низком шкафу лежали гребни из перламутра, золота и слоновой кости, усеянные цветными камнями — синими, желтыми и красными. На все это мы взглянули только мельком. Мы искали Норхалу. Но ее и следа не осталось.

Глава XVI

Загадка

Юрук опустил занавеси и вернулся с нами в первую комнату. Мы составили вместе наши мешки и сели, прислонившись к ним.

Черный евнух присел шагах в десяти от нас и не сводил с нас черных, блестящих глаз. Потом он опустил глаза и стал делать руками медленные странные движения. Удивительно было то, что эти руки точно жили своей, особой от остального тела, жизнью. И я стал видеть только руки,двигающиеся взад и вперед так ритмично, так усыпляюще, так усыпляюще...

Из черных рук истекал сон...

Я страхнул с себя летаргическое состояние, начинавшее завладевать мной. Голова Дрэка склонялась, склонялась в такт черным рукам. Я вскочил на ноги, весь дрожа от необъяснимого гнева, и навел револьвер прямо в лицо евнуха.

— Проклятый, — крикнул я. — Брось свои проделки! Сейчас же повернись к нам спиной.

Напряженные мускулы рук сократились, когти черных лап спрятались. Он не знал, что это за металлическая трубка, которой я ему угрожаю, но он почувствовал опасность. Он неохотно повернулся к нам спиной.

— Что случилось? — сонно спросил Дрэк.

— Он пробовал нас загипнотизировать. И едва не достиг этого.

— Так вот что это было!

Дрэк сразу проснулся.

— Я смотрел на его руки, и мне все больше и больше хотелось спать. Я думаю, что нам лучше связать этого господина Юрука.

— Нет, — возразил я, — он безопасен, пока мы начеку.

— Но в этом человекообразном пауке есть что-то такое отвратительное, что невольно хочется его раздавить.

Мы снова сели и прислонились к мешкам. Дрэк вынул трубку и с грустью посмотрел на нее.

— Мой табак остался на моей лошади, которая убежала из впадины в горах, — заметил я.

— И я потерял весь свой табак вместе с лошадьёю. Бедные животные совсем обезумели в страшной долине, а нам было тоже не до них. — Дрэк вздохнул и спрятал трубку. — Конечно, — заговорил он снова, — наше положение довольно неприятное.

— И даже больше этого, — сказал я.

— Вентнор говорил в бреду, — продолжал Дрэк, — что это металлические предметы с мозгом из думающего кристалла и кровью из молний. Вы принимаете такое объяснение?

— Это сходится и с моими наблюдениями, — ответил я. — Они из металла и все же подвижны. Кристалличны по конструкции и очень сложны. Приводятся в действие магнитно-электрическими силами, сознательно проявляющимися. И силы эти такая же часть их жизни, как мозговая энергия и нервные токи, присущие нашей жизни. Возможно, что в металлической оболочке находится органическое тело, нечто мягкоживотное, наподобие того, что заключает в себе раковина улитки, панцирь раковых, толстая чешуя, покрывающая черепах. Возможно, что даже их внутренняя поверхность органична...

— Нет, — перебил Дрэк, — если там есть тело, как мы себе представляем тело, то оно должно находиться между внешней поверхностью и внутренней. Этот кристалл, твердый, как драгоценные камни, непроницаемый.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Я обратил внимание на попадание пуль Вентнора, — сказал Дрэк. — Они не отскакивали рикошетом, а падали, ударившись об этот блестящий диск, точно мухи, налетевшие на скалу, и диск чувствовал их удары не больше, чем скала мух.

— Дрэк, — сказал я, — мое убеждение — что эти существа абсолютно металлические, совершенно неорганичны, как мы понимаем этот термин, что это какие-то невероятные, неизвестные формы.

— Я тоже так думаю, — кивнул головой Дрэк, — но я хотел, чтобы вы это сказали первый. И все разве это так невероятно, профессор? Как определяется живой разум? Его способностью к восприимчивости?

— Принято определение Геккеля, — ответил я. — Все, что может получить стимул, что может воздействовать на стимул и сохранить воспоминание о стимуле, — должно быть названо разумным, сознательным существом. Разрыв между тем, что мы давно называли органическим и неорганическим, все уменьшается. Вы знаете о замечательных опытах Лилли с металлами?

— Кое-что знаю, — ответил Дрэк.

— Лилли, — продолжал я, — доказал, что под действием электрического тока и других возбудителей металл показывает

почти все реакции человеческих нервов и мускулов. Металл уставал, отдыхал и после отдыха был заметно крепче, чем до этого. Кроме того, металл мог заболеть и умереть. Лилли пришел к заключению, что существует настоящая металлическая сознательность. А Лебон доказал, что металл чувствительнее человека, что его неподвижность только кажущаяся. Возьмите глыбу магнитного железа, кажущуюся такой серой и безжизненной, подвергните ее магнитному току, и что произойдет? Глыба железа состоит из молекул, которые в обычных условиях расположены по всем возможным направлениям. Но когда проходит ток, в кажущейся безжизненной массе начинается невероятное движение. Все крошечные частицы, из которых глыба состоит, поворачиваются и переходят с места на место, пока все их полюсы с большей или меньшей приблизительностью не расположатся по направлению магнитной силы. Когда это произошло, глыба сама становится магнитом, напитанным и окруженным полем магнитных сил. Это с ней происходит инстинктивно. Снаружи она не тронулась с места, на деле же было огромное движение.

— Но ведь это движение не сознательное, — возразил Дрэк.

— А почему вы это знаете? — спросил я. — Если Яков Леб был прав, то это действие молекул железа точно так же сознательно, как малейшее из наших движений. Между ними нет совершенно никакой разницы. Глыба железа отвечает всем трем испытаниям Геккеля. Она может получить стимул, воздействует на этот стимул и сохраняет воспоминание о нем. Даже после того, как ток прекратился, она остается измененной в отношении проводимости и других свойств, потерпевших изменения от этого тока. А с течением времени это воспоминание ослабевает. Так же точно как человеческий опыт увеличивает, с одной стороны, усталость, а с другой — вызывает предусмотрительность, причем свойства эти остаются при нас после того, как опыт окончен, и ослабевают пропорционально нашей чувствительности к восприятиям плюс нашей способности задерживать впечатления, отделенные течением времени от самого опыта. Все это совершается так же точно, как происходит и с железом.

— Согласен, — сказал Дрэк. — Мы теперь дошли до их способности к перемещению. Говоря самым простым языком, всякая перемена места есть движение в пространстве против силы тяготения. Ходьба человека есть ряд задержек от этой силы, которая постоянно стремится притянуть его вниз, к поверхности Земли, и держать его там прижатым. Ходьба — постоянный прорыв течения этой силы. Возьмите кинематографическую картину идущего человека и пустите ее очень скоро. Вам покажется, что он не идет, а летит.

— Я признаю, — сказал я, — что движение этих предметов есть сознательное прерывание течения силы тяготения, как и наше движение, но в таком быстром темпе, что оно кажется непрерывным.

— Если бы мы могли так владеть нашим зрением, чтобы достаточно медленно воспринимать колебания света, — заметил Дрэк, — световые лучи представлялись бы нам не ровно текущим светом, а рядом вспышек-скачков, так точно, как это бывает, когда кинематограф замедляет вращение фильма, чтобы показать нас идущими и “спотыкающимися” о силу тяготения.

— Отлично, — сказал я, — так, значит, в этих явлениях нет ничего такого, чего не может допустить человеческий разум, а бояться следует только того, чего не может охватить человеческая мысль.

— Металлические, — сказал Дрэк, — и кристалльные! Но почему бы нет? Разве мы не всего только мешки из кожи, наполненные известным веществом в растворе и натянутые на поддерживающие и подвижные механизмы, сделанные с большой примесью извести?! Мы вышли из первобытной плазмы, которую Грегори называет протобионом, и после неисчислимых миллионов лет образовались наша кожа, волосы, ногти. Вышли из той же плазмы и змеи, и птицы, и носороги, и бабочки; скорлупа краба, нежная прелесть мотылька и сверкающее чудо перламутра.

— Я все это понимаю, — перебил я, — но что вы скажете о сознательности металлических?

— Этого, — ответил он, — я не могу понять. Вентнор говорил... как он выражался!.. да, групповая сознательность, действующая в нашей сфере и в сферах выше и ниже нашей, с эмоциями, известными нам и неизвестными. Мне как будто что-то становится ясно... но я все же не могу понять.

— Мы решили по причинам, казавшимся нам достаточными, называть эти предметы металлическими, Дрэк, — ответил я. — Но это не значит, что они состоят из известного нам металла. Однако, будучи металлом, они должны иметь кристаллическое строение. Как и указывал Грегори, кристаллы и то, что мы называем живой материей, берут начало в одних и тех же истоках жизни. Мы не понимаем жизни без сознательности. Голод может быть только сознательным чувством, а к еде нет другого стимула, кроме голода.

Кристаллы насыщаются. Извлечение силы из пищи сознательно, потому что это делается с целью, а нельзя стремиться к цели, не имея сознания. А кристаллы извлекают силы из пищи и, кроме того, передают эту способность детям, совсем как мы.

Нет, как будто бы, причины, почему бы им не разрастаться в благоприятных условиях до гигантских размеров, но они этого не делают. Они достигают размера, дальше которого не развиваются. Вместо этого они делятся дроблением, производят на свет меньших, которые растут так же точно, как их предки. Отлично. Мы доходим до понятия о металлическо-кристаллических существах, которые вследствие какого-то взрыва эволюционных сил вырвались из привычной нам и кажущейся неподвижной стадии и стали теми существами, которые держат нас теперь в плену. А большая ли разница между знакомыми нам формами и ими, чем между нами и амфибиями, нашими далекими предками? Или между ними и амебой — маленьким плавающим желудком, от которого произошли амфибии, или между амебой и неподвижным студнем протобиона? Что же касается групповой сознательности, я думаю, что Вентнор подразумевал общественный разум, как разум пчел или муравьев, тот разум, о котором Метерлинк говорит, как о “разуме улья”.

— Но металл, — задумчиво произнес Дрэк. — И сознательный! Все это очень хорошо, но откуда взялась эта сознательность? И что это такое? И откуда они пришли? Что они делают... почему не объявили до сих пор войны человечеству?

— Не знаю, — беспомощно ответил я. — Но эволюция — не медленный, кропотливый процесс, как думал Дарвин. Очевидно, бывают взрывы, и природа творит новую форму почти в одну ночь. Так могло быть и с этими. Им дали форму, быть может, какие-то необычайные условия. Или же они могли веками развиваться в пространствах внутри Земли. Бездна, которую мы видели, вероятно, одна из их больших дорог. Или же они могли упасть здесь из каких-нибудь обломков и стали развиваться с поражающей быстротой.

— Так вы думаете, что эти предметы состоят из крошечных кристаллов, как наши тела из клеточек?

— Да, именно так.

— Но чем же мы можем защищаться против них? — спросил Дрэк.

— Нам нужно прежде всего вернуться в город. Со стороны Вентнора это было не простым советом, а приказанием. Послушаемся его и отправимся утром в город.

— Вы говорите так, — заметил Дрэк, точно мы живем в пригороде, и нам всего только нужно поехать поездом в 9-15.

— До рассвета, по-видимому, недалеко, отдохните немножко, я вас разбужу.

— Мне неловко перед вами, — сонно запротестовал Дрэк.

— Я не устал, — успокоил я его.

Устал я или нет, я хотел поговорить с Юруком наедине. Дрэк вытянулся и положил голову на седло.

Когда дыхание Дрэка убедило меня, что он спит, я прошел к евнуху и присел перед ним на корточки, держа в руке револьвер.

Г л а в а XVII

Юрук

— Юрук, — шепнул я, — вы любите нас, как пшеница любит град. Вы радуетесь нам, как приговоренный к повешению радуется веревке. Открылась какая-то таинственная дверь, и мы вошли к вам через нее. Отвечайте правдиво на мои вопросы, и мы, быть может, скоро уйдем в эту дверь.

Глаза Юрука вдруг повеселели.

— Отсюда есть выход, — пробормотал он. — Я могу вам его показать.

— Куда же ведет он? — спросил я, не доверяясь его словам. — За нами гнались люди, вооруженные копьями и стрелами. Ваш выход ведет к ним, Юрук?

Он помолчал мгновение, полузакрыв глаза веками.

— Да, — угрюмо сказал он потом. — Через этот выход вы попадете к ним. Но разве вам не спокойнее быть с ними, с себе подобными?

— Не думаю, — ответил я. — Те, которые не подобны нам, разбили подобных нам и спасли нас от них. Почему же не остаться здесь, а идти туда, где нас хотят уничтожить?

— Они бы не тронули вас, — сказал он, — если бы вы дали им ее. — Он указал пальцем на спящую Руфь. — Черкис многое бы простил за нее. Да и вы сами разве не сумели бы позабавить его?

— Черкис? — спросил я.

— Черкис, — прошептал он, — Разве Юрук так глуп, что не знает, что в вашем мире многое должно было измениться с тех пор, как мы бежали от Искандера в долину? Что вы можете еще дать Черкису, кроме этой женщины? Многое, я думаю. Так и не бойтесь идти к нему.

— Юрук, — спросил я, — та, которую вы называете Великой, Норхала, — тоже из народа Черкиса?

— Давно, давно, — отвечал он, — в Русзарке, в обширной стране Черкиса, была смута. Я бежал с той, которая была матерью матери Великой. Нас было двадцать человек. И мы бежали сюда... путем, который я тебе укажу...

Он подождал, но я не произнес ни слова.

— Та, которая была матерью матери Великой, заслужила расположение того, кто повелевает здесь, — продолжал Юрук. — Но со временем она стала старой и безобразной. Тогда он убил ее. Так же он убивал и других, которые переставали ему угождать. Одно время его восхищала та, которая была матерью Великой. Потом она постарела, и он убил и ее. Тот раз он поразил и меня, как поразил этого, — Юрук указал на Вентнора. — Когда я очнулся, одно плечо оказалось у меня ниже другого. Но еще до этого родилась Великая. Тот, кто повелевает здесь, часто навещал ее мать и, конечно, в родстве с Великой. Как же иначе могут от нее исходить молнии? Разве не был отец Искандера богом Зевсом-Аммоном, приходившим к матери Искандера в виде огромной змеи? Так вот, с самого рождения от Великой исходят молнии. Хи-хи, — тихонько засмеялся Юрук, — они делаются старухами, и их убивают. Я тоже стар, но я прячусь, когда те приходят. И вот я жив! Уходите к своим, — закаркал старик, — уходите к своим! Лучше пострадать от своих братьев, чем быть съеденным тигром. Я покажу вам дорогу...

Он вскочил на ноги, крепко сжал мою руку, провел через центральный зал в комнату Норхалы и нажал на одну из стен.

Открылось овальное отверстие, и я увидел тропинку, идущую в лес, серевший в тусклом свете.

— Идите туда, — сказал он, — возьмите своих и идите, пока вас здесь не убили. Вы уйдете?

— Нет еще, — ответил я, — нет еще.

В глазах Юрука загорелось злобное пламя.

— Веди меня назад, — коротко сказал я ему.

Он задвинул дверь и угрюмо повернул назад. Я последовал за ним, спрашивая себя о причинах его ненависти к нам, его желании во что бы то ни стало отделаться от нас, вопреки приказаниям женщины, которую он подбострастно называл Великой.

И по странной привычке людей искать чего-то сложного там, где верен самый простой ответ, я не подумал, что тут была всего только ревность; что Юрук хотел по-прежнему оставаться единственным живым существом возле Норхалы. Да, я упустил это из виду, и за мою ошибку трое — Руфь, Дрэк и я — дорого расплатились.

Я взглянул на своих спящих товарищей и на все еще лежащего в бессознательном состоянии Вентнора.

— Садись! — приказал я евнуху, — и повернись к нам спиной.

Когда он сел, я задал ему вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— Юрук, — сказал я, — откуда этот дом? Кто его построил?

— Повелитель этих мест, — угрюмо ответил он. — Он сделал его на радость матери Великой. И убил ее. Никогда не забывайте этого — убил ее!

Я опустился рядом с Дрэком и задумался. Не могло быть сомнений, что знание металлическим народом магнитных тел и умение управлять ими превышало человеческие знания. Что они имели понятия о красоте, свидетельствовало это жилище Норхалы.

Но сознательность... да и что это такое, в сущности, сознательность?

Секреция мозга? Собранное воедино химическое выявление себя множеством клеточек, составляющих нас? Необъяснимый управитель города-тела, мириады клеток которого — горожане, управитель, созданный ими же самими из себя, чтобы управлять?

Или же это более тонкая форма материи, самосознающая сила, пользующаяся телом, как проводником?

Что такое это наше сознательное я? Всего только искорка понимания, постоянно пробегающая вдоль тропы времени в том механизме, который мы называем мозгом? Образуется контакт на этой тропе, как электрическая искра на конце проволоки?

Существует ли море этой сознательной силы, лижущее берега самых далеких звезд? Силы, которая находит выражение во всем — в человеке и в скале, в металле и в цветке, в драгоценном камне и в туче? Какая-то энергия, ограниченная в своем выражении только пределами того, что она оживляет, и что, в сущности, одно и то же во всем?

Если так, тогда загадка сознательности металлического народа перестает быть загадкой, потому что она разгадана.

Так размышляя, я заметил, что стало светлеть. Я выглянул в дверь. Начинался рассвет. Я разбудил Дрэка.

— Мне нужно только немножко отдохнуть, Дрэк, — сказал я ему. — Разбудите меня, когда встанет солнце.

— Да, ведь уже рассвет, — воскликнул Дрэк. — Отчего вы меня не разбудили раньше! Я чувствую себя настоящей свиньей.

Я просил Дрэка не спускать глаз с Юрука и почти сейчас же погрузился в сон без снов.

Г л а в а XVIII

На пути к Городу

Солнце стояло высоко, когда я проснулся, или так я предположил, увидев потоки яркого дневного света. Я лежал, и ленивые мысли приходили ко мне в голову. Я смотрел не на небо,

это был купол сказочного жилища Норхалы. И Дрэк не разбудил меня. Почему? И как долго я спал?

Я вскочил на ноги и оглянулся кругом. Не был ни Руфи, ни Дрэка, ни черного евнуха.

— Руфь, — крикнул я, — Дрэк!

Ответа не было. Я побежал к двери. Взглянув на небо, я определил, что должно быть часов девять. Значит, я спал часов пять.

Я услышал смех Руфи. Слева, полузакрытая цветущими кустами, была лужайка. На этой лужайке, окруженной белыми козами, стояли Руфь и Дрэк.

Я успокоился и вернулся в дом, к Вентнору. Его положение было без перемен. Мой взгляд упал на бассейн. Я разделся и погрузился в воду. Я едва успел одеться, как в дверь вошли Дрэк и Руфь. Они несли полные фарфоровые ведра с молоком.

— Ах, Луис! — воскликнула Руфь. — Если бы вы видели коз! Очаровательнейшие шелковистые маленькие существа и такие ручные!

Передо мной была прежняя Руфь. На лице ее не было и следов страха или ужаса. Ее дочиста омыли воды сна.

— Не беспокойтесь, Луис, — сказала она, — я знаю, о чем вы думаете. Но я теперь снова прежняя Я. И такой останусь.

— Где Юрук? — спросил я Дрэка, но он сделал мне знак, и я замолчал.

— Распаковывайте мешки, и я приготовлю завтрак, — сказала Руфь. — Ах, кто-то замутил воду в бассейне!

— Я не мог удержаться и выкупался, — виновато пояснил я.

— Тут рядом есть ручеек, — засмеялся Дрэк. Он взял котелок и сделал мне знак, чтобы я прошел вперед.

— Что касается Юрука, — сказал мне Дрэк, когда мы вышли за дверь, — так я дал ему маленький урок. Показал ему револьвер, а потом застрелил из него одну из козочек Норхалы. Мне это было очень неприятно, но я знал, что это для него полезно. Он закричал и упал нйчком. Вероятно, вообразил, что это удар молнии и что я украл ее у них. «Юрук, — сказал я ему, — вот что будет с тобой, если ты тронешь девушку, которая там спит».

— А что было дальше?

— Он убежал туда. — Дрэк со смехом указал на лес, через который шла тропа, куда хотел нас выпроводить евнух.

Я коротко передал Дрэку мифические рассказы Юрука

— Фьють! — свистнул молодой человек. — Так мы попались, как орех в щипцы? Опасность позади и опасность впереди?

— Я думаю, что нам нужно поскорее отправляться в город, — сказал я. — Что вы на это скажете?

— Я согласен с вами. Но и там не жду ничего хорошего.

Я тоже не питал особых надежд, но зато испытывал лихорадку научной любознательности. У меня не было ни страха, ни трусости, но я чувствовал кошмарное одиночество, беспомощность и оторванность среди чуждых нам существ, которые лучше нашего знали, как мы беспомощны. Мы были для них всего только оживленными игрушками, которые они могли уничтожить, когда им вздумается.

Мы позавтракали в молчании. Вентнору мы разжали зубы и через гуттаперчевую трубку влили ему немного молока.

В наше путешествие мы не могли взять с собой Руфь. Она должна была остаться с братом. Для нее было безопаснее в доме Норхалы, но все же мы не были спокойны за нее. Нужно ли, в конце концов, чтобы в это путешествие отправились мы оба, и Дрэк и я? Не достаточно ли для этого одного из нас?

— Я отправлюсь один, — заявил я, — а вы, Дрэк, останетесь с Руфью. Если я не вернусь в надлежащее время, вы всегда можете пойти вслед за мной.

Дрэк был возмущен. Не менее возмущена была и Руфь.

— Вы пойдете с ним, Ричард Дрэк, — взволнованно сказала она, — иначе я никогда не взгляну на вас и не заговорю с вами.

— Неужели вы хотя минуту могли думать, что я не пойду? — Дрэк был глубоко огорчен. — Или мы идем вместе, или оба остаемся. Руфи здесь нечего бояться. Юрук достаточно напуган моим уроком. Да у нее ведь будут ружья и револьверы, а она умеет пользоваться ими. Как могли вы, профессор, сделать мне такое предложение.

Я попытался оправдаться.

— Хорошо, хорошо, — успокоила нас Руфь. — Я не боюсь Юрука. Да и вообще, в доме Норхалы мне нечего бояться. Вот за вас я боюсь...

— Это напрасно, — перебил ее Дрэк. — Мы — новые игрушки Норхалы. Мы — табу. Поверьте мне, Руфь, что нет ни одного среди металлических предметов, будь он большой или маленький, который не знал бы о нас всех подробностей.

— Это правда, — подтвердил я.

— Нас, вероятно, с интересом, как желанных гостей, примет население, — сказал Дрэк. — Я надеюсь даже увидеть над городскими воротами надпись: "Будьте желанными гостями в нашем городе".

Руфь улыбнулась, но в улыбке ее было мало веселого.

— Мы скоро вернемся, — Дрэк положил руку на плечо Руфи. — Неужели вы думаете, что что-нибудь могло бы помешать мне вернуться к вам? — прошептал он.

— Пора отправляться, — вмешался я. — Я, как и Дрэк, думаю, что мы — табу. Опасности не может быть никакой, если не говорить о случайностях. А если я правильно понимаю этих существ, то случайности у них исключены

— Так же невозможны, как невозможно, чтобы что-нибудь случилось с таблицей умножения, — уверял Дрэк.

Мы поспешно собрались в путь. Наши ружья и револьверы были нам не только не нужны, но могли даже повредить. Дрэк нес на спине небольшой мешок с запасом воды, кое-какой провизией, с медикаментами и с инструментами, в числе которых был маленький спектроскоп.

Я взял в карман свой маленький, но очень сильный бинокль. К моему большому сожалению, фотографический аппарат унесла с собой моя бежавшая из ужасной впадины лошадь.

Дорога, по которой мы пошли, была гладкая, темно-серая, похожая на цемент, утрамбованный огромным давлением. Дорога слегка поблескивала, точно она была покрыта стеклянной оболочкой. Она неожиданно переходила в узкую тропинку, обрывавшуюся у самых дверей Норхалы.

Дорога устремлялась вперед, как стрела, и исчезала среди отвесных скал, образовавших ворота, через которые мы прошли накануне. За этими скалами был туман.

Г л а в а XIX

Хаос звуков в тумане

Мы вместе с Руфью сделали беглый осмотр окрестностей дома Норхалы. Дом этот точно был вставлен в узкую часть песочных часов. Отвесные стены шли к дому от скалистых ворот, образуя как бы нижнюю часть часов. За домом они расходились под большим углом. Эта верхняя часть песочных часов была заполнена лесом, напоминавшим парк. Милях в двадцати от дома лес этот загоразживался скалами. Я спрашивал себя, как прорывалась через эту скалистую преграду тропа, которую Юрук указал мне? Вела ли эта тропа через скалы, или они были пробурованы тоннелем, и почему не нашли ее вооруженные люди?

Пространство, в котором находился дом, было долиной, не больше, чем в милю ширины. Она была похожа на сад, усеянный душистыми лилиями. В центре долины стояло голубое полушарие — жилище Норхалы.

Нам некогда было изучать его красоты. Несколько последних наставлений Руфи, и мы пошли по серой дороге.

Едва мы сделали с десяток шагов, как раздался крик Руфи:

— Дик! Дик!

Он побежал назад и обнял девушку.

— Дик, — просияла она, — возвращайся ко мне скорей!

Когда Дик догнал меня, голова его была опущена, и он продолжал путь молча.

Мы прошли небольшое расстояние и обернулись. Руфь все еще стояла на пороге странного дома и смотрела нам вслед. Она помахала нам рукой и исчезла в дверях.

— Я рад за вас, Дрэк, — сказал я.

— Я полюбил ее с первого взгляда, — Дик схватил меня за руку, — а она говорит, что полюбила меня. Она сказала, что, если я ее действительно люблю, ей легче будет бороться в наше отсутствие с этим, как она называет, пятном внутри нее. Пятно! Пятно на этом ангеле. Но все же она ужасно боится чего-то, что теперь будто бы есть в ней. Конечно, все это глупости!

Я не находил слов, чтобы успокоить его, потому что вовсе не считал страхи Руфи воображаемыми. Ее ужас был слишком искренен, описанные ею симптомы слишком ясны, чтобы быть галлюцинациями. Разве нельзя допустить, что Диск ввел ее в общение с собой и со своим народом? Что она подверглась какому-то процессу магнитизации, вовсе не зловещему, который сделал так, что она стала понимать и его волю, и его мысли.

Среди нам подобных существует эта восприимчивость — умы, настроенные в унисон друг с другом, не нуждающиеся в стимуле, — произнесенном слове. А другие умы совсем не созвучны, так что даже через произнесенное или написанное слово наша мысль не может в них проникнуть. Что это за волны, по которым летят эти молчаливые послания?

Только нечто подобное могло объяснить общение Норхалы с металлическим народом. Руфь, которой это было чуждо, конечно, могла счесть эту большую чувствительность за какое-то пятно. Но нам это могло быть очень полезно, а ей не принести вреда, если только, если...

Я отгонял от себя ужасную мысль.

Скалистые стены ворот сошлись совсем близко. Скучная растительность у подножия их прекратилась. Дорога углубилась в ущелье. Там, где обрывались скалистые стены, была туманная завеса. Когда мы подошли ближе, мы увидели, что это больше похоже на туманный свет, чем на туман от воды. Он лился странно определенными полосами, как частицы кристалла в растворе.

Мы бок о бок вошли в этот туман. Я сейчас же понял, что, чем бы ни были эти завесы, сыростью они не были. Воздух,

которым дышали мы, был сухой и насыщенный электричеством. Я ощутил что-то ободряющее, какое-то щекотание в каждом нерве, почти легкомысленную веселость. Мы совершенно ясно видели и друг друга, и скалистый пол, по которому шли. В этом световом тумане не было слышно никаких звуков. Дрэк повернулся ко мне, и губы его зашевелились. Он склонился к самому моему уху, говоря что-то, но я не слышал ни звука.

Мы вышли в открытое место, и уши наши вдруг наполнились высоким, резким свистом, таким же неприятным, как вой песчаного урагана. В шести футах справа был край кряжа, на котором мы стояли. За ним был крутой отвес куда-то в пространство.

Но не эта пропасть заставила нас ухватиться друг за друга. Нет! Из пропасти поднималась гигантская колонна из кубов. Она высилась футов на сто над уровнем нашего кряжа, и низ ее уходил в глубины. Головой колонны было огромное, вращающееся колесо. Это колесо вспыхивало зеленым пламенем и со страшной быстротой бороздило скалу.

Над колонной был как бы колпак из какого-то светло-желтого металла, прикрепленный к скале. И этот-то навес, отделяя туманный свет, точно огромный зонтик, и образовывал зону света, в которой мы стояли.

Мгновение огромное колесо продолжало вертеться, визжащая скала таяла под ним и стекала, как лава. Потом колесо вдруг сразу остановилось, точно получило какое-то приказание. Оно склонилось на бок и посмотрело на нас сверху вниз. Я заметил, что внешний край колеса был весь усажен пирамидками и что кончики этих пирамид были снабжены чем-то, показавшимся мне гранеными драгоценными камнями.

Колонна склонялась; колесо приближалось к нам...

Дрэк схватил меня за руку и потащил назад в туман. Мы пробирались в этом тумане шаг за шагом, воображая, что мы чувствуем, как за нами крадется огромное лицо — колесо. Мы боялись оглянуться, чтобы не подойти слишком близко к невидимому обрыву. Мы медленно покрывали ярд за ярдом. Вдруг туман поредел, и мы вышли из него.

Кругом нас был хаос звуков, звон миллионов наковален, грохот миллиона кузниц. Гремели громы, ревели тысячи ураганов.

Невообразимый рев бездны несся на нас, как тогда, когда мы летели в глубине моря света.

Грохот этот порождался силой. Это была Сила, собранная в фокусе. Оглушенные, ослепленные ею, мы закрывали глаза и уши.

Вдруг грохот замер, оставляя на смену себе какую-то испуганную тишину. Потом тишина стала пульсировать каким-то жужжанием, и это жужжание прорвало журчание, точно текла река из бриллиантов.

Мы раскрыли глаза, и трепетный страх сжал нам горло, точно рукой.

Мы стояли на самом краю широкого кряжа. Мы смотрели вниз, в огромный колодезь овальной формы, длиною миль в тридцать, половиною этого в ширину и окаймленный пропастью.

Мы находились в верхнем конце этой долины и на вершине ее оси. Дно ее уходило футов на пятьсот вниз. Облака туманного Света, затемнявшие прошлой ночью эту бездну, теперь исчезли, воздух был кристально чист, каждая мелочь выступала со стереоскопической отчетливостью.

Мои глаза прежде всего остановились на широкой полосе флуоресцирующего аметиста, огибающей всю скалистую стену над нами. Она опоясывала скалы на высоте десяти тысяч футов, и с этой-то сияющей зоны и спадали завесы светящегося тумана, загадочные, уничтожающие звук пары. К северо-западу они трепетали, точно свет восходящего солнца, и, как этот свет, пронизывались радугами, спектрами, многоцветными сияниями. Но все это происходило в известном порядке, с геометрической точностью. Как будто бы огромные и движущиеся призматические кристаллы быстро пролетали к самому краю завес и с такой же быстротой мчались назад.

Г л а в а XX

Металлический чудо-город

От завес взгляд перекидывался к невероятному городу, возвышавшемуся меньше, чем в двух милях от нас.

Синевато-черный, сверкающий, с резкими, точно из стали вырезанными очертаниями он поднимался тысяч на пять футов в высоту. Я не мог определить, как велик был город, потому что высота его отвесных стен преграждала поле зрения. Неприветливый фасад, обращенный к нам, имел, вероятно, миль пять в длину. Город был гигантский, подавляющий, внушающий трепетный ужас, как тот полуночный город, который Данте увидел в другой бездне.

Это был громадный металлический город. Гладкая огромная стена поднималась высоко. Это гигантское длинное лицо города казалось слепым, но оно не было слепо, и в этом был ужас. Чувствовалось, что оно настороже. Казалось, что оно устави-

лось на нас так, точно на пространстве каждого фута на нем был часовой, невидимые глазу стражи, чья бдительность улавливалась каким-то скрытым чувством, более тонким, чем зрение.

Это был металлический город, огромный и... бдящий...

У подножия его были большие отверстия. "Вероятно, городские ворота", — подумал я. Через эти порталы и вокруг них кружилась металлическая рать, двигаясь туда и сюда, выливаясь из ворот и вливаясь обратно, образуя узоры у отверстий.

От огромного города пораженные глаза снова обращались к бездне, в которой был расположен город.

Дно ее было совершенно гладкое, его не прерывала никакая неровность почвы. На нем не было никакой растительности — ни деревьев, ни кустов, ни травы.

Казалось, само дно жило какой-то своей, жуткой жизнью. Оно было оживлено каким-то брожением, настолько же рассчитанным, насколько оно было механическим, брожением симметричным, геометричным, в высшей степени урегулированным.

Это было движение металлической рати.

Они двигались под нами, эти загадочные существа, бесчисленным войском. Они наступали и отступали батальонами, полками, армиями. Далеко на юге я видел гигантские формы, напоминавшие движущиеся пирамидальные горы, украшенные зубчатыми башнями. Они кружились одни вокруг других с невероятной быстротой, точно оживленные пляшущие пирамиды Хеопса, увенчанные башнями. Из башен вырывались яркие молнии, и вслед гигантским пирамидам катилось эхо отдаленного грома.

Нами играют...

С севера мчался эскадрон обелисков, на вершинах которых пламенели вращающиеся колеса, кажущиеся на расстоянии крутящимися огненными дисками.

Волнующееся море Предметов образовывало тысячи невероятных форм, угловатых, округлых и заостренных, и быстро переходило в другие, такие же странно-правильные формы. Я следил, как Предметы образовали нечто вроде палатки, высотой с небоскреб. Они висели так мгновение, потом сформировали десяток страшно длинных ног, которые ушли, точно гигантские тарантулы без головы и без туловища, шагами в двести футов длиной. Я смотрел, как полосы этих Предметов в милю длиной сворачивались в кольца, в ромбы, в пятиугольники, потом поднимались колоннами и со страшной быстротой мчались по воздуху.

А когда движение металлической рати давало нам возможность, мы видели, что дно долины было покрыто всевозможными узорами, огромными четырехугольниками, ромбами, параллелограммами, кругами и спиралями. Это было нечто гротескно-футуристическое. И все же во всех этих узорах был какой-то порядок, точно это была страница с какими-то непереводаемыми письменами из другого мира.

От сверкающих складок завес на самом юге перекинулась через долину к востоку широкая полоса бледно-зеленого нефрита. Линия ее была не прямая, а со множеством изгибов. Точно фраза, написанная по-арабски. Окаймлена эта полоса была сапфирно-синим. Лента эта была соединена множеством блестящих хрустальных арок. Но это не были мосты. Даже на этом расстоянии я понял, что это не мосты. С них доносился хрустальный шепот.

Нефрит? Этот поток — нефрит? Но тогда это растаявший нефрит, потому что я уловил его быстрое и ровное течение. Но это был не нефрит. Это была на самом деле река, река, заключенная среди этих похожих на письмена узоров из металлических Предметов на дне долины.

Я взглянул наверх — к крутящимся вершинам. Они подобно огромному венцу высоко поднимались к яркому небу. По цвету они были похожи на огромные, пестрые цветы, с бесчисленными каменными лепестками. По очертанию это было кольцо крепостей, построенных каким-то фантастическим, могучим существом. Вершины эти поднимались высоко, образуя купола и арки, заканчиваясь пирамидально и остроконечно. Лазоревые иглы поднимались от бастионов цвета киновари; обелиски — цвета индиго; пурпурные башни; золото с ржавым рубином; сторожевые башни оттенка пламени.

Среди них были разбросаны сверкающие изумруды ледников и огромные снеговые поля.

Горы точно диадемой окружали овальную долину. Склоны гор охватывало кольцо светящегося аметиста с его туманами утренней зари. А ниже тянулось обширное узорчатое дно, живущее странным движением. Горы точно охраняли сине-черную металлическую массу Города.

С края, на котором мы стояли, шел спуск. Но он был так крут и поверхность его была такая гладкая и полированная, что мы не могли бы воспользоваться им. Мы стояли в раздумье, когда вдруг из тумана выглянул блестящий куб. Он остановился и завертелся, как будто каждая из шести сторон этого куба хотела нас разглядеть.

Потом меня и Дрэка какая-то невидимая сила подхватила и перенесла на куб. Куб унесся от края и одно мгновение качался

в воздухе. Под нами, точно мы парили в воздухе, раскинулась долина. Потом наш куб утвердился на другой поверхности. Я посмотрел вниз и увидел, что наш куб стоит на огромной, стройной колонне из кубов.

Несмотря на то, что крутящееся колесо ее уже исчезло, я сразу узнал ту самую колонну, от которой мы с Дрэком бежали и колесо которой бороздило скалу. Куб был ее посланцем. Он отыскал нас в тумане, поймал и отдал ей!

Колонна наклонилась. Дно долины поднялось нам навстречу. Все ниже и ниже склонялась колонна. Мы испытали легкое сотрясение и стояли на дне бездны.

От колонны стали отрываться кубы. Они летали вокруг нас и мигали своими глубоко сидящими блестящими точками глаз.

Потом меня снова что-то подняло и перенесло на поверхность соседнего куба. Потом меня перебросило на другой куб. Я увидел, что и Дрэк перелетает по воздуху.

Темп игры ускорился. Я отлично сознавал, что это была игра, и чувствовал себя хрупким, как стеклянная кукла, в руках небрежных детей.

Несколько кубов соединились, образовали обелиск, который перебросил меня на сто футов расстояния. Когда я летел, то увидел, что мы стали центром огромного скопища металлического народа. Их угловатые и закругленные поверхности сверкали сталью.

К нам летел огромный шар. Он вдруг сразу остановился. Меня потянуло вниз к шару. Какая-то неведомая сила держала меня подвешенным в воздухе, в то время как шар крутился подо мной, разглядывая меня.

Потом меня перекинуло к поджидавшему меня кубу, а шар умчался. Невдалеке от меня на земле стоял, покачиваясь, весь бледный Дрэк. Вдруг куб, на котором я находился, притянул меня к себе так сильно, что я беспомощно упал на его поверхность. Прежде чем я упал, тело Дрэка притянуло на мой куб, точно его тащили на лассо. Он упал рядом со мной.

Потом, как шаловливый ребенок, куб помчался прямо к открытому portalу города. Яркий голубоватый свет ослепил нас и, когда свет этот угас, я увидел рядом с собой скелет Дрэка. Потом он быстро снова оделся плотью.

Куб остановился. Невидимые руки подняли нас и осторожно поставили на землю. Куб умчался.

Вокруг нас раскинулся зал, в котором высоко горели бледно-золотые солнца. Среди огромных колонн двигались металлические рати, но уже не торопливо, а спокойно, уверенно.

Мы были в городе, как и говорил нам Вентнор.

Живой город

Совсем близко возле нас была одна из циклопических колонн. Мы пробрались к ней и присели у ее основания. Мы чувствовали себя муравьями среди этих бесчисленных ратей оживленных кубов, пирамид и шаров. Среди них были гиганты размером до тридцати футов и более. Они не обращали на нас никакого внимания, и некоторое время спустя количество их стало уменьшаться, остались отдельные группы, потом одиночные предметы и, наконец, зал совсем опустел.

— Скажите, — обратился ко мне Дрэк, — вам не кажется, что вы весь насквозь наперчены?

— Я чувствую необычайную силу, — ответил я.

— Взгляните-ка сюда, профессор, — продолжал Дрэк, — как вам это нравится?

Я не понял, на что указывал Дрэк рукой.

— Глаза! — сказал он нетерпеливо. — Разве вы не видите в колонне глаза?

Я взгляделся. Столб был металлического синеватого цвета, слегка темнее, чем сам металлический народ. Он был весь усеян мириадами крошечных кристаллических точек. Но они были тусклы и безжизненны. Я дотронулся до колонны. Она была гладкая, прохладная — совершенно отсутствовала горячая жизнь, пульсировавшая в металлическом народе. Я покачал головой.

— Нет, — сказал я, — сходство есть, но тут нет силы, нет жизни.

— Может быть, дремлющая, — заметил Дрэк.

— Это совершенно невозможно! — воскликнул я и удивился собственной горячности.

— Кто знает, — он с сомнением покачал головой. — Может быть, но... идемте же дальше.

Дрэк останавливался у каждой колонны и окидывал ее ищущим взглядом. Но я больше интересовался освещением зала. И видел теперь, что освещался он шарами, неподвижно висевшими в воздухе. Исходившие от них лучи были так же совершенно неподвижны. Но, несмотря на это, в них не было ничего, напоминавшего твердость или металл. Они были воздушны, мягки, как огни, появляющиеся временами на мечах кораблей, эти жуткие посетители из невидимого океана атмосферного электричества.

Когда они исчезали, что происходило постоянно, это делалось с какой-то поражающей окончательностью. И тотчас же

рядом с исчезнувшими так же неожиданно выплывали другие шары, иногда большего размера, чем угасший, иногда группы меньших шаров.

— “Что это могло быть такое? — думал я. — Как они укреплены и где источник их света? Могут ли они быть продуктом электромагнитных течений, или не породило ли их взаимное проникновение таких течений, проносащихся над нами? Такое предположение может объяснить их исчезновение и появление снова: перемена течений меняла контакты. Беспроволочный свет? Если так, то вот идея, которую может разработать человеческая наука, если мы когда-нибудь вернемся на...”

— Куда же теперь? — прервал мои мысли Дрэк. Мы прошли зал и стояли у пустой стены, которая уходила наверх, в туман, скрывавший потолок помещения.

— Я думал, что мы шли по тому же пути, что и они, — смущенно произнес я.

— Я тоже. Но мы, вероятно, кружили. Они не могли пройти через стену, если только...

— Если только что?

— Если только стена не раскрылась и не пропустила их, — сказал Дрэк, — разве вы забыли про эти огромные овалы, которые открывались в других стенах?

Я забыл. Я снова посмотрел на стену. Конечно, она была совершенно гладкая. Это был ничем не прерывавшийся фасад из полированного металла. Внутри его точки света были еще более тусклыми, чем в колоннах, их почти не было видно.

Мы пошли налево вдоль стены. Мы пришли к какому-то отверстию. Это был вход в тоннель, в котором свет резко отделялся от шафранового света в зале. В тоннеле было мрачно и серо. Мгновение мы постояли в нерешительности, потом вошли. Стены, крыша и пол были из того же вещества, что и колонны, и стены большого зала. В них так же сидели тусклые, мигающие точки — глаза.

— Как страшно, что в этих местах все угловатое, — заметил Дрэк, — они, очевидно, не пользуются в своей архитектуре идеей шара.

Я вспомнил, что, действительно, не видел тут никаких закругленных линий. Везде были математические прямые линии кверху, книзу и пересекающиеся. Это было странно... Но мы еще мало видели.

В тоннеле было тепло, в воздухе чувствовалась какая-то перемена. Становилось все теплее, жара была сухая, более ободряющая, чем гнетущая. Я дотронулся до стен. Тепло исходило не от них. Но жара становилась все сильнее.

Тоннель сделал поворот под прямым углом и продолжался коридором, вдвое меньшим по объему. Далеко впереди появилось бледно-желтое сияние, вставшее столбом от пола к потолку. Свет его делался все ярче. В нескольких шагах от него мы остановились. Свет лился через широкую щель в стене. Мы очутились в тупике. Отверстие в стене было недостаточно широко, чтобы мы с Дрэком могли проникнуть через него. Странная жара шла вместе со светом из щели.

Мы заглянули в щель. Сначала мы могли разглядеть только прострелы и лучи, извергаемые изумрудами, рубинами и сапфирами, вспышки лилового пламени.

Неожиданно появляется Норхала

В светящемся тумане выплыла фигура Норхалы.

Она стояла, окутанная только волосами, блестевшими, как шелковые нити. Странные глаза ее были широко раскрыты и улыбались. Кругом Норхалы кружилось бесчисленное множество металлических малюток. От нее и исходили огни, похожие на сверкание драгоценных камней. Все эти оживленные математические предметы то окружали ее сверкающими хороводами, то, превращаясь в пылающие диски и звезды, вертелись вокруг чуда ее тела в виде разноцветных живых огней. С дисками и звездами были перемешаны крошечные крестообразные формы, сияющие угрюмым густым багрянцем или дымчатым оранжевым светом.

Потом на Норхалу волной налетели маленькие металлические предметы и окутали ее сверкающим облаком. Я услышал смех Норхалы, нежный, золотой и далекий.

— Это их малютки! — прошептал я.

— Это детская, — тоже шепотом ответил Дрэк, — детская металлических малюток.

Норхала скрылась. Скрылось и светящееся помещение, в которое мы заглянули. Перед нами была гладкая стена. Щель в стене закрылась с такой быстротой, что мы даже не успели этого проследить.

Но раскрывалась противоположная стена.

Сначала это была только щель, но щель эта стала быстро расширяться. Я схватил Дрэка и оттащил его в дальний угол. Открылся новый коридор. Далеко в глубине его мы заметили движение. Движение это приближалось. Из туманно-светящегося пространства мчалось несколько больших шаров. Мы стали отступать, вытягивая вперед руки, инстинктивно защищаясь от грозящего нам разрушительного удара.

— Все кончено, — прошептал Дрэк, — они нас раздавят. Вернитесь к Руфи, если вам это удастся. Может быть, я смогу их остановить.

Он бросился прямо навстречу шарам и стоял, высоко подняв голову — соломинка перед мчавшейся металлической лавиной.

Но шары остановились в нескольких футах от него, как раз в тот момент, когда я догнал Дрэка. Они разглядывали нас с видимым удовольствием. Потом повернулись друг к другу, точно совещаюсь. Затем медленно стали приближаться. Нас подняла какая-то сила, которую я мог сравнить только с тысячами невидимых рук. Блестящие изгибы спин шаров покачивались под нами. Шары завернули за угол и помчались по тому коридору, который привел нас сюда из залы. Когда последний шар выкатился из-под нас, мы мягко встали на ноги и стояли покачиваясь.

Нас охватила бессильная ярость. Глаза Дрэка горели.

— Дьяволы! — он сжал кулаки.

Мы посмотрели вслед шарам.

Становился ли коридор уже? Кончался ли он? Коридор стал на моих глазах сужаться, стены бесшумно приближались одна к другой. Я толкнул Дрэка в открывшийся новый проход и бросился за ним.

За нашими спинами была теперь непрерывная стена, закрывавшая все пространство, на котором мы только что стояли.

Неудивительно, что нас охватил ужас и что мы сломя головы побежали по открывшемуся проходу, все время ожидая, что и эти стены сомкнутся и раздавят нас, как мух.

Наконец, мы остановились, задыхаясь от бега. И в это мгновение я содрогнулся дрожью того, кто встал лицом к лицу с непостижимым и знает, наконец, что непостижимое существует.

Стены, потолок и пол вдруг замигали бесчисленными глазами. Точно с них сняли какую-то пленку, точно они проснулись. Мириады светящихся точек засверкали на голубоватой поверхности, и точки эти разглядывали нас, издевались над нами.

Маленькие сверкающие точки, которые были глазами металлического народа.

Это не было коридором, пробитым в инертной массе механическим искусством. Разрытый не с помощью скрытого механизма, он был живым существом. Стены, крыша, пол его были самой металлической ратью. А то, что коридор раскрывался и закрывался, — было сознательным, согласованным и добровольным действием живых стен. Действие, которое покорялось

и направлялось общей волей, которая, подобно разуму улья и муравейника, оживляла каждую частицу этих стен.

Мы были поражены тем, что открылось нам. Если это правда, тогда эти колонны огромного зала, его высокие стены — весь этот город был одним живым строением. Невероятным строением из бесчисленных миллионов оживленных тел. Тонны этих тел образовывали гигантские глыбы, каждая часть которых была разумна.

Теперь я понял, почему нам казалось, что странный город наблюдал за нами глазами Аргуса. Он действительно наблюдал за нами.

Город, который видел!

Город, который был живым!

Г л а в а XXII

Коридор нас извергает

Я думаю, что одно мгновение мы были сумасшедшими. Помню, что мы побежали, держась за руки, как испуганные дети. Потом Дрэк остановился.

— Провались это место, — сказал он, — а я дальше не побегу. Мы же мужчины, в конце концов! Пусть они нас убивают! Но клянусь, что я не побегу.

Его мужество вернуло мне силы и спокойствие. Как будто бросая вызов, мы пошли дальше ровным шагом. Сверху, снизу, со всех сторон на нас смотрели тысячи немигающих глаз.

— Кто поверил бы, — бормотал Дрэк, — их здесь целое гнездо, чудовищное животное гнездо.

Гнездо? Я ухватился за это слово. Что оно напоминало? Да, гнездо воинствующих муравьев, город муравьев, которых Вильям Биб изучал в южно-американских джунглях. Был ли этот город более чудесен, более невероятен, чем тот город муравьев, образовавшийся из живых тел так же точно, как металлический город из тел кубов?

Как говорил Биб: “Дом, гнездо, очаг, детская, брачный покой, кухня, кров и стол воинствующих муравьев”. Построенный и обитаемый слепыми и глухими маленькими дикими насекомыми, которые, руководствуясь одним только обонянием, выполняют самые сложные действия. Откуда и как получали муравьи приказания, на которые они отзывались? А металлический народ? Откуда стимул, движущий ими, стимул, на который они отзываются? И тут, и там тайна...

В мои мысли ворвалось сознание, что я двигаюсь со все увеличивающейся быстротой. Одновременно какая-то сила

подняла меня с пола коридора и помчала вперед. Я посмотрел вниз и увидел пол в нескольких футах под собой.

— Коридор смыкается за нами, — пробормотал Дрэк, — они нас выгоняют.

Было, действительно, похоже на то, что коридору надоело наше медленное продвижение, и он решил поторопить нас. Стены сближались за нашей спиной, мы же мчались все быстрее; казалось, что нас мчит какой-то поток. Ощущение было удивительно приятное, разнеживающее... как это говорила Руфь?.. чувство единства со стихией, чувство какой-то свободы. Сила, которая нас несла, как будто одновременно исходила из стен, из пола, из потолка. Она была равномерна, и в ней не чувствовалось усилий. Впереди нас стены расступались, образуя коридор, так же точно, как они смыкались за нами.

Кругом поблескивали точки.

Глубже и глубже погружалось мое сознание в это странное спокойствие. Быстрее и быстрее мчались мы вперед.

Вдруг впереди блеснул дневной свет. Мы вошли в него. Сила, поддерживавшая нас, ослабела. Я почувствовал под ногами почву. Я стоял, прислонившись к гладкой стене.

Коридор выбросил нас и сомкнулся.

Перед нами была фантастическая картина, какая вряд ли представлялась зрению человека с самого начала времен.

Мы увидели кратер огромного размера. Над ним был белый и сияющий круг неба, в центре которого пылало солнце. Прежде, чем взор мой охватил всю эту панораму, я понял, что мы в самом сердце Металлического Города.

Вдоль по краю всего кратера были расположены тысячи вогнутых дисков, ярко-зеленых, огромных. Они были похожи на гигантские щиты, и внутри каждого сиял ослепительный цветок пламени — отраженный лик солнца. Под этой сверкающей диадемой висели группы других дисков, и в каждом из них так же висело плененное отображение дневного света.

Футах в ста под нами было дно кратера.

Оттуда кверху поднимался высокий лес бледно-светящихся конусов, ошетилившихся, ужасных. Они карабкались ярус над ярусом, фаланга над фалангой. Все выше и выше, пирамидально, они вытягивали множество своих заостренных вершин.

На высоте двух тысяч футов они тесно сгруппировались у подножия огромной стрелы, уходившей на полмили ввысь. Верхушка этой стрелы была срезана, и от нее радиусами расходилось множество тонких и длинных спиц, поддерживавших колесо в тысячу футов в окружности. Это колесо состояло из

бледно-зеленых дисков, вогнутая поверхность которых, в противоположность гладкой поверхности дисков, окружающих кратер, была покрыта странными гранями.

На полпути между краем кратера и его дном начались металлические рати. Оживленными фризами выступали они на закругленных стенах, стенах, которые, я это знал, были такими же живыми, как и они. Они извивались веревками, свисали гроздьями, шары и кубы, густо утыканные пирамидами. Стройные колонны из шаров поднимались навстречу этим свисавшим гирляндам. Металлические предметы мелькали перед нами во всевозможных сочетаниях, то загораживая собой, то снова открывая гору из конусов.

Они перемещались с неимоверной быстротой, образуя арабески, готические рисунки, кружевные фантазии в стиле ренессанса, невыразимо странные, невыразимо прекрасные, но всегда геометрически правильные.

Движение их вдруг прекратилось, металлический народ точно одел собою огромную чашу кратера какой-то невероятной тканью, усеял ее драгоценными камнями невообразимой красоты.

По дну кратера и конусам скользнул бледно светящийся шар. По виду такой же шар, как и другие, он был весь проникнут какой-то странной силой. Вслед за ним плыли две большие пирамиды, а дальше еще десять шаров.

Г л а в а XXIII

Питание металлического народа

— Повелитель металла! — шепнул Дрэк.

Металлические предметы докатились до основания из конусов и остановились.

Блеск, точно от взорвавшегося метеора, и шар превратился в то великолепие самоцветных камней, перед которым витала Норхала, и я снова увидел сияющие сапфировые овалы на золотом фоне диска. Расцвела роза с пламенными лепестками, сердцем которой был раскаленный рубин.

Две пирамиды, стоявшие по обе стороны диска, превратились в звезды-близнецы, ослепительно сверкающие фиолетовым светом. И один за другим меньшие десять шаров растянulись в пламенные орбиты.

Раздался тихий вой. Далекий сначала, он все приближался.

— Они голодны! — прошептал Дрэк. — Они голодны!

— Дрэк! — я с ужасом посмотрел на него. — Дрэк, вы сошли с ума!

— Но я чувствую, — ответил Дрэк, — что эти проклятые предметы голодны.

Вой все усиливался. Легкий трепет прошел по всему кратеру. И теперь я так же, как и Дрэк, уловил жадное и быстрое пульсирование.

— Голодны, — шепнул Дрэк, — точно львы, к которым пришел укротитель и принес мяса.

В поле нашего зрения, к пламенному диску поднялся огромный куб. Соединение красоты и силы, которое Дрэк назвал Повелителем металла, было высотой с трех рослых мужчин. Куб закрыл его собой. Синевато-черный, он не только скрыл своим массивом пламенный диск, но точно тень от него упала и на весь кратер.

Но затемняющая глыба одно только мгновение стояла перед диском. Новая вспышка метеора, и там, где был куб, мы увидели огромный, огненный крестообразный предмет, стоящий вверх основанием. Верхняя часть его была вдвое длиннее нижней и боковых. Теперь он закрывал не только диск, но и почти всю поверхность двух звезд. Предмет этот был высотой футов в восемьдесят. Он пламенел и мерцал злобным, дымчатым огнем, то с мрачными оранжевыми, то с серо-желтыми оттенками. В его огне не было многоцветного великолепия, как в сверкании диска, не было и следов пульсирующей розы, ни тени торжествующего сапфира, ни ласкового, нежного зеленого отблеска, ни прелестных опаловых тонов.

Крестообразный предмет горел злым дымным красным огнем с отблесками охры, и в этом свете было что-то жуткое и жестокое.

Снова весь кратер сотряс жадный трепет. Крестообразный предмет повернулся. Он скользнул в сторону от диска и его звездных охранителей. И все эти предметы повернулись, точно глядя ему вслед.

И тут мне стал ясен механизм того процесса, посредством которого шары превращались в овальные диски, пирамиды — в четырехконечные звезды и кубы — в перевернутые кресты.

Металлический народ был полый внутри. В их оболочках заключалась вся их жизненность, вся их сила, сами они. И эта оболочка была всем, чем они являлись.

Когда овальные диски складывались, они превращались в шары. Четыре конца звезды и четырехугольник, от которого они расходились, в закрытом виде представляли пирамиду. Шесть плоскостей куба в раскрытом виде были перевернутым крестом. И эти подвижные стены не были массивны. Они даже были хрупкими по сравнению с размерами металлического народа.

Стенки огромного крестообразного предмета, на который я теперь смотрел во все глаза, были не больше чем в фут толщиной.

Сбоку тело Повелителя металла казалось вогнутым, и поверхность его была гладкая, как будто слегка просвечивающая.

Крестообразный Предмет стал наклоняться, его длинная верхняя часть опускалась вниз, как на шарнирах. Все ниже и ниже склонялась эта часть, точно в каком-то гротескном, страшном поклоне. Теперь верхняя часть стала под прямым углом к горизонтальным крылам крестообразного предмета.

Предмет стал снова склоняться, на этот раз в шарнире, прикреплявшем вытянутые крылья к основанию. Теперь это была огромная фигура в виде буквы Т, из вытянутых в сторону частей которой стали появляться извивающиеся щупальца. Они были серебристо-белые, но отражали злобный огонь, которым горела скрытая теперь от меня поверхность предмета. Извивавшиеся щупальца исходили как будто из каждого дюйма крыльев, и под ними было нечто вроде доски, огромной и светящейся. Щупальца двигались по этой доске, нажимали, ударялись о доску, толкали, проделывали какие-то движения.

По горе конусообразных предметов в центре кратера вдруг прошла дрожь. Дрожь эта усилилась, каждый из конусов стал быстрее вибрировать. Послышался слабый гул, точно отдаленное эхо бури. Вибрация становилась все быстрее и быстрее. Острые очертания конусов стали расплываться, исчезли. Гора стала могучей пирамидой, излучающей бледно-зеленый свет, стала огромным бледным пламенем, языком которого была ее стрела. Из дискообразного колеса полились потоки света.

Щупальца крестообразного предмета задвигались с невероятной быстротой. Колесо кружилось все быстрее и быстрее.

Из его пламенного круга к небу устремился столб бледно-зеленого света. С поражающей быстротой, плотный, как вода, сконцентрированный, он ударил вверх, прямо к лику солнца.

Он мчался вверх с быстротой света. С быстротой света? Мне пришла в голову мысль, которая мне самому показалась невероятной. Мой пульс обычно семьдесят в минуту. Я нащупал его и принялся считать.

— Что с вами? — прошептал Дрэк.

— Выньте мои очки, — пробормотал я, — спички в кармане. Закоптите стекла. Хочу посмотреть на солнце.

Он удивленно покорился.

— Подержите очки перед моими глазами, — приказал я.

Если я правильно считал, прошло четыре минуты. Вот оно то, что я искал. Через закопченные стекла я совершенно ясно видел это в самой северной части Солнца. Большое солнечное пятно этого света — больше всех, которые когда-либо отмечала

астрономия, циклон раскаленных газов, огромное динамо, изливающее свои потоки электромагнетизма на все кружащиеся планеты. Солнечный кратер, который, как мы теперь знаем, был в своем максимуме сто пятьдесят тысяч миль в диаметре.

Прошло пять минут. Не было смысла держать у глаз стекла. Даже если мысль моя была верна, даже если этот светящийся столб мчался к Солнцу через пространство с быстротой света, все же должно было пройти от восьми до девяти минут, пока он только достигнет Солнца.

Да и не была ли моя мысль, в конце концов, совершенно невозможной? Но если и нет, на что могла надеяться металлическая рать? Стрела была так мала по сравнению с мишенью. Какое действие мог иметь на солнечные силы такой слабый металлический снаряд? И все же — равновесие природы так чувствительно, значительные происшествия могут явиться последствием малейшего изменения в ее бесконечно чувствительном, бесконечно сложном равновесии. Могло быть... могло быть...

Прошло восемь минут. Если я был прав, стрела коснулась теперь Солнца. Десять минут.

— Что это такое? — испуганно крикнул Дрэк. — Что происходит? Взгляните на конусы! Взгляните на Повелителя металла!

Пирамидальное пламя, бывшее горой из конусов, осело. Столб света не уменьшился, но механизм, бывший его источником, осел на много ярдов.

А Повелитель металла? Огни его потускнели, величие его угасло. И все бледнее становился фиолетовый блеск сторожащих звезд.

А крестообразный предмет — хранитель конусов? Не опускались ли все ниже и ниже его крылья, не двигались ли его пальца все слабее и слабее?

У меня было такое ощущение, точно из всего окружавшего меня была вытянута сила. Точно вся жизнь города истощилась, точно из него высосали всю жизненность. Истощилась, чтобы отдать силы этой стреле, мчавшейся к Солнцу.

Вся рать была бессильная, неподвижная. Живые колонны склонились на бок. Живые гроздья обвисли.

Двенадцать минут...

Несколько колонн свалилось. Позади нас сверкающие глаза стен померкли, умирали...

Нас стало охватывать ощущение, похожее на тот ужас одиночества, каким дышала проклятая долина у развалин.

Населенный кратер изнемогал.

Величие Повелителя металла угасало все больше и больше.

Четырнадцать минут...

— Сорнтон, — шепнул мне Дрэк, — жизнь уходит из них. Уходит вместе с этим столбом света. Что это значит? Зачем они это делают?

Пятнадцать минут...

Щупальца Хранителя бессильно шевелились. Вдруг пылающая пирамида потемнела и погасла.

Шестнадцать минут...

Вдоль всего края кратера какая-то невидимая рука точно подняла кверху щиты.

Семнадцать минут...

Я бросил свой пульс, схватил очки и поднес их к глазам. Мгновение я ничего не видел, потом белая раскаленная точка засияла на нижней части большого белого пятна. Она сверкала так ослепительно, что на нее было трудно смотреть даже через закопченные стекла.

Я протер глаза и снова посмотрел. Точка горела так ярко, что как иглой пробуравливала глаз. Но очертания пятна точка не меняла. Она как будто бы сверкала высоко над ним.

Я молча передал Дрэку очки.

— Вижу! — закричал он. — Сорнтон... Пятно... Оно увеличивается!

Я выхватил у него очки и снова стал смотреть. Но я по сегодняшней день не знаю, видел ли Дрэк, как пятно увеличилось. Мне казалось, что оно не менялось... и все же... может быть... кто знает, не открылась ли шире рана солнца под этим перстом силы, под этой стрелой света, посланной металлической ратью?!

Быть может, солнце не устояло...

Я не знаю этого до сих пор. Так или иначе, ослепительная точка все продолжала сиять. И для меня это уже было достаточным чудом.

Двадцать минут... Сам не отдавая себе отчета, я считал... Двадцать минут...

На краю кратера, где поднялись кверху щиты, стал собираться светящийся туман. Прозрачный, аквамаринно-нежный и аквамаринно-светлый. В одно биение сердца он сгустился в широкое кольцо, сквозь сияющую толщу которого на каждом диске ясно отражалось солнце, как бы видимое через облака прозрачных атомов аквамаринов.

Щупальца Хранителя снова задвигались. Щиты вокруг кратера, как один, повернулись вниз. Сгущавшийся туман становился все более и более сверкающим.

Снова, как один, завертелись щиты. С каждой вогнутой поверхности, с поверхности всех огромных кругов под ними,

вырвались потоки зеленого огня, зеленого, как огонь самой зеленой, цветущей жизни. Сотканные из бесчисленных, мчащихся, ослепительных ионов, сильные лучи устремились к тысячефутовому колесу, увенчивавшему конусы, и привели его в движение.

Сверху образовалось прозрачное облако сверкающего тумана. Откуда появились эти сверкающие туманности? Казалось, щиты вытянули из воздуха какую-то невидимую, ритмическую энергию и превратили ее в видимый блистающий поток.

Потому что теперь это был поток. С огромного колеса вниз лился поток, водопад зеленых огней. Он каскадом заливал конусы, топил их.

Под этим потоком конусы стали расти. Они совершенно отчетливо увеличивались в размере, точно объедались светом. Выше и выше поднимались их вершины, точно жаждали получить пищу от вертящегося наверху колеса.

Щупальца Хранителя извивались. Щиты на кратере снова повернулись книзу. Они посылали снопы зеленого света в огромную впадину, точно поили металлическую рать.

Кругом нас был трепет жизни, усиление биения ее пульса. Он бился ритмично, все сильнее. Это был невероятный трепет жизни, чудовищно могучий.

Г л а в а XXIV

Кормление

— Они питаются! — шепнул Дрэк. — Питаются солнцем!

Лучи заплясали быстрее. Кратер был очагом огней, в котором скрещивались конические лучи. Там, где они перекрещивались, вспыхивали огромные круги, трепетавшие мгновение и затем превращавшиеся в изумрудные спирали, в перистые разветвления.

Все сильнее и сильнее бился пульс возвращавшейся жизни. Поток огня ударил прямо в Повелителя металла. Сразу торжествующе заблестало его великолепие. Его золотой зодиак, уже не тусклый и померкнувший, вспыхнул солнечным пламенем.

Все кругом источало теперь свет. И нас тоже окутали сверкающие туманы и потом залили лучи света. Биение моего пульса усилилось, дыхание было неестественно ускоренным. Я протянул руку, чтобы коснуться Дрэка, и из моих пальцев с треском вырвались большие зеленые искры.

Теперь со всех сторон бушевали огни, похожие на огни драгоценных камней. Они исходили от всех колонн, от всех шаров.

— Они питаются, — шептал Дрэк, — питаются солнцем!

Щиты поднимались все выше над краем кратера. Я не видел, какой механизм их поднимает. Потом они остановились, и все множество их сразу завертелось. Они залили потоками света весь город и всю Бездну, затопляли их светом.

Вдруг сверху, точно из круга открытого неба, раздались ревушие звуки. Цепи молний прорезали туман. Молнии были зеленые, как и сам туман.

Мелькали стрелы разрушительного фиолетового цвета, палящего красного. Взрывались раскаленными многоцветными огнями шары.

От звездообразных предметов исходили изумрудные и пурпурные лучи. От крестообразных — извивающиеся цепи шафранного и красного пламени. От дисков отделялись взрывающиеся шары. Весь кратер пронизывался этими молниями металлической рати. Он был точно весь расшит ими, соткан из огромных и меняющихся рисунков электрического пламени.

Грохот стал ужасающим, разрушительным. Весь город пульсировал, трепетал жизнью, досыта напился и допьяна напился жизнью. Я чувствовал, что его пульс стал моим собственным, я эхом отзывался на него. Я видел, что я как бы очерчен пламенем и что вокруг Дрэка образуется сияние.

В этом хаосе кратера появилась Норхала. Ее точно окутывали молнии.

Тело Дрэка скользнуло мимо меня и, пылая, лежало у моих ног на узком выступе.

В голове моей стоял ревуший шум, гораздо более сильный, чем тот, который ударял мне в уши. Что-то толкало меня в глубины пространства, которое одно только могло погасить огни, охватившие меня огни, частью которых я становился. Мне казалось, что я лечу куда-то, где забвение.

Г л а в а XXV

Металлическая фантазмагория

Я открыл глаза. Все тело мое затекло и болело. Я лежал на спине. Высоко надо мной был огромный круг неба, окаймленный множеством щитов. Теперь щиты слабо мерцали, и небо было небом ночи.

Ночи? Но как долго я здесь лежу? И где Дрэк? Я попытался встать.

— Тише, дружище, — услышал я рядом голос Дрэка. — Успокойтесь. Как вы себя чувствуете?

— Весь разбит, — простонал я, — что случилось?

— Мы не привыкли к таким представлениям, — сказал Дрэк. — Мы объелись на этой оргии. С нами неожиданно случился сильный припадок электрического несварения. Шш-ш... оглянитесь-ка.

Я обернулся. Я лежал возле одной из стен кратера и с облегчением заметил, что крошечные точки-глаза уже не сверкали, были снова тусклы.

Передо мной бледно светилась гора из конуса. Вокруг ее основания блестели огни овальной формы. От них не исходило лучей, они не отбрасывали теней. Рядом с каждым стоял крестообразный предмет, который, как я уже теперь знал, был раскрытым кубом металлической рати.

Предметы эти были меньше Хранителя, меньше, чем в половину его высоты. Они выстроились почти непрерывающимся полумесяцем вокруг огромного пьедестала. Они были на несколько футов ближе к пьедесталу, чем они. Овальные, как я уже говорил, они более широким концом стояли книзу, в широкой чаше, которую поддерживала тонкая серебристо-серая металлическая ножка.

— Я уже долго наблюдаю за ними, — прошептал Дрэк. — Я увидел, что вы живы, и боялся вас разбудить. Они строят основание для конусов. Конусы так выросли, что им нужно дать больше места.

Крестообразные предметы склонились. Они склонялись все одновременно, как по команде. У подножия каждого была груда какого-то слабо поблескивающего вещества. Щупальца предметов извивались среди этой груды и затем вытаскивали нечто, похожее на хрустальный канат. Склоненные части предметов выпрямлялись и тотчас же бросали хрустальные полосы к овальным огням. Раздавалось странное шипение. Концы полос начинали таять и опадать ослепительным дождем, проходившим через овальные огни и падавшим из периферии пьедестала. Полосы таяли быстро. В этих огнях должен был быть жар, ужасающий жар, но работники Хранителя как бы не чувствовали его.

Предметы снова и снова проделывали одни и те же движения. Казалось, они нас не замечают, или же совершенно безразлично относятся к нам.

Вдруг огни, точно выключенные, померкли до света свечи. В то же мгновение полумесяц из крестообразных предметов обратился в полумесяц из кубов.

Теперь огромные черные кубы стояли неподвижно, вырисовываясь на мерцающем фоне конусов.

Потускневшие огни качнулись, поднялись и водрузились на спинах кубов. По двое размеренным, торжественным шагом

скользнули кубы в окружающий мрак. За ними двинулось множество других металлических предметов, которых мы до этого не заметили.

Странная и жуткая картина! Жуткая, потому что металлической рати было до нас, смертных, не больше дела, чем нам до муравейника, который мы топчем, или до паутины, которую проходим. Вот в чем была сущность испытываемого нами ужаса. Если уничтожают из ненависти, то есть, по крайней мере, удво-летворение, что мы — осознанная реальность. Но если уничтожают с безразличием, небрежно, как человек наступает на муравьиную кучу, вот тут ужас!

Огни становились все слабее. Исчезли.

Мы не двигались. Кругом не было ни звука, ни движений. Мы встали и вместе пробрались по гладкому полу к конусам, находившимся футах в тысяче от нас.

Пройдя, я увидел, что пол, как и стены, состоял из тел металлического народа. Но, как и стены, пол спал и точки-глаза были тусклы. Я подошел ближе к конусам. Я заметил, что они стоят на хрустальном фундаменте, не выше чем в четырех футах над землей. Крепкие, приземистые колонны поддерживали этот фундамент. Я только теперь заметил, какое огромное сооружение опиралось на этот хрустальный фундамент. Он имел, вероятно, в диаметре целую милю, толщиной же не был и в ярд.

Меня поразило, что такая хрупкая поддержка могла нести такую гору, потом я вспомнил, как сокращались конусы и что напитало их и заставило их распухнуть.

Не имеющие веса магнитные атомы; рои электрических ионов; туманное дыхание бесконечной энергии, дышащее на них и сгущающееся в них.

Они не имели веса. Не знаю, как мне это стало ясно, но теперь, почти касаясь их, я это знал. Они были облачные и все же крепкие, сгущенные и в то же время редкие; плотные и в то же время не материальные.

Они были силой, ставшей видимой!

Энергией, сгустившейся в материю!

Мы пробирались мимо фундамента и искали доску, над которой склонялся Хранитель. Я нерешительно дотронулся до хрустального основания. Край был теплый, но я не мог сказать, было ли это следствием сверкающего дождя, или это было свойством самого вещества. Конечно, на нем не было следов, указывавших, куда падали растаявшие туманы. Он был как бриллиант, тверд и гладок.

Ближайшие конусы начинались футах в девяти от его края.

Глава XXVI

Гигантская клавиатура

Вдруг мы увидели доску. В форме огромного Т, сверкающая бледным и прозрачным фиолетовым светом, она могла по форме и размерам быть светящейся тенью Хранителя. Она поднималась на фут над землей и, по-видимому, не сообщалась с конусами. Она состояла из тысяч плотно расположенных, крохотных восьмигранных палочек. Концы некоторых из них были закруглены, концы других же — остры. Ни одна из палочек не была шире полудюйма. Палочки были подвижны. Они составляли невероятно сложную клавиатуру. Я увидел, что только щупальца-руки Хранителя могли разбираться в ее сложности.

Но почему же клавиатура эта была сделана так, что только угрюмый пылающий крест один мог знать ее скрытое значение? И как передавались ее сообщения?

Между доской и конусами не было видимой связи, и между ею и щитами не было антенны. Могло ли быть, что раздражения, передаваемые щупальцами Хранителя, проходили по металлическому народу, образовавшему дно кратера, и дальше, наверх, к металлическому народу, поддерживавшему по краю кратера щиты? Это было вероятно. Групповое сознание нуждалось в каком-то импульсе. Это было ясно, иначе зачем нужна доска, зачем работа Хранителя?

Не была ли каждая из этих крошечных палочек механизмом, сходным в некотором роде с посылающими клавишами беспроводного телеграфа? Не были ли они передатчиками тонкой энергии, в которой заключалось приказание? Быть может, они передают азбуку какого-то сверхМорзе. Несут каждой ответственной металлической клеточке приказаания высших единиц, которые для тела Рати то же самое, что для нас клеточки мозга?

Я наклонился, твердо решив, вопреки непобедимому отталкиванию, испытываемому мною, дотронуться до палочек на доске.

Трепетная тень упала на меня...

Над нами сиял Хранитель Конусов.

В сравнении с ним мы были карликами перед гигантом. Если бы он имел форму человека, мы достигали бы трети расстояния до его колен. Я устремил все свое внимание на двадцатифутовый четырехугольник, который был его основанием. Поверхность его была совершенно гладкая, но под нею мерещились бесчисленные микроскопические кристаллы. Эти крупинки,

существование которых скорее чувствовалось, чем было видно, светились тусклым красным светом, дымчатым и угрюмым

С каждого края четырехугольника, у самого низа его, было по два ромба, может быть, в ярд длиной. Они были тускло-желтого цвета, прозрачные, в них не чувствовалось внутренней кристаллизации. Я решил, что это органы чувств, подобные огромным овалам в диске Повелителя Металла.

Мой взгляд перешел к раскинутым в обе стороны плоскостям крестообразного предмета. От одного конца до другого они растянулись на шестьдесят футов. На каждом конце было еще по такому же ромбу, горевшему злым оранжево-багровым светом. В центре луча было нечто похожее на тлеющее отражение пульсирующей многоцветной розы Диска, если бы лепестки розы были угловатыми. В центре она сгущалась, и образовался какой-то странный алый решетчатый узор. Во всю эту фигуру стекалось множество ручейков угрюмого багрового и оранжевого цвета, перекрещиваясь узорами, в которых не было ни сгибов, ни дугообразных линий. Среди них, на некотором расстоянии друг от друга, были как бы вставленные розетки, похожие на огромные бутоны хризантем, полуоткрытые и выточенные из серого нефрита.

Над всем этим возвышалась гигантская вертикальная часть предмета. Около верхушки ее я заметил огромный четырехугольник пламенеющего красного цвета и яркого топаза. Два бриллианта были как раз под ними и глядели на нас... как глаза.

Нас подняло кверху. Дрэк схватил меня за руки. Против решетчатого сердца розы с четырехугольными лепестками наш полет задержался. Тут мы повисли...

К нам вытянулись эти щупальца и стали извиваться вокруг нас. Тело мое было неподвижно, точно его держали крепко стиснутым. Но кожа моя вся сжималась от прикосновений щупалец. И все же прикосновения эти не были неприятны. Гладкие концы щупалец проникали в наши волосы, проходили по нашим лицам, прикасались к одежде. Хранитель разглядывал нас!

Ритм угловатой розы стал ритмом моих мыслей. Но в испытываемом мною ощущении не было ничего похожего на тот покой, который, по словам Руфи, исходил от Повелителя Металла. Без сомнения, тут чувствовалась огромная сила, но в ней были отголоски ярости, нетерпения, нечто неполное и борющееся.

Щупалец становилось все больше и больше, они обвивали нас, затрудняя наше дыхание.

Вдруг тиски, державшие меня, ослабели. Я почувствовал, как вспыхнул злобой предмет, державший нас. Его угрюмые огни запылали. Потом щупальца втянулись назад, и меня куда-то понесло.

В тисках Повелителя Металла

Теперь я висел рядом с Дрэком перед Дисксом.

Он оторвал нас от Хранителя, и я видел, как щупальца того, злобно извиваясь, тянулись к нам и, наконец, неохотно, угрюмо вернулись в свои гнезда.

От Диска исходил и охватывал меня огромный покой, усыплявший всякую человеческую мысль, невыразимый покой, в котором как бы тонуло все, что было во мне человеческого.

И как будто я был не участником, а наблюдателем, я увидел всю жуткую картину — двое детей, висящих в воздухе. С одной стороны — поблескивающий багровый и оранжевый крестообразный предмет, с другой — сияющий диск. Светящаяся гора конусов, и высоко надо всем — круг солнечных щитов.

Вокруг раздавался звон, нежный и хрустальный. Он исходил от конусов и был их голосом. В широкий круг неба уходило копье зеленого огня. Быстро вслед за ним устремились другие. Это был солнечный восход.

Мы медленно опустились на землю и покачиваясь стояли у подножия Диска. Хранитель снова склонился, и щупальца его снова заиграли на хрустальных палочках какую-то неведомую симфонию силы.

Толще становились копья света, превращаясь в широкие, волнующиеся завесы. Граненое колесо на вершине копья над конусами поднялось вверх. От конусов стал исходить свет, уже не в виде столба, а широким кругом, который, крутясь, мчался к небу, точно раскинутая сеть.

И, подобно сети, он поймал утреннюю зарю. В его туманности закрутились ионы, потеряли свои цвета, превратились в поток света, мчавшийся вниз.

Вниз лились сияющие корпускулы, омывая конусы. Конусы эти не пылали, как тогда, когда их заливали потоки от щитов, и если они и росли, то так медленно, что я не мог уследить. Щиты были неподвижны. То тут, то там вверх мчались другие круги — меньшие рты меньших конусов, всасывающие магнитное течение.

И так же, как тогда, когда мы увидели странное явление в голубой долине, кольцо исчезло, скрытое туманом, точно сила, льющаяся через кольцо, рассеялась после того, как ее поймали. Я спрашивал себя, не из этих ли самых пленных ионов состояло

то море света, в которое мы погрузились, войдя в долину? Не было ли это резервуаром для ночного питания Города и его отдельных единиц?

Забыв о том, что мы в плену, мы внимательно следили за игрой шупалец на торчащих вверх палочках.

Диск скользнул ближе и точно смотрел на нас, как человек смотрел бы на каких-нибудь интересных и забавных насекомых или на котенка. Я почувствовал толчок, толчок, полный колоссальной сверкающей игривости. От этого толчка я откатился на ярды, Дрэк последовал за мной. Сила, конечно, исходила от Диска, и в ней не было и намека на злобу, не было ни тени жути. Было нечто похожее на то, что кто-то дунул на перышко.

Диск смотрел, как мы завертелись в воздухе, и в его пульсирующих огнях был сверкающий свет.

Снова толчок — и мы полетели, крутясь, еще дальше. Вдруг перед нами засияла мигающая тропа — разбуженные глаза кубов обозначали дорогу, по которой мы должны были следовать. Когда они выглянули, Повелитель повернулся, и его огромная, овальная металлическая спина высилась, чернея, на фоне сияющих конусов.

От узкой сверкающей тропы — тропы, открывающейся и покоряющейся каким-то таинственным приказаниям, поднялись рои крошечных, невидимых рук, мыслящие течения магнитной силы, которые были руками и пальцами металлического народа. Они держали нас, отправили нас дальше, вперед. Мы двигались все быстрее и быстрее.

Я повернул голову назад — конусы были уже далеко. Над доской склонялись плоскости Хранителя, и по-прежнему вырисовывался черный силуэт огромного овала на сияющем фоне.

Наше движение все ускорялось. Высокая стена была совсем близко. В ней показались продолговатые ворота. Мы влетели в эти ворота. Перед нами был коридор, точно такой, как тот, который закрылся за нами и выбросил нас. Только здесь пол круто поднимался. Поверхность его была такая гладкая, что по ней не мог бы подняться ни один человек. Это был колодец, стены которого поднимались под углом, по крайней мере, в тридцать градусов и конец которого не был виден. Вверх, все вверх, он проходил через Город.

Мгновение мы задержались на пороге коридора. Но то, что заставляло нас двигаться, не желало останавливаться здесь. Нас подняло вверх, ноги наши едва касались блестящей поверхности. Нас поднимала сила, исходившая от пола, и несла сила, нажимавшая с боков.

Мы мчались вверх, вверх... десятки футов... Сотни...

Покой, в котором рождалась Рать

— Профессор, — прервал молчание Дрэк, — это не способ выйти отсюда. Мы все больше углубляемся от ворот.

— Что же мы можем сделать? — Я был уверен в нашей полной беспомощности.

— Если бы мы только знали, как разговаривать с этими предметами, — продолжал Дрэк. — Если бы мы только могли объяснить Диску, что хотим выйти отсюда. Я уверен, что это бы нам помогло.

Хотя эти слова и звучали дико, но я чувствовал, что он прав. Диск не желал нам вреда. Я даже подумал, что он желал нам добра, когда угнал нас толчками. Я не мог забыть душивших нас щупалец Хранителя Конусов.

— Отшвырнул нас, точно мы были кошкой, — как эхо отозвался на мои мысли Дрэк.

Мы продолжали мчаться вверх по колодцу. Я предполагал, что мы теперь тысячах в двух футов над уровнем долины.

— Нам необходимо вернуться к Руфи. Что она думает? — волновался Дрэк.

— Но мы же ничего не можем сделать, — отвечал я. — Не забывайте, что она в доме Норхалы, где с ней ничего не случится.

— Да, и Норхала верно с ней, — утешал себя Дрэк.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил я, и мне вдруг пришла мысль, в которую я сам почти не верил. — Послушайте, здесь ничто не делается непреднамеренно. Нас мчат вперед по приказанию того, кого вы называли Повелителем Металла. Он не хочет нам зла. Может быть, мы несемся теперь к выходу отсюда?

— Может быть, — он с сомнением покачал головой, — но я в этом не уверен. Его толчок мог означать, что он хотел нас прогнать оттуда. Я чувствую, что движение наше стало медленнее.

Я теперь тоже обратил на это внимание. Я оглянулся. Стена позади падала вниз на сотни футов.

— В коридоре есть отверстия, — заметил Дрэк. — Я не очень-то доверяю этому Повелителю. У него на металлическом уме кое-что совсем другое. Попробуем проскользнуть в первое отверстие, которое попадется на нашем пути.

Я и сам заметил коридоры, выходившие по бокам в колодец, и кивнул Дрэку в знак согласия.

Продвижение наше становилось все медленнее. Футах в ста над нами я заметил отверстие. Достигнем ли мы его?

Мы поднимались все медленнее, отверстие приближалось, но наши ноги начали скользить назад по крутому пути. Теперь отверстие было в каком-нибудь ярде от нас, но мы стояли неподвижно.

Дрэк охватил меня руками и страшным усилием втолкнул в коридор. Я упал на краю его, увидел, что Дрэк скользит вниз, и протянул ему руку. Он схватил ее и так рванул, что чуть было не сломал. Но он удержался, и я прополз в коридор, волоча его за собой почти как мертвую тяжесть.

Минуты две мы лежали на спине, отдыхая. Я сел. Коридор был широкий, безмолвный, по-видимому, такой же бесконечный, как и тот, из которого мы только что бежали. Вдоль его, над нами, под нами, кристаллические глаза были тусклы. Нигде не было признаков движения.

— Пойдемте, — сказал я.

Коридор тянулся прямо впереди нас. Не знаю, как далеко мы прошли. Казалось, мы идем милою за милей. Он вдруг неожиданно расширился в громадный зал.

И зал этот был полон металлической рати, был гигантской мастерской, переполненной ими. На полу были груды сверкающего металла, горы сверкающих драгоценных камней, кучи слитков, металлических и кристалльных. Повсюду горели раскаленные овалы, точно летающие в воздухе горны, большие и малые.

Перед одним из таких горнов, близко от нас, стоял предмет. Тело его было двенадцатифутовой колонной из кубов. Наверху колонны находился полый четырехугольник, состоящий из кусков металла, немногим больших, чем металлические Малютки. С боков полого четырехугольника тянулись длинные руки из шаров, каждый из которых был увенчан четырехгранником. Они двигались свободно и, точно десяток маленьких разумных молотков, ударяли своими пирамидальными кончиками в столько же предметов, которые они по очереди бросали в немигающие горнила, а затем на центрально стоящий куб, где придавали им форму.

Тут было множество таких оживленных машин. Они не обращали на нас ни малейшего внимания. Мы прошли мимо каких-то предметов, стоящих по двое и очень близко друг к другу. На верхушках их были широкие, прозрачные и бесцветные слитки. Мне показалось, что они были из того же вещества, что и стены дома Норхалы и кристалл, образовавший основание для конусов. Слитки эти проходили между вертящимися дисками и показывались снова в виде длинных тонких цилиндров. Тут их подхватывали склоняющиеся кубы, место которых занимали тотчас же другие.

Сложные оживленные машины выполняли какую-то странную, непонятную работу. И все помещение полно было таинственной суетой, грохотом молотов о наковальни. Точно какая-то пещера металлических Нибелунгов.

Мы пошли ко входу в другой коридор. Наклон его был крутой, но не опасный. Мы вошли в него и стали продвигаться. Далеко впереди на фоне яркого света вырисовывались очертания другого входа.

Мы подошли, остановились на пороге, и осторожно выглянули.

Мы хорошо сделали, что не перешагнули порога. Перед нами была бездна — бездна в самом теле города. Коридор открывался в эту бездну, как окно. Мы высунулись и увидели ничем не прерываемую стену и над нами, и под нами. Противоположная стена была от нас на расстоянии четверти мили. Над этим колодцем было туманное небо, а не больше, чем в тысяче футах наверху, на фоне неба чернел край огромной бездны.

Под нами на различных уровнях рать перекидывалась через бездну паутиной дугообразных арок и прямых мостов. Мы знали, что все эти странные сооружения были гигантских размеров, но расстояние уменьшило их до узких тропинок. Через эти мосты торопливо двигались целые толпы, от них исходили молнии, сверкания, призматические лучи. Одни золотого, плутонического пурпура, другие стрелы — цветного света, исходящие от развернутых кубов, шаров и пирамид, пересекавших мосты.

А когда они проходили, мосты поднимались, свертывались и исчезали в отверстиях, которые закрывались за ними. На их пути вытягивались новые мосты, так что над бездной все время висела эта странная паутина линий.

Мы медленно повернулись и пошли назад. Мы прошли так ярдов сто, пока не остановились у отверстия в стене рядом с нами. Был совершенно уверен, что этого коридора не было раньше.

Мы заглянули в него. Коридор был узкий и вел вниз. Мгновение мы задержались, оба испытывая одно и то же неприятное чувство жути. Но какой же у нас был, в конце концов, выбор среди окружавших нас со всех сторон опасностей? Там не могло быть больше опасностей, чем здесь.

Оба пути были... живые. Оба подчинялись воле, над которой мы не были властны. Коридор этот тоже вел вниз. Наклон его был меньше, и он поэтому не так быстро спускался к тому уровню, на котором находились выходы в долину. Вернуться назад значило для нас попасть опять в кузницу, оттуда к Ко-нусам, а, значит, и к верной гибели.

Мы вступили на открывавшийся путь. Он некоторое время шел прямо, потом заворачивал и слегка поднимался вверх. Мы прошли небольшое расстояние, когда в коридор вдруг ворвалось мягкое сияние, полное жемчужных отблесков и розовых теней.

Точно открылась дверь в какой-то сияющий мир. Вместе со светом ворвалась и музыка, если можно назвать музыкой могучую гармонию, звучные аккорды, кристальные темы, связанные четки нот, которые были точно спиральные извивы звуков крошечных золотых звездных колокольчиков.

Мы двигались к источнику света и звука и не могли бы ни остановиться, ни отступить, если бы даже и захотели. Сияние притягивало нас к себе, как солнце водяную каплю, и нежная музыка невыразимо очаровывала нас. Мы подходили все ближе... к узкой нише, из которой лились и свет, и звуки. Мы вошли в нее... и не пошли дальше.

Мы заглянули в обширное сводчатое помещение, огромный храм света. Высоко плясали и светили мягкие шары, похожие на нежные солнца. Это была не бледная позолота холодных лучей. Они пылали радостно, точно вино из рубинов, которое джинны Эль Ширази выжимают из зачарованных лоз. Розово-белые шары, опаловые шары, шары зеленые, как шепчущие весенние бутоны. Шары великолепного багрянца, солнца, от которых исходили певучие лучи розы, обрученной с жемчугом, шары сапфира и топаза. Шары, рожденные прохладными девственными зорями и великолепными закатами.

Они плясали, эти бесчисленные ореолы. Они раскачивались нитями, образующими яркие коралловые рисунки.

И в пляске этой они ласкали и заливали своими веселыми лучами мириады металлического народа. Под этими лучами сверкали многоцветные огни дисков, звезд и крестообразных предметов и плясали в том же ликующем ритме.

Мы увидели источник музыки — огромное нечто, состоящее из блестящих хрустальных трубок, похожее на гигантский орган. Из окружавшего его сияния собирались огромные языки пламени, лизали хрустальные трубки и поглощались ими.

И когда трубки выпивали их, языки пламени превращались в звуки. Ревущий зимний ветер, шум водопада и потока — это было изумрудное пламя. Трубные звуки желания были пурпурным пламенем. Переливы бриллианта таяли в серебристые симфонии, подобно окутанному туманами плеядам, претворенным в мелодии.

Под эти, подобные хамелеонам, мелодии плясали странные солнца.

Теперь я понял тайну этого покоя.

В каждой трепещущей розе радужного огня, которая была сердцем диска, во всех пурпурных лепестках звезды прятался крошечный диск, крошечная звезда.

Невероятное цветение хрусталя и металла под колыбельные песни-симфонии пламени.

Это был покой, где рождалась Рать!

Лоно Города!

Стены ниши, в которой мы находились, засверкали, глазоточки угрожающе уставились на нас, как часовые, заснувшие было на своем посту. Ниша закрылась, и с такой быстротой, что мы едва успели выскочить в коридор.

Коридор тоже проснулся, был угрожающе живой. В точках уже не было игривого лукавства. Они смотрели пронзительно, сила, исходящая от них, подхватила нас и бросила вперед. Далеко впереди показался четырехугольник света. Он быстро рос. В нем, как в рамке, виден был аметистовый свет огромного кольца, огибавшего скалы.

Я оглянулся. Коридор за нами смыкался.

Теперь отверстие было так близко, что через него мы могли видеть обширную панораму долины. Стены за нашей спиной коснулись нас и толкнули вперед. Мы в отчаянии прижимались к ним. Но с таким же успехом могли бы пытаться мухи сдержать движущуюся гору.

Нас неуклонно толкало вперед. Вот мы уже на выступе в какой-нибудь фут шириной...

Дрожа, задыхаясь от страха, мы видим, как отвесно спускается вниз стена Города. Ее гладкая блестящая поверхность тянется на тысячи футов ко дну долины. И никакие милостивые туманы не скрывали от нас то, что нас ожидало. В это короткое мгновение все подробности Бездны вырисовывались перед нами с невероятной четкостью.

Выступ таял под нашими ногами. Мы нырнули вниз, ухватившись друг за друга. Далеко внизу нас ждала смерть!

Г л а в а XXVIII

Наказание

Правда ли это, что Время внутри нас самих, как и Пространство, его двойник, — это только иллюзия, созданная человеческим мозгом? Бывают часы, которые летят на крыльях птицы, есть секунды, которые тащутся, точно обутые в свинцовые сапоги.

Правда ли, что, когда мы лицом к лицу со смертью, сознание находит в своей воле к жизни силу победить иллюзию — продлить Время? Что, отшатываясь от угасания, в попытке удлинить наше существование, мы в одно короткое мгновение будим к жизни целые прошедшие года; года, которые еще должны были наступить. Как иначе объяснить кажущуюся медленность, с которой мы падали, кажущуюся неторопливость, с которой стена проплывала мимо нас.

Подвергались ли мы наказанию за то, что наш взгляд проник в запретное место? Наказанию за то, что коснулись взглядом колыбели Металлического Народа, где рождались Металлические Малютки?

Медленно скользила вверх стена...

Вдруг я понял то, что происходило, но сразу еще не мог этому поверить. Это не было иллюзией. После того как мы с быстротой нырнули вниз, наше падение было задержано. Мы опускались очень медленно, и насмешливые глаза-точки в стене иронически смотрели на нас. И сила этой живой стены поддерживала нас в воздухе и осторожно опускала на дно долины, лежавшее теперь уже тысячах в двух футов под нами.

Меня охватила ужаснейшая ярость. Благодарность, которую я должен был бы испытывать, была на деле чувством злобного унижения.

Если мы совершили преступление, то почему не наказать нас так, как того достойны мыслящие существа? Если же мы не провинились, то зачем же нас так унижать? Была ли это просто шутка, обидная для нас шутка?

Зачем раскачивать нас в воздухе, как кукол, спущенных с небоскреба? Не очаровывали ли нас просто надеждой, чтобы под конец еще более жестоко уничтожить?

Я вырвался из рук Дрэка и стал грозить стене кулаками, пытался ударить ее ногами, как злое дитя. Я весь дрожал, когда прошла эта вспышка. Дрэк мягко коснулся меня рукой.

— Успокойтесь, — говорил он, — успокойтесь. Это не имеет никакого смысла. Взгляните лучше вниз.

Я ослабел от припадка ярости и подчинился. Дно долины было теперь приблизительно в тысяче футов от нас. Там, где мы должны были опуститься, собрались толпы металлического народа. Казалось, они ждали нас. Я окинул взглядом всю долину. Свет, заливавший ее, напоминал лунный свет, но не имел его качества. Он не отбрасывал теней. Мягкий, он был в то же время пронизывающий, и все освещенное им было видно так же ясно, как при солнечном свете. Я решил, что освещение это исходило от светящихся завес, спадавших с аметистового кольца, охватывавшего скалы.

В то время, как я смотрел, от завес издалека отделилась искра. Она мчалась к нам со скоростью метеора. Она остановилась у самого Города и, может быть, в полумиле от нас. Я узнал в ней один из летучих предметов — невероятных вестников.

При его приближении увеличилась суeta среди ожидавшей нас толпы. В нашем движении тоже произошла перемена, и мы стали быстрее опускаться.

Г л а в а XXIX

Появляется Норхала

Вдали, в направлении, откуда появился Летучий Предмет, я уловил какое-то другое движение, нечто отличавшееся от других беспрерывных движений в бездне.

— Норхала! — воскликнул Дрэк.

Это была Норхала. Она мчалась к городу с развевающимися волосами, похожая на очаровательную ведьму, летящую на спине коня из огромных кубов.

Она приближалась. Наше падение становилось быстрее. Дно долины было теперь футах в двухстах от нас.

— Норхала! — крикнули мы. — Норхала!

Прежде чем наши крики могли достигнуть цели, кубы остановились под нами. Вокруг Норхалы заскользил металлический народ, касаясь ее странно кошачьими движениями. Она не обращала на это никакого внимания и во все глаза смотрела на нас. Мне стало жутко. Невидимые руки мягко подхватили нас и опустили рядом с Норхалой.

— Норхала, — начал я и замолчал, потому что это была не та Норхала, которую мы знали. Исчезли ее необычайное спокойствие и невозмутимость. Это была проснувшаяся наконец Норхала. Над сверкающими глазами насупились тонкие золотистые брови. Ноздри раздувались, нежный, когда-то пунцовый, рот был сжат и губы побелели. Что могло ее разбудить?

— Норхала, — голос мой дрожал, — те, которых мы оставили...

— Они исчезли! Их взяли...

— Взяли? Но кто же? — в ужасе крикнул я. — Взяты вот этими? — я указал на теснящийся вокруг металлический народ.

— Нет! Эти мои! Они покорны мне! — золотой голос дрожал от волнения. — Их взяли в плен... люди!

Дрэк прочел выражение моего лица, хотя и не мог понять нашего разговора.

— Руфь, — застонал он.

— Ее взяли в плен, — сказал я ему. — И ее, и Вентнора. Взяли вооруженные люди, воина Черкиса.

— Черкис! — Норхала подхватила это слово. — Да, Черкис И мы теперь, он и его воины, и все его женщины, и каждое живое существо, подвластное ему, должны будут поплатиться. Не бойтесь — вы оба! Я, Норхала, верну себе своих. Горе тебе Черкис! Я, Норхала, не забуду! Горе тебе, Черкис, теперь пришел твой конец! Я обещаю это именем богов моей матери, богов повернувших свою силу против нее. Я, Норхала, не нуждаюсь в богах. У меня сила большая, чем у них. Я когда-нибудь раздавлю этих богов, как теперь раздавлю тебя, Черкис.

Норхала совершенно потеряла самообладание.

— Вы будете со мной, — крикнула она.

Норхала высоко подняла руки и топнула ногой по кубу. Кубы дрогнули и полетели. Быстро исчезал сверкающий, живой ли Город.

Мы были уже далеко. Кубы замедлили ход. Норхала закинула назад голову. Из горла ее полился зов — золотой, повелительный. Он прозвучал трижды, и вся Бездна точно застыла, прислушиваясь.

Этот дикий, победный клик был космическим зовом к борьбе

Кубы под нами затрепетали, и мне показалось, что я чувствую покалывание тысячи стрел, вызывавших меня на какую-то оргию разрушения.

Покоряясь зову, к нам полетели кубы, шары, пирамиды. Они следовали за нами, точно вал вечно волнующегося моря.

Этот металлический вал поднимался все выше и выше по мере того, как к нему примыкали все новые и новые металлические предметы. И скоро он вырос в высокую стену.

Кубы мчались все быстрее и быстрее, вот уже аметистовое, сверкающее кольцо по краю бездны почти над нашими головами.

Одно жуткое мгновение — и мы прорвали светящиеся завесы.

Вдали светился сапфировый шар дома Норхалы. Мы приближались к нему.

На дороге возле дома я увидел трех оседланных лошадей. Они стояли мгновение, парализованные от страха, потом заржали и понеслись.

Мы были у дверей Норхалы. Те же невидимые руки спустили нас с кубов, и мы шагнули к двери.

— Подождите, — остановила нас Норхала, — без меня вас там ждет опасность.

Мы смотрели на нее с удивлением. Лицо ее выражало все ту же решимость, то же негодование. Глаза ее были устремлены куда-то вдаль. Мы обернулись и последовали за ней взглядом. На высоте ста футов почти через все ущелье висела невероятная завеса. По всем ее складкам змеилось движение — руки из крутящихся шаров высовывались как звериные лапы, и на них падали пирамиды за пирамидами, торчавшие на них потом, точно вставшие ежом волосы. Огромные полосы из соединившихся вместе кубов вытягивались и снова втягивались в завесу. Вся эта завеса точно находилась в состоянии брожения. Она трепетала, пульсировала нетерпением и желанием.

— Еще мало! — прошептала Норхала.

Она раскрыла рот и раздался новый клич — повелительный, вызывающий. Из завесы посыпались пылающие колоннообразные предметы и полетели, как метеоры. Истекая фиолетовым огнем, они помчались к долине Города.

— Хей! — крикнула им вслед Норхала. — Хей!

Кверху поднялись ее руки. Огромная завеса из металлических предметов вся трепетала.

— Идемте! — Норхала повела нас в дом. Я спотыкнулся о какое-то тело, лежавшее поперек двери.

Мы вошли в комнату с бассейном. На полу лежало с полдюжины вооруженных людей. Руфь, по-видимому, отлично защищалась. Я видел теперь доказательства того, что взять ее и Вентнора в плен было не так легко.

Мое внимание отвлекла какая-то вспышка. Вблизи бассейна горели две огромные пурпурные звезды. Между ними сидел Юрук, опустив голову до колен и закрыв руками глаза.

— Великая! Великая! — молил он. — Смилуйся!

— Вы сами можете его убить, — обратилась к нам Норхала. — Это он привел тех, которые увели девушку и того, кого она любит. Теперь вы можете его убить.

Дрэк схватил револьвер. Юрук закричал и съежился. Норхала засмеялась.

— Он умирает еще до удара, — сказала она. — Он умирает вдвойне — и это хорошо.

Дрэк медленно опустил руку с револьвером.

— Не могу, — сказал он мне, — хочу и не могу.

— Слушайте! — евнух подался к нам. — То, что я сделал, я сделал из любви к Великой. Я думал, что вы уйдете вслед за девушкой и за ее братом, а я снова останусь один с Великой.

Черкис не тронет их. Он вернет их вам за то искусство, которому вы его научите. Смилуйтесь надо мной. Смилуйтесь ради Великой.

— Убейте его, — сказала Норхала, — это ваше право.

— Норхала, — ответил я, — мы не можем его убить. Мы убиваем только в равном бою. Мы не вернем себе ни девушки, ни ее брата, если убьем Юрука. Нам нужно скорее спасти своих.

Она смотрела на нас, и удивление ее было сильнее ее злобы.

— Как хотите, — сказала она наконец. — Но Юрук провинился и передо мной. То, что принадлежало мне, он отдал моим врагам.

Она указала на убитых воинов:

— Юрук, собери их в кучу.

Евнух встал и опасливо проскользнул между двумя звездами. Он перетащил все тела на середину комнаты, сбрасывая их в кучу. Один из персов был еще жив.

— Воды, — прошептал он. — воды! Я горю...

Я почувствовал к нему жалость и подошел со своей флягой.

— Ты, который с бородой, — холодно сказала Норхала, — ты не получишь воды. Ты скоро напьешься, но питьем огненным. Лихорадочные глаза воина устремились на Норхалу.

— Колдунья, — захрипел он, — проклятое отродье Аримана.

Юрук схватил воина за шею.

— Сын грязной собаки, — завопил он. — Ты смеешь так обращаться с Великой!

При виде жестокости Юрука, Дрэк невольно поднял револьвер. Но Норхала ударила его по руке.

— Вы не воспользовались случаем, — сказала она, — а теперь я вам не дам его.

Юрук бросил тело убитого им воина на другие тела. Куча была готова.

— Иди к ним! — приказала Юруку Норхала, указывая рукой на кучу. Евнух бросился к ее ногам. Она взглянула на одну из звезд и звезда поняла ее молчаливое приказание. Звезда скользнула вперед и концы ее едва заметно зашевелились. Извивающееся тело евнуха было поднято с земли и брошено на кучу.

Из фиолетовых овалов под верхними концами звезд вырвались потоки синего пламени. Они упали на Юрука и мертвых воинов. В горе трупов началось жуткое движение. Тела вытягивались. Казалось, они пытаются встать и бежать. Мертвые нервы и мускулы отзывались на разрушительную энергию, проходившую через них.

Из звезд вырывались молнии за молниями. В комнате раздавались громовые раскаты. Тела пылали и рассыпались.

Наконец, на месте кучи осталось только крутящееся облачко серой пыли. Легкое дуновение воздуха подхватило и унесло его через дверь. Звезды стояли неподвижно, точно разглядывали нас. Неподвижно стояла и Норхала.

— Слушайте, — резко сказала она, — то, что вы видели, — ничто по сравнению с тем, что вы увидите.

— Норхала, — нашел я в себе силы спросить, — когда взяли в плен девушку?

— Прошлой ночью, — ответила она. — Юрук был в Русзарке, столице Черкиса. И задолго до рассвета они уже были на пути сюда. В сумерки перед последними сумерками я вернулась в свой дом и нашла здесь опечаленную девушку. Она рассказала мне, что вы ушли в долину, и умоляла меня помочь вам вернуться сюда. Я поиграла с ней, и она заснула. Я знала, что с ней ничего не случится, и ушла, и забыла про вас. Потом, когда я сюда вернулась, я нашла Юрука и тех, кого убила девушка.

Глаза ее засверкали.

— Как прекрасна девушка, убившая столько сильных мужчин, — продолжала Норхала, — все сердце мое раскрывается ей навстречу. Когда я ее верну сюда, она уже не будет для меня игрушкой, а будет сестрой. А с вами будет так, как она захочет. Но горе тем, кто увел ее отсюда.

Снаружи стал доноситься вой, настойчивый и нетерпеливый. Норхала прислушалась.

— Среди вот этих, — Норхала указала в сторону долины, — я забыла и про ненависть, и про жестокость, и про всякие страсти. Забыла, живя среди великих гармоний. Если бы не вы, я никогда бы не проснулась. Но теперь я хочу мстить. А когда все кончится, я снова вернусь. В моем пробуждении нет ничего радостного. Меня сжигает яростный, убийственный огонь. Я так хочу вернуться назад, к своему покою...

Г л а в а XXXI

История Норхалы и Черкиса

Дымка мечтательности застилала злобный блеск ее глаз.

— Слушайте вы оба! — тень мечтательности исчезла. — Те, кого я хочу уничтожить, — несут с собой только зло. Они были такими уже много солнечных циклов. И дети их растут такими же. Все это мне как-то рассказала моя мать.

Она помолчала и затем продолжала.

— Мой отец правил Русзарком. Имя его было Рустум, из племени Рустума Героя, как и мать моя. Они были тихие и

милостивые, и Русзарк построили их предки. Но им пришлось бежать от могущества Искандера, и упавшая гора замуровала их в долине. Потом в одной из семей, родственной моей семье, родился Черкис. Подрастая, он стал стремиться к могуществу. Ночью он напал на тех, которые были преданы моему отцу, и убил их. Мой отец едва успел бежать с моей матерью и кучкой близких ему людей. Они случайно напали на дорогу сюда и спрятались в расселине — воротах входа. Они пришли, и их взяли те, которые стали теперь моими близкими. Потом мать моя была поднята перед тем, который правит здесь, и заслужила его расположение. Он построил для нее дом, в котором живу теперь я. А потом родилась я, но не в этом доме, а в таинственном месте света, где родился и весь родственный мне народ.

Таинственное место света! Не тот ли это сводчатый зал, где пляшут светящиеся орбиты и где пламя превращается в музыку? Не было ли это объяснением странностей Норхалы? Не впитала ли она там вместе с материнским молоком загадочную жизнь Металлической Рати? Не стала ли она там получеловеческим существом? Настоящей родней им? Что другое могло объяснить...

— Моя мать показала мне Русзарк, — прервал мои мысли голос Норхалы. — Когда я была маленькая, она и отец унесли меня через лес по тайному пути. Я видела Русзарк — большой город, котел, в котором кипели жестокости и зло. Моя мать и отец не были похожи на меня. Они тосковали по своим близким и стремились к ним. Настало время, когда отец мой решил бежать отсюда на свою родину в Русзарк и искал друзей, которые помогли бы ему вернуться. Металлический народ, покорный мне, был для него чужим, и он не мог с его помощью идти войной на Русзарк. Отец вернулся на родину, и Черкис взял его в плен. Потом Черкис стал выжидать, потому что не знал, где скрылась моя мать с приверженцами. Между Русзарком и металлическим городом высокие, непроходимые горы, и дорога в них хитро скрыта. Моего отца в Русзарке пытали, но он не сказал им, как найти эту дорогу. Некоторое время спустя за отцом последовала моя мать с теми, кто был с ней. Меня оставили с Юруком. Черкис взял мою мать в плен. Отец мой умер мучительной смертью, и всех близких ему пригвоздили к воротам Русзарка. Мать мою Черкис тоже погубил, и изо всех, кто был с ней, спасся только один человек. Он прибежал сюда и рассказал мне все, мне, которая еще не была созревшей девушкой. Он призывал меня к мщению, но силы оставили его, и он умер. Прошли года... Я не похожа на отца и мать... и я забыла... живя в этом спокойствии, вдали от людей.

— А! А! — стонала она, — горе мне, что я могла забыть! Но теперь я, Норхала, отомщу! Я растопчу их — и Черкиса, и его город, и его народ!

Так, значит, Диск не убивал ее матери? Зачем же лгал мне Юрук? Конечно, он просто хотел нас запугать...

Г л а в а XXXII

На пути к врагу

Снаружи стали доноситься воюющие звуки. Одна из звезд скользнула по полу, сложила свои концы и выкатились за дверь.

— Идемте! — приказала Норхала. Мы переступили через порог. Вторая звезда последовала за нами.

Мы остановились на одно только мгновение. Перед нами стояло чудовище — огромный сфинкс без головы. Он весь состоял из кубов, шаров и пирамид. Тело чудовища было высотой в двести футов. От металлических предметов, составлявших туловище, и исходил вой.

— Хэй! Хэй! — крикнула Норхала.

Вперед выставился стройный хобот из кубов и шаров. Он подхватил нас, как это сделал бы с магутом слон, и поднял на свою спину. Я зашатался было, но что-то сдержало меня, и я уже крепко стоял на ногах рядом с Норхалой на небольшой, мигавшей глазами-точками площадке. По другую сторону от Норхалы стоял Дрэк.

Все чудовищное туловище трепетало, точно от нетерпения. Спина странного зверя переходила в хвост, который извивался на целую милю. Хвост этот, фантастически живой, все время ударял нетерпеливо о землю.

— Хэй! — снова крикнула Норхала. Из горла ее полилась золотая песня — теперь боевой клич. Нас поднимало все выше и выше. Чудовище перешагнуло гигантскими ногами через дом Норхалы. Точно у паука, у него появились вдруг эти ноги со всех сторон.

Мы мчались прямо к линии скал, за которыми был город вооруженных людей и где сейчас были Руфь и Вен-тор.

На спине чудовища нас покачивало мягко, точно в люльке. Длинные ноги поднимались, сгибаясь в тысячах суставов. Ступни этих ног, массивные, как фундаменты для шестнадцатидюймовых орудий, опускались с механической точностью, топая ужаснейшим образом. Они давили целые деревья, точно соломинки. Далеко внизу раздавался их треск. Густой лес меньше

задерживал наше продвижение, чем человека задерживает высокая трава. Наш путь отмечался глубокими, черными ямами, и отпечатки эти были сходны с теми, которые мы видели в Долине Маков.

Свистел ветер. Стервятник пролетел, широко распустив траурные крылья.

— Тебе не останется падали, когда я покончу с ними, — глядя на него прошептала Норхала.

Беспокойное пульсирование чудовища, на котором мы мчались, стало передаваться мне и Дрэку. Все ближе и ближе были скалы. С треском валились деревья, и звуки эти аккомпанировали золотому пению Норхалы, точно звуки струн.

Вот скалы уже свисают над нашими головами. Скалы прорезаны расщелиной, и расщелина эта поглощает нас. Мы спустились совсем низко к земле. То, на чем мы летели, стало металлическим потоком, мчащимся по ущелью. Глубокий мрак тоннеля окутал нас. Мы вылетели из тоннеля, но перед нами в скале была такая узкая щель, что в нее едва ли бы прошел и человек.

Наш металлический дракон остановился.

Пение Норхалы снова перешло в воинственный клич. От длинной шеи нашего чудовища оторвалась часть, мгновенно превратившаяся в колонну. Из нее сейчас же вытянулось множество рук. На конце этих рук быстро завертелись шары. На этих шарах пирамиды раскрылись во множество сверкающих синих звезд. От звезд стали исходить ураганы молний. Целый водопад электрического пламени влился в щель в скале. Скала задымилась и раскололась. Щель расширялась. Молнии были превращены в какое-то невероятное оружие, разбившее на атомы живой гранит.

Скалы таяли, разрушительное чудовище наступало, изрыгая потоки пламени. Следом за ним ползли мы. Пыль разбитых скал поднималась к нам, точно злобные тени. Но ее тотчас же уносил ветер.

Мы продвигались все дальше, ослепленные и оглушенные. Казалось, без конца изливалось синее пламя и без конца гремел гром.

Вдруг раздался оглушительный грохот. Скалы задрожали и рассыпались с таким шумом, точно провалился весь мир. Нас залил яркий дневной свет.

Разрушающее чудовище затряслось — точно от смеха!

Назад скользнула колонна и примкнула к телу, от которого оторвалась. По соединившемуся туловищу пробежала волна ликования.

После полумрака среди скал солнечный свет казался нам ослепительным. Мы поднимались все выше и выше над землей.

— Посмотрите! — шепнул Дрэк.

Меньше чем в пяти милях лежала столица Чиркиса — Русзарк.

Г л а в а XXXIII

Русзарк

Было похоже, что какой-то древний город вернулся к жизни из давно умерших веков. Казалось, перед нами страница из истлевшей книги победоносной Персии. Город раскинулся по невысокой горе в долине, немногим меньшей, чем Бездна. Сама долина, по-видимому, была когда-то дном первобытного озера. Гора, на которой стоял город, была единственным возвышенным местом в долине. Я заметил у подножия горы блеск узкого потока. Долина была окаймлена крутыми скалами.

Мы приближались.

Город был почти четырехугольный, защищенный двойными стенами из тесаного камня. Первый ряд стен был увенчан башнями и бастионами. В четверти мили вглубь поднималась вторая стена.

Город занимал около двадцати квадратных миль. Он поднимался кверху широкими террасами и был весь в цветущих садах. На вершине горы была широкая ровная площадь. На этой площади высились белые мраморные дома с позолоченными крышами. “Дворцы Черкиса”, — подумал я.

По направлению к городу мчалось множество фигурок, я разглядел верховых и блистающее оружие.

Мы все приближались.

Со стен Русзарка доносились слабые звуки барабанов и труб. Там собирались толпы фигурок, туловища которых блестели. Огоньками сверкали шлемы и копья.

— Русзарк! — произнесла Норхала. Глаза ее были широко раскрыты, губы улыбались. — Вот я у ворот твоих! Я, Норхала, тут... Ее пылающие волосы развевались. От всего ее нежного тела исходила раскаленная добела сила, дыхание разрушения. Она прислонилась ко мне, и я затрепетал от этого прикосновения.

Чудовище под нами снова задрожало. Мы помчались еще быстрее. Громче становились звуки барабанов и труб.

Мы остановились в ста футах от внешней стены. На город мы смотрели с высоты около трехсот футов. Я видел целые полки солдат, присевшие за брустверами, роты стрелков из лука,

сотни людей с копьями с правого бока и воинов с длинными ремennыми пращами.

За брустверами на определенном расстоянии одна от другой стояли огромные машины из дерева и металла, а рядом с ними груды больших круглых камней, — катапульты, вокруг которых кишели люди, вкладывая на место большие камни. С разных сторон подходили другие воины, организуя батарею против чудовища, грозившего их городу.

Между внешней стеной и внутренней носились галопом эскадроны верховых. И на внутренней стене воины также усердно готовились к защите.

Город волновался. К нам доносилось жужжание, точно из какого-то рассерженного улья.

Я представил себе, каким зрелищем должны являться мы. Это невероятное металлическое нечто, этот дьявольский, с точки зрения наших врагов, боевой механизм, управляемый колдуньей и двумя сходными с ней существами! Я представил себе ужасную картину такого чудовища, глядевшего сверху на Нью-Йорк... паническое бегство тысяч людей...

Мы снизились.

Раздался трубный звук. На парашюте показался человек, весь покрытый сверкающей броней. Ее плотные петли охватывали его с ног до головы. Жестокое лицо смотрело на нас из-под головного убора, схожего с шлемом крестоносцев. В злых черных глазах не было и следов страха.

Человек поднял руку.

— Кто вы? — закричал он.

— Я ишу девушку и мужчину, — крикнула в ответ Норхала. — Вы украли их у меня. Верните их тотчас же!

— Так ищите их в другом месте, — кричал он. — Поспешите убраться, не то вы пожалеете!

— Маленький человек, говорящий такие большие слова, — засмеялась Норхала. — Бежать грому? Как тебя зовут, человек?

— Кулун, — закричал человек, — Кулун, сын Черкиса. Кулун, кобылы которого растопчут тебя и швырнут твоё истерзанное тело в поле, где оно будет пугалом для ворон. Ты желаешь этого?

Она перестала смеяться и пристально посмотрела на Кулуна.

— Сын Черкиса, — прошептала она, — у него есть сын... сын...

— Кулун! — закричала она. — Я, Норхала, дочь другой Норхалы и Рустума, которого Черкис пытал и потом убил. Иди теперь и скажи своему отцу, что я, Норхала, у его ворот! И вернись сюда с девушкой и мужчиной. Иди, говорю я!

Черкис

На лице Кулуна отражались недоумение и страх. Он спустился с парапета к своим воинам. Раздался громкий трубный звук. Что должно было теперь произойти?

С зубчатых стен полетели рои стрел и тучи копий. Катапульты двинулись вперед. Они выбросили град камней. Я невольно подался назад под этим ураганом смерти.

Я услышал смех Норхалы, и прежде, чем стрелы и копья могли долететь до нас, они остановились в воздухе, точно мириады рук схватили и задержали их.

Чудовище, на спине которого мы находились, протянуло гигантскую руку, молот, усаженный кубами. Он ударил по стене в том месте, с которого соскочил Кулун. Камни посыпались с грохотом. Вместе с обломками покатались солдаты, которых камни хоронили под собой. В стене образовалась пробоина футов в сто шириной.

Рука снова вытянулась. Она прошла по парапету, разрушая его, точно он был из картона.

Чудовище протянуло еще несколько рук и угрожающе потрясло ими.

В долине поднялись вопли. К нам не летело больше ни стрел, ни камней. Снова раздался трубный звук, крики умолкли. Наступила тишина, жуткая и напряженная.

Кулун выступил вперед, высоко подняв руки. Весь его задор исчез.

— Вступаю в переговоры, — закричал он, — вступаю в переговоры, Норхала. Уйдешь ли ты, если мы тебе отдадим девушку и мужчину?

— Приведи их, — ответила она, — и передай Черкису мое приказание, чтобы он пришел вместе с ними.

Мгновение Кулун стоял в нерешительности. Ужасные руки чудовища поднялись для удара.

— Пусть будет так, — крикнул Кулун. — Я передам твое приказание.

Он направился к башне и исчез из виду. Мы молча ждали.

Я заметил движение в отдаленной части города. Из противоположных ворот бежали жители. Норхала тоже увидела это, и с той непонятной, мгновенной покорностью ее мыслям, которую я уже не раз замечал, множество металлических предметов образовали с десяток обелисков.

В одно мгновение колонны эти загородили дорогу беглецам и стали теснить их обратно к городу.

Со сторожевых башен и со стен раздались крики ужаса и стоны. Обелиски соединились и превратились в одну толстую колонну. Она неподвижно стояла теперь, сторожа дальние во-рота.

На внешней стене началось движение. Блеснули копья и мечи. Появились двое закрытых носилок, окруженных тройным рядом вооруженных людей. С ними был и Кулун.

Предводитель воинов, сопровождавших вторые носилки, раскрыл их занавеси.

На землю сошли Руфь и Вентнор.

— Мартин! Руфь! — крикнули мы.

Вентнор замахал нам рукой, и мне показалось, что он улы-бнулся. Кубы, на которых мы стояли, двинулись вперед и оста-новились невдалеке от Руфи и Вентнора. Тотчас же воины под-няли свои мечи и стояли, как будто выжидая знака ударить.

Теперь я увидел, что Руфь одета иначе, чем когда она была с нами. На ней было легкое, очень открытое платье, и волосы ее были спутаны. Лицо ее выражало такое же негодование, как и лицо Норхалы. На лбу Вентнора, от виска к виску, шел кро-вавый красный шрам.

Занавеси первых носилок заколыхались. За ними кто-то говорил. Носилки, на которых принесли Руфь и Вентнора, быстро убрали. Воины, вооруженные мечами, отступили. На их место выбежали и опустились на колени человек десять с лу-ками. Они окружили Руфь и Вентнора, целясь им прямо в сердце.

Из носилок вылез великан — высотой он был, вероятно, футов в семь. С могучих плеч его спадал плащ, весь разукра-шенный драгоценными камнями. На густых, седеющих волосах лежал обруч из сверкающих камней.

В сопровождении Кулуна и воинов человек прошел к про-боине в стене. Он встал у самого края ее и молча стал разгля-дывать нас.

— Черкис! — шепнула Норхала. — Черкис!

Я почувствовал, как затрепетало ее тело. Жгучее жела-ние убить этого человека передалось от нее мне. Перед нами была маска жестокости, зла и порока. Глаза были узкими, черными щелчками, жирные, отвислые щеки тянули книзу углы толстых губ, придавая рту презрительное, злобное выра-жение.

На лице этом отпечатались все животные страсти. Но все же в этом человеке чувствовалась сила: жуткая, недобрая, но все же сила. Норхала прервала молчание.

— Привет, Черкис! — в голосе ее звучало беспечное весе-лье. — Едва я постучалась у твоих ворот, как ты уже поспешил

мне навстречу! Кланяйся же, свинья, плевков жабы, жирная улитка под моей сандалией!

Он невозмутимо выслушал все оскорбления, хотя среди окружающих его поднялся ропот, и глаза Кулуна засверкали.

— Давай торговаться, Норхала, — спокойно ответил он.

— Торговаться! — она рассмеялась. — Что же ты мне можешь предложить?

— Вот их, — он указал рукой на Руфь и ее брата. — Меня ты можешь убить, так же, как и моих людей. Но, прежде чем ты сделаешь движение, мои стрелки из лука вонзят свои стрелы в сердца этих двух.

Норхала уже не смеялась.

— Двух дорогих мне ты давно уже убил, Черкис, — сказала она, — и вот почему я здесь.

— Знаю, — тяжело кивнул он головой. — Но это было давно, и с тех пор я многому научился. Я и тебя убил бы, если бы только нашел. Но теперь я не сделал бы этого, я поступил бы совершенно иначе. Я очень сожалею, Норхала, что убил тех, кого ты любила. Я очень жалею.

В словах его был оттенок насмешки. Быть может, за эти годы он научился причинять еще большие страдания, подвергать еще более утонченным пыткам? Норхала, по-видимому, иначе поняла его слова и казалась заинтересованной.

— Да, — бесстрастно продолжал хриплый голос. — Все это теперь не имеет никакого значения. Ты хочешь получить эту девушку и этого человека? Они в моей власти, и жизнь их зависит от одного моего кивка головы. Они умрут, если ты сделаешь хоть шаг ко мне. И я одержу тогда верх над тобой, даже если ты меня потом убьешь. Я ведь лишу тебя того, что дорого тебе.

На лице Норхалы было сомнение. В узких глазах-щелках блеснул огонек торжества.

— Пусть будет твоя победа надо мной, Норхала, — продолжал злорадно Черкис.

— Чего ты хочешь взамен? — нерешительно спросила Норхала. Я с ужасом услышал в ее голосе трепет сомнения.

— Если ты обещаешь уйти сейчас же, как только получишь их, — ответил Черкис, кивая в сторону своих пленников, — я тебе их отдам. Если же нет, они умрут.

— Но каких доказательств, какого залога ты потребуешь? — в глазах Норхалы было беспокойство. — Я не могу клясться твоими богами, Черкис, потому что не верю в них. Ведь, если я скажу тебе “да”, и возьму девушку и мужчину, я потом могу напасть на тебя и уничтожить. Ты так и сделал бы, старый волк.

— Норхала, — ответил он, — я не прошу ничего, кроме твоего слова. Разве я не знал тех, которые родили тебя? Разве они не до самой своей смерти держали данное слово? Мне не нужно твоих клятв, дай только слово.

Хриплый голос стал ласковым. Он не льстил, а точно отдавал должное. Лицо Норхалы смягчилось. А я почувствовал уважение к уму этого человека, хотя отвращение мое к нему от этого нисколько не уменьшилось.

— Это правда, — гордо ответила Норхала. — Но я не знаю, как можешь ты говорить такие слова, ты, Черкис, слова которого быстротечны, как река, а обещания не прочнее пузырей на воде.

— Я очень изменился за последние годы, Норхала. Я многому научился. Тот, который говорит с тобой сейчас, мало похож на того, кого тебя учили ненавидеть.

— Может быть, ты и говоришь правду! Ты, конечно, не похож на того, каким я себе рисовала тебя. Во всяком случае, ты говоришь правду, что, раз обещав, я уйду, не уничтожив тебя.

— Но зачем же уходить, Норхала? — спокойно спросил он. Потом выпрямился во весь рост и протянул вперед руки. — Зачем тебе уходить от нас, Норхала? — громко раскатился его голос. — Разве мой народ не твой народ? Соедини свое могущество с нашим. Я не знаю, как построена эта твоя воющая машина. Но я знаю, что, если мы соединим наши силы, мы можем пойти в забытый нами мир, сметая его города, и владеть над ним. Ты научишь нас строить такие машины, Норхала. Ты станешь женой моего сына Кулуна, и вы будете вместе со мной управлять моим народом. А когда я умру, ты будешь управлять вместе с Кулуном. Так забудется вся наша вражда. Я знаю, что тебе нужны мужчины, сильные мужчины, которые следовали бы за тобой, мужчины, собирающие жатву твоего могущества, молодые и сильные мужчины... Пусть будет забыто прошлое. Приди к нам, Великая, со своей силой и красотой! Учи нас! Веди нас! Вернись к своему народу и владей над миром!

Он замолчал. Над крепостными стенами и над всем городом нависло молчание, точно город знал, что судьба его положена на весы...

Меня охватил ужас. Ни это уединенное место, ни его забытый народ, ни даже наша участь не занимали меня в это мгновение. На чашах весов лежала судьба всего внешнего мира, будущее человечества.

— Нет, нет! — раздался голос Руфи. — Не верь ему, Норхала. Это ловушка. Он унижал меня... мучил меня...

Черкис полуобернулся к ней. Лицо его было страшно. Вентнор зажал Руфи рот рукой.

— Твой сын, — заговорила Норхала, и Черкис тотчас снова повернулся к ней, — твой сын и владычество над миром! — голос ее звучал как будто восторженно. — И все это ты предлагаешь мне, Норхале?

Она пронизывала его взглядом.

— Норхала, — шепнул я, — не делай этого. Он хочет выпытать от тебя твои тайны, завладеть ими.

Она схватила меня за руку.

— Пусть выступит вперед мой жених, чтобы я посмотрела на него, — сказала Норхала.

Черкис и Кулун обменялись торжествующим взглядом. Я увидел, как Руфь склонилась на руки Вентнора. На стенах поднялись крики ликования. Русзарк торжествовал!

— Цельтесь в Кулуна, — шепнул мне Дрэк. — Я расправлюсь с Черкисом. Только не промахнитесь.

Г л а в а XXXV

Месть Норхалы

Одна рука Норхалы держала мою руку, другой она схватила Дрэка.

Кулун выступил вперед и протянул Норхале руки.

— Привет тебе, жених мой! — крикнула Норхала. — Но встань рядом с человеком, ради которого я пришла в Русзарк. Я хочу вас видеть рядом.

Лицо Кулуна насупилось. Но Черкис улыбнулся двусмысленной улыбкой и шепнул что-то сыну. Тот отступил. Кольцо стрелков опустило свои луки. Они вскочили на ноги и отошли в сторону, чтобы дать пройти Кулуну.

С быстротой змеинового языка мелькнула перед нами высокая колонна. Она слизнула Руфь, Вентнора и Кулуна.

Колонна с такой же быстротой вернулась к нам и опустила рядом с Норхалой трепещущие тела Руфи и Вентнора.

Потом колонна снова скользнула обратно к стене. На верхнем конце лежал сын Черкиса.

По всему городу пронесся вздох ужаса. Сам Черкис потерял свое невозмутимое спокойствие. Раздался безжалостный смех Норхалы.

— Жирный дурак! — закричала она. — Жаба, поглупевшая от старости. Ты хотел поймать меня, Норхалу? Я перехитрила тебя, старая лисица! Хочешь получить назад жениха, которого ты мне дал? Так возьми же его!

Металлическая рука, державшая Кулуна, опустилась, уронила его к ногам Черкиса и раздавила.

Прежде чем видевшие это могли опомниться, щупальца колонны вытянулись над Черкисом. Они не ударили Черкиса, а притянули его к себе, как магнит булавку. Подвешенный на конце колонны Черкис перенесся к нам и повис в воздухе не дальше, чем в десяти футах от нас.

Картина эта была невыразимо жуткая. Раскачивавшееся тучное тело Черкиса в тисках металлических щупалец, его вытянутые руки, развевающийся, точно крылья летучей мыши, расшитый камнями плащ, бледное, злобное лицо. Город, дышавший безнадежным ужасом. Огромная колонна, и надо всем — светлое небо.

Смех Норхалы умолк.

— Черкис, — сказала она, — настал твой конец и конец всех твоих. Теперь смотри!

Висящее тело подбросило кверху, швырнуло книзу, и Черкис встал на ноги на верхней площадке колонны. Черкис попробовал сделать движение по направлению к нам, но не мог оторвать ног от площадки. Черкис понял, что все попытки его напрасны и, выпрямившись, с некоторым достоинством устремил глаза на город.

— Конец! — шепнула Норхала.

Чудовище, на котором мы явились в Русзарк, затрепетало. Вниз опустились его молоты. Вниз полетели разрушенные внешние стены, а вместе с ними, как мухи в поднятой ураганом пыли, мелькнули и те, кто охранял эти стены. Но воины Черкиса не были трусами. С внутренних стен полетели тучи стрел, огромные камни. Но попытки воинов снова не привели ни к чему. Из открытых ворот полились целые полки наездников, потрясая мечами и копьями. Я увидел, как под прикрытием их атаки верховые в плащах прищипывали своих лошадей, ища укрытия в окруживших долину скалах. Это были мужчины и женщины богатых классов, бегущие от опасности. Следом за ними бежало множество пеших. Руки-молоты чудовища втянулись назад перед атакой верховых. Втягиваясь, они утолщались и превратились в две огромные клешни краба. Концы их перекинулись через мчавшихся всадников. Потом стали сокращаться.

Теперь уж всадникам некуда было бежать. Концы клешней краба сомкнулись. Всадники оказались пойманными в кругу шириной с полмили, и живые стены этого круга надвигались на них. Началось ужаснейшее перемалывание.

Раздавались крики людей и лошадей. Потом наступило молчание. Там, где были всадники, не осталось ничего!

Ничего! Было два больших круглых пространства, блестящих и сыровато-красных. Но останков людей или лошадей не было никаких.

Мне стало не по себе, и я отвернулся. Глаза мои упали на предмет, извивавшийся над долиной. Это странное змеиное нечто состояло из кубов и шаров, густо усаженных пирамидами. Это нечто игриво извивалось среди беглецов, давя их, отшвыривая их тела в сторону.

В поле моего зрения не было больше беглецов. Там, где по долине проходило ужасное нечто, не оставалось ни посевов, ни деревьев. Осталось ровное поле, на котором то тут, то там поблескивали кровавые пятна.

Раздавались крики — это колонна начала свою работу на дальних стенах. Наше чудовище задрожало. Мы поднялись на сотню футов. Справа и слева от нас чудовище стало раскалываться на части. Между этими расколовшимися частями закипела металлическая рать. Шары, кубы и пирамиды закружились. Мгновение все было в бесформенном состоянии.

Потом слева и справа от нас встало множество гигантских воинов необычного вида. Головы их поднимались футов на пятьдесят над стенами Русзарка. Они стояли на шести огромных колоннообразных ходулях. Эти ходули поддерживали на высоте ста футов шарообразное тело, состоящее из пучков сферических предметов. Из каждого тела выходило множество огромных рук, титанических палиц, циклопических молотов.

Странные воины издавали тонкий, нетерпеливый вой, похожий на собачий.

Ритмическими движениями они наступали на город.

Под молотами огромных рук падали внутренние стены. Вслед за воинами проходили мы над их развалинами, и весь Русзарк, кроме части, скрытой горой, был у нас перед глазами. В короткое мгновение остановки я увидел, как обезумевшие толпы бились в узких улицах, топча упавших, перелезая через груды мертвых. Широкая улица уступами поднималась к обширной площади, где возвышались дворцы и храмы — к Акрополю. Сюда сбегались жители Русзарка, ища спасения у алтарей своих богов.

Поднимались стройные аркады, высокие башни. Тут была целая улица из статуй. Через другую улицу было перекинуто множество легких, красивых мостов. В цветущих садах били фонтаны.

Русзарк был прекрасный город. Прелесть его восхищала глаз. От него исходил аромат его садов...

Ряд металлических воинов растянулся. Они размахивали ужасными руками, и здания лопались под ними, как огромные

яичные скорлупы, погребая под своими развалинами толпы людей.

Металлическая рать приняла паукообразную форму и ползла по широкой улице, вколачивая в камень всех, кто пытался бежать перед ней.

Шаг за шагом мы пожирали город.

Я не чувствовал ни озлобления, ни жалости. Во мне бился какой-то веселый, оглушительный пульс, точно я был кричащей корпускулой урагана, точно я был частицей тайфуна. В этом хаосе ощущений вдруг возникла, поразила меня мысль: почему я никогда до сих пор не знал, что то, что мы называем деревьями, просто безобразные, несимметричные наросты? Что эти здания, эти башни — уродство? Что эти маленькие, кричащие двуногие существа — отвратительны?

Их нужно смести с лица земли. Все это бесформенное безобразие должно быть уничтожено. Все должно быть сравнено, превращено в долины с гармоничными линиями арок и углов.

Что-то в глубине моего существа пыталось сказать мне, что это не человеческие мысли, не мои мысли. Что это отраженные мысли металлического предмета.

В такт этому внутреннему голосу раздавались какие-то короткие, отрывистые звуки. Эти звуки будили во мне человеческие чувства. Они стали болезненно ударяться мне в сердце.

Плач Черкиса!

Лицо его было неузнаваемо. Жестокость и злоба были смыты с него слезами. Черкис смотрел на уничтожение своего народа и своей столицы.

Норхала холодно наблюдала за ним, точно боялась упустить малейший оттенок его страданий.

Мы были теперь уже совсем близко от площади на горе. Тысячи людей теснились между венчавшими гору зданиями и нами. Они падали на колени, моля о пощаде. Они хватались друг за друга, пытаясь спрятаться в массе, которая была ими самими. Они ломались в запертые двери храмов. Это был момент хаоса, сердцем которого были мы.

Потом треснули и развалились и дворцы, и храмы. Сверкнуло золото, серебро, блеснули драгоценные камни, и все это хоронило под собой и женщин, и мужчин. Мы спустились на эти развалины.

Рыдания замолкли. Голова Черкиса упала на плечо, глаза его закрылись.

Втянулись руки разрушающих предметов. Сами предметы соединились, образовав на мгновение огромный, полный столб, в центре которого, далеко внизу, стояли мы. Потом предметы

разъединились, образовали различные формы и покатались с горы и ее развалин, как все увеличивающиеся волны.

Вдали сверкающая змея все еще извивалась и уничтожала всех, кому как-то удалось спастись от разрушающих предметов.

Мы остановились там, где была внешняя стена Русзарка. Норхала взглянула на безжизненное тело Черкиса.

Потом металлическая рука вытянулась. Тело Черкиса полетело вперед, как большая синяя летучая мышь. Оно пало на сравненную с землей площадь, былую гордость его столицы.

Разбитое тело Черкиса лежало одиноким синим пятном в пустыне. Высоко в небе появилась черная точка — стервятник.

— Я все же оставила тебе добычу, — шепнула Норхала.

Взмахивая крыльями, ястреб опустился рядом с синей грудой и вонзил в нее клюв.

Г л а в а XXXVI

Неизбежное

Мы медленно отступали, точно глаза Норхалы еще не насытились разрушением.

Не оставалось и следов человеческой жизни, жизни природы. Норхала вытоптала все — мужчину и дерево, женщину и цветок, ребенка и бутон.

Развернувшаяся на моих глазах трагедия поглотила меня всего. Мне было не до моих спутников. Я совершенно забыл про них. Теперь, в минуту мучительного пробуждения, я обратился к ним, ища поддержки. Меня снова удивил наряд Руфи, ее обнаженность и красный шрам на лбу Вентнора.

В его глазах и глазах Дрэка я прочел ужас. Но в глазах Руфи ужаса не было. Она со спокойным торжеством и так же равнодушно, как Норхала, смотрела на пустыню, которая еще так недавно цвела.

Мне стало тяжело. За что, в конце концов, уничтожили всех этих людей? Разве в наших больших культурных городах меньше зла и пороков? Как могла Руфь отнестись так спокойно...

Мой взгляд упал на глубокий шрам на лбу Вентнора. По краям шрама была засохшая кровь, и шрам окаймляло двойное кольцо вспухшего, побелевшего мяса. Это был след пыток.

— Мартин! — крикнул я. — Это кольцо! Что они делали с тобой?

— Они разбудили меня этим, — спокойно сказал он. — Я думаю, что должен быть им благодарен, хотя намерения их были далеко не... филантропические...

— Они мучили его, — с горечью произнесла Руфь, — они терзали его, пока он не проснулся. А меня... меня они вели по городу, и люди издевались надо мной. Они, как рабыню, поставили меня перед негодяем, которого наказала Норхала. Они на моих глазах мучили моего брата. Норхала, ты хорошо сделала, что уничтожила их!

Руфь схватила Норхалу за руки и прижалась к ней. Норхала смотрела на нее большими серыми глазами, в которых снова были прежние спокойствие и невозмутимость.

— Это сделано, — сказала она, — и хорошо сделано. Теперь мы с тобой, любимая, будем жить в тишине. Если же ты захочешь убить кого-нибудь в том мире, из которого пришла, мы отправимся и выпотчем их, как сделали это тут.

Сердце мое перестало биться. В глубине глаз Руфи рождались какие-то тени, и они застилали собой жизнь в этих глазах.

Передо мной стояли теперь сестры-близнецы — Руфь и Норхала.

— Сестра, — шептала Норхала, — моя маленькая сестра. Эти мужчины останутся с тобой столько времени, сколько ты захочешь. Если же ты хочешь, я отправлю их в тот мир, из которого они пришли. Но мы с тобой, сестра, будем жить вдвоем, в спокойствии.

Ни разу не взглянув на нас — любимого человека, брата и старого друга, — Руфь еще теснее прижалась к ней.

— Пусть будет так, — шепнула она. — Сестра Норхала, я устала. Норхала, я не хочу больше видеть людей, они утомили меня.

— Руфь! — крикнул Дрэк и подскочил к женщинам. Они не обратили на него никакого внимания. Дрэка что-то завертело и снова принесло к нам.

— Подождите, — сказал Вентнор и взял Дрэка за руку. — Сейчас ничего нельзя сделать.

— Ждать! — воскликнул Дрэк. — Когда эта проклятая хочет взять у нас Руфь...

Он снова бросился вперед, и снова его точно оттолкнули назад. В это время чудовище, на котором мы находились, опять соединилось со своими частями, и мы поднялись высоко в воздух. Мы мчались, а между нами и Руфью с Норхалой образовалась широкая трещина. Точно Норхала подчеркивала этим свою победу над нами. Разрыв становился все шире. Он отделял нас от Руфи, как будто бы мы находились в другом мире.

Змеевидный предмет, избивавший воинов, подполз к нам, и наше чудовище вобрало его в себя.

Мы двигались медленно. Мы скользили к прорыву в скалах. Тень этих скал упала на нас. Мы прошли прорыв, потом ущелье, тоннель. Не было произнесено ни слова. Дрэк с ненавистью смотрел на Норхалу. Вот мы уже очутились на опушке зеленого леса.

Издалека до нас донеслись звуки, похожие на барабанные удары. Чудовище, на котором мы находились, задрожало. Звук умолк, и чудовище успокоилось. Оно продолжало свое равномерное продвижение среди деревьев.

Прервал молчание Вентнор. Я видел, как исхудало его тело, как обострились черты лица.

Мне пришло в голову, что виною этого были не одни пытки, а какое-то новое, странное познание.

— Ты ничего не сделаешь теперь, Дрэк, — говорил он. — Я знаю одно, — весы могут склониться только в одну или другую сторону. И если это будет в одну сторону, Руфь вернется к нам. Если же в другую, тогда уж нам будет все безразлично. С человеком тогда будет покончено.

— Что вы хотите сказать? — шепнул я.

— Наступил кризис, — ответил он. — Мы ничего не можем сделать, Луис, ничего.

Снова раздались отдаленные звуки барабанов, все громче. Чудовище опять задрожало.

— Бой барабанов? — шепнул Вентнор. — Что они возвещают? Новое рождение земли и гибель человека? Новое дитя, которому дается владычество?

Гул замер. Кругом был слышен только треск деревьев. неподвижно стояли Руфь и Норхала.

— Откуда... они... явились? — Глаза Вентнора под глубоким шрамом были ясные и спокойные. — Откуда явились эти предметы, несущие нас и разрушившие город Черкиса? Родились ли они на Земле, как мы? Или же они явились с других звезд? Существа эти, которые во множестве составляют одно, и в единой состоят из множества? Откуда они? Что они такое?

Он взглянул вниз, на поддерживавшие нас кубы. Тысячи их сверкающих глазок насмешливо блеснули ему навстречу. Точно они слышали и понимали.

— Я не забыл, — продолжал Вентнор, — все то, что видел, когда во дворце Норхалы сам себе казался только мыслящим атомом вне пространства и говорил с невероятным напряжением через губы, которые были от меня точно в веках расстояния. У меня было три... не знаю, как это назвать... скажем, три

видения. Все казались реальными, но истинным могло быть только одно, а третье может когда-нибудь оказаться истинным, но еще не теперь.

Г л а в а XXXVII

Надвигающаяся буря

В воздухе пронеслись новые раскаты, становившиеся все громче. Они все усиливались и вдруг оборвались. Норхала подняла голову, прислушалась.

— Я видел мир, обширный мир, Сорнтон, — говорил Вентнор, — величественно шествовавший через пространство. Это не был шар, это был мир со многими гранями, с гладкими полированными плоскостями. Огромный голубой мир, похожий на драгоценный камень, тускло светящийся. Хрустальный мир, вырезанный из эфира. И в этом мире не было ни воздуха, ни воды, ни солнца.

— Я приблизился к нему, — продолжал Вентнор, — и увидел, что на каждой его грани были узоры, гигантские, симметричные узоры, математические иероглифы. В них я прочел невероятные вычисления, арифметические прогрессии звездных армий, пандекты движений солнца. В узорах была странная гармония, точно все законы, начиная с тех, которыми управляются атомы, до тех, которые направляют космос, были определены здесь, сведены к одному итогу. Узоры постоянно менялись. Я приблизился еще и увидел, что узоры эти — живые. Они были этими самыми предметами в бесчисленном количестве.

Он указал на чудовище, которое везло нас.

— Меня отнесло назад, — продолжал Вентнор, — и я снова увидел мир граней издали. Видение это исчезло. Я видел обширные пещеры, полные этих предметов, работающих, растущих, множащихся. В пещерах нашей Земли — плод какого-то неведомого чрева? Я не знаю. Но они росли в этих пещерах, под бесчисленными кругами многоцветных огней. Мне пришлось в голову, что они стремились выйти из пещер к Солнцу. Они вырывались на этот свет, на желтый, пылающий свет Солнца. И эта картина исчезла.

Голос Вентнора стал глуше.

— Ее сменило третье виденье. Я увидел нашу Землю. Я знал, что это была наша Земля. Но высоты ее были сравнены, горы превращены в холодные, полированные, геометрические фигуры. Моря были скованы и сверкали, как огромные драгоценные камни в узорчатой оправе хрустальных берегов. Полярный лед, и тот был обтесан... На расположенных в известном

порядке долинах были начертаны иероглифы мира граней. И на всей Земле не было зеленой жизни, не было людей, не было городов. На Земле, которая была когда-то нашей, были только Эти.

— Не думайте, — продолжал Вентнор, — что я всецело принимаю эти видения, эти сны. Но какое-то зерно правды в них есть. Мой мозг был ослеплен светом необъятных для него истин и породил все эти картины. Во всяком случае, какой-то катаклизм начинается теперь на наших глазах, и, быть может, результатом его и будут такие картины, как последняя из виденных мною.

Слова Вентнора невольно заставили меня вспомнить Русзарк и Разрушительные Предметы, сравнившие его с землей и превратившие цветущую местность в пустынную возвышенность.

— И вдруг я увидел эту возвышенность Земли, города — всеми земными городами, а народ Черкиса — народом всего мира!

Снова раздался гул барабанных ударов, но теперь уже оглушительный. Казалось, удары эти валятся на нас. Под нашими ногами точно забился могучий пульс.

Норхала выпрямилась и стала прислушиваться.

— Барабанный бой, — пробормотал Дрэк, — какой это барабанный бой! Это напоминает десять Верденов и десять Марн.

Гул все рос. Чудовище, на котором мы находились, остановилось. Башня, где стояли Руфь и Норхала, покачнулась. Она наклонилась над трещиной, отделявшей ее от нас, и девушка и женщина соскользнули с нее к нам.

Начался вой. Так громко и пронзительно никогда еще не были металлические предметы.

Чудовище под нами раскололось на части. Перед нами поднялась огромная пирамида, почти такая же высокая, как пирамида Хеопса, которую построили так, что она отбрасывала свою тень через Нил. К пирамиде стекались и к ней прилипали металлические предметы, делавшие ее все выше и выше.

Пирамида умчалась от нас вперед.

Норхала крикнула, и крик этот был звонкий, пронзительный, как звук трубы. Пирамида-беглянка остановилась, точно в нерешительности, готовая вернуться. Но отрывистый барабанный бой зазвучал повелительно, угрожающе, и пирамида подалась вперед.

Глаза Норхалы широко раскрылись. Казалось, она не понимала происшедшего, не верила тому, что видела. Потом снова крикнула. Теперь это была целая буря звуков.

Но пирамида мчалась дальше.

Вдали сверкала сапфировая искорка дома Норхалы. Пирамида была теперь недалеко от него. Но мы нагоняли ее. Крики Норхалы не замолкали ни на одно мгновение. Сапфировая искра превратилась в шарик, потом в большой шар. Предмет, который мы преследовали, вырос в огромную колонну. У колонны появились ходули, и она перешагнула через дом Норхалы.

Нас осторожно опустили перед дверями дома. Я взглянул на чудовище, доставившее нас сюда. Оно все было в страшном движении. Но во всей его волнующейся массе я не увидел ни одного куба.

Множество шаров и пирамид отделилось от нашего чудовища и встало в ряд между ним и Норхалой. Потом весь ряд бросился ко входу в ущелье, ведущее в бездну, и скрылся из виду.

На лице Норхалы я прочел сомнение, негодование. В Норхале теперь было что-то жалкое. Она сделала нам знак, чтобы мы следовали за нею в дом. За нами потянулись три больших шара и два тетраэдера.

— Я боюсь, — шепнула Норхала, — боюсь за вас! Оставайтесь тут, пока я вернусь. Я оставлю их охранять вас, — она указала на пять металлических предметов.

Предметы окружили Руфь. Норхала поцеловала девушку.

— Усни, пока я не вернусь, — сказала она.

Она вышла из комнаты, даже не взглянув на нас, троих мужчин.

Руфь опустилась на шелковые ткани, лежавшие на полу. Шары и пирамиды мигали на нас, охраняя ее сон.

За дверями голубого шара раздался ужасающий грохот. Казалось, колотят по целым металлическим мирам, полым внутри.

Г л а в а XXXVIII

Междоусобная брань

Руфь застонала во сне, потом встала и выпрямилась. Глаза ее раскрылись. Они смотрели через нас, точно им представилось какое-то страшное видение. Потом Руфь закричала так, как кричала Норхала. Тотчас же две пирамиды раскрылись и превратились в сверкающие звезды, заливавшие ее фиолетовым светом, под их верхними концами угрожающе сверкали овалы.

— Руфь, — позвал Вентнор.

Какая-то тень смягчила жесткий блеск карих глаз Руфи. В них что-то хотело проснуться и пробивало себе дорогу

к поверхности, как утопающее человеческое существо. Потом все исчезло, и на лице ее появилось выражение ужасного гнева.

Она снова крикнула. Центральный шар подплыл к ней. Он поднял ее на свою спину и скользнул к двери.

— Руфь! — крикнул Дрэк.

Шар на мгновение задержался, и в это мгновение девушка проснулась.

— Нет! — закричала она. — Нет!

Звезды закрылись. Шар опустил Руфь на землю, и пирамиды, и шары выкатились за дверь.

Руфь стояла, покачиваясь на ногах, и рыдала. Потом побежала к двери. Мы бросились вслед за ней, но Руфь мчалась, как быстроногая Атланта. Дрэк последним, отчаянным усилием догнал Руфь и схватил ее. Она молча боролась с ним, кусалась, царапалась.

— Скорей, — крикнул Вентнор. — Отрежьте мне рукав. Скорей!

Я быстрым движением отрезал ножом рукав. Вентнор схватил его и склонился над Руфью. Он засунул ей в рот кусок сукна и крепко перевязал рот.

— Отрежьте второй рукав!

Мгновение — и Вентнор вторым рукавом связывал девушке руки за спиной. Она уже не боролась. Глаза ее вдруг стали жалобными, и она с мольбой устремила их на Дрэка.

— Ей больно, — пробормотал Дрэк.

— Больно? — воскликнул Вентнор. — Да ведь она, кажется, моя сестра и я знаю, что я делаю. Разве вы не видите? Разве вы не понимаете, что сейчас она во власти Норхалы? Я хочу вернуть себе сестру. Я знаю, что делаю. Посмотрите на нее!

Мы посмотрели и увидели, что лицо девушки не было похоже на лицо нашей Руфи. На нем была та же холодная ненависть, с которой Норхала смотрела на плачущего Черкиса.

Над нашими головами раздавались оглушительные звуки.

— Нам необходимо посмотреть, что происходит, — шепнул Вентнор, — выиграем мы от этого или потеряем, но мы должны увидеть. Отрежьте себе рукава, — сказал он Дрэку, — и свяжите ей ноги. Мы понесем ее.

Мы сделали это, и легкое тело Руфи покачивалось между Вентнором и Дрэком, когда мы вошли в светящиеся туманы, осторожно пробираясь в их мертвой тишине.

Мы вышли из полосы туманов, и нас ослепил хаос света и оглушил хаос звуков. Ослабевшие руки Вентнора и Дрэка уронили Руфь. Девушка стала извиваться и покатилась к краю пропасти. Вентнор бросился и крепко схватил Руфь.

Мы поползли назад на коленях, волоча за собой Руфь. Мы остановились там, где плотность туманов еще позволяла видеть насквозь, но умеряла ослепительный свет, наполнявший Бездну.

Мы видели пучину во много миль шириной. Ее прорезали молнии, в ней пылало пламя. Надо всем этим сверкали небеса, как щит, который держала чья-то могучая рука. Среди всего этого урагана колебалась какая-то возвышавшаяся горой масса, точно кит из синеватого металла, попавший в кратер извергающегося вулкана.

И грохот, который мы слышали, был ударами молний, ударами копьеобразных лучей об эту сверкающую гору, которая дрожала под их напором.

Эта шатавшаяся гора была Город. И это была сама металлическая рать, и охранявшаяся своими легионами, и подвергавшаяся нападению своих же собственных легионов. Металлическая рать воевала сама с собой.

Огромная гора была с милю высотой. Вдоль ее, повернутые к нам, стояли рядами металлические чудовища. За ними стоял второй ряд. Этот второй ряд чудовищ вытягивал длинные руки, которые были густо усажены пылающими крестообразными предметами, раскрывшимися кубами, испускавшими злые красные отблески и дымчатый желтый свет. Щупальца этих предметов держали огромные щиты, как те, которые окружали зал конусов. Из вогнутых глубин щитов били молнии ослепительного света, лившиеся через первый ряд чудовищ.

Теперь я мог разглядеть и атакующие предметы. Невиданные, огромные предметы, порождения какого-то страшного кошмара. Это были шары и пирамиды, бившиеся против кубов.

Эти колоссальные столбы с венчавшими их гигантскими сверкающими колесами стояли больше чем в миле от шатающегося города. Из центра этих колес вылетали копья и стрелы фиолетового света. Они разбивались о стены, со стен стекало растаявшее пламя, точно Город кровоточил огнем. Но чудовища, стоявшие у стен, ударяли молотами, и шары и пирамиды разлетались в огненные осколки. Концы молотов тоже разбивались от собственных ударов, но новые и новые кубы присоединялись и исправляли собою разбитые ударяющие молоты.

Как двигались обе нападающие армии, то отступая, то наступая, так и Город двигался, то подаваясь вперед, то делая движение назад. Не переставая лился фиолетовый огонь из вращающихся колес.

Раздавался пронзительный тонкий вой. Вот из рядов атакующих поднялись тучи рогатых драконов, огромные цилиндры из шаров, утыканных пирамидами. Они ударили по врагу.

Ощетинившиеся драконы и размахивающие колонны сшибались друг с другом и расплавлялись или рассыпались с невыносимым сверканием. Они падали — кубы, шары и пирамиды, — одни полураскрывшись, другие совершенно раскрывшись, дождем дисков, звезд, крестообразных форм.

Теперь я заметил, что и внутри Города шел такой же страшный бой, как и вокруг его стен. Из Города доносился вулканический грохот.

В стене Города появилась светящаяся трещина. Она бежала с верха до низа. Она расширилась, и из этой щели полился поток шаров. Щель сомкнулась и защемила тех, которые еще не успели выйти. Раздался ужасный рев.

В стене не было больше никаких следов трещины, только скатился поток обломков, которые, блеснув, умирали.

Я отвернулся от Города и взглянул на долину. Повсюду билась металлическая рать. Металлические волны налетали на металлические острова и разбивались о них. Надо всем этим хаосом встречались и взрывались металлические кометы.

А мысль шатающегося Города скользила по направлению к нам. Я схватил свой бинокль и направил его на Город. Теперь я увидел, что сверкающие копья убивали там, где они ударяли. Массивы чернели под ними и теряли свой блеск. Потухали сверкающие глаза-точки. Металлические острова рассыпались.

Город все приближался. В стенах его крошечные глаза сверкали уже не насмешливо и вызывающе. В них было безумие!

В тысяче футов Город вдруг остановился и точно весь подобрался. Потом с ревом, подобным падающему миру, весь фасад, направленный к нам, скользнул на дно долины.

Повалившаяся масса должна была быть толщиной в сотни футов, и кто знает, какие таинственные помещения скрывались за ней. Да, она должна была быть в тысячи футов толщиной, потому что обломки ее поднялись до самого края Бездны, на котором мы находились.

Перед нами раскрылись тысячи сводов, тысячи обширных пространств.

Снова с ревом обрушились стены. Перед нами раскрылся кратер конусов.

В образовавшийся прорыв я увидел конусы, невозмутимо примыкающие к основанию стройной, увенчанной стрелы.

Вентнор выхватил у меня бинокль.

— Смотрите! — крикнул он.

Бинокль так приближал большой зал конусов, что он казался на расстоянии всего нескольких ярдов. Зал весь пылал разноцветными огнями, но вокруг хрустального основания конусов была свободная зона, в которую огонь не проникал.

Г л а в а XXXIX

Конец Норхалы

В этом широком кругу было только три фигуры. Одна была удивительным сверкающим Диском, который мы называли Повелителем Металла. Второй фигурой был крестообразный Хранитель Конусов, горевший угрюмым огнем. Третьей — была Норхала.

Она стояла рядом с Диском. Между ними и распростертым крестообразным предметом сверкала доска с бесчисленными палочками, которые управляли действием конусов.

Мне казалось, что Норхала так близко от меня, что я могу ее коснуться. Волосы ее развевались, лицо было маской негодования и отчаяния. Ее огромные сверкающие глаза были устремлены на Хранителя. Прекрасное тело Норхалы было обнажено, на нем не было и следов ее шелковых одеяний.

Несмотря на неподвижность Диска и Хранителя, я вдруг понял, что между ними происходит смертельная схватка. Ясным стало мне и то, что в этом поединке, как в фокусе, заключался весь смысл сражения, бушевавшего вокруг.

Но какими неведомыми силами велся этот поединок? Диск и крестообразный Предмет не изливали молний. Они бились без видимого оружия. Только огромные раскинутые плоскости крестообразного Предмета дымились и тлели злобными отблесками охры и багрового пламени в то время, как по всей поверхности Диска холодные огни сверкали и бушевали в невероятно быстром темпе. Его рубиновая сердцевина сияла ослепительно, сапфировые овалы были очагами живого сияния.

По обе стороны кратера с оглушительным ревом рушился город. Ни Диск, ни Хранитель не двигались. Между ними образовался легкий черный туман. Он был прозрачный и точно сотканный из просвечивающих черных корпускул. Эта завеса колебалась и приближалась то к Диску, то к крестообразному Предмету. Я почувствовал, как в том и другом напряглись силы, и понял, что каждый из них старался откинуть на другого туманную завесу, как сеть.

Вдруг из Диска вырвался ослепительный свет. Черная завеса отлетела к крестообразному Предмету и окутала его. Свет Предмета потускнел, потом угас.

Хранитель пал!

Лицо Норхалы загорелось диким торжеством. Вытянутые плоскости крестообразного Предмета трепетали, точно в мучениях. Огни его пытались прорвать черный туман. Он подался вперед и упал на доску, управлять палочками которой могли только его щупальца.

С лица Норхалы исчезло выражение торжества. Его сменил ужас.

Конусы содрогнулись, точно могуче забился их пульс. Диск завертелся, подхватил Норхалу и притянул ее к своему сверкающему центру. Еще сильнее запульсировали конусы.

Спазм потряс Диск. Огни его потухли, потом снова загорелись, купая своим светом нежную фигуру Норхалы.

Тело это извивалось, точно и она переживала вместе с Диском агонию. Голова повернулась, и полные отчаяния глаза встретились с моими.

Спазмодическим, невероятно жутким движением Диск закрылся и закрыл собой Норхалу.

Норхала исчезла, осталась заключенной в Диске.

Рядом со мной конвульсивно извивалось тело Руфи.

Г л а в а XL

Выжжены!

Гора конусов стала таять. Потоки ослепительного сверкания заливали крестообразный предмет и огромный шар — гробницу Норхалы.

Кратер наполнился бледным сиянием, изливавшимся отсюда в Бездну.

Город рушился. Точно прорвавшая плотину вода, сверкающий потоп залил долину. Наступила великая тишина. Молнии прекратились. Рать стояла неподвижно. Вокруг ее все выше и выше поднималось сверкающее море.

Из гибнущего города вылетело множество его странных светил. Огненные и сапфировые шары, рубиновые шары и шары, похожие расцветкой на тюльпаны, радостные солнца покоя, в котором рождались металлические предметы, и бок о бок с ними — замерзшие, бледно-золотые солнца.

Тысячи их шествовали одни за другими и торжественно вставляли надо всей Бездной, которая была теперь быстро поднимающимся озером желтой, солнечной пены.

Они проходили вперед целыми полчищами, эти таинственные солнца. Из огневого озера под ними, точно гротескные

башни полузатонувшего, фантастического города, поднимались огромные формы, черные на блестящем фоне.

То, что было Городом, стало огромной бесформенной горой, изливавшей безмолвные потоки той освобожденной силы, которая, сконцентрированная и связанная, была конусами.

Все ниже и ниже опускался Город. В его рушащихся очертаниях было что-то бесконечно жалкое, космически трагическое.

Висящие солнца закачались под градом сверкающих точек, дождем падавших на озеро. Они падали так густо, что скоро все солнца стали казаться тусклыми ореолами в их толще. Туманная полоса, в которой мы находились, заколыхалась. От Бездны исходило ослепительное сияние. Каждая башня излучала огни, подобные огням драгоценных камней. Тающий Город был горой живых драгоценных огней, над которой лились потоки бледного, растопленного золота. Бездна пылала.

Вентнор закричал. Я не слышал его слов, но понял, что он хотел сказать. Понял и Дрэк и взвалил на свои широкие плечи Руфь. Мы бросились бежать через колыхающуюся завесу тумана и вышли из нее.

— Назад! — крикнул Вентнор. — Возможно дальше назад!

Мы мчались. Достигли ворот в скалах и бежали дальше, к голубому шару дома Норхалы. Бежали задыхаясь, рыдая, бежали, спасая свою жизнь.

Из Бездны к нам донесся звук. Я не могу его описать. Это был страшный вой отчаяния. Звук замер.

Нас охватило ужасное чувство одиночества. Мы поддались ему, не имея сил бороться, раздираемые одним желанием — возможно более быстрой смерти.

Ослепительный блеск наполнил небо. Мой умирающий слух уловил хаотический, оглушительный рев. Воздушная волна, плотнее чем вода, подхватила нас и понесла вперед на сотни ярдов. Она покинула нас, на ее место заступила другая, жгучая волна. Она промчалась через нас, обжигая, но в то же время вливая в нас силы. Она точно уничтожала испытываемое нами чувство смертельного отчаяния и возрождала угасающие огни жизни.

Я вскочил на ноги и обернулся. Завеса исчезла. Ворота с отвесными стенами, которые эта завеса прикрывала, были полны огненного сияния, точно они открывались в сердце вулкана.

Чья-то рука схватила меня за плечо и повернула. Это был Вентнор. Он указал на сапфировое жилище Норхалы. Далеко впереди я увидел Дрэка, прижимавшего к груди Руфь. Жара становилась невыносимой. По небу, над ущельем, блеснули

змеистые молнии. Неожиданный ураганный ветер подхватил нас и, точно листья, понес обратно к Бездне. Я бросился ничком, цепляясь руками за гладкую скалу. Загремел гром, но не гром металлической рати. Это были гром и молния нашей собственной земли.

Ветер был холодный. Он оведал горящую кожу и облегчал воспаленные легкие.

Снова молнии прорезали небо. Потом целыми потоками пошел дождь.

В Бездне раздалось шипенье.

Борясь с ветром, крепко держась друг за друга, мы с Вентнором стали пробираться к дому Норхалы. Свет угасал, мрак охватил нас. Мы добрались до двери, пользуясь вспышками молнии.

При ее свете мы увидели, как Дрэк склонялся над Руфью. Вход задвинулся за нами, точно какая-то невидимая рука толкнула хрустальную панель, чтобы защитить нас от бушевавшей за стенами дома бури.

Мы опустились рядом с Руфью на груды шелков, трепеща от смешанного чувства жалости и облегчения.

Потому что каждый из нас знал, что металлическая рать умерла.

Со всем своим могуществом, красотой и ужасом, с его полным равнодушием к человеку, со всеми тайнами — это Нечто умерло.

Убитое самим собой!

Г л а в а XLI

Пробуждение Руфи

Руфь вздохнула и пошевелилась. На щеках ее появился легкий румянец. Вентнор прикрыл ее покрывалом Норхалы.

Меня охватило непреодолимое желание уснуть. Я отдался ему без борьбы и перестал сознательно существовать.

Когда глаза мои раскрылись, комната была полна серебристого света. Я слышал лепет фонтана.

Мои спутники крепко спали. Я прошел на цыпочках к двери, нашел ручку, нажал ее, и хрустальная панель отодвинулась в сторону. Панель эта, вероятно, двигалась с помощью какого-то механизма, отвечавшего нажиму руки. По-видимому, какие-то вибрации грома освободили этот механизм, когда дверь закрылась за нами.

Я выглянул. Небо было серое, падал мелкий дождь. Весь сад Норхалы был разрушен. Сломаны были и деревья, и цветы.

Сеть дождя закрывала от глаз ворота в скалах. Из долины не доносилось никаких звуков.

Я вернулся в голубой дом. Руфь сидела, закутанная в покрывало Норхалы. В ясных глазах девушки были и смущение, и нежность.

— Дик! — тихо сказала она и протянула Дрэку руки. Потом обернулась к брату. — Брат, — шепнула девушка, — все прошло. Я хочу сказать, что я — снова я. Что произошло? Где Норхала?

Я был поражен. Разве она не знала? Разве, погруженная в странный сон, она не видела глазами Норхалы, не думала ее мыслями? Может быть, она все забыла? Я хотел заговорить, но взгляд Вентнора остановил меня.

— Она... в Бездне, — ответил он сестре. — Но разве ты ничего не помнишь, сестренка?

— Что-то стерлось в моей памяти, — ответила она. — Я помню Русзарк... и твои страдания... и мои...

— И ничего больше? — спросил Вентнор.

Лицо ее побледнело. Вентнор озабоченно нахмурился. Я знал, чего он боялся, но лицо Руфи не было лицом Норхалы, а было ее прежним лицом.

— Да, — кивнула она головой, — я вспомнила. Норхала отомстила им, а я радовалась жестокой радостью, а потом почувствовала усталость... А дальше — все стерто!

Вентнор переменял тему разговора.

— Руфь, — смеясь, воскликнул он, — не думаешь ли ты, что твой костюм немножко небрежен даже для этого уголка Земли?

— Ах! — Руфь покраснела и вся закуталась в покрывало.

Я, смеясь, вытащил из груды шелка какое-то одеяние и протянул его девушке. Вентнор указал на наши мешки с вещами.

— Тут есть еще смена одежды для тебя, — сказал он. — Мы выйдем, а ты в это время переоденешься.

Мы пошли в комнату Норхалы. Вентнор протянул Дрэку руку.

— Я знал, дорогой, что вы любите друг друга, — сказал он. — Руфь все мне рассказала. И я очень рад.

Мгновение они смотрели в глаза друг другу. Потом Вентнор отпустил руку Дрэка.

— Теперь нам нужно подумать о том, как отсюда выбраться, — сказал Вентнор. — Рать умерла, но если мы даже сможем перебраться через ее труп, то как уйти из ее логовища? Как можем мы без Норхалы проделать весь этот путь? Не забудьте,

что тоннель, ведущий к руинам, откуда мы шли, завален. Остается путь к городу Черкиса. Но мне не хотелось бы идти этим путем. Я не вполне уверен, что уничтожены все воины Черкиса. Нам плохо бы пришлось, если бы мы теперь попались им в руки. Прежде всего нам следует узнать, что произошло в Бездне.

— Они там все выжжены, — сказал Дрэк. — Что они такое были, в конце концов? Просто живые динамо-машины. Вернее — динамо-моторы. Я не скажу, что знаю, почему произошла с ними эта катастрофа. Но я могу догадываться. Конусы были какой-то страшно сконцентрированной силой — электрической, магнитной или какой-то еще. Я думаю, что они были, вероятно, сгущенным коронием. Если около двадцати самых больших мировых ученых правы, короний представляет... ну, назовем это сгущенной энергией. Электрическая сила Ниагары — в пылинке желтого огня с булавочную головку... Но каждая булавочная головка распухла в целую Ниагару. И при этом энергия ее освободилась. Что же последовало? Что должно было последовать? Каждая живая батарея куба, шара и пирамиды была перезаряжена и взорвалась. Пойдемте выглянем, узнаем, что произошло с непроходимыми скалами. Я думаю, что нам представится возможность выйти отсюда.

Мы вернулись к дому и нашли Руфь уже одетой. Но она была очень молчалива, когда среди скал мы отправились к обрыву, где прежде поблескивали завесы светящегося тумана.

По мере нашего приближения становилось все жарче. Воздух напоминал турецкую баню. Туман так сгустился, что мы ухватились друг за друга, продвигаясь шаг за шагом.

— Мы ничего не увидим, — сказал Вентнор, — вернемся назад.

— Выжжены! — подхватил Дрэк. — Вся долина была, вероятно, вулканом. А этим потоком дождя должен был подняться туман.

Мы повернули и пробрались обратно к голубому дому.

Весь этот день шел дождь. Мы бродили по дому Норхалы и вспоминали все пережитое за последнее время.

Руфь расплакалась, когда мы заговорили про Норхалу.

— Она была хорошая и такая красивая, — говорила Руфь. — И она любила меня! Мне думается, что земля была бы прекраснее и на ней было бы меньше зла, если бы там жил народ Норхалы, а не мы.

Меня поразили слова Руфи. Темной тенью стало борющееся человечество, и я невольно вспомнил гармоничность, царившую среди металлического народа, особый порядок.

Шлак

Эту ночь мы спали хорошо. Когда же мы проснулись, оказалось, что буря снова разбушевалась. К Бездне невозможно было пройти. Мы пытались дважды, но дорога превратилась в поток, и мы только промокли до нитки. Весь этот день лил дождь. Вечером мы принялись за наши запасы.

— Мартин, — сказала Руфь, — когда же мы двинемся? Я хочу вернуться домой. Меня тянет в наш мир!

— Как только прекратится буря, — ответил Мартин. — Сестренка, я тоже хочу, чтобы ты скорее вернулась домой.

На следующее утро буря прошла. Мы уложили наши мешки, взвалили их на лошадь и направились по дороге к Бездне.

Там, где были туманные завесы, теперь зияло отверстие — ворота с неровными краями. Дорога была преграждена обломками скал.

— Мы можем перебраться через них, — сказал Вентнор.

Мы взобрались на гору из обломков скал, камней и каменной пыли. Оттуда перед нами открылся вид на долину.

В первый раз, когда мы увидели ее, перед нами было море света. Мы видели долину и тогда, когда огненный туман покинул ее. Это была тогда гигантская доска, покрытая знаками какого-то математического, неведомого нам существа. Мы видели долину и как сияющее озеро, над которым висели странные солнца.

Тут мы взглянули в непостижимое, слышали и видели непонятное...

Шлак!

Аметистовое кольцо, из которого излучались окружающие Бездну завесы, растрескалось и почернело. Оно траурной короной охватило Бездну. Завесы исчезли. Дно долины тоже почернело, узоры и письмена на нем выгорели. Насколько хватало глаз, перед нами было море шлака: угольного, черного, стекловидного и мертвого.

То тут, то там поднимались черные пригорки. Высились огромные столбы, согнутые и извивающиеся, точно это были потоки лавы, охладившиеся прежде, чем они успели упасть. Гуще всего они столпились вокруг огромной горы.

Где-то внутри этой горы покоился пепел Норхалы, запечатанный огнем в урне Диска.

Из различных углублений в долине, еще полных воды, поднимались струйки пара. В этих струйках было все, что

осталось от могущества металлического народа. Я никогда не представлял себе ни такой безнадежности, ни такого ужаса!

— Норхала! — рыдала Руфь.

— Выжжены! — бормотал Дрэк.

Мы стали спускаться в долину. Весь этот день и часть следующего дня мы искали выход из Бездны.

Все было пережжено.

То, что было гладким металлическим остовом с глубоко сидящими крошечными глазами, рассыпалось от малейшего толчка. Немного времени пройдет, когда под дождем и ветром все превратится в грязь и пыль.

Г л а в а XLIII

Тайна металлического народа

Было ясно, что теория Дрэка верна. Металлическая рать была одним гигантским магнитом, или, вернее, гигантским динамо. Она жила и приводилась в движение магнетизмом и электричеством. Какова бы ни была сила, из которой состояли конусы, она, конечно, была сродни электромагнитным энергиям.

Поэтому, когда в катаклизме сила эта была рассеяна, она притянула к себе течение атмосферного электричества, которое мы видели, как будто сверкающих корпускул. Создалось магнитное поле невероятного напряжения, и сконцентрировался электрический заряд непостижимой силы.

Разряжаясь, он уничтожил металлическую рать, выжег ее, как выразился Дрэк.

Но что привело к этой катастрофе? Что повернуло рать против самой себя? Какая негармоничность проникла в этот невероятный порядок и привела в действие механизм раздробления?

Мы могли только предполагать.

Крестообразный Предмет, названный мною Хранителем Конусов, несомненно, был действующей силой разрушения.

В загадочном организме, который во множестве был един и в одном представлял множество, у Хранителя были свое место, своя работа.

Так, несомненно, было и с чудесным Диском.

Какова была ответственность этих обоих перед множеством в том организме, важными единицами которого они были? Каковы были законы, которым они подчинялись, которым заставляли подчиняться? Конечно, здесь было нечто

вроде того таинственного закона, который Метерлинк называл разумом улья и, может быть, что-нибудь гораздо большее, чем это.

Не проснулось ли в Хранителе Конусов, страже и инженере силового механизма, честолюбие?

Как иначе объяснить столкновение, которое произошло, когда нас с Дрэком вырвали из когтей Хранителя? Как иначе объяснить этот поединок, конец которого был сигналом для последней катастрофы?

Все это оставалось тайной.

Тайной должно оставаться и происхождение металлического народа, и то, почему народ этот не покорил своей металлической и кристаллической воле наш мир.

Если ответы на эти вопросы и могли быть, теперь они навеки потеряны в шлаке, по которому мы шли.

Мы не взяли образчиков этого шлака. Не было ни одного куска, большого или малого, который не был бы сплавлен этим колоссальным напряжением пережигающей электрической энергии, и мы были не в силах разъединить эти куски.

В послеобеденный час на второй день мы нашли прорыв в стенах, окружавших долину. Мы решили испытать его.

Мы не посмели бы пойти тем путем, которым нас привела сюда Норхала. Только на ее кубах мы могли бы его пролететь.

О дальнейшем нашем путешествии не стоит писать. Из расщелины мы вышли в долину и после скитания по диким местам, где мы питались тем, что могли подстрелить, мы месяц спустя нашли путь, который привел нас в Гиганте.

Еще через два месяца мы были дома.

Мой рассказ окончен.

Там, в глубине Азии, — голубой шар, который был жилищем Норхалы. Там — логовище металлической рати, окруженное фантастическими скалистыми вершинами, его пережженное дно и рассыпающиеся тела необъяснимых Предметов, которые при жизни были самой тенью уничтожения, витающей над человечеством.

Тень эта исчезла!

И все же в этом огромном круговороте жизни, где мы только пронесшийся атом, какие другие жизненные формы, какие другие атомы поднимаются даже в это мгновение, чтобы столкнуться нас?

В полной тайн Бесконечности, через которую мы катимся, какие несутся на нас другие тени?

Кто знает?

Кто знает?

ДЬЯВОЛЬСКИЕ КУКЛЫ МАДАМ МЕНДЕЛИП

РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я — врач, специалист по нервным и мозговым болезням, занимаюсь вопросами болезненной патологии и в этой области считаю себя знатоком. Я связан с двумя лучшими госпиталями Нью-Йорка и получил ряд наград в своей стране и за границей. Я пишу о том, что действительно произошло. Пишу, рискуя быть узанным, не из честолюбия, не потому, что хочу показать, что компетентные наблюдатели могут дать о тех событиях вполне научное суждение.

Лоуэл не мое имя. Это псевдоним, так же как и все остальные имена в этой книге. Причины вы поймете позже. Я мог изложить эту историю в форме доклада в одном из медицинских обществ, но я слишком хорошо знаю, с какой подозрительностью, с каким презрением встретили бы мои коллеги эту историю, настолько противоположны общепринятым мнениям многие причины и следствия из фактов и наблюдений, которыми я обладаю.

Но теперь, ортодоксальный медик, я спрашиваю самого себя, нет ли причин иных, чем те, которые мы воспринимаем? Сил и энергий, которые мы отрицаем только потому, что наша узкая современная наука не в силах объяснить их? Энергий, реальность которых проявляется в фольклоре, в древних традициях всех народов. Энергий, которые мы, чтобы оправдать наше невежество, относим к мирам и суверениям.

Мудрость — наука неизмеримо древняя, рожденная до истории, но никогда не умиравшая, никогда целиком не исчезающая. Секретная мудрость, хранимая ее беззаветными служителями, переносившими ее из столетия в столетие. Темное пламя запрещенного знания, горевшее в Египте еще до постройки пирамид, прячущееся под песками Гоби, известное сынам Эда (которого Аллах, как говорят арабы, превратил в камень за колдовство за десять тысяч лет до того, как Авраам появился на улицах Ура в Халдее), известное Китаю и тибетским ламам, шаманам азиатских степей и воинам южных морей. Темное пламя злой мудрости, мерцавшее в тени скандинавских замков, вскормленное руками римских легионеров, усилившееся неизвестно почему в средневековой Европе и все еще горящее, все еще живое, все еще сильное.

Довольно предисловий. Я начинаю с того момента, когда темная мудрость, если это была она, впервые бросила на меня свою тень...

Доктор Лоуэл

НЕПОНЯТНАЯ СМЕРТЬ

Я услышал, как часы пробили час ночи, когда я стал подниматься по ступенькам госпиталя. Обычно в это время я уже спал, но в этот вечер мой ассистент Брейл позвонил мне и сообщил о неожиданном развитии болезни одного из наших пациентов. Я остановился на минуту, чтобы полюбоваться яркими ноябрьскими звездами. И в этот момент к воротам госпиталя подъехал автомобиль. Пока я раздумывал, кто бы это мог быть так поздно, из автомобиля вышел человек, потом другой. Оба нагнулись, как бы вытаскивая что-то. Затем они выпрямились, и я увидел между ними третьего. Голова его свисала на грудь, тело бесильно обвисло. Из машины вышел четвертый. Этого я узнал. Это был Джулиан Рикори, личность, известная в преступном мире, продукт закона о запрещении спиртных напитков. Если бы я и не видел его раньше, я все равно узнал бы его — газеты давно познакомили меня с его лицом и фигурой. Худой и высокий, с серебристо-белыми волосами, всегда прекрасно одетый, с ленивыми движениями, он больше напоминал джентльмена из респектабельного общества, чем человека, ведущего темные дела, в которых его обвиняли.

Я стоял в тени незамеченный. Теперь я вышел на свет. Пара, несущая человека, тотчас остановилась. Они опустили свободные руки в карманы пальто. В этих движениях была угроза.

— Я доктор Лоуэл, — сказал я. — Заходите. — Но они не отвечали и не двигались. Рикори вышел вперед, взгляделся, затем кивнул остальным. Напряжение ослабело.

— Я знаю вас, доктор, — сказал он приветливо. — Но позвольте дать вам совет: не стоит так быстро и неожиданно появляться перед неизвестными людьми, особенно ночью в этом городе.

— Но я же знаю вас, мистер Рикори.

— Тогда вы поступили вдвойне неверно, а мой совет вдвойне ценен, — улыбнулся он.

Я открыл двери. Двое прошли мимо меня со своей ношей, следом мы с Рикори. Внутри я повел себя как врач и подошел к раненому. Двое бросили взгляд на Рикори, тот кивнул. Я поднял голову и содрогнулся. Такого выражения ужаса я еще

не видел за свою долгую практику ни среди здоровых, ни среди сумасшедших. Это был не просто ужас, а предельный ужас. Голубые в темных ресницах глаза, казалось, смотрели не только на меня, но сквозь меня и в то же время внутрь, как будто кошмар, который они видели, был до сих пор внутри них. Рикори внимательно наблюдал за мной.

— Доктор, — обратился он ко мне, — что увидел мой друг или что ему дали, что он стал таким? Я заплачу большую сумму, чтобы узнать это. Я хочу, чтобы его вылечили. Но я буду с вами откровенен, доктор: я отдал бы последнее пенни, чтобы узнать наверное, что они не сделают этого со мной, не заставят увидеть и перечувствовать того же.

Я позвонил, вошли санитары и положили пациента на носилки. Пришел дежурный врач. Рикори дотронулся до моего локтя:

— Мне хотелось бы, доктор, чтобы вы сами лечили его. Я много слышал о вас. Могли бы вы оставить всех пациентов и заняться только им, не думая о тратах?

— Минутку, мистер Рикори, — перебил я его, — у меня есть больные, которых я не могу оставить. Ваш друг будет под моим постоянным наблюдением и под наблюдением людей, которым я вполне доверяю. Согласны?

Он согласился, хотя я видел, что он не вполне удовлетворен. Я приказал перенести пациента в соседнюю комнату и провел все необходимые формальности.

Рикори сказал, что его зовут Томас Питерс, он одинок и является его лучшим другом. Вынув из кармана пачку денег, он отсчитал тысячу долларов на “предварительные расходы”. Я пригласил Рикори присутствовать при осмотре, и он согласился. Его телохранители стояли на страже у дверей госпиталя, мы прошли в комнату. Питер лежал на койке, покрытой простыней. Над ним стоял Брейл с недоумевающим выражением лица. Я с удовлетворением отметил, что к больному назначена сестра Уолтерс, одна из самых способных и знающих в госпитале.

— Явно какое-то отравление, — обратился ко мне Брейл.

— Может быть, — ответил я, — но такого яда я еще не встречал. Посмотрите его глаза.

Я закрыл веки Питерса. Но как только я отнял пальцы, они медленно раскрылись. Ужас в них не уменьшался. Я начал обследование. Тело было расслабленно, бессильно, как у куклы. Все нервы как будто вышли из строя, но паралича не было. Тело не реагировало ни на какие раздражения, и только зрачки слабо сужались при сильном свете. Когда Хоскинс, наш гематолог, взял анализ крови, я снова стал осматривать тело, но не мог найти ни единого укола, ранки, царапины, ссадины.

С разрешения Рикори я сбрил волосы с груди, ног, плеч, головы Питерса, но не нашел ничего, что указывало бы на инъекцию яда. Я сделал промывание желудка, проверил нос и горло — все было нормально. Тем не менее я взял с них срезы для анализа. Давление было низким, температура ниже нормальной, но это могло ничего не значить. Я ввел дозу морфия. Впечатление было не больше, чем от простой воды. Я ввел еще дозу морфия, никакого результата. Пульс и дыхание были прежние. Я сделал все, что мог, и откровенно сказал об этом Рикори, который с интересом наблюдал за происходящим.

— Я ничего больше не могу сделать, пока не узнаю результатов анализа. Откровенно говоря, я ничего не понимаю.

— Но доктор Брейл говорил о каком-то яде... — начал Рикори.

— Это только предположение, — торопливо прервал его Брейл, — как и доктор Лоуэл, я не знаю ни одного яда, который давал бы такой эффект.

Рикори посмотрел на лицо Питерса и вздрогнул.

— Теперь я должен задать вам несколько вопросов, — начал я. — Болел ли этот человек? Если да, то кто его лечил? Не жаловался ли он на что-нибудь? Не замечали ли вы за ним каких-нибудь странностей?

— Отвечаю “нет” на все ваши вопросы. Питерс был со мной всю прошлую неделю. Он был совершенно здоров. Сегодня вечером мы беседовали с ним в моей квартире за поздним, но довольно легким обедом. Посреди фразы он вдруг остановился, полуобернув голову, как бы прислушиваясь, затем соскользнул на пол. Когда я нагнулся над ним, он был такой, как сейчас. Это случилось в половине первого. В час мы были у вас.

— Хорошо. Это дает нам хотя бы точное время приступа. Вы можете идти, мистер Рикори, если не хотите оставаться с больным.

— Доктор Лоуэл, — сказал он, — если этот человек умрет и вы не узнаете, что с ним было, я плачу вам-обычный гонорар — и госпиталю тоже — не больше. Но если вы узнаете, хотя бы даже после его смерти, в чем дело, я заплачу вам 100 000 для благотворительных целей, какие вы назовете. Если же вы сделаете это до его смерти и вернете ему здоровье, я плачу эту сумму вам лично.

Я смотрел на него, не понимая. Затем смысл предложения дошел до меня, и с трудом сдерживая гнев и раздражение, я ответил:

— Рикори, мы живем с вами в разных мирах, поэтому я отвечаю вам очень вежливо, хотя мне и трудно сдерживаться. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему или выяснить,

что с ним. Я сделал бы это и если бы вы были бедняком. Я заинтересован в нем только как в проблеме, бросающей вызов мне как врачу. Но в вас и в ваших деньгах — нисколько. Считайте, что я положительно отказываюсь. Понятно?

Он промолчал.

— Так или иначе, — сказал он наконец, — я больше, чем когда-либо, хочу, чтобы вы лечили его.

— Очень хорошо. Где я могу найти вас, если вы мне понадобится?

— Видите ли, я с вашего позволения хотел бы иметь... представителей, что ли, в этой комнате, все время. Двух. Если вы захотите видеть меня — скажете им, и я скоро буду здесь.

Я улыбнулся, но он был серьезен.

— Вы напомнили мне, доктор, что мы живем в разных мирах. Вы принимаете свои меры, чтобы быть в безопасности в вашем мире, а я стараюсь уменьшить опасности в своем. И спасаюсь от них, как могу.

Все это выглядело противозаконно, но мне нравился Рикори. Он чувствовал это и настаивал.

— Мои люди не будут мешать. Они будут охранять вас и ваших помощников, если то, что я подозреваю, — правда. Но они будут в комнате днем и ночью. Если Питерса переведут, они будут сопровождать его.

— Хорошо, я устрою это, — сказал я.

Я послал санитаря, и он вернулся с одним из сторожей. Рикори пошептался с ним, и он вышел. Немного погодя, оба сторожа вернулись вместе. За это время я объяснил ситуацию дежурному врачу. Оба стража были хорошо одеты, вежливы, со сжатыми губами и холодными внимательными глазами. Один из них взглянул на Питерса.

— Иисусе! — пробормотал он.

Комната была угловой, с двумя окнами: одно — на бульвар, другое — на боковую улицу. Дверь вела в залу. Ванная была темная, без окон. Рикори и его телохранители детально осмотрели комнату. Рикори потушил свет, все трое подошли к окнам и внимательно осмотрели улицу напротив госпиталя, где располагалась церковь.

— Эту сторону наблюдать, — сказал Рикори и указал на церковь. — Можно включить свет.

Он подошел к двери, потом вернулся.

— У меня много врагов, доктор, а Питерс был моей правой рукой. Если один из этих врагов убил его, он сделал это, чтобы ослабить меня. Я смотрю на Питерса и впервые в жизни я, Рикори, боюсь. Я не хочу быть следующим, не хочу смотреть в ад!

Я недовольно заворчал.

Он снова подошел к двери и снова остановился.

— Есть еще одна вещь, доктор. Если кто-нибудь позвонит по телефону и спросит о здоровье Питерса, пусть подойдут мои люди. Если кто-нибудь придет и будет спрашивать, впустите его, но если их будет несколько, впустите только одного. Если кто-нибудь будет уверять, что он его родственник, пусть его расспросят мои люди.

Он сжал мою руку и вышел. На пороге его ждала другая пара телохранителей. Они пошли — один впереди, другой сзади него. Я заметил, что, выходя, Рикори энергично перекрестился.

Я закрыл двери и вернулся в комнату. Я посмотрел на Питерса и... если бы я был религиозен, я бы тоже перекрестился. Выражение лица Питерса переменялось. Ужас исчез. Он по-прежнему смотрел как бы сквозь меня и внутрь себя, но с выражением какого-то злого ожидания, такого злого, что я невольно оглянулся. В комнате никого не было. Один из парней Рикори сидел у окна в тени, наблюдая за парапетом церковной крыши, другой неподвижно сидел у дверей.

Брейл и сестра Уолтерс стояли по другую сторону кровати. Их глаза не могли оторваться от лица Питерса. Затем Брейл повернул голову и осмотрел комнату, как это сделал только что я.

Вдруг глаза Питерса стали сознательными, они увидели нас, увидели комнату. Они заблестели какой-то необычной радостью. Радостью не маниакальной, а дьявольской. Это был взгляд дьявола, надолго исключенного из любимого ада и возвращенного туда. Затем это выражение исчезло и вернулось прежнее — ужаса и страха. Я невольно с облегчением вздохнул, как будто из комнаты исчез кто-то злобный. Сестра дрожала. Брейл спросил напряженно:

— Как насчет еще одной инъекции?

— Нет, — ответил я. — Понаблюдайте за ним без наркотиков. Я пойду в лабораторию.

В лаборатории Хоскинс продолжал возиться с пробирками.

— Ничего не нашел. Прекрасное здоровье. Правда, я не все еще закончил.

Я кивнул, предчувствуя, что и остальные анализы ничего не дадут. И я потрясен случившимся больше, чем мне хотелось бы сознаться. Меня давило ощущение какого-то кошмара. Чтобы успокоиться, я взял микроскоп и стал рассматривать мазки крови Питерса, не ожидая, впрочем, ничего интересного. Но на четвертом мазке я наткнулся на что-то необычайное. При повороте стекла появился белый шарик. Простой белый шарик,

но внутри него наблюдалась фосфоресценция, он сиял, как маленький фонарик! Сначала я подумал, что это действие света, но свечение не исчезало. Я позвонил Хоскинсу, он внимательно посмотрел в микроскоп, вздрогнул и pokrutil винтами.

— Что вы видите, Хоскинс?

— Лейкоцит, внутри которого фосфоресцирует какой-то шарик, — ответил он. — Его свет с изменением освещения не меняется. В остальном — обычный лейкоцит.

— Но это невозможно, — сказал я.

— Конечно, — согласился он. — Однако он тут.

Я отделил лейкоцит и дотронулся до него иглой. И тут он как бы взорвался. Шарик фосфоресценции уплотнился, и что-то вроде миниатюрного язычка пламени пробежало по препарату. И все: фосфоресценция исчезла. Мы начали изучать препарат за препаратом. Еще дважды мы нашли маленькие сияющие шарики, и каждый раз результат прикосновения был тот же. Завонил телефон. Хоскинс ответил.

— Это Брейл. Он просит вас побыстрее наверх.

Я поспешил наверх. Войдя, я увидел сестру с лицом бледнее мела и с закрытыми глазами. Брейл наклонился над пациентом со стетоскопом. Я взглянул на Питерса и снова почувствовал ужас. На его лице опять было выражение дьявольской радости, но оно держалось не дольше нескольких минут.

Брейл сказал мне сквозь сжатые зубы:

— Сердце остановилось три минуты назад! Он должен быть мертвым, но послушайте...

Тело Питерса выпрямилось. Низкий нечеловеческий звук смеха сорвался с его губ. Человек у окна вскочил, стул его с шумом упал. Смех замер, тело Питерса лежало неподвижно. Открылась дверь, и вошел Рикори.

— Как он, доктор? Я не могу спать...

Он увидел лицо Питерса.

— Матерь божия, — прошептал он, опускаясь на колени.

Я все видел, как в тумане, — я не мог отвести глаз от лица Питерса. Это было лицо демона с картины средневекового художника. Это было лицо смеющегося, радующегося негодяя — все человеческое исчезло. Голубые глаза злобно глядели на Рикори. Мертвые руки шевельнулись, локти медленно отделились от туловища, пальцы сжимались. Вдруг мертвое тело начало извиваться под покрывалом. Этот кошмар привел меня в чувство. Это было затвердевание тела после смерти, но проходящее необыкновенно быстро. Я подошел и накрыл покрывалом его ужасное лицо. Рикори стоял по-прежнему на коленях, крестясь и молясь. А позади него тоже на коленях стояла сестра Уолтерс, бормоча молитву. Часы пробили пять.

Глава 2

ВОПРОСНИК

Я предложил Рикори поехать вместе домой, и, к моему удивлению, он согласился. Он, видимо, был потрясен. Мы ехали молча, в сопровождении его телохранителей. Я дал Рикори сильное снотворное и оставил его спящим под охраной двух стражей. Я сказал им, чтобы его не беспокоили, а сам поехал на вскрытие тела.

Вернувшись, я обнаружил, что тело Питерса отнесли в морг. Затвердевание тела окончилось, по словам Брейла, быстро, менее, чем в час. Я сделал необходимые для вскрытия приготовления и, забрав с собой Брейла, поехал домой поспать несколько часов. На душе было как-то беспокойно, и я был рад обществу Брейла так же, как он, кажется, моему.

Когда я проснулся, кошмарная подавленность все еще оставалась, хотя и ослабела. Около двух мы приступили к вскрытию. Я снял простыню с тела Питерса с явным волнением. Но лицо его изменилось. Дьявольское выражение исчезло. Лицо было серьезное, простое, лицо человека, умершего спокойно, без агонии тела или мозга. Я поднял руку, она была мягка — значит, все тело еще не отвердело!

Вот тогда-то я понял, что имею дело с каким-то абсолютно новым агентом смерти. Как правило, затвердевание тела продолжается от 16 до 24 часов, в зависимости от состояния пациента перед смертью, температуры и дюжины других факторов. Диабетики затвердевают быстрее, но вообще оно может длиться до 72 часов. Быстрое повреждение мозга, как выстрел в голову, ведет к убыстрению процесса. Но в данном случае затвердевание началось одновременно со смертью и быстро закончилось, однако дежурный врач доложил, что он осматривал тело через 5 часов и отвердевание еще не закончилось. Следовательно, оно появилось и исчезло!

Результат вскрытия можно изложить двумя словами. Не было никаких причин смерти. И все же он был мертв!

Позже, когда Хоскинс делал свой доклад, ничего не изменилось. Не было причин для смерти, но он умер. Если таинственный свет, который мы видели под микроскопом, и имел отношение к его смерти, то он не оставил никаких следов! Все его органы были абсолютно здоровы, все в полном порядке, он был на редкость здоровым парнем. После моего ухода из лаборатории Хоскинс не мог больше найти ни одного светящегося шарика.

Вечером я написал короткую записку, в которой перечислил симптомы, наблюдавшиеся у Питерса, не останавливаясь на смене выражения его лица, но осторожно ссылаясь на “необычайные гримасы” и “выражение интенсивного ужаса”. Мы с Брейлом размножили записку и разослали по почте во все госпитали и клиники Нью-Йорка. Такие же письма мы отправили многим частным врачам.

В записке мы также просили врачей, наблюдавших подобное, прислать подробное описание, имена, адреса, род занятий этих людей и другие детали, конечно, в запечатанном виде и с полной гарантией секретности. Я льстил себе надеждой, что моя репутация не позволит врачам, получившим мой вопросник, заподозрить в нем простое любопытство или незтичность.

Я получил в ответ семь писем и персональный визит одного из авторов. Каждое из этих писем, за исключением одного, с разной степенью врачебного консерватизма давало ответ на мой вопрос. Прочитав их, я убедился, что на протяжении шести месяцев 7 человек, самых разных по возрасту и положению в жизни, умерли так же, как Питерс. Хронологически они располагались так:

Май, 25. Руфь Вейли, девица, 50 лет, здоровье среднее, работала в специальной регистратуре, хорошая характеристика, добра, любит детей.

Июнь, 20. Патрик Мак-Иррек, каменщик, жена и двое детей.

Август, 1. Анита Грин, девочка 11 лет, родители небогатые люди с хорошим образованием.

Август, 15. Стив Стендит, акробат, 30 лет, жена и трое детей.

Август, 30. Джон Маршалл, банкир, 60 лет, любит детей.

Сентябрь, 10. Финеас Диматт, 35 лет, акробат на трапециях, ребенок.

Октябрь, 12. Гортензия Дарили, около 30 лет, никакого занятия.

Адреса, за исключением двух, разбросаны по всему городу.

Каждое письмо сообщало о быстром наступлении затвердевания тела и быстром его окончании. От первого проявления болезни до смерти во всех случаях проходило пять часов. В 5 случаях отмечались странные выражения лица, которые так обеспокоили меня; в той осторожной форме, в которой они описывались, я чувствовал страх и удивление писавших.

“Глаза пациентки оставались открытыми, — писал врач, наблюдавший девицу Вейли. — Она глядела, но не узнавала окружающих и не видела предметов вокруг себя. Выражение

дикого ужаса на лице перед смертью весьма сильно действовало на обслуживающий персонал. Это выражение стало еще интенсивнее после смерти. Затвердевание тела наступило и закончилось в течение трех часов”.

Врач, наблюдавший каменщика, ничего не мог сообщить о явлениях после смерти, но много писал о выражении лица пациента. “Это ничего общего не имело, — писал он, — ни со сжатием мускулов, которое называется ”гиппократовым выражением“, ни с широко раскрытыми глазами и искривленным ртом, обычно известным под названием ”улыбка смерти“. Не было также никаких признаков агонии после смерти — как раз наоборот. Я бы назвал это выражение ”необыкновенного озлобления”.

Отчет врача, наблюдавшего Стендита, акробата, был необычайно точен. Он упоминал, что “после смерти пациента странные, очень неприятные звуки издавались его горлом”.

Это, видно, были такие же дьявольские вещи, которые мы наблюдали у Питерса, и если так, то не было ничего удивительного в том, что мое письмо вызвало самые детальные ответы.

Я знал врача, наблюдавшего банкира, — самоуверенного, важного, великолепного доктора для очень богатых.

“Причина смерти для меня не является тайной, это наверняка тромб в области мозга. Я не придаю значения гримасам и быстрому затвердеванию тела. Вы знаете, дорогой Лоуэл, что ничего нельзя обосновать на длительности этого процесса”.

Мне хотелось ответить ему, что тромб является просто удобным диагнозом для прикрытия невежества врача, но это ни к чему бы не привело.

Отчет о Диматте был простым перечислением фактов.

А вот доктор, наблюдавший маленькую Аниту, не был так сдержан. Вот что он писал: “Дитя было прелестно. Казалось, она не испытывала страданий, но в глазах ее застыл ужас. Это было так, словно она находилась в каком-то кошмаре, так как, несомненно, до самой смерти она была в сознании. Большая доза морфия не оказала никакого действия. После ужас исчез и появилось другое выражение, которое мне не хочется описывать, но о котором я могу вам рассказать, если вы желаете. Вид ребенка после смерти был потрясающим, но опять-таки я хотел бы лучше рассказать вам об этом, вместо того чтобы писать”.

Внизу была торопливо сделана приписка. Я представил себе, как он сначала раздумывал, затем решил поделиться тем, что его угнетало, быстро приписал несколько фраз и поспешил отправить, пока не передумал. “Я написал, что ребенок был

в сознании до самой смерти. То, что меня мучает, — это уверенность, что она была в сознании после физической смерти!

Разрешите мне поговорить с вами!”

Я с удовлетворением кивнул. Я не смел спросить об этом в моем вопроснике. И если это было верно и в других случаях, значит, все доктора, кроме наблюдавшего за Стендитом, оказались так же консервативны (или трусливы), как я.

Врачу маленькой Аниты я позвонил тотчас же. Он был взволнован и повторял снова и снова: “Девочка была мила и кротка, как ангел, и вдруг превратилась в дьявола!”

Я пообещал сообщить ему обо всех открытиях, которые мне удалось сделать, а вскоре после разговора с ним принял у себя доктора, наблюдавшего Гортензию Дарили.

Доктор У., как я его буду называть, не мог ничего нового добавить к своему отчету, но после разговора с ним мне стала яснее практическая линия разрешения проблемы.

Его приемная, сказал он, находится в том же доме, где жила Гортензия Дарили. Он задержался на работе и был вызван к ней на квартиру в 10 часов вечера ее горничной-мулаткой. Он нашел пациентку лежащей на кровати и сразу же был потрясен выражением ужаса на ее лице и необыкновенной гибкостью тела.

Он описал ее как голубоглазую блондинку “кукольного вида”. В квартире находился мужчина. Сначала он не хотел себя называть, заявил, что он просто знакомый пациентки.

Доктор У. подумал, что женщина могла подвергнуться побоям, но при осмотре он не нашел ни синяков, ни ушибов. “Знакомый” рассказал ему, что мисс Дарили сползла со стула, когда они обедали, как будто все ее кости размягчились, и больше от него ничего нельзя было добиться.

Горничная подтвердила это. На столе еще стоял несъеденный обед, и оба — и мужчина и женщина — утверждали, что Гортензия была в прекрасном настроении и никакой ссоры не было. “Знакомый” сказал, что приступ начался три часа назад, они пытались привести ее в чувство сами, но смена выражений ее лица заставила позвать доктора. С горничной при этом началась истерика. И она убежала, но мужчина был более смелым и оставался до конца. Он был потрясен так же, как и доктор У., тем, что наблюдал после ее смерти.

После того, как врач заявил, что этот случай для прокурора, он перестал упрямиться и сказал, что его имя Джеймс Мартин, и попросил врача произвести вскрытие и полное исследование трупа. Он был откровенен: он жил с мисс Дарили и у него было “достаточно неприятностей, чтобы ее смерть пришлили мне”. Обследование тела показало, что мисс Дарили была абсолютно здорова, если не считать небольшого заболевания сердечного

клапана. Записали, что смерть произошла от инфаркта, но доктор У. прекрасно знал, что сердце тут ни при чем.

Меня в этом случае поразило другое: она жила рядом с Питерсом (адрес его мне дал Рикори). Более того, по наблюдениям доктора У., Мартин был из того же мира. Здесь была какая-то связь между двумя случаями, отсутствовавшая у всех остальных.

Я решил поделиться своими соображениями с Рикори. За те две недели, что я занимался делом, я ближе познакомился с ним, и он мне страшно нравился, несмотря на его репутацию. Он был поразительно начитан, умен, хотя и аморален и суеверен. В давние времена он был бы отличным кондотьером — ум и шпага для найма. Кто его родители, я не знал. Он посетил меня несколько раз после смерти Питерса и явно разделял мою симпатию к нему. Его всегда сопровождали те два молчаливых стража, которые дежурили в госпитале. Одного из них звали Мак-Кенн, он был наиболее приближенным к Рикори человеком, безраздельно ему преданным. Это тоже был интересный тип и тоже симпатизирующий мне. Он был южанином, как он рассказал, “коровьей нянкой с Аризоны”, ну а затем “стал слишком популярен на границе”.

— Я за вас, док, — говорил он мне, — вы добры к хозяину. И когда я прихожу сюда, я могу вынуть руку из кармана. Если кто-нибудь нападет на вас, скотина, зовите меня. Я попрошу отпуск на денек.

И затем он добавлял просто, что он может “всадить шесть пуль подряд в одну точку на расстоянии 100 футов”.

Я не знаю, в шутку он говорил это или серьезно. Во всяком случае, Рикори никуда не выходил без него, а то, что он оставил его охранять Питерса, показывало, как он ценил погибшего друга.

Я позвонил Рикори и пригласил его пообедать с Брейлом и со мной у меня вечером. В семь он приехал и приказал вернуться шоферу за ним к десяти. Мы сели за стол, а Мак-Кенн остался на страже в гостиной, приводя в волнение двух ночных сиделок, — у меня был маленький частный госпиталь рядом с квартирой.

После обеда я перешел к делу. Я рассказал Рикори о вопросе и о семи аналогичных нашему случаям.

— Вы можете выкинуть из головы все подозрения о том, что смерть Питерса как-то связана с вами, Рикори, — сказал я. — За одним возможным исключением, ни одна из семи не принадлежит к тому, что вы называете вашим миром. Если этот единственный случай и затрагивает сферу вашей деятельности, он не меняет моей абсолютной уверенности в том, что

вы никакого отношения ко всему этому не имеете. Знали ли вы или слышали о женщине по имени Гортензия Дарили?

Он покачал головой.

— Она жила напротив Питерса.

— Но Питерс не жил по этому адресу, — сказал Рикори, улыбаясь несколько смущенно. — Видите ли, я не знал тогда вас так хорошо, как теперь.

Я немного растерялся.

— Ну, хорошо, — продолжал я, — а вы не знали некоего Мартина?

— Как вам сказать, я знаю нескольких Мартинов. А как его имя?

— Джеймс.

Он покачал головой.

— Может быть, Мак-Кенн помнит его, — сказал он наконец.

Я послал лакея за Мак-Кенном.

— Мак-Кенн, ты знаешь женщину по имени Гортензия Дарили? — спросил Рикори, когда тот пришел.

— Конечно, — ответил Мак-Кенн, — беленькая куколка. Она живет с Мартином. Он взял ее из театра Бенити.

— А Питерс знал ее? — спросил я.

— Да, конечно, она была знакома с Молли, вы ее знаете, босс, — маленькая сестра Питерса.

Я внимательно взглянул на Рикори, вспоминая о том, что он говорил мне об отсутствии родственников у Питерса. Он ничуть не смутился.

— А где сейчас Мартин? — спросил он.

— Уехал в Канаду, как я слышал. Хотите, чтобы я разыскал его, босс?

— Я скажу тебе об этом позже, — сказал Рикори, и Мак-Кенн вернулся в гостиную.

— Мартин ваш друг или враг?

— Ни то, ни другое.

Я помолчал, обдумывая то, что услышал. Связь между случаями Питерса и Дарили исчезла, но появилось другое. Гортензия умерла двенадцатого октября, Питерс — десятого ноября. Когда Питерс виделся с ней?

Если таинственная болезнь была заразной, никто, конечно, не мог сказать, сколько длится инкубационный период. Мог ли Питерс заразиться от нее?

— Рикори, — сказал я, — дважды сегодня вечером я узнал, что вы сказали мне неправду о Питерсе. Я забуду об этом, так как думаю, что это больше не повторится. Я хочу верить вам, даже если мне придется выдать вам мою профессиональную тайну. Прочтите эти письма.

Я передал ему ответы на мой вопросник. Он молча прочел все, потом я рассказал ему то, что передал мне доктор У., рассказал ему все, вплоть до светящихся шариков в крови Питерса.

Он побледнел и перекрестился.

— Sanctus! — пробормотал он. — Ведьма! Это ее огонь!

— Чепуха, друг! Забудьте о своих проклятых суевериях. Они не помогут.

— Вы, ученые, ничего не знаете. Есть некоторые вещи, доктор... — начал он горячо и замолчал. — Что вы хотите от меня, доктор? — спросил он наконец.

— Во-первых, — сказал я, — давайте проанализируем эти восемь случаев. Брейл, у вас есть какие-нибудь соображения?

— Да, — ответил Брейл, — я считаю, что все восемь были убиты.

Г л а в а 3

СМЕРТЬ СЕСТРЫ УОЛТЕРС

Брейл высказал то, что все время находилось у меня в подсознании, хотя и не имело никаких доказательств, и это привело меня в раздражение.

— Ого! Я вижу, лавры Шерлока Холмса не дают вам покоя, — сказал я иронически.

Брейл покраснел, но упрямо повторил:

— Они убиты...

— Sanctus! — снова прошептал Рикори.

Я повернулся к нему, но он больше ничего не сказал.

— Бросьте биться головой об стену, Брейл. Какие у вас доказательства?

— Вы уходили от Питерса почти на два часа, а я был с ним от начала до конца. Пока я изучал его, у меня все время было ощущение, что причина его гибели в уме, а не в теле, нервах, мозгу, которые не отказывались функционировать. Отказала воля. Конечно, не совсем так. Я хочу сказать, что его воля перестала управлять функциями организма, а как бы сконцентрировалась, чтобы убить его.

— Но то, что вы сейчас говорите, — самоубийство, а не убийство. Так или иначе, он погиб. Мне приходилось наблюдать, как люди умирали только потому, что потеряли волю жить.

— Я подразумеваю другое, — перебил он меня. — То было пассивно. Это было активно.

— Боже мой, Брейл! — я был шокирован. — Значит, все восемь отправились к праотцам потому, что они этого активно захотели... И среди них одиннадцатилетний ребенок!

— Sanctus! — снова прошептал Рикори.

Я сдержал раздражение, так как уважал Брейла. Он был слишком умный, хороший, здравомыслящий человек, чтобы можно было легко отмахнуться от него.

— Как же, по-вашему, были совершены эти убийства? — по возможности вежливо спросил я.

— Не знаю, — просто ответил Брейл.

— Ну что ж, рассмотрим вашу теорию. Рикори, по этой части у вас опыта больше, чем у нас, поэтому слушайте внимательно и забудьте о вашей ведьме, — я говорил довольно грубо. — В каждом убийстве есть три фактора: метод, возможность, мотив.

Рассмотрим по порядку. Метод. Имеется три пути, которыми можно отравить человека: через нос, рот и кожу. Отец Гамлета, например, был отравлен через ухо, хотя я всегда в этом сомневался. Я думаю, что в нашем случае этот способ можно откинуть. Остаются только первые три. Были ли какие-нибудь признаки того, что Питерс был отравлен через кожу, нос или рот? Наблюдали ли вы, Брейл, какие-нибудь следы на коже, дыхательных путях, в горле, на слизистой оболочке, в желудке, крови, нервах, мозгу — хоть что-нибудь?

— Вы знаете, что нет, — ответил Брейл.

— Знаю. Таким образом, кроме проблематичного шарика в крови нет никакого признака метода. Давайте рассмотрим второй фактор — возможность. У нас имеются: сомнительная дама, бандит, уважаемая пожилая женщина, каменщик, одиннадцатилетняя школьница, банкир, акробат, гимнаст. Самая разношерстная компания. Никто из них, кроме трех, не имеет ничего общего. Кто мог войти в одинаково тесный контакт с бандитом Питерсом и девицей из Социальной регистратуры Руфью Вейли? Как мог человек, связанный с банкиром Маршаллом, иметь связь с акробатом? И так далее. Надеюсь, трудность положения вам ясна? Если все это убийства, нужно наличие отношений между всеми этими людьми. Вы с этим согласны?

— Частично.

— Хорошо, продолжаю. Если бы они все были соседями, мы могли бы предположить, что они находились в сфере деятельности гипотетического убийцы. Но они...

— Простите меня, доктор, — перебил Рикори. — Но представьте себе, что у них мог быть какой-то общий интерес, который ввел их в эту сферу?

— Какой же общий интерес может быть у столь разных людей?

— Он ясно указан в этих письмах и в рассказе Мак-Кенна.

— О чем вы говорите, Рикори?

— Дети, — ответил он.

Брейл кивнул.

— Я тоже заметил это.

— Посмотрите письма, — продолжал Рикори, — мисс Вейли описана как дама добрая и любящая детей. Ее доброта как раз и выливалась в то, что она помогала им. Маршалл, банкир, тоже интересовался детскими приютами. Каменщик, гимнаст и акробат имели своих детей. Анита сама ребенок. Питерс и Дарили, по словам Мак-Кенна, сходили с ума по ребенку.

— Но если это убийства, то все они сделаны одной и той же рукой. Не может быть, чтобы все восемь интересовались одним ребенком?

— Правильно, — заметил Брейл. — Все они могли интересоваться какой-нибудь особой вещью, которая нужна ребенку для развлечения или еще чего-нибудь и которую можно достать в одном месте. А исследовав это место...

— Над этим стоит подумать, — сказал я. — Но мне кажется, здесь дело проще. Дома, в которых жили эти люди, мог посещать один какой-то человек, например, радиомеханик, страховой агент, сборщик податей...

Брейл пожал плечами. Рикори не ответил. Он глубоко задумался и, кажется, даже не слышал моих слов.

— Послушайте, Рикори, — сказал я. — Мы зашли слишком далеко. Метод убийства — если это убийство — неизвестен. Возможность убийства надо определить, найдя особу, профессия которой представляла интерес для всех восьми и которая посещала их или они посещали ее, например, особа, имеющая отношение к детям. Теперь о мотивах. Месть, выгода, любовь, ревность, самозащита? Ни один не может быть избран, так как мы снова упрямся в социальные мотивы — положение людей в обществе и т. д.

— А что, если это будет удовлетворение, которое чувствует субъект, удовлетворяя страсть к убийству, к смерти, это не может быть мотивом? — спросил как-то странно Брейл.

Рикори приподнялся, внимательно и удивленно посмотрел на него и снова опустился в кресло. Чувствовалось, что он теперь живо заинтересован.

— Я как раз и хотел рассмотреть возможность появления такого убийцы, — сказал я сердито.

— Это совсем не то, — уверенно произнес Брейл. — Помните у Лонгфелло: “Я пускаю стрелу на воздух, она падает на землю, не знаю куда”. Я никогда не соглашался с тем, что автор подразумевал в этих строках отправку корабля в неизвестные порты и его возвращение с грузом слоновой кости, павлинами, обезьянами и драгоценными камнями. Есть люди, которые не могут

стоять у окна над шумной улицей или на вершине небоскреба, чтобы не чувствовать в глубине души желание бросить вниз что-нибудь тяжелое. Они чувствуют приметное волнение, стараясь угадать, кто был бы убит. Это чувство силы. Как будто он становится Богом и может наслать чуму на людей. В душе ему хотелось выпустить стрелу и представить в своем воображении, попала ли она кому-нибудь в глаз, в сердце или убила бродячую собаку.

Теперь продолжим начатое рассуждение. Дайте одному из таких людей силу и возможность выпустить в мир смерть, причину которой невозможно обнаружить. Он в безопасности — бог смерти. Не имея никакой особой ненависти к кому-либо персонально, он просто выпускает свои стрелы в воздух, как стрелок Лонгфелло, ради удовольствия.

— И вы не назовете такого человека убийцей-маньяком? — спросил я сухо.

— Не обязательно. Просто лишенным обычных взглядов на убийство. Может быть, он не знает, что поступает плохо. Каждый из нас приходит в мир со смертным приговором, причем метод его выполнения и время неизвестны. Ну, убийца может рассматривать себя самого таким же естественным фактором, как сама смерть. Ни один человек не верит в то, что он и все на земле управляется мудрым и всесильным Богом, не считает его убийцей-маньяком. А он напускает на человечество войны, чуму, голод, потоны, болезни, землетрясения — на верующих и неверующих одинаково.

Если вы верите в то, что все находится в руках того, кого неопределенно называют судьбой, назовете вы судьбу маньяком-убийцей?

— Ваш гипотетический стрелок, — сказал я, — выпустил исключительно неприятную стрелу, Брейл. Дискуссия наша приняла слишком метафизический характер для такого простого научного работника, как я. Рикори, я не могу доложить все это полиции. Они вежливо выслушают и от всей души посмеются после моего ухода. Если я расскажу все, что было, медицинским авторитетам, они сочтут меня ненормальным. И мне не хотелось бы привлекать к делу частных сыщиков.

— Что вы хотите от меня? — спросил Рикори.

— Вы обладаете необыкновенными связями, Рикори. Я хочу, чтобы вы восстановили все передвижения Питерса и Гортензии Дарили за последние два месяца. Я хочу, чтобы вы, по возможности, проверили и других. Я хочу, чтобы вы нашли то место, в котором скрестились пути этих бедняг. И хотя ум говорит мне, что вы с Брейлом несете чушь, чувства говорят, что вы в чем-то правы.

— Вы прогрессируете, доктор, — вежливо сказал Рикори. — Я предсказываю, что скоро вы признаете существование моей ведьмы.

— Я до такой степени выбит из колен, что могу признать даже это.

Рикори рассмеялся и занялся выпиской сведений из писем.

Прошло десять. Появился Мак-Кенн и сказал, что машина подана. Мы проводили Рикори, и тут мне в голову пришла одна идея.

— С чего вы хотите начать, Рикори?

— Я съезжу к сестре Питерса.

— Она знает, что он умер?

— Нет, — ответил он неохотно. — Она думает, что он уехал. Он часто подолгу отсутствовал и при этом ничего не сообщал ей о себе. Связь с ней обычно держал я. Я не сказал ей о его смерти, потому что она очень любила его. Известие причинит ей огромное горе, а... через месяц у нее будет ребенок.

— А про Гортензию она знает?

— Не знаю. Наверное.

— Ну хорошо, — сказал я, — не знаю, удастся ли теперь скрыть от нее его смерть, но это ваше дело.

— Точно, — ответил он и пошел к машине.

Мы с Брейлом не успели войти в мою библиотеку, как раздался звонок телефона. Брейл ответил. Я услышал, как он выругался. Рука его, державшая трубку, задрожала. Лицо искалось.

— Сестра Уолтерс, — сказал он, — заразилась от Питерса.

Я вздрогнул. Уолтерс была наша лучшая сестра и кроме того, чудная и красивая девушка. Чистый галльский тип — синевато-черные волосы, голубые глаза с удивительно длинными ресницами, молочно-белая кожа. Да, это была удивительно привлекательная девушка.

Минуту промолчав, я сказал:

— Ну вот, Брейл. Все ваши догадки летят к черту. И ваша теория убийств. От Дарили к Питерсу, затем к Уолтерс. Нет сомнения, что это инфекционная болезнь.

— Разве? — сказал он угрюмо. — Я что-то не очень готов согласиться с этим. Случайно я знаю, что Уолтерс большую часть денег тратит на маленькую больную племянницу, которая живет вместе с ней, девочке восемь лет. Мысль Рикори подходит и к этому случаю.

— Тем не менее, — мрачно сказал я, — я приму все меры против заражения.

Разговаривая, мы одевались; мы сели в мою машину. Госпиталь был в двух шагах, но нам не хотелось терять ни минуты.

Осматривая Уолтерс, я обнаружил ту же пластичность тела, что и у Питерса. Но ужаса на лице не было, хотя страх был, страх и отвращение. Но никакой паники. Опять у меня было впечатление, что она смотрит и вовнутрь и наружу. Когда я осматривал ее, я ясно видел, что на несколько мгновений она узнала меня и глаза приняли умоляющее выражение. Я посмотрел на Брейла, он кивнул. Он тоже заметил это. Дюйм за дюймом я осмотрел ее тело. Оно было совершенно чисто, за исключением розовой полоски на правой ноге. Это был какой-то легкий ожог, совершенно заживший, а в остальном все было, как у Питерса.

Она потеряла сознание, когда собралась уходить домой. Мои вопросы ее подругам были прерваны восклицанием Брейла. Я повернулся к постели и увидел, что рука Уолтерс слегка приподнята и дрожит, как если бы действие стоило ей огромного напряжения воли. Палец указывал на розовую полоску. На эту же полоску указывали ее глаза. Напряжение было слишком велико, рука упала, глаза снова наполнились страхом. Но нам было ясно, что она хотела что-то сообщить нам, что-то, связанное с зажившим ожогом на ноге.

Я стал спрашивать сестер, но никто об этом ничего не слышал. Сестра Роббинс, однако, сообщила, что у Уолтерс была маленькая племянница по имени Диана. Я попросил Роббинс, собравшуюся уходить, сразу же зайти ко мне, как только она вернется.

Хоскинс взял кровь на анализ. Я попросил его быть внимательным и сообщить мне сейчас же, если он найдет светящиеся corpusculi. Случайно в госпитале был Бартане, прекрасный эксперт по тропическим болезням, и Соммерс, специалист по мозговым заболеваниям, пользовавшийся моим большим доверием. Я привлек их к наблюдениям, ничего не говоря о предыдущих случаях.

Они вернулись очень взволнованные. Хоскинс, говорили они, выделил светящийся лейкоцит. Они посмотрели в микроскоп, но ничего не увидели. Соммерс серьезно посоветовал мне проверить зрение у Хоскинса. Бартане сказал ехидно, что он удивился бы меньше, увидев миниатюрную русалку, плавающую в артерии. По этим замечаниям я еще раз понял, как умно я сделал, что молчал. Ожидаемая смена выражения лица не появилась. Продолжало держаться выражение страха и отвращения. Бартане и Соммерс оба заявили, что выражение “необычно”, и оба согласились с тем, что состояние больной вызвано каким-то повреждением мозга. Они не нашли никаких признаков инфекции, яда или наркотиков. Согласившись с тем, что случай очень интересный, и попросив меня сообщить о дальнейшем течении болезни, оба ушли.

В начале четвертого появились признаки в выражении лица, но не те, которые мы с таким страхом ждали. На лице появилось только отвращение. Один раз мне показалось, что по лицу пробежало и моментально исчезло дьявольское злобное выражение. В половине четвертого глаза ее снова увидели нас. Сердце стало работать медленнее, но я чувствовал какую-то концентрацию нервных сил.

А затем ресницы начали подниматься и падать медленно-медленно, как будто огромными усилиями, причем равномерно, похоже, целеустремленно. Четыре раза они поднимались и опускались, затем пауза, затем они закрылись и снова открылись. Она повторила это дважды.

— Она пытается что-то просигнализировать, — прошептал Брейл, — но что?

Снова длинные ресницы опустились и поднялись. Четыре раза... пауза... девять раз... пауза... один раз...

— Она умирает, — шепнул Брейл.

Я опустился на колени рядом с ней, ожидая последней ужасной спазмы. Но ее не было. На лице держалось выражение отвращения... Никакой дьявольской радости. Никаких звуков. Под моей рукой быстро затвердела ее рука. Неизвестная смерть погубила сестру Уолтерс. Но каким-то подсознательным чутьем я чувствовал, что она не победила ее.

Тело ее — да, но не ее волю.

Г л а в а 4

СЛУЧАЙ В МАШИНЕ РИКОРИ

Я вернулся домой вместе с Брейлом, глубоко потрясенный. Все время я чувствовал себя так, как будто находился в тени чего-то неизвестного, неизведанного, нервы мои были напряжены, как будто кто-то следил за мной, невидимый, находящийся вне нашей жизни. Подсознание мое словно билось в дверь сознания, призывая быть настороже каждую секунду. Странные фразы для медика? Пусть. Брейл был жалок и совершенно измучен. Я задумался о том, испытывал ли он только профессиональный интерес к умершей девушке. Если между ними что-то было, он не сказал бы мне об этом.

Мы приехали ко мне домой около четырех утра. Я настоял, чтобы Брейл ~~остался~~ со мной. Потом позвонил в госпиталь. Сестра Роббинс еще не появлялась, и я заснул на несколько часов беспокойным нервным сном. Около девяти позвонила Роббинс. Она была в истерике от неожиданного горя.

Я попросил ее прийти, и когда она явилась, мы с Брейлом задали ей ряд вопросов.

Вот ее рассказ. "Около трех недель назад Харриет принесла домой для Дианы прелестную куклу (я живу вместе с ними). Я спросила ее, где она ее достала, и она ответила, что в маленькой странной лавочке на окраине города. Ребенок был в восторге. "Джоб, — сказал Харриет (меня зовут Джобина), — там сидит странная женщина. Я, кажется, боюсь ее, Джоб". Я не обратила на нее внимания. Харриет вообще была не очень разговорчива. Мне кажется, что она пожалела сразу же, что сказала это.

И когда я сейчас все это вспоминаю, мне кажется, что она себя как-то странно после этого вела. То она была весела, то... ну, как сказать... задумчива, что ли...

Около десяти дней назад она вернулась домой с завязанной ногой. Правой? Да. Она сказала, что пила чай с этой странной женщиной и случайно опрокинулся чайник. Горячий чай пролился на ногу. Женщина смазала ногу какой-то мазью, и теперь она нисколько не болит. "Но я думаю, что нужно смазать ногу чем-нибудь своим", — сказала мне Харриет. Затем она спустила чулок и начала развязывать бинт. "Странно, — сказала она, — смотри, Джоб, здесь был ужасный ожог и уже зажил. А ведь не прошло и часа, как она смазала мне его мазью".

Я посмотрела на ее ногу. На ней была большая красная полоска, но совершенно зажившая. Я сказала, что, по-видимому, чай был не очень горячий. "Но ведь это был ожог, Джоб, — сказала она, — я хочу сказать, сплошной пузырь". Я осмотрела повязку. Мазь была голубоватая и как-то странно блестела, словно сияла. Я никогда не видела ничего подобного. Запаха не было. Свет мази странно мерцал, то есть не горел, а померцал некоторое время и исчез. Харриет побледнела. Потом снова взглядела на свою ногу. "Джоб, — сказала она, — я никогда не видела, чтобы что-нибудь заживало так быстро, как моя нога. Она, должно быть, ведьма". "Господи, о чем ты говоришь, Харриет?" — спросила я. "О, ничего. Только мне хотелось бы разрезать это место на ноге и втереть что-нибудь противодействующее этой мази".

Затем она засмеялась, и я решила, что это шутка. Но она смазала место ожога йодом и завязала чистым бинтом. На утро она разбудила меня и сказала: "Посмотри теперь. Вчера на ногу был вылит чайник кипятка, а сегодня кожа уже загрубела, хотя должна быть очень нежной. Джоб, я хотела бы, чтобы ожог существовал".

Вот и все, доктор. Больше она ничего не говорила. Казалось, она все позабыла. Я как-то спросила у нее, где находится эта

маленькая лавочка и кто была эта женщина, но она не сказала, не знаю почему. Но после этого она никогда уже не была веселой и беспечной. Никогда. О, почему она должна была умереть? Почему?

Брейл спросил:

— Послушайте, Роббинс, а номер 491 вам что-нибудь говорит? О каком-нибудь адресе, например?

Она покачала головой.

Я рассказал ей о движении ресниц Харриет.

— Она явно хотела передать нам что-то этими цифрами. Подумайте что.

Вдруг она выпрямилась, стала что-то считать на пальцах, потом кивнула.

— А не могла ли она передать слово? Может, это буквы "Д", "И" и "А". Это первые три буквы имени "Диана".

— Да, конечно, это довольно просто. Она могла попытаться попросить нас позаботиться о ребенке.

Я взглянул на Брейла. Он отрицательно покачал головой.

— Она знала и так, что я это сделаю. Нет, это что-то другое.

Вскоре после ухода Роббинс позвонил Рикори. Я сказал ему о смерти Уолтерс. Он был искренне расстроен. Затем мы занялись грустным делом — вскрытием тела. Результаты были те же — ничего такого, от чего девушка могла бы умереть. Около четырех часов следующего дня Рикори снова позвонил по телефону.

— Будете дома между шестью и девятью, доктор?

В его голосе слышалось сдерживаемое волнение.

— Конечно, если это нужно, — ответил я, — вы нашли что-нибудь, Рикори?

Он помолчал, раздумывая.

— Не знаю. Может быть — да.

— Вы подразумеваете то предполагаемое место, о котором вы говорили?

Я даже не пытался скрыть свое волнение.

— Возможно. Я узнаю позже. Я еду сейчас туда.

— Скажите, Рикори, что вы предполагаете там найти?

— Кукол, — ответил он. И, словно избегая дальнейших разговоров, повесил трубку.

Кукол! Я сидел, задумавшись. Уолтерс купила куклу и в том самом месте получила этот странный ожог. У меня не было сомнения, что именно через него получила она эту болезнь, через него и через мазь. И она давала нам это понять. Впрочем, может быть, она и ошибалась. Но Уолтерс любила детей, как и те восемь. И, конечно, дети больше всего любят кукол.

Что же обнаружил Рикори? Я позвонил Роббинс и попросил привезти куклу, что она и сделала. Кукла была исключительно хороша. Она была вырезана из дерева и затем покрыта гипсом. Она была поразительно похожа на живого ребенка — ребенка с маленьким личиком Эльфа. Ее платье было покрыто изысканной вышивкой — нарядное платье какой-то страны, которую я не мог определить. Эта вышивка была просто музейной вещью и стоила, конечно, куда дороже, чем сестра Уолтерс могла себе позволить. Никакой марки с указанием фирмы или хозяина магазина не было.

Осмотрев внимательно, я спрятал куклу в ящик стола, и с нетерпением стал ждать звонка Рикори.

В семь часов раздался звонок у дверей. Я услышал голос Мак-Кенна. Увидев его, я сразу понял, что что-то неблагополучно. Его загорелое лицо побледнело, глаза смотрели изумленно.

— Пойдемте к машине, док. Хозяин, кажется, умер.

— Умер? — воскликнул я и бросился вниз к машине. Шофер открыл дверцу, и я увидел Рикори, сжавшегося в углу заднего сиденья. Я не услышал пульса, а когда поднял ему веки, на меня уставились невидящие глаза. Но он был еще теплым. Я приказал внести его. Мак-Кенн и шофер положили его на кушетку в моем кабинете. Я нагнулся над ним со стетоскопом. Сердце не билось, дыхания не было. По всей видимости, Рикори был мертв. И все-таки я не мог успокоиться. Я проделал все, что делается в сомнительных случаях, — безрезультатно. Мак-Кенн и шофер стояли рядом. Они прочли приговор на моем лице и переглянулись; лицо каждого из них сдерживало страх, и шофер был напуган больше, чем Мак-Кенн. Последний спросил меня монотонным голосом:

— Может быть, это отравление?

— Да, может...

Я остановился. Яд! И этот странный визит, о котором он говорил по телефону! А возможность отравления в других случаях! Но эта смерть была не такой — я чувствовал это — как те...

— Мак-Кенн, — обратился я к телохранителю, — когда и где вы заметили, что с хозяином не все в порядке?

Он ответил так же монотонно.

— Около шести кварталов от вас. Хозяин сидел близко, неожиданно он сказал: "Иисус!", как будто испугался. Прижимая руки к груди, застонал и словно окаменел. Я сказал ему: "Что с вами, босс? Вам больно?" Он не ответил, затем свалился в мою сторону, а глаза его были широко открыты. Он показался мне мертвым. Тогда я крикнул Полю, чтобы он остановил машину, и мы осмотрели его. А затем на всех парах прилетели сюда...

Я прошел в кабинет и налил им по стаканчику спирта с бренди — они явно нуждались в этом. Потом покрыл тело простыней.

— Сядьте, ребята. Итак, Мак-Кенн, расскажи мне все, что случилось с того момента, как вы выехали из дома. Не упускай ни малейших деталей.

Он начал:

— Около двух часов босс поехал к Молли, это сестра Питерса, оставался у нее час, вышел, поехал домой и приказал Полку вернуться за ним в четыре. Но он много говорил по телефону, поэтому мы выехали только в пять. Он приказал Полку ехать на одну маленькую улицу за Баттери-парком. Он сказал Полку, чтобы тот ехал по улице, а машину остановил бы около парка. А мне он сказал: "Мак-Кенн, я пойду туда один. Я хочу, чтобы они знали, что я пришел один. — И добавил: — У меня есть на то причины. А ты будь поблизости, но не заходи, пока я не позову тебя". Я сказал: "Босс, вы думаете, что это благоразумно?" "Я знаю, что делаю. Выполняй то, что я приказал", — ответил он. Поэтому я замолчал.

Мы приехали, и Поль сделал, как было приказано, а босс пошел по улице и остановился у маленькой лавочки с куклами на окне, я разглядел лавчонку, когда проходил мимо. Она плохо освещена, но я заметил внутри массу кукол и худую девушку за кассой. Она показалась мне бледнее рыбьего брюха. Босс постоял у окна, а затем быстро вошел. Я опять прошел мимо, и мне показалось, что девушка стала еще бледнее. Я еще думал, что никогда не видел человека с таким цветом лица.

Босс поговорил с девушкой, и она показала ему несколько кукол. А когда я опять проходил, я заметил в лавке женщину. Она была очень крупная. Я постоял у окна минуты две, так она меня удивила. Лицо у нее коричневое, похожее на лошадиное, над губами усы, много больших родинок или бородавок, и она как-то странно смотрела на девуцу. Большая и толстая. Но как шутились ее глаза! Бог мой, какие глаза! Большие и черные, и блестящие, и они мне особенно не понравились, впрочем, как и она сама.

В следующий раз, когда я проходил мимо, босс стоял у лавки и разговаривал с большой женщиной. В руках у него была пачка чеков, а девушка смотрела совсем испуганно. В следующий раз я испугался. Я не увидел ни хозяина, ни дамы. Поэтому я встал у окна и стал смотреть, так как очень не любил терять босса из виду. Затем босс вышел из двери, находящейся внутри лавки. Он был рассержен, вероятно, и нес сверток, а женщина шла позади, и глаза ее метали молнии. Босс что-то говорил, дама — тоже и делала какие-то странные движения руками.

Какие? Ну, какие-то нелепые. Но босс не обращал внимания на нее, пошел к двери и сунул при этом сверток под пальто, а пуговицы застегнул. Это была кукла. Я видел ее ноги, болтавшиеся в воздухе, когда он запихивал ее под пальто. Большая кукла, очень большая...

Мак-Кенн остановился и начал механически разминать сигарету, затем взглянул на тело, покрытое простыней, и отшвырнул ее в сторону.

— Я никогда раньше не видел босса таким сердитым. Он бормотал что-то себе по-итальянски, повторяя часто слово "Иисус!", я видел, что говорить пока не следует, и молча шел за ним. Один раз он сказал громко: "В Библии сказано, что нельзя позволять жить на свете ведьмам". Так он продолжал бормотать, крепко прижимая к себе под пальто куклу.

Мы пришли к машине, и он сказал Полю ехать скорее к вам, и к черту правила движения, так ведь, Поль? Когда мы сели в машину, он перестал бормотать и сидел спокойно до тех пор, пока я не услышал "Иисус", об этом я уже рассказывал. И это все, не правда ли, Поль?

Шофер не ответил. Он сидел, глядя на Мак-Кенна умоляющим взглядом. Я ясно видел, как Мак-Кенн отрицательно качнул головой. Шофер сказал с сильным итальянским акцентом:

— Я не видел лавку, но все остальное правильно.

Я встал и подошел к телу Рикори. На простыне расплылось красное пятнышко величиной с монету, как раз напротив сердца Рикори. Я взял одну из моих самых сильных луп и вынул самый тонкий из зондов. Под лупой я увидел на груди Рикори крохотный укол, не больше чем от тончайшей иглы. Осторожно я вставил туда зонд. Он легко скользнул вниз, пока не дотронулся до стенки сердца. Дальше он не пошел. Какая-то острая, исключительно тонкая игла вошла через грудь Рикори прямо к сердцу. Я посмотрел на него с сомнением. Не было причины умирать от такого укола. Если, конечно, оружие не было отравлено или если укол не сопровождался каким-нибудь неожиданным шоком. Но вряд ли шок мог убить Рикори — человека, ко всему привыкшего в жизни. Нет, я, несмотря ни на что, не был уверен в смерти Рикори. Но я не сказал об этом. Живой он был или мертвый, Мак-Кенн должен объяснить ужасный факт. Я повернулся к паре, внимательно следившей за каждым моим движением.

— Вы говорили, вас в машине было всего трое?

Снова я увидел, как они переглянулись.

— Была еще кукла, — сказал Мак-Кенн как-то вызывающе.

Но я нетерпеливо отмахнулся.

- Я повторяю вопрос: вас было только трое в машине?
- Трое людей. Да.
- Тогда, — сказал я угрюмо, — следует многое объяснить.

Рикори был убит. Заколот. Я должен вызвать полицию.

Мак-Кенн встал и подошел к телу. Он поднял лупу и долго смотрел на маленькое пятнышко укола. Затем он повернулся к шоферу.

- Я сказал тебе, Поль, что это сделала кукла!

Г л а в а 5

ВЕРСИЯ МАК-КЕННА

Я сказал недоверчиво:

- Мак-Кенн, ты, конечно, не думаешь, что я этому поверю?

Он не ответил, размял вторую сигарету между пальцами и закурил. Шофер приблизился к телу, опустил на колени и начал молиться. Мак-Кенн, к моему удивлению, совершенно успокоился. Было похоже, что установление причины смерти Рикори восстановило его обычное хладнокровие. Он сказал почти весело:

- Я должен вас заставить поверить.

Я подошел к телефону. Мак-Кенн прыгнул к телефону и загородил его спиной.

- Подождите минутку, док. Если я принадлежу к тому типу крыс, которые могут вонзить иглу в сердце человека, который нанял охранять его, не кажется ли вам мое поведение непонятным? Как вы думаете, что в этом случае помешало нам с Полем убежать?

Откровенно говоря, я об этом не подумал. Теперь только мне стало понятно, в какое опасное положение попал я сам. Я взглянул на шофера. Он поднялся с колен и стоял, глядя на Мак-Кенна.

- Я вижу, вы все поняли.

Мак-Кенн невесело улыбнулся. Он подошел к итальянцу.

- Дай-ка твои игрушки, Поль.

Шофер молча погрузил руки в карманы и передал ему пару автоматических пистолетов. Мак-Кенн положил их на стол и добавил к ним свои два.

- Сядьте, док, — сказал он, указывая на мой стул у стола. — Это вся наша артиллерия. Пусть она будет у вас под руками. Если мы пошевелимся, стреляйте. Все, о чем я прошу вас, — не звоните никому, пока не выслушаете меня.

Я сел, положил перед собой оружие, проверил его. Пистолеты были заряжены.

— Я хочу, чтобы вы подумали над тремя вещами, док, — сказал Мак-Кенн. — Первая, если бы я был хоть как-нибудь виноват в смерти босса, разве я так вел бы себя? Вторая — я сидел с правой стороны. На нем было толстое пальто. Как бы я мог проткнуть его такой тончайшей иглой через одежду и через куклу? Да еще сделать это так, чтобы он не заметил? Рикори был сильным человеком. И Поль заметил бы что-нибудь.

— Какая в этом разница, если Поль сообщник?

— Верно, — согласился он. — Поль сидит в той же луже, что и я. Не так ли, Поль?

Шофер молча кивнул.

— Ладно, оставим это с вопросительным знаком. Возьмем третью версию — если я убил босса этим путем, а Поль был со мной, неужели бы мы привезли его к единственному человеку, который может понять, как он убит? А когда вы определили причину смерти, как мы и ожидали, рассказать вам все, как было, — значит погубить себя. Иисус, док, я не такой идиот, чтобы так поступить. — Лицо его исказилось. — И зачем мне убивать его? Я бы прошел через ад для него, и он знал это. И Поль тоже...

Я почувствовал правоту всего сказанного. В глубине души я был уверен в том, что Мак-Кенн говорит правду — или, по крайней мере, то, что кажется ему правдой. Он не убивал Рикори. И все же сваливать это на куклу было слишком фантастично. В машине было три человека. Мак-Кенн словно читал мои мысли.

— Это могла быть какая-нибудь механическая кукла, — сказал он, — заводная, приспособленная для удара.

— Мак-Кенн, сойди вниз и принеси ее сюда, — приказал я резко.

Он дал, наконец-то, рациональное объяснение.

— Ее там нет, — сказал он и весело усмехнулся. — Она выпрыгнула.

— Нелепость... — начал я.

Шофер перебил меня.

— Но это верно, что-то выпрыгнуло, когда я открыл дверь. Я подумал, что это кошка, собака или какой-нибудь другой зверек. Я сказал "кой-черт" и тут увидел ее. Она улелетывала со всех ног, затем остановилась и исчезла в тени. Я видел ее один момент, как блеск молнии. Я сказал Мак-Кенну: "Что за черт?" Мак-Кенн шарил в машине. Он сказал: "Это кукла. Она убила босса". Я сказал: "Кукла? Что ты хочешь сказать?" Он объяснил. Я ничего не знал до этого про куклу, хотя видел, что босс нес что-то под пальто. Я не знал, что там у него. Но я видел продолговатую штуку. Не кошку и не собаку. Она выпрыгнула у меня из машины между ног.

Я спросил иронически:

— Вы считаете, Мак-Кенн, что эта механическая кукла была заведена так, что могла убежать после удара?

Он покраснел, но ответил спокойно:

— Я не утверждаю, что это была механическая кукла. Но всякое другое предположение было бы сумасшествием, не правда ли?

— Мак-Кенн, — сказал я, — чего вы хотите?

— Док, когда я был в Аризоне, там умер один фермер. Умер неожиданно. Там был один парень, который, казалось, был здорово замешан в этом деле. Маршалл сказал: "Я не думаю, что ты это сделал, но среди присяжных я один так думаю. Что ты скажешь?" Парень ответил: "Маршалл, дайте мне две недели и, если я не притащу убийцу, можете меня повесить". Маршалл сказал: "Прекрасно. Временное определение — умер от шока". Это и был шок. От пули. Ну вот, еще до конца второй недели явился этот парень с убийцей, привязанным к его седлу.

— Я понял тебя, Мак-Кенн. Но здесь не Аризона.

— Я знаю. Но разве вы не можете сказать всем, что он умер от инфаркта? Временно. И дать мне одну неделю? Тогда, если я не явлюсь, обвиняйте меня. Если вы скажете полиции... лучше возьмите один из этих пистолетов и убейте меня с Полем сейчас же. Если мы скажем им о кукле, они умрут от смеха и сейчас же отправят нас в Синг-Синг. Если мы ничего не скажем, будет то же самое. Все останется невыясненным навсегда. Если каким-то чудом полицейские потеряют нас...

Я говорю, док, вы убьете двух невинных людей. И никогда не узнаете, кто убил босса, потому что никто не станет искать настоящего убийцу. Зачем это им?

Облако сомнения в невинности этих людей закралось в мой ум. Предложение, кажущееся наивным, было хитро задумано. Если я соглашусь, Мак-Кенн и его сообщник будут иметь целую неделю, чтобы скрыться. Если они не вернутся и я расскажу правду, я буду выглядеть, как сообщник. Если я скрою причину смерти и ее обнаружат другие, я буду обвинен в невежестве. Если их поймают и они во всем сознаются, опять я буду выглядеть как сообщник.

Мне пришло в голову, что сдача мне оружия была необыкновенно умно задумана. Я не смогу показать, что мое согласие было вынужденным. И кроме того, это могло быть хитрым жестом с целью завоевать мое доверие, ослабить сопротивление его просьбе. Разве я знал, есть ли у них еще оружие, которое они в случае отказа могут пустить в ход? Пытаясь найти выход из этой ловушки, я подошел к Рикори, положив оружие в карманы халата, и нагнулся над ним.

И вдруг в углу его рта начал появляться и исчезать пузырек. Рикори был жив! Но для меня опасность только увеличивалась. Если Мак-Кенн убил его, если они оба были в заговоре и вдруг узнают, что их попытка кончилась неудачно, не захотят ли они закончить начатое дело? Если Рикори жив и сможет говорить — им грозит смерть даже скорее, чем если бы их судили. Приговор в банде Рикори выносился им самим. А убивая Рикори, они должны будут покончить и со мной.

Все еще наклоняясь, я сунул руки в карманы и направил на них два пистолета.

— Руки вверх! Оба! — приказал я.

Удивление показалось на лице Мак-Кенна, сосредоточенность на лице Поля. Оба подняли руки.

Я сказал:

— Мак-Кенн, в вашем умном предложении нет смысла. Рикори жив! Когда он сможет говорить, он сам скажет, что с ним произошло.

Я не был подготовлен к тому, что произошло за этим. Если Мак-Кенн не был искренен, он был изумительным актером. Его тело напряглось. Я редко видел такое радостное облегчение, какое появилось на его лице. Слезы катились по его загорелым щекам. Шофер опустился на колени, рыдая и молясь. Мои подозрения исчезли. Я не мог поверить, что это — игра. Мне стало как-то стыдно за себя.

— Вы можете опустить руки, ребята, — сказал я и положил оружие в карманы халата.

Мак-Кенн спросил хрипло:

— Будет он жить?

— Считаю, что должен, — ответил я. — Если только нет никакой инфекции, можно быть в этом уверенным.

— Благодарение богу, — прошептал Мак-Кенн.

В этот момент вошел Брейл и остановился, с удивлением глядя на нас.

— Рикори заколот. Я расскажу все после, — сказал я ему, — крошечный укол под сердце, а может быть, в сердце. Он страдает главным образом от шока. Сейчас он придет в себя. Возьмите его в палату и проследите за ним, пока я не приеду.

Я быстро сказал ему, что нужно предпринять, какие лекарства ввести, как ухаживать за больным; и когда Рикори унесли, я обратился к его людям.

— Мак-Кенн, — сказал я, — я не собираюсь объясняться. Не теперь. Но вот ваши пистолеты. Вы получили свой шанс.

Он взял оружие и посмотрел на меня с каким-то странным теплым блеском в глазах.

— Я не хочу сказать, что не хотел бы знать, что изменило вас, док, — сказал он, — но что бы вы ни делали, по мне все правильно, лишь бы вы поставили на ноги босса.

— Без сомнения, есть люди, которым следует сообщить о его состоянии, — ответил я. — Все это я поручаю вам. Все, что я знаю, это то, что он ехал ко мне. У него был сердечный приступ в машине. Вы привезли его сюда. Теперь я лечу его от сердечного приступа. Если он умрет, Мак-Кенн, тогда будет другое дело.

— Я сообщу, — ответил он. — Вам придется повидаться только с двумя людьми. Затем я поеду в эту кукольную лавку и выйду правду из этой старой карги.

Его глаза казались щелками, рот был твердо сжат.

— Нет, — сказал я твердо. — Не сейчас. Поставьте наблюдение. Если женщина выйдет, следите за ней. Следите за девушкой. Если покажется, что одна или обе хотят убежать, пусть бегут. Но следите за ними. Я не хочу, чтобы их трогали, пока Рикори не расскажет нам, что случилось.

— Ладно, — согласился он с неохотой.

— Ваша кукольная сказка для полиции не будет так убедительна, как для моего доверчивого ума, — напомнил я иронически. — Смотрите, чтобы они не вмешались в это дело. Пока Рикори жив, не нужно их беспокоить. — Я отвел его в сторону. — Можете вы верить шоферу? Он не будет болтать?

— Пользуйтесь правильным парнем, — сказал он.

— Ну вот, для вас обоих будет лучше, если он таким и будет, — предупредил я.

Они ушли. Я вошел к Рикори. Сердце билось сильнее, дыхание было еще слабым, но спокойным. Температура поднялась. Если на оружии не было яда, он будет жить.

Позже, ночью, ко мне зашли два очень вежливых джентльмена, выслушали мой рассказ о самочувствии Рикори, спросили, не могут ли они повидать его, зашли, посмотрели и удалились. Они уверили меня в том, что "выиграю я или проиграю", я могу не беспокоиться об оплате или об оплате самых дорогих консультантов. Я убедил их в том, что Рикори, по-видимому, скоро поднимется. Они попросили меня не пускать к нему никого, кроме них и Мак-Кенна. Они считали, что спокойнее было бы, если бы я согласился поместить пару их людей в соседней комнате. Я ответил, что буду очень рад. В необычайно короткий срок два спокойных наблюдательных человека поместились у двери комнаты Рикори, совершенно такие, как когда-то у Питерса.

...А во сне вокруг меня танцевали куклы, преследуя меня и пугая. Это был неприятный сон...

СТРАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
С ОФИЦЕРОМ ШЕЛВИНОМ

К утру состояние Рикори значительно улучшилось. Глубокий транс не прошел, но температура была почти нормальной, дыхание и работа сердца — удовлетворительны. Брейл и я дежурили поочередно, таким образом, что один из нас мог быть всегда вызван сиделкой. Стражи во время завтрака сменялись. Один из моих вчерашних знакомых гостей явился посмотреть на Рикори и с теплой благодарностью выслушал мой отчет об улучшении состояния.

Когда я вчера лег спать, мне вдруг в голову пришла мысль, что Рикори мог написать что-нибудь в записной книжке о своих поисках. Момент был удобный. Я сказал, что мне хотелось бы посмотреть бумаги Рикори, так как мы с ним были заинтересованы в общем деле, для обсуждения которого он и ехал ко мне, когда с ним случился приступ.

Я сказал, что у него могут быть заметки, интересующие меня. Мой гость согласился: я приказал принести пальто и костюм больного, и мы осмотрели их. В карманах были бумаги, но ничего интересующего меня, относящегося к нашему делу. Однако во внутреннем кармане пальто оказался странный предмет — тонкая веревочка около восьми дюймов длины, на которой было завязано девять узелков, расположенных на различных расстояниях друг от друга. Это были странные узелки, я таких никогда не видел. Я рассматривал веревочку с каким-то неопределенным неприятным чувством. Я взглянул на гостя и увидел изумление в его глазах. Я вспомнил, что Рикори был суеверен, и решил, что эта завязанная узелками веревка была, возможно, талисманом или чем-нибудь в этом роде. Я положил ее обратно в карман.

Оставшись один, я снова вынул веревку и осмотрел ее внимательнее. Она была туго сплетена из человеческих волос; волосы были светло-пепельные и, без сомнения, женские. Каждый узел был завязан по-разному. Узелки были очень сложные. Разница между ними и разница расстояния узелка от узелка создавали впечатление написанного слова или фразы. Изучая узелки, я опять почувствовал себя так, будто стоял у запертой двери, которую мне жизненно важно было открыть. Это было то же ощущение, которое я испытывал, наблюдая за умирающим Питерсом. Как бы слушаясь какого-то неясного импульса, я не спрятал веревочку обратно в карман, а бросил ее вместе с куклой, принесенной сестрой Роббинс, в ящик стола.

Вскоре после этого мне позвонил Мак-Кенн. Я страшно обрадовался, услышав его голос. При свете дня история в машине Рикори казалась мне невероятно фантастичной, и все мои сомнения вернулись. Я снова начал задумываться о моем незавидном положении в случае его исчезновения. Мои настроения, видимо, проскользнули в особо сердечном тоне моего приветствия, потому что он рассмеялся.

— Думали, что я сбежал, док? Нет, вы и силой бы меня не угнали. Вот подождите, пока не увидите то, что у меня есть для вас.

Я с нетерпением ожидал его приезда. Он явился не один, с ним был грубый мужчина с красной физиономией и большим бумажным мешком для одежды. Я узнал в нем полисмена, которого часто встречал на бульваре, хотя раньше никогда не видел его без формы.

Я пригласил их сесть. Полисмен сел на кончик стула и положил мешок к себе на колени. Я вопросительно взглянул на Мак-Кенна.

— Шелвин говорит, что он вас знает, док, — он махнул рукой в сторону полисмена. — Я привел его к вам.

— Если бы я не знал доктора Лоуэла, я бы не был здесь, Мак-Кенн, мой мальчик, — сказал Шелвин угрюмо. — Но у доктора в голове мозги, а не вареная картошка, как у нашего лейтенанта.

— Ладно, — сказал Мак-Кенн ядовито, — доктор пропишет тебе что-нибудь, Тим.

— Я не за этим пришел сюда, — обиделся Шелвин. — Я видел это собственными глазами, говорю я тебе. И если доктор Лоуэл скажет мне, что я был пьян или сошел с ума, я пошлю его к черту, как послал лейтенанта. И я говорю это же и тебе, Мак-Кенн.

Я слушал с возрастающим интересом.

— Ну, ну, Тим, — успокаивающим тоном сказал Мак-Кенн. — Я-то верю тебе. Ты даже себе представить не можешь, как я хочу верить тебе — и почему.

Он кинул на меня быстрый взгляд, и я понял, что, какова бы ни была причина, по которой он привел ко мне полисмена, он ничего не сказал ему о Рикори.

— Видите ли, доктор, когда я сказал вам об этой кукле, что она выпрыгнула из машины, вы подумали, что я шарлатан. Ладно, сказал я себе, может быть, она не убежала далеко. Может быть, это была одна из усовершенствованных механических кукол, но у нее тоже когда-нибудь должен кончиться завод. И я отправился искать кого-нибудь, кто видел ее. И встретил Тима Шелвина. Валяй, Тим, расскажи доктору.

Шелвин поморгал глазами, осторожно сдвинул свой мешок и начал. У него был угрюмый вид человека, повторяющего снова и снова одно и то же. И при том окружении, в которое не верит. Он посматривал на меня очень подозрительно и угрожающе повышал голос.

— Это было в час ночи. Я стоял на посту, когда услышал, как кто-то кричит с отчаянием: "Помогите! Убивают! Уберите ее прочь!"

Я прибежал и увидел парня, стоящего на скамейке в вечернем костюме и шляпе. Он бил что-то палкой, танцевал и кричал. Я подошел и ударил его дубинкой потихоньку, чтобы обратить на себя внимание, он посмотрел и бросился ко мне в объятия. Мне показалось, что я понял, в чем дело, когда почувствовал, что от него пахнет вином. Я поставил его на ноги и сказал: "Успокойтесь, любезный, зеленые черти скоро исчезнут. Это все закон о спиртных напитках привел к тому, что мужчины разучились пить. Скажите мне ваш адрес, и я посажу вас в такси. А может, вы хотите в госпиталь?"

Он стоял, держась за меня, и дрожал. "Вы думаете, я пьян?" Я посмотрел на него и увидел, что он действительно трезв. Он, может быть, и был пьян, но теперь совершенно протрезвел.

И вдруг он прыгнул на скамейку, завернул брюки, спустил носки, и я увидел кровь, которая текла из доброй дюжины маленьких ранок, а он сказал: "Может быть, вы скажете, что это сделали зеленые черти?" Ранки выглядели так, как будто их сделал кто-то иглой для шляпы.

Я невольно взглянул на Мак-Кенна, но тот отвел глаза и продолжал спокойно разминать сигарету.

Шелвин продолжал:

— Я сказал: "Что за черт! Кто сделал это?" А он ответил: "Кукла".

Дрожь пробежала у меня по спине, и я снова взглянул на Мак-Кенна. Шелвин посмотрел на Мак-Кенна и на меня предостерегающе.

— "Кукла" сказал он мне, — закричал Шелвин. — Он сказал мне "кукла"!

Мак-Кенн засмеялся, а Шелвин быстро обернулся к нему.

Я сказал торопливо:

— Я понимаю вас, господин офицер. Он сказал вам, что кукла нанесла ему ранения. Это, конечно, удивительно.

— Вы хотите сказать, что не верите мне? — спросил он свирепо.

— Я верю, что он вам это сказал. Продолжайте, пожалуйста.

— Ну, конечно, вы скажете еще, что и я был пьян, если поверил ему. Это мне и сказал лейтенант с картошкой вместо мозгов.

— Нет, нет, — торопливо уверил я его.

Шелвин усмехнулся и продолжал:

— Я спросил пьяного, как ее зовут. "Кого?". "Да куколку, — сказал я. — Готов держать пари, что она блондинка. Брюнетки не употребляют ножи". "Офицер, — сказал он торжественно, — это была кукла, кукла-мужчина. И говоря "кукла", я имею в виду именно куклу. Я шел по аллее. Я не отрицаю, что немного выпил, но был всего лишь навеселе. Я шел, размахивая тростью, и уронил ее вот тут. Я нагнулся, чтобы поднять ее, и увидел куклу. Это была большая кукла и лежала она вся скрюченная. Я хотел поднять ее. Но, когда я до нее дотронулся, она вдруг вскочила, как на пружине. И прыгнула выше моей головы. Я удивился и испугался, стал искать ее и вдруг почувствовал страшную боль в икре. Я подпрыгнул и увидел эту куклу с иглой в руке, приготовившуюся ударить меня снова".

— Может быть, это был карлик? — спросил я.

— К черту карлика. Это была кукла, и колола она меня шляпной иглой. Она была около двух футов высотой, с голубыми глазами. Она смеялась так, что у меня кровь похолодела от ужаса. И пока я стоял, парализованный от страха, она опять и опять ударяла меня. Я думал, она убьет меня, и стал орать. А кто бы не стал? И вот вы пришли, и кукла спряталась в кусты. Ради бога, проводите меня до такси, потому что я не скрываю, что напуган до безумия.

Я взял его за руку, уверенный, что все это привиделось ему спяну, и удивляясь, откуда у него такие ранки на ногах. Мы пошли по бульвару. Он вдруг заорал: "Вон она идет! Она идет!" Я обернулся и увидел в тени что-то движущееся, не то кошку, не то собаку. Затем вдруг из-за поворота выехала машина, и эта кошка или собака сразу же попала под нее. Пьяный страшно закричал, а машина пронеслась с большой скоростью и исчезла прежде, чем я успел свистнуть. Мне показалось, что на мостовой что-то шевелится, и я все еще думал, что это собака. Я подошел к тому, что лежало на мостовой.

Он снял с колен мешок, положил на стол и развязал его.

— Вот что это было.

Из мешка он вынул куклу, точнее то, что от нее осталось. Автомобиль переехал ее посредине туловища. Одной ноги не хватало, другая висела на ниточке. Одежда была порвана и запачкана в пыли. Это была кукла, но удивительно похожая на пигмея. Шея безжизненно свисала вниз. Мак-Кенн подошел и приподнял голову куклы. Я посмотрел и... все похолодело у меня

внутри... сердце замерло... волосы зашевелились на голове. На меня смотрело лицо Питерса. И на нем, как тонкая вуаль, сохранилась тень той дьявольской радости, которую я наблюдал на лице Питерса, когда смерть остановила его сердце...

Глава 7

КУКЛА ПИТЕРСА

Шелвин смотрел на меня, когда я взглянул на куклу, и был удовлетворен тем действием, которое она произвела на меня.

— Адская штука эта игрушечка, не правда ли? — спросил он. — Доктор это понимает, Мак-Кенн. Я тебе говорил, что он умен.

Он снял куклу с колен и посадил на край стола, напоминающая краснолицего чревоушастого с удивительно злобной куклой — должен сказать, что я не удивился бы, услышав вдруг дьявольский смех, вырывающийся из ее слегка улыбающегося рта.

— Я постоял над ней, — продолжал Шелвин, — затем наклонился и поднял ее. "Здесь что-то не так, Тим Шелвин", — сказал я себе. И оглянулся на моего пьяного. Он стоял на старом месте и, когда я подошел к нему, сказал: "Ну, что я говорил. Ха! Это она и есть, та самая кукла!" Тогда я сказал ему: "Молодой человек, мой мальчик, что-то тут не то. Ты пойдешь со мной в участок, скажешь лейтенанту все, что ты видел, покажешь ему ноги и все такое".

И он сказал: "Хорошо, но держите эту куклу подальше от меня".

— И мы пошли в участок. Там был лейтенант, сержант и еще пара ребят. Я подошел и положил куклу перед лейтенантом.

— Что это? — спросил он, ухмыльнувшись. — Опять кража ребенка?

— Покажи ему ноги, — сказал я пьяному, вставая.

— Кукла, — ответил пьяный.

Лейтенант посмотрел на него и сел, моргая. Тогда я рассказал ему все с начала до конца. Сержант и ребята при этом хохотали до слез, а лейтенант покраснел и заорал:

"Ты что, дураком меня считаешь, Шелвин?"

— Но я рассказываю то, что мне рассказал этот парень, — говорю я. — А также то, что видел сам. А вот и кукла.

А он сказал: "Да, самогон силен, но я не думал, что действует так безотказно". Лейтенант поманил меня пальцем и сказал: "Ну-ка, дыхни, я хочу знать, чем ты освежился, стоя на посту".

И тогда я понял, что ничего не докажу, потому что у моего пьяного была с собою фляга и он по дороге угостил меня. Только глоток, но от меня, конечно, пахло.

И лейтенант сказал: "Я так и думал. Убирайся". А потом он еще орал на пьяного: "Ты, с трухой под шелковой шляпой, как ты смеешь развращать хорошего офицера и морочить мне голову? Первое ты сделал, но второе тебе не удастся. Посадите его в вырезвитель и бросьте эту проклятую куклу с ним для компании!"

При этом бедный парень разорался и упал без сознания.

А лейтенант говорит: "Ты, несчастный дурак, веришь в собственное вранье. Приведите его в себя и отпустите". А мне он сказал: "Если бы ты не был таким хорошим парнем, Тим, я бы тебя выгнал за это. Возьми свою дегенеративную куклу и отправляйся домой. Я пошлю на пост замену, а утром приходи трезвым".

— Я сказал ему: "Ладно, но я видел то, что видел". "К черту вас всех", — сказал я смеющимся ребятам. Но они подышали со смеху. Тогда я взял куклу и ушел.

Шелвин вздохнул и продолжал:

— Я взял куклу домой и рассказал все своей жене Мегги. И что она ответила? "Я думала, что ты бросил пить уже давно, а ты — посмотри на себя! Со всей этой болтовней о куклах, да еще с оскорблением лейтенанта, ты дождешься, что тебя прогонят с работы, а Дженни только что поступила в институт. Ложись спать и проспись хорошенько, а куклу я выкину на помойку".

Но к этому моменту я совсем взбесился, крикнул на нее, взял куклу с собой и ушел. Тут я встретил Мак-Кенна, который, видимо, знает кой-чего. Я рассказал ему все, и он привел меня к вам. А для чего, я не знаю.

— Хотите, я поговорю с лейтенантом? — предложил я.

— А что вы можете ему сказать? — возразил он довольно логично. — Если вы скажете ему, что пьяный был прав и что я тоже видел, как кукла бежала, он подумает, что вы такой же сумасшедший, как и я. А если вы ему докажете, что я не был пьян, меня пошлют в госпиталь. Нет, доктор, очень вам благодарен, но все, что мне остается сделать, это молчать, стараться держать себя с достоинством и не обращать внимания на шутки и насмешки товарищей. Я благодарен вам за то, что вы так терпеливо меня выслушали, теперь я чувствую себя лучше.

Шелвин встал и глубоко вздохнул.

— А что вы думаете обо всем этом? — спросил он с беспокойством.

— Я ничего не могу сказать о пьяном, — сказал я осторожно.

— Что касается вас, могло случиться, что кукла давно могла

лежать на мостовой, а кошка или собака бежала перед автомобилем. Она убежала, а вы так были заняты куклой, что...

Он перебил меня.

— Ладно, ладно. Этого достаточно. Я оставляю вам куклу в благодарность за диагноз, сэр.

Шелвин распростился и вышел. Мак-Кенн трясся от беззвучного смеха.

Я взял куклу и положил ее на стол. Глядя в ее маленькое злое лицо, я не чувствовал желания смеяться. По какой-то неясной для меня причине я вынул из стола вторую куклу и положил ее рядом, затем вынул веревочку со странно завязанными узелками и ее тоже положил между ними.

Мак-Кенн стоял возле меня и смотрел. Я услышал, как он тихо свистнул.

— Где вы ее взяли, док? — он указал на веревочку.

Я рассказал. Он снова свистнул.

— Я уверен, что босс не знал о том, что она у него в кармане. Интересно, кто ее туда положил? Конечно, эта карга. Но как?

— О чем ты говоришь? — спросил я.

— Ну как же, ведь это "лестница ведьмы". — Он снова показал на веревочку. — Так ее называют в Мексике. Это колдовская штука. Ведьма кладет ее вам в карман и приобретает власть над вами...

Он нагнулся над веревочкой.

— Да, это ведьмина лестница — на ней девять узелков, они из женских волос... и в кармане у босса!

Он стоял и гладел на веревочку. Я обратил внимание на то, что он не сделал попытки взять ее в руки.

— Возьми ее и посмотри внимательнее, Мак-Кенн, — сказал я.

— Ну уж нет! — Он сделал шаг назад. — Я вам сказал, док, что это колдовская штука!

Меня все больше раздражал туман суеверия, опутывающий все это дело, и наконец я вышел из себя.

— Слушай, Мак-Кенн, — сказал я сердито, — не пытаешься ли ты, как сказал Шелвин, морочить мне голову? Каждый раз, когда я говорю с тобой, я сталкиваюсь с каким-то грубым выступлением против здравого смысла. Сначала эта кукла в машине, потом Шелвин. А теперь эта лестница ведьмы. К чему ты клонишь? Чего ты хочешь?

Он посмотрел на меня, сощурившись, и слабый румянец появился у него на скулах.

— Все, что я хочу, — сказал он, растягивая слова по-южному, — это увидеть босса на ногах. И добраться до того, кто чуть не убил его. А Шелвину вы не верите?

— Нет. И помни все время, что ты был с Рикори рядом, когда его ударили иглой. И не могу не удивляться, как быстро ты нашел Шелвина сегодня.

— И какой вывод?

— Вывод, что пьяный исчез. Вывод, что, возможно, это был твой сообщник. Вывод, что такой эпизод, произведший сильное впечатление на достопочтимого Шелвина, мог быть просто умно разыгранной сценкой, а кукла на мостовой и автомобиль — осторожно спланированным маневром. И обо всем этом я знаю только по словам шофера и твоим. Еще вывод...

Я остановился, давая себе отчет, что обрушиваю на человека в основном свое скверное настроение, вызванное недоразумением.

— Я кончу за вас, — сказал он. — Вы хотите сказать, что за всем этим стою я.

Лицо его побелело, мускулы напряглись.

— Вам везет, что вы мне нравитесь, док. Еще лучше, что я знаю о вашей дружбе с боссом. А самое лучшее, может быть, то, что вы единственный человек, который может ему помочь. Все.

— Мак-Кенн, — сказал я. — Мне жаль. Мне очень жаль. Не о том, что я сказал, а о том, что я должен был это сказать. В конце концов, сомнение существует и никуда от него не денешься, вы должны признать это. Лучше все прямо высказать вам, чем таиться и быть двуличным.

— Но какую же я могу иметь цель?

— У Рикори могли быть сильные враги и сильные друзья. Для врагов было выгодно убрать его без всяких подозрений и получить авторитетный диагноз от врача с репутацией честного и неподкупного человека. И это не эгоцентризм, а моя профессиональная гордость — то, что я считаюсь именно таким врачом.

Он кивнул. Лицо его смягчилось и напряжение исчезло.

— У меня нет доказательств, док, и я ничего не могу вам ответить. Но я вам благодарен за высокое мнение о моем уме. Нужно быть очень умным человеком, чтобы все это устроить. Совсем как в кино, где преступник устанавливает кирпич, который должен свалиться на голову его врагу ровно в 20 минут 26 секунд третьего. Да, я должен быть гениальным.

Меня передернуло от этого явного сарказма, но я промолчал.

Мак-Кенн взял куклу Питерса и стал ее осматривать. Я позвонил по телефону, чтобы осведомиться о состоянии Рикори. И обернулся, услышав восклицание. Мак-Кенн протягивал мне куклу, указывая на воротник ее пиджака. Я пощупал это место и, почувствовав что-то вроде головки большой булавки, вытащил ее. Это была стальная игла около 9 дюймов длины. Она была тоньше обычной шляпной иглы, крепкая и заостренная.

Я сразу понял, что смотрю на инструмент, пронзивший сердце Рикори.

— Еще одно нарушение здравого смысла, — сказал Мак-Кенн, — может, это я засунул ее туда, а, доктор?

— Вы имели такую возможность, Мак-Кенн.

Он засмеялся. Я рассматривал странную иглу — это было фактически тонкое лезвие. Оно было сделано как будто из стали, и в то же время я не был уверен, что это металл. Она совершенно не гнулась. Маленький шарик наверху был не менее полдюйма в диаметре и больше походил на рукоятку кинжала, чем на булавочную головку.

Под увеличительным стеклом были видны на ней углубления, как будто для пальцев маленькой руки... кукольной руки... Кукольный кинжал!.. На нем были пятна. Я отложил вещи в сторону, решив заняться их анализом позже. Я знал, что это кровь. Но даже, если это так, доказательств, что именно кукла сделала это, нет.

Я взял куклу Питерса и начал детально ее изучать. Из чего она была сделана, определить было невозможно. Она была не из дерева, как первая кукла, а материал напоминал сплав, состоящий из резины и воска. Я не знал о существовании такого става. Я снял с куклы одежду. Неповрежденная часть куклы анатомически совершенно повторяла строение человеческого тела. Волосы были человеческие, искусственно вставленные в череп. Глаза — какие-то голубые кристаллы. Одежда была так же искусно сшита, как и одежда куклы Дианы. Висящая нога держалась не на нитке, а на проволоочной основе. Я прошел в свой кабинет, взял скальпель, несколько ножей и пилку.

— Подождите минуту, док, — сказал Мак-Кенн, следивший за мной. — Вы хотите разрезать эту штуку на части?

Я кивнул головой.

Он сунул руку в карман и вынул острый охотничий нож. Прежде, чем я успел остановить его, он ударил им по шее куклы, отрезал голову и взял ее в руки. Выскочила проволоочка. Он бросил голову на стол и подвинул ко мне туловище. Голова покатилась по столу и остановилась против веревочки, которую он назвал лестницей ведьмы. Голова, казалось, повернулась и посмотрела на нас. Одну секунду мне казалось, что глаза сверкнули красным огнем, черты лица исказились, выражение злобы усилилось, как на лице живого Питерса в часы его смерти. Я рассердился на себя. Просто так упал свет. Я повернулся к Мак-Кенну и зло спросил:

— Зачем ты это сделал?

— Вы значите для босса больше, чем я, — загадочно ответил он.

Я молча разрезал туловище куклы. Как я и думал, внутри была проволочная рамка. Она была сделана из одного куска проволоки и так же хитро, как и тело куклы, причем удивительно ловко имитировала человеческий скелет. Не абсолютно точно, но удивительно аккуратно, не было никаких сочленений. Вещество, из которого была сделана кукла, было удивительно эластичным. Казалось, я режу что-то живое. И было... страшно.

Я взглянул на голову. Мак-Кенн наклонился над ней и пристально смотрел ей в глаза. Руки его сжимали край стола и были напряжены, как будто он делал страшное усилие, чтобы оттолкнуться. Когда он бросил голову на стол, она подкатилась к веревочке с узелками, а теперь эта веревочка почему-то обвилась вокруг ее шеи и свешивалась со лба, как маленькая змейка.

Я ясно видел, как лицо Мак-Кенна все ближе... ближе... придвигалось к крошечному личику на столе, в котором, казалось, сконцентрировалась вся злоба ада. А лицо Мак-Кенна было как маска ужаса.

— Мак-Кенн, — крикнул я и ударил его в подбородок, заставив откинуть голову. И я мог поклясться, что глаза куклы повернулись ко мне, и губы ее исказились.

Мак-Кенн опомнился. Минуту он тупо смотрел на меня, потом бросился к столу, швырнул голову на пол и стал топтать, как топчут ядовитого паука. Голова превратилась в бесформенную лепешку, все человеческое исчезло, и только два голубых кристалла глаз все еще мерцали и веревочка обвивалась вокруг них.

— Господи, она... тянула меня к себе. — Мак-Кенн зажег сигарету дрожащими руками и отбросил в сторону спичку. Спичка упала на то, что было кукольной головой. Затем последовала яркая вспышка, раздался странный стонущий звук. Через нас прошла волна интенсивного тока.

Там, где находилась голова куклы, осталось неправильное пятно сгоревшего паркета. Внутри лежали кристаллы глаз, лишенные блеска и почерневшие. Веревочка исчезла. На столе стояла пахучая лужица черной воскоподобной жидкости, из которой поднимались ребра проволочного скелета.

Зазвонил телефон. Я машинально снял трубку и сказал: "Да".

— Мистер Рикори пришел в сознание, сэр.

Я повернулся к Мак-Кенну.

— Рикори пришел в себя.

Он схватил меня за плечи, затем отступил назад. На лице его был страх.

— Да, — прошептал он. — Да, он пришел в себя, когда сгорела ведьмина лестница. Это освободило его. Теперь мы с вами должны беречься.

ДНЕВНИК СЕСТРЫ УОЛТЕРС

Я взял с собой Мак-Кенна, когда пошел к Рикори. Очная ставка с начальником была лучшей проверкой его искренности. Мне казалось, что все эти странные явления, о которых я рассказал, могли быть частью хитро задуманного плана, в котором мог быть замешан и Мак-Кенн. Отсечение головы у куклы могло быть драматическим жестом, предназначенным для того, чтобы воздействовать на мое воображение. Именно Мак-Кенн всеми своими действиями привлек мое внимание к страшному значению этой веревочки с узлами.

Он нашел иглу. Его очарованность отрезанной головой могла быть наигранной. И то, что он бросил непотухшую спичку, могло быть действием, рассчитанным на уничтожение улики. Но в то же время я ощущал бессилие и неспособность разобраться в собственных ощущениях.

Все-таки трудно было представить себе, что Мак-Кенн мог быть таким актером. Он мог выполнять инструкции другого человека, который был способен на эти вещи. Мне хотелось верить Мак-Кенну, и я надеялся, что он с честью выдержит очную ставку. От всей души я хотел этого.

Но ничего не вышло. Рикори был в полном сознании, он не спал. Мозг его был живым и здоровым, как всегда. Но тело его не было свободным. Паралич сковал его мускулы. Он не мог говорить. Глаза смотрели на меня — блестящие и умные, но лицо было неподвижно. Таким же неизменившимся взглядом смотрел он на Мак-Кенна.

Мак-Кенн прошептал:

— Может ли он слышать?

— Думаю, что да, но он не может сообщить нам об этом, — ответил я.

Мак-Кенн опустился около кровати на колени, взял руки больного в свои и сказал четко:

— Все в порядке, босс. Мы все работаем.

Это не было похоже на поведение виноватого человека, но все же Рикори ведь не мог говорить.

Я сказал Рикори:

— Вы прекрасно поправляетесь. У вас был тяжелый шок, и я знаю причину. Я думаю, что через день-два вы сможете двигаться. Не расстраивайтесь, не волнуйтесь, старайтесь не думать ни о чем неприятном. Я дам вам успокоительного, и вы не старайтесь бороться с его действием. Засните.

Я дал ему снотворное и с удовольствием отметил его быстрое действие. Это убедило меня в том, что больной меня слышал.

Я вернулся в кабинет вместе с Мак-Кенном, сел и глубоко задумался. Никто не знал, сколько времени Рикори будет парализован. Он мог пролежать в таком состоянии от часа до нескольких месяцев.

За это время мне нужно было добиться нескольких вещей. Во-первых, установить внимательное наблюдение за местом, где Рикори достал куклу; во-вторых, узнать все возможное про женщин, о которых рассказывал Мак-Кенн; и в-третьих, что заставило Рикори отправиться в это место. Я решил, что Мак-Кенн не лжет, но в то же время не хотел этого показывать.

— Мак-Кенн, — обратился я к нему, — ты установил слежку за лавкой?

— А как же, муха не вылетит незамеченной.

— Что-нибудь интересное было?

— Ребята окружили весь квартал около полуночи. Окно было темное. Позади лавки есть помещение. Там тоже окно с тяжелыми ставнями, но из-под них видна полоска света. Около двух часов ночи явилась бледная девица и ее впустили, затем свет потух. Утром девица открыла лавку. Через некоторое время в лавке появилась и баба-яга. Наблюдение продолжается.

— А что вы о них узнали?

— Ведьму зовут мадам Менделип. Девица — ее племянница, так она себя называет. Въехали они сюда около трех месяцев назад. Никто не знает, откуда они приехали. Аккуратно платят по счетам. Денег полно. Старуха никогда не выходит из дома. Держатся особняком, с соседями не общаются. У ведьмы имеется ряд покупателей — в большинстве случаев богатые люди. Делают вроде бы два вида работ — обычных кукол и все, что надо для них, и каких-то специальных, по которым старуха — мастерица. Соседи их не любят. Некоторые считают, что старуха торгует наркотиками. Пока это все.

Специальные куклы? Богатые люди? Богатые люди, вроде девицы Вейли или банкира Маршалла? А обычные куклы для людей, как акробат или каменщик? Но и эти куклы могли быть специальными, только Мак-Кенн не узнал этого...

— Позади лавки, — продолжал он, — две или три комнаты. На втором этаже большая комната вроде склада. Они снимают все помещения. Старуха и девица живут в комнатах позади лавки.

— Отличная работа, — похвалил я. — А слушай, Мак-Кенн, кукла тебе ничего не напомнила?

Он посмотрел на меня, прищурившись.

— Скажите сначала вы сами, — сказал он сухо.

— Ну, хорошо. Мне показалось, что она похожа на Питерса.

— Показалось, что похожа, — взорвался он. — К черту “показалось”! Это была его точная копия!

— И все же ты мне об этом ничего не сказал. Почему? — спросил я подозрительно.

— Будь я проклят, — начал он, но сдержался. — Я знал, что вы заметили это, но вы были так заняты уличением меня, что я просто не имел возможности.

— Тот, кто делал куклу, хорошо должен был знать Питерса, а Питерс должен был позировать, как хорошему художнику или скульптору. Почему он это делал? Когда? И вообще, почему ему или кому-нибудь еще может захотеться иметь свою копию в виде куклы?

— Разрешите мне повозиться с ведьмой часик, и я вам все скажу, — ответил он мрачно.

— Нет, — покачал я головой. — Ничего такого, пока Рикори не сможет говорить. Но может быть, мы сможем выяснить что-либо другим путем. У Рикори была какая-то причина попасть в эту лавку. Я знаю, какая, но не знаю, что привлекло его внимание в этой лавке. Кажется, он получил какие-то сведения от сестры Питерса. Если ты ее знаешь достаточно близко, съезди к ней и узнай, что она рассказала Рикори. Но не говори ничего о болезни Рикори.

Он сказал:

— Если вы мне расскажете больше. Молли не глупа.

— Хорошо. Не знаю, сказал ли тебе Рикори, что мисс Дарили умерла. Мы думаем, что имеется связь между ее смертью и смертью Питерса. Есть что-то в том, что все это имеет какое-то отношение к их любви к ребенку Молли. Дарили умерла так же, как и Питерс.

— Вы хотите сказать — с такими же... особенностями, — прошептал он.

— Да. Мы имеем основания думать, что оба они — Дарили и Питерс — заразились где-то в одном месте. Рикори решил, что Молли может знать это место. Место, где оба они бывали. Не обязательно, что в одно и то же время они могли заразиться. Может быть, даже какой-нибудь человеконенавистник заразил их нарочно... Ясно, что к Менделип Питерса направила Молли. Тут есть одна неловкость — я не знаю, говорил ли ей Рикори о смерти брата. Если он ей ничего не сказал, ты тоже ничего не должен говорить ей.

— А вы, наверное, много кой-чего знаете, — сказал он, вставая и собираясь уходить.

— Да, — ответил я откровенно. — Но я сказал тебе достаточно.

— Ну что ж, может быть, — он посмотрел на меня мрачным взглядом. — Так или иначе, я скоро узнаю, сказал ли он об этом Молли. Если да, то наша беседа будет вполне естественна. Если нет — ну, ладно, я позвоню вам. До свидания.

Он ушел.

Я подошел к остаткам куклы на столе. Душистая лужица затвердела. При этом она приняла форму, грубо напоминающую человеческое тело; с миниатюрными ребрами и просвечивающим позвоночником она имела исключительно неприятный вид.

Преодолевая отвращение, я собирал вещество для анализа, когда пришел Брейл. Я был так возбужден улучшением состояния Рикори и случившимся, что не сразу заметил его бледность и задумчивость. Я прервал свой рассказ о сомнениях, касающихся Мак-Кенна, чтобы спросить его, в чем дело.

— Сегодня утром я проснулся с мыслью о Харриет, — сказал он. — Я знал, что цифры 4—9—1, если только было так, не означали Диана. Эта мысль преследовала меня. Неожиданно я вдруг сообразил, что это означает “Diary” (дневник). В свободный час я побежал к Роббинс. Мы обыскали квартиру и нашли дневник Харриет. Вот он.

Он протянул мне маленькую тетрадку и тихо сказал:

— Я уже прочел ее.

Вот что там было (переписываю части, касающиеся описываемых событий).

3 ноября. Сегодня со мной случилось странное событие. Зашла в парк Баттери посмотреть на новых рыбок в аквариуме. Имела свободный часок после этого и пошла побродить по лавочкам, чтобы купить что-нибудь для Дианы. Наткнулась на странную маленькую лавочку. В окне стояли прелестнейшие куклы и лежали самые чудесные кукольные платья, какие я когда-либо видела. Я стояла, глядя на них и в лавку через окно.

В лавке была девушка. Она стояла спиной ко мне. Вдруг она повернулась и посмотрела на меня. Она меня как-то странно поразила. Лицо ее было бледно, совсем без окраски, а глаза — большие и испуганные. У нее была масса волос пепельного цвета, собранных на макушке. Странная девушка!

Не менее минуты мы смотрели друг на друга. Затем она быстро покачала головой и сделала знак рукой, как бы предлагая мне уйти. Я была так удивлена, что едва поверила глазам. Я уже хотела зайти и спросить, в чем дело, но, взглянув на часы, увидела, что опаздываю в госпиталь. Я снова посмотрела в лавку и заметила, что задняя дверь ее медленно отворяется. Девушка сделала отчаянный жест. Что-то

было такое во всем этом, что мне захотелось вдруг убежать. Я не убежала, но повернулась и пошла прочь.

Весь день я об этом думала. Мне было любопытно, и я немного сердилась. Куклы и их платья были прелестны. Почему мне нельзя было войти? Почему их не купить? Но я выясню это.

5 ноября. Сегодня я опять пришла в лавку. Тайна углубилась. Только я не думала, чтобы тут была какая-нибудь тайна. Я думаю, бедняжка немного ненормальная. Я не остановилась у окна, а зашла прямо в лавку. Когда она увидела меня, ее глаза стали еще более испуганными, и она даже задрожала. Я подошла к ней, и она прошептала:

— О, я же сказала вам, чтобы вы ушли. Зачем вы вернулись?

Я засмеялась и сказала: “Вы странная продащица. Разве вы не заинтересованы в продаже своих товаров?”

Она ответила быстро и тихо: “Теперь поздно. Вы уже не можете уйти. Но не трогайте ничего. Не прикасайтесь ни к чему, что она будет давать вам, не прикасайтесь”. А затем она сказала обычным голосом: “Что вам показать? У меня есть все для кукол”.

Переход был так резок, что я поразилась. И тут я увидела, что дверь открылась. Та же дверь, что и тогда, и на ее пороге стоит женщина и смотрит на меня.

Я смотрела на нее, не знаю сколько времени. Она была какая-то особенная. В ней было не менее одного метра восьмидесяти сантиметров роста, она была огромна, с огромными грудями, но не жирна, а мощна. Лицо у нее было длинное и коричневое. Над губами у нее были усы, волосы густые, серебристо-серые. Но ее глаза просто приковывали меня к месту. Она, видимо, была ужасно жизнеспособна. Или, может быть, казалась таковой рядом с безжизненной девушкой?

Нет, конечно, она была полна необычной энергии. У меня по спине пробежала дрожь, когда я смотрела на нее.

Я подумала глупо: “Какие у тебя большие глаза, бабушка! — Чтобы лучше тебя видеть, внученька! Какие у тебя большие зубы, бабушка! — Чтобы лучше тебя съесть, внученька!”

А у нее действительно были большие зубы, сильные и желтые.

Я сказала совсем глупо: “Как поживаете?”

Она улыбнулась и дотронулась до моей руки, и я почувствовала странную дрожь от ее прикосновения.

Руки ее были удивительно красивы. Так красивы, даже жутко! Длинные, с заостренными пальцами, белые. Как руки Эль-Греко или Боттичелли. Я думаю, что именно это и поразило меня. Казалось, что они не принадлежат ее огромному телу. И глаза тоже. Глаза и руки. И все-таки было именно так.

Она улыбнулась и сказала: "Вы любите красивые вещи?"

Голос ее был такой же, как руки и глаза. Глубокое богатое контральто. Я почувствовала, как он входит в меня, как аккорд органа.

Я кивнула. Она сказала: "Тогда я покажу их вам, дорогая. Войдите". На девушку она не обращала никакого внимания. Когда я переступила порог, я оглянулась.

Девушка стояла испуганная, и я ясно услышала, как она шепнула: "Помните".

Мы вошли в комнату... я не могу описать ее. Она была такой, как глаза, голос, руки ее хозяйки. Когда я вошла, у меня появилось ощущение, что я не в Нью-Йорке, не в Америке. Нигде на земле. У меня было ощущение, что единственное место на земле, где можно существовать, — эта комната.

Я испугалась. Комната была больше, чем можно было предположить по размерам лавки. Может быть, в этом был виноват свет. Мягкий, приятный, сумеречный свет. Панели были изысканны, потолок был обшит материей. Одна стена была пуста, только старый камин. Было очень тепло. В комнате стоял слабый приятный запах, может быть, от горящих поленьев. Мебель была старая, изысканная и очень необычная. На стене висели старинные ковры.

Странно, но мне трудно вспомнить, что было в этой комнате. Осталось только ощущение небывалой красоты. Ясно я помню стол и круглое зеркало, о котором мне почему-то неприятно вспоминать.

Я неожиданно для себя начала ей рассказывать о себе, о Диане, о том, что Диана любит красивые вещи.

Она выслушала и сказала своим чудесным голосом: "У нее будет красивая вещь, моя дорогая". Она вынула из шкафа самую прелестную на всем свете куклу. Я пришла в восторг от мысли, как обрадовалась бы ей моя маленькая Ди. Маленькая бэби была сделана изысканно и совсем как живая. "Нравится?" — спросила у меня хозяйка. Я ответила, что, к сожалению, я бедна и не смогу купить у нее такое сокровище.

— Но я не бедна. Она будет вашей, когда я кончу ее одежду, — рассмеялась она.

Я не удержалась и, хотя это было невежливо, сказала ей: "Вы, наверное, очень богаты. У вас такие чудесные вещи. Удивляюсь, зачем вы держите кукольную лавку".

А она снова засмеялась и сказала: "Чтобы встречаться с такими милыми людьми, моя дорогая".

И вот тут начались эти странные вещи с зеркалом. Оно было круглое, как я уже упоминала, и я смотрела и смотрела на него, потому что оно было похоже на половинку огромного

шара с чистойшей водой. Оно было в раме из резного коричневого дерева, и резьба отражалась в нем и, казалось, шевелилась, как трава на берегу озера, когда дует ветерок. Мне захотелось заглянуть в него, и вдруг это желание стало непреодолимым.

Я подошла к нему. В нем отражалась комната, совсем так, как будто я смотрела в окно на другую такую же комнату. А затем вдруг волны словно прошли по зеркалу, и оно стало туманным, а мое отражение, наоборот, очень ярким. Я видела себя, но я становилась все меньше и меньше, пока не стала величиной с большую книгу.

Я приблизила к зеркалу лицо, и маленькое личико приблизилось к моему. Я покачала головой и улыбнулась — кукла повторила мои движения. Это было мое отражение, но только маленькое. И тут я почувствовала страх и закрыла глаза. А когда я снова взглянула в зеркало, все было по-прежнему.

Я взглянула на часы и удивилась, как долго я здесь пробыла. Я встала, чтобы уйти, все еще с паническим страхом в душе. Она сказала: “Зайдите ко мне завтра, дорогая, я приготовлю для вас куклу”. Я поблагодарила и пообещала зайти. Она проводила меня до двери лавки. Девушка не глядела на меня. Имя хозяйки — мадам Менделин.

Я не пойду к ней ни завтра, ни когда-либо вообще. Она очаровательна, но я ее боюсь. Мне не нравится чувство, которое я испытала перед зеркалом. И почему, когда я видела в нем всю комнату, там не было ее отражения? Не было? И комната была освещена, хотя в ней не было ни окон, ни ламп. И эта девушка... А все-таки Ди так понравилась бы кукла.

7 ноября. Удивительно, как трудно выдерживать решение не идти к ней!

Всю ночь мне снились кошмары. Снилось, что я опять в этой комнате, как кукла. Я испугалась, стала биться, как бабочка об стекло, и вдруг увидела две красивые белые руки, протягивающиеся ко мне. Они открыли зеркало и поймали меня, а я билась, старалась вырваться.

Я проснулась со страшным сердцебиением. Диана сказала, что я плакала и кричала: “Нет, нет, не хочу!”

Сегодня я ушла из госпиталя, собиралась идти домой. И вдруг оказалось, что я жду поезда на Баттери, то есть по рассеянности направляюсь к мадам Менделин. Это меня так испугало, что я бегом выбежала из метро. Я делаю глупости, а я всегда гордилась своим здравым смыслом. Нужно, наверное, посоветоваться с мистером Брейлом и проверить нервы. И почему я не могу поехать к мадам Менделин? Я интересный человек, и я ей явно понравилась. С ее стороны было так лю-

безно предложить мне эту куклу. Она должна подумать, что я глупа и неблагодарна.

И кукла так понравится Ди! А зеркало — я чувствовала себя около него, как Алиса в Зазеркалье. Может быть, жара и запах привели меня к легкому головокружению и галлюцинациям. Просто я была слишком занята разглядыванием самой себя и не заметила отражения мадам Менделип. Смешно прятаться, как ребенок, от бабы-яги. Мне хочется пойти, и я не вижу, почему бы мне этого не сделать.

10 ноября. Ну, я даже рада, что пошла. Мадам просто удивительна. Конечно, тут есть что-то странное, но я не понимаю что, но это потому, что она не такая, как все. Когда попадаешь в ее комнату, жизнь кажется совсем другой. Когда я ухожу, мне кажется, что я покидаю заколдованный дворец и возвращаюсь в серый унылый мир.

Вчера, когда я решила пойти к ней прямо из госпиталя, точно груз свалился с плеч, стало весело и легко. Но когда я вошла, белая девушка — ее зовут Лашина — посмотрела на меня так, как будто собиралась плакать. Она сказала мне странным приглушенным голосом: “Помните, что я старалась спасти вас!” Мне это показалось таким забавным, что я расхохоталась и никак не могла остановиться. А когда я взглянула в глаза мадам Менделип и услышала ее голос, я поняла, почему так легко у меня на сердце — будто я вернулась в дом, по которому страшно истосковалась. Чудесная комната, казалось, приветствовала меня.

У меня было странное ощущение, что она живая, что она часть самой мадам Менделип, как ее глаза, руки, голос. Она ни о чем меня не спросила, а принесла куклу. Кукла была еще красивее, чем раньше, и пока мадам делала последние стежки, заканчивая ее одежду, мы сидели и разговаривали.

Она сказала: “Мне хотелось бы сделать куклу из вас, моя дорогая”. Это точные ее слова. Я на секунду чего-то испугалась, вспомнив сон, но потом поняла, что это ее манера выражаться, и она имеет в виду сделать с меня слепок, похожий на меня. Я засмеялась и сказала: “С удовольствием, мадам Менделип, она, наверное, будет даже лучше, чем я сама”. Она засмеялась вместе со мной. Глаза ее стали большими и сильно блестели.

Она принесла немного воска и стала лепить мою голову. Ее красивые пальцы работали быстро, артистически ловко. Я следила за ними, очарованная. Мне хотелось спать все сильнее и сильнее. Она сказала: “Милочка, мне хотелось бы, чтобы вы разделись и я могла слепить все ваше тело. Не стесняйтесь, я ведь старуха”. А мне было все равно, и я ответила в полусне: “Конечно, пожалуйста”.

Я встала на маленький стул и продолжала наблюдать, как воск под ее пальцами стал превращаться в мою копию. Я была такой сонной, что мадам должна была помочь мне одеться, потом я, по-видимому, заснула, а проснувшись, увидела, что она сидит рядом и гладит мою руку. “Мне жаль, дитя мое, что я вас так утомила. Полежите, отдохните. Но если вам нужно домой, то поспешите — уже поздно!” Я знала, что поздно, но мне было все равно. Потом мадам прижала пальцы к моим глазам и вся сонливость вдруг исчезла. Она сказала: “Приходите завтра за куклой”. Я сказала, что должна заплатить ей, хотя бы сколько могу, но она возразила: “Вы полностью заплатили тем, что позволили сделать из себя куклу”. После чего мы обе засмеялись, и я ушла. Девушка была чем-то занята в лавке. Я сказала ей: “До свидания”, но она ничего не ответила.

11 ноября. Я получила куклу, и Диана в восторге. Она боготворит куклу. Сидела опять для мадам Менделип, чтобы она могла закончить мою куклу. Она настоящий ангел! Удивляюсь, зачем ей эта лавочка? Она могла бы быть величайшим скульптором. Кукла — точная моя копия.

По ее просьбе я дала прядь своих волос. Но мадам сказала, что это только модель, а не кукла, которую она из меня сделает. Та будет гораздо больше и из гораздо более прочного материала, а эту она отдаст мне, когда кончит с ней работать.

На этот раз я недолго оставалась в лавке. Выходя, я улыбнулась Лашне и заговорила с ней, она кивнула мне, но без симпатии. Не знаю, может быть, она ревновала меня к мадам?

13 ноября. Впервые сажусь писать после ужасной смерти мистера Питерса 11 ноября. Я только кончила писать о кукле Ди, как меня вызвали на ночное дежурство в госпиталь. О, как я жалею, что не отказалась! Никогда не забуду эту жуткую смерть! Не хочу ни писать, ни думать об этом. Но когда я пришла домой утром, я не могла уснуть, я мучилась, стараясь вынуть из памяти это лицо. Я думала до этого, что мадам Менделип поможет мне забыть об этом. И около двух я была у нее.

Мадам была в лавке и, казалось, была удивлена, увидев меня так рано. И, по-моему, не так приветлива, как всегда. Как только я вошла в чудесную комнату, я все забыла.

Мадам что-то делала из проволоочки, сидя за столом, не рассматривала что, так как она усадила меня подальше на удобном стуле.

“Дитя мое, вы выглядите усталой. Посидите и отдохните, пока я кончу. Перед вами лежит интересная книга”. Она дала мне странную старую книгу, длинную и узкую. Она походила на средневековую книгу, написанную от руки монахами. На картинках были нарисованы сады и деревья, причем престрашные.

Людей не было, но у меня не проходило ощущение, что они прятались за деревьями и смотрят оттуда на меня. Не знаю, сколько времени я рассматривала картинки, стараясь рассмотреть прячущихся людей, но наконец мадам позвала меня. Я подошла к столу, все еще держа книгу в руках.

Мадам сказала: "Это для куклы, которую я делаю из вас. Возьмите и посмотрите, как искусно это сделано". Я взяла в руки то, что лежало на столе, и увидела, что это проволочный скелет, небольшой, как у ребенка.

И вдруг лицо Питерса появилось передо мной, я вскрикнула и выронила книгу. Она упала на скелет, раздался глухой звук, и скелет подпрыгнул. Я пришла в себя и увидела, что конец проволоки высвободился, проткнув книгу, и так и лежал.

Минуту мадам была в страшной ярости. Она схватила меня больно за руку и спросила странным голосом: "Почему вы это сделали? Отвечайте! Почему?" И тряхнула мою руку. Я не осуждаю ее теперь, но тогда она испугала меня. Наверное, она думала, что я сделала это нарочно. Потом она увидела, что я вся дрожу: глаза и голос стали ласковыми. "Что-то волнует вас, милая. Скажите мне, может быть, я смогу помочь вам." Она уложила меня на диван, села около и стала гладить мои волосы и лоб.

И вдруг я рассказала ей всю историю Питерса, хотя никому никогда о делах госпиталя не говорила. Она спросила, кто привез его в госпиталь, и я сказала, что доктор Лоуэл зовет этого человека Рикори и что он, кажется, знаменитый гангстер. Ее руки успокаивали меня, мне хотелось спать, и я рассказала ей о докторе Лоуэле, какой это великий доктор и как я ужасно влюблена в доктора Брейла. Я очень сожалею, что рассказала ей об этом. Никогда ни с кем я не была так откровенна, что не в силах была остановиться и все говорила, говорила. Все в мозгу перепуталось, и когда я подняла голову, мне показалось, что мадам упивается моим рассказом. А я была совсем не похожа на себя.

Когда я кончила, она приказала мне поспать, а она разбудит меня, когда я захочу. Я сказала, что хочу уйти в четыре, быстро заснула и проснулась успокоенной и отдохнувшей.

Когда я встала, маленький скелет и книга все еще лежали на столе, и я извинилась. Она сказала: "Лучше книга, чем рука, дорогая. Проволока могла развернуться и жестоко поранить вас". Она попросила меня принести мою форменную одежду, чтобы сделать для новой куклы такую же.

14 ноября. Я бы хотела никогда не видеть мадам Менделип. Моя нога не была бы повреждена. Но не только потому я высказала эти слова. Мне хотелось бы никогда ее не встречать.

Я отнесла ей одежду сегодня утром. Она быстро вырезала маленькую модель.

Мадам Менделип была очень весела и спела мне несколько очень оригинальных песенок. Я не поняла слов. Она засмеялась, когда я спросила, на каком языке она поет, и сказала: “Это язык народа, который смотрел на вас с картинок моей книги, дорогая”. Это так странно. Откуда она знает, что я думала о людях, спрятавшихся в лесах?

Она вскипятила чай и налила две чашки. И когда она протягивала мне чашку, она зацепила локтем чайник и опрокинула его. Кипящий чай вылился мне на правую ногу. Боль была страшная. Но она сняла мою туфлю и чулок и смазала ожог мазью. Она сказала, что боль сейчас пройдет и все заживет. Боль прекратилась, а когда я пришла домой, я не поверила глазам. Ожога не было.

Мадам Менделип была ужасно огорчена происшедшим, или делала вид. Она не проводила меня до двери, как обычно, а осталась в комнате. Лашна стояла у двери, когда я вышла в лавку. Она поглядела на повязку на моей ноге. Я сказала ей, что это ожог и мадам завязала мне ногу. Она даже не посочувствовала мне. Уходя, я сказала ей сердито: “Прощайте”. Глаза ее наполнились слезами, и она грустно сказала: “До свидания”. Закрывая за собой дверь, я увидела, что по щекам ее покатились слезы. Почему? (Мне не хотелось бы больше сюда!)

15 ноября. Нога зажила. У меня нет ни малейшего желания вернуться к мадам Менделип. Я никогда больше не пойду туда. Мне хочется уничтожить куклу, которую она дала для Ди. Но это разобьет сердечко ребенка.

20 ноября. Все еще не имею желания видеть ее. Постепенно забываю ее. Вспоминаю о ней только тогда, когда вижу куклу Ди. Я так рада! Так рада, что мне хочется плясать и петь! Я никогда не пойду туда! Боже мой, как бы мне хотелось никогда, никогда в жизни не видеть ее! И все-таки не понимаю, почему...

Это была последняя ссылка на мадам Менделип в дневнике сестры Уолтерс. 25 ноября она умерла.

Г л а в а 9

КОНЕЦ КУКЛЫ ПИТЕРСА

Брейл внимательно следил за мной. Я встретил его вопросительный взгляд и постарался скрыть чувство паники, охватившее меня.

— Никогда не предполагал такого богатого воображения у Уолтерс, — сказал я.

Он вспыхнул, спросил сердито:

— Вы думаете, она сочинила?

— Не совсем. Наблюдая ряд обычных явлений сквозь дымку живого и богатого воображения, она изобразила все иначе, чем было на самом деле.

Он сказал недоверчиво:

— А вы не думаете, что все то, что она описала, является субъективным описанием гипноза, акта гипноза?

— Я не думал о такой возможности, — ответил я сердито, — но я не вижу признаков, подтверждающих это мнение. Я вижу только, что Уолтерс была далеко не такой уравновешенной особой, как я считал. Видимо, в один из визитов к мадам Менделип она была утомлена и находилась в состоянии чрезвычайно нервной неуравновешенности, особенно после случая с Питерсом.

Рассмотрим все логически, Брейл. Нервы Уолтерс уже были напряжены из-за странного поведения и намеков бледной девушки. Затем Уолтерс привлекают куклы, она заходит прицелиться — любой поступит так же. Она встречает женщину, физические качества которой возбуждают ее воображение. Она откровенничает с ней. Эта женщина явно тоже эмоционального типа, как и она. Она дарит ей куклу. Женщина-артистка, она видит в Уолтерс чудесную натурщицу. Она просит ее позировать, без всякого принуждения, естественная просьба, — и Уолтерс позирует ей. Женщина разработала свою технику работы, как и все артисты, часть этой техники — проволочные скелеты для кукол. Естественная и умная процедура. Вид скелета напоминает Уолтерс о смерти, смерти Томаса Питерса. Она представляет себе его лицо, произведшее на нее сильное впечатление, и с ней начинается истерика.

Она пьет чай с мастерицей, и та нечаянно обваривает ее. Естественно, хозяйка хлопочет, завязывает обожженное место, смазывает его какой-то мазью, в которую верит. И это все. Где же здесь гипноз? А если гипноз, то зачем он был нужен старухе?

— Она сама сказала зачем. “Я сделаю из вас куклу, моя дорогая!” — ответил Брейл.

Я уже почти убедил себя своими аргументами и, услышав его замечание, вздрогнул.

— Вы хотите меня убедить в том, что Уолтерс возвращалась в лавку помимо своей воли для каких-то дьявольских целей мадам Менделип? Что жалостливая продащица старалась спасти ее от того, что в старых мелодрамах называется “судьбой” или хуже — “приманкой на крючке колдуньи?” И для применения мази необходимо было ее ранить?

Первая попытка ранить проволокой не удалась, и был приведен в исполнение инцидент с чайником. А теперь душа Уолтерс бьется в зеркале колдуньи, как ей приснилось. Так, что ли? И все это самое неистовое суеверие, мой дорогой Брейл!

— Вот оно что, — сказал он уклончиво, — значит, все это приходило и в вашу голову? Значит, ваш мозг не настолько еще окаменел...

Я почувствовал отчаяние.

— Значит, ваша теория заключается в том, что с момента, как Уолтерс вошла в лавку, каждое рассказанное ею событие вело к тому, чтобы мадам Менделип овладела ее душой, что и случилось в момент смерти?

— В общем, да, — немного подумав, сказал он.

— Душа, — сказал я иронически. — Но я никогда не видел ее. Что такое душа, если она существует? Ведь никто не может овладеть тем, что не существует материально. И как можно ее принуждать, направлять, ограничивать, если она не вещественна? Вы ведь считаете, что именно так поступила мастерица с Харриет? Где же помещается душа? В мозгу? Но я сотни раз оперировал мозг и никогда не видел в нем секретной камеры с таинственным жильцом. Вот маленькие клетки, много более сложные в своей деятельности, Брейл, чем любая машина, это я видел, Брейл, но души не видел. Хирурги полностью исследовали тело человека, но тоже ничего не нашли. Покажите мне душу, Брейл, и я поверю мадам Менделип.

Он несколько минут изучал мое лицо, потом кивнул.

— Теперь я понимаю. Все это поразило вас тоже, не правда ли? Вы тоже бьетесь о ваше собственное зеркало, не так ли? Что ж, я тоже претерпел огромную борьбу, чтобы отбросить в сторону все, чему меня учили, и принять, что в мире есть что-то ненормальное; это дело, Лоуэл, вне медицины, вне науки. И, не признав этого, мы ничего не поймем. Мне хочется напомнить вам о двух вещах. Питерс и Дарили умерли одинаковой смертью. Рикори выяснил, что оба они имели дело с мадам Менделип. Он сам посетил ее и едва не погиб. Харриет зашла к ней — и умерла, как и те. Разве это не говорит о том, что мадам Менделип источник зла?

— Конечно, — ответил я.

— Значит, мы должны сделать вывод, что существовала реальная причина для страха Харриет, другая, нежели ее эмоциональность и слишком развитое воображение — даже если Харриет и не знала об этих обстоятельствах.

Я снова был вынужден согласиться с ним.

— Второе, это исчезновение всякого желания вернуться в лавку после инцидента с чайником. Это не удивило вас?

— Нет. Если она была эмоционально неустойчива, испытанный ею шок мог привести к обратным настроениям, создать бессознательный барьер. Обычно такие люди не любят возвращаться туда, где они испытали что-то непристойное.

— А заметили ли вы, что после ожога хозяйка не проводила ее до дверей? И что это было в первый раз после их знакомства?

— Я не обратил на это внимания. А что?

— Так. Если применение мази было последним действием и смерть стала неизбежной, для мадам Менделип становилось неудобным, если жертвы будут ходить часто в лавку, пока их не убьет яд. Приступ может даже начаться в лавке и привести к опасным расследованиям. Поэтому было умным сделать так, чтобы жертвы потеряли всякий интерес к ней, даже чувствовали неприязнь к ней или забывали ее. Это можно легко сделать под гипнотическим внушением. А мадам Менделип имела для этого все возможности. Разве это не объясняет поведения Харриет?

— Да, — снова сознался я.

— И поэтому женщина не пошла к двери. Ее план удался. Все было кончено. Она внушила то, что хотела, и контакт с Харриет больше не нужен. Она выпускает ее без сопровождения. Показательно для окончания всего... — он задумался. — Нет нужды опять встречаться с Харриет, — прошептал он, — до ее смерти.

Я вздрогнул.

— Что вы хотите этим сказать?

Брейл подошел к почерневшему месту на полу и поднял кристаллик. Потом посмотрел на гротескную фигуру с ребрами скелета на столе.

— Интересно, как подействует на нее огонь, — подумал он вслух и хотел поднять скелет. Но тот прилип к столу, и Брейлу пришлось его сильно дернуть. Раздался резкий металлический звук, и Брейл выронил его с испуганным восклицанием. С минуту проволока извивалась на полу, как живая, и наконец раскрылась; несколько минут она еще скользила как змея, затем затихла, вздрагивая. Мы посмотрели на стол. Вещество, напоминающее скрюченное безголовое тело, исчезло. На его месте осталась только пленка серой тонкой пыли. Некоторое время она клубилась и шевелилась, как от ветра, потом исчезла.

Глава 10

ШАПОЧКА СИДЕЛКИ И “ЛЕСТНИЦА ВЕДЬМЫ”

— Она умеет отделяться от улик, — рассмеялся Брейл, но в смехе не было веселья. Я промолчал. Эту же мысль я скрыл от Мак-Кенна, когда исчезла голова куклы. Избегая дальнейших

разговоров на эту тему, мы с Брейлом отправились навестить Рикори.

У двери стояли два новых телохранителя. Они вежливо поднялись и ответили на наши вопросы.

Мы тихо зашли. Рикори спал. Он дышал легко, спокойно, в глубоком здоровом сне.

Комната была в конце здания, окна выходили в небольшой садик. Оба моих дома старомодны; толстые лозы вирджинского винограда оплетают их задние фасады.

Я приказал сестре установить экран у лампы, чтобы на Рикори падал очень слабый свет. Я предупредил телохранителей, что здоровье их босса зависит в значительной мере от тишины. Было около шести часов. Я пригласил Брейла к обеду, затем попросил его навестить пациентов в госпитале и вызвать меня, если появится необходимость.

Мне хотелось быть дома в момент пробуждения Рикори.

Мы почти кончили обед, когда зазвонил телефон, Брейл взял трубку.

— Мак-Кенн, — сказал он.

Я подошел.

— Как босс?

— Лучше. Я ожидаю, что он проснется и заговорит, — ответил я, внимательно прислушиваясь, какова будет реакция.

— Это чудесно, док!

Я не мог уловить в его тоне ничего, кроме глубокого удовлетворения.

— Слушайте, док. Я видел Молли и узнал кое-что. Зашел к ней сразу от вас. Муж ее был дома; мы оставили с ним ребенка, и я повез ее покататься.

— Знала она о смерти Питерса? — перебил я.

— Нет. И я ей не сказал. Теперь слушайте. Я говорил вам про Горти... Как кто? Да мисс Дарили, девушка Джима Уилсона. Да. Дадите вы говорить наконец? Я вам сказал, что Горти любила ребенка Молли.

В начале прошлого месяца Горти явилась с красивой куклой для девочки. У нее была поранена рука, и она сказала, что повредила ее там же, где достала куклу. Женщина наложила ей повязку, она подарила ей куклу, потому что Горти показалась ей хорошенькой и согласилась попозировать ей для статуэтки, что ли. Горти это очень польстило, и она страшно расхваливала эту даму.

Через неделю Питер зашел к Молли и увидел эту куклу. Она понравилась ему; он даже приревновал девочку к Горти и спросил, где она ее достала. Та дала ему адрес мадам Менделип. Том сказал, что кукла хороша и ей нужна пара, и решил достать

куклу-мальчика. И через неделю принес чудного мальчишку-куклу. Молли спросила, сколько он заплатил (она скрыла, что Горти заплатила позированием). Молли говорит, что Том смутился, но ответил, что плата за куклу его не разорила.

Тогда она стала шутить, спрашивая, не нашла ли мастерица кукол его достаточно хорошеньким, чтобы позировать ей, но в это время девочка закапризничала, и она отвлеклась, не получив ответа.

Том не показывался до первых чисел этого месяца. Когда он появился, на руке его была повязка, и Молли шутя спросила его, не поранил ли он руку там, где взял куклу.

— “Да, там, — удивленно ответил он, — но какого черта ты знаешь об этом?” Да, да, именно так и спросил. Что? Завязала ли она ему руку? Нет, не знаю. Молли не сказала, я не спрашивал.

— Слушайте, док, я вам говорил, что Молли не дура. Мне пришлось потратить два часа, чтобы все выяснить. Говорил о том, о другом, опять, будто невзначай, возвращался к старому. Но боялся задавать слишком много вопросов. Да, я сам понимаю, док, что глупо, но повторяю, что я боялся заходить слишком далеко. Молли слишком умна.

Рикори, когда был у нее, применял ту же тактику. Он восхищался куклами, спрашивал, где она их достала, сколько это стоило... Вспомните, я говорил вам, что оставался в машине, когда он был у нее. После этого он приехал домой, звонил по телефону, а потом отправился к этой бабе-яге. Вот и все. Что-нибудь это значит? Да, тогда здорово!

Он помолчал немного, но трубку не вешал.

— Ты слушаешь, Мак-Кенн? — спросил я.

— Да, я думал... Мне хотелось быть с вами, когда босс проснется. Но мне нужно съездить и удостовериться, как мои люди смотрят за этими коровами Менделип. Может быть, я попозже заеду к вам. Всего!

Я медленно подошел к Брейлу, пытаюсь привести в порядок разбегающиеся мысли. Я повторил ему то, что сказал Мак-Кенн.

Он не перебивал меня. Потом спокойно сказал:

— Гортензия Дарили отправляется к старухе Менделип, ей дают куклу, просят позировать, ранят, затем лечат рану, и она умирает. Питерс тоже отправляется к ней, получает куклу, как Гортензия. Вы видели куклу, для которой он, видимо, позировал. Харриет прошла через то же самое. Также умерла. Что же теперь?

Я вдруг почувствовал себя старым и утомленным. Не очень приятно видеть и чувствовать, как рушится знакомый и организованный мир. Я сказал устало:

— Не знаю.

Брейл погладил меня по плечу.

— Поспите немного. Сестра позовет вас, если Рикори проснется. Мы доберемся до сути истории.

— Если даже сами в нее попадем, — улыбнулся я.

— Даже если сами должны будем в нее попасть, — сказал он, но не улыбнулся.

После ухода Брейла я долго сидел глубоко задумавшись. Затем попытался читать, но безуспешно. Мой кабинет, как и комната Рикори, выходит в маленький сад. Я подошел к окну и стал смотреть в него, ничего не видя. Яснее, чем когда-либо, я чувствовал себя стоящим перед закрытой дверью, которую важно было открыть.

Я вернулся в кабинет и удивился, что уже десять часов. Я погасил свет и лег на кушетку. Почти тотчас же я заснул. Я проснулся, вздрогнув, как будто кто-то сказал мне что-то громкое прямо в ухо, и сел, прислушиваясь. И вдруг я почувствовал, что тишина какая-то странная, давящая. Она заполняла кабинет густой массой, ни один звук снаружи не мог пробиться сквозь нее. Я вскочил на ноги и включил свет. Тишина, казалось, стала изливаться из комнаты, как что-то материальное. Но медленно.

Теперь я мог слышать тиканье моих часов. Я неторопливо подошел к окну, нагнулся над подоконником и высунулся, чтобы глотнуть чистого воздуха. Потом я высунулся еще больше, чтобы взглянуть на окно комнаты Рикори. При этом я оперся рукой о ствол виноградной лозы и вдруг почувствовал, что она слегка дрожит, как будто кто-то осторожно трясет ее или по ней взбирается какое-то маленькое существо.

Окно комнаты Рикори вдруг осветилось. Позади я услышал тревожный звонок и бросился вверх по лестнице. У дверей комнаты Рикори стражи не было, двери были распахнуты. Я остановился на пороге ошеломленный. Один из стражей перегнулся через подоконник с автоматом в руках, другой склонился над телом Рикори, лежащим на полу. Пистолет его был направлен на меня. Кровать была пуста. За столом сидела сиделка, голова ее свешивалась на грудь, она спала или была без сознания. Телохранитель опустил оружие.

Я нагнулся над Рикори. Он лежал вниз лицом в нескольких футах от кровати. Я перевернул его. Лицо было смертельно бледное, но сердце билось.

— Заприте дверь и помогите положить его на кровать, — приказал я. Телохранитель повиновался. Человек у окна, не оборачиваясь, спросил сквозь зубы:

— Босс умер?

— Не совсем, — ответил я и затем выругался, что делал весьма редко: — Что же вы, черт побери, мерзавцы этикие, за сторожа?

Человек, запиравший дверь, невесело засмеялся.

— Тут есть много такого, о чем следует порасспрашивать, док.

Я взглянул на сиделку. Она все еще сидела в расслабленной позе.

Я снял с Рикори пижаму и начал детальное обследование тела. Никаких следов не было. Я сделал инъекцию адреналина, потом занялся сиделкой. Она не просыпалась. Я стал трясти ее, потом поднял веки. Зрачки были сжаты. Я поднес к ним яркий свет, но реакции не было. Пульс и дыхание были слабыми, но не опасны. Я оставил ее в покое и обратился к стражам.

— Что случилось?

Они смущенно поглядывали друг на друга. Стоявший у окна махнул рукой, как бы приглашая своего товарища говорить.

Тот начал.

— Мы сидели в коридоре. Вдруг в доме наступила какая-то проклятая тишина. Я сказал Джеку: “Как будто глушители поставили во всем доме”. Он ответил: “Да”. И вдруг мы услышали звук из комнаты, как от падения тела с кровати. Ворвались в комнату и увидели босса в таком виде, как застали вы. И сиделку тоже. Мы позвонили, и скоро пришли вы. Это все, Джек?

— Да, — ответил тот, — я полагаю, все.

Я посмотрел на него подозрительно.

— Ты полагаешь, что это все? Что ты хочешь сказать этим “я полагаю”?

Они снова переглянулись.

— Давай, катай все, Билл, — сказал Джек.

— Черт, ведь не поверит, — сказал тот.

— И никто не поверит. Тем не менее расскажи.

Билл начал.

— Когда мы ворвались в комнату, мы увидели что-то похожее на пару дерущихся кошек на подоконнике. Босс лежал на полу. Мы схватились за пистолеты, но боялись стрелять, так как вы сказали нам, что шум может убить босса. Потом мы услышали странный звук, будто кто-то играл на флейте за окном. Два существа разъединились и прыгнули за окно. Мы бросились к окну, но ничего не увидели.

— Вы видели какие-то существа? На что они были похожи?

— Скажи, Джек.

— На кукол.

Дрожь пробежала у меня по спине. Это был ответ, которого я ожидал и боялся. Выпрыгнули в окно! Я вспомнил, как дрожала лоза.

Билл посмотрел на меня, и рот у него раскрылся.

— Иисус, Джек, — прошептал он. — Док верит этому.

Я заставил себя говорить.

— Какие это были куклы?

Джек у окна ответил уже более доверительно:

— Одну мы не рассмотрели. Другая была совсем как одна из ваших сиделок, если бы ее уменьшить футов до двух.

Одна из моих сиделок... Уолтерс!.. Я почувствовал слабость и опустился на край кровати. Что-то белое на полу у кровати привлекло мое внимание. Я тупо посмотрел на эту вещь несколько секунд, потом нагнулся и поднял ее. Это была... шапочка сиделки, маленькая копия тех, которые носят мои сиделки. Она была как раз таких размеров, которые нужны были для двухфутовой куклы. На полу лежало еще что-то. Я поднял. Это была веревочка из волос с узелками... Светлые пепельные волосы... девять сложных узлов на разных расстояниях друг от друга.

Билл стоял, глядя на меня с тревогой, потом спросил:

— Хотите, я найду ваших людей, док?

— Постарайтесь найти Мак-Кенна, — попросил я, затем вернулся в Джеку. — Заприте окна, опустите гардины, проверьте дверь.

Билл позвонил по телефону. Сунув шапочку и веревочку в карман, я подошел к сиделке. Она начала быстро приходить в себя. Через две минуты мне удалось разбудить ее.

Сначала она ничего не понимала, затем встревожилась и вскочила.

— Я не видела, как вы вошли, доктор. Неужели я заснула? Что случилось?

Она схватилась за горло.

— Я надеюсь, что вы нам об этом расскажете, — сказал я мягко.

Она взглянула на меня с удивлением.

— Я не знаю... стало вдруг очень тихо... Мне показалось, будто что-то шевелится на подоконнике... затем появился какой-то странный свет... и затем я увидела вас, доктор.

Я спросил:

— Не можете ли вы вспомнить что-нибудь о том, что вы видели на окне? Малейшую деталь, малейшее представление. Попробуйте, пожалуйста.

Она ответила медленно.

— Там было что-то белое... Оно наблюдало за мной... Затем появился странный свет... запах цветов... Это все.

Билл повесил трубку.

— Все в порядке, док. Пошли за Мак-Кенном. Что теперь?

— Мисс Натлер, — обратился я к сестре, — я заменю вас сегодня. Идите спать. Я хочу, чтобы вы выпались. Советую вам принять... — я назвал лекарство.

— Вы не сердитесь, не считаете, что я недобросовестна?

— Нет, нет, — я улыбнулся и погладил ее по плечу. — Просто произошли некоторые серьезные изменения в состоянии больного. И все. Не задавайте больше вопросов и идите.

Я проводил ее и запер дверь. Потом сел около Рикори. “Шок, который он испытал, должен пройти или убить его”, — подумал я мрачно. Вдруг легкая дрожь пробежала по телу больного. Одна рука со сжатым кулаком начала медленно подниматься, губы зашевелились. Он заговорил по-итальянски так быстро, что я не уловил ни единого слова. Я встал. Паралич кончился. Он мог двигаться и говорить. Но вернется ли к нему сознание? Это будет ясно через несколько часов; больше я ничего не мог сделать.

— Слушайте меня внимательно, — сказал я обоим ребятам, — то, что я скажу, покажется вам диким, но вы должны повиноваться мне даже в мелочах, от этого зависит жизнь Рикори. Я хочу, чтобы один из вас сел позади меня у стола. Другой сядет в головах кровати Рикори между мною и им. Если заметите какое-нибудь изменение в состоянии Рикори, немедленно разбудите меня. Ясно?

— Ясно, — ответили они.

— Очень хорошо. Теперь самое важное. Вы должны внимательно наблюдать за мной, буквально не сводить с меня глаз. Если я подойду к вашему боссу, я могу сделать только три вещи: послушать его сердце и дыхание, поднять веки и измерить температуру. Если вам покажется, что я хочу сделать что-нибудь другое — остановите меня. Если я буду сопротивляться — свяжите меня, но рот не затыкайте, слушайте, что я говорю и запоминайте, затем позвоните доктору Брейлу. Вот его телефон. — Я написал на клочке бумаги. — И не вредите мне больше, чем необходимо.

Они засмеялись, затем переглянулись между собой недоуменно.

— Если вы так говорите, док... — начал с сомнением Билл.

— Я так говорю. Не рассуждайте, ребята. Если вы будете грубы со мной, я не обижусь.

— Док знает, что говорит, Билл, — сказал Джек.

— Тогда ладно, — согласился Билл.

Я потушил все лампы, за исключением той, которая стояла на столике сиделки, потом вытянулся на стуле и установил лампу так, чтобы мое лицо было хорошо видно. Маленькую

белую шапочку я положил в ящик стола. Джек сел возле Рикори. Билл придвинул стул и сел напротив меня. Я засунул руки в карман, закрыл глаза, постарался ни о чем не думать. Веревочку с узелками я держал в руке, засунутой в карман. Оставив на время мои концепции о здоровом порядке в этом мире, я решил дать мадам Менделип все возможные шансы действовать.

Вскоре я заснул. Сквозь сон я услышал, как пробило час ночи.

...Где-то дул ветер. Он схватил меня и унес. Я не имел тела или какой-то формы, и все же существовал, бесформенный, но чувствующий, кружащийся по воле ветра, уносящийся в бесконечное пространство. Бестелесный, нематериальный, я знал все-таки, что существую, больше того, я обладал какой-то неземной жизненностью. Я ревел вместе с ветром в нечеловеческом ликовании. Ветер нес меня обратно из неизмеримых пространств... Вот я как бы проснулся, но пульс странной жизненности все еще пронизывал меня... Ах! Там на кровати было что-то, что я должен уничтожить, убить, чтобы мой пульс не замер, чтобы ветер подхватил меня снова, унес, дал бы мне свою энергию... Но осторожнее, осторожнее... вот тут в горле под ухом... в это место я должен вонзить... затем снова улететь с ветром... туда, где бьется пульс... Что держит меня?.. Осторожнее, осторожнее... Я хочу померить его температуру. Теперь один быстрый прыжок — и в горло, в то место, где бьется пульс. Нет, не этим! Кто это сказал? Все еще держат меня. Ярость, всепоглощающая в своем бессилии... темнота и звук удаляющегося ветра...

Я услышал голос:

— Стукни его еще раз, Билл, но не сильно. Он приходит в себя.

Я почувствовал сильный удар по лицу, танцующий туман развеялся. Я стоял на полпути между столиком сиделки и кроватью. Джек держал мои руки. Рука Билла была еще поднята. Я что-то крепко сжимал в руке. Я посмотрел. Это был большой скальпель, отточенный, как бритва.

Я уронил его и сказал спокойно:

— Теперь все в порядке, можете отпустить меня.

Билл не сказал ничего. Его товарищ не разжал рук. Я посмотрел на них внимательно и увидел, что лица обоих землисто-бледные.

Я сказал:

— Это было то, чего я ожидал. Поэтому я и дал вам соответствующие инструкции. Все кончено. Вы можете направить на меня оружие, если желаете.

Джек отпустил мои руки.

Я пощупал лицо и сказал мягко:

— Вы стукнули меня довольно сильно, Билл.

Он ответил:

— Если бы вы видели ваше собственное лицо, док, вы бы не удивились тому, что я ударил изо всех сил.

Я кивнул, прекрасно понимая теперь демонический характер испытанной ярости.

— Что я делал, Билл?

— Вы проснулись, сидели несколько минут, глядя на босса. Затем вынули что-то из ящика и встали, сказав, что хотите измерить температуру. Вы были уже на полпути, когда мы заметили, что у вас в руках. Я закричал: “Нет, не этим!”, а Джек схватил вас. После этого вы словно обезумели. И мне пришлось стукнуть вас. Все.

Я снова кивнул. Затем вынул из кармана веревочку с узелками, сплетенную из волос, положил ее на поднос и поднес к ней спичку. Она начала гореть, извиваясь, как маленькая змея, и при этом крошечные узелки сами развязывались. На подносе образовалась кучка пепла.

— Я думаю, что сегодня больше ничего не будет, — сказал я, — но все-таки будьте настороже, как всегда.

Я снова упал на стул и закрыл глаза.

Да, Брейл не показал мне души, но я поверил в мадам Менделип.

Глава 11

КУКЛА УБИВАЕТ

Конец ночи. Я спал крепко и без снов. Проснулся я как обычно, в семь. Я спросил телохранителей, не слышно ли чего-нибудь от Мак-Кенна, и они ответили отрицательно. Я был немного удивлен, но они, казалось, не придали этому особого значения. Они скоро должны были смениться. Я предупредил их, чтобы они никому ничего о событиях ночи не рассказывали, за исключением Мак-Кенна, и они уверили меня, что будут молчать. Кроме того, я предложил им, чтобы они дежурили в комнате, а не у дверей.

Рикори спал крепко и спокойно, состояние его было отличное. Я подумал, что второй шок как бы противодействовал первому. Когда он проснется, он сможет говорить и двигаться. Я сказал об этом его людям. Я видел, что они горят желанием задать ряд вопросов, но я дал понять, что отвечать не собираюсь.

В десять тридцать ко мне забежал Брейл позавтракать и доложить о больных. Я рассказал ему о ночных делах, умолчав,

правда, о шапочке сиделки и моем печальном опыте. Я сделал это потому, что Брейл ухватился бы за эту шапочку. Я сильно подозревал, что он был влюблен в Уолтерс и что я не смогу в этом случае удержать его от визита к кукольной мастерице. Это было бы опасно для него, а его наблюдения не имели бы никакой цены для меня. Кроме того, узнав о моем опыте, он отказался бы оставлять меня одного. А это помешало бы моему решению увидеть мадам Менделип наедине (за исключением Мак-Кенна, который наблюдал бы за мной извне).

Что могло получиться из этого, я не знал. Но только это могло спасти мое самоуважение. Признать, что все случившееся было колдовством, волшебством, сверхъестественным, — означало сдать на милость суеверия. Ничего нет сверхъестественного! Если что-нибудь существует, оно должно подчиняться естественным законам. Мы можем не знать этих законов, но они существуют.

Если мадам Менделип обладает неизвестным значением, я должен раскрыть его. Тем более, что я смог предугадать ее технику. Во всяком случае, я должен ее увидеть. Но сегодня был день моих консультаций, и до двух часов дня я не мог уйти. Я попросил Брейла остаться на дежурство после двух. Около двенадцати сиделка позвонила и сообщила, что Рикори проснулся, может говорить и просит меня прийти.

Он улыбнулся мне, когда я вошел. Я нагнулся послушать его пульс, и он сказал мне:

— Я думаю, вы спасли больше, чем мою жизнь, доктор Лоуэл, благодарю вас, я этого не забуду.

Немного цветисто, но в его характере. Это показывало, что мозг его работал нормально, и я успокоился.

— Да, вы были плохи. — Я погладил его руку.

Он прошептал:

— Были еще случаи смертей...

Мне захотелось узнать, помнит ли он что-нибудь о том вчере. Я ответил:

— Нет, но вы потеряли много сил с тех пор, как Мак-Кенн привез вас сюда. Я не хочу, чтобы вы много разговаривали сегодня... — И добавил обычным тоном: — Нет, ничего не случилось. О, да, вы упали с кровати сегодня утром. Вы помните?

Он посмотрел на людей, потом на меня и сказал:

— Я слаб, очень слаб. Вы должны быстро поставить меня на ноги.

— Вы будете сидеть через пару дней.

— Меньше, чем через два дня, я должен встать. Есть одна вещь, которую я должен сделать. Я не могу ждать.

Я не хотел, чтобы он волновался, и сказал решительно:

— Это зависит только от вас. Я дам указания о вашем питании. Кроме того, я хочу, чтобы ваши ребята оставались в комнате.

— И тем не менее вы хотите уверить меня, что ничего не случилось, — сказал он.

— Я хочу, чтобы ничего не случилось.

Я нагнулся над ним и прошептал: «Мак-Кенн расставил людей вокруг ее жилища. Она не сможет убежать».

— Но ее слуги способнее моих, доктор, — ответил он.

Я взглянул на него — глаза его были непроницаемы. Я прошел в кабинет в глубокой задумчивости. Что знал Рикори?

В половине первого позвонил Мак-Кенн. Я был так рад услышать его голос, что даже рассердился.

— Где ты был?.. — начал я.

— Слушайте, док, я у сестры Питерса, Молли, — перебил он меня. — Приходите скорее.

Это требование еще больше рассердило меня.

— Не сейчас, я освобожусь после двух.

— А не можете ли вы все-таки приехать? Что-то случилось, и я не знаю, что делать.

В его голосе слышалось отчаяние.

— Что случилось? — спросил я.

— Я не могу сказать по... — голос его снизился, стал мягким, я слышал, как он сказал: «Успокойся, Молли, это не поможет». И затем мне: — Ну, хорошо, приезжайте, когда сможете, док, я подожду. Запишите адрес. — Затем, когда он все продиктовал, я услышал, как он сказал: «Оставь это, Молли! Я не уеду от тебя». Он резко повесил трубку.

Я вернулся к столу обеспокоенный. Он даже не спросил о Рикори — это было само по себе тревожным признаком. Может быть, Молли узнала о смерти брата и ей стало плохо? Я вспомнил, что Рикори говорил, что она ждет ребенка. Нет, я чувствовал, что паника Мак-Кенна вызвана чем-то большим. Убедившись, что серьезных вызовов нет, я попросил дежурного отсрочить их, заказал машину и назвал адрес Молли.

Мак-Кенн встретил меня на пороге, лицо его похудело и осунулось, в глазах стояло загнанное выражение. Он молча пропустил меня через гостиную. Я увидел женщину с плачущим ребенком на руках. Мак-Кенн провел меня в спальню. На кровати лежал мужчина, накрытый покрывалом до подбородка. Я нагнулся, попробовал пульс, сердце. Он был мертв. Мак-Кенн сказал:

— Муж Молли. Осмотрите его, как босса.

Я почувствовал исключительно неприятное чувство. Питерс, Уолтерс, Рикори, этот лежащий передо мной — будто какая-то рука специально направляла меня; когда же это прекратится?

Я раздел мужчину, вынул из сумки увеличительное стекло и зонды. Я осмотрел все тело, дюйм за дюймом, начиная от области сердца. Ничего... Я перевернул тело и сейчас же в основании черепа увидел крошечную точку. Я вынул самый тонкий зонд и ввел его. Зонд — и опять у меня возникло ощущение бесконечного повторения — свободно скользнул в отверстие. Я слегка пошевелил им. Что-то вроде длинной тонкой иглы было введено в то место, где позвоночник соединяется с мозгом. Случайно, а может быть, потому, что игла дико вращалась, чтобы прервать нервные пути, случился паралич дыхания. Это вызвало моментальную смерть. Я вынул зонд и повернулся к Мак-Кенну.

— Этот человек убит. Убит тем же оружием, от которого пострадал Рикори. На этот раз более умело.

— Да? — спокойно спросил Мак-Кенн. — С этим человеком были только его жена и ребенок. По-вашему, это они убили его, как вы говорили на нас с Полем?

— Что ты знаешь, Мак-Кенн, и как ты попал сюда?

Он терпеливо ответил:

— Меня не было здесь... Это случилось в два часа ночи. Молли позвонила мне с час назад.

— Ей повезло больше, чем мне, — сказал я сухо. — Ребята Рикори ищут тебя с часу ночи.

— Я знаю, но я уходил по делам босса и вашим. Во-первых, я хотел узнать, где племянница этой дикой кошки держит свой маленький автомобиль. Я нашел, но поздно.

— Ну, а люди, которые должны были наблюдать?

— Слушайте, док, поговорите с Молли. Я боюсь за нее. Ее поддерживает только то, что я говорил ей о вас.

Мы вернулись в комнату. Женщине было не более двадцати семи — двадцати восьми лет. При обычных обстоятельствах она была бы очень хороша. Теперь ее лицо было смертельно бледно, глаза полны ужаса, граничащего с сумасшествием. Глаза глядели на меня, не видя. Она все время растирала губы концами пальцев. Девочка лет четырех продолжала беспрерывно плакать.

Мак-Кенн встряхнул ее за плечи.

— Кончи это, Молли, — сказал он грубо, но с жалостью. — Вот док.

Женщина посмотрела на меня и спросила со слабой надеждой: “Он жив?” Она прочла ответ на моем лице и закричала: “О, Джонни, Джонни, родной! Умер!” Потом взяла на руки

ребенка и сказала почти спокойно: “Успокойся, крошка, мы скоро увидимся с ним”.

Мне бы хотелось, чтобы она заплакала; этот глубокий страх, не оставляющий ее глаз, был слишком силен, он как бы закрывал все выходы для горя. Ее мозг длительное время не мог вынести такое напряжение.

— Мак-Кенн, — прошептал я, — скажи ей что-нибудь, сделай что-нибудь, что хоть немножко подбодрит или отвлечет ее. Сделай так, чтобы она сильно рассердилась или заплакала. Все равно, что.

Он кивнул. Потом выхватил ребенка у нее из рук, спрятал его за спиной, близко наклонился к ней и грубо спросил:

— Ну-ка, скажи начистоту, Молли, почему ты убила Джона?

На минуту она замерла, не понимая. Затем вся вздрогнула. Ужас исчез из ее глаз, и они заблестели от бешенства. Она бросилась на Мак-Кенна и принялась бить его кулаками по лицу.

Я поймал ее за руки. Ребенок кричал.

Напряжение ее тела ослабло, руки бессильно опустились. Она соскользнула на пол и положила голову на колени. И слезы пошли. Мак-Кенн хотел поднять ее и успокоить.

Я остановил его.

— Пусть поплачет. Для нее это лучше всего.

Немного погодя она взглянула на Мак-Кенна и спросила тихо:

— Ты ведь не думаешь этого, Дан?

— Нет. Я знаю, что это не так. А сейчас расскажи все до-
ку — и скорее.

Она спросила довольно спокойно:

— Вы будете задавать вопросы, доктор, или мне просто рассказывать?

Мак-Кенн сказал:

— Расскажи так, как рассказала мне. Начни с куклы.

Я кивнул. Она начала.

— Вчера перед обедом Дан приехал и повез меня покататься. Обычно Джон не приходит... не приходил домой до шести. Но вчера он беспокоился обо мне и приехал домой рано, около трех. Он любит... любил Дана и настоял, чтобы я поехала.

Я вернулась около шести. “Пока ты отсутствовала, Молли, дочурке прислали подарок, — сказал он. — Это опять кукла. Я уверен, что это прислал Том”. Том — мой брат.

Я открыла коробку на столе. Там лежала чудеснейшая кукла. Маленькая девочка, но не ребенок, а лет двенадцати. Одета ученицей, с книжками через плечо, высотой около тридцати

сантиметров. Личико как у ангелочка. Джон сказал: “Адрес был на твое имя, Молли. Я подумал, что там цветы, и вскрыл посылку. Просто так и ждешь, что она заговорит, правда? Эта кукла — портрет. Я уверен, что он сделан с живой модели”. Я тоже решила, что куклу прислал Том, он уже дарил моей дочери куклу. А моя подруга... которая умерла... рассказывала мне, что женщина, которая делает кукол, просила ее позировать для нее. А когда я спросила Джона, не было ли там записки или письма, он вытащил из кармана странную вещь — веревочку из волос, завязанную узелками. “Вот что там было... Удивляюсь, что за фантазия у Тома”, — сказал Джон. Он положил веревочку обратно в карман, и мы забыли о ней.

Маленькая Молли спала. Мы поставили куклу так, чтобы она сразу увидела ее, как только проснется. И Молли не могла от нее оторваться, когда увидела ее.

Когда она ложилась спать, я хотела забрать куклу, но она заплакалась, и пришлось куклу оставить. Перед сном мы подошли к колыбельке, она стоит в спальне, в углу, у окна. Джон сказал: “Господи, Молли, я бы не удивился, если бы кукла встала и пошла. Она выглядит такой живой, как наша дочурка! Для нее позировала прелестная девочка”. И это было так. У нее было прелестное доброе личико. О, доктор, это было так ужасно, так ужасно...

Я увидел, что страх опять появляется в ее глазах.

Мак-Кенн сказал:

— Держись, Молли.

Она продолжала:

— Я попыталась оторвать куклу, боясь, что во сне Молли может забыть ее, но Молли крепко ее держала и мне не хотелось беспокоить ее.

Когда мы раздевались, Джон опять вынул из кармана волосяную веревочку. “Странная штука, когда увидишь Тома, спроси, что это такое”, — сказал он, потом сунул ее в ящик стола у кровати и заснул. Потом заснула и я... Потом я проснулась... или думала, что проснулась... Не знаю, спала я или нет... и все же... О, господи, я слышала, как умирал Джон.

И слезы снова брызнули из ее глаз.

— Если я проснулась, то от странной тишины. Она бывает только во сне, такая тишина. Мы живем на втором этаже, и к нам всегда доносятся звуки с улицы. Я прислушивалась, пытаясь уловить хоть малейший шум. Я даже не слышала дыхания Джона. Что-то жуткое было в этой тишине. Я хотела разбудить Джона, но не могла ни двигаться, ни крикнуть. Занавески на окнах были наполовину опущены. Слабый свет проникал из-под них с улицы.

И вдруг он исчез. Комната погрузилась во мрак. И затем появился зеленый свет, но не снаружи. Он был в самой комнате! Он слегка разгорался и угасал, разгорался и угасал, но после каждого угасания становился все ярче. Он был как свет, но это не был свет — он сиял, был повсюду, под столом, под стульями — он не давал тени! Я могла видеть все в комнате, видела дочурку в колыбели и голову куклы у нее на плече.

И вдруг кукла зашевелилась! Она повернула голову, как бы прислушиваясь к дыханию ребенка, и положила ручки на руку ребенка. Рука упала. Кукла села! Теперь я была уверена, что это сон. Странная тишина, странный зеленый свет и это... Кукла упала через стенку колыбельки на пол. Затем добежала вприпрыжку до кровати, как ребенок, таща за собой свои учебники на ремешке. Она поворачивала голову во все стороны, как любопытное дитя.

Потом увидела туалетный столик, остановилась, потом вспрыгнула на него, села на край стола и стала любоваться собой в зеркало... Она прихорашивалась, вертелась, рассматривая себя то через правое, то через левое плечо. Я подумала: "Какой странный дикий сон! Все это Джон со своими замечаниями. Но я не сплю, иначе бы я не раздумывала о том, почему мне снится сон". Все это показалось мне такой чепухой, что я засмеялась. Но звука смеха не было. Смех был как бы внутри меня.

Но кукла, похоже, услышала. Она повернулась и посмотрела прямо на меня. Мне показалось, что сердце остановилось в груди. У меня бывали кошмары, доктор, но ужаснее глаз этой куклы я не видела ничего. Это были глаза дьявола! Они отливали красным. Я хочу сказать, фосфоресцировали, как глаза животного в темноте. Но в них была злоба, жуткая злоба, которая потрясла меня. Эти глаза дьявола на ангельском личике!

Не помню, долго ли она так стояла, глядя на меня. Потом спрыгнула вниз и села на край стула, болтая ногами, как ребенок. Затем медленно и спокойно закинула руки за голову и также медленно их опустила.

В одной из них была длинная, как кинжал, игла... Она спрыгнула на пол, подбежала ко мне и спряталась под кровать. Минута — и она взобралась на кровать и стояла в ногах у Джона, все еще глядя на меня своими красноватыми глазами. Я попыталась крикнуть, шевельнуться, разбудить Джона. "О, господи, спаси, разбуди его", — молилась я. Кукла начала медленно взбираться к его голове вдоль тела. Я попыталась пошевелить рукой, чтобы схватить ее. И не смогла. Кукла исчезла из моего поля зрения. И потом... я услышала ужасный стон. Я почувствовала, как тело Джона содрогнулось, вытянулось, замерло. Затем он вздохнул.

Я знала, что Джон умирает. Я не могла ничего сделать... и это молчание... и зеленый свет... Из-под окон раздался какой-то звук свирели или флейты. Я почувствовала какое-то движение. Кукла пробежала по полу и вспрыгнула на подоконник. Она нагнулась, глядя на улицу. Я увидела у нее в руках ту веревочку с узелками. Снова раздался звук флейты... кукла прыгнула в окно. Глаза ее сверкнули, и она исчезла. Зеленый свет замигал и исчез. Снова появился свет под занавесками.

Тишина... казалось, вытекала из комнаты. А меня захлестнула какая-то темнота. Когда я снова проснулась и пришла в себя после обморока, часы пробили два. Я повернулась к Джону. Он лежал рядом... так тихо! Я дотронулась до него. Он был такой холодный, боже мой, такой холодный... Доктор, скажите, что было сном, а что правда? Не могла же кукла убить его? Неужели я сама... во сне... убила Джона?

Глава 12

ТЕХНИКА МАДАМ МЕНДЕЛИП

В глазах ее было что-то такое, что запрещало говорить правду, поэтому я солгал: "В этом-то я могу вас успокоить. Ваш муж умер от обычного тромба в мозгу. Вы не имеете к этому ни малейшего отношения. Что касается куклы, вы видели просто очень яркий сон. Вот и все. Это случается часто с нервными людьми".

Она посмотрела на меня так, как будто рада была бы всю душу отдать, чтобы поверить мне. Затем сказала:

— Но я слышала, как он умирал.

— Это весьма возможно, — я принялся за сугубо профессиональные объяснения, которые, я знал, будут ей совершенно непонятны, а потому убедительны, — вы могли наполовину проснуться, то, что мы называем "на грани сознания". Может быть, весь сон был навеян слышанным. Ваше подсознание пыталось объяснить звуки, и так зародился весь этот фантастический сон, который вы рассказали мне. То, что вам казалось длящимся несколько минут, на деле заняло часть секунды — у подсознания свое время. Это обычное явление. Хлопает, скажем, дверь, это будит спящего, и у него остается воспоминание о каком-то необычайно ярком сне, кончившемся громким звуком. На самом деле сон начался одновременно со звуком. Ему кажется, что сон длился часы, а на самом деле он уместился в краткий миг между звуком и пробуждением.

Она тяжело вздохнула: ужас в ее глазах ослабел.

Я продолжал:

— И есть еще что-то, о чем вам нужно помнить, — ваше положение. В это время у женщин бывают очень яркие сны, обычно неприятного характера. Иногда даже галлюцинации.

Она прошептала:

— Это верно. Когда я была беременна маленькой Молли, видела ужасный сон... — она задумалась. На лице ее снова появилось сомнение. — Но кукла! Кукла-то исчезла!

Я выругал себя за то, что не подготовил себя к этому вопросу.

Мак-Кенн пришел на помощь. Он сказал:

— Конечно, исчезла, Молли. Я выбросил ее в мусоропровод. После того, что ты рассказала, я решил, что тебе лучше не видеть ее.

Она резко спросила:

— Где ты ее нашел? Я искала ее.

— Видимо, ты была в таком состоянии, что тебе было не до поисков, — ответил он. — Она была просто в ногах колыбели, закручена в простыню. Выглядела она так, будто Молли всю ночь проплясала на ней.

Она сказала задумчиво:

— Действительно, кукла соскользнула к ее ногам. Кажется, я там не посмотрела.

— Ты не должен был этого делать, Мак-Кенн, — притворно строго обратился я к нему. — Если бы была кукла, миссис Джилмор поняла бы, что все это сон, и успокоилась бы.

— Но я думал, док, так будет лучше, — голос его звучал виновато.

— Пойди и поищи ее, — сказал я сердито.

Он взглянул на меня понимающе, я кивнул. Через несколько минут он вернулся.

— Уже вывезли мусор, — доложил он. — Кукла исчезла. Но я нашел вот что.

Он держал в руке связку миниатюрных книжек на ремешке. Он спросил:

— Это не те книжки, которые в твоем сне уронила кукла, Молли?

Она вздрогнула и отпрянула в сторону.

— Да, — прошептала она. — Убери их, Дан. Я не хочу их видеть!

Она посмотрела на меня.

— Думаю, что я все-таки был прав, когда выбросил куклу, доктор.

Я взял ее холодные руки в свои.

— Теперь слушайте меня, миссис Джилмор. Вы должны запаковать вещи, необходимые вам с Молли на неделю,

и немедленно уехать отсюда. Я думаю о вашем положении, о маленькой жизни, которая скоро появится на свет. Я займусь необходимыми формальностями. Вы можете взять себе в помощь Мак-Кенна. Но вы должны немедленно уехать.

К моему облегчению, она охотно согласилась. Последовали быстрые сборы, затем тяжелый момент прощания с телом. Наконец все было готово. Девочка хотела забрать своих кукол, но я запретил, несмотря на опасность снова возбудить подозрения Молли.

Я не хотел, чтобы хоть что-то от мадам Менделип сопровождало их в пути. Они уехали к родственникам в деревню. Мак-Кенн поддержал меня, и куклы остались в квартире.

Я пригласил по телефону знакомого гробовщика. Вскрытия я не опасался, так как в моем заключении никто не стал бы сомневаться, а крошечный укол невозможно было бы обнаружить. Гробовщику я сказал, что у жены умершего начались родовые схватки и ее отправили в больницу. В диагнозе я написал, что смерть наступила в результате тромбоза, и мрачно подумал при этом, что такой же диагноз поставил врач банкира.

Разделавшись с гробовщиком, я сидел и ждал Мак-Кенна. Я старался разобраться во всей этой фантазмагории, которую мой мозг упорно отказывался принимать. Я начинал понимать, что мадам Менделип обладает каким-то знанием, неизвестным современной науке. Я отказывался называть это колдовством. Это слово веками применялось к самым естественным явлениям, причины которых разъяснялись много позже.

Еще недавно зажженная спичка была волшебством для дикаря. Нет, мастерица не была "ведьмой", как считал Рикори. Просто она знала не известные никому какие-то законы, а мы, будучи на положении дикарей, не знали, что заставляет гореть спичку. Что-то от этих законов, от техники, если можно так выразиться, этой женщины мне казалось, я уже уловил. Веревочка с узелками — "лестница ведьмы", была необходима для оживления кукол. Одну такую положили в карман Рикори перед первым покушением на него... Вторую я нашел у него в кровати прошлой ночью. Я заснул, держась за нее рукой, и попытался его убить. Третья веревочка помогла убить Джона. Значит, ясно, что веревочка была частью механизма управления и контроля за куклами. Правда, пьяный бродяга, на которого напала кукла Питерса, не мог иметь при себе "лестницы". Может быть, она только приводит кукол в действие, а потом они живут какой-то длительный период? И вообще существовала какая-то формула. Во-первых, предполагаемая жертва должна была позировать по доброй воле для своей копии; во-вторых, необходимо было ранить жертву и ввести ей в кровь

какое-то снадобье, вызывающее неизвестную смерть; в-третьих, кукла должна быть точной копией жертвы. Но связаны ли все эти смерти с оживлением кукол? Являются ли они необходимой частью операции?

Мастерица кукол считает, без сомнения, что да, я — нет.

То, что кукла, проткнувшая Рикори, была копией Питерса, кукла-сиделка — копией Уолтерс, а кукла, убившая Джилмора, возможно, копией Аниты, двенадцатилетней школьницы, — это я признавал. Но что-то от жизненности, ума, души Питерса, Уолтерс, Аниты было изъято и перемещено как эссенция всего злого в куколок с проволочными скелетами, что это "что-то" оживляло кукол после смерти этих людей... против этого возмущалось все мое думающее "я". Я не мог даже заставить свой мозг принять такое предположение.

Мой анализ прервал Мак-Кенн. Он сказал коротко:

— Ну, с этим кончено.

Я спросил:

— Мак-Кенн, ты случайно не сказал правду, что выбросил куклу?

— Нет, док, она сбежала.

— А где ты взял книжечки?

— Как раз там, где, по словам Молли, кукла уронила их, — на туалетном столике. Я спрятал их в карман после ее рассказа. Она и не заметила. Я ее обманул. Здорово получилось, не правда ли?

— А что бы мы сказали, если бы она спросила о веревочке?

— Веревочка произвела на нее большое впечатление, но знаете, док, по-моему, она и на самом деле означает чертовски много. И я думаю, что, если бы я не увез ее на прогулку и Молли бы открыла коробку вместо Джона, она лежала бы сейчас на его месте.

— Ты предполагаешь?..

— Я думаю, куклы охотятся за тем, у кого веревочка, — сказал он угрюмо.

Ну что же, эта мысль приходила и мне в голову.

— Но зачем ей понадобилось убивать Молли?

— Может быть, она слишком много знает. Да, док, я хотел сказать вам. Менделип прекрасно знает, что за ней следят.

— Ну что ж, ее слуги лучше моих, — вспомнил я слова Рикори и рассказал Мак-Кенну о том, что было ночью и зачем я искал его.

— А это доказывает, что ведьма Менделип прекрасно знает, кто следит за ней, — сказал он, выслушав меня. — Она старается убрать обоих — босса и Молли. Она и за вами охотится, док.

— Куклы кем-то сопровождают, — сказал я. — Музыка отзывает их обратно. Ведь они не тают в воздухе, а уходят куда-то... туда, где слышна музыка. Но куклы должны быть вынесены из лавки или выйти сами. Как они проскальзывают мимо ваших людей?

— Я не знаю. — Похудевшее лицо Мак-Кенна было измучено. — Белая девка делает это. Слушайте, что я обнаружил, док.

Вчера от вас я пошел к ребятам. Я много чего услышал. Они говорят, что около четырех часов девица уходит в помещение позади лавки, а старуха усаживается на ее место. В этом вроде бы нет ничего особенного. Но около семи часов они вдруг видят, что девица идет по улице и входит в лавку. Ее ни разу не видели выходящей, и ребята, сторожащие задний выход, без конца ссорятся с ребятами, сторожащими выход с улицы.

Так вот, около одиннадцати часов ночи один из ребят шел по Бродвею, когда его обогнала маленькая машина, за рулем которой сидела девица из лавки. Он не мог ошибиться, он хорошо изучил ее. За ней никто не следил. Он начал искать такси, но не нашел. Поэтому он вернулся к ребятам и спросил, какого черта все это значит. И опять никто не видел, как она выходила.

Я взял пару ребят, и мы начали прочесывать весь квартал, чтобы найти гараж. В четыре часа прибежал один из наших и сказал, что видел девушку, по крайней мере, ему показалось, что это она, идущей по улице за углом, недалеко от лавки. В руках у нее были два больших чемодана, которые она несла так легко, как будто они были совершенно пустые. Она быстро пошла прочь от лавки. Парень на секунду отвернулся, а она исчезла.

Он обыскал все вокруг, но ее не нашел. Было темно. Он дергал ручки дверей и калиток, но все было заперто. Он побежал ко мне. Я осмотрел место. Это совсем недалеко от лавки. Там все больше лавки, а дальше склад, народу мало, дома старые. Ну, мы осмотрели все и нашли-таки гараж. И там действительно стояла машина с еще горящим радиатором, та самая, которую видели на Бродвее.

Вместе с ребятами я вернулся к лавке и сторожил с ними до утра. Около восьми девушка показалась в лавке и открыла ее.

— И все-таки это могло быть просто совпадение. Просто похожая на нее девушка, — упрямо сказал я.

Мак-Кенн посмотрел на меня с сожалением.

— Она выходила днем, и никто не видел. Почему же ей не проделать это ночью? Парень видел ее за рулем. И машину нашли около того места, где встретили эту девку.

Я задумался. Не было причины не верить Мак-Кенну. Кроме того, это ужасающее совпадение во времени?!

Я сказал негромко:

— И время ее отсутствия днем совпадает с временем, когда Джилморам доставили куклу, а время отсутствия ночью совпадает со временем нападения на Рикори и смертью Джона Джилмора.

— Да, да, вы попали не в бровь, а в глаз! — обрадованно сказал Мак-Кенн. — Она вышла и оставила куклу у Молли, потом вернулась. Она вышла ночью и натравила куклу на босса. Она подождала, когда она выпрыгнет из окна. Затем она поехала забрать ту, которую оставила у Молли. Затем поспешила домой. Куклы были в чемоданах, которые она несла.

Я не мог сдержать злого раздражения, вызванного моим бессилием:

— Может, вы там думаете, что она вылетает на метле из трубы? — спросил я насмешливо.

Часы пробили три. Мак-Кенн, странно молчаливый и озабоченный, ждал приказаний. Мы отправились на свидание с мамой Менделип.

Глава 13

РОКОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Я стоял у окна кукольного магазина, стараясь подавить страшное желание ворваться в него. Я знал, что Мак-Кенн следит за мной, что люди Рикори находятся в доме напротив, а также ходят прохожие по улице. Несмотря на грохот надземной железной дороги, шум движения вокруг Баттери и нормальную жизнь улицы, кукольная лавка казалась крепостью, в которой царила полная тишина. Я стоял, содрогаясь, на пороге, словно в преддверии неизвестного мира.

На окне было выставлено несколько кукол, достаточно необычных, чтобы привлечь внимание как ребенка, так и взрослого. Не такие красивые, как куклы, подаренные Джилморам или Уолтерс, но тоже прелестные в своем роде.

Свет в лавке был слабый. Я заметил за прилавком худенькую девушку, без сомнения, племянницу хозяйки. Размеры лавки не обещали наличия большой комнаты сзади, о которой писала Уолтерс. Но дом был старый и мог продолжаться во двор.

Резко и нетерпеливо я толкнул дверь и вошел. Девушка повернулась ко мне. И пока я шел к прилавку, мы молча изучали друг друга. Это был не вызывающий сомнения тип истерички: бледные голубые глаза с неопределенным взглядом из-под опущенных ресниц, длинная тонкая шея, бледное округлое личико, белые тонкие пальцы. Руки у нее были необычайно гибкие.

В другие времена она была бы монахиней, жрицей, оракулом или святой. Основное в ней был страх, в этом не было никакого сомнения. Но боялась она не меня. Это был скорее какой-то глубокий давнишний страх, который как бы лежал, свернувшись в основании ее существа, высасывал ее жизнь — какой-то духовный страх. Я посмотрел на ее волосы. Они были серебристо-пепельные... цвета волос, из которых были сплетены веревочки с узелками! Когда она увидела, что я смотрю на ее волосы, неопределенность ее взгляда уменьшилась. Она как будто впервые увидела меня.

Я сказал как можно обычнее:

— Меня интересует кукла в вашем окне. Я думаю, что она должна понравиться моей внучке.

— Вы можете купить ту, которая вам понравилась. Цены указаны.

Голос ее был тихий, низкий, безразличный. Но глаза становились все внимательнее.

— Это может сделать любой покупатель, — сказал я, — но внучка — моя любимица. Я хочу купить для нее самую лучшую куклу. Не можете ли вы показать мне еще кукол, может, у вас есть лучше?

Она отвернулась. Мне показалось, что она прислушивается к каким-то звукам, которых я не слышал. Ее манеры потеряли вдруг свое безразличие, стали грациозны.

И в этот момент я почувствовал на себе чей-то внимательный изучающий взгляд. Ощущение было так сильно, что я оглянулся и невольно оглядел лавку. Никого не было, кроме меня и девушки.

В конце прилавка была дверь, но она была крепко заперта. Я глянул в окно, не смотрит ли в него Мак-Кенн. Никого не было. Затем сразу, как будто щелкнула камера фотоаппарата, невидимый взгляд исчез...

Я повернулся к девушке. Она поставила на прилавок дюжину ящиков и открыла их. На меня она смотрела искренне, почти ласково. Потом сказала:

— Конечно, вы можете посмотреть все, что у нас есть. Мне очень жаль, что вы подумали, будто я безразлична к вашим желаниям. Моя тетя, которая делает кукол, любит детей и не любит, когда люди, тоже любящие детей, уходят от нас неудовлетворенными.

Это была странная маленькая речь, как будто повторенная под диктовку. Но меня больше заинтересовало изменение, происшедшее с самой девушкой. Ее голос не был более безжизненным. Он звучал живо и бодро. И сама она не была больше безжизненной. Она была оживлена, даже чересчур; на щеках ее

появилась краска. Вся неопределенность исчезла из ее глаз — они смотрели чуть насмешливо и даже слегка злобно.

Я рассматривал кукол.

— Они прелестны, — наконец сказал я. — Но может быть, у вас есть еще лучше? У меня сегодня особое событие — моей внучке исполняется семь лет. Цена для меня значения не имеет, конечно, если она в пределах разумного...

Она вздохнула. Я взглянул на нее. Ее глаза снова приобрели испуганное выражение, блеск и насмешка исчезли из них. Она побледнела, и снова я почувствовал на себе незримый взгляд, еще более действующий, чем раньше. И снова содрогнулся.

Дверь за прилавком открылась. Подготовленный дневником Уолтерс к чему-то необычному, я все-таки был поражен видом мастерицы кукол. Ее рост и массивность подчеркивались размерами кукол и тонкой фигурой девушки. С порога на меня глядела великанша с тяжелым лицом, усами над верхней толстой губой и весьма мужественным выражением лица.

Я посмотрел на ее глаза и забыл карикатурность ее лица и фигуры. Глаза были огромные, блестящие, черные, изумительно живые. Как будто это были духи-близнецы, не связанные с телом. Из них словно изливался поток жизненности, который вздергивал мои нервы, и в этом не было бы ничего угрожающего... если... если. С трудом я отвел глаза и взглянул на ее руки. Она вся была завернута во что-то черное, и ее руки были спрятаны в складках. Я снова поднял глаза и, встретившись с ее глазами, заметил в них насмешку и неудовольствие. Она заговорила, и я сразу понял, что вибрация жизни в голосе девушки были эхом ее приятного, звучного и глубокого голоса.

— Вам не понравилось то, что показала моя племянница?

Я собрался с мыслями и сказал:

— Они все прекрасны, мадам... мадам...

— Менделип, — сказала она вежливо, — мадам Менделип. Вы не знали моего имени, а?

— К несчастью. У меня есть маленькая внучка. Я хочу чего-нибудь красивого к ее седьмому дню рождения. Все, что я видел у вас, чудесно, но мне хотелось бы чего-нибудь особенного...

— Чего-нибудь особенного, — повторила она, — еще более красивого. Хорошо, может быть, и есть. Но когда я особо обслуживаю покупателей, — она сделала ударение на слове "особо", — я должна знать, с кем имею дело. Вы, должно быть, считаете меня странной хозяйкой магазина, не так ли?

Она засмеялась, и я поразился свежести, молодости, удивительно нежной звонкости ее смеха.

С явным усилием я заставил себя вернуться к действительности и насторожиться. Я вытащил из чемоданчика карточку моего давно умершего друга — доктора.

— А, — сказала она, взглянув на нее, — вы врач. Ну, а теперь, когда мы знаем друг друга, зайдите ко мне, я покажу вам своих лучших кукол.

Она ввела меня в широкий, плохо освещенный коридор. Потом дотронулась до моей руки, и снова я почувствовал странное приятное напряжение нервов. Она остановилась около двери и снова взглянула мне в лицо.

— Здесь я держу моих лучших. Моих особенно хороших. — Она засмеялась и открыла дверь.

Я перешагнул через порог и остановился, осматривая комнату быстрым беспокойным взглядом. Но это была не та чудесная комната, которую описала Уолтерс. Действительно, она была немного больше, чем можно было представить. Но не было изысканных старых панелей, ковров, волшебного зеркала и прочих вещей, превращающих комнату в земной рай. Свет проходил через полузавешенные окна, выходящие в небольшой пустой дворик. Стены и потолок были выложены простым коричневым деревом. Одна из стен была покрыта маленькими шкафчиками с деревянными дверцами. На стене висело зеркало, оно было круглой формы, и на этом кончалось сходство с описанием Уолтерс.

В углу стоял обыкновенный камин. На стене висело несколько гравюр. Обыкновенный большой стол был завален кукольными одеждами, законченными и недошитыми. По-видимому, дневник Уолтерс был плодом все-таки слишком разыгравшегося воображения. И все же насчет самой мастерицы кукол, ее рук, глаз, голоса, она была права...

Женщина оторвала меня от моих мыслей.

— Моя комната интересует вас?

— Любая комната, в которой творит настоящий артист, должна интересовать. А вы истинный художник, мадам Менделип, — ответил я.

— Откуда вы это знаете? — спросила она задумчиво.

Я сказал торопливо, осознав свой промах:

— Не нужно видеть целую галерею картин Рафаэля, чтобы понять, что он мастер. Я видел ваших кукол.

Она дружески улыбнулась. Затем закрыла за мной дверь и указала на стул около стола.

— Не бойтесь ли вы немного, пока я кончу одно платье? Я обещала сделать его сегодня, и малютка, которая ждет его для своей куклы, должна прийти. Я быстро кончу.

— Почему же нет?

Я сел. Она сказала мягко:

— Здесь так тихо. А вы устали. Вы много работали, да? И вы очень устали.

Я облокотился на спинку стула. Вдруг я почувствовал, что и вправду ужасно устал. На один момент я словно потерял сознание. С трудом открыв глаза, я увидел, что мадам села за стол. И тут я увидел ее руки. Длинные, выхоленные, белые... красивее их я еще не видел. Так же, как и глаз. Они, казалось, жили отдельно от ее тела. Она положила руки на стол и снова ласково заговорила:

— Хорошо иногда прийти в спокойный уголок, где царит покой. Человек устает, очень устает.

Она взяла со стола маленькое платье и начала шить. Длинные белые пальцы водили иглу, тогда как другая рука поворачивала крошечную одежду. Как удивительно гармоничны были движения ее длинных белых рук... как ритм... как песня... покой. Она сказала тихим прекрасным голосом:

— Ах, сюда не достигает шум света. Все здесь мирно... и тихо... и покой...

Я отвел глаза от медленного танца ее рук, от мягких движений длинных тонких пальцев, которые так ритмично двигались. Она смотрела на меня мягко, с нежностью... глаза ее были полны того покоя, о котором она говорила.

— А ведь и вправду, не вредно немного отдохнуть, набраться сил для предстоящей борьбы. Я устал. Я даже не сознавал раньше, как я устал. — Я снова стал смотреть на ее руки. — Странные руки, как будто не принадлежащие ее телу. Может, это тело — только плащ, обертка, скрывающая настоящее тело, которому принадлежат эти руки, глаза, голос... Оно прекрасно, это настоящее тело..."

Так думал я, следя за медленными ритмическими движениями ее рук.

Она начала напевать какую-то странную песню, сонливую, баюкающую. Она обволакивала мой усталый мозг, навевала сон, сон, сон... и руки ее распространяли сон. А глаза звали — засни! Засни!

Вдруг что-то бешено забилося внутри меня, заставляя вскочить, сбросить это летаргическое оцепенение...

Страшным усилием я вернулся на порог сознания, но знал, что еще не ушел из этого странного состояния. И на пороге полного пробуждения я на миг увидел комнату такой, какой ее видела Уолтерс. Огромная, наполненная мягким светом, увешанная старинными коврами, с панелями и словно вырезанными экранами, за которыми словно прятался кто-то смеющийся надо мной.

На стене — огромное полушарие чистой воды, в котором отражалась резная рамка; отражения колебались, как зелень, окружающая чистый лесной пруд. Огромная комната заколебалась и пропала.

Я стоял около перевернутого стула, в комнате, где заснул. Мастерница стояла рядом со мной, очень близко, и смотрела на меня с каким-то удивлением и печально, как человек, которому внезапно помешали.

Помешали! Когда она встала со стула? Сколько времени я спал? Что она делала со мной, когда я спал? Что мне помогло порвать паутину сна?

Я хотел заговорить и не мог. Я стоял бессловесный, обозленный, униженный. Меня, который был так осторожен, поймали в ловушку голосом, глазами, движениями рук, простейшим гипнозом.

Что сделала она, пока я спал? Почему я не могу двигаться? Я чувствовал себя так, как будто вся энергия моего тела ушла в этот разрыв ужасной паутины сна. Ни один мускул не подчинился мне.

Мастерица кукол засмеялась и подошла к шкафчикам в стене. Мои глаза беспомощно следили за ней. Паралич не ослабевал. Она нажала пружину и дверцы шкафчика распахнулись.

Там была кукла — ребенок. Маленькая девочка с прелестным улыбающимся личиком. Я посмотрел на нее и почувствовал холод в сердце. В ее маленьких сжатых ручках была игла-кинжал; и я понял, что это та кукла, которая зашевелилась в объятиях крошки Молли, вылезла из ее колыбельки, потанцевала у кровати и...

— Это моя особенно хорошая!

Глаза мастерицы не отрывались от меня. Они были наполнены злобной насмешкой.

— Отличная кукла! Немного неаккуратная, правда; иногда забывает принести домой свои книжки, когда ходит с визитами. Но зато послушная. Хотите ее для вашей внучки?

Она снова засмеялась молодым, сверкающим, злым смехом.

И вдруг я понял, Рикори был очень прав и что эту женщину нужно убить. Я собрал все свои силы, чтобы прыгнуть на нее. Но не мог двинуть даже пальцем.

Длинные белые пальцы дотронулись до следующей пружины. Сердце мое сжалось — из шкафчика на меня смотрела Уолтерс! И она была распята! Она была как живая — казалось, я гляжу на девушку в обратную сторону бинокля. Я не мог думать о ней, как о кукле. Она была одета в форму сиделки. Но шапочки не было — ее черные, растрепанные волосы свисали ей на лицо. Руки ее были вытянуты, и через каждую ладонь был проткнут

маленький гвоздик, прикалывающий ее руки к стенке шкапчика. Ноги были босые, одна лежала на другой, и через обе был вбит в стенку еще один гвоздь. Над головой висел маленький плакатик: "Сожженная мученица".

Голос мастерицы кукол был словно мед, собранный с цветов ада.

— Эта кукла вела себя плохо. Она была непослушна. Я наказываю моих кукол, когда они себя плохо ведут. Ну, я вижу, вы расстроились. Ну, что же, она была достаточно наказана, можно простить ее... на время.

Длинная белая рука протянулась к шкапу, вынула гвозди. Затем она посадила куклу, облокотив ее спиной о стену. Затем повернулась ко мне.

— Может быть, вы хотите ее для своей внучки? Увы! Она еще не продается. Ей нужно еще выучить урок, тогда она сможет ходить с визитами.

Голос ее вдруг изменился, потерял свою дьявольскую сладость, стал полным угрозы.

— Теперь слушайте меня, доктор Лоуэл! Что, не думали, что я знаю, кто вы? Вы тоже нуждаетесь в уроке! — ее глаза заблестели. — Вы получите свой урок! Вы дурак! Вы, претендующий на то, чтобы лечить умы, и не знающий ничего, что такое ум! Вы, считающий ум частью машины из мяса, крови, нервов и костей, считающий, что нет ничего такого, что вы не сможете измерить в своих дурацких пробирках и микроскопах, определяющий сознание как фермент, как продукт предмета клеток! Осел! Вы и ваш дикарь Рикори осмелились оскорбить меня, вмешиваясь в мои дела, окружая меня шпионами. Осмеливаетесь угрожать мне, мне — обладающей древней мудростью, рядом с которой вся ваша наука ничего не значит. Идиоты! Я знаю силы, обитающие в мозгу, заставляющие двигаться ум, знаю то, что живет вне мозга. Эти силы являются по моему зову. А вы думаете выставить против меня ваши кухонные знания! Глупцы! Вы поняли меня?

— Ты — чертова ведьма, — хрипло крикнул я. — Ты — проклятая убийца! Ты сядешь на электрический стул раньше, чем твои черти помогут тебе исчезнуть в преисподней.

Она подошла ко мне, смеясь.

— Вы предадите меня закону? Но кто поверит вам? Никто. То невежество, которое вы насадили своей наукой, явится моим щитом. Темнота вашего неверия будет моей неприступной крепостью. Идите, забавляйтесь вашими машинками, глупец! Играйте с ними. Но не вмешивайтесь больше в мои дела.

Голос ее стал смертельно спокоен.

— Теперь вот что. Если вы хотите жить и хотите, чтобы жили люди, которых вы любите, уберите ваших шпионов. Рикори вы не спасете — он мой. Но никогда не лезьте в мои дела. Я не боюсь ваших шпионов, но они оскорбляют меня. Уберите их сейчас же. Если к ночи они будут на своих местах...

Она схватила меня за плечо и стала с такой силой трясти, что оно заняло. Затем толкнула меня к двери.

— Идите.

Я старался стать хозяином своей воли, поднять руки. Если бы я мог сделать это, я бы убил ее как бешеного зверя. Но я не мог пошевелить руками. Как автомат, я пересек комнату до двери. Мастерница открыла ее. Я услышал странный шелестящий звук из шкапчика и с трудом повернул голову.

Кукла Уолтерс упала. Ее руки были протянуты в мою сторону, как будто она умоляла меня взять ее с собой. Я видел ее ладони, проткнутые гвоздями. Ее глаза глядели на меня.

— Уходите, — повторила старуха, — и помните.

Такими же связанными шагами я прошел через коридор и лавку. Девушка посмотрела на меня своими туманными испуганными глазами. И словно чья-то мощная рука тащила меня вперед. Я не в состоянии был остановиться и быстро вышел на улицу.

Мне показалось, что позади раздался насмешливый, злой и одновременно мелодичный смех мастерницы кукол.

Глава 14

МАСТЕРИЦА КУКОЛ НАНОСИТ УДАР

В тот момент, когда я вышел на улицу, ко мне вернулась подвижность, энергия и сила. Но, повернувшись, чтобы вернуться в лавку, я в метре от двери натолкнулся на что-то, похожее на невидимую стену. Я не мог сделать и шага, не мог даже протянуть руку, чтобы дотронуться до дверей. Как будто в этом месте воля переставала функционировать, а руки и ноги отказывались слушаться меня. Я понял, что это было так называемое постгипнотическое внушение, часть того же явления, которое держало меня в неподвижности перед мастерницей и отправило, как робота, вон из лавки.

Я увидел подходящего ко мне Мак-Кенна, и на секунду мне в голову пришла сумасшедшая идея приказать ему войти и прикончить мадам Менделип. Здравый смысл немедленно сказал мне, что мы не сможем дать правдоподобного объяснения этому убийству и попадем на тот самый электрический стул, которым я только что грозил ей.

Мак-Кенн сказал:

— Я уже начал беспокоиться, док. Хотел уже вломиться сюда.

— Пойдем, Мак-Кенн. Я хочу как можно скорее попасть домой.

Он посмотрел мне в лицо и свистнул.

— Вы выглядите так, словно выдержали битву.

— Да, Мак-Кенн. И победа пока на ее стороне.

— Вы вышли оттуда довольно спокойно. Не так, как босс, который словно бежал из ада. Что случилось?

— Я скажу тебе позже. Дай мне успокоиться. Я хочу подумать.

На самом деле мне хотелось вернуть себе самообладание. Мой мозг, казалось, был полуслепым, как будто я попал в какую-то исключительно неприятную паутину и, хотя и вырвался, куски ее все еще цеплялись за меня.

Несколько минут мы шли молча, потом сели в машину и поехали. Затем любопытство Мак-Кенна взяло верх.

— Что вы все-таки думаете о ней? — спросил он меня.

К этому времени я уже пришел к определенному решению. Никогда в жизни я не испытывал такой гадливости, такой холодной ненависти, такого неудержимого желания убить, какое возбуждала во мне эта женщина. И не только потому, что пострадало мое самолюбие. Нет, я был убежден в том, что в задней комнате лавки жило чернейшее зло. Зло настолько нечеловеческое и неизвестное, словно мастерица кукол действительно явилась прямо из ада, в который верил Рикори. Не может быть компромисса с этим злом, а также с женщиной, в которой оно концентрируется.

Я сказал:

— Мак-Кенн, во всем свете нет ничего более злого, чем эта женщина. Не позволяйте девушке снова проскользнуть сквозь ваши пальцы. Как ты думаешь, она вчера заметила, что вы выследили ее?

— Не думаю.

— Увеличьте количество людей против фасада дома и позади него. Сделайте это открыто, чтобы они думали (если, конечно, девушка не заметила, что за ней следили), что мы не подозреваем о другом выходе. Они решат, что мы верим в то, что они выходят невидимыми через переднюю и заднюю двери. Поставьте наготове две машины в начале и в конце той улицы, на которой они держат гараж. Будьте осторожны. Если появится девица, следуйте за ней...

Я остановился.

— А дальше что? — спросил Мак-Кенн.

— Я хочу, чтобы вы взяли ее, увезли, украли — как это там называется. Это должно быть сделано совершенно тихо.

Я полагаюсь на вас. Сделайте это быстро и спокойно. Вы знаете, как это делается, лучше, чем я. Но не очень близко от лавки, если можно. Засуньте девице в рот кляп, свяжите ее, если нужно. Затем хорошо обыщите машину. Привезите девушку в мой дом, со всем, что у нее найдете. Понимаешь?

— Вы хотите ее допросить?

— Да. Кое о чем. И еще. Я хочу посмотреть, что может сделать старуха. Я хочу довести ее до какого-нибудь действия, которое даст нам возможность официально наложить на нее руки. Приведем ее в границы законности. Она хочет иметь и невидимых слуг. Но я хочу пока отнять у нее всех кукол. Это поможет выявить остальных. По меньшей мере это обезвредит ее.

Мак-Кенн посмотрел на меня с любопытством.

— Она стукнула вас весьма чувствительно, док?

— Да, Мак-Кенн.

— Вы расскажете об этом боссу?

— Может, да, а может — пока нет. Зависит от его состояния.

А что?

— Дело в том, что, если мы будем провертывать такое дельце, как похищение девицы, он должен об этом знать.

Я резко сказал:

— Мак-Кенн, я сказал тебе, что Рикори приказал безусловно повиноваться мне. Я дал тебе приказание. Всю ответственность я беру на себя.

— Ладно, — сказал он, но я видел, что он еще сомневается.

А почему бы в самом деле не рассказать все Рикори, если он хорошо себя чувствует? Другое дело — Брейл. Зная его чувства к Уолтерс (я не мог заставить себя думать о ней, как о кукле), я не мог рассказать ему о распятой Уолтерс. Ничто не удержит его тогда от нападения на мастерицу кукол.

Я не хотел этого. Но я чувствовал ничем не объяснимое желание рассказать о деталях своего визита как Рикори, так и Мак-Кенну. Я отнес это за счет нежелания показать себя в смешном виде.

Около шести мы остановились возле моего дома. Перед тем как выйти из машины, я повторил свои распоряжения. Мак-Кенн кивнул.

Дома я нашел записку Брейла о том, что он придет после обеда. Я был рад этому. Я боялся вопросов. Рикори спал. Мне сказали, что он поправляется с неслыханной быстротой. Я пообещал зайти к нему после обеда. Потом я лег вздремнуть. Но спать я не мог. Как только я начинал дремать, передо мной возникало лицо старухи, я вздрагивал и просыпался.

В семь я встал, съел хороший сытный обед, выпил нарочно вдвое больше вина, чем обычно позволял себе, закончил все

чашкой крепкого кофе. После обеда я почувствовал себя много лучше, энергичнее и самостоятельнее — или мне так показалось.

Я решил рассказать Рикори о моих распоряжениях Мак-Кенну. Историю своего визита в лавку я уже сформулировал в уме. И вдруг я с неожиданным ужасом почувствовал, что не могу передать другим то, что мне... не разрешено. И это все по приказу старухи — постгипнотическое внушение, часть того запрета, сделавшего меня бессильным, выведшего меня, как робота, из лавки и отшвырнувшего меня от двери, когда я хотел вернуться.

Во время моего короткого сна она внушила мне: “Этого и этого ты не должен говорить. Это и это — ты можешь”.

Я не мог рассказать о кукле с иглой, проткнувшей мозжечок Джилмора. Я не мог говорить о кукле Уолтерс и ее распятии. Я не мог говорить о старухином признании в том, что она отвечает за смерти, приведшие нас к ней. Однако, осознав это, я почувствовал себя лучше. Тут, по крайней мере, было что-то понятное — реальность, о которой я тосковал, что-то, что объяснялось без привлечения колдовства или каких-то других темных сил; что-то находящееся всецело в сфере моих знаний. Я делал то же с моими пациентами и возвращал умы в нормальное состояние таким же постгипнотическим внушением. Кроме того, я мог избавиться от всех внушений этой женщины по моему собственному внушению. Но опять что-то останавливало меня. Быть может, я боялся мадам Менделип? Я ненавидел ее — да, но не боялся. Зная ее технику, я не мог допустить такую глупость — отказаться от наблюдения за самим собой, как за лабораторным опытом. Я говорил себе, что в любой момент сниму внушение. Она не успела внушить мне всего, что хотела, так как мое внезапное пробуждение вспугнуло ее.

Боже мой, как она была права, называя меня глупым и самоуверенным ослом!!!

Когда появился Брейл, я уже был в состоянии спокойно его встретить. Едва я успел с ним поздороваться, как позвонила сиделка. Рикори просил зайти к нему.

Я сказал Брейлу:

— Это кстати. Идемте. Это избавит меня от повторения одной и той же истории.

— Какой истории?

— Моего интервью с мадам Менделип.

— Вы видели ее? — спросил он недоверчиво.

— Я провел с ней все время до обеда. Она весьма... интересная особа. Пойдемте, я расскажу об этом.

Я быстро пошел к Рикори, не отвечая на его вопросы.

Рикори сидел. Я осмотрел его. Он был еще слаб, но уже вполне здоров. Я поздравил его с удивительно быстрой поправкой.

Я прошептал ему:

— Я видел вашу ведьму и говорил с ней. Мне нужно многое сказать вам. Попросите ваших телохранителей выйти.

Когда ребята и сиделка ушли, я рассказал о событиях дня, начиная с вызова Мак-Кенна к Джилморам.

Рикори с мрачным лицом выслушал рассказ о Молли.

— Брат, а теперь муж! Бедная Молли! Но теперь она будет отомщена. Да! И здорово, — сказал он.

Я рассказал свою весьма неполную версию встречи с мастерицей кукол и о своих распоряжениях Мак-Кенну. Я закончил свой рассказ следующими словами:

— Таким образом, сегодня ночью мы, наконец, сможем спать спокойно. Потому что Мак-Кенн перехватит девицу с куклами. А без нее мастерица кукол не сможет ничего сделать. Вы согласны со мной?

Рикори внимательно посмотрел на меня.

— Я согласен, доктор. Вы поступили так, как и я поступил бы на вашем месте. Но... мне кажется, что вы не сказали нам всего, что произошло между вами и ведьмой.

— То же и я думаю, — сказал Брейл.

Я встал.

— Во всяком случае, я сказал вам основное. И я смертельно устал. Я приму ванну и лягу спать. Сейчас 9.30. Девушка выходит около 11, даже позже. Я собираюсь поспать, пока Мак-Кенн не поймает ее. Если этого не случится, я буду спать всю ночь. Это конец. Отложите вопросы до утра.

Ищущий взгляд Рикори ни на минуту не оставлял меня. Он сказал:

— Почему не лечь спать здесь? Это было бы безопаснее... для вас.

Я почувствовал раздражение. Моя гордость и без того была задета тем, что старуха перехитрила меня. И предложение спрятаться за спину ребят Рикори показалось мне оскорбительным.

— Я не ребенок, — сердито возразил я. — Я могу побеспокоиться о себе сам. Я не собираюсь жить под охраной вооруженных людей.

Я остановился, сожалея о сказанном. Но Рикори не обиделся. Он кивнул и облокотился на подушку.

— Вы сказали то, что я хотел знать. Ваши дела плохи, Лоуэл. И вы не сказали нам... главного.

— Мне очень жаль, Рикори... но...

— Не надо, — улыбнулся он, — я прекрасно понимаю. Я тоже немного психолог. И я скажу вам следующее: неважно, приведет сегодня или нет девушку Мак-Кенн. Завтра ведьма умрет, и девушка вместе с ней.

Я не ответил. Я приказал сиделке и телохранителям быть в комнате. Что бы я ни чувствовал относительно себя, я не имел права подвергать опасности Рикори. Я не сказал ему об угрозе старухи на его счет, но я не забыл ее.

Брейл проводил меня в кабинет. Он сказал извиняющимся тоном:

— Я знаю, что вы чертовски устали, Лоуэл, и не хочу надоедать вам. Но, может быть, вы разрешите мне посидеть у вас в комнате, пока вы будете спать?

Я ответил ему с той же упрямой раздражительностью.

— Ради бога, Брейл, разве вы не слышали, что я сказал Рикори? Я вам очень обязан, но это относится и к вам.

Он ответил спокойно:

— Я останусь здесь в кабинете и не буду спать, пока Мак-Кенн не приведет девицу или пока не рассветет. Если я услышу какой-нибудь шум из вашей комнаты, я войду. Когда мне захочется посмотреть все ли в порядке с вами, я войду. Не запирайте дверь, иначе я ее сломаю. Вам ясно?

Я еще более рассердился.

— Ладно, черт с вами, делайте как хотите.

Я зашел в спальню и захлопнул за собой дверь, но не запер ее. Я очень устал, в этом не было сомнения. Даже час сна был бы для меня большим подкреплением. Я решил не купаться и стал раздеваться. Я снимал рубашу, когда заметил крошечную булавочку на ней, слева против сердца. Я вывернул рубашку — на обратной стороне была приколотая веревочка с узелками. Я сделал шаг к двери, открыл рот, чтобы позвать Брейла. И вдруг остановился. Я не покажу ее Брейлу. Это приведет к бесконечным вопросам, а мне хотелось спать. Лучше сжечь ее. Я нашел спички и только хотел зажечь, как услышал шаги Брейла и сунул веревочку в карманы брюк.

— Чего вам надо? — спросил я.

— Просто хотел взглянуть, легли ли вы.

Он немного приоткрыл дверь. Он, конечно, просто хотел выяснить, не запер ли я дверь.

Я ничего не сказал и продолжал раздеваться.

Моя спальня — большая комната с высоким потолком на втором этаже моего дома. Она выходит окнами в садик и является смежной с кабинетом. Два окна оббиты снаружи плющом. В комнате стоит массивный старинный канделябр с люстрой из хрустальных призм, кажется, они называются подвеска

ми. Это длинные висюльки, расположенные на шести кругах, из середины которых поднимается стержень с подставками для свечей. Это одна из копий прелестных канделябров колониальных времен из зала Независимости в Филадельфии, и, когда я купил дом, я не позволил вынести канделябр или заменить свечи лампочками.

Моя кровать стоит в конце комнаты, и когда я поворачивался на левый бок, я видел слабо освещенное окно. Тот же слабый свет, установленный призмами, превращается в маленькое мерцающее облачко. Это успокаивает, навевает сон. В саду имеется старое грушевое дерево — остатки сада. Канделябр стоит в ногах кровати. Выключатель находится в головах ее. Сбоку стоит старинный камин, отделанный по бокам мрамором, с широкой полкой сверху. Чтобы хорошо понять, что потом произошло, нужно иметь в виду это расположение.

К тому времени, как я разделся, Брейл, видимо уверившись в моей честности, закрыл дверь и ушел в кабинет. Я взял веревочку, “лестницу ведьмы”, и бросил на стол. Я думал, что в этом был какой-то вызов, хвастовство. Если бы я не был так уверен в Мак-Кенне, я сжег бы веревочку. Я выпил снотворное, потушил свет и лег. Снотворное быстро подействовало. Я все глубже погружался в море сна...

Я проснулся. Огляделся. Что за странное место? Я стоял в мелкой круглой яме, оконтуренной зеленью. Край ямы достигал моих колен. Яма была центром круглого ровного луга, примерно в четверть мили диаметром. Он был покрыт травой, странной травой с пурпурными цветами. Вокруг травянистого круга росли незнакомые деревья: деревья с изумрудно-зеленой листвой и ярко-красные деревья с опущенными ветвями, покрытыми папоротниковидными листьями и обвитыми тонкими лозами, похожими на змей.

Деревья окружали луг, как сторожа... наблюдали за мной... ожидали моего движения... Нет, не деревья! Кто-то прятался среди деревьев... Какие-то злые создания... злобные существа. Это они наблюдали за мной, ожидая, пока я двинусь. Но как я попал сюда?

Я был одет в голубую пижаму, в которой я лег спать в своем доме.

Как я попал сюда? Я, видимо, не спал... Теперь я видел, что из ямы вели три тропинки. Они выходили на край и протягивались, каждая в своем направлении, в сторону леса. Я чувствовал, что для меня жизненно важно выбрать одну из этих тропинок, единственную, которая пересечет местность безопасно... что две другие отдадут меня во власть этих злобных существ. Яма начинала сжиматься. Я чувствовал, как ее дно

поднимается под моими ногами — оно как бы выбрасывало меня наружу.

Я прыгнул на тропинку и побежал в сторону леса. Ее окаймляли деревья, и она исчезала в туманной зеленоватой дали. Я бежал по лесу, а невидимые существа собирались на деревьях, окаймляющих тропинку, толпились на ее краях, безмолвно сбегались со своего леса. Что они собой представляют, что они могли мне сделать, я не знал. Я знал только, что никакая агония не могла сравниться с тем, что я испытую, если они поймут меня. Я все бежал и бежал, и каждый шаг был кошмаром. Я чувствовал, что руки протягиваются, чтобы схватить меня, слышал топот... Весь потный, дрожащий, я вырвался из леса и помчался по обширной равнине, протягивающейся из дальнего горизонта. Равнина была покрыта коричневой высокой травой.

Неважно. Это было лучше, чем полный привидений лес. Я чувствовал на себе мириады злых глаз. Небо было туманно-зеленое. Высоко вверх засветились два туманных круга... черные солнца... это были глаза... глаза мастерицы кукол! Это они смотрели на меня с туманного зеленого неба. Над горизонтом этого странного мира начали подниматься две гигантские руки. Они тянулись ко мне, чтобы поймать меня, швырнуть обратно в лес... белые руки с длинными пальцами... и каждый палец — живое существо. Руки мастерицы кукол! Все ближе спускались глаза, все ближе тянулись руки. С неба послышался взрыв смеха. Смеха мастерицы кукол! Этот смех еще звучал в моих ушах, когда я проснулся — или мне показалось, что я проснулся.

Я сидел, выпрямившись на постели, в своей комнате. Сердце билось так, что все тело вздрагивало, липкий пот покрывал тело. Подвески канделябра слабо светились, создавая впечатление небесной туманности. Окна тоже слабо светились. Было очень тихо.

Что-то зашевелилось на окне. Я хотел подойти, но почувствовал, что не могу двигаться. В комнате появился слабый зеленый свет. Сначала он был похож на едва мерцающую флюоресценцию гнилого пня. Он то угасал, то разгорался, но все время усиливался. Комната осветилась. Канделябр сиял, как россыпь изумрудов. На подоконнике появилось маленькое лицо. Лицо куклы! Сердце мое подпрыгнуло и остановилось в отчаянии. Я подумал: “Мак-Кенн подвел. Это конец”.

Кукла смотрела на меня с усмешкой. Лицо, гладко выбритое, принадлежало человеку лет сорока. Нос длинный, большой рот с тонкими губами. Глаза глубоко посажены, лохматые брови. Глаза сверкали, красные, как рубины.

Кукла влезла на подоконник. Она соскользнула головой вперед в комнату, стояла минуту на голове, болтая в воздухе

ногами, затем ловко сделала в воздухе двойное сальто, стала на ноги и, уперев руки в бока, посмотрела мне прямо в глаза, как будто ожидая аплодисментов. На ней были рейтузы и жакет циркового акробата. Она поклонилась мне. Затем показала рукой на окно.

Там появилось другое маленькое лицо. Оно было важное, холодное — лицо человека лет 60 с меланхолическими бакенбардами. Он смотрел на меня с таким выражением, с каким банкир смотрит на неведомого ему человека, который пришел получать заем. Мысль показалась мне забавной. И вдруг я испугался.

Кукла банкира. Кукла акробата. Куклы тех двух, умерших от неизвестных болезней!

Кукла-банкир с достоинством спустилась с подоконника. Она была в вечернем костюме, во фраке и накрахмаленной манишке. Банкир остановился и с достоинством поднял руку к окну.

Там стояла третья кукла — женщина такого же возраста, как и банкир, в приличном вечернем туалете. Старая дева! Это она прыгнула на пол.

На окно взобралась четвертая кукла, в темном блестящем трико. Она прыгнула с окна и стала рядом с акробатом. Она посмотрела на меня, усмехаясь, и поклонилась.

Четыре куклы начали маршировать в мою сторону. Впереди акробат, затем важно и неторопливо банкир под руку со старой девой. Гротескные, фантастические, но вовсе не смешные. Боже мой, нет! А если и было что-то смешное, то такого характера, что над ним мог смеяться только дьявол.

Я подумал с отчаянием: “Брейл рядом, по другую сторону двери. Если бы я мог произнести хоть какой-нибудь звук!”

Четыре куклы остановились, как бы для консультации. Акробаты сделали легкие пируэты, доставая из-за шеи длинные иглы-кинжалы. В руках других кукол появились такие же иглы. Красные глаза второго акробата-гимнаста (я узнал его) остановились на канделябре. Он остановился, изучая его, сунул иглу-кинжал в “ножны”, позади шеи. Потом опустился на колени, сложив ладони чашечкой. Первая кукла кивнула, затем откинула голову назад, явно измеряя высоту канделябра от пола. Потом указала на полку камина, и они полезли туда. Пожилая пара с интересом наблюдала за ними. Гимнаст поставил маленькую ногу на сложенные чашечкой руки акробата, тот выпрямился; гимнаст пролетел через пустоту между полкой камина и канделябром, ухватился за один из кругов, увешанных подвесками, и закачался. Сейчас же другая кукла прыгнула, поймала круг и закачалась с первой.

Старый тяжелый круг закачался и задрожал. Призмочки-подвески посыпались на пол. В мертвой тишине это напоминало взрыв.

Я услышал, как Брейл подбежал к двери, распахнул ее и остановился на пороге. Я хорошо видел его в зеленом свете, но знал, что для него комната погружена во мрак.

Он закричал:

— Лоуэл, что с вами? Зажгите свет!

Я попытался ответить, предупредить его. Напрасные усилия!

Он бросился к выключателю и в этот момент увидел кукол. Он остановился как раз позади канделябра, глядя вверх. И в этот момент кукла, висящая над ним, повисла на одной руке. Вытащила иглу-кинжал и прыгнула на плечо Брейла, бешено ударяя иглой в его горло. Брейл вскрикнул — всего один раз. Крик перешел в ужасный хлюпающий звук...

И тут я увидел, как канделябр закачался и упал со своего старинного фундамента. Упал прямо на Брейла, и куклу, все еще бьющую иглой в его горло. Неожиданно зеленый свет исчез. По полу раздались мелкие быстрые шаги, как будто бежала большая крыса.

Мой паралич прошел. Я повернул выключатель и вскочил на ноги. Маленькие фигурки лезли на окно — четыре проворных легких человечка спешили убежать.

Я увидел в дверях Рикори. По бокам его стояли телохранители с автоматическими пистолетами и стреляли в окно. Я нагнулся над Брейлом. Он был мертв. Упавший канделябр разбил ему череп. Но... Брейл умер до того, как упал канделябр. Его горло было проткнуто, артерия порвана. Кукла, убившая его, исчезла!

Г л а в а 15

ВОЗНИЦА СМЕРТИ

Я выпрямился и сказал с горечью:

— Вы были правы, Рикори, ее слуги лучше наших.

Он не ответил, глядя на Брейла полными жалости глазами.

— Если все ваши люди исполняют свои обязанности так же, как Мак-Кенн, я считаю чудом, что вы до сих пор живы.

— Что касается Мак-Кенна, — он печально глянул на меня, — он умен и предан. Я не стал бы обвинять его, не выслушав. И если бы вы, доктор, были откровеннее с нами вечером, Брейл был бы жив.

Я съезжился, в этом было слишком много правды. Я весь дрожал от сожаления, горя и бессильной ярости. Я не должен был этой проклятой гордости давать руководить мною. Если бы я сказал им все, что я испытал и видел в лавке, объяснил бы все детали, попросил бы Брейла снять с меня постгипнотическое внушение, если бы принял предложение Рикори охранять меня, ничего бы не случилось.

В кабинет собрались люди, привлеченные шумом падения канделябра.

Я спокойно сказал сиделке:

— Когда доктор Брейл стоял у моей кровати, упал канделябр и убил его. Работникам госпиталя скажите, что Брейл тяжело ранен и будет отправлен в большой госпиталь. Затем вернитесь с санитаром и вытрите кровь. Канделябр не трогайте.

— Что вы видели, когда стреляли? — обратился я к людям, когда все ушли.

Один сказал:

— Мне показалось, какие-то обезьяны.

— Или карлики, — добавил второй.

По лицу Рикори я понял, что он видел.

По моей просьбе люди Рикори отнесли Брейла в соседнюю комнату и положили на койку. Его лицо и руки были порезаны стеклами и случайно одна такая рана замаскировала то место, в которое была воткнута игла куклы. Рана была глубока и, возможно, вызвала вторичный разрыв артерии.

Я последовал за Рикори в маленькую комнату. Люди положили тело на койку и вернулись в спальню.

— Что вы намерены делать, доктор? — обратился ко мне Рикори.

Мне хотелось просто заплакать, но я ответил:

— Это случай для следователей. Я должен тотчас же заявить в полицию.

— Что же вы скажете?

— Вы видели кукол?

— Да.

— И я. Но куклам не поверят. Я скажу, что упал канделябр и стекло проткнуло ему горло. И этому охотно поверят...

И тут самообладание покинуло меня, и впервые за много лет я заплакал.

— Рикори, вы были правы, не Мак-Кенн виноват в этом, а я — старческое тщеславие... если бы я рассказал вам все полностью, Брейл был бы жив. Но я этого не сделал... Я убил его.

Рикори утешал меня, спокойно, как женщина.

— Это не ваша вина. Вы и не могли поступить иначе, будучи самим собой, имея взгляды, которых вы придерживались всю

жизнь. Вашим вполне естественным неверием она и воспользовалась... Но теперь она ничем не воспользуется. Чаша переполнилась.

Он положил руку мне на плечо.

— Не говорите ничего полиции, пока мы не получим вестей от Мак-Кенна. Сейчас около четырех. Он должен позвонить.

— Что вы хотите делать, Рикори?

— Я убью ведьму, — спокойно сказал он. — Убью ее и девушку. До утра. Я слишком долго ждал. Она больше не будет убивать.

Я почувствовал слабость и опустился на стул. Рикори дал мне стакан с водой, и я жадно выпил.

Сквозь шум в ушах я услышал стук в дверь и голос одного из ребят Рикори.

— Мак-Кенн здесь, босс.

— Пусть войдет.

Дверь отворилась, на пороге стоял Мак-Кенн.

— Я захватил ее.

Он замолчал, глядя на нас. Глаза его остановились на покрытом простыней теле. Лицо его помрачнело.

— Что случилось?

— Куклы убили Брейла, — глухо ответил Рикори. — Ты слишком поздно захватил ее. Почему?

— Убили Брейла! Боже мой!

Голос его звучал так, как будто ему сжали горло.

— Где девушка?

— Внизу в машине, с кляпом во рту.

— Сядь, Мак-Кенн, в случившемся виноват больше я, чем ты, — сказал я.

— Разрешите мне судить об этом, — ответил Рикори сдержанно. — Мак-Кенн, ты блокировал улицу, как велел доктор?

— Да, босс.

— Тогда начни свой рассказ с этого момента.

Мак-Кенн начал:

— Она вышла на улицу около 11. Я стоял на восточном конце. Поль — на западном. Я сказал Тони: “Ну, девочка попала в мешок”. Она несла два чемодана. Осмотрелась и пошла к тому месту, где стояла ее машина. Она выехала и направилась в сторону Поля. Я предупредил Поля, чтобы он не хватал ее близко от лавки.

Поль последовал за ней. Я бросился за ним. Она повернула на Бродвей. Там была пробка, и Поль столкнулся с неудачно подвернувшимся “фордом”. Когда мы выбрались из каши, девка исчезла. Я позвонил Рэду и сказал, чтобы он хватал девуку, как

только она появится, даже если ее придется схватить на пороге кукольной лавки.

Нам повезло. Она не сопротивлялась, но мы все-таки связали ее и сунули в рот кляп. В машине было два пустых чемодана. Девка здесь.

— Давно это было? — спросил я.

— 10—15 минут назад.

Я посмотрел на Рикори.

— Мак-Кенн наткнулся на девуку как раз тогда, когда умер Брейл.

Рикори кивнул.

— Что с ней делать? — спросил Мак-Кенн.

Он смотрел на Рикори, не на меня.

Рикори молча сжал левую руку, резко раскрыл ее, расставив пальцы.

— Ладно, босс, — сказал Мак-Кенн и пошел к выходу.

— Подождите, — сказал я и стал спиной к двери. — Слушайте, Рикори, Брейл был так же дорог мне, как вам Питерс. Но какова бы ни была вина мадам Менделип, эта девушка лишь слепое орудие. Ее воля абсолютно подчинена мастерице кукол. Я подозреваю, что большую часть времени она находится под гипнозом. Не могу забыть, что она пыталась спасти Уолтерс. Не хочу, чтобы ее убили.

— Если вы правы, ее тем более надо как можно скорее уничтожить, — сказал Рикори, — тогда ведьма не сможет ее использовать.

— Я не позволю этого, Рикори. И есть на это причина. Я должен задать ей ряд вопросов. Это позволит мне узнать, как мадам Менделип делает эти вещи... тайну кукол, мази... есть ли еще люди, обладающие ее знаниями. Если девушка знает это, я могу заставить ее рассказать.

— Как? — недоверчиво спросил Мак-Кенн.

Я ответил угрюмо: “Применяя ту же ловушку, в которую старуха поймала меня”.

Минуту Рикори серьезно думал.

— Доктор Лоуэл, — сказал он, — последний раз я уступаю вам в этом деле. Я считаю, что вы неправы и что каждая минута жизни этой девушки — угроза для нас всех. Тем не менее я вам уступаю... в последний раз.

— Мак-Кенн, — сказал я, — приведи девушку в мой кабинет.

Я пошел вниз. Мак-Кенн и Рикори шли следом за мной. Там никого не было.

Я поставил на стол зеркало Льюиса, употребляемое для гипноза в госпитале. Оно состояло из двух параллельных рядов маленьких рефлекторов, вращающихся в разных направлениях.

Луч света освещает их таким образом, что их поверхности то вспыхивают, то темнеют. Этот аппарат должен был подействовать на девушку, чувствительную к гипнозу. Я поставил удобный стул под нужным углом и притушил свет так, чтобы он не мешал.

Едва я кончил приготовления, как привели девушку. Ее посадили на стул и вынули кляп.

Рикори сказал:

— Тони, пойдй к машине. Мак-Кенн, останься здесь.

Г л а в а 16

КОНЕЦ КОЛДУНЬИНОЙ ДЕВУШКИ

Девушка уже не сопротивлялась. Она, казалось, ушла в себя и глядела на меня своим обычным туманным взглядом.

Я взял ее за руки. Они были безжизненны, холодны. Я сказал ей ласково.

— Дитя мое, никто здесь не причинит тебе вреда. Отдохни и успокойся. Засни, если хочешь, засни.

Она продолжала бессмысленно смотреть на меня. Я отпустил ее руки, сел напротив нее и включил аппарат. Она взглянула на зеркала и больше не отрывалась от них, как замороженная. Напряжение ее тела ослабло, она облокотилась на спинку стула. Ресницы ее начали опускаться.

— Спи, — сказал я мягко. — Здесь никто не тронет тебя. Спи... спи...

Глаза ее закрылись, она вздрогнула. Я сказал:

— Ты спишь. Ты не проснешься, пока я не разбужу тебя.

Она повторила последнюю фразу тихим, совсем детским голосом.

Я остановил вращение зеркал и сказал:

— Я задам тебе несколько вопросов. Ты ответишь правду. Ты не сможешь солгать. Ты это знаешь.

Она повторила про себя:

— Я не могу солгать. Я это знаю.

Я не мог бросить победного взгляда на Рикори и Мак-Кенна. Рикори крестился, глядя на меня широко раскрытыми глазами, полными ужаса. Я знал, что он думает, что я тоже знаю какое-то колдовство. Мак-Кенн сидел, нервно перебирал пальцами и смотрел на девушку.

Я начал спрашивать, стараясь выбирать вопросы, которые не взволновали бы ее.

— Ты действительно племянница мадам Менделип?

— Нет.

— Кто ты?
— Я не знаю.
— Когда ты стала жить с ней и почему?
— 30 лет назад она взяла меня из приюта в Вене. Я — сирота, подкидыш. Она научила меня называть ее тетей.

— Где вы жили после этого?
— В Берлине, Лондоне, Праге, Варшаве, Париже.
— И везде она делала кукол?

Девушка не ответила, она содрогнулась, ее ресницы начали дрожать.

— Спи. Ты не можешь проснуться, пока я не разбужу тебя.
Отвечай на вопрос.

— Да.
— И они убивали во всех этих городах?
— Да.
— Успокойся. Спи, никто тебя не обидит.

Ее волнение снова усилилось, и я сменил тему.

— Где родилась мадам Менделип?

— Не знаю.

— Сколько ей лет?

— Не знаю. Когда я спрашивала, она смеялась и говорила, что время для нее ничего не значит. Мне было 5 лет, когда она взяла меня. Она и тогда выглядела так же, как и сейчас.

— Есть ли у нее сообщники... я подразумеваю — еще мастера кукол?

— Один. Она научила его. Он был ее любовником в Праге.

— Ее любовником? — воскликнул я недоверчиво.

Перед моими глазами встало ее огромное жирное тело, большой бюст, тяжелое лошадиное лицо.

Девушка сказала:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но она имеет другое тело. Она носит его, когда хочет, красивое тело. Ему-то и принадлежат ее глаза, руки, голос. Когда она одевает это тело, она ужасающе прекрасна. Я видела ее такой много раз.

Другое тело! Иллюзия, конечно... Как комната, описанная Уолтерс, которую и я видел в один момент, выбиваясь из паутины гипноза, которой она меня оплела. Картина, нарисованная ее мозгом, в мозгу этой девушки. Я откинул это и принялся за основное.

— Она убивает мазью и куклами, не так ли?

— Да.

— Сколько она убила мазью в Нью-Йорке?

Она ответила не прямо.

— Она сделала 14 кукол с тех пор, как мы здесь.

Значит, я знал не о всех случаях.

— А сколько убили куклы?

— Двадцать.

Я услышал, как выругался Рикори, и бросил на него предостерегающий взгляд. Он наклонился вперед, бледный и напряженный. Мак-Кенн сидел тихо.

— Как она делает кукол?

— Не знаю.

— А мазь?

— Она ее делает тайно.

— А что оживляет кукол?

— Делает их живыми?

— Да.

— Что-то от мертвых.

Рикори снова тихо выругался.

— Если ты не знаешь, как делаются куклы, то что делает их живыми? Что это?

Она молчала.

— Ты должна отвечать мне. Ты должна слушать меня. Говори.

Она сказала:

— Ваши вопросы не ясны. Я сказала, что-то от мертвых делает их живыми. Что вы еще хотите знать?

— Начни с того, как люди позируют для куклы, когда впервые приходят к мадам Менделип, и кончи последним шагом, когда кукла оживает.

Она заговорила медленно.

— Она говорит, к ней должны прийти по собственному желанию. Человек должен без всякого принуждения согласиться, чтобы из него сделали куклу. То, что он не знает, на что идет, ничего не значит. Она должна немедленно начать первую модель. Она говорит, что мазь освободит жителя мозга, он придет к ней и войдет в куклу. Она говорит, что это не единственный житель мозга, но до других ей дела нет. И она выбирает не всех, кто к ней приходит. Я не знаю, по какому признаку она их выбирает. Она кончает куклу — вторую — и тот, кто позировал, умирает. А кукла оживает. Она слушается ее, они все слушаются ее... — Она замолчала, затем сказала, как бы раздумывая:

— Все, кроме одной.

— Кого же?

— Вашей сиделки. Она не слушается. Моя тетя мучает ее, наказывает, но не может подчинить ее себе. Прошлую ночь я привезла маленькую сиделку с другими куклами — убить человека, которого прокляла моя... тетя. Она дралась с другой куклой и спасла человека. Это что-то, чего моя тетя не может понять. Это смущает ее... и это дает мне... надежду...

Ее голос заглох. Затем она внезапно сказала громко и твердо:
— Вы должны спешить. Мне нужно вернуться за куклами. Скоро она начнет искать меня. Я должна идти... или она придет за мной сюда... и убьет меня.

— Ты привезла кукол, чтобы убить меня?

— Конечно.

— А где куклы сейчас?

— Ваши люди сейчас схватили меня, то есть раньше, чем они появились. Они идут ко мне. Они быстро ходят, если надо. Без меня им труднее, но они вернутся домой.

— Зачем куклы убивают?

— Чтобы доставить... удовольствие ей.

— Я не знаю, что она говорит, — начала она, и вдруг с отчаянием, как испуганное дитя, она прошептала: — Она ищет меня! Ее глаза смотрят на меня, ее руки ищут... Она видит меня! О, спрячьте скорее!

— Спи крепче, — сказал я. — Глубже, глубже засни. Теперь она не может найти тебя. Ты спрятана.

— Я сплю крепко, — прошептала она. — Она потеряла меня. Но она ищет, все ищет меня.

Рикори и Мак-Кенн вскочили.

— Вы верите, что ведьма ищет ее?

— Нет, — ответил я, — но это вполне возможно. Девушка была во власти этой женщины так долго и так полно, что реакция стала естественна. Это может быть результатом внушения или ее собственного подсознательного мышления. Она нарушила распоряжение и боится наказания, если...

Девушка закричала в агонии страха:

— Они тянутся ко мне! Она нашла меня!

— Спи, спи крепче! Она не может повредить тебе! Она опять потеряла тебя!

Она не ответила, но где-то в ее горле слышался слабый стон.

— Иисус! — сказал хрипло Мак-Кенн, — помогите же ей!

Глаза Рикори неестественно яркие, они блестят на побледневшем лице.

— Пусть умрет! Это избавит нас от лишних тревог.

Я сказал девушке строго:

— Слушай меня и подчиняйся. Я буду считать до пяти. Когда досчитаю до пяти, проснись! Проснись сразу же! Ты должна проснуться так быстро, чтобы она не успела схватить тебя!

Я стал медленно считать. Я боялся, что быстрое пробуждение может вредно подействовать на ее больной мозг.

Раз... два... три...

Девушка вскрикнула, а затем...

— Она поймала меня! Ее руки сжимают мне сердце! А-а-а!

Ее тело поникло, по нему пробежали спазмы, затем оно обмякло и соскользнуло со стула. Глаза остекленели, челюсть отвисла...

Я расстегнул платье, послушал сердце. Оно не работало.

И затем вдруг из ее мертвого горла послышался голос, похожий на орган, прекрасный, полный угрозы и недовольства...

— Вы глупцы...

Голос мадам Менделип...

Глава 17

ВЕДЬМА, СГОРИ!

Странно, но Рикори был наиболее спокоен из всех нас. Я дрожал. Мак-Кенн, хотя и не слышал никакого голоса мастерицы кукол, был поражен. Наконец Рикори сказал.

— Вы уверены, что она умерла?

— К сожалению, да.

Рикори кивнул Мак-Кенну.

— Отнеси ее обратно в машину.

— Что вы хотите делать, Рикори?

Он ответил:

— Убить ведьму, — и добавил иронически: — В смерти они не должны быть разделены. В аду они тоже будут гореть вместе!

Он внимательно посмотрел на меня.

— Вы не одобряете этого, доктор?

— Рикори, я не знаю. Сегодня я мог бы убить ее собственноручно... но сейчас ярость прошла. То, что вы хотите сделать, против всех инстинктов, привычек, идеалов, понятия о справедливости, наказания. Это для меня просто убийство.

— Вы слышали девушку. 20 человек только в этом городе убито куклами и 14 превращены в кукол. 14 человек умерли, как Питерс.

— Но, Рикори, ни один суд не примет показаний под гипнозом, как действительные. Это может быть правда, может — нет. Девушка была ненормальной. Все, что она говорила, могло быть плодом ее больного воображения.

Он ответил:

— Нет, ни один земной суд не признает.

И сжал мое плечо.

— А вы верите?

Я не мог ответить, так как в глубине души верил, что это правда.

— То-то, — сказал Рикори. — Вы ответили мне, доктор. Вы знаете так же, как и я, что девушка не лгала. И знаете, что закон

не может наказать ведьму. И убив ее, я не буду убийцей! Нет, я буду орудием мщения.

Мне нечего было ответить.

Мак-Кенн вышел со своей легкой ношей.

Рикори сказал:

— Доктор, вы должны поехать со мной и быть свидетелем расправы.

Меня передернуло.

— Рикори, я не могу. Я измучен телом и душой. Я слишком много перенес сегодня.

— Вы должны поехать, — перебил он меня, — даже если нам придется связать вас. Если вы останетесь, ваши научные знания могут победить и вы помешаете мне совершить то, что я поклялся сделать Иисусом Христом, его Святой матерью и всеми святыми. Вы можете поддаться слабости и передать все дело полиции. Я не могу рисковать. Я уважаю вас, доктор, больше того, я привязан к вам. Но, повторяю вам, что, если бы моя собственная мать постаралась остановить меня сегодня, я оттолкнул бы ее в сторону так же грубо, как сейчас вас.

— Я поеду с вами, Рикори.

— Тогда прикажите сиделке подать мою одежду. Пока все не будет кончено, мы будем вместе.

Я снял трубку телефона и отдал соответствующие указания.

Вернулся Мак-Кенн. Рикори спросил:

— Кто сейчас в машине?

— Ларсен и Картелло.

— Хорошо. Мы едем к ведьме. Возможно, она знает, благодаря мертвым ушам девушки. Неважно. Будем считать, что она ничего не знает. Дверь лавки запирается на задвижку?

— Я не был в лавке, босс, — сказал Мак-Кенн. — Я не знаю, но есть стеклянная панель в двери. Если есть задвижка, мы сможем открыть ее. Тони захватит инструменты, пока вы одеваетесь.

— Доктор, — Рикори повернулся ко мне, — можете вы дать слово, что не перемените решения ехать с нами и не будете делать никаких попыток помешать мне?

— Я даю слово, Рикори.

— Мак-Кенн, можешь не возвращаться. Жди нас в машине.

Рикори оделся. Когда мы вышли, часы пробили час ночи. Я вспомнил, что все это началось неделю назад в этот же час...

Я ехал на заднем сиденье вместе с Рикори. Между нами была мертвая девушка. Против нас сидели Ларсен и Картелло, первый — крупный швед, второй — маленький итальянец. Человек по имени Тони вел машину, рядом с ним сидел Мак-Кенн.

Через 20 минут мы были в нижней части Бродвея. Небо было покрыто тяжелыми тучами, с моря дул холодный ветер. Я задрожал, но не от холода.

Мы медленно подъехали к углу улицы, где была лавка. Улицы были мертвы, ни души не было кругом.

Рикори приказал Тони:

— Остановись против лавки. Мы войдем. Поезжай за угол и жди нас там.

Мое сердце тяжело билось. Ночь была так темна, что казалось, поглощала свет фонарей. В лавке не было света, вход был погружен в глубокую темень.

Был ветер. Я подумал, смогу ли я перейти через порог, или запрет мастерицы кукол до сих пор имеет надо мной власть.

Мак-Кенн вышел из машины, неся в руках тело девушки. Он прислонил его к стене в тени у входа. Рикори, я, Ларсен и Картелло последовали за ним. Машина отъехала, и снова меня охватило чувство нереальности и кошмара, которое я ощущал с тех пор, как мои пути пересеклись со странной тропой мастерицы кукол...

Картелло обклеил дверь каким-то резиноподобным веществом. В центре ее он прикрепил маленькую вакуумную резиновую чашечку. Потом он вынул из кармана инструмент и вырезал им круг в стекле сантиметров 30 в диаметре. Держа в руке вакуумную чашечку, он слегка постучал по стеклу резиновым молоточком. Стекланный круг оказался в его руке.

Все было сделано абсолютно бесшумно. Он опустил руку в отверстие и повозился несколько секунд. Дверь бесшумно открылась. Мак-Кенн внес мертвую девушку. Молча, как призраки, вошли мы в кукольную лавку. Картелло быстро вставил стекланный круг на место. Я мог смутно видеть дверь, открывшуюся в коридор, ведущий в ужасную комнату.

Картелло повозился с дверью несколько секунд и открыл ее. Рикори вошел первый, за ним Мак-Кенн с девушкой в руках. Мы прошли как тени по коридору и остановились у последней двери. Она открылась раньше, чем мы успели дотронуться до нее. Мы услышали голос мастерицы кукол.

— Войдите, джентльмены. С вашей стороны было очень любезно привезти ко мне мою дорогую племянницу. Я бы встретила вас у входа, но ведь я только старая испуганная женщина!

Мак-Кенн прошептал:

— Отойдите, босс! — Он держал тело девушки на левой руке, как щит, а правой направил револьвер на старуху.

Рикори слегка отодвинул его. Держа наготове автомат, он переступил порог. Я последовал за Мак-Кенном, двое остальных вошли за мной.

Я быстро оглядел комнату. Мастерница сидела за столом и шила. Она была спокойна, совершенно спокойна. Ее белые пальцы как бы танцевали в ритм стежкам. Она даже не взглянула на нас.

От камина шел жар. В комнате было очень тепло, и она была полна каким-то сильным приятным ароматом, незнакомым мне. Я взглянул на шкафчик с куклами. Он был открыт. Куклы стояли ряд за рядом, глядя на нас зелеными, голубыми, серыми, черными глазами, и вид у них был такой живой, как будто это были карлики на какой-то шутовской выставке. Их было много, сотни.

Одни были одеты так, как одеваемся мы в Америке, другие — как немцы, испанцы, французы, англичане, многие были в костюмах, неизвестных мне национальностей. Балерина, кузнец с поднятым молотком, солдат, немецкий студент со шпагой в руке и шрамом на лице, апаш с ножом в руке и сумасшедший с желтым лицом кокаиниста, рядом с ним женщина с порочным ртом уличной девки, жокей... достаточно для одной мастерницы!

Куклы, казалось, были готовы броситься прямо на нас.

Я старался успокоиться, привести в порядок свои мысли, чтобы выдержать их взгляды, убедить себя, что это только безжизненные куклы. Я заметил пустой шкафчик... еще один... и еще... 6 шкафчиков без кукол. Не было 4-х марширующих ко мне кукол, которых я наблюдал, лежа в параличе, освещенный зеленым светом. И не было Уолтерс... Я отвел взгляд от наблюдавших за мной кукол.

Старуха все еще спокойно шила, как будто она была одна, не видела нас и пистолеты, направленные в ее грудь. Она шила тихо и напевала. На столе перед ней лежала кукла Уолтерс. Ее ручки были связаны в запястьях веревочкой с узелками из пельных волос. Они были обрезаны много раз и к ним была привязана игла-кинжал!

Описывать это долго, но для того чтобы увидеть все это, нам понадобилось несколько долей секунды. Занятие мастерницы кукол, ее полное безразличие к нам, тишина создали как бы экран между нами и ею, этот барьер становился все плотнее. Острый приятный запах все усиливался.

Мак-Кенн уронил тело девушки на пол. Он пытался что-то сказать, но это удалось ему только с третьей попытки. Он сказал Рикори хриплым, странным голосом:

— Убейте ее... или я сам.

Рикори не двигался. Он стоял, застывший, с автоматом, направленным в сердце старухи. Глаза его не отрывались от ее танцующих рук. Казалось, он не слушал Мак-Кенна или не обращал на него внимания... а она продолжала петь... ее пение напоминало пчел... было необычайно приятным... оно собирало сон... как пчелы собирают мед... сон...

Рикори прыгнул вперед и ударил автоматом по руке старухи. Рука упала, пальцы начали извиваться, ужасно было видеть, как длинные белые пальцы дрожали и извивались как змеи с перебитыми спинами... Рикори поднял автомат для второго удара.

Прежде, чем он смог это сделать, она вскочила на ноги, перевернув стол. По комнате пронесся какой-то шепот, и куклы, казалось, наклонились вперед. Глаза мастерицы кукол глядели на нас. Они были как горящие черные солнца, в которых плясали языки красного пламени.

Ее воля охватывала нас и подчиняла. Она была ощутима, как волна. Я чувствовал, как она бьется об меня, словно что-то материальное. Какое-то бессилие охватило меня. Я знал, что она охватывает всех моих товарищей. Рука Рикори, сжимавшая автомат, разжалась и побелела... Еще раз мастерица кукол одолела нас.

Я прошептал:

— Не смотрите на нее, Рикори... Не смотрите ей в глаза!

С огромным усилием я отвернул глаза от ее огромных горящих черных глаз. Я взглянул на куклу Уолтерс. С огромным трудом я двинулся к ней, не знаю, почему, но я сделал попытку схватить ее. Но старуха опередила меня и, схватив здоровой рукой, прижала ее к груди.

Она закричала, и вибрирующая мелодия ее голоса действовала на каждый нерв, увеличивая охватившую нас летаргию.

— Не смотреть на меня?! Глупцы. Вы не можете делать ничего другого!

И тут начался тот странный эпизод, который был началом конца.

Аромат, которым наполнилась комната, казалось, пульсировал, становился все сильнее. Что-то похожее на блестящий туман клубилось в воздухе и покрывало мастерицу кукол, пряча от нас лошадиное лицо и уродливое тело. Только глаза блестели сквозь туман... Туман внезапно рассеялся. Перед нами стояла женщина захватывающей дух красоты — высокая, тонкая, изящная. Совершенно нагая. Черные шелковистые волосы покрывали ее, спускались до колен. Сквозь них сияло золотистое тело. Только глаза, руки да кукла, прижатая к одной из высоких округлых грудей, говорили о том, кто она...

Автомат выпал из рук Рикори. Оружие остальных тоже упало на пол. Я знал, что они стоят, не в силах двигаться, как и я, ошеломленные этим невероятным превращением и совершенно беспомощные во власти страшной силы, изливающейся из этой женщины. Она показала на Рикори и засмеялась.

— Ты хотел убить меня! Подними оружие, Рикори, попробуй!

Тело Рикори качнулось медленно... медленно... медленно. Я видел его плохо, сбоку, так как не мог отвести глаз от женщины.

И я знал, что он тоже смотрит на нее, не отрываясь, пока наклоняется. Я скорее почувствовал, чем увидел, что он дотронулся до оружия, попытался поднять его. Я услышал, как он застонал. Мастерница снова засмеялась.

— Довольно, Рикори. Ты не можешь сделать этого.

Тело Рикори внезапно выпрямилось, как будто кто-то подхватил его под подбородок и поставил на ноги. Позади меня послышался шорох и топот маленьких ног. У ног женщины появились четыре маленьких фигурки: те четверо, что маршировали ко мне в зеленом свете, банкир, старая дева, акробат, гимнаст. Они стали перед ней, глядя на нас. В руках каждого появилась игла, направленная в нашу сторону, как маленькая рапира.

И еще раз смех женщины наполнил комнату. Она сказала ласково:

— Нет, нет, мои миленькие, я не нуждаюсь в вас.

Она показала на меня.

— Вы знаете, что мое тело не больше, чем иллюзия, не так ли? Говорите.

— Да.

— А эти, у моих ног, мои миленькие, тоже только иллюзия?

— Не знаю.

— Вы знаете слишком мало и знаете слишком много. Поэтому вы должны умереть, мой слишком мудрый и слишком глупый доктор.

Большие глаза ее смотрели на меня с ироническим сожалением, прелестное лицо стало угрожающим.

— Рикори должен умереть, он тоже слишком много знает. И вы, остальные, тоже умрете. Но не от рук моего маленького народа. Не здесь. Нет. У себя дома, мой славный доктор. Вы уйдете отсюда тихо, не разговаривая друг с другом, ни с посторонними по пути домой. А дома... Вы возненавидите друг друга, станете убивать друг друга, как бешеные волки, как...

Она отступила на шаг и выпрямилась. И тут я увидел, что кукла Уолтерс пошевелилась. Затем быстро, как жалящая змея,

она подняла свои связанные руки и вонзила иглу в голову мастерицы кукол, выхватила ее и снова дико вонзила, снова и снова ударяя в золотистое горло женщины, как раз в то место, в которое другая кукла вонзила иглу Брейлу.

И так же, как кричал Брейл, вскрикнула теперь мастерица кукол, ужасно, в агонии. Она оторвала куклу от груди и отбросила ее прочь. Кукла перелетела по воздуху, покатилась и до тронулась до тлеющих углей.

Вспыхнул язык необыкновенно яркого огня, и волна интенсивно нагретого воздуха охватила нас. Как тогда, когда Мак-Кенн уронил спичку на куклу Питерса. И сразу от волны все куклы у ног женщины исчезли. На месте каждой на мгновение возникло такое же яркое пламя. Оно охватило мастерицу кукол в одно мгновение с ног до головы. Я видел, как прекрасное тело снова растаяло. На его месте стояло огромное тело мадам Менделип с лошадиным лицом и мертвыми слепыми глазами. Длинные руки сжимали порванное горло... но они не были больше белыми, они были алыми от крови. Так она стояла минуту, затем упала. И в то же мгновение часы исчезли.

Рикори нагнулся над бесформенным телом, которое недавно было мастерицей кукол. Он плюнул на него и закричал в экстазе:

— Сгори, ведьма, сгори!

Он толкнул меня к двери и показал на ряды кукол в шкапчике. Они казались совершенно безжизненными. Только куклами.

Огонь приближался к ним по занавесям и портьерам, как какой-то очищающий дух.

Мы бросились вон из лавки. Через дверь в лавку за нами ворвался огонь. Мы выбежали на улицу.

Рикори вскрикнул:

— Быстро! К машине!

Улица вдруг осветилась красным светом. Я слышал, как отрывались окна, раздавались тревожные крики. Я вскочил в машину, и она тронулась.

Э п и л о г

“ТЕМНАЯ МУДРОСТЬ”

“Они сделали подобие, похожее на меня телом, и оно отняло у меня мое дыхание; они дали ему мои волосы, мое платье, маслом из вредных трав натерли меня, они привели меня к смерти. О, бог огня, уничтожь их!”

Три недели прошли со дня смерти мастерицы кукол. Мы с Рикори сидели за обедом в моем доме. Мы сидели молча. Затем

я процитировал те несколько фраз, которые являются эпиграфом к завершающей главе моей книги, причем я почти не осознал, что говорил вслух.

Рикори поднял голову.

— Вы процитировали что-то. Что это?

— Древние глиняные таблицы с надписями Ассурбанапала, три тысячи лет тому назад.

— И в этих нескольких словах он предсказал нашу историю!

— Да, Рикори. Здесь все — куклы, мазь, мучение, смерть, очищающее пламя!

Он подумал вслух:

— Это странно. Три тысячи лет тому назад. Даже тогда было известно это зло. И то, чем его излечивать... Подобие, похожее на меня лицом и телом, которое отняло у меня дыхание... масло из вредных трав... привели меня к смерти... О, бог огня, уничтожь их! Да, это о нас, доктор!

Я сказал:

— Куклы смерти много-много древнее, чем Ур Халдеев. Древние истории. Я проследил их путь в веках после того, как был убит Брейл.

Это длинная история, Рикори. Они были найдены глубоко похороненными под очагами кроманьонцев, очагами, огонь которых давно потух — 2000 лет назад. Их находили под еще более холодными очагами еще более древних народов. Куклы из кремня, камня, клыков мамонта, костей пещерного медведя, зубов саблезубого тигра. Даже тогда люди обладали темной мудростью.

Рикори кивнул.

— Однажды у меня работал парень, который мне нравился. Трансильванец. Однако я спросил его, почему он приехал в Америку. О, он рассказал мне странную историю.

Он сказал мне, что у них в деревне жила девушка, о матери которой говорили, что она знает вещи, которые не положено знать христианам. Он говорил об этом осторожно, осеняя себя крестным знамением. Девушка была миловидная, но он не любил ее. А она влюбилась в него; может быть, его равнодушие привлекало ее.

Однажды, возвращаясь с охоты, он проходил мимо ее хижины. Она зовала его. Он хотел пить и выпил поданное ею вино. Вино было хорошее. Он развеселился, но все равно не чувствовал любви к ней. Тем не менее он зашел в дом и выпил еще. Смеясь, он позволил ей срезать волосы у него с головы, отрезать ногти, взять немного крови из руки и слюны изо рта. Смеясь, он оставил ее и пошел домой.

Когда он проснулся вечером, он вспомнил не все, а только, что он пил вино с ней. Что-то толкнуло его пойти в церковь. Он стал молиться и вдруг вспомнил, что девушка взяла у него кровь, слюну, волосы, ногти. Он решил пойти посмотреть, что она делает с этими его частицами. Он говорил, что будто бы святые, которым он молился, приказали ему сделать это.

Он прокрался к хижине девушки и заглянул в окно. Она сидела у очага, замешивая тесто для хлеба. Ему стало стыдно, что он пробрался сюда с такими мыслями, но вдруг он увидел, что она бросает в тесто все взятые у него частицы. Она смешала их с тестом... Затем он увидел, что она лепит из теста человека. Она брызнула водой на его голову, как бы крестя его, и при этом повторяла какие-то слова.

Он испугался, этот парень. Но в то же время его охватил гнев. Он наблюдал за ней, пока она не кончила. Потом она завернула куклу в фартук и пошла из избы. Он последовал за ней. Он был охотник, умел выследить. Она и не подозревала ни о чем.

Она пришла к перекрестку. Светил молодой месяц. Она подняла к нему лицо и сказала вслух какую-то молитву. Затем вырыла яму, положила в нее куклу из теста и зарыла ее. Потом она сказала: “Зару! (Так звали парня — Зару). Зару! Я люблю тебя. Когда твое подобие сгниет, ты будешь бегать за мной, как пес за сукой. Ты мой, Зару, душой и телом! Когда твое подобие сгниет, ты станешь моим. Навсегда, навсегда, навсегда!”

Тогда он прыгнул на нее и задушил. Он хотел вырыть куклу, но услышал голоса, испугался и убежал. Он не вернулся в деревню, а сбежал в Америку. Он говорил мне, что первые дни путешествия он чувствовал, словно чьи-то руки, обхватив его бедра, тянули его в море, обратно в деревню, к девушке. Он понял, что не убил ее. Он боролся с этими руками. Ночь за ночью. Он не мог спать, потому что во сне видел себя на перекрестке и девушку рядом. Трижды он просыпался, как раз вовремя, чтобы отойти от борта судна, через который он готов был броситься в море. Затем сила рук стала ослабевать. И, наконец, через несколько месяцев все исчезло. Но все-таки он еще долго жил в страхе, пока не получил известий из своей деревни. Он был прав — он не убил, девушка обладала тем, что вы называете “темной мудростью”.

Да, видимо, она обратилась против нее в конце концов, так же, как и против ведьмы, которую мы знали.

Я сказал:

— Странно, Рикори, странно, что вы сказали о темной мудрости, которая оборачивается против того, кто владеет ею. Но об этом позже... Любовь, ненависть и сила всегда явля-

ются тремя ногами треножника, на котором горит темное пламя, поддерживающее площадку, с которой сходят куклы смерти...

А знаете, Рикори, кто впервые сделал кукол смерти? Это был бог. Его имя было Хнум. Он был богом много раньше, чем Йегова евреев, который тоже делал кукол; вспомните, что он сделал двух в саду Эдема, оживил их, но дал им только два права — страдать и умирать. Хнум был более милосердным богом. Он не отрицал права умирать, но не считал, что куклы должны страдать. Он любил, когда они развлекались в те короткие минуты, когда они жили.

Хнум был таким древним, что он царствовал в Египте задолго до того, как были построены пирамиды и сфинкс. У него был брат, тоже бог, по имени Кефер — с головой овода. Это именно Кефер послал мысль, которая полетела, как ветерок ада, над поверхностью Хаоса. Эта мысль оплодотворила Хаос и от этого родился мир.

Только легкий ветерок над поверхностью, Рикори! Если бы она проникла под кожу Хаоса или глубже в сердце... что представляло бы собой человечество?... И все-таки, даже такая мысль приняла форму человека. Работа Хнума заключалась в том, что он лепил тело ребенка в утробе матери. Его называли богом-горшечником. По приказу Амона, величайшего из богов, он слепил тело царицы Хетшепсут.

А за тысячу лет до этого жил принц, которого Озирис и Изида очень любили за красоту, смелость и силу. Нигде на земле, по их мнению, не было достойной его женщины, поэтому они позвали бога Хнума и попросили его сделать женщину для принца. Он явился с длинными белыми руками, как у... той, каждый палец словно живой. Он сделал из глины такую красавицу, что даже богиня Изида позавидовала. Они были весьма практичны, эти древнеегипетские боги. Они усыпили принца, положили рядом женщину и посмотрели, подходит ли она ему. Увы, она была слишком мала. Тогда Хнум сделал другую куклу, но она была велика. Ему пришлось сломать шесть кукол, пока он не достиг требуемого совершенства. Тогда боги удовлетворились, а принц получил жену, которая была только куклой.

Столетиями позже, во времена Рамзеса III, жил человек, который долго искал и наконец нашел секрет Хнума. Всю свою жизнь он добивался этого знания. Он был уже стар, сгорблен и морщинист, но страсть к женщинам была еще сильна в нем. Все, чего он добивался, сводилось к удовлетворению этой страсти. Но ему требовалась модель. Кто были прекраснейшие из женщин, могущие позировать для него? Конечно, жены фараона. Тогда

он сделал кукол по образцу и подобию людей, сопровождающих фараона, когда тот посещал жен.

Кроме того, он слепил копию фараона и сам вошел в нее, оживив ее. Куклы внесли его в гарем мимо царских сторожей, которые сочли его за фараона. И развлекали соответственно. Но когда он уже собирался уходить, вошел настоящий фараон. Неожиданно и таинственно в гареме появились два фараона. Но Хнум спустился с небес и дотронулся до кукол, отняв у них жизнь. Они упали на пол и оказались просто куклами. А там, где стоял второй фараон, лежала кукла, а рядом с ней дрожащий сморщенный старик.

Вы можете прочесть эту историю и детальное описание последовавшего процесса в папирусе, хранящемся в Туринском музее. Там же приведен перечень пыток, которые претерпел колдун, прежде чем его казнили. Нет сомнения, что был точно такой процесс, что обвинения такого рода имели место — папирус сохранил детали процесса.

Но что это было на самом деле? Что-то случилось, но что? Является ли эта история очередным суеверием или она имеет в своей основе проявление темной мудрости?

Рикори сказал:

— Вы сами видели плоды этой темной мудрости. И вы еще не верите в ее реальность.

Я продолжал:

— Веревоочка с узлами — “лестница ведьмы”. Это тоже древнее понятие. Наиболее древние фракийские документы — свод законов — гласят, что строжайшее наказание ожидает того, кто завяжет узел ведьмы!!! Мы хорошо знаем эту вещь, к великому нашему горю.

Я заметил, что Рикори побледнел и сжал пальцы.

Я торопливо сказал:

— Но, конечно, вы понимаете, Рикори, что я только рассказываю древние легенды, фольклор? И никаких научных фактов для этого нет?

Он с шумом отодвинул стул и, недоверчиво посмотрев на меня, заговорил с усилием:

— Вы до сих пор считаете, что вся эта дьявольская кухня может быть объяснена с точки зрения известной вам науки?

Я неловко поежился.

— Я не говорю этого, Рикори. Я считаю, что мадам Менделип была необыкновенным гипнотизером, хозяйкой иллюзии...

Он перебил меня.

— Вы думаете, что ее куклы были иллюзией?

Я ответил уклончиво:

— Вы же сами знаете, как реальна была иллюзия красивого тела. А мы видели, как оно изменилось под действием истинной реальности огня. Оно выглядело таким же реальным, как куклы, Рикори.

Он снова перебил меня.

— А удар в мое сердце... кукла, убившая Джилмора, кукла, убившая Брейла, благословенная кукла, убившая ведьму! Вы называете их иллюзией?

Я ответил немного сердито (старое неверие с новой силой вспыхнуло в моей груди):

— Возможно, что, подчиняясь постгипнотическому внушению, вы, вы сами воткнули иглу в сердце! Возможно, что по такому же приказу, не знаю где и когда данному, сестра Питерса убила своего мужа. Канделябр убил Брейла, когда я был под влиянием тех же постгипнотических внушений, а обломок стекла перерезал ему артерию. Что же касается смерти мадам Менделип, возможно, что мозг ее временами оказывается жертвой тех иллюзий, которые она возбуждала в умах других людей. Она была сумасшедшим гением, сознание которого управлялось манией окружать себя подобием людей, которых она убивала мазью.

Маргарита Валуа, королева Наварры, носила с собой балзамированные сердца более дюжины своих любовников, умерших из-за нее. Она не убивала их, но являлась непосредственной причиной их смерти.

Психология королевы Маргариты, собиравшей сердца, и мадам Менделип, собиравшей коллекцию кукол, — одинаковы.

Все еще напряженным голосом он повторил:

— Я спросил вас, считаете ли вы иллюзией убийства, совершенные ведьмой?

— Вы ставите меня в неудобное положение, Рикори, когда смотрите на меня так... я отвечаю на ваш вопрос. Я повторяю, что ее собственный мозг временами являлся жертвой тех же иллюзий, что она вселяла в мозг других. Что временами она сама думала, что куклы живые. В ее странном мозгу возникла ненависть к кукле Уолтерс. И в конце концов под влиянием раздражения, вызванного нашим нападением, это убеждение убило ее.

Эта мысль появилась у меня, когда я сказал вам о том, как странно, что вы заговорили о темной мудрости, обращающейся против своего обладателя. Она мучила куклу, она ожидала, что кукла может отомстить. И так сильна была вера или это ожидание, что, когда наступил благоприятный момент, она драматизировала его. Как видите, она могла сама себе воткнуть в горло иглу...

— Ты глупец!

Это сказал Рикори, но слова его так живо напомнили мне мадам Менделип в волшебной комнате или говорящую через мертвые губы Лашны, что я, дрожа, упал на стул.

Рикори нагнулся ко мне. Его черные глаза были невидящими, без всякого выражения. Я закричал, чувствуя, как ужас охватывает меня.

— Рикори, проснитесь...

Взгляд его снова стал острым и внимательным.

Он сказал:

— Я не сплю, я настолько не сплю, что не стану больше слушать вас. Послушайте лучше вы меня, доктор! Я вам говорю — к черту вашу науку! За завесой материального, на которой останавливается наше зрение, имеются силы и энергия, которые ненавидят нас, но которым Бог все-таки позволяет существовать. Я говорю вам, что эти силы могут проникать через завесу в материальный мир и подчиняться таким созданиям, как мадам Менделип.

Это так! Ведьмы и колдуны рука об руку со злом! Это так! И есть силы, дружественные нам, которые проявляются в избранных. Я говорю, — продолжал он горячо, — что мадам Менделип — проклятая ведьма! Инструмент злых сил! Девка сатаны! Она сгорела, как и полагается ведьме! Она будет гореть в аду вечно!

А маленькая сиделка была инструментом добрых сил. И она счастлива теперь в раю и будет счастлива вечно!

Он замолчал, дрожа от волнения. Потом дотронулся до моего плеча.

— Скажите мне, доктор, скажите правдиво, как перед Богом, если бы вы верили в него, как верю я, действительно ли вас удовлетворяют ваши научные объяснения?

Я ответил очень спокойно:

— Нет, Рикори!

И так оно и было.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИК В БЕЗДНЕ

Роман

3

ЖИВОЙ МЕТАЛЛ

Роман

241

ДЬЯВОЛЬСКИЕ КУКЛЫ

МАДАМ МЕНДЕЛИП

Роман

367

Литературно-художественное издание

Абрахам Меррит

ЛИК В БЕЗДНЕ

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*

Редактор *С.А. Кукуш*

Художник *А.В. Вальдман*

Технический редактор *Ю.А. Мухин*

Корректор *А.М. Мосиенко*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 22.01.93.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,90.
Уч.-изд. л. 29,15. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3308

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Торгово-издательское товарищество "Комета".
191002 Санкт-Петербург, Загородный пр., 10, кв. 37.

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии № 1 ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

фантастические романы

**ЛИК
В
БЕЗДНЕ**

**ЖИВОЙ
МЕТАЛЛ**

**ДЬЯВОЛЬСКИЕ
КУКЛЫ
МАДАМ
МЕНДЕЛИП**